80 ПОБЕДА!

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Выпуск VII

Министерство культуры, печати и по делам
национальностей Республики Марий Эл
Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
Марийский государственный университет
Региональное отделение Российского
военно-исторического общества в Республике Марий Эл

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Выпуск VII

Материалы VII Всероссийской
научно-практической конференции

г. Йошкар-Ола, 12–13 ноября 2025 года

Йошкар-Ола
2025

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
Р 32

Печатается по решению Ученого совета
государственного бюджетного научного учреждения
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева» (МарНИИЯЛИ)

Редактор-составитель
канд. ист. наук ***О.А. Кошкина***

Редакционная коллегия:
Л.Я. Григорьева, А.Г. Иванов, О.А. Кошкина,
Е.П. Кузьмин, С.В. Стариков

Рецензент – ***И.И. Ханипова***, канд. ист. наук

Р 32 **Регионы России в военной истории страны**. Выпуск VII: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 12–13 ноября 2025 года / ред.-сост. О.А. Кошкина. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2025. – 600 с.

ISBN 978-5-94950-141-2

Знак информационной продукции 16+

В сборник включены материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, прошедшей в Йошкар-Оле 12–13 ноября 2025 г. Статьи посвящены актуальным проблемам военной истории регионов России.

Издание адресовано ученым-историкам, преподавателям и студентам, краеведам, деятелям культуры и всем, интересующимся историей.

В оформлении обложки использована картина М. Хмелько «Триумф победившей Родины» (1949).

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-94950-141-2

© МарНИИЯЛИ, 2025
© Авторы статей, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Ануфриев А.В., Белков И.Д. Новые архивные документы о жизни и деятельности И. Надя в годы Гражданской войны в Сибири 11

Араловец Н.А. Особенности фиксации в источниках демографических событий в тыловых районах РСФСР (1941–1945 гг.) 18

Исхаков Р.Л. «На поверку, становись»: журналисты в дневнике Л.К. Бронтмана 1942–1945 гг. 27

Першина Ю.В. Роль писем с фронта в годы Великой Отечественной войны как исторического источника 38

Петров О.М., Леханов П.О. Имя в истории: создание региональной базы данных участников Берлинской операции 1945 г. (на примере Марийской АССР) 45

Свечников С.К. Сталинградский фронт. 5 сентября 1942 года: реконструкция по воспоминаниям М.Е. Зайцева 54

Суздальцев И.А. Оценки битвы за Ленинград современных англоязычных историков 67

Тишина О.В. Репрезентация образа императорской семьи на страницах периодической печати как средство мобилизации общества в годы Первой мировой войны 77

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДРЕВНОСТИ И ДО КОНЦА XIX ВЕКА

Бахтин А.Г. Марийские герои Средневековья: мифическое и историческое 86

Бутрин Е.С. Солдатские сборы в Шуе в период Северной войны 94

Герман Р.Э. Фактор британского и османского вмешательства в Кавказской войне (1817–1864 гг.) и российские меры по его нейтрализации 108

Евтехов Р.А. Система военно-гражданского управления Забайкальем в первой половине XVIII в. 115
Жигулин И.Н. Добровольчество в российской армии второй половины XIX в. 121
Коблова Н.А., Кузьменко Д.Д. От Карса до Пензы: судьба английских офицеров в русском плену 128
Коршунова К.Н. Гуманитарная миссия: санитарные отряды Российского Красного Креста на Балканах (1877–1881 гг.) 135
Назаров Р.Р., Алиева В.Р. Казаки-мусульмане в военной истории России 146
Никитенко С.Д. Российский военный агент в США А.П. Горлов: история назначения и службы в 1868–1873 гг. (по материалам РГВИА) 156
Пашина Е.В. Тетюшские монастыри на службе Отечества во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: военно-административная, хозяйственная и духовная миссия 168
Шумилов Е.Н. Русская реконкиста в 940–1030-е годы 174

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Грачев А.В. 1-я Сибирская казачья запасная сотня в годы Первой мировой войны 183
Кривошеенко Г.А. Противодействие военным преступлениям. Роль белого командования в предотвращении насилия над гражданским населением и военнопленными во время Гражданской войны на юге России 1917–1920 гг. 189
Кудрявцев А.Н. Уроженцы Царевококшайского уезда Казанской губернии – кавалеры Знака отличия Военного ордена (Георгиевского креста) за участие в русско-японской войне 1904–1905 гг. 194
Кузьмин В.А., Махновская М.В. Деятельность военного резидента подполковника А.А. Татаринова в Болгарии в 1914–1916 гг. 200
Оськин М.В. Крепость Перемышль в 1915 г.: противоборство на стыке двух империй 205
Попов Я.Д. Первые рубежи воздушной защиты: формирование системы противовоздушной обороны в Российской империи (1900–1914 гг.) 214

Федулин Н.С. Военно-спортивная подготовка учащейся молодежи Архангельска в годы Первой мировой войны 221
Шулдяков В.А. Бой правительственного отряда сотника Л.Н. Тыркова с крестьянами-повстанцами в селе Андреевском Кокчетавского уезда 30 марта 1919 г. 226

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг.
К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Ануфриев А.В., Южаков А.В. Иркутяне-чекисты в составе Отдельной армии НКВД 236
Ащеулов О.Е. «Катюши» в боях за Сталинград: роль гвардейских минометных частей в оборонительном этапе Сталинградской битвы 248
Бусыгин П.И., Новожилов С.А. Уроженцы Марийской АССР в составе 137-го гаубичного артиллерийского полка Резерва Главного Командования (РГК) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 255
Бушуев А.С. Второй Московский часовой завод и его работа в г. Чистополе Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 262
Гижов В.А. Эволюция концепции советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны 269
Гребенкин А.Н. Деятельность тайной полевой полиции на территории Орловской, Брянской и Смоленской областей в годы Великой Отечественной войны 275
Кистанов С.В. Эвакуация и размещение сотрудников НКВД в Мордовской АССР в 1941 г. 286
Некрасов С.А. Банковская система СССР в годы Великой Отечественной войны: организация и функционирование 296
Полугодин А.Д. Образ врага в период наступательных операций Красной армии на советско-германском фронте 1945 г. (по воспоминаниям участников событий и в советских разведывательных донесениях) 301
Сергеева А.Н. Ремесленное училище № 1 – кузница рабочих кадров в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 315

Скворцова Л.Г., Атеняева Ю.В. Железнодорожный транспорт Мордовии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 329
Стариков С.В. 80-летие Великой Победы на Дальнем Востоке: разгром милитаристской Японии и освобождение Красной армией Южного Сахалина и Курильских островов ... 338
Харитонова В.Г. Трудовые ресурсы колхозов Чувашии в 1941–1945 гг. 348

ЧЕЛОВЕК И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Белова Я.С., Паршина В.Н. Трудовой подвиг пензенских школьников в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 359
Бимеева А.Р. Колхоз «Мечты Ильича» Николаевского района Ульяновской области в 1941–1953 гг.: основные направления работы парторганизации 364
Еникеева Э.Р., Шубников Ю.Б. «Женское лицо» Великой Отечественной войны: роль и опыт советских женщин 370
Ермилова Е.В., Федотова Т.Ю. Питание в чувашских селениях в годы Великой Отечественной войны 376
Кирюхин Д.В. «Выпили и закусили!» – алкоголь на фронтах Великой Отечественной войны во «Фронтовых записках сержанта» Р.С. Гражданинова 385
Кирюхина Е.М., Бухарин А.С. «Из одного металла медаль за бой, медаль за труд»: жизненный путь Петра Евстафьевича и Тамары Андреевны Цветковых 392
Кошкина О.А. Здравоохранение Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 397
Ладина А.С. Материально-бытовое обслуживание населения Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Марийская правда») 407
Мамяченков В.Н. Командарм Ершаков Ф.А. – генерал с трагической судьбой 416
Пуневский Я.В. Ярославская область в годы Великой Отечественной войны 426
Тайгильдин А.В. Немецкий плен в воспоминаниях Л.А. Тайгильдина (июль 1941 – июнь 1942 г.) 435

Толмачева А.В., Якунина Я.С. Женская взаимопомощь в коммуналках блокадного Ленинграда: стратегии выживания в условиях дефицита пространства и ресурсов 445

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Грицай Л.А. Образ «России побеждающей» в русской военной лирике XX–XXI вв. 450

Гусарова А.Ю. «Славному подвигу нет забвения»: обзор историко-документальной выставки Государственного исторического архива Чувашской Республики 460

Еремина Т.Ю. Некоторые аспекты формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне 475

Жаркова Т.И. Историческая память о танкистах Уральского добровольческого танкового корпуса (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) 482

Иванов А.М., Силина К.В. Деятельность Смоленской областной общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда по увековечиванию памяти погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 488

Костюхина М.С. Трансформация военной истории в детском печатном календаре 493

Лубошникова Ю.С., Первушкин В.И. Оборона Одессы в годы Великой Отечественной войны на основе мемуаров дважды Героя Советского Союза, маршала Крылова Н.И. 506

Назаренко Н.П., Гришакова Л.В. Мемориализация памяти об Афганской войне (на примере городов Оренбургской области) 515

Разиньков М.Е. Ветераны Великой Отечественной войны в борьбе за историческую память: случай профессора Ю.Н. Строкова 524

Сапожникова В.П. «Молодая гвардия»: роль героев в исторической памяти народа 531

Смирнова Н.Б. Республиканская научно-исследовательская акция «Солдатский треугольник» в Чувашии: память и благодарность поколению победителей 536

Шалахов Е.Г. Память священной войны в материалах виртуальной музейной выставки к юбилею Великой Победы 541

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Бегоутова М.А. Герой Советского Союза Федор Николаевич Колокольцев 552

Зайнышев А.А., Юсупова Л.Я. Становление и роль Башкирского нефтедобывающего региона в 1941–1945 гг.: к вопросу о тыловом обеспечении фронта 565

Митюков Н.В., Ким Ю.Л. Реконструкция «биографий» катеров, переданных тресту Камлесосплав из состава разукрупненного Сарапульского леспромхоза 570

Осипов Э.В. Их имена переживут века: герои Великой Отечественной войны из Удмуртии 581

Шерстнев В.Л. Народный мститель: командир партизанского отряда Степан Михайлович Сергеев 587

Сведения об авторах 593

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции «Регионы России в военной истории страны» продолжает серию изданий, посвященных глубокому и многогранному изучению роли российских регионов в формировании и защите государственности. Конференция, состоявшаяся в г. Йошкар-Оле 12–13 ноября 2025 г., вновь стала площадкой для диалога ученых, краеведов, архивистов, представителей образовательных и культурных учреждений из разных уголков России. География участников – из 34 регионов – отражает общероссийский масштаб исследования военной истории: Архангельская, Брянская, Волгоградская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Калужская, Кировская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области, Красноярский, Пермский, Ставропольский края, республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, а также Узбекистан.

Тематический спектр статей сборника чрезвычайно широк и хронологически, и проблемно. Он охватывает период от Средневековья и эпохи Петра I до трагических и героических событий Великой Отечественной войны и более поздних периодов. Это показывает, как локальная история вплетается в общероссийский исторический нарратив, раскрывая специфику вклада регионов в военную историю страны; позволяет проследить, как в разные исторические эпохи жители различных регионов вносили свой вклад в оборону страны, укрепление ее границ и сохранение национальной идентичности.

Особое внимание в работах уделяется введению в научный оборот новых архивных документов, мемуаров, писем с фронта, что значительно обогащает источниковую базу и позволяет по-новому

взглянуть на многие события военной истории. Статьи демонстрируют междисциплинарный подход, сочетающий методы истории, демографии, культурологии и других наук.

Важное место занимают исследования, посвященные военной повседневности, судьбам простых людей – солдат, журналистов, медиков, гражданского населения тыла, чей подвиг зачастую оставался в тени масштабных операций. Публикуемые работы не только восстанавливают историческую справедливость, но и способствуют формированию коллективной памяти, основанной на документально подтвержденных фактах.

Представленное издание состоит из семи разделов, соответствующих проблематике конференции. Включенные в сборник статьи охватывают значительный пласт актуальных проблем российской и региональной военной истории. Часть работ посвящена главной юбилейной дате 2025 г. – 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Сборник адресован не только специалистам-историкам, но и всем, кто интересуется отечественной историей, – преподавателям, студентам, краеведам, работникам культуры. Мы надеемся, что представленные материалы будут способствовать дальнейшему изучению военного прошлого России, укреплению связей между исследователями из разных регионов и сохранению исторической правды.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).083.084.3

А.В. Ануфриев,
И.Д. Белков

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. НАДЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ*

Аннотация. Статья посвящена введенным в научный оборот архивным документам о жизни и деятельности в Восточной Сибири в годы Гражданской войны известного венгерского государственного и партийного деятеля Имре Надя.

Ключевые слова: анкета, архив, Восточная Сибирь, ВЧК, Гражданская война, Надь Имре, РКП(б).

Столетие назад закончились сражения Гражданской войны на территории Восточной Сибири. В 2019–2021 гг. прошло сразу несколько научных конференций, посвященных этим событиям, в гг. Иркутске, Чите, Омске, Благовещенске.

При внешней изученности темы, а список монографий и статей, посвященных этим событиям, насчитывает сотни названий, Гражданская война на территории Сибири по-прежнему является своего рода terra incognita. Один из вечных и спорных вопросов – степень вовлеченности, место и роль в событиях тех дней бывших военнопленных Четверного союза, оказавшихся в сибирских лагерях.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «No. 24-18-00216, https://rscf.ru/project/24-18-00216/».

Многие из них после событий 1917 г. присоединились к советской власти и стали костяком новых формирований, составив по подсчетам советских историков от одной трети до половины «красных» формирований в Восточной Сибири. Люди абсолютно разные по своему социальному статусу, национальности, воинскому званию – они оставили яркий след в истории не только Гражданской войны на востоке России...

Иосип Броз Тито из хорватского села Кумровец, сражавшийся в партизанском отряде под Омском, стал бессменным президентом Югославии. Уроженец Праги Ярослав Гашек войдет в историю мировой литературы с великим «бравым солдатом Швеком». Станет премьер-министром независимой Венгрии чекист Имре Надь. Его непримиримый противник Ференц Мюнних, бывший военнопленный томского лагеря, сменит его на посту председателя Совета министров Венгерской Народной республики. Погибнет в 1944 г. в хортистских застенках создатель разведывательной сети «Закарпатцы», бывший руководитель отдела по борьбе с бандитизмом ВЧК Ференц Патаки. В Испании найдет свою смерть знаменитый «генерал Лукач», ранее носивший имя Бела Франкль. Второму прославленному командиру интербригад судьба даст возможность вернуться в Москву, но «гражданин Канады Эмилио Клебер» по паспорту, а в реальности выходец из еврейского местечка Австро-Венгрии Манфред (Мойше) Штерн, умрет в 1954 г. в лагере, не дождавшись реабилитации. Найдет свое последнее пристанище на полигоне в «Коммунарке» легендарный куратор «кембриджской пятерки» Теодор Малли – бывший католический священник, ставший майором госбезопасности. Кто-то достигнет высоких должностей и станет научным светилом, как председатель Всевенгерского совета мира, министр иностранных дел ВНР Эндре Шик (Андрей Шийк). Именно он оставит самые интересные и подробные воспоминания о Гражданской войне в Восточной Сибири [11]. Кому-то повезет пережить сибирские лагеря и закончить свою жизнь пенсионером союзного значения, как Арманду Мюллеру [1].

Настоящий рекорд по представительству воинов-интернационалистов в высших эшелонах власти поставила советская Венгрия, где последовательно три премьер-министра прошли через лагеря для военнопленных и приняли активное участие в Гражданской

войне в Сибири. Разница состояла только в том, что «лучший ученик Сталина» Матьяш Ракоши и «ревизионист» Имре Надь воевали в Восточной Сибири, а сменивший их Ференц Мюнних в Западной.

Следует отметить, что отнюдь не все пленные приняли активное участие в Гражданской войне, львиная доля из них предпочла не вмешиваться в конфликт, оставаясь безмолвными наблюдателями. Так, из военнопленных Заиркутного городка (Иркутск) при численности около 5,5 тыс. чел. на весну 1919 г. были отправлены на родину, в основном признанных инвалидами, 68 офицеров и 255 рядовых, умерли в плену – 73 чел., вступили в Красную армию – 68 чел. (из них 8 венгров, 32 немца, 20 чехов). К слову, данные цифры явно не укладываются в концепцию активного участия «красных мадьяр» в Гражданской войне на стороне «красных». Большинство «красных мадьяр и немцев» в Прибайкалье и Забайкалье составляли военнопленные Омского военного округа, принявшие советское подданство. В Белую армию и союзные соединения вступило 76 чел. (из них 6 венгров), в румынскую армию – 34 чел. (3 этнических венгра), польскую – 23, сербскую – 6, итальянскую – 5 [5, л. 11–21 об.].

К сожалению, мало кто из них оставил полные и развернутые воспоминания об участии в Гражданской войне в Восточной Сибири. В советский период на русском языке вышли только воспоминания А. Мюллера и А. Шика, да и они были подвергнуты жесткой цензуре [11]. Особенно это видно по воспоминаниям А. Мюллера буквально «нашпигованным» советскими идеологемами [1]. К сожалению, так и не появилась книга воспоминаний советского чекиста Ф. Патаки. Книгу «Иностранный пролетариат в борьбе за власть Советов в Сибири» предполагалось издать в 1937 г. в Западно-Сибирском книжном издательстве [9, л. 47–56]. Поэтому вовлечение в научный оборот ранее не использованных архивных источников, прежде всего связанных с воинами-интернационалистами, главным образом из числа бывших военнопленных, представляется авторам особо актуальным. В данной статье мы расскажем об одном из самых ярких военнопленных, воине-интернационалисте, будущем премьер-министре Венгерской народной республики Имре Наде.

Жизнь и судьба Имре Надя, который стал премьер-министром Венгрии в дни революции 1956 г., сразу после его казни превра-

лась в одну из запретных тем для установившегося в стране режима. Пожалуй, самой полной и интересной его биографией стала работа Райнера Яноша [3].

Имре Надь родился в небогатой семье 7 июня 1896 г. в г. Капошвар. Несмотря на это, он получил достаточное образование в классической гимназии (где, правда, окончил только 4 с половиной класса) и высшем Коммерческом училище. Для оплаты обучения работал слесарем в маленькой слесарной мастерской в Капошваре, а с 1912 г. – на заводе сельскохозяйственных машин в Лошонце на севере Венгрии. В декабре 1914 г. И. Надь призывается на военную службу, которую проходил в 17-м Королевском венгерском пехотном полку. В августе 1915 г. он отбыл на итальянский фронт. После ранения был направлен в учебную пулеметную команду и оказался в звании капрала на Восточном фронте, под Луцком.

В 1916 г. во время Брусиловского прорыва 29 июля Имре попадает раненым в русский плен. После недолгого пребывания в Дарницком лагере оказывается осенью 1916 г. в Березовском лагерь (Нижняя Березовка) под Верхнеудинском. Октябрьскую революцию он встретил восторженно, вступил в интернациональный отряд и сражался с чехами в Прибайкалье и Забайкалье. После разгрома «красных» отрядов И. Надь был взят в плен и помещен в Березовский лагерь. С установлением советской власти в Прибайкалье перебрался в Иркутск, где вступил в партию и служил в особом отряде при губЧК. В 1921 г. был заброшен для революционной работы в Венгрию [3, с. 38–48].

Исходя из этих данных, авторы предприняли попытку выявить документы о его деятельности в годы Гражданской войны в фондах бывшего архива Иркутского областного комитета КПСС (ныне – ЦДНИ ГАИО). В ходе работы с документами партийной организации было выявлено три, связанных с И. Надем. Но здесь важно скорее не количество, а «качество» документа. Первым является учетная карточка члена РКП(б) за 1920 г. – один из самых важных и информативных документов. По ней Имре Иосифович Надь, родившийся в 1896 г., студент-слесарь (так в тексте документа), получивший основное образование в 4 классах классической гимназии и высшем Коммерческом училище, а военное – в пулеметной школе в Будапеште, свободно владеющий мадьярским, немецким, русским

и французским языками, вступил в партию в 1920 г. в Иркутске, получив членский билет № 462845 от 3 декабря 1920 г. На момент регистрации Имре был холост, в качестве родного языка указал мадьярский. Судя по анкете, на 1920 г. состоял в профсоюзе служащих и имел постоянное место жительства в Иркутске. В графе «какой организацией принят» имеется запись «организацией Интернационал[истов]», чуть ниже расшифровываются обстоятельства вступления в организацию: «в 1918 г. вступил в организацию Интернационалистов в Березовке, после чего вступил в Красную армию в В[ерхне]удинске в 1918 г., в Троицкосавске, в Иркутске 1920 г.». В графе «подвергался ли репрессиям за партийную работу...» есть запись: «в 1918 г. как красноармеец был арестован чехами в В[ерхне] удинске, затем переведен в Иркутск в военный городок» [10, 1].

Второй документ был выявлен в фонде Иркутского губкома партии, в описи анкет членов и кандидатов в члены партии (1920–1921 гг.). в деле 308 описи 1 имеется «Опросный лист» члена партии. По объему информации «Опросный лист», в отличие от анкеты, дает более подробные сведения о нашем герое. Имре Иштванович Надь родился 7 июня 1896 г. Получил образование в 4-классной классической гимназии и высшем Коммерческом училище, и своей профессией называет «канцелярское и конторское дело» и слесарное дело. Графы «военная подготовка» и «семейное положение», «какие языки знает» совпадают с анкетой. Единственно к слову «холост» добавлено «здесь одинокий... семья живут (живы) не знаю». Более подробно расписано вступление в партию и сведения о революционной деятельности: «1918.V. в организацию интернационалистов. Я был член президиума и секретарь мадьярской секции Р.К.П.», «в 1918 году я вступил в организацию интернационалистов в Березовке (Забайкалье). После я вступил в Красную армию во Верхнеудинске 1918.9.2, в Троицкосавске я пленен. Потом посадили меня в арест в Троицкосавске, Березовке и в Иркутске до 2.12.1919–1920.30.1, я поступил в рабоче-крест[ьянскую] дружину. После меня командировали в секцию на политическую работу. До 9.1920 г. я работал в мадьярской секции РКП(б)». И появляется фраза о предыдущей революционной деятельности. Впервые обозначено и место службы И. Надя: «ВЧК, особый отдел при 5 армии», жалование – 4000 руб. и место жительства – «угол Графа Кутайсовской

и 6 Солдатской, гост. Олимпия, ком. № 4». Необходимо отметить, что Имре Надь не был сотрудником непосредственно Иркутского ЧК, он состоял в специальном отряде, сформированном из бывших военнопленных при губЧК. Впоследствии на базе этого отряда будет сформирован 77-й иркутский дивизион ОГПУ (НКВД), что четко прописано в историческом формуляре этой части [4, л. 1–2]. Интересен ответ в графе «На какую работу считаете себя пригодным». И. Надь пишет «на политически организатора, администратора».

Стоит отметить, что почти во всех анкетах воинов-интернационалистов наблюдаются ошибки, и если с грамматикой справлялись, то склонения, спряжения и знаки препинания давались бывшим военнопленным крайне сложно.

Для вступления в партию необходимо было предъявить рекомендации действующих членов партии. В анкете расписались два воина-интернационалиста, давшие свои рекомендации будущему премьер-министру, – Фексте Карл и Катрыч Иосиф. Подписи еще двух рекомендующих – Эрне Мюллера (ЦК мадьярской секции при ЦК РКП(б) в Москве) и Шугара Андора – отсутствуют. Наиболее полную характеристику Имре дал К. Фексте «Рекомендую т. Надь членом партии как отважного борца мир[овой] революции» [8, л. 178–178 об.].

Необходимо отметить, что на партийном учете в Иркутске находилось четыре венгра по фамилии Надь (кроме Имре, имелся Лайош Алексеевич Надь (1882 г.р.), 34-летний красноармеец Иван Иванович Надь и красноармеец Юзеф Иванович Надь (1891 г.р.) [8, л. 147–147 об.].

И третий документ, выявленный авторами в бывшем партийном архиве, – это протокол партийного собрания объединенной ячейки особого отдела 5-й армии и иркутской губернской ЧК о приеме в партию Имре Надя, о чем имеется протокол № 6 собрания ячейки от 17 ноября 1920 г. [7, л. 9]. Эта дата явно не совпадает со сведениями самого известного исследователя деятельности И. Надя Райнера Яноша, который утверждал, что тот был принят в кандидаты 12 февраля, а членом партии стал 10 мая 1920 г. [3, с. 48].

Не найдены были материалы об отъезде И. Надя из Иркутска в Венгрию. В списках венгров-коммунистов, отбывающих на родину в 1921 г., имя Имре Надя отсутствует. Следовательно, он покинул

Иркутск до 9 июня 1921 г. [6]. Можно отметить, что выявленные материалы еще раз показывают несостоятельность версии об участии И. Надя в расстреле царской семьи в Екатеринбурге [2].

Источники и литература

1. *Мюллер А.А.* В пламени революции (1917–1920 гг.) Воспоминания командира интерн. отряда Красной гвардии. – Иркутск, 1957.

2. *Радзинский Э.С.* Последний царь. – М., 2015.

3. *Райнер Янош М.* Имре Надь – премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. – М., 2006.

4. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 39026. Оп. 1. Д. 1746.

5. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 296.

6. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1745.

7. ЦДНИ ГАИО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2.

8. ЦДНИ ГАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 308.

9. ЦДНИ ГАИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 647.

10. ЦДНИ. Коллекция учетных карточек. № 4628453. Учетная карточка И. Надя.

11. *Шик Эндре.* Годы испытаний. – Москва, 1969.

A.V. Anufriev,
I.D. Belkov

NEW ARCHIVAL DOCUMENTS ABOUT THE LIFE AND ACTIVITIES OF I. NADY DURING THE CIVIL WAR IN SIBERIA*

Annotation. The article is devoted to the archival documents about the life and activities of the famous Hungarian statesman and party leader Imre Nagy in Eastern Siberia during the Civil War, which have been introduced into scientific circulation.

Keywords: questionnaire, archive, Eastern Siberia, Cheka, Civil War, Nagy Imre, Russian Communist Party (Bolsheviks).

* The study was supported by the grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00216), https://rscf.ru/project/24-18-00216/.

УДК 314.02

Н.А. Араловец

ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ В ИСТОЧНИКАХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ТЫЛОВЫХ РАЙОНАХ РСФСР (1941–1945 гг.)

Аннотация. Автор рассматривает особенности регистрации заболеваемости и смертности гражданского населения тыловых районов РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Отмечает возникавшие сложности текущего, санитарного и медицинского учета в условиях войны, особенно в ее начальный период. Обращает внимание на состояние учета инфекционной заболеваемости населения. Исследует учет неинфекционной заболеваемости населения. Показывает специфику учета смертности, а также причин смерти гражданского населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, РСФСР, тыловые территории, учет населения, заболеваемость, смертность, причины смерти.

Изучение проблем демографической истории Великой Отечественной войны связано с особенностями источниковой базы. Источники часто были неполными и неточными, особенно в начальный период войны. Сложность источниковой базы вызывает немалые трудности в осмыслении многих проблем демографической истории Великой Отечественной войны, в том числе связанных с заболеваемостью и смертностью населения тыловых районов. Их рассмотрение представляется крайне важным и для понимания потерь мирного населения в годы войны.

Значительное ухудшение жилищных условий, изменение количества и качества питания, передвижения населения, войск при снижении санитарно-гигиенического уровня способствовали заметно быстрому распространению прежде всего *воспаления легких*, а также *токсической диспепсии* и *острого энтероколита*. В условиях войны возникает опасность передачи острых инфекционных заболеваний, в том числе и крайне опасных для человека: тифа (сыпной, возвратный, брюшной, паратиф), чумы, холеры, сибирской язвы и др. Развиваются и *хронические инфекционные заболевания*: туберкулез всех форм, венерические болезни, малярия и т.д. Сложность инфекционной ситуации в годы Великой Отечественной

войны заключалась в том, что опасность быстрого распространения инфекционных болезней сохранялась и для населения тыла, и для населения прифронтовых территорий, и для армии. Инфекционная опасность повышалась и на оккупированных врагом территориях.

В тыловых районах СССР и РСФСР, особенно с эвакуированным населением, было зафиксировано увеличение случаев таких инфекционных болезней, как сыпной и возвратный тифы, скарлатина, корь, коклюш, дифтерия. Из имеющихся в нашем распоряжении данных видно, что в 1942 г. наибольшее распространение получили такие болезни, как корь, сыпной тиф, коклюш, дифтерия; в 1943 г. – сыпной тиф, коклюш, корь и дифтерия; в 1944 г. – корь, сыпной тиф, коклюш, дифтерия, развивался возвратный тиф; в 1945 г. – корь. Вместе с тем в 1945 г. заболеваемость населения корью, возвратным тифом, скарлатиной увеличилась, сыпным тифом, коклюшем и дифтерией сократилась [2, с. 94].

В связи с повышением инфекционной опасности усилилась необходимость своевременного и полного учета инфекционных болезней. По правилам учета мирного времени все случаи возникновения острозаразных болезней обследовались врачом-эпидемиологом. Выявленные случаи таких заболеваний регистрировались врачом в журналах учета. Поликлиники и больницы срочно извещали районные и городские здравотделы о всех случаях острозаразных болезней. Кроме того, такие случаи подтверждались почтовыми отчетами [3, л. 8]. Однако перемещения людских, транспортных, военных потоков, особенно в начале войны, мобилизация в армию, в том числе врачей-эпидемиологов, приводили к нарушению правил учета инфекционных болезней мирного времени. Данные нарушения сказывались на своевременности, полноте и точности учета инфекционных болезней. Четкий учет распространения инфекционных болезней был крайне важен для быстрого и грамотного принятия необходимых санитарно-эпидемиологических мер.

В сентябре 1941 г., несмотря на сложности военного времени, в РСФСР райздравотделы провели выборочные обследования правильности регистрации инфекционных болезней. В ходе обследований были выявлены серьезные недостатки в их учете. Проведенные обследования показали неполный охват райздравотделами случаев

инфекционных болезней. В Татарской АССР обследованные райздравотделы получали экстренные извещения не на все случаи инфекционных болезней. К тому же экстренные извещения лечебных учреждений в райздравотделы и горздравотделы приходили с опозданием. Такие нарушения допускались практически повсеместно. Районные и городские здравотделы Архангельской области, например, подчеркивали, что фельдшерские пункты не всегда своевременно посылали экстренные извещения о всех случаях острозаразных заболеваний. Кроме того, в лечебных учреждениях отсутствовали бланки экстренных извещений и отчетных форм. Экстренные извещения писались на клочках бумаги. В таких условиях необходимые данные могли не учитываться. Об этой ситуации и ее опасности сообщало Ярославское областное статистическое управление. Выяснилось, что не все лечебные учреждения вели журналы регистрации инфекционных болезней. Регистрация осуществлялась не по утвержденной форме, небрежно. Так, райздравотделы Бурят-Монгольской АССР отмечали, что карты экстренного извещения составлялись на каждое заболевание, но не всегда по установленной форме. В таких случаях важные данные для принятия необходимых эпидемиологических мер могли пропускаться. Лечебные учреждения не составляли ежемесячных отчетов о движении острозаразных бруцеллеза, туляремии, малярии, цинги, токсической диспепсии, об остром энтероколите, эпидемическом энцефалите и других болезнях и не представляли их в районные и городские здравотделы. Нарушение сроков отчетности было опасно, т.к. отсутствовало представление о движении острозаразных заболеваний. Учет инфекционных болезней не был точным. В тяжелейших условиях, особенно первых месяцев войны, встречались ошибки в диагностике заболеваний. В сентябре 1941 г. эта проблема фиксировалась, например, Свердловским областным статистическим управлением [3, л. 3–10]. Аналогичные недостатки в учете инфекционных болезней отмечались и в союзных республиках, в том числе в Армении, Таджикистане, Туркмении.

Таким образом, в начале войны учет инфекционных болезней не отличался своевременной фиксацией инфекционных заболеваний, полнотой и точностью необходимых данных. В РСФСР особенности учета заметно осложняли санитарно-эпидемиологическую

ситуацию. Этот фактор также сказывается на изучении современными исследователями движения инфекционных заболеваний в годы войны.

Однако, несмотря на возникавшие сложности, учет фиксировал основные инфекционные болезни и их движение. В тылу, в армии, на освобожденных территориях на основе этого учета принимались адекватные меры и массовых эпидемий, эпидемических ситуаций не возникало, или они были локальными и быстро гасились.

В военных условиях учет отражал и движение неинфекционных болезней (сердечно-сосудистых, онкологических, хронических респираторных, включая обструктивную болезнь легких, астму и др.), т.е. заболеваний, не передающихся от человека к человеку, имеющих продолжительное течение и медленное развитие под воздействием разнообразных генетических, физиологических, экологических, демографических, поведенческих и других факторов [12, с. 6–7].

В тяжелейших условиях Великой Отечественной войны продолжался учет ЗАГСами демографических событий, т.е. рождаемости, смертности, в том числе младенческой, естественного прироста, механического движения, брачности и разводимости населения. Перестройка мирной жизни на военную, решение мобилизационных задач, вставших перед СССР, РСФСР и другими союзными республиками, нуждались в четкой фиксации демографических событий. Тем более что в условиях войны быстро ухудшались показатели заболеваемости и смертности населения.

Сбор информации о демографических событиях, в том числе смертности населения, осуществляли ЗАГСы и сельсоветы в двух экземплярах. Вторые экземпляры передавались в органы статистики для анализа и обобщения [5, л. 135]. В годы войны ЗАГСы находились в ведении Главного управления милиции НКВД СССР. Следует отметить, что 10 июля 1934 г. был образован Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД СССР). В его состав вошли Объединенное государственное политическое управление СССР (ОГПУ СССР) и Главное управление рабоче-крестьянской милиции [1, с. 153–158].

Необходимость своевременных и надежных статистических сведений определила значительный охват населения ЗАГСовским учетом. ЗАГСы работали и в наиболее тяжелые годы войны. В 1941–

1943 гг. ЗАГСы учитывали около 99 % городского населения тыловых районов РСФСР [4, л. 3; 6, л. 5; 7, л. 1; 9, л. 9].

Учет ЗАГСами демографических событий существовал на тыловой территории. Вместе с тем он сохранялся и на прифронтовой территории, например, в Москве.

Наряду с этим в начальный период войны не все ЗАГСы присылали сведения или присылали их с опозданием, или с нарушением форм учета и т.д. В военных условиях понижалось и качество ЗАГСового учета. Существовали расхождения между данными статистических управлений и органами ЗАГСов. Кроме того, сама организация учета демографических событий была достаточно сложной. ЗАГСы не учитывали военнослужащих, умерших в госпиталях от ран и болезней. Такой учет осуществлял Наркомат обороны. Между тем в тяжелых условиях военного времени были случаи ошибочной регистрации таких сведений ЗАГСами. Аналогичная ситуация возникала и с репрессированными. Данные о смерти репрессированных должны были отражаться по месту их жительства. Однако и в этом учете сохранялись неточности и погрешности. Все это влияло на правильность получаемых данных.

Учет ЗАГСами смертности городского населения тыловых районов был тщательнее, чем сельского. Тем не менее и в учете смертности жителей городов было много проблем. Однако по имеющимся данным ЗАГСов и статистических управлений выявляется динамика смертности населения, ее особенности. Из данных ЗАГСов видно помесячное увеличение уровня смертности населения тыловых районов РСФСР в 1941 г., особенно в сентябре (на 1000 чел. населения умерло 25,0) и в октябре (24,7). В первой половине 1942 г. видно дальнейшее повышение показателей смертности населения. Наиболее высокие показатели фиксировались в марте 1942 г. (соответственно – 33,6), а также в апреле (32,9) и мае (31,9). Однако видно их снижение, в том числе и в июне (28,4). В летних месяцах, в июле (30,6) и в августе (31,0), уровень смертности населения вновь повысился, но был ниже по сравнению с мартом, апрелем и маем. В период с сентября (25,3) по декабрь (20,2) 1942 г. показатели смертности мирного населения снижались. Вместе с тем эти показатели оставались высокими. В последовавших 1943 г. (16,5), 1944 г. (15,1) и 1945 г. (14,1) уровень смертности мирных

жителей заметно понизился [2, с. 88, 96, 107, 108]. Это явление было характерно для городского и сельского населения. Сокращение показателей смертности населения было видно и в тыловых регионах РСФСР.

Таким образом, данные ЗАГСов свидетельствовали о том, что в 1941 г. в условиях начавшейся войны уровень смертности населения тыла повысился, особенно во второй половине 1941 г. и в первой половине 1942 г., но во второй половине этого и в последовавшие годы снизился.

Особые трудности вызывала регистрация причин смерти гражданского населения. Многие врачи были мобилизованы на фронт, в лечебных учреждениях оставался средний медицинский персонала, в основном фельдшеры и медицинские сестры. В начальный период войны во многих тыловых областях врачей не было. Возникшая нехватка врачей в тылу была характерна и для городов и, особенно для сельских местностей. Ситуация осложнялась еще тем, что по существовавшим в мирное время инструкциям регистрация причин смерти проводилась в тех населенных местах, где было не менее двух врачей. Мобилизация врачей на фронт, острая нехватка их в тылу приводила к тому, что было практически невозможно заполнять врачебные свидетельства о смерти. В подобных условиях врачебные регистрации свидетельств о смерти подписывались не врачами, а средним медицинским персоналом, что отмечалось в данных о причинах смерти. Такой вынужденный подход регистрации причин смерти обеспечивал ее непрерывность и полноту свидетельств о смерти. Однако регистрация свидетельств о смерти, подписанная средним медицинским персоналом, сказывалась на точности установления причины смерти. Уровень их квалификации не всегда позволял правильно установить диагноз, определить причину смерти [2, с. 107].

В годы войны причины смерти населения учитывались только в городах. В военных условиях причины смерти населения мирного времени изменялись. Мирные жители подвергались военной опасности, погибали от бомбежек, обвалов, обрушений, огнестрельных ранений, а также от истощения, авитаминоза, пеллагры и т.д. Однако причины смерти, обусловленные военными событиями, отсутствовали в номенклатуре болезней и причин смерти мирного вре-

мени. В условиях начавшейся войны причина смерти военного времени, т.е. смерть мирных жителей от бомбежек, огнестрелов, обрушений и т.д., количественно отражалась в графе *«травмы»* (40), от авитаминоза, истощения – в графе *«прочие причины смерти»* (83). Расшифровка этих причин смерти в графах отсутствовала. В такой записи причины смерти военного времени, по сути, растворялись в других причинах.

Такие правила учета причин смерти мирного населения оставались практически до середины 1942 г. Во втором полугодии 1942 г. был введен новый механизм учета, разработанный ЦСУ Госплана СССР. На основе разработки двух экземпляров актов о смерти при составлении месячных, квартальных сводок, а также годовых отчетов смертные случаи гражданского населения от травм военного времени в результате *бомбежек, обвалов, обрушений, ранений осколками бомб, мин, гранат, огнестрельных ранений* должны были количественно учитываться в графе «травмы» (40а), а от *авитаминоза и дистрофии* – в графе «прочие причины смерти» (83а). Расшифровка причин этих смертных случаев, как и ранее, отсутствовала. Данные о причинах смерти военного времени в сводках и отчетах в целом растворялись в общих сведениях о травмах и прочих причинах. С целью их уточнения расшифровка количественных данных о смертельных случаях мирного населения от бомбежек, огнестрелов, авитаминоза, истощения и т.д. отражалась в специальных приложениях к сводкам и отчетам. Данная информация обрабатывалась и представлялась в секретном порядке. Под соответствующими таблицами делались примечания – см. «приложение». Вместе с тем имеющиеся в архиве приложения малочисленны, показать количественное распределение причин смерти от травм военного времени, представить их динамику, изменения, состав погибших не представляется возможным. Историки выявили и показали общие количественные данные. Так, по *отдельным месяцам* 1942 г. видно, что в *июле* 1942 г. в 26 городах России (без Ленинграда) от авитаминоза и истощения погиб 1241 чел. Высокая смертность была в Вологде (203 умерших), Москве, Молотове (149), Свердловске (114). Материалы за *сентябрь – ноябрь* 1942 г. свидетельствовали о том, что от *авитаминоза, дистрофии* умерло в Москве 812 чел., Вологде – 562, Кирове – 471, Архангельске – 394, Молотове – 328. Однако

значительное число умерших от авитаминоза по данным отдельных областей приходилась на эвакуированных из Ленинграда, репрессированных. Такие случаи фиксировались в городах Молотовской, Вологодской, Ярославской и других областей. В то же время из-за недостаточного количества и качества питания от авитаминоза, дистрофии, пеллагры умирали и местные жители.

Сложно в полной мере определить и число погибших от бомбежек и артиллерийских обстрелов. В Москве, например, в период с 24 ноября 1941 г. по 24 апреля 1942 г. от бомбежек погибло 1327 чел. В Ленинграде от бомбежек и обстрелов погибло свыше 10 000 чел.

Впоследствии ЦСУ решило в квартальных и годовых отчетах отдельно не указывать причины смерти мирного населения, связанные с травмами военного времени [2, с. 107, 120, 121].

В настоящее время учет такого рода вызывает немалые сложности в определении причин смерти мирного населения, обусловленных военной опасностью. Однако, несмотря на все несовершенства, проводимый в годы войны учет дает возможность показать причины смерти гражданского населения, их изменения и особенности.

Имеющиеся в распоряжении историков источники зафиксировали изменение соотношения ведущих причин смерти в годы войны. В 1941–1942 гг. ведущей причиной смерти было *воспаление легких*; в 1943–1944 гг. – сердечно-сосудистые заболевания; в 1945 г. – *туберкулез органов дыхания*.

В годы Второй мировой войны в Англии, Франции, Австрии, Италии и других европейских государствах показатели смертности населения от болезней органов дыхания, желудочно-кишечных, остроинфекционных, а также сердечно-сосудистых увеличились. О таком увеличении свидетельствуют данные аналитических и информационных материалов ЦСУ.

Важно также отметить, что, несмотря на несовершенства источниковой базы, изученный материал подтвердил демографические закономерности довоенного и послевоенного периодов, развитие эпидемиологического перехода, т.е. изменения ведущих причин смерти. В годы войны при преобладании смертей от традиционных причин (болезней органов дыхания, пищеварения, инфекционных и паразитарных) повышалась смертность от сердечно-сосудистых

и раковых заболеваний. Их увеличение видно в 1930-е гг., особенно в промышленных районах РСФСР. Дальнейший их рост отмечался и в послевоенный период, т.е. осуществлялось постепенное изменение ведущих причин смерти, развитие эпидемиологического перехода.

Таким образом, несмотря на неполноту и неточность текущего, медицинского и санитарного учета в условиях войны, особенно ее начального периода, источники дают возможность историкам представить особенности заболеваемости и смертности российского населения, показать их динамику, ведущие причины смерти, демографические закономерности.

Думается, что для уточнения данных о заболеваемости и смертности населения, причинах смерти в годы Великой Отечественной войны надо расширять поиск в центральных и региональных архивах, иметь возможность работать в архиве ФСБ. Обращать внимание на всю совокупность источников: текущую, медицинскую и санитарную статистику, отчетные, аналитические, информационно-справочные материалы ЦСУ, переписку ЦСУ с органами власти и между статуправлениями. Важным представляется сотрудничество с исследователями разных специализаций, занимающихся демографическими проблемами Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Ковыршин Е.В.* Войска НКВД в структуре военной организации СССР // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Сер.: История. Археология. – Елец, 2008. – Вып. 22. – С. 153–158.

2. Население России в XX в.: ист. очерки. Т. 2. – М., 2001.

3. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562. Оп. 18. Д. 252.

4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 553.

5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 805.

6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 794.

7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1014.

8. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1019.

9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1463.

10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1888.

11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2235.

12. Эпидемиологические методы выявления основных хронических неинфекционных заболеваний и факторов риска при массовых обследованиях населения: метод. пособие. – М., 2015.

N.A. Aralovets

FEATURES OF THE FIXATION IN THE SOURCES OF DEMOGRAPHIC EVENTSIN THE REAR REGIONS OF THE RSFSR (1941-1945)

Annotation. The author examines the peculiarities of the registration of morbidity and mortality of the civilian population of the rear regions of the RSFSR during the Great Patriotic War. Notes the difficulties encountered in current, sanitary and medical accounting during the war, especially in its initial period. Draws attention to the state of accounting for the infectious diseases of the population. The accounting of non-communicable diseases of the population is also being studied. It shows the specifics of accounting for mortality, as well as the causes of death of the civilian population.

Keywords: The Great Patriotic War, RSFSR, rear territories, population registration, morbidity, mortality, causes of death.

УДК 355.01+341.462.2+572.08

Р.Л. Исхаков

«НА ПОВЕРКУ, СТАНОВИСЬ»: ЖУРНАЛИСТЫ В ДНЕВНИКЕ Л.К. БРОНТМАНА 1942–1945 гг.

Аннотация. В статье впервые анализируется дневник журналиста газеты «Правда», введенный в научный оборот в 2008 г. Показано, что во время Великой Отечественной войны советские военные дневниковых записей не вели, а сами дневники находились под запретом. Это определяет особый интерес к объекту исследования. Автор анализирует контент дневника в координатах военно-исторической антропологии. Отдельно представлены 188 военных корреспондентов, имена которых упоминаются в дневнике. В выпуске красноармейских и краснофлотских газет в целом было занято 10 тыс. чел. Восстановить их численность и имена – не только научная задача, но и сыновний долг, считает автор.

Ключевые слова. Л.К. Бронтман, военно-историческая антропология, военные корреспонденты, красноармейские и краснофлотские газеты.

12. Эпидемиологические методы выявления основных хронических неинфекционных заболеваний и факторов риска при массовых обследованиях населения: метод. пособие. – М., 2015.

N.A. Aralovets

FEATURES OF THE FIXATION IN THE SOURCES OF DEMOGRAPHIC EVENTSIN THE REAR REGIONS OF THE RSFSR (1941-1945)

Annotation. The author examines the peculiarities of the registration of morbidity and mortality of the civilian population of the rear regions of the RSFSR during the Great Patriotic War. Notes the difficulties encountered in current, sanitary and medical accounting during the war, especially in its initial period. Draws attention to the state of accounting for the infectious diseases of the population. The accounting of non-communicable diseases of the population is also being studied. It shows the specifics of accounting for mortality, as well as the causes of death of the civilian population.

Keywords: The Great Patriotic War, RSFSR, rear territories, population registration, morbidity, mortality, causes of death.

УДК 355.01+341.462.2+572.08

Р.Л. Исхаков

«НА ПОВЕРКУ, СТАНОВИСЬ»: ЖУРНАЛИСТЫ В ДНЕВНИКЕ Л.К. БРОНТМАНА 1942–1945 гг.

Аннотация. В статье впервые анализируется дневник журналиста газеты «Правда», введенный в научный оборот в 2008 г. Показано, что во время Великой Отечественной войны советские военные дневниковых записей не вели, а сами дневники находились под запретом. Это определяет особый интерес к объекту исследования. Автор анализирует контент дневника в координатах военно-исторической антропологии. Отдельно представлены 188 военных корреспондентов, имена которых упоминаются в дневнике. В выпуске красноармейских и краснофлотских газет в целом было занято 10 тыс. чел. Восстановить их численность и имена – не только научная задача, но и сыновний долг, считает автор.

Ключевые слова. Л.К. Бронтман, военно-историческая антропология, военные корреспонденты, красноармейские и краснофлотские газеты.

Преодоление кризиса современной отечественной историографии в XXI в. видится на путях «школы Анналов» [12] или историко-антропологических исследований (др.-греч. ἱστορία – расспрашивание, исследование; ἄνθρωπος – человек; λόγος – наука). Эти направления познания социокультурной истории человечества с помощью методов исторической, антропологической наук востребовали *биографику* – прикладную междисциплинарную науку, интегрально включающую решение проблем, связанных с историографическими, источниковедческими, теоретическими и методическими аспектами изучения и формирования биографий [20]. Доктор исторических наук, профессор РГГУ Е.С. Сенявская (Москва) раскрывает проблему «человек на войне» [14, с. 217–221] в своих монографиях [24; 27], статьях [26; 29; 25; 28] и ежегоднике «Военно-историческая антропология» [7; 8; 9]. Исследования сторонников военно-исторической антропологии стали методологической основой нашего анализа.

Начиная с XIX в. публикация дневников стала обычным делом – особенно среди политиков, ищущих оправдания своим поступкам, а также среди художников и литераторов. Начиная с XX в. ведение дневников часто практиковалось как осознанный акт самопознания. «Дневников на войне я не вел. Но 1418 огненных дней и ночей не забыты», – писал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в книге воспоминаний «Малая земля» [2, с. 3]. Повседневная история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. полно представлена в сводках Совинформбюро [32]. С другой стороны, «Военный дневник» Франца Гальдера – самый подробный и полный источник по действиям Вермахта на территории СССР в первый период Великой Отечественной войны [10].

Фронтовые дневники как социально-культурный феномен представляют актуальный интерес; исследованию их содержаний посвящены научные статьи А.С. Кузнецова (Кемерово) [15; 16], С.А. Мусаевой (Тула) [18], Г.А Романовой и Н.Н. Романова (Сызрань) [23], В.М. Трифоновой (Самара) [24], И.Г. Тажидиновой (Челябинск) [33]. Введены в научный оборот фронтовые дневники Константина Симонова [31], Ольги Берггольц [1], Лидии Гинзбург [11], Василия Цымбала [39].

Актуальность нашего исследования связана с тем, что во время Великой Отечественной войны советские военные дневниковых за-

писей не вели, а сами дневники находились под запретом. Даже знаменитые маршалы Г.К. Жуков [13], А.М. Василевский [6], К.К. Рокоссовский [22] при написании мемуаров не могли воспользоваться своими фронтовыми записями, поскольку их просто не было. Все эти мемуары писались на основе отрывков из памяти и архивных материалов. В отличие от Вермахта (в котором мемуары писали все: от ефрейтора до фельдмаршала), в Красной армии ведение дневников было запрещено для солдат и офицеров всех рангов и званий. Однако такое требование существовало негласно, и за его исполнением тщательно следили политруки и командиры подразделений. Поскольку не существовало официального приказа, не было и оснований для наказания. Все вопросы решались в индивидуальном порядке. (По крайней мере, фактов расстрела солдат и офицеров за ведение дневников зафиксировано не было.) По данным архивов, лишь несколько десятков солдатских дневников сохранились за годы войны.

Дневниковые записи журналиста газеты «Правда» Л.К. Бронтмана сохранились в семейном архиве и предоставлены для публикации его сыном, известным волейболистом 1950–1960-х гг. Ростиславом Лазаревичем Бронтманом. Компьютерный набор текста и первичную сверку осуществил внук журналиста Сергей Ростиславович Рындин [3]. Публикатор книги – он же. Дата публикации 5 января 2008 г.

Дневник опубликован на сайте «Военная литература»: *militera.lib.ru*. А книга Лазаря Константиновича Бронтмана «Дневники 1932–1947» доступна на сайте: *http://militera.lib.ru/db/brontman_lk/index.html*. В ней представлены вниманию читателей 17 нарративов: Бронтман Л.К. Фотографии и документы: Мемуары. Фотографии, автографы; Бронтман Л.К. Встречи, события. 1932–1936 гг.: мемуары; Бронтман Л.К. Записи событий, встречи (отрывки) 1936–1939 гг.: мемуары; Бронтман Л.К. Плавание на ледоколе «Садко» 1935 г.: мемуары; Бронтман Л.К. Экспедиция Папанина на Северный полюс. Часть 1. 1937; Бронтман Л.К. Экспедиция Папанина на Северный полюс. Часть 2. 1937; Бронтман Л.К. Экспедиция Папанина на Северный полюс. Часть 3. 1937; Бронтман Л.К. Экспедиция Папанина на Северный полюс. Часть 4. 1937; Бронтман Л.К. Экспедиция Папанина на Северный полюс. Часть 5. 1937; Бронтман Л.К.

Экспедиция Папанина на Северный полюс. Часть 6. 1937; Бронтман Л.К. Очерки, переданные в «Правду» во время экспедиции Папанина 1937 г.; Бронтман Л.К. Дневник событий 1939–1940 гг.: мемуары; Бронтман Л.К. Экспедиция на ледоколе «Сталин» по спасению «Седова»: мемуары; Бронтман Л.К. Дневник событий 1940–1941 гг.: мемуары; Бронтман Л.К. Дневник событий 1945–1946 гг.: мемуары; Бронтман Л.К. Дневник событий 1946–1947 гг.: мемуары; Бронтман Л.К. Со всего плеча: Мемуары. Фронтовой очерк. 1943 г.

Дневник велся Л.К. Бронтманом долгие годы; первые записи относятся к 1932 г. Он изложен в нескольких тетрадях, принятых нами к анализу; тетрадь № 20 – 19.05.42–19.08.42 г.; тетради № 22–23 – 03.06.43–03.09.43 г.; тетрадь № 24 – 15.09.43–12.12.43 г.; тетрадь № 25 – 01.02.44–18.09.44 г.; тетрадь № 26 – 27.10.44–06.09.45 г.; тетрадь № 28 – 11.09.45–06.10.46 г. Из большого рукописного наследия Л.К. Бронтмана опубликованы относящиеся к периоду войны тетради № 20–25 (полностью) и № 26 (до 20 мая 1945 г.). Все тетради, за исключением № 20, публикуются впервые. Хронологически книга начинается с 19 мая 1942 г., поскольку с мая 1941 г. и до этой даты записи Л.К. Бронтманом не велись. Заканчивается публикация записью за 20 мая 1945 г., когда в «Правде» вышло важное интервью, взятое Бронтманом у А.И. Микояна, отредактированное и одобренное Сталиным. Одновременно журналисту была предложена его довоенная должность заведующего информационным отделом, которую он вскоре принял.

Дневник Лазаря Константиновича Бронтмана представляет научный интерес по нескольким основаниям. Во-первых, Бронтман – журналист. Современники называли его «королем московских журналистов» – и за ироничным звучанием этого неофициального титула скрывалось весьма много настоящего. Четверть века он жил и работал в самой что ни на есть гуще событий, бесперебойно поставляя советскому читателю передовицы (псевдоним Лев Огнев). Во-вторых, Бронтман – заместитель заведующего военным отделом редакции газеты «Правда». Журналист на войне – новый аспект военно-исторической антропологии. 23 сентября 1945 г. выпустили 10 000-й номер «Правды». ЦК разрешил отметить это и выпустить шесть полос. В редакции были получены копии указов – о награждении «Правды» орденом Ленина и награждении орденами

и медалями 177 работников редакции, издательства, типографии. И, в-третьих, дневник представляет собой личностный документ. Уникальность дневника Л.К. Бронтмана состоит в том, что они писались в стол, для себя, сохранили «аромат» того времени, содержат тысячи уникальных эпизодов, нигде ранее не публиковавшихся. Правда, он сам вспоминает, что 31 октября 1947 г. редактор многотиражки «Правдист» Семен Гершберг просит его «написать к 30-летию что-нибудь по дневникам» [3].

Дневниковые записи и стали эмпирической базой нашего исследования. В каждой из семи тетрадей есть медийные разделы, к примеру, «Редакционная жизнь» (1942). «Погибшие военкоры на фронтах» (тетрадь № 21, 1942), «Рассказ о 22 июне 41 г. в редакции» (тетрадь № 21, 1942), «Песенка военкоров» Симонова (тетрадь № 22–23, 1943), «Стихи военкоров» (тетрадь № 24, 1943), «Фронтовая жизнь лагеря военкоров» (тетрадь № 24, 1943), «Лагерь военкоров» (тетрадь № 24, 1943). Лазарь Бронтман в 1947 г. задумал написать книгу об опыте военных корреспондентов «Правды». Идею услышал и поддержал Борис Полевой [3]. Но библиография работ Л.К. Бронтмана не содержит этих материалов. Идея осталась идеей… Тем интересней читать дневник.

Рассмотрим личность автора. Она раскрыта в справочниках и газетах [17, с. 41; 19]; материалы его награждений[1] представлены в Центральном архиве Министерства обороны РФ *(ЦАМО. Картотека награжд. Шкаф 13, ящик 7; ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3058)*.

Лазарь Бронтман родился 26 октября 1905 г. в Курганском уезде Тобольской губернии. Его отец, Хацкель Гершевич (подпольный псевдоним Костя, Константин), за революционную деятельность был выслан из Одессы в г. Курган, где в 1918 г. скоропостижно скончался. 13-летний юноша сменил множество работ: вначале был чернорабочим на электростанции, затем учеником электромонтера, монтером, переписчиком, делопроизводителем. В 1923 г. он

[1] Награжден орденами Красного Знамени (22.09.1944), Трудового Красного Знамени, Красной Звезды (21.06.1937; 23.09.1945), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейной медалью «30 лет Советской Армии и Флота» (1948).

окончил Курганский сельскохозяйственный техникум и продолжил учебу в Москве – в электромеханическом институте, а затем – в МВТУ им. Баумана. Будучи студентом, он почувствовал влечение к профессии репортера. Вначале он работал внештатным московским корреспондентом в уральской молодежной газете «На смену!» (Екатеринбург). Там его замечают. Как вспоминал сын Ростислав, Лазарь Бронтман начал работать в газете «Правда» с 1924 г. [5]. В 1926 г. получил удостоверение корреспондента газеты «Правда», подписанное секретарем редакции М.И. Ульяновой.

Война застала Л.К. Бронтмана на ответственном посту заведующего информационным отделом «Правды». До войны он прошел путь от ведения судебной хроники до освещения заседаний Верховного Совета СССР, брал интервью у директоров предприятий и наркомов. Он освещал строительство линий метро, участвовал в знаменитом автопробеге Москва – Каракумы – Москва, был в экспедиции в Арктике, которая искала земли Джиллиса и Санникова, принимал участие в спасении седовцев, тесно дружил с летчиками-испытателями ЦАГИ, освещал стратосферную эпопею, был в дружеских отношениях с авиаконструкторами.

Апофеозом репортерской карьеры стало его участие в 1937 г. в авиационном перелете и высадке на дрейфующую льдину Северного полюса легендарной четверки папанинцев – Папанина, Кренкеля, Федорова и Ширшова. Вернувшихся с Полюса полярников встречали члены Политбюро. Академик О.Ю. Шмидт – руководитель экспедиции, – представил Сталину участников перелета. Сталин, а за ним и все члены Правительства, по воспоминаниям сына Ростислава, «по очереди обняли и расцеловали отца и всех полярников» [5]. Сталин сказал, что знаком с его статьями. Бронтман и его коллега из «Известий» Эзра Виленский стали первыми журналистами в мире, побывавшими на Северном полюсе. Репортажи со льдины занимали первые места на страницах «Правды», а написанные позже книги об этих экспедициях – «На вершине мира» и др., издавались у нас тиражами в 50 тыс. экз. [4]. Его известность и профессионализм позволили войти в «кремлевский пул» – решением правительственной комиссии был допущен в состав узкой группы корреспондентов центральных газет в ближайшее окружение И.В. Сталина на всех официальных мероприятиях.

В конце июня 1941 г. Л.К. Бронтман был назначен заместителем заведующего военным отделом. Основная часть редакции, как и многие государственные учреждения, была эвакуирована на восток. Бронтман остался в числе тех 15 человек, кому пришлось тянуть нелегкую лямку выпуска газеты в голодной и холодной Москве. Весной 1942 г., после того как в Москву вернулась эвакуированная часть редакции, он получил возможность выехать на фронт. С тех пор регулярно ездил между фронтом и редакцией, записывая все происходящее в дневники.

Ближе к концу войны в государственной политике почувствовались антисемитские тенденции. Ощутил их на себе и Л.К. Бронтман, которому ответственный секретарь редакции Л.Ф. Ильичев настоятельно рекомендовал использовать псевдоним. Поэтому на страницах дневника иногда можно встретить фамилию Огнев – на эту фамилию ему было выписано в 1943 г. удостоверение личности, так он представлялся не знавшим его прежде людям[2], так он подписывал свои очерки – «Л. Огнев»; реже – Л. Огнев (Л. Бронтман). После удачного интервью с Анастасом Ивановичем Микояном в мае 1945 г. было разрешено подписываться своим именем.

В 1949 г. на партактиве, так же как и его коллеги С.Р. Гершберг и Я.З. Гольденберг (Викторов), был осужден за «грубые политические ошибки». Только фронтовой товарищ Мартын Мержанов выступил на активе против. Гершберг и Бронтман были уволены из «Правды». Редактор журнала «Знамя» Вадим Кожевников берет его на работу, но публиковаться он не может, выполняет лишь функции редактора. Между тем удар судьбы оказался роковым: Лазарь Константинович умер в декабре 1953 г. от рака легких.

Дневник Л.К. Бронтмана насыщен лицами и событиями, что делает его исключительно интересным историческим источником. Составленный нами алфавитный список упоминаемых корреспондентов насчитывает 188 фамилий (см. табл. 1).

Среди них журналисты-правдинцы Акульшин, С. Гершберг, Кривицкий, военкоры «Известий» Семен Гурарий, Леонид Кудреватых, Виктор Полторацкий, Совинформбюро – Антропов, Константинов,

[2] Например, запись беседы с Главным маршалом авиации А.А. Новиковым 18 августа 1944 г.

Таблица 1

Список изданий

Издания, в которых служили журналисты	Всего	%
Правда	65	34,6
Комсомольская правда	12	6,3
Известия	13	6,9
Красная звезда	13	6,9
ТАСС	19	10,1
Советское информбюро	5	2,7
Радио	4	2,1
Фронтовая иллюстрация	5	2,7
Красноармейские	12	6,4
Другие	40	21,3
Всего	188	100,0

Пономарев, Попейко, «Красной звезды» – Олег Кнорринг, Михаил Розенфельд, Захар Хацревин, Павел Трояновский, красноармейских газет – Наталья Боде, Габриэль Эль-Регистан и многие другие.

Не меньший интерес представляют его описания работы и быта фронтового корреспондента. Базируясь, как правило, на политуправлениях фронтов и армий, корреспонденты часто съезжались в одной деревне, образуя целые репортерские колонии. Здесь они делились рассказами и байками, юмористическими эпиграммами, которых немало в дневнике автора.

Фронтовые дороги сводили Бронтмана со знаменитыми писателями, поэтами и режиссерами, на время войны переквалифицировавшимися в военных репортеров, фотокорреспондентов и кинооператоров. Л.К. Бронтман приводит удивительные примеры, когда корреспонденты центральных газет месяцами кочевали (и воевали) с партизанскими отрядами, водили в бой пехоту, заменяя выбывших из строя командиров, буквально заставляли брать себя на борт штурмовиков стрелками и получали заслуженные боевые награды. И гибли, гибли, гибли... Автор очень тяжело переживал смерть коллег-журналистов, особенно друзей – Михаила Калашникова, Петра Лидова, Сергея Струнникова, Петра Олендера.

В Вооруженных силах в 1941–1945 гг. издавалось 1360 газет, 5 центральных («Красная звезда», «Красный флот», «Военное обучение», «Сталинский сокол», «Красный сокол»), 19 фронтовых, 124 армейских, 160 корпусных, 635 дивизионных, 149 – в ВМФ. Выходило более 20 журналов. В действующей армии работало четыре фронтовых объединения Военного издательства с походными типографиями. В выпуске военных изданий в действующей армии было занято более 10 тыс. чел. [34]. Известно, что 1,5 тыс. их сотрудников не дожили до Победы. В красноармейских и краснофлотских газетах всех фронтов Великой Отечественной войны проходили службу несколько категорий сотрудников. Это, во-первых, журналисты и типографские служащие, во-вторых, комбатанты и вольнонаемные. Большой отряд составляли вольнонаемные сотрудники редакций (радиотелетайписты, корректора, печатники и т.п.). Общую численность можно восстановить через анализ штатного расписания тех или иных военных газет. Известно, что в редакциях военных газет РККА служили свыше 4500 военных журналистов *(ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11296. Д. 670. Л. 265)*, 280 писателей *(ЦГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 213. Л. 18)*. Есть и другие цифры. Редактор журнала «Новый мир», писатель и военный журналист К.М. Симонов в апреле 1955 г. сообщал в ЦК КПСС, что Союз советских писателей имел в своем составе свыше 700 писателей-фронтовиков *(РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 92. Л. 56–61)*. Восстановить их численность и имена – не только научная задача, но и наш сыновний долг.

Источники и литература

1. *Берггольц О.* Говорит Ленинград. – Л., 1946

2. *Брежнев Л.И.* Малая земля. – М., 1978.

3. *Бронтман Л.К.* Дневники 1932–1947 // URL: https://militera.lib.ru/db/brontman_lk/1947.html (дата обращения 12.07.2025).

4. *Бронтман Л.К.* На вершине мира: [Экспедиция на Сев. полюс. 1937 г.]. – М., 1938.

5. *Бронтман Р.Л.* Большой волейбол в моей жизни // URL: https://zhurnal.lib.ru/r/ryndin_s_r/voleyball.shtml (дата обращения 12.07.2025).

6. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. – М., 1989.

7. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. – М., 2002.

8. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / гл. ред. и сост. Е.С. Сенявская. – М., 2005.

9. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения / гл. ред. и сост. Е.С. Сенявская. – М., 2006.

10. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. – М., 1968–1971.

11. *Гинзбург Л.* Записки блокадного человека. – М., 2021.

12. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». – М., 1993.

13. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. – М., 1969.

14. *Кринко Е.Ф.* Человек и война: историко-психологические исследования Е.С. Сенявской // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Вып. 4. – Майкоп, 2001. – С. 217–221.

15. *Кузнецов А.С.* Фронтовые дневники: содержание, особенности и потенциал источника (на примере источников периода Великой Отечественной войны) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – № 20 (2). – С. 329–339.

16. *Кузнецов А.С.* Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 63–67.

17. *Мацуев Н.* Русские советские писатели 1917–1967: Материалы для биогр. слов. – М., 1981.

18. *Мусаева С.А.* Дневник военного времени как источник журналистского материала // Время Науки. – 2015. – № 1. – С. 1–10.

19. [Некролог] // Литературная газета. – 1953. – № 148.

20. *Петровская И.Ф.* Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. – СПб., 2003.

21. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. Оп. 30. Д. 92. Л. 56–61.

22. *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. – М., 1968.

23. *Романова Г.А., Романов Н.Н.* Сталинградская битва в дневниковых записях младшего лейтенанта Рудницкого // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 55–61.

24. *Романова Г.А., Трифонова В.А., Романов Н.Н.* Фронтовой дневник: экзистенциальный опыт человека на войне // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – Т. 25. – № 4. – С. 55–61.

25. *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. – М., 1997.

26. *Сенявская Е.С.* Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 3. Победа. – М., 2010. – С. 197–211.

27. *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. – 2002. – № 4. – С. 135–145.

28. *Сенявская Е.С.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: Очерки по военной антропологии / Е.С. Сенявская, А.С. Сенявский, Л.В. Жукова. – М., 2017.

29. *Сенявская Е.С.* Повседневность российской армии в войнах XX века: понятие, структура и психология фронтового быта // Человек в российской повседневности. Сб. ст. – М., 2001. – С. 131–138.

30. *Сенявская Е.С.* Человек на войне: Опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 7–16.

31. *Симонов К.М.* Разные дни войны: дневник писателя // Собр. соч. в 10 т. Т. 2: 1942–1945 годы. – М., 1983.

32. Сообщения Сов. Информбюро. – М., 1944–1945.

33. *Тажидинова И.Г.* «Жизнь на войне» в дневниках советских офицеров 1941–1945 гг. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 4 (44). – С. 150–158.

34. *Устюжанин В.* Низкий вам поклон, ветераны // Московский комсомолец. – 2010. – 30 апр. (№ 25341).

35. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны). Картотека нагр. Шкаф 13. Ящик 7.

36. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11296. Д. 670. Л. 265.

37. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3058.

38. ЦГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 213. Л. 18.

39. *Цымбал В.* Фронтовой дневник (1942–1945). – М., 2024.

R.L. Ishakov

"IN FACT, STAND UP": JOURNALISTS IN THE DIARY OF L.K. BRONTMAN 1942-1945

Annotation. The article analyzes for the first time the diary of a journalist of the newspaper Pravda, which was introduced into scientific circulation in 2008. It shows that during the Great Patriotic War, the Soviet military did not keep diary entries, and the diaries themselves were banned. This determines the special interest in the research object. The author analyzes the content of the diary in terms of military-historical anthropology; 188 war correspondents, whose names are mentioned in the diary, are presented separately. A total of 10,000 people were employed in the production of the Red Army and Red Navy newspapers. Restoring their numbers and names is not only a scientific task, but also a filial duty, the author believes.

Keywords: L. K. Brontman, military historical anthropology, war correspondents, Red Army and Red Navy newspapers.

УДК 908

Ю.В. Першина

РОЛЬ ПИСЕМ С ФРОНТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Аннотация. В статье обозначена задача повышения роли учреждений культуры в историческом просвещении. Автор показывает особенности использования исторических документов – писем солдат с фронта – на уроках и во внеурочной деятельности в общеобразовательных организациях, в музейной работе.

Ключевые слова: письма с фронта, Великая Отечественная война, исторические документы, земляки.

Проблема воспитания гражданской идентичности подрастающего поколения на сегодняшний день является очень актуальной. Исторический опыт свидетельствует о том, что только на основе прочного духовно-нравственного и культурного фундамента складывается устойчивый менталитет нации. Настоящее и будущее российского общества и государства определяются бережным сохранением и развитием его духовно-нравственного наследия, исторических и культурных традиций народов России.

В мае 2024 г. был принят Указ Президента Российской Федерации № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». Под историческим просвещением понимается регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества. Среди задач, связанных с развитием научной базы исторического просвещения, обозначена задача повышения роли музеев, театров, кинотеатров, библиотек, архивов, средств массовой информации и массовой коммуникации в историческом просвещении, в том

числе посредством реализации образовательно-просветительских программ [3, с. 243–244].

Письма солдат с фронта отражают будни военной жизни, заботу о родных и друзьях. Отношение простых людей к Великой Отечественной войне очень ярко проявляется: мы можем, читая непритязательные сведения о себе, своей семье, понять, насколько война потрясла каждого. Учителям на уроках, краеведам для исследовательской деятельности будет интересно и полезно, изучая историю Великой Отечественной войны, использовать в качестве исторических источников письма с фронта. Эти письма наиболее ярко и разносторонне характеризуют жизнь солдата на фронте, проблемы, волновавшие его, «внутренний мир» войны [6, с. 21].

В качестве исторического источника письма с фронта могут служить для разных целей, например, при изучении трагедии Холокоста. Научно-просветительным Центром «Холокост» (г. Москва) в 2021 г. был подготовлен к печати очередной, шестой, выпуск сборника «Сохрани мои письма…». Он включает письма и дневники советских евреев, написанные в годы Второй мировой войны. Проект проводится уже более 15 лет. Первый выпуск был опубликован в 2007 г. Сначала сборники выходили с интервалом в три года. Последние издания – с интервалом в два года. Новый сборник включает 53 подборки, в которые вошли около 340 писем более 70 авторов, 3 дневника, 190 иллюстраций. Документы предоставили родственники, музеи, общественные организации из России и семи стран ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджана, Беларуси, Германии, Израиля, Латвии, США и Украины).

Чаще всего представлена семейная переписка. Эти очень личные письма отражают пребывание евреев в годы войны не только в действующей армии, в партизанских отрядах и оккупации, но и в учебных частях, тылу, Москве и блокадном Ленинграде, эвакуации. Ценную группу источников составляет переписка с родственниками из-за рубежа: как уцелевших в годы Холокоста, так и интересующихся судьбой своих родных. Представлены дневник и письма евреев, которые скрывали свою национальность, находясь в плену. Особая группа документов – это свидетельства о погибших в оккупации родственниках от друзей, соседей и сослуживцев [1, с. 83–84].

В настоящее время актуальной является организация работы с историческими документами на уроках и во внеурочной деятельности, на экскурсиях и музейных занятиях. Для управления качеством овладения обучающимися навыками работы с источниками необходимо выделить приемы учебно-исследовательской деятельности, которые необходимо сформировать: внимательное чтение текста источника, определение его главной идеи; выявление основных понятий, фактов, имен, дат; разбор текста с целью конкретизации описываемого явления; анализ аргументации автора, постановка собственных вопросов к тексту; сопоставление содержания текста с имеющимися у обучающихся знаниями, а также с другими источниками; формулирование обобщенных выводов, причинно-следственных связей, логической цепи рассуждений и умозаключений; презентация анализа документа в виде сообщения, ответа на вопрос, схемы, таблицы, реферата и т.п.

Можно выделить способы работы с документами по степени сложности ее организации. Во-первых, это использование документа в процессе изложения материала учителем или лектором (экскурсоводом) – его пересказ или цитирование. Во-вторых, это комментированное чтение с разъяснением учителем смысла, терминов, содержания. Следующим этапом может быть коллективный разбор источника на основе системы вопросов, поставленных учителем или лектором (экскурсоводом). Более высокая ступень работы обучающихся с документальным материалом – самостоятельная [5, с. 42–45].

Приведем примеры писем с фронта периода Великой Отечественной войны. И.Н. Шиляев родился в 1909 г. в д. Шиляевы Поломского сельсовета Просницкого (Кирово-Чепецкого) района Кировской области. Он был призван в армию в 1941 г., красноармеец, танкист. Пропал без вести в 1942 г. Рассмотрим письмо Ивана Николаевича Шиляева Евдокии Ильиничне Шиляевой от 13 августа 1941 г. из фондов Кирово-Чепецкого городского музейно-выставочного центра: «Привет из леса. Добрый день или вечер, многоуважаемая жена Дуся, мама, Нюра и все родные и знакомые. Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в жизни вашей и в работе вашей... Да и если я буду пока жив, то буду помогать, куда мне здесь деньги тратить, и если же буду получать так же, как и за тот

месяц… Получила ли ты мою посылку, все мое барахло, т.к. я посылал не сам. А также пиши, когда получишь деньги, которые я посылал, но посылать самому тоже не пришлось, а посылал один из товарищей, и поэтому на переводе, где страница для письма, то написал он там только привет и что жив-здоров. Я живу пока ничего, но ожидаем лучше. С 28 июля по 3 августа были на линии фронта. Третьего вечером отошли на отдых и были до 10 августа. Десятого перевели в другое подразделение и перешли на передовую линию фронта. 12-го снова ушли на отдых. Не знаем, долго пробудем здесь или нет, этого никто не скажет. Больше писать нечего. Пока. До приятного свидания. Остаюсь жив, здоров, чего и вам желаю. Писал известный вам муж Ваня Шиляев.

Мой адрес новый: полевая почтовая станция № 46, первый мотострелковый полк, третья танковая рота, Шиляеву» [7, с. 91–92].

Приведем примеры вопросов/заданий к тексту письма:

– Как вы считаете, внесла ли правки в текст письма военная цензура? Свою точку зрения аргументируйте.

– Творческое задание. Напишите ответное письмо Ивану Николаевичу Шиляеву от имени Евдокии Ильиничны Шиляевой, членов его семьи, учитывая исторические реалии Великой Отечественной войны.

Ниже представлен отрывок письма Веры Ананьевой матери от 27 августа 1942 г. из фондов Кировского областного краеведческого музея им. П.В. Алабина: «Мамусик, дорогая! Получила, наконец-то, от тебя письмо. Я уже совсем отчаялась получить. От папы два письма получила, а от вас ни одного... И какая была моя радость получить от вас письмо.

...Конечно, материнское сердце никогда не перестанет волноваться – все что ни будь да не ладно. Но ты сдерживай себя. Пойми, что кроме меня еще пять таких же сосунков. Их надо поставить на ноги.

...Я теперь спокойна, что вы в материальном отношении живете по-прежнему. Да, мамочка, благодарю за туфли. Мы с девчатами посмеялись. Говорят: «Вот видишь, придется обязательно вернуться. А то туфли не обновленными останутся. Порешили вернуться».

Мамочка, еще раз пишу, не волнуйся и не думай. Знаешь, какие тяжелые времена переживает наша Родина. Кого-то должен защи-

щать нашу землю, нашу свободу. Кроме нас самих никто не будет этого делать. За меня не бойся. О лучшей жизни когда-нибудь напишу. А пока учусь работать. Учиться легко, но немного трудновато быть командиром. Ведь не только нужно быть командиром, но и в то же время товарищем. Тем более, первый раз. Ну да ничего. Первое время тяжело, а потом будет легче…

…Ну все. Всех целую крепко. Желаю всем здоровья.

С приветом Вера. Жду быстрого ответа» [4].

Приведем примеры вопросов/заданий к тексту письма:

– Используя дополнительные исторические источники, обоснуйте свою точку зрения, была ли Вера Ананьева командиром отряда регулярных частей Красной армии или партизанского отряда?

– Основываясь на статистических данных, сформулируйте тезис (обобщенное суждение), насколько типичными или исключительными были случаи назначения женщин командирами отрядов во время Великой Отечественной войны? Данный тезис (обобщенное суждение) аргументируйте.

Фоминых Н.Ф. родился 20 мая 1924 г. в с. Арское Немского района Кировской области. Его призвали в армию в декабре 1942 г., когда советские войска в районе Сталинграда образовали кольцо вокруг группировки фельдмаршала Паулюса. После предварительного обучения военному делу его направили рядовым в 372-й стрелковый полк 218-й стрелковой дивизии. Звание Героя Советского Союза Н.Ф. Фоминых было присвоено 3 июня 1944 г. посмертно.

47-я армия Воронежского фронта, в состав которой входила 218-я дивизия, вела наступательные бои. Во многих боях участвовал рядовой Николай Фоминых, его находчивость, мужество и отвагу ценили боевые друзья и командиры. В одном из писем матери и младшим братьям он написал: «Дорогие мои! Я – в действующей армии. Гоним врага на запад. Придет время – очистим родную землю от гитлеровцев. А за меня не беспокойтесь, ради победы я ничего не пожалею».

Летом и осенью 1943 г. Красная армия добилась успехов, одержала победу в Орловско-Курской битве, почти на протяжении 700 км с севера на юг вышла к Днепру и во многих местах с ходу его форсировала. 47-я армия готовилась к переправе в районе Великого Букрина.

В ночь на 21 октября штурмовые группы 218-й Ромоданской стрелковой дивизии начали переправу через Днепр. Противник обнаружил десантников при свете ракет. Те, кто выскочил на песчаный плес, наступали на позиции врага. Фоминых был в первых рядах атакующих. В рукопашной схватке он уничтожил 20 гитлеровцев, гранатами – станковый пулемет. Гитлеровцы пошли в контратаку. Герой погиб от пули немцев [2, с. 156–158].

Леушин Д.С. родился 7 ноября 1920 г. в д. Сабельцы Нагорского района Кировской области в крестьянской семье. В июле 1942 г. он был призван в ряды Советской армии. Учился в школе радистов. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено 24 марта 1945 г. посмертно. Особый героизм рядовой Дмитрий Леушин проявил при форсировании Дуная. В ночь с 4 на 5 декабря 1944 г. он на лодке переплыл Дунай, под пулями немцев корректировал огонь полка. Один из осколков повредил связь, испортилась рация. Нужно было возвращаться на свой берег. Лодка, на которой переправлялся Дмитрий, была разбита прямым попаданием артиллерийского снаряда. Тогда Леушин решил переправляться вплавь. Под огнем он переплыл реку. Доложив командованию о случившемся, боец взял новую рацию и плот, вновь поплыл на западный берег. Когда до цели оставалось 20–25 м, противник, заметив Леушина, открыл огонь, и немецкий снаряд настиг героя.

В это время на родину Дмитрия Леушина почта принесла его последнее письмо: «Здравствуйте, дорогие мамаша Мария Терентьевна и сестра Глафира. Разрешите передать вам свой чистосердечный воинский привет и пожелать вам самой наилучшей настоящей и будущей жизни, а главное, здоровья.

Я очень огорчен вашим долговременным молчанием. Уже три месяца прошло с тех пор, как не получал от вас писем. Это меня сильно беспокоит. Хотя я от вас сейчас нахожусь далеко, но забыть вас не в силах, свою родину, вас, мамаша, и сестренок. Сообщайте все о своей жизни, работе. Как обстоит дело насчет хлеба.

Пару слов о себе. Живу пока хорошо. Жив и здоров. В настоящее время нахожусь в 25 километрах от Будапешта. Скоро снова пойдем в жестокий бой. Поэтому решил вам написать письмо. Может, оно будет последним. Но прошу вас не беспокоиться обо мне. Такая наша солдатская жизнь. Недавно отбили контратаку немцев. Полу-

чил от них «гостинец». Но ничего, все пройдет. Не завтра свадьба. Не сегодня, так завтра будем в столице Венгрии…» [2, с. 84–86].

Таким образом, письма с фронта периода Великой Отечественной войны имеют большое историческое значение для современников и потомков.

Источники и литература

1. *Альтман И.А.* Письма советских евреев периода войны: скорбь, поддержка, месть // Победа в Великой Отечественной войне как историческое событие в жизни еврейского народа: материалы Третьей Междунар. науч. конф. – М., 2021. – С. 83–97.

2. Герои Советского Союза – кировчане. Кн. 4. – Киров, 1988.

3. *Еремина Т.Ю.* Роль школьных музеев в формировании традиционных духовно-нравственных ценностей // Вятка. Музей. Алабин: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Киров, 2024. – С. 243–247.

4. Кировский областной краеведческий музей им. П.В. Алабина (КОМК). 22124/9.

5. *Мельников А.* Ученик – равноправный партнер в творчестве: возможности управления качеством образования на примере овладения методами работы с историческими источниками // Первое сентября. История. – 2005. – № 6. – С. 42–45.

6. *Першина Ю.В.* Письма с фронта как исторический источник // Письма периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: каталог коллекции из собрания Кирово-Чепецкого городского музейно-выставочного центра. – Киров, 2007. – С. 18–22.

7. Письмо Шиляева Ивана Николаевича Шиляевой Евдокии Ильиничне. 13.08.1941 г. // Письма периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: каталог коллекции из собрания Кирово-Чепецкого городского музейно-выставочного центра. – Киров, 2007. – С. 91–92.

Y.V. Pershina

THE ROLE OF LETTERS FROM THE FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A HISTORICAL SOURCE

Annotation. The article outlines the task of increasing the role of cultural institutions in historical education. The author shows the peculiarities of using historical documents – letters from soldiers from the front – in lessons and extracurricular activities in educational institutions, in museum work.

Keywords: letters from the front, the Great Patriotic War, historical documents, fellow countrymen.

УДК 94(470.343)«1941/1945»

О.М. Петров,
П.О. Леханов

ИМЯ В ИСТОРИИ: СОЗДАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ УЧАСТНИКОВ БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ 1945 г. (НА ПРИМЕРЕ МАРИЙСКОЙ АССР)

Аннотация. В статье представлены предварительные результаты формирования электронной базы данных участников Берлинской операции 1945 г. из числа жителей Марийской АССР. На основе анализа архивных источников, в первую очередь портала «Память народа», а также краеведческих изданий и наградных листов, в базу на текущий момент внесено около 400 имен. Описаны структура базы и методологические сложности, связанные с поиском участников. Приведены показательные биографии ветеранов, иллюстрирующие разнообразие боевого вклада жителей республики. В статье делается вывод о необходимости дальнейшего пополнения базы, ее научной, образовательной и мемориальной значимости как инструмента сохранения исторической памяти и восстановления индивидуальных судеб участников Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Берлинская операция, Марийская АССР, база данных, участники Великой Отечественной войны, «Память народа», наградные листы, историческая память, электронный мемориал.

В 2025 г. отмечается 80-летие победы в Берлинской операции – одного из ключевых событий Великой Отечественной войны, ставшего символом окончательного разгрома нацистской Германии и завершения Второй мировой войны в Европе. Этот юбилей придает особое значение исследованиям, направленным на восстановление и сохранение исторической памяти о подвиге советских солдат. В условиях, когда число живых участников войны стремительно уменьшается, особенно остро встает задача сохранения их личных историй и подвигов.

Особую значимость приобретает изучение вклада регионов СССР в общую Победу. Марийская Автономная Советская Социалистическая Республика направила на фронт тысячи солдат, многие из которых участвовали в штурме Берлина. Однако их имена, подвиги и судьбы зачастую остаются за пределами широкого научного

и общественного внимания, что делает их восстановление не только исторической, но и гражданской задачей.

Именно в связи с 80-летием Берлинской операции данная тема была выбрана студентами МарГУ в рамках новой дисциплины «Обучение служением» – образовательного проекта, объединяющего академические знания с гражданско-патриотическим воспитанием. Создание базы данных участников операции из Марийской АССР стало не просто научным предметом, а формой активного служения памяти, способом личного участия в сохранении национального и регионального наследия.

Одним из ключевых этапов формирования электронной базы данных жителей Марийской АССР участников Берлинской операции 1945 г. является анализ источников. Их условно можно разделить на несколько групп. Прежде всего документы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Марий Эл. Так, в фонде Р–1101 собрана внушительная коллекция фронтовых писем, воспоминаний тружеников тыла и ветеранов Великой Отечественной войны о событиях 1941–1945 гг. В фонде Р–1212 хранится коллекция документов участников войны, образовавшихся в ходе реализации научно-исследовательского проекта Комитета Республики Марий Эл по делам архивов «Человек на войне».

Значительное место в источниковой базе занимают мемориальные издания и книги памяти, в которых собраны сведения о тысячах участников Великой Отечественной войны. Эти публикации, как правило, ограничиваются минимальными биографическими данными – именем, годом и местом рождения, местом призыва, а в отдельных случаях краткой справкой о боевом пути. Биографические сведения в подобных изданиях чаще всего носят сухой и краткий характер, что не позволяет дать полное представление о ветеране. Вместе с тем их ценность заключается в том, что они дают возможность уточнять персональные данные, сопоставлять разрозненные сведения и проверять их достоверность, что делает данные книги важным вспомогательным инструментом при создании электронной базы участников Берлинской операции.

Одним из наиболее фундаментальных корпусов является электронный проект «Книга Памяти Республики Марий Эл» [9]. Эта база включает систематизированные сведения о жителях республики,

погибших и пропавших без вести на фронтах войны. Ее ценность состоит в том, что она фиксирует базовые биографические параметры, но охватывает только погибших и пропавших, тогда как судьбы вернувшихся фронтовиков остаются за ее рамками.

Значительное пополнение данного корпуса источников представляют собой районные издания «Они защищали Родину» [10]. Серия охватывает большинство районов Республики Марий Эл и содержит именные списки участников Великой Отечественной войны, уроженцев соответствующих территорий, а также биографические очерки, отражающие их боевой путь, наградной фонд и воспоминания современников. Особую ценность серия приобретает благодаря своей направленности на увековечение памяти ветеранов, вернувшихся с фронта и внесших вклад в послевоенное восстановление и социально-экономическое развитие страны.

Особое значение для изучения биографий имеет издание «История Марийского края в лицах. 1941–1945 гг. Великая Отечественная война», в котором собраны очерки о жителях республики, отличившихся на фронтах, в том числе и в Берлинской операции [3]. Структура книги позволяет выявить типологию фронтовых судеб, а также сопоставить индивидуальные биографии с общим ходом войны.

Не менее важен источник «Герои земли марийской: Наградные листы Героев Советского Союза», представляющий собой публикацию архивных документов. В отличие от обобщенных справочников, данный сборник позволяет исследователю работать с первоисточниками – наградными листами, раскрывающими характер подвига, обстоятельства боевой обстановки и личные качества воинов [1]. Заслуживает внимания также книга В.М. Домрачева «Спасибо, земляки, за Победу!» [2]. В ней представлены очерки о фронтовиках, основанные на воспоминаниях современников, архивных документах и местной периодике. Издание имеет скорее мемориальный и публицистический характер, но тем не менее оно восполняет недостаток персонализированных сведений, обращая внимание на конкретные судьбы и подвиги.

Несмотря на значительный корпус опубликованных источников, включая многотомные «Книги Памяти Республики Марий Эл» и районные серии мемориальных изданий, наиболее ценным и систематизированным ресурсом для создания базы данных стал

федеральный интернет-портал «Память народа» [4]. Данный портал, созданный Министерством обороны Российской Федерации, объединил в единой цифровой среде сведения, ранее находившиеся на разных ресурсах: «Мемориал», «Подвиг народа», «Боевой путь», а также в электронных базах Центрального архива Министерства обороны РФ. Портал объединяет персональные данные о военнослужащих, сведения об их награждениях, боевых эпизодах и документальные материалы (журналы боевых действий, оперативные приказы, донесения о потерях). Это позволяет не только найти конкретного фронтовика из Марийской АССР, но и проследить его боевой путь, участие в конкретных военных операциях, в том числе в финальном этапе войны – Берлинской операции.

Методология работы на указанном ресурсе предполагает использование нескольких уровней поиска: по фамилии, имени и отчеству, году рождения, месту призыва, воинскому званию и наградам. При выборке участников Берлинской операции – жителей Марийской АССР особую ценность представляет поиск по месту призыва через военкоматы республики, что позволяет выделять региональные группы фронтовиков. Наряду с этим значимым инструментом стал поиск по награде «За взятие Берлина», учрежденной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 г. Эта медаль вручалась военнослужащим, непосредственно участвовавшим в штурме и взятии столицы Германии с 23 апреля по 8 мая 1945 г. Награда являлась знаком непосредственного участия в штурме Берлина и получила массовое распространение – около 1,1 млн чел. ее удостоены, включая фронтовиков из Марийской АССР [11]. Поиск по данному критерию позволил выявить первоначальное ядро базы данных, лиц, документально подтвержденных как участников операции. Однако использование этого критерия имеет и определенные ограничения. Во-первых, далеко не все участники операции были удостоены данной награды. Кроме того, само определение «участник Берлинской операции» не всегда однозначно. Некоторые части, участвовавшие в боях не в самом Берлине, но выполнявшие задачи по окружению города, могли остаться без награды. Во-вторых, бойцы, погибшие в ходе Берлинской операции, как правило, не получали медали «За взятие Берлина», что существенно осложняет их нахождение по этому параметру. Таким образом, хотя поиск по медали

и является важным критерием верификации участия конкретного военнослужащего, он требует комплексного сочетания с другими параметрами поиска. Это анализ места призыва, воинской части и восстановление боевого пути конкретного ветерана.

Создание базы данных участников Берлинской операции осуществляется в формате Excel-таблицы, что обеспечивает удобство систематизации и обработки сведений. Структура таблицы включает восемь столбцов, каждый из которых отражает определенный блок биографической и источниковой информации:

Фамилия, имя, отчество (ФИО) – основной параметр, который позволяет соотнести сведения из различных источников и устранить возможные дубли.

Год и место рождения – данные, имеющие важное значение для поиска по территории (Марийская АССР, отдельные районы).

Место и дата призыва – указываются районные и городские военные комиссариаты, что позволяет выявить локальные особенности мобилизации и уточнять биографические сведения.

Звание и род войск – фиксируется воинское звание, а также принадлежность к роду войск (пехота, артиллерия, танковые войска, инженерные подразделения и др.), что способствует анализу распределения кадрового состава.

Награды – вносятся сведения о государственных наградах (орденах, медалях, знаках отличия). Особое внимание уделено медали «За взятие Берлина» как ключевому критерию отбора.

Описание подвига (наградной лист) – заносятся выдержки из наградных листов, содержащие описание конкретного боевого эпизода, за который боец был представлен к награде. Использование первоисточников позволяет дополнить сухие биографические данные конкретикой.

Фото ветерана – при наличии в открытых источниках или краеведческой литературе фотографические материалы вносятся в таблицу как визуальное дополнение к биографии.

Литература о нем – указываются конкретные публикации и фрагменты из книг, а также научных и краеведческих сборников, содержащих сведения о ветеране.

На текущем этапе база находится на начальном этапе работы и включает сведения примерно о 400 ветеранах – участниках

Берлинской операции, призванных из районов Марийской АССР. Работа по ее пополнению продолжается, поскольку значительная часть материалов еще не обработана, а сведения о фронтовиках остаются фрагментарными и разрозненными по цифровым и печатным источникам.

В рамках данной статьи невозможно представить полный обзор всех выявленных на текущий момент участников Берлинской операции, каждая из этих биографий заслуживает отдельного исследования, глубокого анализа и памяти. Также вследствие неполноты базы пока невозможно сформировать достоверные количественные показатели: распределение по родам войск, соотношение награжденных и погибших, географическая структура призыва и т.д. Однако для иллюстрации масштаба вклада жителей Марийской АССР в победу, а также для демонстрации потенциала создаваемой базы данных ниже приводятся несколько показательных биографий.

Гвардии майор Лисин Константин Иванович (род. 1915 г., д. Удельная, Юринский район) – один из наиболее ярких примеров офицерского командования в Берлинской операции. Призван в Красную армию в 1936 г., с 1941 г. участвовал в боевых действиях на различных фронтах. В одном из наградных листов офицеру дана следующая характеристика: «Лисин Константин Иванович работал в бригаде в октябре 1943 года. До боев много уделял внимание боевой подготовке и сколачиванию частей... Товарищ Лисин в любых условиях боя, презирая смерть, непрерывно находился в боевых порядках, умело руководил боевыми действиями. Штаб под его руководством работал с исключительной оперативностью, чем способствовал успешному продвижению вперед частей бригады и занятию городов Блендув, Инороцлав и множество других населенных пунктов». К началу апреля 1945 г., будучи дважды раненым и уже награжденным орденами Красной Звезды и Отечественной войны, Лисин исполнял обязанности заместителя командира бригады. В наградном листе отмечается его исключительная личная храбрость и оперативное мастерство: «Гвардии майор Лисин с начала боевых действий за Берлин все время находится в передовых порядках бригады, осуществляя замысел командования, и способствовал общему успеху операций бригады». Особенно выделяется его роль в форсировании канала Берлин – Шпандауэр-Шиффартс 23 апреля

1945 г., когда он лично возглавил операцию и обеспечил захват мощного плацдарма на левом берегу. По итогам боев под Берлином подразделения под его руководством нанесли противнику значительный урон: взято в плен 402 немецких солдат и офицеров; освобождено из-под стражи военнопленных русских и союзных армий более 1500; захвачено восемь складов с продовольствием и разным вооружением. За это же время уничтожено 975 немецких солдат и офицеров, 248 винтовок, 90 пулеметов, 30 орудий, четыре танка, 70 автомашин и много другого вооружения. За успешное руководство боевыми действиями Лисин был удостоен ордена Красного Знамени. После окончания войны продолжил службу в армии, что свидетельствует о высокой оценке его профессионализма [5].

Майор Соловьев Федор Иванович (род. 7 июня 1910 г., с. Верх-Ушнур, Советский район) представляет собой пример вклада специалистов тыловых родов войск. После окончания сельскохозяйственного техникума в 1931 г. он успел поработать по специальности до призыва в Красную армию в феврале 1933 г. Военную службу он проходил с большим энтузиазмом [2, с. 172]. Федор Иванович прошел всю войну, став командиром батальона связи. В Берлинской операции его подразделение сыграло ключевую роль в обеспечении устойчивого управления войсками: было развернуто пять узлов связи, передано свыше 120 тысяч телеграмм, организована стабильная связь с авиачастями. За эти достижения Соловьев был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Всего за годы войны он был удостоен трех орденов (Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени) и шести медалей, включая «За взятие Берлина» и «За победу над Германией». После демобилизации продолжил службу в органах МВД, выйдя в отставку в звании майора [2, с. 172–174; 6]. Его воспоминания, сохранившиеся в краеведческой литературе, служат важным источником для понимания повседневной работы тыловых подразделений в условиях финального штурма.

Гвардии младший сержант Краев Сергей Спиридонович (род. в 1926 г., д. Старое Мазиково, Моркинский район) – представитель младшего командного состава, чьи действия в бою демонстрируют героизм санинструктора. В Красную армию призван в ноябре 1943 г. Моркинским РВК Марийской АССР. В ходе боевых действий

на территории Германии гвардии младший сержант Краев проявил высокие образцы боевого мужества и самоотверженности. В боях под Бранденбургом он, действуя в составе санитарного подразделения, организовал эвакуацию с поля боя восьми раненых танкистов, выполнив при этом 23 санитарные операции по оказанию первой помощи под огнем противника. В последующих сражениях за один из населенных пунктов он лично вынес пять раненых бойцов и при охране других раненых отразил атаку группы немецких автоматчиков, уничтожив четырех солдат противника. За проявленные мужество, героизм и самоотверженность в боевых условиях С.С. Краев был удостоен ордена Красной Звезды, что подтверждено соответствующим приказом командования [7].

Особое место в базе занимает гвардии младший лейтенант Царегородцев Евгений Павлович уроженец с. Федюнята Новоторъяльского района. Он прошел путь от рядового пулеметчика до командира роты. На воинскую службу был призван в 1942 г. в возрасте 19 лет. Свой боевой путь начал в Сталинграде, в последующих боях хорошо себя проявил в качестве пулеметчика. Был награжден орденами Красной Звезды и Славы 3-й степени. В конце 1944 г. окончил Ташкентское военное пулеметно-минометное училище Красной армии и отправился в действующую армию, где стал командиром пулеметного взвода в 226-м стрелковом полку 74-й гвардейской стрелковой дивизии. Однако свой последний бой Евгений Павлович встретил уже командуя ротой. Обстоятельства его гибели описаны так: «В бою при форсировании канала южнее Рейхстага, когда противник плотным пулеметным огнем и фаустами приостановил продвижение роты вперед, тов. Царегородцев, поднявшись во весь рост с возгласом «За родину!», «За Сталина!», увлек роту в атаку, в результате чего стремительным штурмом был захвачен дом, в котором оборонялись немцы, уничтожено пять пулеметов и свыше 20 гитлеровцев. В этом бою тов. Царегородцев пал смертью храбрых». По итогам боя гвардии младший лейтенант Царегородцев был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени посмертно [8]. Его судьба символизирует трагическую цену Победы и подчеркивает необходимость включения в базу данных не только награжденных, но и погибших в решающих сражениях.

Приведенные биографические примеры демонстрируют многообразие военных подвигов жителей Марийской АССР, показывают их вклад в разгром нацистской Германии и позволяют наполнить сухие статистические данные живыми судьбами конкретных людей.

Создание электронной базы данных участников Берлинской операции из числа уроженцев Марийской АССР на текущем этапе представляет собой лишь предварительный результат исследовательской работы. Сформированная база, включающая около 400 имен, уже позволяет выявить некоторые результаты. Однако реальное число участников, вероятно, намного больше. Особенно сложной является проблема выявления погибших в боях за Берлин, чьи имена зачастую не вошли в наградные списки. Таким образом, основная задача на ближайшее время – анализ источников и систематическое пополнение базы. Ценность данной работы многогранна. Она не только помогает сохранить историческую память о Великой Отечественной войне, но и может стать важным источником в исследовании военной истории и краеведения.

Источники и литература

1. Герои земли марийской: Наградные листы Героев Советского Союза. – Йошкар-Ола, 1965.

2. *Домрачев В.М.* Спасибо, земляки, за Победу! – Йошкар-Ола, 2014.

3. История Марийского края в лицах. 1941–1945 гг. Великая Отечественная война. – Йошкар-Ола, 2015.

4. Память народа // URL: https://pamyat-naroda.ru (дата обращения: 28.08.2025).

5. Память народа // URL: https://clck.ru/3NxSRp (дата обращения: 27.08.2025).

6. Память народа // URL: https://clck.ru/3NxSSn (дата обращения: 27.08.2025).

7. Память народа // URL: https://clck.ru/3NxSa5 (дата обращения: 27.08.2025).

8. Память народа // URL: https://clck.ru/3NxSas (дата обращения: 28.08.2025).

9. Память поколений: электронный краеведческий проект Правительства Республики Марий Эл // URL: https://pamyat.mari-el.gov.ru/ (дата обращения: 28.08.2025).

10. Правительство Республики Марий Эл: официальный сайт. О Республике: Память поколений // URL: https://mari-el.gov.ru/republic/about/memory/ (дата обращения: 28.08.2025).

11. *Шуняков Д.В.* Награды удостоены…: статистические данные по награждению советскими орденами и медалями в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2021. – № 5. – С. 46–50.

O.M. Petrov,
P.O. Lehanov

A NAME IN HISTORY: CREATING A REGIONAL DATABASE OF PARTICIPANTS IN THE 1945 BERLIN OPERATION (BASED ON THE MARI ASSR)

Annotation. The article presents the preliminary results of the formation of an electronic database of participants in the Berlin operation of 1945 from among the residents of the Mari ASSR. Based on the analysis of archival sources, primarily the Memory of the People portal, as well as local history publications and award sheets, about 400 names have been added to the database so far. The structure of the database and the methodological challenges associated with the search for participants are described. Illustrative biographies of veterans are provided, demonstrating the diverse contributions of Mari people to the war effort. The article concludes that it is necessary to further expand the database and its scientific, educational, and memorial significance as a tool for preserving historical memory and restoring the individual fates of participants in the Great Patriotic War.

Keywords: Berlin operation, Mari ASSR, database, participants of the Great Patriotic War, People's Memory, award lists, historical memory, electronic memorial.

УДК 94(47).084.8

С.К. Свечников

СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ. 5 СЕНТЯБРЯ 1942 ГОДА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ М.Е. ЗАЙЦЕВА

Аннотация. В статье сочетается личная история солдата с анализом одного из ключевых эпизодов Сталинградской битвы, имевшего далеко идущие стратегические последствия. На конкретном примере показано, как судьбы миллионов воинов сливались в великую Победу. Работа является вкладом и в семейную летопись, и в историческую память о Великой Отечественной войне, и в понимание цены жизни каждого солдата на той войне.

Ключевые слова: семейный архив, Великая Отечественная война, Сталинград, контрнаступление, связист, подвиг, ранение.

11. *Шуняков Д.В.* Награды удостоены…: статистические данные по награждению советскими орденами и медалями в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2021. – № 5. – С. 46–50.

O.M. Petrov,
P.O. Lehanov

A NAME IN HISTORY: CREATING A REGIONAL DATABASE OF PARTICIPANTS IN THE 1945 BERLIN OPERATION (BASED ON THE MARI ASSR)

Annotation. The article presents the preliminary results of the formation of an electronic database of participants in the Berlin operation of 1945 from among the residents of the Mari ASSR. Based on the analysis of archival sources, primarily the Memory of the People portal, as well as local history publications and award sheets, about 400 names have been added to the database so far. The structure of the database and the methodological challenges associated with the search for participants are described. Illustrative biographies of veterans are provided, demonstrating the diverse contributions of Mari people to the war effort. The article concludes that it is necessary to further expand the database and its scientific, educational, and memorial significance as a tool for preserving historical memory and restoring the individual fates of participants in the Great Patriotic War.

Keywords: Berlin operation, Mari ASSR, database, participants of the Great Patriotic War, People's Memory, award lists, historical memory, electronic memorial.

УДК 94(47).084.8

С.К. Свечников

СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ. 5 СЕНТЯБРЯ 1942 ГОДА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ М.Е. ЗАЙЦЕВА

Аннотация. В статье сочетается личная история солдата с анализом одного из ключевых эпизодов Сталинградской битвы, имевшего далеко идущие стратегические последствия. На конкретном примере показано, как судьбы миллионов воинов сливались в великую Победу. Работа является вкладом и в семейную летопись, и в историческую память о Великой Отечественной войне, и в понимание цены жизни каждого солдата на той войне.

Ключевые слова: семейный архив, Великая Отечественная война, Сталинград, контрнаступление, связист, подвиг, ранение.

Великая Отечественная война – важнейшее, судьбоносное событие в истории нашей страны. Мы все ощущаем свою связь с ней через наших прародителей, непосредственно причастных к той самой Великой Победе. С гордостью и трепетом вспоминаем об их деяниях. Вдвойне, втройне волнительно, когда в наши дни внезапно обнаруживаются оставленные ими много лет назад послания потомкам.

В 2023 г. в нашей семье произошло именно такое событие: на дне сундука, где хранились вещи нашей матери Тумишкиной Галины Максимовны (1946–2021), моя жена Свечникова Татьяна Владимировна нашла старые тетради с записями воспоминаний своего деда Зайцева Максима Егоровича (1913–1972). На двух языках – русском и марийском (горном) – отец оставил для своей дочери письменное послание, в котором он описал свое участие в войне. До этого мы знали только то, что наш дед Максим Егорович Куртянов (эту фамилию он взял у своей супруги при заключении брака 21 сентября 1944 г.) был ветераном Великой Отечественной войны, инвалидом, потерявшим ногу в Сталинградской битве. Иные подробности нам были неизвестны. Наша мама почему-то бумаги своего отца никому не показывала. Подробности его участия в войне тоже держала в секрете – говорила только, что отец никому и никогда не рассказывал, каким был его боевой путь, так как сразу же начинал сильно переживать и горько плакать, как только речь заходила о войне.

Свои воспоминания, адресованные дочери Галине (тогда уже студентке МГПИ им. Н.К. Крупской), Максим Егорович изложил на страницах двух ученических тетрадей. В первой тетради, напечатанной во втором квартале 1967 г. (записи не датированы, но, очевидно, они сделаны в промежутке между 1967 и 1972 гг.), содержатся два текста. Первый текст – это написанная на русском языке автобиография, которая завершается описанием участия в войне (до сентября 1942 г.). Второй текст составлен уже на марийском языке, он представляет собой подробное описание сражения, в котором Максим Егорович получил тяжелое ранение. Вторая тетрадь (датируемая вторым кварталом 1969 г.) озаглавлена следующим образом: «Дневник по фронтовому делу в Сталинградской битве с 1-го сентября по 5-ое сентября 1942-го года Зайцева Максима Егоровича». По своему содержанию это на самом деле воспоминания, охватываю-

щие период с 1942 по 1966 г. Тексты, написанные на русском языке, содержат множество грамматических, орфографических, стилистических ошибок – видимо, сказывались переизбыток эмоций и переживаний при составлении записей, а также недостаточно хорошее знание автором русского языка. Текст на марийском языке написан более грамотно и связно. Он приводится в приложении с сохранением языковых и стилистических особенностей вместе с переводом на русский язык.

Уже после первого беглого знакомства с этими записями стало ясно, почему наш дедушка М.Е. Зайцев (Куртянов) хранил в секрете историю своего участия в Великой Отечественной войне. Дело в том, что он успел побыть на фронте меньше недели, а в первый же день боевых действий получил ранение, навсегда выбившее его из строя. Чувство горькой досады, отягощенное памятью об ужасах первого и единственного сражения в жизни, совсем не располагали М.Е. Зайцева к рассказам о своем боевом прошлом. Возможно, осознание значимости своего вклада в Победу к нему пришло только после того, как в 1967 г. его наградили высокой государственной наградой – орденом Отечественной войны 2-й степени (№ 942519). Похоже, именно это и побудило его запечатлеть на бумаге воспоминания для своей единственной дочери, уже повзрослевшей и способной многое понять.

Между тем нашему дедушке М.Е. Зайцеву в начале сентября 1942 г. довелось принять непосредственное участие в событиях, имевших огромное значение для хода Сталинградской битвы, а значит, и всей войны. Было ли это ему известно, теперь уже мы не узнаем. Но считаю своим долгом восстановить историческую справедливость, поведать миру, как судьба одного человека в числе миллионов таких же героев вплелась в историю войны и нашей Родины.

Как известно, 23 августа 1942 г. немецко-фашистские войска прорвались к Волге севернее Сталинграда; сам город в результате многодневной варварской бомбардировки был превращен в груду развалин, битого кирпича и щебня; враг, имея подавляющее превосходство в живой силе и технике, теснил героически оборонявшие Сталинград 62-ю (командующий – генерал-лейтенант Лопатин А.И.) и 64-ю (командующий – генерал-лейтенант Шумилов М.С.) армии. Соединения 62-й армии оказались отрезанными

от основных сил Сталинградского фронта (командующий – Маршал Советского Союза Тимошенко С.К.). Сил для сдерживания вражеского натиска ни у 62-й, ни у 64-й армий не хватало [3, с. 259–270]. 3 сентября 1942 г. Верховный Главнокомандующий Сталин И.В. направил специально командированному в район Сталинграда генералу Жукову Г.К. директиву следующего содержания: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленной помощи. Потребуйте от командующих войсками, стоящими к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению» [2, с. 380]. По воспоминаниям Г.К. Жукова, сразу же после получения этой директивы состоялся телефонный разговор, в котором И.В. Сталин настаивал на совершении незамедлительных действий: «Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскачаетесь?.. Еременко утверждает, что противник может взять Сталинград при первом же нажиме, если вы немедленно не ударите с севера» [6, с. 399]. А.И. Еременко, который в то время командовал Юго-Восточным фронтом, оборонявшим Сталинград, спустя много лет в своих мемуарах так оценивал сложившуюся ситуацию: «В начале сентября опасность захвата Сталинграда врагом не только не уменьшилась, но стала еще более угрожающей. Необходимо было немедленно отвлечь какую-то часть сил противника от города и ослабить его нажим на 62-ю армию и на правый фланг 64-й армии, чтобы, выиграв хоть немного времени, усовершенствовать оборону города и подтянуть резервы из-за Волги» [4, с 162].

Группировка войск Красной армии, стоявшая к северу от Сталинграда и входившая в состав Сталинградского фронта, к началу сентября 1942 г. была усилена переданными из резерва Ставки Верховного Главнокомандования двумя армиями – 24-й (командующий – генерал-майор Козлов Д.Т.) и 66-й (командующий – генерал-лейтенант Малиновский Р.Я.) [4, с. 163; 6, с. 396–397; 9; 15, с. 376]. В это время в роте связи 958-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии 66-й армии служил младший сержант Максим Зайцев [11].

Начальные страницы биографии М.Е. Зайцева в целом типичны для многих уроженцев нашей республики, воевавших на фронтах Великой Отечественной: родился он в 1913 г. в д. Тушналы Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне Горномарийского района Республики Марий Эл), в бедной многодетной крестьянской семье. Согласно рукописным воспоминаниям, в возрасте пяти лет остался без матери, а в 1929 г. умер отец. Из-за тяжелого материального положения не смог продолжить учебу в Козьмодемьянском педучилище, покинув его на 2-м курсе в 1931 г. Работал в родном колхозе, а также на лесозаготовках. С началом Великой Отечественной войны принимал участие в строительстве оборонительного рубежа на левом берегу Волги. Сразу же по завершении этих работ 28-летнего М.Е. Зайцева 1 марта 1942 г. мобилизовали в ряды РККА. Три месяца проходил подготовку в военном лагере у станции Сурок, освоил специальность связиста, а точнее, линейного надсмотрщика, обязанного тянуть линии связи, ставить столбы, вовремя ремонтировать обрывы.

В июне 1942 г. М.Е. Зайцев прибыл в распоряжение 299-й стрелковой дивизии (командующий – подполковник Бакланов Г.В.), дислоцировавшейся в г. Ковров Владимирской области. Особенностью этой дивизии было то, что почти наполовину она состояла из бойцов нерусской национальности, не владевших русским языком; кроме того, по возрасту преобладали бойцы 35–40 лет. С 6 июня по 22 августа 1942 г. дивизия усиленно занималась боевой и политической подготовкой. Приказом Ставки Верховного Главнокомандования № 994170 от 24 августа 1942 г. 299-я стрелковая дивизия вошла в состав 66-й армии, которую направили на Сталинградский фронт [7; 10]. По словам М.Е. Зайцева, его 958-й полк погрузили в вагоны 27 августа 1942 г., но не сообщили, на какой фронт отправляют; только в пути стало известно, что везут в Сталинград. Он не упоминает о каком-либо страхе в связи с этой новостью, в его записях только бодрые слова: «Скорей бы добраться на переднюю линию фронта, воевать, защищать свою Родину, не пропускать дальше противника». Ничего он не сообщает и о тех трудностях, которые пришлось преодолевать бойцам в ходе марша к линии фронта. Зато сохранились воспоминания об этом комдива Г.В. Бакланова: «Дивизия разгружалась прямо в степи, в нескольких десятках

километров от Камышина. Дальше предстояло ночными переходами двигаться к Сталинграду... Чтобы избежать бомбежек, шли преимущественно ночами. Степь дышала сухим, опаляющим жаром. Темнота была такой тяжелой и плотной, что хотелось раздвигать ее руками, чтобы облегчить продвижение. В график не укладывались. Часто рассвет, не приносивший обычной предутренней прохлады, заставал нас на марше. Иногда вообще шли большую часть дня. Дневные переходы, естественно, привлекали внимание вражеской авиации. Брюхатые Ю-88 и Ю-87 деловито вываливали на колонну свой смертоносный груз и, тяжело развернувшись, отправлялись за новой порцией бомб... Сухую, горячую землю покрывала паутина глубоких трещин. Из них тоже поднимался палящий жар. Казалось, эти трещины ведут непосредственно в самое чрево земли, клокочущее морем огня. И снова колонна движется по степи, окутанная, словно одеялом, горячей сухой пылью. Снова жара, жажда, бомбежки и километры опаленной войной и солнцем земли. Мы идем на защиту Сталинграда» [1, с. 33–34]. В журнале боевых действий 299-й стрелковой дивизии также указано, что бойцы из-за нехватки транспорта были вынуждены нести на себе матчасть, пулеметы, минометы, боеприпасы; вместе с тем отмечается, что «благодаря умелому маневрированию и постоянному наблюдению за воздухом части дивизии, несмотря на усиленную бомбежку с воздуха, понесли весьма незначительные потери» [7].

Под грохот орудий, разрывов бомб и снарядов Сталинградской битвы проходило сосредоточение и развертывание войск 66-й армии. Прямо с марша полки и дивизии занимали боевые порядки, не дожидаясь прибытия средств усиления.

По воспоминаниям М.Е. Зайцева, 2–4 сентября 1942 г. все атаки немцев были успешно отбиты. В действительности же оборонительные и контрнаступательные действия в это время совершали соседние 1-я гвардейская, 4-я танковая, 21-я и 63-я армии Сталинградского фронта, в то время как 66-я, а также 24-я армии осуществляли боевое развертывание и выходили на исходный рубеж наступления [9]. Правда, при этом позиции 66-й армии подвергались атакам вражеской авиации. Так, 3 сентября в результате вражеского налета понесли потери части 299-й стрелковой дивизии – погибло 2 чел., ранено 4 чел. [10].

В ночь на 3 сентября был получен приказ, в котором предписывалось 66-й армии к утру 4 сентября развернуться на рубеже южнее и юго-западнее села Ерзовка, имея слева Волгу, справа – 1-ю гвардейскую армию. 5 сентября во взаимодействии с ней нанести удар своим правым флангом с задачей оттеснить восточную группировку противника от западной, прижать ее к Волге и уничтожить [16, с. 16–18]. 299-я стрелковая дивизия как раз и входила в этот правый фланг [13]. Непосредственно 299-й стрелковой дивизии было приказано: «Наступать в общем направлении западные отроги б. Сухая Мечетка, отм. 145,1, выс. 144,2 и нанося удар правым флангом отбросить противостоящие части противника к р. Волга и во взаимодействии со 120 сд уничтожить его. Ближайшая задача – овладеть рубежом 145,1, 147,6 в дальнейшем наступать в направлении выс. 144,92» [7].

К назначенному времени (5 часов утра 5 сентября 1942 г.) подготовка к наступлению не была завершена, части и подразделения продолжали прибывать, занимать боевой порядок. Командующий фронтом Тимошенко С.К. разрешил отсрочить начало атаки на 8, затем на 9 часов. С рассветом 5 сентября фашистское командование бросило против 66-й армии авиацию. В 9 часов после короткой артподготовки и залпов «Катюш» дивизии ударной группировки перешли в наступление. 299-я дивизия с 246-й танковой бригадой атаковала высоту 144,2. Наступающих встретил сильный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь. Свежей, не обстрелянной 66-й армии противостояли опытные, закаленные в боях, хорошо вооруженные части 3-й моторизованной и 16-й танковой дивизии вермахта. Красноармейцы начали ползком и перебежками продвигаться вперед. Танки прорвались в расположение противника и завязали огневой бой. На высоте 144,2 разгорелась яростная схватка; подоспевшие пехотинцы ворвались в окопы фашистов. Казалось, еще усилие – и высота будет взята. Но в этот момент противник с танками перешел в контратаку. В дыму и разрывах снарядов несколько часов продолжался тяжелый бой. Дважды над высотой повисали фашистские «юнкерсы», бомбя и обстреливая наши наступающие части. При поддержке авиации и артиллерии фашистам все же удалось отстоять высоту. Тем не менее подразделения 299-й стрелковой дивизии продвинулись вперед на 6–7 км, захватив отдельные окопы

противника, и закрепились на достигнутых рубежах. В частности, 958-й полк занял оборону на южных скатах высоты 136,6 [7; 8; 9; 10; 16, с. 19–21].

Этот жаркий бой описал в своих записях и М.Е. Зайцев. Правда, по его словам, он начался в 11 часов, а «немец отступил на 9 верст». Возможно, немного подвела память и сказывалось неполное знание всей обстановки. Но, самое главное, Максим Егорович подробно описал, что он делал и что с ним произошло в этот день, 5 сентября 1942 г.

От интенсивной вражеской бомбардировки наших позиций часто рвались телефонные кабели. Чтобы восстановить связь, прямо под вражеским обстрелом из блиндажа или окопа отправлялся телефонист. Когда осколок оборвал линию, идущую в командно-наблюдательный пункт батальона, как вспоминает М.Е. Зайцев, для устранения повреждения был сначала направлен его земляк Василий Семенович Матюков (он был родом из д. Алешкино Горномарийского района, 1904 г.р. [12]). Но он получил ранение в руку и не смог справиться с заданием. Тогда командир роты связи, точная фамилия которого, увы, ему не запомнилась (Пангешвилев, Пангевшвилев, Пангшвилев, Пангвашилов), приказал устранить разрыв линии младшему сержанту М.Е. Зайцеву. Это было его самое первое боевое задание, с которым, несмотря на пребывание под ураганным вражеским огнем, справился быстро и качественно. Он даже успел проконтролировать, восстановилась ли связь (*ик вäре проверäйӹшӹм – попат, разговор улы* ‘проверил в одном месте – разговаривают’). Вскоре М.Е. Зайцев получил приказ восстановить линию, связывающую штаб батальона с командно-наблюдательным пунктом. С огромной катушкой на спине он ринулся выполнять задание, но, не дойдя до комбата где-то около 50 м, рухнул, сраженный взрывом (*миен шӹм шо, катушка ге, молы ге покан кенвазым* ‘не добрался, рухнул на бок с катушкой и со всем остальным’). Двигаться он не мог, потому что была раздроблена левая нога ниже колена и повреждена правая. Так он пролежал, истекая кровью, несколько минут. Прибежал старший политрук, который, похоже, наблюдал за действиями смелого связиста. Имя его Максим Зайцев не знал, потому что, как и было положено, бойцы всегда обращались к нему только по званию: «Товарищ старший политрук!». Старший

политрук снял с раненого бойца катушку, вещмешок, шинельную скатку и остальное обмундирование. Катушку передал другому линейному надсмотрщику, ему потом удалось восстановить связь. По приказу старшего политрука санитары-носильщики унесли раненого бойца с поля боя. В медсанбате старший политрук от руки написал справку с кратким описанием обстоятельств получения ранения младшим сержантом М.Е. Зайцевым. Утром 6 сентября была проведена операция по ампутированию левой ноги. Затем лечился в госпитале в далеком Барнауле. Лишь 14 мая 1943 г. вернулся домой в родную деревню. Решением комиссии райвоенкомата 27 декабря 1944 г. Максима Егоровича Зайцева признали негодным к несению воинской обязанности и сняли с воинского учета. Находясь в тылу, он работал в колхозе, являлся бригадиром. Был даже случай, когда поймал дезертира, прятавшегося в сеновале.

Мужественного бойца-связиста, получившего в бою тяжелую рану, не представили к награде сразу же по следам произошедших событий. Это было, в первую очередь, связано с тем, что подобных случаев было очень много, бойцы проявляли массовый героизм. Командующий 299-й стрелковой дивизией Г.В. Бакланов в своих мемуарах сразу же после описания памятного сражения 5 сентября 1942 г. отметил: «Каждый раз, когда передо мной, как командиром дивизии, вставал вопрос о награждении отличившихся, я попадал в труднейшее положение. Буквально каждый солдат, каждый командир на своем посту сражался как герой. Ежедневно мне докладывали не о десятках, а о сотнях отличившихся. Кому отдать предпочтение?.. И все-таки надо было выбирать лучших» [1, с. 42–43].

С другой стороны, награждают, как правило, победителей, между тем как наши войска, наносившие контрудар, не смогли до конца выполнить поставленной задачи. 5 сентября 1942 г. и в последующие дни (контрнаступательная операция без перерыва длилась до 14 сентября, затем после паузы возобновилась 18 сентября) 66-й, 24-й, 1-й гвардейской армиям не удалось прорвать оборону противника и пробиться к Сталинграду. Основные причины неудачи справедливо оценил А.И. Еременко: «Открытая степная местность района боевых действий (без ориентиров), на которой трудно укрыться, была неудобной как для сосредоточения войск, так и для их передвижений. Для отражения наших ударов противник располагал

очень сильной авиацией, безраздельно господствовавшей в воздухе. В составе ударных пехотных и танковых частей у него имелось несколько «бронированных кулаков», включавших также достаточное по тому времени количество самоходных орудий. Все это было брошено против наступавших войск. Не имея достаточного прикрытия с воздуха, они оказались не в состоянии полностью выполнить поставленную задачу» [4, с. 170]. Кроме того, А.С. Жадов, заменивший 14 октября 1942 г. Р.Я. Малиновского на посту командующего 66-й армией, отметил и другие недостатки: «Дивизии были малочисленны, имевшиеся 1300 орудий и минометов обеспечены только четвертью боекомплекта боеприпасов, танков было также очень мало, материальная обеспеченность войск крайне низкая» [5, с. 54]. В этом же духе высказался и К.К. Рокоссовский, назначенный вместо С.К. Тимошенко командующим Сталинградским фронтом 30 сентября 1942 г. (тогда же Сталинградский фронт был переименован в Донской, а Юго-Западный – в Сталинградский): «Объективно оценивая сложившуюся на этом участке обстановку, должен признать, что дело было не в неудачном командовании, а в недостатке сил и средств для успешного решения задачи. Сказывалась и спешка. От командующего фронтом настойчиво требовали перелома в боевых действиях, не учитывая, что на стороне противника в это время было значительное превосходство в силах» [14, с. 136].

Однако, как бы то ни было, все в один голос отмечают основную заслугу армий Сталинградского фронта, начавших 5 сентября 1942 г. контрнаступление. Своими действиями они вынудили немецко-фашистское командование принять срочные меры для укрепления северного фланга войск, наступавших на Сталинград, направить туда свои резервы и часть сил, непосредственно штурмовавших Сталинград. Уже 5 сентября, как указывает в своих воспоминаниях Г.К. Жуков, советской авиационной разведкой было установлено, что «из района Гумрак – Орловка – Большая Россошка на север движутся большие группы танков, артиллерии и мотопехоты противника» [6, с. 399]. Нависшая угроза захвата фашистами Сталинграда сходу была ликвидирована. 62-я и 66-я армии за то время, пока шла контрнаступательная операция Сталинградского фронта 5–14 сентября 1942 г., получили возможность хорошо подготовиться к отражению вражеского массированного штурма Сталинграда,

развернувшись на городском оборонительном обводе и превратив город в неприступную крепость.

Операция Сталинградского фронта, начавшаяся 5 сентября 1942 г., имеет еще одно судьбоносное значение. Она стала, можно сказать, прародителем знаменитой операции под кодовым названием «Уран», увенчавшимся окружением и полным разгромом врага под Сталинградом. Согласно мемуарам Георгия Константиновича Жукова, 12 сентября 1942 г. его и начальника Генштаба Александра Михайловича Василевского пригласил к себе И.В. Сталин. Г.К. Жуков доложил, что 1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии из-за отсутствия достаточных средств усиления и особенностей рельефа прорвать фронт обороны противника не могут. Приглашенные военачальники попросили Верховного Главнокомандующего, чтобы он выделил резервы для пополнения наступающих войск. Далее следует такое описание: «Верховный достал свою карту с расположением резервов Ставки, долго и пристально ее рассматривал. Мы с Александром Михайловичем отошли подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение. “А какое “иное” решение?” – вдруг, подняв голову, спросил И.В. Сталин» [6, с. 402].

Уже на следующий день Г.К. Жуков и А.М. Василевский пришли к И.В. Сталину с общей идеей этого «иного» решения: «Первое – активной обороной продолжать изматывать противника; второе – приступить к подготовке контрнаступления, чтобы нанести противнику в районе Сталинграда такой удар, который резко изменил бы стратегическую обстановку на юге страны в нашу пользу. Что же касается конкретного плана контрнаступления, то, естественно, за один день мы не могли подготовить детальные расчеты, но нам было ясно, что основные удары нужно наносить по флангам сталинградской группировки, прикрывавшимся королевскими румынскими войсками» [6, с. 402]. Так началась история разработки и осуществления операции «Уран», изменившей весь ход войны.

Вскоре после Сталинградской победы 16 апреля 1943 г. 66-я армия была преобразована в 5-ю гвардейскую армию [16, с. 46]. Этим были признаны мужество, стойкость, отвага и героизм солдат и офицеров в сражениях под Сталинградом. Гордимся, что в этом есть и заслуга нашего дедушки Максима Егоровича Зайцева!

М.Е. Зайцевӹн äшӹндäрӹмäшӹжӹ

Мämнäм нäлӹн миэвӹ 1-й сентябрьӹн вадеш. Иктä кок цäш эртӹмӹкӹ, тäрвäтевӹ ашкедäш ялын. Сек анзыц кеä ударный батальон. Паштекӹштӹ колтевӹ мämнäм. Махань военный техника улы, цилäм тäрвäтевӹ. И сотыгечӹн дä йыдым кеннä, ирокеш 2-й сентябреш нäлӹн миэн шагалтевӹ фронтышкы.

Цилäлäн ик приказ: пока обороныштӹ шалгаш. Вара 5 сентябрьӹн 11 цäшӹн уже приказ штаб гӹцӹн толын перехояш контрнаступлениш. Вот и тäрвänӹшнä старый рубеж гӹц контрнаступленишкӹ. Тарвänӹшнä, кок немецкий самолет, разведчиквлä, вӹлнӹнä чонгештен толевӹ дä сäрнälевӹ. Сäрнälевät, мӹнгеш чонгештен кевӹ. Мäläннä келесевӹ: «Йӹлерäк каждый ӹшке пäшäжӹ доно! Цилäн по местам!»

Мämнäн ротынан командир, грузинский фамилижӹ Пангевшвилев, – лейтенант. Мämнäн составыштына 6 эдем – старший телефонист. Пангешвилев указаним [пуш] и местäм анжыктыш: кышакен удобный местäэш ӹштäш лиэш главный командный пунктым. Йӹлерäк мä кудытын тӹ местäэш организуйышна. Немец цаклыш, что лишӹлемеш Советский Арми. Тӹнгälьӹ ураганный лӱмäшӹм цилä вид оружи гӹцӹн пуаш. Мämнäн цилä вäреок налаживаен шоктымы агыл. Тенге гӹнят йämдӹлен шоктышывлä пуат отпорный оглушительный ударым. Цилäн йämдӹлен шоктымыкышты, мämнänät пиш когон мощный ударым пуаш тӹнгälӹнӹт. Кок вецӹнät пиш кого тыл-шӹкш шагальы. Мämнäн лини штаб батальон дон командный пункт лошты лин, пырахен шуэн ровотаяш. Командир роты колтыш Матюков Васлим. Матюков тӧрлен поспейӹде, пулыш гӹц ӱлнӹрäк кидшӹ пыдырген. Мӹнгеш миш. Командир роты Пангшвилев мӹньӹм колтыш. Мӹньӹ тӧрлӹшӹм, ик вäре проверäйӹшӹм – попат, разговор улы. Шукат ӹш ли, вес вäре кӹрӹн кеш. Тӹшкӹ кыргыжаш тӹнгäльӹм, миэн шӹм шо, катушкыге, молыге покан кенвазым.

5–6 минутышты старший политрук кыргыж тольы. Немец кычен ӹш керд. Отступайыш 9 уштышым.

Воспоминания М.Е. Зайцева

Нас встретили вечером 1 сентября. Примерно через два часа приказали двигаться пешком. Впереди всех шел ударный батальон. За ним отправили нас. Двинулась вся имеющаяся военная техника. Шли мы днем и ночью, утром 2 сентября прибыли на фронт.

Всем дали один приказ: встать в оборону. Затем 5 сентября в 11 часов пришел приказ из штаба перейти в контрнаступление. Вот и пошли со ста-

рого рубежа в контрнаступление. Только двинулись, над нами появились два немецких самолета-разведчика. Покружились и улетели обратно. Нам сказали всем расположиться по своим местам и выполнять свою работу.

Наш ротный командир – лейтенант с грузинской фамилией Пангевшвилев. В нашем составе 6 человек старших телефонистов. Пангешвилев дал указания и показал место, где удобнее всего сделать главный командный пункт. Мы вшестером быстро его организовали в указанном месте. Немцы заметили, что к ним приближается Советская Армия. Начали вести ураганный огонь со всех видов оружия. Мы не успели все наладить. Тем не менее те, кто успел подготовиться, наносили по врагу отпорный оглушительный удар. Когда успели подготовиться остальные, наши тоже стали давать очень мощные удары. От стрельбы с обеих сторон было очень много огня и дыма. Наша линия была протянута между штабом батальона и командным пунктом, она перестала работать. Командир роты отправил Матюкова Василия. Матюков не справился, так как был ранен в руку пониже плеча. Он вернулся. Командир роты Пангшвилев отправил меня. Я отремонтировал, проверил в одном месте – разговаривают. Прошло немного времени, и обрыв кабеля произошел в другом месте. Побежал туда, но так и не добрался, рухнул на бок вместе с катушкой и со всем остальным.

Через 5–6 минут ко мне подбежал старший политрук. Немец не смог взять меня в плен. Отступил на 9 верст.

Источники и литература

1. *Бакланов Г.В.* Ветер военных лет. – М., 1977.

2. В штабах Победы. 1941–1945. Документы: в 5 кн. Кн. 2. 1942. «Ни шагу назад!». – М., 2020.

3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М., 2012.

4. *Еременко А.И.* Сталинград: Записки командующего фронтом. – М., 1961.

5. *Жадов А.С.* Четыре года войны. – М., 1978.

6. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. – М., 1969.

7. Журнал боевых действий 299 сд: Память народа // URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=152505400 (дата обращения: 24.06.2025).

8. Журнал боевых действий 958 сп: Память народа // URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133166471 (дата обращения: 24.06.2025).

9. Журнал боевых действий СталФ: Память народа // URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=132882456 (дата обращения: 24.06.2025).

10. Журнал военных действий 5 гв. А июнь–сентябрь 1942 года: Память народа // URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=235982849 (дата обращения: 24.06.2025).

11. Зайцев Максим Егорович: Память народа // URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok3154270 (дата обращения: 24.06.2025).

12. Матюков Василий Семенович: Память народа // https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok4029470 (дата обращения: 24.06.2025).

13. Отчетная карта по СталФ (4 ТА, 1 гв., 24 и 66 А) за период с 5.9 по 10.9.1942 г.: Память народа // URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100620926 (дата обращения: 24.06.2025).

14. *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. – М., 1988.

15. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16. – М., 1996.

16. *Самчук И.А., Скачко П.Г., Бабиков Ю.Н., Гнедой И.Л.* От Волги до Эльбы и Праги: (Краткий очерк о боевом пути 5-й гвардейской армии). – М., 1970.

S.K. Svechnikov

STALINGRAD FRONT, SEPTEMBER 5, 1942: RECONSTRUCTION BASED ON THE MEMOIRS OF M.E. ZAITSEV

Annotation. The article combines the personal story of a soldier with an analysis of one of the key episodes of the Battle of Stalingrad, which had far-reaching strategic consequences. A specific example shows how the fates of millions of soldiers merged into the great Victory. The work is a contribution to both the family chronicle and the historical memory of the Great Patriotic War, and to understanding the value of each soldier in that war.

Keywords: family archive, Great Patriotic War, Stalingrad, counteroffensive, signalman, feat, injury

УДК 93/94

И.А. Суздальцев

ОЦЕНКИ БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОРИКОВ

Аннотация. Цель статьи – анализ издававшейся после 2000 г. в англоязычных странах научной литературы, посвященной битве за Ленинград, выявление подходов к оцениванию этого сражения, систематизация использованного материала в работе. Автор пришел к выводам, что на протяжении нескольких десятков лет происходят «сдвиги» в сторону более

11. Зайцев Максим Егорович: Память народа // URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok3154270 (дата обращения: 24.06.2025).

12. Матюков Василий Семенович: Память народа // https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok4029470 (дата обращения: 24.06.2025).

13. Отчетная карта по СталФ (4 ТА, 1 гв., 24 и 66 А) за период с 5.9 по 10.9.1942 г.: Память народа // URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100620926 (дата обращения: 24.06.2025).

14. *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. – М., 1988.

15. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16. – М., 1996.

16. *Самчук И.А., Скачко П.Г., Бабиков Ю.Н., Гнедой И.Л.* От Волги до Эльбы и Праги: (Краткий очерк о боевом пути 5-й гвардейской армии). – М., 1970.

S.K. Svechnikov

STALINGRAD FRONT, SEPTEMBER 5, 1942: RECONSTRUCTION BASED ON THE MEMOIRS OF M.E. ZAITSEV

Annotation. The article combines the personal story of a soldier with an analysis of one of the key episodes of the Battle of Stalingrad, which had far-reaching strategic consequences. A specific example shows how the fates of millions of soldiers merged into the great Victory. The work is a contribution to both the family chronicle and the historical memory of the Great Patriotic War, and to understanding the value of each soldier in that war.

Keywords: family archive, Great Patriotic War, Stalingrad, counteroffensive, signalman, feat, injury

УДК 93/94

И.А. Суздальцев

ОЦЕНКИ БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОРИКОВ

Аннотация. Цель статьи – анализ издававшейся после 2000 г. в англоязычных странах научной литературы, посвященной битве за Ленинград, выявление подходов к оцениванию этого сражения, систематизация использованного материала в работе. Автор пришел к выводам, что на протяжении нескольких десятков лет происходят «сдвиги» в сторону более

объективных и освобожденных от идеологических рамок работ, однако публикации, в которых еще присутствуют оценки, направленные на фальсификацию нашей истории, по-прежнему представлены в достаточном количестве.

Ключевые слова: контрудар под Сольцами, Синявинская операция, операция «Искра», Волховский фронт, Ленинградский фронт.

В 2024 г. исполнилось 80 лет с момента окончания битвы за Ленинград, считающейся одной из главных битв Великой Отечественной войны. До начала открытия российских архивов в 1990-х гг. зарубежной историографии была свойственна односторонность в освещении событий Великой Отечественной войны: повторение оценок хода, основных событий и результатов боевых действий, данных немецкими военачальниками, принижение значения роли СССР в победе союзных войск. Говоря непосредственно о Ленинграде, следует отметить, что в 1960-е гг. вышли несколько монографий, посвященных блокаде города, однако аспекты самой битвы за Ленинград не получили в них развития [16; 29].

В 1980-е гг. стали появляться исследования, выходящие за рамки озвученной выше концепции. Среди них работы британского историка Дж. Эриксона, которые опираются в том числе на советские мемуары, однако среди ключевых выводов о главной причине победы РККА по-прежнему указывается ее численное превосходство. В 1990-е гг. увидели свет публикации, направленные на объективный пересмотр роли Красной армии в войне. Например, Р. Овери (Великобритания) утверждает, что вклад СССР в победу был гораздо более значительный по сравнению с союзниками. Изменился взгляд на проблему и в американской историографии: У. О'Нил отмечал, что без участия в войне Советского Союза нацистская Германия, вероятнее всего, не потерпела бы поражение. У. Мюррей и А. Миллет пишут, что из всех союзников именно СССР на протяжении всей войны развивал боевую мощь, необходимую для уничтожения нацистской Германии [4, с. 28–29].

На современном этапе англоязычными историками также публикуются работы, написанные в соответствии с концептуальными установками времен «холодной» войны, при этом значительно увеличилось число исследований, авторы которых предпринимают

попытки изучить историю Второй мировой войны с разных сторон и с привлечением разных типов источников.

По мнению Э. Модсли (Великобритания), немцы были остановлены из-за особенностей местности: путь захватчикам преграждали реки, болота защищали Ленинград, а густые леса служили базами для партизан. Также он считает, что Ленинград удалось отстоять благодаря тому, что основное подвижное соединение фельдмаршала Лееба (4-я танковая группа) и большая часть его авиационной поддержки (8-й авиационный корпус) в сентябре были переброшены на московское направление; отчасти в результате побед на других участках фронта ситуация вокруг Ленинграда наконец улучшилась в самом начале нового 1943 г. [23, p. 54, 74, 126]. Однако историк забывает, что успешные операции проводились в этот период также и на Волховском и Ленинградском фронтах – таковыми, безусловно, являются Синявинская операция и операция «Искра».

Про переброску войск к Москве пишет также его соотечественник Б. Мойнехен, отмечая, что сами немцы закончили наступление и перебросили танки, самолеты и людей для наступления на Москву. Прорыв и снятие блокады Ленинграда он связывает с численным превосходством Красной армии [25, p. 75, 190], так же как и американские историки Р. Смелзер и Э. Дэвис (США) [30, p. 153].

Мерридейл К. (Великобритания) приводит пример некоего солдата с Волховского фронта, который, рассказав об ужасах блокады, подвергся аресту, при этом исследователь не ссылается на какую-либо литературу [24, p. 165]. По мнению Ф. О'Брайена (Великобритания), группа армий «Север» не получила достаточной поддержки для взятия Ленинграда из-за отсутствия достаточного количества железных дорог в направлении северной столицы [26, p. 615].

Рид А. (Великобритания), основной профиль которой – журналистика, в работе, которая, по ее мнению, претендует называться исторической в лучших традициях публикаций периода идеологического противостояния СССР и Запада, обвиняет в отступлении и блокаде советское руководство. Она пишет, что советский режим не смог вовремя эвакуировать гражданское население, создать запасы продовольствия, искоренить воровство продовольствия или должным образом организовать Ледовую дорогу. Именно советский режим выбросил тысячи молодых жизней в Народное ополчение

и продолжал сажать в тюрьмы и казнить своих самых скромных и патриотичных граждан, даже когда они умирали от голода [28, p. 162].

Данная группа историков в основном опирается на выводы своих соотечественников прошлого века, либо на произведения, относящиеся к литературно-публицистическим трудам, не являющиеся научными, которые начали публиковаться в нашей стране в конце 80-х гг. XX в.: «Ледокол» В. Суворова, «Бочка и обручи, или когда началась Великая Отечественная война?» М. Солонина и др. Риторика указанных выше работ англоязычных историков во многом схожа с актуальной ныне на Западе задачей «умалить вклад СССР в Победу над германским фашизмом» [2, с. 8]. При этом отрадно, что большинство исследователей не принимает их выводы за чистую монету и критически относится к утверждениям о том, что главные факторы победы Красной армии заключаются в обстоятельствах непреодолимой силы, проблемах внутри немецкой армии, либо ключевой роли наших союзников.

Авторам ряда современных публикаций на английском языке свойственен пересмотр некоторых указанных их соотечественниками оценок и более глубокий анализ фактов, однако, в отличие от монографий, представленных ниже, в этих работах еще присутствуют некоторые тенденциозные оценки, ограничивающие их объективность. Дж. Джакс (Великобритания) пишет, что «оборона Ленинграда рушилась в неумелых руках Ворошилова» [21, p. 27], отмечает полководческий талант Г.К. Жукова, направленного на защиту Ленинграда: «три дня увольнений, леденящих душу угроз, неистовых импровизаций сплотили деморализованных защитников» [21, p. 27]; упоминает 9650 км траншей, противотанковые рвы и тысячи окопов, сооруженных в прифронтовых районах. При этом главные факторы, способствовавшие успешной обороне Ленинграда, по мнению исследователя, заключались в том, что 12 сентября 4-я танковая группа начала отходить, чтобы присоединиться к наступлению на Москву, а также, что благодаря захвату танка «Тигр» красноармейцы выяснили, как лучше всего ему противостоять [21, p. 27, 48]. Р. Киршубель (США) соглашается с Джаксом в вопросе переброски частей на московское направление, также пишет, что немецкую армию останавливали леса и несогласованность немецкого командования, советская оборона же была, соответственно,

слабой и дезорганизованной. Однако исследователь отмечает, что контрудар Н.Ф. Ватутина (видимо, имеется в виду контрудар под Сольцами) вызвал смятение во всех немецких подразделениях на этом направлении [22, p. 135–139].

По мнению У. Данна и Р. Форчика (оба – США), ополчение сыграло решающую роль в замедлении немецкого наступления на Ленинград [9, p. 35; 10, p. 73; 11, p. 7]. Данн при этом добавляет, что у Красной армии было преимущество в виде большой территории: «Огромные расстояния дали русским немного времени для того, чтобы собрать спешно сформированные дивизии» [10, p. 4]. Форчик пишет, что К.А. Мерецков и Л.А. Говоров могли планировать эффективные наступления, но их усилия постоянно подрывались повторяющимся вмешательством со стороны И.В. Сталина, а также различных «суетливых людей Ставки и НКВД» [11, p. 13].

Джонс М. (США), с одной стороны, отдает должное организации Красной армии: «Их оборонительные позиции были просты и эффективны. Пулеметы были искусно размещены, а снайперам, которых было сорок или пятьдесят в каждой роте, отводились лучшие позиции. Хорошо замаскированные танки были окопаны с интервалами. Это была глубоко эшелонированная оборона – защищенная проволочными заграждениями и многочисленными минными полями» [19, p. 28]. С другой стороны, историк отмечает, что Вермахту очень мешали болота, а также, видимо, не сумев распрощаться с «наследием» западных историков времен холодной войны, пишет, что коллективное единство Ленинграда возникло из беспощадной политики репрессий [19, p. 28, 132]. Также он критикует командующего войсками Ленинградского фронта К.Е. Ворошилова и утверждает, что в Ленинграде части города попали под контроль бандитов и каннибалов, а жители были «фактически брошены собственным правительством» [20, p. 5, 215–217]. Его соотечественник Р. Бидлак, вполне справедливо не соглашаясь с этой позицией, отвечает, что «как только к середине декабря 1941 года оборонные предприятия были вынуждены закрыться из-за отсутствия электроэнергии, государственные и партийные чиновники отдали приоритет оказанию помощи гражданскому населению с тем немногим, что у них осталось, а милиция и НКВД сохраняли твердый контроль над всеми районами города» [6, p. 336].

Бидлак, так же как и ряд историков, указанных выше, в совместной монографии с отечественным ученым Н.А. Ломагиным упоминает превосходство в численности Красной армии, а также их значительные потери в битвах за Ленинград, в том числе при проведении операции «Искра». При этом историк приводит цитаты немецких генералов, которые свидетельствуют об эффективности оборонительных сооружений на подступах к городу. Например, один из них сравнил русских с сусликами по их способности быстро закапываться в землю. Другой немецкий офицер, служивший в районе Ленинграда, высказался так: «Взаимосвязанные противотанковые рвы, протяженные минные поля, сильный оборонительный огонь из многочисленных бункеров, а также из бронированных башен сделали наступление [41-го моторизованного корпуса] крайне трудным» [7, p. 41, 63].

Хилл А. (Канада) пишет, что благодаря поставке по ленд-лизу американских бомбардировщиков «Бостон» был серьезно усилен потенциал советской «дальней» авиации на фоне устаревшего ДБ-3, в том числе в районе Ленинграда; упоминает о существенных потерях партизан в Ленинградской области в 1941 г., об их незначительной роли в сопротивлении врагу в этот период, а также о том, что множество подразделений сдались перед трудностями зимы и под немецким давлением [17, p. 276, 480; 18, p. 165, 176]. Однако, согласно данным Ленинградского штаба партизанского движения (с которыми трудно не согласиться), в 1941 г. партизанами Ленинградской области было уничтожено более 11 тыс. немецких солдат и значительное количество техники (более 70 самолетов и танков и др.) [3, с. 249]. В итоге историк не может не отметить, что к октябрю 1943 г. ленинградские партизаны смогли нанести значительный урон немецким войскам, включая, например, задержку частей 12-й танковой дивизии на пути к фронту. Сводные данные по Ленинградскому штабу партизанского движения за апрель 1944 г. показывают, что только ленинградские партизаны уничтожили 1050 паровозов и ошеломляющие 18 643 железнодорожных вагона [17, p. 277, 281]. Д. Андерсон, Л. Кларк и С. Уолш (все – Великобритания) отмечают самоотверженность солдат Красной армии, при этом, по их мнению, ключевыми факторами того, что немцев удалось сдержать перед Ленинградом, были проблемы со снабжением, а также необ-

ходимость преодолевать значительные расстояния, из-за чего был потерян «элемент внезапности» [5, p. 33, 41].

Баттэр П. (Великобритания) считает, что боеспособность Вермахта была подорвана зимой 1941–1942 гг. из-за незначительного количества тягловых лошадей, поэтому неоднократно в боях немецкие части были вынуждены бросать артиллерию и другое снаряжение. Историк также соглашается с Р. Киршубелем (см. выше) относительно успешности контратак, спланированных Ватутиным, и отмечает достоинства советского командования, которое подробно изучало отчеты после битв и старалось постоянно совершенствовать свою тактику и стратегию, чего не доставало многим другим странам [8, p. 16, 18, 138–139]. Его соотечественник Д. Тэйлор высказывает мнение, что Ленинград не был взят из-за приказа Гитлера фон Леебу окружить город, но не входить в него [31, p. 14]. Однако этот исследователь, видимо, забывает, либо намеренно не упоминает, что план «Барбаросса» предусматривал взятие Ленинграда в течение максимум полутора месяцев с момента нападения на СССР [1]. Соответственно, новый приказ являлся следствием того, что захватить город войскам Вермахта не удалось. Спешка и небрежность, продолжает Тэйлор, с которой были организованы добровольческие отряды, привели к смертельным потерям после их ввода в действие. Многие из добровольцев даже не добрались до линии фронта, так как их сломили возраст, болезни и усталость. Однако ополченцы сумели выиграть время для города, хотя и ужасной ценой. Также историк пишет, что одним из факторов того, что Ленинград выдержал блокаду, была необычайно высокая степень политической организации, уже существовавшей в городе: около 200 000 его жителей были членами Коммунистической партии, а еще 300 000 подростков состояли в комсомоле; была на высоком уровне организована большая часть промышленных рабочих города. Другим фактором был пламенный местный патриотизм среди простых граждан [31, p. 27, 43]. Про героизм ленинградцев также упоминает в своей работе А. Пери (США) [27, p. 1–17].

Некоторые современные англоязычные историки выступают за полный пересмотр оценок Восточного фронта и, в частности, битвы за Ленинград. Наиболее в этом направлении преуспел американский ученый Д. Гланц, который утверждает, что контрнаступление

под Тихвином и Волховом бросило вызов устойчивым немецким заблуждениям относительно выносливости, морального и боевого духа бойцов Красной армии. Впервые за всю мировую войну под Ленинградом потерпела неудачу концепция блицкрига, подкрепив то, что начало происходить в июле и августе под Смоленском, и предвосхитив то, что произойдет под Москвой в декабре. Контрудары, организованные Ватутиным и Жуковым под Сольцами в июле, под Старой Руссой в августе, под Красным Селом и Мгой в августе и сентябре, сыграли огромную роль в успешной обороне. Они застали немцев врасплох, серьезно нарушили планы наступления, заставили их рассредоточить силы, ослабить ударные группы и существенно изменить направления атак, замедлив продвижение и выиграв время, необходимое для возведения более прочной обороны на ключевых операционных направлениях. Впоследствии успешная оборона Ленинграда породила практический опыт, который способствовал обороне других городов, таких как Сталинград [13, p. 171, 175]. Гланц отводит решающую роль в срыве немецкого плана по захвату Ленинграда в 1942 г. Синявинской операции [14, p. 40]; пишет, что оборона Ленинграда была успешной во многом из-за сложных систем траншей: противотанковая оборона с минными полями и противотанковыми орудиями, поддерживающими друг друга, была создана вдоль наиболее вероятных направлений вражеского нападения. Также историк отдает должное партизанскому движению, к 1943 г. представлявшему из себя серьезную силу [12, p. 85; 15, p. 121, 253].

Таким образом, современная англоязычная историография битвы за Ленинград представлена достаточно значительным количеством исследований. Если в отечественной историографии Великой Отечественной и Второй мировой войны к «ревизионистам» относят тех, кто принижает значение советских вооруженных сил в Победе, в западной историографии «ревизионистами» («новаторами») считаются исследователи, которые, наоборот, отмечают преимущества Красной армии, героизм советских солдат, а также отводят сражениям на восточном фронте решающую роль. Считать «ревизионистами» и тех, и тех вполне логично, так как представители обоих направлений осуществляют пересмотр существующих тенденций. Англоязычных историков, которые остаются на позициях западной

историографии времен «холодной» войны, принято считать традиционалистами. К «ревизионистам» конкретно в отношении битвы за Ленинград на современном этапе допустимо отнести лишь американского военного историка Д. Гланца, хотя в отношении других битв Великой Отечественной войны список представителей данного направления гораздо значительнее – это говорит о том, что в зарубежной историографии уже на протяжении нескольких десятков лет происходят «сдвиги» в сторону более объективных и освобожденных от идеологических рамок работ.

Источники и литература

1. Без права на капитуляцию. Беседа с Н. Ломагиным // Санкт-Петербургские ведомости. 7 сентября 2016 г. // URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/bez_prava_na_nbsp_kapitulyatsiyu_/ (дата обращения 24.03.2025).

2. *Кикнадзе В.Г.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: историческая правда о ключевых событиях и явлениях в вопросах и ответах. – М., 2020.

3. Сведения Ленинградского штаба партизанского движения о потерях противника, понесенных в результате действий партизан Ленинградской области в годы войны // В тылу врага: Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1944 г.: Сб. документов. – Л., 1985. – С. 249.

4. *Суздальцев И.А.* «СССР с поразительной скоростью приспособился к новым обстоятельствам…». Московская битва в интерпретации современных англоязычных историков // Военно-исторический журнал. – 2022. – № 12. – С. 28–37.

5. *Anderson D., Clark L., Walsh S.* Campaigns of World War II: The Eastern Front. – London, 2018.

6. *Bidlack R.* Lifting the Blockade on the Blockade: New Research on the Seige of Leningrad // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2009. – Volume 10. – No. 2. – P. 333–351.

7. *Bidlack R., Lomagin N.* The Leningrad Blockade, 1941-1944. A New Documentary History from the Soviet Archives. – New Haven& London, 2012.

8. *Buttar P.* Hero City. – London, 2023.

9. *Dunn W.S.* Hitler's Nemesis: The Red Army, 1930-45. – Mechanicsburg, 2009.

10. *Dunn W.S.* Stalin's Keys to Victory: The Rebirth of the Red Army. – Westport, Connecticut, 2006.

11. *Forczyk R.* Leningrad 1941-44: The epic siege. – Oxford, 2009.

12. *Glantz D.* The Battle for Leningrad, 1941-1944. – Lawrence, 2002.

13. *Glantz D.* The Siege of Leningrad 1941-1944. 900 Days of Terror. – Staplehurst, 2001.

14. *Glantz D.* The Soviet-German War 1941-1945: Myths and Realities: A Survey Essay. A Paper Presented as the 20th Anniversary Distinguished Lecture at the Strom Thurmond Institute of Government and Public Affairs Clemson University October 11, 2001. – Clemson, South Carolina, 2001.

15. *Glantz D., House J.* When Titans Clashed. How the Red Army Stopped Hitler. – Kansas, 2015.

16. *Goure L.* The Siege of Leningrad. – Stanford, 1962.

17. *Hill A.* The Red Army and the Second World War. – Cambridge, 2017.

18. *Hill A.* The War Behind the Eastern Front: The Soviet Partisan Movement in North-West Russia, 1941-1944. – Abingdon, 2005.

19. *Jones M.* Leningrad: State of Siege. – London, 2008.

20. *Jones M.* Stalingrad: How the Red Army Survived the German Onslaught. –Drexel Hill, 2007.

21. *Jukes G.* The Second World War. Volume 5: The Eastern Front 1941-1945. – New York & London, 2003.

22. *Kirchubel R.* Hitler's Panzer Armies on the Eastern Front. – Barnsley, 2009.

23. *Mawdsley E.* Thunder in the East: The Nazi-Soviet War, 1941-1945. – London, 2005.

24. *Merridale C.* Ivan's War. The Red Army 1939-1945. – London, 2005.

25. *Moynahan B.* Leningrad: Siege and Symphony. – New York, 2013.

26. *O'Brien Ph.* Logistics by land and air // The Cambridge History of the Second World War. Volume 1. Fighting the War. Edited by John Ferris and Evan Mawdsley. – Cambridge, 2015. – P. 608-636.

27. *Peri A.* The War Within. Diaries from the Siege of Leningrad. – Cambridge, 2017.

28. *Reid A.* Leningrad: Tragedy of a City Under Siege, 1941-44. – London, 2011.

29. *Salisbury H.* The 900 Days: The Siege of Leningrad. – New York, 1969.

30. *Smelser R., Davies E.J.* The Myth of the Eastern Front: The Nazi-Soviet War in American Popular Culture. – Cambridge, 2008.

31. *Taylor D.* The Siege of Leningrad: Then and Now. – Barnsley, 2024.

I.A. Suzdaltsev

ASSESSMENTS OF THE BATTLE FOR LENINGRAD BY MODERN ENGLISH-SPEAKING HISTORIANS

Annotation. The purpose of the article is to analyze scientific literature devoted to the Battle of Leningrad published in English-speaking countries after 2000, to identify approaches to assessing this battle, and to systematize the material used in the work. The author came to the conclusion that over the course of several decades there have been “shifts” towards more objective works freed from ideological frameworks, however, publications that still contain assessments aimed at falsifying our history are still presented in sufficient quantity.

Keywords: Counterattack near Soltsy, Sinyavinsky operation, Operation Iskra, Volkhov Front, Leningrad Front.

УДК 93/94

О.В. Тишина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КАК СРЕДСТВО МОБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы влияния прессы на формирование общественного мнения и повышения гражданской активности российского общества в период Первой мировой войны. Подробно анализируются методы информационной политики, направленные на создание благоприятного образа монархии, повышение доверия к власти и мотивацию общества к активной поддержке военных действий. Основное внимание уделено анализу конкретных материалов газет и журналов, показывающих приемы пропагандистских кампаний, направленных на объединение нации и мобилизацию ресурсов в интересах государства.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, общественное мнение, государственная пропаганда, императорская семья.

* Статья написана в рамках реализации гранта РНФ – 25-28-00933, Печать в публичной сфере как фактор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны.

I.A. Suzdaltsev

ASSESSMENTS OF THE BATTLE FOR LENINGRAD BY MODERN ENGLISH-SPEAKING HISTORIANS

Annotation. The purpose of the article is to analyze scientific literature devoted to the Battle of Leningrad published in English-speaking countries after 2000, to identify approaches to assessing this battle, and to systematize the material used in the work. The author came to the conclusion that over the course of several decades there have been “shifts” towards more objective works freed from ideological frameworks, however, publications that still contain assessments aimed at falsifying our history are still presented in sufficient quantity.

Keywords: Counterattack near Soltsy, Sinyavinsky operation, Operation Iskra, Volkhov Front, Leningrad Front.

УДК 93/94

О.В. Тишина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КАК СРЕДСТВО МОБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы влияния прессы на формирование общественного мнения и повышения гражданской активности российского общества в период Первой мировой войны. Подробно анализируются методы информационной политики, направленные на создание благоприятного образа монархии, повышение доверия к власти и мотивацию общества к активной поддержке военных действий. Основное внимание уделено анализу конкретных материалов газет и журналов, показывающих приемы пропагандистских кампаний, направленных на объединение нации и мобилизацию ресурсов в интересах государства.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, общественное мнение, государственная пропаганда, императорская семья.

* Статья написана в рамках реализации гранта РНФ – 25-28-00933, Печать в публичной сфере как фактор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны.

К периоду начала Первой мировой войны историки отмечают значительный рост числа «людей, для которых чтение газет и журналов стало насущной потребностью» [2, с. 8]. Ответом на запрос общества стало увеличение наименований периодической печати: «Только в 1914 г. появились 431 газета и 411 журналов, а в 1916 г. количество новых изданий возросло в два раза по сравнению с 1901 г.» [2, с. 8]. Большинство изданий приходилось на долю центров общественно-политической жизни – Санкт-Петербурга и Москвы. Значительным охватом аудитории отличались газеты «Новое время», «Правительственный вестник», «Утро России», «Московские ведомости», «Газета-копейка» и др. Читатели искали ответы на множество вопросов, в том числе во многом касающихся войны, ее причин и последствий. С началом военной кампании новости с фронта стали главной темой практически всех периодических изданий – в журналах и газетах появились новые рубрики («Война», «Военные известия» и др.), печатались приложения, специальные выпуски, бюллетени. В стремлении привлечь потенциальных читателей корреспонденты, несмотря на действующую военную цензуру, «шли на всяческие ухищрения, чтобы разместить в газетах “горячую информацию”» [1, с. 11].

Следует отметить, что средства периодической печати не только информировали население, но и активно влияли на его восприятие происходящих событий, способствуя формированию общественного мнения и повышению гражданской активности.

Первая мировая война совпала с активизацией политической жизни в России. В этих условиях перед императором стояла задача не только консолидировать российское общество, поднять его моральный дух, но и укрепить общественное доверие к власти. Инструментом подчинения общественного настроения национальным и военным целям выступила периодическая печать. На страницах печатных СМИ формировался образ монархии, который должен был повысить популярность и авторитет императорской семьи, сплотить общественность и мобилизовать население на поддержку военных действий. Важным аспектом проправительственной пропаганды было использование образа императора Николая II как символа национального единства. Газеты публиковали его обращения к народу, подчеркивая решимость и готовность вести страну к победе.

Мощный патриотический подъем вызвала публикация в региональных и центральных СМИ Манифеста Николая II об объявлении военных действий между Россией и Германией. Лейтмотивом обращения к народу стал призыв к единению монарха с народом и сплочению общества ради победы. Документ был напечатан на первых полосах газет и часто сопровождался громкими лозунгами и портретом императора. Так, в «Петербургской газете» [5] текст документа вышел под заголовком «С нами Бог». Ряд изданий помимо манифеста на первой полосе в качестве иллюстрации действий власти в связи с началом войны разместили указы императора («Газета-копейка» [3], «Сельский вестник» [12], «Московские ведомости» [4]).

В контексте анализа политической пропаганды интерес представляет публикация в военной газете «Русский инвалид» от 12 марта 1915 г. В статье акцентируется внимание на возвращении императора из действующей армии в Царское Село, что несет подтекст его непосредственного участия в военных событиях. Особое внимание заслуживает фраза о том, что статс-секретарь Горемыкин от имени Совета министров «имел счастье принести Его Императорскому Величеству всеподданнейшие поздравления по случаю победных действий наших войск» [9]. Данная формулировка не только акцентирует внимание на успехах российской армии, но и создает ассоциацию между этими успехами и личностью императора. Таким образом происходит персонализация военных достижений, что, несомненно, способствует укреплению имиджа Николая II. Продолжением темы стала заметка о посещении генерал-майором В.А. Комаровым лазарета Министерства внутренних дел, где он от имени императора вручил «медали на Георгиевской ленте» и «благодарил офицеров и солдат за верную и усердную службу» [9]. Такая подача материала не только подчеркивает признание монархией значимости вклада каждого солдата в борьбе с врагом, но и создает образ единства между императором, армией и обществом.

Важным элементом пропагандистской стратегии, направленной на мобилизацию общества, стало тиражирование образа императорской семьи как активных участников благотворительности. В газете «Русский стяг» 1916 г. был опубликован рескрипт Николая II, адресованный Великой княгине Елизавете Федоровне, которая посвяти-

ла свою жизнь «подвигу христианского милосердия» и была известна в народе как «Белый ангел Москвы». Император подчеркивал ее значительные достижения на протяжении четверти века в области благотворительности, особо выделяя поддержку «общественных начинаний, направленных на борьбу с народными бедствиями, вызванными военными обстоятельствами, как в последней кампании на Дальнем Востоке, так и в нынешнюю великую войну» [10].

В прессе активно освещались поездки представителей монаршей семьи и их приближенных на прифронтовые территории, посещение ими госпиталей, их деятельность по поддержке раненых. Публикации вдохновляли людей на участие в добровольческих движениях, организации сборов средств и оказание помощи тем, кто пострадал от войны. Образ императорской семьи как активных участников этих инициатив способствовал формированию чувства единства и солидарности в обществе.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть статью, опубликованную в первые месяцы в «Правительственном вестнике» [6]. В публикации описывается пребывание императрицы Александры Федоровны с дочерями Ольгой и Татьяной в находившемся на военном положении г. Пскове. Место визита было выбрано неслучайно – из-за близости к фронту в губернии располагалось большое количество госпиталей и лазаретов, а также с сентября 1914 г. для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий действовал «Татьянинский комитет», созданный по инициативе Великой княжны Татьяны Николаевны и находившийся под ее руководством. Внимание читателей обращается на состав встречающей делегации: на вокзале императрицу и ее дочерей встретили Великая княжна Мария Павловна, которая, работая медсестрой, буквально на передовой спасала солдат, и губернатор барон Николай Николаевич Медем. Подчеркивается, что сразу по прибытии императрица направилась в «лазарет для раненых воинов Евгенинской общины, находившейся в здании епархиального училища, а затем посетила лазарет Красного Креста Алексеевской общины и лазареты № 15 и 17, которые размещались в здании реального училища» [6], а также устроенные в казармах Иркутского полка полевые госпитали для раненых № 19 и 23. Автор статьи обращает внимание на стремление Александры Федоровны узнать о нуждах раненых из первых уст.

Важное значение для формирования общественного мнения имеет упоминание о посещении императрицей собора и ее участие в молебне, после которого настоятель собора благословил ее иконой святого блаженного Николая Псковского. Акцентирование внимания на этом факте несет посыл идеи поддержки власти церковью.

Аналогичный подтекст имеет статья в газете «Русское слово» 1915 г. [11], рассказывающая о состоявшейся в преддверии Светлого праздника Пасхи поездке Великой княгини Елизаветы Федоровны в Тамбов. Во время своего визита она не только посетила обедню в соборе, служимую архиепископом, но и после нее лично встретилась с владыкой. Этот факт свидетельствует о единстве духовной и светской власти, что было особенно важно подчеркнуть в условиях войны. Особое внимание в статье уделяется описанию участия Великой княгини в судьбах раненых. Посещение лазаретов и раздача окрашенных яиц – символов Пасхи – стали не только актом милосердия, но и важным шагом в укреплении морального духа как раненых, так и их семей. Эти простые, но значимые жесты служили напоминанием о том, что императорская семья не остается в стороне от горя людей, пострадавших от войны. По поручению Елизаветы Федоровны также были направлены пасхальные подарки на фронт. В том же номере газеты опубликовано письмо от командира уссурийской конной бригады, в котором выражалась глубокая благодарность за такую необходимую моральную поддержку бойцов на передовой. Командир отмечал: «Дорого нам яичко Великой Княгини в этот Христов день» [11]. Для общественности это было наглядным свидетельством того, как простые знаки внимания могли вдохновлять и поддерживать солдат. Важным моментом поездки стало участие Великой княгини в заседании Тамбовского отделения комитета Ее Императорского Высочества по оказанию помощи семьям призванных на войну. Великая княгиня не только выслушала доклады о текущей деятельности комитета, но и принимала непосредственное участие в обсуждении мер по поддержке семей солдат. Участие в этом мероприятии демонстрировало активную позицию императорской семьи в вопросах социальной ответственности и помощи нуждающимся.

Активное участие августейших особ в помощи раненым и их семьям подчеркивало важность взаимопомощи и солидарности в труд-

ные времена, а также служило символом единства народа и власти. В этом контексте ярким примером пропаганды является статья в газете «Утро России» [13], которая рассказывает о состоявшейся в середине мая 1916 г. поездке Николая II с семьей в Севастополь и Евпаторию. В первых строках сообщается о том, что императорская семья приняла участие в божественной литургии во Владимирском соборе, что уже само по себе подчеркивало их духовную связь с народом и веру в победу. Особое внимание уделяется посещению императрицей Александрой Федоровной с дочерьми раненых офицеров. Завуалированным призывом к активному гражданскому участию в помощи фронту является акцентирование факта размещения офицерского лазарета в частной «безвозмездно переданной» квартире. Исходя из содержания статьи у читателя формируется ощущение, что событие не было формальностью: оно отражало живое участие августейших особ в судьбах тех, кто пострадал на фронте, отстаивая Отечество. О теплой атмосфере встречи говорят и личные беседы с ранеными, и передача образков как символов духовной поддержки. Памятным моментом для всех участников и неким символом единства власти и народа перед лицом трудностей стало общее фотографирование. Внимание привлекает фраза, что августейшие особы «отбыли при криках “Ура”», что демонстрирует поддержку монархии со стороны армии. Особый пропагандистский эффект несло сообщение о том, что во время пребывания императора в Евпатории из Севастополя к нему прибыл аэростат с телеграммой о ходе военных событий. Данный факт подчеркивал роль Николая II как Верховного Главнокомандующего и свидетельствовал о его постоянном контроле над ситуацией на фронте.

Тема поддержки раненых и их семей как выражение гуманитарной миссии монархии в условиях войны стала широко обсуждаемой в российской печати. Так, газета «Правительственный вестник» [7] знакомит читателей с деятельностью Красного Креста, акцентируя внимание на гражданских инициативах, поддержанных членами императорской семьи. Среди таких инициатив открытие в Лигове на средства акционеров лазарета для раненых, получившего имя наследника российского престола цесаревича Алексея Николаевича; формирование Императорским российским автомобильным обществом санитарной автомобильной колонны при Северном

военно-санитарном поезде имени императрицы Александры Федоровны; направление в действующую армию подвижного лазарета и отряда имени Великой княгини Ксении Александровны и др. Акцент на разнообразии организаций, выступивших с гражданскими инициативами, подчеркивает солидарность общества и значимость коллективных усилий в оказании помощи раненым и пострадавшим в условиях войны. Для подтверждения высокого уровня гражданского участия приводятся данные о пожертвованиях в фонд Красного Креста: «пожертвований на Красный Крест в кассу главного управления поступило на сумму 329 792 р. 44 к., а всего с начала кампании по 1-е ноября поступило пожертвований на сумму 3 186 618 р. 28 к.» [7]. Эти цифры не только демонстрируют активный отклик общества на призыв о помощи, но и призваны мобилизовать тех, кто еще не принял участия в благотворительных инициативах.

Тиражирование факта активного участия императорской семьи в помощи раненым и их семьям стало важным фактором в создании положительного имиджа монархии. Так, в 1916 г. в «Правительственном вестнике» [8] был опубликован отчет о деятельности комитета Великой княгини Марии Павловны по снабжению одеждою увольняемых на родину нижних чинов. Акцент сделан на том, что при открытии комитета главное внимание было обращено на «правильную постановку дела на местах». Сообщалось, что для достижения этой цели уполномоченные лица провели инспекцию находящихся вне театра военных действий губерний, где было сосредоточено большое количество раненых. Это позволило выявить реальные потребности пострадавших от войны и эффективнее организовать работу на местах. Отмечается, что комитет получил специальные средства для устранения недочетов, что подчеркивало внимание властей к данной проблеме. Прозрачности и доверия к деятельности комитета добавила опубликованная в газете статистика расходования средств. В завершениие отчета читателям были представлены результаты отдельной ревизии, проведенной на Кавказе и в губерниях Минского и Двинского военных округов. Подчеркивалось, что на этих территориях «дело снабжения вольной одеждою увольняемых на родину раненых воинов оказалось поставленным прекрасно» [8]. Это утверждение служило не только доказатель-

ством успешной работы комитета, но и стало демонстрацией заботы императорской семьи о судьбах солдат.

Следует отметить, что, несмотря на усилия правительственной пропаганды по формированию позитивного образа императорской семьи, периодическая печать также отражала растущее недовольство среди населения. С ухудшением ситуации на фронте и внутренними проблемами критические статьи становились все более распространенными.

Таким образом, в годы Первой мировой войны периодическая печать сыграла важную роль в формировании общественных настроений. Репрезентация на страницах газет образа императорской семьи как символа национального единства стала важным инструментом пропагандистской стратегии власти. Многие издания, поддерживая патриотический нарратив, подчеркивали важность консолидации общества вокруг императора Николая II. Используя различные приемы представления информации и тиражируя образ императорской семьи как активных участников благотворительной деятельности, средства периодической печати способствовали мобилизации общества на поддержку военных действий и вдохновляли людей на участие в добровольческих инициативах.

Источники и литература

1. *Алферов И.В.* Российская периодическая печать периода Первой мировой войны в контексте информационных ограничений // Вестник Брянского государственного университета. – 2023. – № 4. – С. 7–16.

2. *Алферова И.В., Сорокина Ж.А.* «Оппозиционность» российской периодической печати в контексте социально-экономического кризиса периода Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. – 2025. – № 1. – С. 7–18.

3. Газета-копейка. – 1914. – № 2159.

4. Московские ведомости. – 1914. – № 169.

5. Петербургская газета. – 1914. – № 197.

6. Правительственный вестник. – 1914. – № 258.

7. Правительственный вестник. – 1914. – № 263.

8. Правительственный вестник. – 1916. – № 19.

9. Русский инвалид. – 1915. – № 58.

10. Русский стяг. – 1916. – № 18.

11. Русское слово. – 1915. – № 76.
12. Сельский вестник. – 1914. – № 160.
13. Утро России. – 1916. – 17 мая.

O.V. Tishina

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE IMPERIAL FAMILY ON THE PAGES OF PERIODICALS AS AN INSTRUMENT OF MOBILIZATION OF THE SOCIETY DURING THE FIRST WORLD WAR*

Annotation. This article gives a brief of the mechanisms of the influence of media on forming social attitude and raising civic engagement of the Russian society during the First World War. The methods of information policy focused on forming a bright image of the monarchy, increasing trust to the authorities and making the society support military effort are investigated in details. Great attention is paid to the analysis of the newspapers and magazines which show the instruments of the propaganda campaign focused on unification of the nation and mobilization of sources for the benefits of the authorities.

Keywords: the First World War, periodicals, social attitude, state propaganda, imperial family.

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДРЕВНОСТИ И ДО КОНЦА XIX ВЕКА

УДК 94(47).043-046

А.Г. Бахтин

МАРИЙСКИЕ ГЕРОИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: МИФИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ

Аннотация. Драматический период в истории Марийского края – XVI в. оставил много имен марийских героев. Некоторые имена попали в письменные источники – летописи, разрядные и посольские книги, другие остались только в народной памяти, в исторических преданиях. Есть и такие, имена которых нашли отражение как в письменных источниках, так и в фольклоре. Соединение этих сведений и попытки расширить наши знания, опираясь только на логику, приводит к мифологизации, искажению исторической правды. В XVII в. происходит резкое сокращение известий о марийских героях.

Ключевые слова: марийские герои, летописи, фольклор, Мамич-Бердей, Российское государство, Акпарс, вожди, Болтуш, День национального героя.

Каждый народ имеет своих национальных героев, которые защищают родную землю, отстаивают интересы собственного народа, служат нравственным ориентиром, примером для подражания. Богат тюрко-монгольский героический эпос. Татарско-ногайский эпос «Идигей» посвящен драматическим событиям «великой замятни» в Золотой Орде, ее ослабления и угасания в конце XIV – начале XV в. Описываются вторжения среднеазиатского эмира Тимур-Аксака, междоусобия при хане Тохтамыше. Центральным героем эпоса является реальный человек, последний крупный временщик, управлявший некогда могучим государством эмир Едигей [8; 18]. В.М. Жирмунский подробно представил тюркский героический

эпос, где есть рассказ о киргизском герое Манасе, «Сказание об Алпамыше», о ногайских, казахских, огузских богатырях. Интересен образ Шоры (Чюры) – богатыря, сына Нарык-бея. Этот эпический герой идентифицируется с реальным казанским князем Чюрой Нарыковым, известным по многим русским летописям [7]. Героический эпос народов СССР издавался отдельными изданиями [6].

Хорошо известен славяно-русский былинный богатырский цикл о Илье Муромце, Алеше Поповиче, Добрыне Никитиче, которые на поверку имеют реальных прототипов, часто под теми же именами [3]. Илья Муромец даже стал православным святым и попал в немецкий и скандинавский фольклор под именем Ильи Русского [11].

У марийцев тоже есть свои герои периода Средневековья, имена которых зафиксированы письменными источниками и фольклором. Сведения о марийских героях разнообразны – от простого упоминания до относительно подробного описания биографии. Сам факт фиксации их имен свидетельствует о том значении, которое они имели в истории и какое место занимали в народной памяти.

Известно немало имен марийских героев – Абыз, Адай Шамаршинский, Акпарс, Акпатыр, Акмазик, Алека Черемисин, Алтыбай, Алтыш, Атачик (Анчик), Атурай, Ахмачек (Акметек)-богатырь, Аникей Кошаков, Болтуш (Полтыш), Енебяк, Елпай Токшейков, Кака, Ишко, Казимир, Кельдибек, Кочак (Качак), Коджа-Ералтем, Мамич-Бердей, Никита Байборода, Пашкан-Керемет, Рознега Черемисянин, Сабатор, Токтауш, Тулбай, Тюкан-Шур, Урса, Янтемир, Яшман и др. Это были прославленные воины – «богатыри», являвшиеся «воеводами черемисскими», многие из них благодаря своему авторитету становились выборными предводителями: кугураками (старшими), шӱдывуями (сотниками), лувуями, лужавуями (десятниками), кугуозами, кугызами (большими хозяевами). Среди них есть как зафиксированные письменными источниками, так и известные только из исторических преданий, но встречаются и такие, которые упоминаются и там, и там. Это позволяет предположить, что фольклорные персонажи, в исторические источники не попавшие, тоже могли существовать. К тому же необходимо учитывать, что в источниках и в народной памяти один и тот же человек мог называться разными именами.

О большинстве героев известно крайне мало, попытка приподнять завесу времени невольно приводит к мифологизации образа. Этим обычно грешат писатели, публицисты, случается и историки. Понятно стремление рассказать о ком-либо больше, с помощью логики восстановить утраченное, но это и приводит к появлению мифов. Историк не может позволить разыграться своей фантазии и должен опираться только на факты.

Возьмем одного из самых известных марийских героев – вождя горных марийцев Акпарса. Акпарс – легендарный персонаж, имя которого встречается только в марийских преданиях. Однако косвенно на реальность этого человека указывает существование в XVII–XVIII вв. Акпарсовой сотни в Горномарийском районе. Имеются и другие подтверждения. В свое время писатель Ким Васин отождествил Акпарса с исторической личностью Ахкубеком Тогаевым. Это подтверждал в личной беседе К.Н. Сануков. Сопоставимость имен (одного зовут Белым князем, другого Белым барсом) и то, что известно об этих людях, не исключают тождества. Оба жили в одной местности и в одно время, ездили на переговоры в Москву, сражались против Казани. В июне 1551 г., когда строился Свияжск, служилый хан Шах-Али и воеводы «послали к государю горних людей Магмета Бозубова да Ахкубека Тогоева с товарищи... И Магмет с товарыщи государю били челом ото всее Горние стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашей и черемисы и казаков, чтобы им государь гнев свой отдал, а велел бы у Свияжьского города быти; и правду государю на том по своей вере дают, что им от государя и их детем неотступным быти и к Казани от Свияжскаго города никак не отложитися; и пожаловал бы их государь, в ясакех полегчил и дал бы им жаловалную свою грамоту, как им вперед быть» [12, с. 164–165]. Акпарс стал самым популярным горномарийским средневековым героем, личность которого нашла отражение не только в фольклоре, но и в творчестве писателей, поэтов, художников, музыкантов, скульпторов. Не обойден вниманием образ Акпарса в трудах историков, начиная с И.Н. Смирнова [2] и позднее.

Известного из документов Атачика историки отождествляют с фольклорным Анчиком. Оба они участвовали в переговорах в Москве в 1546 г., только один известен по преданию [6, с. 61–63], а другой по разрядной книге [17, с. 330].

Об Алеке Черемисине известно только по факту пленения, но упоминание этнопрозвища указывает на его однозначное марийское происхождение [14, с. 227].

О Мамич-Бердее, самом известном луговомарийском предводителе, известно только из летописей и сочинения Андрея Курбского. Сообщения о будто бы наличии сведений о нем в архивах Средней Азии и Турции пока не нашли документального подтверждения. Хотя этого человека знали в Ногайской орде, Крымском ханстве, возможно, в Стамбуле. По надежным источникам можем сделать вывод, что он обладал несомненными организаторскими и военными способностями. Так, осенью 1554 г. из Казани сообщали, что «Мамич-Бердей с товарищи в город не пошли и воруют по-старому на Волге, приходя на суды» [12, с. 227; 13, с. 553–554]. Примечателен не только пиратский характер действий, но и несомненная их успешность и продолжительность, иначе бы не стали отмечать, что «воруют по-старому». Он имел в личном подчинении как минимум две волости. Когда его захватывали в плен, с ним было 200 воинов. Сотня выставлялась от волости. Еще у него было два или более сына. Одного из них звали Кочак, каждый руководил волостью и возглавлял отряд. Все, что известно о деятельности Мамич-Бердея и его сыновей, связано с Волгой. Мамич-Бердеевы волости, как минимум четыре, располагались в низовьях рек Большой и Малой Кокшаги и на противоположном берегу Волги. Сохранилось несколько миниатюр с изображением этого вождя. Не исключено, что художник мог видеть его самого, т.к. миниатюры Лицевого летописного свода создавались вскоре после произошедших событий. На миниатюрах можно увидеть невысокого и уже немолодого человека с редкой бородкой. Мамич-Бердею удалось стать лидером восставших в ходе Первой черемисской войны 1552–1557 гг. Он сумел сплотить луговых марийцев, но попытка привлечь к восстанию горных мари и чуваш закончилась его пленением. Из сообщения А. Курбского и по миниатюрам видно, что знаменитого предводителя черемис допрашивал сам царь Иван IV и его приближенные [19, с. 67]. Дальнейшая судьба его не известна. Обычно пишут, что он был казнен или замучен царскими палачами, что логично. Однако таких сведений нет, а это допускает возможность предположить, что этому, несомненно, талантливому человеку могли предложить креститься, и если он

дал согласие, то мог продолжить службу в Прибалтике уже под другим именем как служилый государев человек. Такая практика была распространена в русском государстве. Английский посол в России Джильс Флетчер (1548–1611) писал, что русские обыкновенно обещали пленным татарам жизнь при условии крещения, хотя больших успехов при этом не достигали. Ну а если пленники не соглашались переходить в православие, тогда следовала казнь – опасного противника отпускать никаким образом было нельзя. Так закончили жизнь оказавшиеся в плену казанский временщик крымский оглан Кощак и предводитель крымских мангытов карачи-бек Дивей. Гибель Кощака описана у Казанского летописца так: «И вопросиша же повелением царевым: аще хощет креститися и служити ему, то да милость приимет от него и жив будет. Он же раб его быти хотяше, а креститися отрицашеся, ни мыслию внимаша. И благословения не хоте и удалися от него. По неколицех днех державше его в темницы, изведоша его воины из града на секателное место со всеми его варвары и побиша их паличьем всех» [9, с. 94]. Аналогично закончил жизнь Дивей. «На другой год после того, как крымские татары сожгли Москву, – пишет Флетчер, – был взят в плен какой-то Дивей-мурза, один из начальников, бывших в этом походе, с 300 других татар, и всем им обещали сохранить жизнь, если они согласятся окреститься по русскому обряду; но все они отказались, осыпая упреками тех, которые старались их к тому склонить. Тогда уже повели их всех к Москве-реке (протекающей через город) и окрестили самым жестоким образом: ударяя по голове, бросали их в воду, для чего была нарочно сделана во льду прорубь» [20, с. 135–136]. В то же время казанские плененные ханы Едигер-Магмет, Утемыш-Гирей и сибирский царевич Маметкул и другие оказались на царской службе. Они по феодальной иерархии были выше русских бояр, хотя реальной властью не обладали и находились под присмотром, свобода для них ограничивалась, они жили в России как в «золотой клетке». Однако необходимо учитывать, что царское правительство предоставляло возможность службы не просто плененным успешным полководцам, но знатным пленникам – ханам, царевичам, князьям, мурзам, огланам. Мамич-Бердей, несмотря на свою известность, по московским понятиям к аристократии не относился, хотя и назывался летописцами «сотенным князем». Поэтому вопрос о судьбе Мамич-Бердея остается открытым.

Адай Шамаршинский известен по преданиям как сотник, воевавший за интересы русского государя. В конце XVIII в. находящийся на русской службе немецкий исследователь И.Г. Георги писал о марийцах, что раньше «они имели собственных ханов и под Российскою будучи уже державою: но поколение овых пресеклось на Адае, весьма подобострастном и покорном российскому престолу храбром владетеле…» [4, с. 30]. Следовательно, в XVIII в. марийцы воспринимали Адая как прежнего своего верховного правителя. Многократно встречается его имя и в письменных источниках. В посольских книгах он предстает авторитетным марийским вождем, живущим в Чемуршинской волости вверх по р. Большой Кокшаге, видимо, в районе современного Иванбеляка, отсюда и прозвище. Он служил Ивану Грозному, но был уличен в переговорах с крымским ханом Девлет-Гиреем [16, с. 88–89, 223]. После 1569 г. в источниках он и его сподвижник Кочак Мамич-Бердеевич больше не упоминаются.

Пашкан-Керемет не давал спокойно жить татарским правителям и совершал нападения на Казань со стороны с. Сидельниково ныне Звениговского района. В конце концов его догнали и убили. Марийцы отомстили за гибель своего героя, уничтожив татарский отряд [10, с. 140–141].

Еще в июле 1917 г. на Первом всероссийском съезде народа мари в Бирске известный просветитель Павел Глезденев предложил отмечать 26 апреля как праздник всех национальных героев всех времен. За отправное событие он предложил взять гибель марийского вождя Болтуша (Полтыша). С 1990 г. в Марийской республике и за ее пределами отмечается день национального героя, приуроченный к героической гибели легендарного марийского вождя Болтуша, или Полтыша, при обороне крепости Малмыж. Полагаем, что допущена поспешность. Тут много неясного. Почему был выбран не реальный национальный герой, а легендарный Болтуш, нигде в исторических источниках не проявившийся? Большое сомнение, что просветитель сделал какое-либо историческое обоснование. Скорее всего, он просто оказался под впечатлением от былины о Болтуше [15, с. 83–86]. Не понятен и выбор дня. По какому календарю нужно считать, в 1917 г. действовал Юлианский, сейчас используется Григорианский. Разница между ними в 13 дней, а если Глезденев имел

в виду конкретную дату XVI в., то поправку нужно делать в 10 дней, т.к. временное расхождение между календарями постоянно увеличивается. К тому же, русские войска в районе Малмыжа никогда в апреле не оказывались. Из-за весенней распутицы и ледохода боевые действия прекращались в марте и возобновлялись в конце апреля – в мае. То же самое и осенью, в сентябре воевать прекращали и в зимние походы выступали только в декабре после 6 (16) числа (Никола зимний) по зимнему пути. В Интернете и в публицистике указываются две возможные даты гибели Болтуша в 1556 и 1553 гг. Первая дата ничем не обосновывается, а вот вторую – 1553 г. привязывают к действиям отрядов Д.Ф. Адашева. Действительно, в апреле его судовые отряды находились на Нижней Вятке. Однако силы у него были незначительные, вооружение не включало артиллерию, и задача была поставлена контролировать речные переправы. С учетом того, что приходилось патрулировать Волгу, Каму и Вятку, собрать значительные силы для захвата укрепленного городища воевода не мог. В летописях нет таких известий. Поэтому или русские настолько легко захватили Малмыж, что не сочли нужным упоминать это в своих отчетах, или, что более вероятно, в 1553 г. городище не захватывалось, тем более это и не входило в задачу. В былине нашли отражение какие-то реальные события черемисской войны, но привязать их к определенному месту и конкретному времени проблематично.

Минул драматический XVI в., основные политические события сместились в другие районы Евразии, Марийский край, оказавшись вдалеке от окраин, постепенно возвратился к мирной жизни. С прекращением войн резко сокращается и число имен марийских героев, попавших в документы и увековеченных народной памятью. От Смутного времени сохранились имена предводителей восставших на луговой стороне – Ялпай Токшейков, Аникей Кошаков. Не совсем ясна этническая принадлежность Ешбахты Москова, он может быть мордвином. Но это не значит, что марийские мужчины забыли, как пользоваться оружием и перестали ходить на войну. Русское правительство проводило прагматичную политику и учитывало сложившиеся воинские традиции вошедших в состав России народов. Татары, мордва, черемисы и другие часто упоминаются в составе русских войск и составляют до 10 % их численности. Марийцы,

в отличие от удмуртов, остались полуслужилыми и за это платили меньший ясак. Они воевали вдали от родины, отмечено их участие в Ливонской войне 1558–1583 гг., защищали границу на засечных чертах от набегов крымских татар и ногайцев. XVII в. не дал таких ярких героев, как предшествующий XVI в., но многие имена служилых сохранились в документации. Так, в списках, отправлявшихся на войну с Польшей, в 1654 г. поименно перечислено 485 «конных черемисина» [1, с. 165–170]. Свои подвиги они совершали далеко от родины и результат их службы влился в успех русского войска, не оставив нам имен особо отличившихся удальцов. Последующие многочисленные войны, которые пришлось вести России, и крестьянские войны внутри страны не обходились без участия мари.

Источники и литература

1. *Айплатов Г.Н., Иванов А.Г.* «Государева служба» и именные списки «конной черемисы» в документах середины XVII века // Марийский археографический вестник. – 2005. – № 15. – С. 165–170.

2. Акпарс: исследования и материалы / сост. Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов. – Йошкар-Ола, 2007.

3. Былины / сост. Ф.И. Селиванова. – М., 1988.

4. *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, и прочих достопамятностей. Ч. 1. О народах финскаго племени. – СПб., 1776.

5. Героический эпос народов СССР. – Л., 1979.

6. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1. – Чебоксары, 1983.

7. *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. – Л., 1974.

8. Идегей: Татарский народный эпос. – Казань, 1990.

9. Казанская история / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.; Л., 1954.

10. *Магницкий В.К.* Предание о Пашкане-керемете // Марийский археографический вестник. – 1997. – № 7. – С. 140–141.

11. Отголоски былинной традиции на земле Нижегородской. – Н. Новгород, 2006.

12. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб., 1904.

13. Полное собрание русских летописей. Т. XX. Ч. 2. Львовская летопись. – СПб., 1914.

14. Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. Лебедевская летопись. – М., 1965.

15. Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край / сост. В.Н. Козлов. – Йошкар-Ола, 2003.

16. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. ред. М.В. Моисеев. – М., 2016.

17. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. – М., 1977.

18. *Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М.* Ногайский героический эпос. – Черкесск, 1994.

19. Сказания князя Курбского. Ч. 1. – СПб., 1833.

20. *Флетчер Дж.* О государстве русском. – М., 2002.

A.G. Bakhtin

MARI HEROES OF THE MIDDLE AGES: MYTHICAL AND HISTORICAL

Annotation. The dramatic period in the history of the Mari region, the 16th century, left many names of Mari heroes. Some of these names were recorded in written sources, such as chronicles, military records, and diplomatic books, while others remained only in the people's memory and historical legends. There are also individuals whose names were mentioned both in written sources and in folklore. However, attempts to expand our knowledge based solely on logic often lead to mythologization and distortion of historical truth. In the 17th century, there was a significant decrease in information about Mari heroes.

Keywords: Mari heroes, chronicles, folklore, Mamich-Berdei, the Russian state, Akpars, leaders, Boltush, the Day of the National Hero.

УДК 94(47).053(470.315)

Е.С. Бутрин

СОЛДАТСКИЕ СБОРЫ В ШУЕ В ПЕРИОД СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на материале г. Шуи рассматривается система солдатских наборов с посадского населения в начальный период Северной войны (до 1711 г.). Автор приходит к выводу, что квота набора оказалась

13. Полное собрание русских летописей. Т. XX. Ч. 2. Львовская летопись. – СПб., 1914.

14. Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. Лебедевская летопись. – М., 1965.

15. Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край / сост. В.Н. Козлов. – Йошкар-Ола, 2003.

16. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. ред. М.В. Моисеев. – М., 2016.

17. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. – М., 1977.

18. *Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М.* Ногайский героический эпос. – Черкесск, 1994.

19. Сказания князя Курбского. Ч. 1. – СПб., 1833.

20. *Флетчер Дж.* О государстве русском. – М., 2002.

A.G. Bakhtin

MARI HEROES OF THE MIDDLE AGES: MYTHICAL AND HISTORICAL

Annotation. The dramatic period in the history of the Mari region, the 16th century, left many names of Mari heroes. Some of these names were recorded in written sources, such as chronicles, military records, and diplomatic books, while others remained only in the people's memory and historical legends. There are also individuals whose names were mentioned both in written sources and in folklore. However, attempts to expand our knowledge based solely on logic often lead to mythologization and distortion of historical truth. In the 17th century, there was a significant decrease in information about Mari heroes.

Keywords: Mari heroes, chronicles, folklore, Mamich-Berdei, the Russian state, Akpars, leaders, Boltush, the Day of the National Hero.

УДК 94(47).053(470.315)

Е.С. Бутрин

СОЛДАТСКИЕ СБОРЫ В ШУЕ В ПЕРИОД СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на материале г. Шуи рассматривается система солдатских наборов с посадского населения в начальный период Северной войны (до 1711 г.). Автор приходит к выводу, что квота набора оказалась

явно неадекватной численности городского населения. В силу этого активно применялся найм рекрутов – из населения Шуи происходило не более четверти поставленных городам в эти годы солдат. Остальные были наняты посадским миром или частными лицами. Расходы на отправку рекрутов нанесли сильный удар по экономическому состоянию Шуи в начале XVIII в.

Ключевые слова: Шуя, посадская община, Петр I, Северная война, рекрутские наборы, военные реформы.

Рекрутские наборы в начале XVIII в. стали одной из важнейших составных частей петровских преобразований. Без них было немыслимо строительство новой армии – а именно оно было ядром всех реформ, во многом обеспечивая обновление жизни страны в других общественных и экономических сферах. П.Н. Милюков открыто писал, что возрастание численности армии было «главною движущей пружиной нововведений в области государственного хозяйства» [8, с. 124]. Отсюда – выдающееся значение, придававшееся главой государства формированию армии. М.В. Клочков писал: «Рекруты были предметом увлечения Петра. Кажется, солдат и рекрут он видел и во сне и наяву. Даже когда родился у него второй сын, он на радостях писал: “Бог дал царю рекрута отцовским именем”» [6, с. 86].

В первое десятилетие Северной войны к набору предполагалось 248,5 тыс. чел., однако собрано было гораздо меньше. К 1709 г. армия насчитывала не более 100 тыс. чел. П.Н. Милюков заключал, что «по меньшей мере, половина набранного количества рекрут была поглощена войной и военными порядками тогдашнего времени» [8, с. 131–133]. Под «военными порядками» имеется в виду смерть рекрутов от болезней и значительное число беглых (не опускавшееся ниже 10 %). Как свидетельствует А.А. Кизеветтер, рекрутская повинность была одной из тяжелейших для посадских людей, поскольку выбранные в рекруты маломочные члены общины «всячески старались укрыться от выпавшей на их долю напасти». Община, в свою очередь, стремилась облегчить рекрутское бремя, для чего прибегала к найму в рекруты сторонних людей и поставке лиц «непорядочного жития» [5, с. 353–357].

Крупнейший исследователь рекрутских сборов в период Северной войны В.А. Тихонов преимущественно останавливает внимание на трех аспектах проблемы, которые можно обозначить как

юридический, финансовый и количественный. Речь идет о критериях отбора в солдаты, определенных в законодательных документах, о материальном и денежном обеспечении оказавшихся в числе рекрутов лиц и наконец о численности рекрутов – предполагавшейся и реальной [14, с. 25–103]. Мы обратим внимание преимущественно на те же проблемы, но в «региональном разрезе», проследив историю солдатских наборов начала XVIII в. на материале небольшого посада Восточного Замосковья. Эту возможность нам предоставляют документы архива шуйской земской избы начала XVIII в., сохранившиеся в значительном объеме благодаря усилиям местного краеведа В.А. Борисова.

Тихонов В.А. подробно проследил, как в первые годы Северной войны постепенно «добровольный» принцип набора в солдаты заменялся принудительным. При этом главными источниками для пополнения армии в начальный период войны выступали не пахотные крестьяне, а дворовые люди и посадское население. Важным резервом были также «гулящие люди» (в том числе беглые). Эти ресурсы оказались исчерпаны лишь на пятый год войны – указом от 20 февраля 1705 г. был объявлен первый номерной рекрутский набор [13, с. 30–31]. Первый сбор «даточных людей» был объявлен 8 ноября 1699 г. В ходе него с землевладельцев, распределенных на шесть категорий, в армию поставлялись лица, не занятые на пашне – крепостные слуги и ремесленники. Одновременно велся набор добровольцев – в основном из числа «гулящих людей» – здесь основной акцент делался на низовые города, «поволжскую вольницу». Год спустя (18 декабря 1701 г.) вновь был объявлен «добровольческий» набор. В следующем году он был повторен. Причем впервые применялся принудительный принцип – для азовского гарнизона в поволжских городах с марта по июль 1702 г. в приказном порядке набирались «малотяглые» посадские люди.

Этот опыт на исходе того же года было решено распространить на всю страну. Вряд ли это решение можно признать удачным – если в «низовых» городах имелись значительные резервы для пополнения армии в виде «гулящих» людей, то в большинстве посадов Центрального Нечерноземья и Северо-Запада демографическая ситуация была совершенно иной. Серьезные ограничения пополнения посада сторонними лицами в законодательстве XVII в. привели

к тому, что численность городских общин увеличивалась преимущественно естественным путем. Значимых людских ресурсов для выполнения государственных «нарядов» у них просто не было. Указ о наборе посадских людей, обложенных «слобоцким торговым окладом» на сумму менее 30 руб., состоялся 11 декабря 1702 г. По первоначальной квоте набор должен был составить 7000 чел. Но в результате рьяной деятельности приказа военных дел, возглавляемого Т.Н. Стрешневым, она был превышена в полтора раза – в полки отправилось 10 980 чел. [14, с. 46]. Целый ряд посадов потерял значительную часть населения: из ростовского посада (491 двор) армию пополнили 210 чел., из вологодского (1420 дворов) – 310 чел. Тяжелым образом отразился «посадский набор» и на Шуе.

Сборщик Ф.Д. Марков прибыл в город всего через пару недель после издания указа, 25 декабря 1702 г. Он пробыл в Шуе более двух месяцев – до 8 марта 1703 г. Всего весной 1703 г. шуянами было набрано 44 чел. «охочих людей» и в три захода отправлено в Москву. Под них было выделено 12 подвод – следовательно, на каждой размещались по 3–4 чел. Именно найм подвод и выдача «кормовых денег» добровольцам оказалась самой тяжелой расходной статьей по высылке – на это было истрачено 28 руб. 15 коп. Всего же операция по высылке солдат обошлась посаду в 53 руб. 83 коп. [9, д. 43, л. 1]. В ходе этого сбора шуяне впервые столкнулись с попытками сборщика лично определить годных для набора лиц – ведь строго юридически он имел право отобрать в «даточные» большую часть мужского населения посада.

В связи с этим был составлен список посадских людей «по промыслом». В нем обозначены оклады 148 из 228 посадских семей – низшей части населения посада, попадавшей под набор по указу 11 декабря 1702 г. Окладные суммы в нем распределяются по достаточно равным группам: оклад в 6 руб. имели 38 семей, в 12 руб. – 34 семьи, в 18 руб. – 32 семьи, в 24 руб. – 21 семья и в 30 руб. – 18 семей. Еще две семьи имели оклад в 9 руб., а у двух он был ниже 6 руб. – 4 руб. 20 коп. и 3 руб. 60 коп. Судя по всему, в качестве «промыслов» оценивалась общая стоимость «пожитков» семьи [3, д. 1021, л. 1–42]. Таким образом, под набор попало 65 % населения города, в том числе и лица, исполнявшие общественные службы. Именно в связи с этим 8 марта 1703 г. шуяне составили роспись и дали

сказку сборщику солдат Ф.Д. Маркову относительно исполнявших государеву службу лиц (всего таковых оказалось 11 чел.): семеро служили в земских целовальниках, трое – в таможне, а один – на кружечном дворе [3, д. 422, л. 4; 3, д. 423, л. 4]. Естественно, эти люди никак не могли быть записаны в солдаты.

Судя по всему, именно с первым этапом противостояния посадского мира и солдатского наборщика связана челобитная об изменении принципов подбора солдат (точная дата ее неизвестна). В ней шуяне жаловались, что в числе не записанных «на смотре» в солдаты остались люди «старые и увечные, ис того числа иные кормятца Христовым именем от скудости своей и для той их скудости обложены были малыми оклады». В то же время записанные в солдаты горожане ни окладных доходов, ни десятой деньги «по окладам своим не дают». В результате остальные вынуждены платить за них. Также «за малолюдством осталых шуян» предполагалась серьезная нужда в исполнителях выборных должностей [3, д. 387, л. 1]. Именно с этой челобитной связано составление окладной книги «по промыслом». Судя по всему, на первом «смотре» Марков отобрал в число потенциальных даточных полноценных членов посадского мира, что общину никак не устраивало. Лишь после жалоб в высшие инстанции посаду удалось отстоять право на отбор потенциальных солдат из числа малоимущих шуян, причем не облеченных общественными должностями.

Уже в ходе первого сбора посадскому миру пришлось прибегнуть к найму «охотников». Но далеко не все из них «пришлись ко двору» в Москве: 30 июля 1703 г. по разбору боярина Т.Н. Стрешнева назад было отправлено семеро шуян, которые «в солдатех быть негодны». Им было велено жить на посаде и «всякие подати платить по-прежнему» [3, д. 428, л. 2]. Всего таким образом было «отставлено» 15 из 44 чел. – более трети набора. А окончательная квота немедленно была увеличена: во второй набор было велено набрать еще 75 чел. Марков вновь прибыл в Шую в июле 1703 г. [3, д. 429, л. 1]. На сей раз сбор «охочих людей» шел еще более тяжело: по словам земского бурмистра Б.Т. Ломанова, необходимое число даточных удалось набрать «с великою нуждою и за малолюдством». Они были отправлены в Москву, но троим на смотре «для малых лет» были даны льготы до «урочных лет», а еще 15 чел. были отставле-

ны. Поскольку необходимого числа добровольцев на сей раз собрать не удалось, верхушка посада оказалась вынуждена прибегнуть к насильственной отправке в военный приказ «малоплатежных» шуян.

Это немедленно вызвало ответные действия: отправленные на смотр представители посадских низов в Москве подали Стрешневу роспись «переменщиков», которые могли заменить отставленных лиц. Среди них оказались как лица, исполняющие государевы службы, так и «посадские люди, в податях не малоплатежные». В ответ земский староста 18 октября 1703 г. сообщал, что если даточные будут высланы по этой росписи, «в Шуе будет безлюдство совершенное». Он напоминал о количестве взятых на разные государевы службы шуян: на ежегодные местные службы выбирались 33 чел., а еще 16 чел. оказались на дальних службах – от Архангельска до Астрахани. Отставленные же от солдатской службы люди были из числа самых неимущих – «с них за скудостью и взять нечего». В связи с этим Ломанов просил зачесть в число даточных троих отставленных до «урочных лет», а вместо остальных позволить «из земской избы всем миром нанять переменщиков» [15, с. 1–2; 5, № 753, с. 306].

В ноябре 1703 г. в Шую вновь прибыл Ф.Д. Марков. Посадский «мир» дал ему обязательство в декабре поставить в приказ военных дел 16 чел. из числа забракованных на смотре – «а буде мы тех вышеписанных салдат не выберем и к Москве не поставим и великий государь указал бы на нас взять пеню, а пени что великий государь укажет» [9, к. 8, д. 44, л. 1–1 об.]. Таким образом, изложенная в челобитной от 18 октября просьба не была удовлетворена. Сохранилась еще одна челобитная шуян, в которой они вновь перечисляют все «государевы службы», отнимающие горожан от тягла. Авторы замечают, что и до набора даточных людей посадских дворов в городе значилось «самое малое число» – всего 206. Между тем в декабре 1703 г. им надлежало доставить в военный приказ еще 16 чел. [10, к. 1, д. 72, л. 10]. Но эта просьба, как и предыдущая, положительных последствий не возымела. Об этом свидетельствует челобитная шуянина Г.Ф. Колотилова о найме вместо себя «переменщика», бобыльского сына дворцовой Шаблыкинской волости Бежецкого уезда С.А. Чекейки (декабрь 1703 г.). Колотилов привел переменщика в земскую избу и тот свидетельствовал, что «вместо

ево Григория в салдацкую службу идти готов» [9, к. 8, д. 45, л. 1]. В «промышленной книге» марта 1703 г. размер оклада Колотилова не фигурирует – он принадлежал к верхушке посада, освобожденной от рекрутского набора. Но он попал в «роспись», предоставленную на смотре в Москве обиженными «малоплатежными» шуянами и оказался вынужден лично представить в земскую избу «наемщика» (явно уплатив ему значительную сумму).

Оставшиеся 15 чел. были собраны шуянами с большими трудностями лишь к 10 февраля 1704 г. и сданы наборщику П.М. Скрябину для доставки в военный приказ. После набора шуяне представили сборщику сказку, в которой указывалось число дворов в городе по переписным книгам, количество лиц, высланных «по указным высылкам», а также число взятых по набору солдат и оставшихся после набора посадских дворов. В этой сказке отмечено, что по переписным книгам в Шуе имелось 203 двора, «по торговому промыслу из волных» в посад было приписано еще три двора, а в реальности «с полудворами и с пустыми дворовыми местами» имелось 237 дворов (в том числе 21 двор вдов, которые тягла не тянули) [3, д. 438, л. 1–5]. Всего по этой сказке шуяне поставили в приказ Военных дел 29 чел., а остальные 74 даточных представляли собой «переменщиков». При этом хозяева, поставившие замену вместо себя, отнюдь не освобождались от тягла и даже не получали льгот – «тягло и всякие подати платят и службы служат с посадцкими людьми в равенстве» [9, к. 4, д. 71, л. 6].

Насколько неадекватной оказалась квота набора 1703 г., свидетельствуют неоднократные ссылки на нее в челобитных следующих лет о разных налоговых льготах. В 1704 г. были введены несколько новых оброчных сборов, а также проведена масштабная «переоброчка» старых. Шуйские бани были описаны дворянином Т.И. Болотниковым для введения с них рублевого оброка. В октябре 1704 г. шуяне жаловались, что он переписал «ветхие многие бани», которые «у салдатцких жен и у вдов и сирот за многою скудостью стоят пусты», поскольку вдовы взятых на службу в 1703 г. лиц «кормятца Христовым имянем». Посадские люди просили освободить солдаток от рублевого «банного сбора» [10, к. 1, д. 2, л. 7–7 об.]. В том же году были переписаны мельницы Николо-Шартомского монастыря под Шуей для введения на них мельничного сбора «верными цело-

вальниками». В качестве последних требовалось с января 1705 г. поставить пятерых посадских людей. В ответ шуяне напоминали, что в монастырских вотчинах имеется до 500 крестьянских дворов, в том числе «много людей добрых и прожиточных». В их же городе и «до салдатцкого взятку» было лишь «с малым числом двести дворов», а теперь и вовсе «совершенное малолюдство» [10, к. 1, д. 23, л. 10; 16, с. 102–103].

После масштабного набора 1703 г. посаду удалось отдохнуть всего год – уже 20 февраля 1705 г. последовал указ о первом номерном рекрутском наборе (один человек с 20 дворов). Для посадских людей было сделано исключение – указом 20 мая 1705 г. им было разрешено не поставлять рекрута из общины, а «наймывать добрых и человечных и в службу годных, женатых и холостых». «Переменщики» принимались с поручными записями – в случае их смерти или бегства наниматель обязывался представить замену [4, № 2050, с. 306]. Такое послабление было следствием явно неадекватной квоты набора 1703 г., приведшей к запустению многих посадов. Каждый «даточный» должен был снабжаться кафтаном, шубой и хлебом на 3 четверти (полосьмины овсяных круп, остальное – мука). Еще рубль в год выдавался ему деньгами на «шапки, рукавицы, чирики и рубахи» [4, № 2038, с. 298]. Этот сбор вновь вызвал челобитную посада с напоминанием о страшном наборе 1703 г. Земский бурмистр С.Я. Демин отмечал, что после этого сбора многие шуяне померли, отчего в государевых службах «совершенная за малолюдством нужда и неуправление». Он просил освободить посадских людей от очередного сбора даточных [1, № 238, с. 471–472]. Следствием подобных просьб, судя по всему, и стал указ от 20 мая 1705 г. о «переменщиках».

Несмотря на то, что значительная часть дворов посада тягла не несла, шуяне получили квоту сбора на все упомянутые в сказке 237 дворов – они должны были поставить на службу 12 чел. Этим лицам было предоставлено все снабжение по указу: 33 четверти ржаной муки и 3 четверти овсяных круп (на 22 руб. 80 коп.), «указного платья» на 15 руб. 18 коп., а также 12 руб. «указных денег». Этот сбор повторялся также в 1707, 1708 и 1709 гг. В 1707 г. на хлеб и платье шуяне должны были выделить 47,75 руб., в 1708 г. – 35,2 руб. Также уплачивались рекрутам и «указные деньги» –

по 12 руб. В следующем году, наконец, оказалась снижена квота набора – наличных дворов в посаде было насчитано 207, с них получено 10 рекрутов, а за «лишние» дворы шуяне уплатили деньгами 10,5 руб. Платья для «даточных» было закуплено на 32,5 руб., «указных денег» им выдано 10 руб. А вот хлеб на сей раз был переведен в денежный эквивалент – за него было взято 12 руб. [9, к. 4, д. 71, л. 8 об.–19]. Как известно, официально второй рекрутский сбор был объявлен уже 14 декабря 1705 г., третий – 22 октября 1707 г., четвертый – 18 ноября 1708 г. Таким образом, шуяне пропустили второй набор 1705 г.: в челобитной от января 1709 г. они отмечали, что после сбора 1703 г. трижды собирали «з двацети дворов по человеку» [10, к. 1, д. 23, л. 8].

Еще один тяжелейший набор настиг шуйский посад в 1711 г. В сохранившихся расходных книгах земской избы за этот год отмечено, что 5 марта шуяне представили в седьмой набор 17 солдат. Каждому было куплено по бараньей шубе, сермяжному кафтану и камзолу. Также рекруты получили «указную одежду», купленную миром на месте. Цена одной шубы составила 55 коп., кафтана с камзолом – 77 коп., шапки – 18 коп., рукавиц – 9 коп., чириков с чулками – 21 коп., рубахи со штанами – 32 коп., галстука с кушаком – 15 коп. Для каждого солдата также была приобретена четверть провианта (полчетверика овсяных круп, остальное – ржаная мука), а еще всем выделено по рублю «указных денег» и одна подвода на человека до Москвы. Всего на «отправу» рекрутов было истрачено 85 руб. Однако этим дело не ограничилось: 30 июня 1711 г. посад представил еще четверых солдат: с 37 собственных дворов и 3 «складных» с другим «отдатчиком». Они получили одежду, провизию, деньги и подводы по той же норме, что и их товарищи. Немного дешевле встала покупка шуб (54 коп.), а вот подводы оказались дороже – 1 руб. вместо 83 коп. за подводу. Всего «отправа» на сей раз обошлась в 20 руб. 68 коп. [9, к. 2, д. 91, л. 23 об. – 25].

Шуйский материал позволяет внести некоторую ясность в вопрос о норме седьмого рекрутского набора, который исследователями до сего времени выяснен не был ввиду отсутствия единого указа о наборах [14, с. 98–100]. Эта норма, во всяком случае для посада, оказалась необычайно высокой: один рекрут с 10 дворов. Однако можно полагать, что в данном случае мы имеем дело не с одним

чрезвычайным, а двумя нормальными сборами (рекрут с 20 дворов), произведенными в короткий промежуток времени: в записи от 5 марта сбор именуется седьмым, а в записи от 30 июня – уже восьмым. Отсрочка сбора 1710 г. на следующий могла стать следствием грандиозного пожара, обрушившегося на Шую 12 июня 1710 г. и уничтожившего значительную часть города [3, д. 557, л. 1; 1, с. 220–222]. Таким образом, за период с 1703 по 1711 г. шуяне поставили с посада 170 рекрутов. Снаряжение рекрута и доставка его до места стоили примерно 5,5 руб. с чел. – общая сумма, издержанная посадом на эти цели за первый период Северной войны, превышала 900 руб. Для сравнения, в 1711 г. на посадских людей было «разведено тягольных денег» на 1203 руб. 20 коп. – это общая сумма годовых налоговых сборов с шуян [9, к. 2, д. 91, л. 19].

Итак, мы походим к самому животрепещущему вопросу: насколько дорого обошлись посадскому населению рекрутские наборы первого периода Северной войны? Численность населения посада на исходе этой эпохи нам позволяют установить переписи, проведенные в Шуе воеводой Я.Г. Сытиным (20 октября 1709 г.) и «присыльщиком» Д.И. Рудиным (апрель 1710 г.). Столь небольшой промежуток между переписями стал следствием явно заниженных итогов первой (по ней в посаде было учтено всего 348 чел. м.п.) [12, д. 468, л. 2–16 об.]. Рудин переписывал уже не только мужское, но и женское население – он насчитал в посаде 424 чел. мужского пола и 541 чел. женского пола. Возрастное распределение усиливало женское преобладание: мужчин старше 15 лет в городе было 267 чел. (63 % мужского населения), женщин – 372 чел. (69 %) [12, д. 469, л. 1–26 об.]. Немаловажной также является оценка численности посадского населения на начало рекрутских сборов: окладная книга 1703 г. насчитывает в Шуе 457 чел. Правда, в ней явно не учитывалась некоторая часть малолетних детей.

Количество шуян, реально отправившихся в солдаты, также позволяет уточнить перекрестный анализ переписей октября 1709 и апреля 1710 гг. Всего по ним удалось уверенно идентифицировать 32 оказавшихся в армии горожан. Из них лишь у 12 в посаде остались жены (у пятерых – с малолетними детьми). Таким образом, большинство рекрутов (20 чел.) оказалось молодыми холостыми лицами. Привлекая к анализу окладные книги 1703 г., получаем

интересные данные о семье и социальном положении рекрутов. 12 чел. были младшими членами семьи, еще двое – делили двор с братом. В качестве самостоятельных хозяев по окладным книгам удалось идентифицировать 9 чел., и все они относились к самым низам посада: четверо имели оклад в 12 руб., еще пятеро – 6 руб. Девять семей из десяти, младшие члены которых поступали в рекруты, относились к той же прослойке [2, с. 25–27]. Таким образом, состав рекрутов четко характеризует политику общины в их выборе: в качестве рекрутов поставлялись младшие члены семей, неженатые и немногочисленные женатые «маломощные» хозяева. Лишь немногие солдатские жены могли вести самостоятельное хозяйство. В переписи 1709 г. в числе «солдатцких» обозначено 26 дворов. Из них жилыми осталась половина – семью дворами владели матери, пятью – жены и одним – брат. А уже в переписи 1710 г. обозначено лишь четыре двора солдатских жен. Еще трое солдаток вынуждены были проживать у родственников, столько же обитали в «полудворах», одна оказалась в «подсоседстве». Таким образом, можно наблюдать процесс потери дворов солдатскими вдовами – семьи солдат окончательно опускались на общественное дно.

Даже учитывая, что переписи не дают возможности идентифицировать всех посадских солдат, можно видеть, что их численность как минимум вчетверо уступает количеству рекрут, отправленных в армию в 1703–1709 гг. Эти данные вполне согласуются с демографическими потерями посада, которые можно вывести при сопоставлении переписей 1703 и 1710 гг.: Шуя потеряла от рекрутчины на этом промежутке никак не более 10 % мужского населения. Данная цифра представляется мизерной – по сравнению с теми «нарядами», которые посад вынужден был выполнять на протяжении восьми лет с 1703 г. Даже не учитывая набор 1711 г., шуяне должны были поставить 150 чел.: это 60 % взрослого мужского населения по переписи апреля 1710 г. Разгадка этой разницы в цифрах проста – три четверти шуйских «даточных» представляли собой не посадских людей, а «переменщиков», нанятых как лично назначенными в солдаты посадскими, так и всем «миром».

Проблема найма рекрут рассматривалась В.А. Тихоновым, который зафиксировал несколько подобных случаев в Шуе и Бежецке. Причем если в Бежецке найм производился посадскими людьми,

то в Шуе – дворцовыми крестьянами. Имеются в виду опубликованные И.М. Лядовым две наемные записи в солдаты от 5 февраля 1709 г. и одна – от 9 декабря 1710 г. Первые две записи даны старосте и всем крестьянам с. Дунилова Суздальского уезда: в солдаты нанялись церковный бобыль с. Егорья дворцовой Всегодичской волости И.И. Малышев и крестьянин Алексинской волости Троице-Сергиева монастыря Максим Петров. Кроме указных платья, обуви и провианта, первый рядил у дуниловского старосты 18,5 руб., а второй – 17 руб. Оба обязывались будучи в солдатах «великого государя службу служить, не изменять, не збежать и не пьянствовать и с воровскими людьми не знатца, стоя на караулах, государевой казны не покрасть и воровских людей не подвесть и ружье не потерять и никакова дурна не учинить». В случае бегства со службы наемников вместо беглецов должны были представить поручители – в их качестве фигурировали по одному крестьянину тех же вотчин, откуда происходили солдаты. Третья запись дана уже трем определенным в солдаты дуниловским крестьянам: С.С. Печенкину, А.С. Сыромятникову и Ф.И. Белошапкину. У них в солдаты подрядились дворцовые крестьяне – Заузольской волости Балахонского уезда И.И. Лыков и И.С. Крюков, а также Красносельской волости Гороховского уезда Т.И. Ушаков. Общий размер найма составил 30 руб. Поручитель при этом был один – костромской крестьянин с. Марьинского Троице-Сергиева монастыря Ф.В. Забродин [7, с. 3–4].

Как видим, найм применялся широко, причем как коллективный, так и индивидуальный. Оба этих вида встречаются и в документах шуйского посада: 19 мая 1705 г. посадский человек Василий Яблов подрядился в солдатскую службу у шуйского земского бурмистра А.С. Плесянинова (коллективный найм) [5, № 755, с. 306]. А цитировавшаяся выше челобитная бежецкого дворцового бобыля С.А. Чекейки (декабрь 1703 г.) свидетельствует, что он был индивидуально поставлен в солдаты Г.Ф. Колотиловым. Такие же данные имеются и относительно посадского человека И.Г. Тебрикова: в июле 1712 г. шуяне просили освободить его от подьяческого разбора, поскольку он «старинной посадцкой человек и всякие подати платит и рекрутных солдат и работных людей дает в равенстве». В том числе в 1703 г. он с братом предоставил «вместо себя наемщика» в рекру-

ты [3, д. 579, л. 1]. Так, найм применялся очень широко и до указа от 20 мая 1705 г. и после, причем всеми категориями «отдатчиков». Что касается поряжавшихся в солдаты лиц, то среди них встречаем монастырских и дворцовых крестьян, а также церковных бобылей (проживавших на землях приходских церквей). Отсутствие среди них частновладельческих крестьян свидетельствует, что с таковыми «наемщики» старались дела не иметь – слишком велик был риск столкнуться с беглым. Подобных было немало и в Шуе – об этом свидетельствует челобитная стольника Л.В. Лазарева от декабря 1706 г., согласно которой сын его беглого крестьянина Марка Григорьева Остафий «явился в Шуе в солдатах». Челобитчик просил провести розыск, где он жил до этого и кто сдал его в солдаты, а самого беглеца вернуть ему «во крестьянство» [3, д. 486, л. 1].

Подводя итоги анализа рекрутских наборов первого периода Северной войны на локальном материале, можно заключить, что они легли на посад чрезвычайно тяжелым бременем – причем в большей степени не демографическим, а финансовым. Судя по всему, непосредственно из числа посадских людей происходило не более четверти рекрутов – причем это были представители социального дна, не оказывавшие серьезного влияния на «тягловую мощь» посада. Но вот остальных пришлось нанимать – как лицам, индивидуально записанным в солдаты на смотре, так и коллективно – всей общине. Общий размер суммы, выделенной шуянами на солдатский найм, приближался к 2000 руб. (не считая расходов на обмундирование и отправку). В свете выявленных данных, рекрутская система первого десятилетия XVIII в. предстает как огромный насос, доставлявший в армию лиц, неплотно привязанных к земле («гулящих людей», беглых и представителей общественного дна). Финансово эта система обеспечивалась не столько государством, сколько местными общинами и частными лицами: первые стремились сохранить экономическую стабильность, вторые расплачивались за возможность остаться на прежнем месте. Во многом именно петровские наборы первого этапа Северной войны заложили в стране систему рекрутчины, просуществовавшую до военной реформы 1874 г.

Источники и литература

1. *Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов). Т. 2. – Иваново, 2004.

2. *Бутрин Е.С.* Рекрутские сборы в Шуе в начале XVIII в. // Провинциальный анекдот: чтения по региональной казуальной истории. Вып. 10. – Шуя, 2016. – С. 22–31.

3. ГАИО (Государственный архив Ивановской области). Ф. 324. Оп. 1.

4. *Кизеветтер А.А.* Посадская община России в XVIII в. – М., 1903.

5. Коллекция В.А. Борисова // Летопись занятий Археографической комиссии за 1913 г. Вып. 26. – СПб., 1914. – С. 213–308.

6. *Клочков М.В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. – СПб., 1911.

7. Крепостные записи в солдаты по найму 1709 и 1710 годов // Владимирские губернские ведомости (ВГВ). – 1878. – № 3. – С. 3–4.

8. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. – СПб., 1905.

9. НИОР РГБ (Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 67.

10. НИОР РГБ. Ф. 346.

11. Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. – СПб., 1830.

12. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 350. Оп. 1.

13. *Тихонов В.А.* Рекрутская система комплектования русской армии в 1705–1710 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. – 2012. – № 4. – С. 28–36.

14. *Тихонов В.А.* Рекрутская система комплектования русской армии при Петре I. Saarbrucken, 2012.

15. Челобитная царю Петру Алексеевичу города Шуи земского бурмистра Бориса Ламонова // ВГВ. – 1873. – № 43. – С. 1–2.

16. Челобитная шуйских земских бурмистров Семена Демина с товарищи и всех посадских людей 1705 года о не выборе шуян в целовальники // ВГВ. – 1864. – № 20. – С. 102–103.

E.S. Butrin

SOLDIERS' RECRUITMENT IN SHUYA DURING THE NORTHERN WAR

Annotation. The article examines the system of recruiting soldiers from the townspeople in the initial period of the Northern War (before 1711) based on the city of Shuya. The author concludes that the recruitment quota was clearly

inadequate for the size of the urban population. As a result, recruiting was actively used — no more than a quarter of the soldiers supplied to the cities during these years came from the population of Shuya. The rest were hired by the city community or private individuals. The costs of sending recruits dealt a strong blow to the economic situation of Shuya at the beginning of the 18th century.

Keywords: Shuya, townspeople's community, Peter I, Northern War, recruiting, military reforms.

УДК 94(470.64)

Р.Э. Герман

ФАКТОР БРИТАНСКОГО И ОСМАНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ (1817–1864 гг.) И РОССИЙСКИЕ МЕРЫ ПО ЕГО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Целью настоящего исследования является анализ фактора британского и османского вмешательства в Кавказскую войну (1817–1864 гг.), определение его роли и влияния на ход и продолжительность конфликта. В статье дана характеристика Кавказской войны как сложного и многоаспектного военно-политического процесса. Исследование выявляет геополитические, экономические и военно-стратегические цели иностранных государств на Кавказе, анализирует конкретные формы и методы их вмешательства (дипломатическое давление, финансовая и военная помощь горцам, разведывательная деятельность, пропаганда). Результаты исследования показывают, что иностранное вмешательство, преследовавшее цели ослабления Российской империи и установления собственного контроля над стратегически важным регионом, существенно осложняло и затягивало процесс умиротворения Кавказа, способствовало эскалации насилия и увеличению жертв. Вместе с тем решительные и последовательные действия российского правительства и военного командования позволили нейтрализовать внешние угрозы и завершить интеграцию Северного Кавказа в состав Российской империи.

Ключевые слова: Кавказская война, Российская империя, иностранное вмешательство как фактор Кавказской войны, Великобритания, Османская империя, геополитика Российской империи на Кавказе, Северный Кавказ, имамат Шамиля, Черкесия.

Кавказская война (1817–1864) – один из самых продолжительных и кровопролитных военных конфликтов в истории Российской

inadequate for the size of the urban population. As a result, recruiting was actively used — no more than a quarter of the soldiers supplied to the cities during these years came from the population of Shuya. The rest were hired by the city community or private individuals. The costs of sending recruits dealt a strong blow to the economic situation of Shuya at the beginning of the 18th century.

Keywords: Shuya, townspeople's community, Peter I, Northern War, recruiting, military reforms.

УДК 94(470.64)

Р.Э. Герман

ФАКТОР БРИТАНСКОГО И ОСМАНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ (1817–1864 гг.) И РОССИЙСКИЕ МЕРЫ ПО ЕГО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Целью настоящего исследования является анализ фактора британского и османского вмешательства в Кавказскую войну (1817–1864 гг.), определение его роли и влияния на ход и продолжительность конфликта. В статье дана характеристика Кавказской войны как сложного и многоаспектного военно-политического процесса. Исследование выявляет геополитические, экономические и военно-стратегические цели иностранных государств на Кавказе, анализирует конкретные формы и методы их вмешательства (дипломатическое давление, финансовая и военная помощь горцам, разведывательная деятельность, пропаганда). Результаты исследования показывают, что иностранное вмешательство, преследовавшее цели ослабления Российской империи и установления собственного контроля над стратегически важным регионом, существенно осложняло и затягивало процесс умиротворения Кавказа, способствовало эскалации насилия и увеличению жертв. Вместе с тем решительные и последовательные действия российского правительства и военного командования позволили нейтрализовать внешние угрозы и завершить интеграцию Северного Кавказа в состав Российской империи.

Ключевые слова: Кавказская война, Российская империя, иностранное вмешательство как фактор Кавказской войны, Великобритания, Османская империя, геополитика Российской империи на Кавказе, Северный Кавказ, имамат Шамиля, Черкесия.

Кавказская война (1817–1864) – один из самых продолжительных и кровопролитных военных конфликтов в истории Российской

империи. Изучение этого сложного и многогранного периода не теряет своей актуальности и сегодня, особенно в контексте современных геополитических процессов, проблем обеспечения национальной безопасности и противодействия внешним деструктивным силам. Одним из ключевых, но зачастую недооцененных или односторонне освещаемых аспектов Кавказской войны является фактор иностранного вмешательства. Понимание мотивов, форм и последствий этого вмешательства позволяет глубже осмыслить причины затяжного характера войны, выявить истинные цели внешних акторов и оценить усилия России по утверждению своего суверенитета и стабильности в этом стратегически важном регионе.

Кавказская война, традиционно датируемая 1817–1864 гг. (от начала активных действий генерала А.П. Ермолова до пленения последних крупных отрядов горцев в Западной Черкесии), была явлением чрезвычайно сложным и многоплановым. Это не была война в классическом понимании – с четкими линиями фронта, регулярными армиями и решающими сражениями. Скорее, это был длительный процесс военно-политического, экономического и социокультурного освоения Россией региона, сопровождавшийся ожесточенным сопротивлением части горских народов.

Война велась на двух основных театрах: на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан и Чечня), где сложилось теократическое государство – имамат, и на Северо-Западном Кавказе (Черкесия), где сопротивление носило более децентрализованный, конфедеративный характер [2].

Внешнее вмешательство в дела Кавказа имело давнюю историю, но особенно активизировалось в XIX в., по мере усиления позиций России в регионе. Главными акторами этого вмешательства были Османская империя и Великобритания [8].

Стамбул рассматривал Кавказ как свою историческую сферу влияния и стремился к реваншу за поражения в войнах с Россией. Порта опасалась дальнейшего российского продвижения на юг и видела в поддержке горцев способ ослабить Россию и создать буферную зону. Религиозный фактор также играл важную роль: османские султаны, как халифы мусульман, считали своим долгом поддерживать единоверцев в их борьбе против «неверных». Существовали и экономические интересы, связанные с торговлей, в том

числе работорговлей, которая процветала на Черноморском побережье Кавказа [15, p. 123–125]. Вмешательство Порты имело религиозно-идеологический, военно-технический, финансовый и дипломатический аспекты.

Религиозно-идеологическое вмешательство – направление на Кавказ проповедников, улемов, распространение идей джихада, поддержка мюридизма, ставшего идеологической основой имамата Шамиля. Например, многие наибы Шамиля получали образование или имели связи с османскими религиозными кругами [9, с. 215].

Военно-техническое – тайные поставки оружия, пороха, свинца через черноморские порты (Анапа, Сухум-Кале, до их занятия русскими) и через сухопутные маршруты, направление военных инструкторов и советников, часто под видом купцов или религиозных деятелей [13, с. 451]. В воспоминаниях участников Кавказской войны часто упоминаются захваченные у горцев ружья турецкого или европейского производства [4, с. 191; 12, с. 152].

Финансовое – предоставление денежных средств лидерам сопротивления, в частности имаму Шамилю.

Дипломатическое – попытки поднять «кавказский вопрос» на международной арене, особенно во время обострения русско-турецких отношений и во время Крымской войны, оказание убежища кавказским эмигрантам и использование их для антироссийской деятельности.

Вмешательство Великобритании в кавказские дела было составной частью ее глобальной стратегии, геополитического соперничества с Россией за влияние в этом регионе [7, с. 127]. Лондон опасался усиления России на Кавказе, которое могло бы открыть ей путь к Персии, Средней Азии и, в конечном счете, к Британской Индии. Важной задачей было сохранение Османской империи как барьера против российской экспансии. Также существовали экономические интересы, связанные с торговлей в Черноморском регионе и стремлением не допустить установления российской монополии [6, с. 95]. Идея создания «независимой Черкесии» под британским или османским протекторатом активно продвигалась рядом британских политиков и публицистов [14, p. 45–52]. Спектр форм британского вмешательства в дела Российской империи на Кавказе был достаточно широким.

Дипломатическое давление – постоянные протесты против действий России на Кавказе, обвинения в нарушении прав горцев и принципов свободной торговли, активная работа британских дипломатов в Стамбуле (особенно лорда Понсонби и Стратфорда Каннинга) по подстрекательству Порты к более жесткой антироссийской политике.

Разведывательная и подрывная деятельность – направление на Кавказ многочисленных агентов под видом путешественников, ученых, торговцев. Наиболее известны Джеймс Станислав Белл, Джон Лонгворт, Дэвид Уркварт. Они занимались сбором разведывательной информации, установлением контактов с лидерами горцев, организацией поставок оружия и пропагандой. Дневники и отчеты этих агентов, такие как «Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839» Дж. Белла [9; 13; 15], являются важными, хотя и предвзятыми, источниками. Дэвид Уркварт, будучи секретарем британского посольства в Константинополе, был одним из главных идеологов и организаторов поддержки черкесов. Он, в частности, спровоцировал инцидент со шхуной «Виксен» (1836), загруженной оружием для черкесов и задержанной русскими, что едва не привело к англо-русскому конфликту [10, с. 18; 16, p. 167–170]. Это дело вызвало шумный дипломатический скандал и внутренний политический скандал в Англии, результатом которого было дезавуирование личности и деятельности Уркварта со стороны министра иностранных дел лорда Пальмерстона, не желавшего тогда открытого ухудшения отношений с Россией.

Пропаганда и информационная война – активное формирование в европейской прессе негативного образа России как «варварской» и «агрессивной» державы, угнетающей «свободолюбивые» народы Кавказа, публикация многочисленных статей, памфлетов, книг, идеализирующих горцев и демонизирующих Россию.

Военная и финансовая помощь – организация контрабандных поставок оружия, боеприпасов, снаряжения, финансовая поддержка через Османскую империю или напрямую лидерам сопротивления. Во время Крымской войны (1853–1856) Великобритания и Франция предприняли попытку открыть «второй фронт» на Кавказе, высадив десант и пытаясь скоординировать свои действия с Шамилем и черкесами, однако эти попытки не увенчались значительным успехом [11, с. 301–315].

На протяжении всей войны важным инструментом вмешательства была информационная война. Европейская, особенно британская и французская, пресса систематически создавала образ «благородных дикарей», сражающихся за свободу против «русских варваров». Этот миф, имевший мало общего с реальностью, активно использовался для оправдания вмешательства и формирования антироссийского общественного мнения в Европе.

Российское правительство и военное командование на Кавказе прекрасно осознавали опасность иностранного вмешательства и предпринимали активные разносторонние меры для его нейтрализации.

К числу военных мер следует отнести блокаду побережья. Одной из главных задач Черноморского флота и Кавказского корпуса было пресечение контрабандных поставок оружия и высадки эмиссаров на побережье. Строительство Черноморской береговой линии (цепи укреплений от Анапы до Сухума) имело целью не только контроль над прибрежными племенами, но и борьбу с контрабандой [5, с. 139]. Захват судов-контрабандистов, таких как «Виксен», был демонстрацией решимости России. Военные экспедиции вглубь гор, занятие ключевых пунктов и коммуникаций не только подавляли сопротивление, но и затрудняли иностранным агентам доступ к горцам и координацию их действий [1, с. 485–490].

Разведывательная и контрразведывательная деятельность – российские власти старались отслеживать деятельность иностранных агентов, выявлять их связи с горцами, перехватывать корреспонденцию. Например, донесения о деятельности Белла, Лонгворта и других агентов регулярно поступали кавказскому командованию.

Дипломатические меры – переговоры и протесты: российский МИД неоднократно выражал протесты правительствам Великобритании и Османской империи по поводу вмешательства в дела Кавказа, представляя доказательства их подрывной деятельности. Велись сложные дипломатические переговоры, направленные на международно-правовое признание российских прав на Кавказ.

Информационное противодействие – хотя и в меньших масштабах, чем у ее оппонентов, Россия пыталась донести свою позицию до европейской общественности через публикации в прессе, дипломатические ноты, официальные заявления.

Административно-политические меры – привлечение на сторону России части горской знати – политика «кнута и пряника» предполагала не только военное давление, но и попытки интегрировать лояльных лидеров и их подданных в российскую систему управления и стратификации, предоставление им привилегий и чинов [1, с. 465–474].

Переселенческая политика – на завершающем этапе войны, особенно в Черкесии, применялась тактика вытеснения непокорных племен с занимаемых ими земель и заселения этих территорий казаками и лояльным населением [3]. Это было направлено в том числе на лишение иностранных держав социальной базы для их деятельности.

Анализ фактора британского и османского вмешательства в Кавказскую войну позволяет сделать следующие выводы. Британское и османское вмешательство было неотъемлемым и существенным элементом Кавказской войны на всем ее протяжении. Оно оказывало значительное влияние на характер, продолжительность и ожесточенность конфликта. Великобритания и Османская империя преследовали собственные геополитические и экономические цели, направленные на ослабление России и установление своего контроля (прямого или косвенного) над стратегически важным кавказским регионом. Формы вмешательства были разнообразны: от прямой военной и финансовой помощи «немирным» горцам, поставок оружия и направления военных инструкторов до дипломатического давления на Россию, активной разведывательной деятельности и широкомасштабной информационной войны, направленной на дискредитацию российской политики на Кавказе. Британское и османское вмешательство объективно способствовало затягиванию Кавказской войны, увеличению числа жертв с обеих сторон и усугублению страданий горских народов, которые зачастую использовались внешними силами в борьбе за влияние в регионе. Интересы самих кавказцев редко принимались во внимание иностранными «покровителями». Российская империя предпринимала комплексные меры по противодействию британскому и османскому вмешательству, сочетая военные, дипломатические, административно-политические и контрразведывательные усилия. Несмотря на все трудности, России удалось нейтрализо-

вать основные каналы внешнего влияния, что стало одним из важных факторов, способствовавших завершению войны.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. В 12 т. / под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1866–1904. Т. IX. Тифлис, 1884.

2. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. – М., 1994.

3. *Виноградов В.Б.* Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного населения). Книга историко-культурных регионоведческих очерков. – Армавир, 1995.

4. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона / подгот. текста Бартенев П.И. // Русский архив. – 1883. – Вып. 5. – С. 175–219.

5. Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клюгенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе. 1818–1850 / подгот. текста Грегоржевский И.А. // Русская старина. – 1874. – № 9. – С. 127–154.

6. *Дегоев В.В.* Британская политика на Кавказе в 30–50-е годы XIX века // Россия XXI: Общественно-политический и научный журнал. – 1999. – № 1. – С. 88–132.

7. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2003.

8. *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. – М., 2009.

9. *Лонгворт Дж. А.* Год среди черкесов. В 2-х т. / пер. с англ. Т. 1. – Нальчик, 2002.

10. «Мы не встретимся в раю». Герцог де Монтебелло и имам Шамиль: секретные донесения в Париж / подгот. текста Черкасов П. // Родина. – 2005. – № 3. – С. 14–21.

11. *Потто В.А.* Кавказская война. В 5 т. Т. 5. – Ставрополь, 1994.

12. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера / подгот. текста Макарова С.Э. – М., 2000.

13. *Уркварт Д.* Черкесия или дневник путешествия на Восточный берег Черного моря в 1836 г. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 440–485.

14. *Baddeley J.F.* The Russian Conquest of the Caucasus. – London, 1908.

15. *Bell J.S.* Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839. In 2 vols. Vol. 1. – London, 1840.

16. *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. – London, 1994.

R.E. German

THE FACTOR OF BRITISH AND OTTOMAN INTERVENTION IN THE CAUCASIAN WAR (1817-1864) AND RUSSIAN MEASURES TO NEUTRALIZE IT

Annotation. The purpose of this study is to analyze the factor of British and Ottoman intervention in the Caucasian War (1817–1864), to determine its role and influence on the course and duration of the conflict. The article describes the Caucasian War as a complex and multidimensional military-political process. The study identifies the geopolitical, economic and military-strategic goals of foreign states in the Caucasus, analyzes the specific forms and methods of their intervention (diplomatic pressure, financial and military assistance to the highlanders, intelligence activities, propaganda). The results of the study show that foreign intervention aimed at weakening the Russian Empire and establishing its own control over a strategically important region significantly complicated and delayed the pacification of the Caucasus, contributed to the escalation of violence and increased casualties. At the same time, the decisive and consistent actions of the Russian government and military command made it possible to neutralize external threats and complete the integration of the North Caucasus into the Russian Empire.

Keywords: Caucasian War, Russian Empire, foreign intervention as a factor in the Caucasian War, Great Britain, Ottoman Empire, geopolitics of the Russian Empire in the Caucasus, North Caucasus, Imamate of Shamil, Circassia.

УДК 947.06(571.54)

Р.А. Евтехов

СИСТЕМА ВОЕННО-ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЕМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Аннотация. В данной работе исследуется система управления Восточной Сибирью в XVIII в., с акцентом на ее военизированный характер и особенности региональной администрации. Основное внимание уделяется анализу формирования и функционирования административного аппарата в условиях приграничного региона. Особое внимание уделяется роли комендантов и их полномочиям, а также системе управления через призму взаимодействия военной и гражданской администрации. Работа вносит вклад в понимание процессов формирования российской государственности в Сибири.

R.E. German

THE FACTOR OF BRITISH AND OTTOMAN INTERVENTION IN THE CAUCASIAN WAR (1817-1864) AND RUSSIAN MEASURES TO NEUTRALIZE IT

Annotation. The purpose of this study is to analyze the factor of British and Ottoman intervention in the Caucasian War (1817–1864), to determine its role and influence on the course and duration of the conflict. The article describes the Caucasian War as a complex and multidimensional military-political process. The study identifies the geopolitical, economic and military-strategic goals of foreign states in the Caucasus, analyzes the specific forms and methods of their intervention (diplomatic pressure, financial and military assistance to the highlanders, intelligence activities, propaganda). The results of the study show that foreign intervention aimed at weakening the Russian Empire and establishing its own control over a strategically important region significantly complicated and delayed the pacification of the Caucasus, contributed to the escalation of violence and increased casualties. At the same time, the decisive and consistent actions of the Russian government and military command made it possible to neutralize external threats and complete the integration of the North Caucasus into the Russian Empire.

Keywords: Caucasian War, Russian Empire, foreign intervention as a factor in the Caucasian War, Great Britain, Ottoman Empire, geopolitics of the Russian Empire in the Caucasus, North Caucasus, Imamate of Shamil, Circassia.

УДК 947.06(571.54)

Р.А. Евтехов

СИСТЕМА ВОЕННО-ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЕМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Аннотация. В данной работе исследуется система управления Восточной Сибирью в XVIII в., с акцентом на ее военизированный характер и особенности региональной администрации. Основное внимание уделяется анализу формирования и функционирования административного аппарата в условиях приграничного региона. Особое внимание уделяется роли комендантов и их полномочиям, а также системе управления через призму взаимодействия военной и гражданской администрации. Работа вносит вклад в понимание процессов формирования российской государственности в Сибири.

Ключевые слова: Забайкалье, Восточная Сибирь, военное и гражданское управление, комендант, воевода.

Военизированный характер сибирского бюрократического аппарата Российской империи являлся специфической чертой регионального управления. Большинство руководящих должностей занимали военные чины, а полицейские структуры формировались преимущественно из отставных военнослужащих, в отличие от европейской России, где в большей степени отмечается переход к вольнонаемной службе. Формирование регулярной системы власти в Восточной Сибири, начавшееся одновременно с освоением региона к середине XVII в., изначально шло путем установления военной администрации.

Военная основа сибирских городов являлась определяющей чертой регионального развития. Городские поселения первоначально возникали как военные крепости – опорные пункты для дальнейшего продвижения на восток. Постепенно они трансформировались в уездные и провинциальные центры, объединяя в себе военные, административные и торговые функции. Становление уже стабильно функционировавшей администрации и инкорпорирование Сибири в имперскую систему власти происходило уже в XVIII в.

Дробление Восточной Сибири на централизованные области стало необходимой мерой: «*за дальним расстоянием городов и слобод в правлении великая неспособность…*» [7, с. 62]. Исключительное административное, торговое и промышленное значение Иркутска требовало наделение города соответствующим статусом. 26 ноября 1724 г. образована Иркутская провинция [13], в состав которой включено все Забайкалье. Даты ее учреждения разнятся в литературе. Отдельные обрывочные сведения из архивных россыпей и характер административных преобразований позволили В.Н. Шерстобоеву датировать образование провинции предварительно 1722 г. При этом он в своих работах не утверждал эту дату в таком определении. Скорее всего, провинция начала складываться по реформе 1719 г., но процесс затянулся как минимум до 1722/24 г. Так или иначе, Забайкалье, разделенное на западное с центром в Селенгинске и восточное с центром в Нерчинске, целиком вошло в новую региональную систему, хотя так или иначе и ранее подчинялось г. Иркутску.

Иркутская провинция до 1731 г. управлялась воеводами. В 1731 г. должность иркутского воеводы упраздняется в связи с учреждением должности вице-губернатора [6, с. 42]. Довольно часто исследователи обращаются к указу от 30 января 1736 г., ошибочно принимая его как дату образования Иркутской провинции. Однако в данном указе речь идет именно о создании «*независимого от Тобольска вице-губернаторства, с непосредственным подчинением Сибирскому приказу*», с чем солидарны и некоторые исследователи [14, с. 60]. Таким образом, провинция не начала свое существование, а лишь продолжила, но как более самостоятельное образование, одновременно укрупнив все ступени управления областью.

Селенгинский дистрикт фиксируется в документах не ранее чем с 1724 г. и не позднее 1733 г. [2]. По меньшей мере, он существовал до формирования уезда и должности воеводы, формально его возглавившего вместо коменданта в 1736 г. Примечательно, что именно в этот период (1724) крепости Нерчинская и Селенгинская вошли в штат крепостей оборонительной системы азиатской границы империи [5, с. 36]. Создание уезда не упразднило дистрикт, напротив, как и на Урале, и в Западной Сибири, дистрикт в Забайкалье продолжал существовать одновременно с уездом. В делопроизводстве наличие дистрикта упоминается неоднократно, например, с. Тарбагатай в 1746 г. упоминается как составная часть дистрикта. Единственным объяснением такой практики является параллельное сосуществование двух систем: уездной (в лице воеводы) и дистриктной (в лице земского комиссара), ведь объяснить это ошибками в делопроизводстве через 10 лет после логичного упразднения дистрикта невозможно.

Указом от 14 мая 1726 г. из Тобольска в Селенгинск переведен полк, получивший название Якутского, под командованием И.Д. Бухгольца. Передислокация регулярных частей связана с опасениями екатерининского правительства относительно претензий Китая на некоторые заселенные русскими подданными территории. Войска подтянуты на случай возможного военного конфликта. Селенгинск тем самым сохранял позиции в качестве военно-административного центра Западного Забайкалья. Город как военно-стратегический и оборонительный приграничный пункт получил комендантское правление [4, с. 23], которое сосредоточило управление гарнизоном и поддержание порядка в крепости.

Даты появления в Селенгинске коменданта также имеют разночтения. В литературе называются 1726, 1727, 1728 и 1731 гг. Дата 1727 (1728) г. обычно объясняется назначением Бухгольца «*главным пограничным управителем с Китаем областей*». В этой должности он преимущественно занимался укреплением оборонной линии: организацией пограничной службы, строительством крепостей, решением спорных пограничных вопросов, наблюдением за торговлей в пограничных крепостях, отправкой торговых караванов в Пекин и т.д. В Селенгинске в этот период созданы новые учреждения: таможня, ратуша, введена должность фискала и др. И хотя в связи со своей активной деятельностью Бухгольц так или иначе действительно принимал участие в решении разных вопросов начиная с 1724 г., в должность коменданта он назначен только с повышением в чин бригадира в 1731 г., прибыв в город в 1732 г. Таким образом, появление института военного комендантства в Забайкалье совпадает с открытием Иркутской провинции. Воеводские полномочия только что созданного в 1736 г. Селенгинского уезда первоначально делегированы коменданту, он же руководил розыскным повытьем, которое осуществляло полицейскую охрану и розыск преступников в уезде. Бухгольц уволен в отставку в чине генерал-майора в 1740 г. На следующий год, не успев насладиться пенсией, Бухгольц скончался. Незадолго до его отставки Иркутский вице-губернатор Ланг отправил донесение в Петербург, что «*бригадир и Селенгинский комендант Бухгольц, который, яко древен, и в ногах болезнь имеет, того ради его Бухгольца оттуда возвратить, а туда здороваго человека его же характера послать*» [11].

Должность коменданта и воеводы после отставки И.Д. Бухгольца в 1740 г. совмещал В.В. Якоби (Якобий) до 1745 г., когда на должность воеводы стал назначаться отдельный чиновник. Якоби в 1764 г. назначен командиром всех дислоцированных в Забайкалье войск и в связи с возросшим функционалом оставил должность коменданта. По примеру Головина и Рагузинского, он имел свою военно-походную канцелярию, а его полномочия были исключительны. Например, в соответствии с Его Императорского Величества указом он имел право разрешать или запрещать выделение земли и леса в Кяхтинском форпосте [12]. Почти во всей региональной литературе распространено заблуждение, что В.В. Якоби был

воеводой и комендантом Селенгинска с 1741 г. до 1769 г., и действительно в отдельных документах он снабжается обеими должностями и в 1766 г. [8, с. 13–14]. Но достоверно известно, что должность коменданта он покинул не позднее 1765 г., так как в других, не менее надежных документах в том же году сообщается о прибытии в Селенгинск секунд-майора (капитана) И.А. Аппелегреина [1, л. 7 об.] для занятия этой должности. Последний факт подтверждается и материалами других архивов: «*комендантом Селенгинска [в 1765 г.] генерал Шпрингер назначил драгунского капитана И. Апелгрина… [который] был выходцем из Скандинавии…*» [3, с. 86] и другими источниками. Объяснить такое несоответствие можно частыми отлучками Якоби и временным назначением его на должность исполняющего обязанности, в частности в 1753 г. он занял временно должность Иркутского вице-губернатора. В достаточно крупном по численности соединеним Селенгинской крепости по штату полагался плац-майор, считающийся заместителем коменданта и наделявшийся обычно полицейскими функциями. Учитывая особенности Забайкалья как места ссылки и каторги, селенгинский плац-майор, кроме прочего, играл значительную роль в распределении и обеспечении прибывавших поселенцев.

Должность селенгинского воеводы существовала, по крайне мере, до 1766 г. [10, с. 30], а вероятно, и до реформирования системы и создания провинции в 1775 г. В Восточном Забайкалье первоочередное значение имел воевода, который управлял Нерчинском до 1775 г. Так, в документах сохранились, в частности, промемория академика Г.Ф. Миллера к Нерчинскому воеводе Г.Ф. Деревнину с требованием предоставления людей для раскопок [9].

Таким образом, стройная система военно-гражданского управления, созданная в Сибири во второй трети XVIII в., стала одним из важных этапов в освоении и инкорпорации территорий. Военное управление, учитывая отдаленность и приграничность, стало эффективным способом ответа на вызовы безопасности отдаленных окраин империи.

Источники и литература

1. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. 88. Оп. 1. Д. 5.

2. Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII в. / сост. Т.Н. Меженина. – СПб., 2015.

3. *Дмитриев А.В.* Организационные изменения в составе контингентов русской регулярной армии в Сибири (конец 1750-х – 1760-е годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2013. – Т. 12. – № 8. – С. 80–88.

4. *Евдокимова С.В.* Очерки истории городов Забайкалья XVII–XVIII вв. Ч. 1. – Улан-Удэ, 1993.

5. *Евдокимова С.В.* Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. – Улан-Удэ, 2007.

6. Иркутские повествования. 1661–1917 годы. В 2 т. / авт.-сост. А.К. Чернигов. Т. 1. – Иркутск, 2003.

7. История Сибири. Часть II. Период с 1660 года до воцарения императрицы Елизаветы Петровны. Составлена по данным, представляемым полным собранием законов и актам Петровского царствования / сост. В.К. Андриевич. – СПб., 1889.

8. История старообрядцев (семейских) в документах Государственных архивов Байкальского региона (1766–1917 гг.): сб. документов, коммент., перечень документов / сост.: Б.Ц. Жалсанова и др. – Иркутск, 2016.

9. *Константинов М.В., Константинова Т.А.* Археологические исследования Г.Ф. Миллера в Забайкалье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. – М., 2011. – С. 52–53.

10. *Майоров А.П.* Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. – М., 2006.

11. ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Собр. I. Т. 11. № 8017.

12. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 11. № 8833.

13. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 7. № 4606.

14. *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т. 2. – Иркутск, 1957.

R.A. Evtekhov

THE SYSTEM OF MILITARY-CIVIL ADMINISTRATION OF TRANSBAIKALIA IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY

Annotation. This paper examines the management system of Eastern Siberia in the 18th century, with an emphasis on its paramilitary nature and the pe-

culiarities of regional administration. The main attention is paid to the analysis of the formation and functioning of the administrative apparatus in the conditions of the border region. Special attention is paid to the role of commandants and their powers, as well as the management system through the prism of the interaction of military and civilian administration. The work contributes to the understanding of the processes of formation of Russian statehood in Siberia.

Keywords: Transbaikalia, Eastern Siberia, military and civil administration, commandant, governor.

УДК 94:355.51(47+57)

И.Н. Жигулин

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО В РОССИЙСКОЙ АРМИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Аннотация. В статье изложена история развития добровольчества в российской армии второй половины XIX в. Рассмотрены особенности зачисления «вольноопределяющихся» и «охотников» в ряды российской армии и их деятельность.

Ключевые слова: добровольцы, российская армия, «охотники», «вольноопределяющиеся».

Становление добровольческого движения в армии на Руси берет свое начало в эпоху формирования Древнерусского государства. Происхождение этого термина имеет корни в старославянских словах «добро» и «воля». Суть этих утверждений настолько очевидна, что в дополнительных разъяснениях и интерпретациях нет нужды. Кроме того, даже через тысячу лет эти выражения практически в идентичной форме встречаются во всех языках славянской группы, что говорит об их сохраняющейся важности. Первоначально значение этого понятия выходило далеко за рамки военной защиты страны, охватывая более разнообразный круг значений.

В исторической действительности до формирования Древней Руси добровольное участие проявлялось в форме «ополчения» – общественных военных отрядов [10, с. 19]. Эти формирования создавались для защиты от нападений извне и решения ключевых политических и экономических задач, когда дипломатические и другие мирные методы оказывались неэффективными.

culiarities of regional administration. The main attention is paid to the analysis of the formation and functioning of the administrative apparatus in the conditions of the border region. Special attention is paid to the role of commandants and their powers, as well as the management system through the prism of the interaction of military and civilian administration. The work contributes to the understanding of the processes of formation of Russian statehood in Siberia.

Keywords: Transbaikalia, Eastern Siberia, military and civil administration, commandant, governor.

УДК 94:355.51(47+57)

И.Н. Жигулин

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО В РОССИЙСКОЙ АРМИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Аннотация. В статье изложена история развития добровольчества в российской армии второй половины XIX в. Рассмотрены особенности зачисления «вольноопределяющихся» и «охотников» в ряды российской армии и их деятельность.

Ключевые слова: добровольцы, российская армия, «охотники», «вольноопределяющиеся».

Становление добровольческого движения в армии на Руси берет свое начало в эпоху формирования Древнерусского государства. Происхождение этого термина имеет корни в старославянских словах «добро» и «воля». Суть этих утверждений настолько очевидна, что в дополнительных разъяснениях и интерпретациях нет нужды. Кроме того, даже через тысячу лет эти выражения практически в идентичной форме встречаются во всех языках славянской группы, что говорит об их сохраняющейся важности. Первоначально значение этого понятия выходило далеко за рамки военной защиты страны, охватывая более разнообразный круг значений.

В исторической действительности до формирования Древней Руси добровольное участие проявлялось в форме «ополчения» – общественных военных отрядов [10, с. 19]. Эти формирования создавались для защиты от нападений извне и решения ключевых политических и экономических задач, когда дипломатические и другие мирные методы оказывались неэффективными.

В течение долгого времени ополчение, иначе называемое «вои», было главным компонентом армии, создаваемой для обороны славянских земель [4, с. 89].

Сам термин «добровольцы» в современном его понимании в России применялся к тем, кто в период Первой мировой и Великой Отечественной войн вступал в армию по собственному желанию, не дожидаясь призыва. Но в рассматриваемый нами период добровольцы в рядах российской армии были представлены «вольноопределяющимися» и «охотниками» [3, с. 24].

В разное время к кандидатам в вольноопределяющиеся предъявлялись разные требования. До упразднения крепостничества добровольцами на военной службе становились те, кто происходил из облагаемых налогами сословий, освобожденных от рекрутской повинности. В частности, это касалось купцов, обладателей звания почетных граждан, жителей территорий с особым статусом, например, Бессарабии и отдаленных районов Сибири. Также право добровольного поступления на службу имели лица, получившие определенный уровень образования, колонисты, члены семей священнослужителей, а также те, кто лично не подлежал призыву из числа податных сословий [4, с. 92].

Упорядочил понятие «добровольчество» в российской армии утвержденный 1 января 1874 г. императором Александром II Устав о всесословной воинской повинности. В главе XII «О вольноопределяющихся» данного документа говорилось: «…172. Не допускаются в вольноопределяющиеся: а) состоящие под уголовным судом или следствием; б) подвергшиеся по судебному приговору наказанию, сопряженному с лишением права поступать на государственную службу, и в) признанные по суду виновными в краже или мошенничестве. В удостоверение того, что сих опорочивающих обстоятельств не имеется, от желающих поступить вольноопределяющимися отбирается подписка» [11]. Они поступали на службу рядовыми и несли ее наравне с нижними чинами, поступившими по призыву, с допущением в отношении к ним тех облегчений, которые установлены будут военным министерством.

Уставом 1874 г. от воинской повинности освобождались: 1) лица, имеющие веские семейные обстоятельства; 2) те, кто не был выбран по результатам жеребьевки; 3) представители народов, для

которых действовали исключения из правил призыва; 4) жители малонаселенных регионов, а также другие категории граждан. Именно выходцы из этих социальных групп формировали категорию «охотников» [11].

Военный устав 1874 г. предусматривал, что «охотниками» в армии могли стать те, кто не был обязан нести военную службу, либо сразу зачислялся в ополчение, при этом они не имели возможности стать вольноопределяющимися [11]. Возраст добровольцев, стремящихся стать «охотниками», не должен был превышать 30 лет, однако в период военных действий планка поднималась до 40 лет, при этом их распределяли на строевые и нестроевые позиции [5, с. 120]. Юридическое различие между «охотником» и вольноопределяющимися заключалось, следовательно, в том, что «охотник» не являлся военнообязанным в строгом смысле этого слова: отбывание им воинской повинности ставилось в зависимость исключительно от его доброй воли [3, с. 24].

Опыт русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказском театре военных действий показал необходимость обособления «охотников» и организации из них отдельных частей и отрядов. Вначале формировались нерегулярные группы, зачастую спонтанно. Они не были ни постоянными, ни даже временно созданными. Для каждого рискованного и требующего особой отваги задания набирали добровольцев, то есть тех, кто изъявлял желание его осуществить. Со временем, по прямому указанию руководства подразделений, из этих людей были сформированы постоянные группы, которые больше не расформировывались после выполнения каждой конкретной задачи [5, с. 119]. Так, в Кавказском военном округе (ВО) охотничьи команды действовали в 21-й, 38-й и 41-й пехотных дивизиях, в 40-й пехотной дивизии под Карсом, во 2-м и 4-м батальонах Кавказской стрелковой бригады, в некоторых частях военных округов – Виленского и Казанского (40-я пехотная дивизия). В некоторых подразделениях по распоряжению командиров уже были организованы штатные охотничьи группы. Следовательно, данные группы, возникшие в рядах пехоты не по официальному указанию, а исключительно «…по личной инициативе отдельных энтузиастов, понимающих и ценящих военное искусство», являлись «не просто желательными, но и крайне важными» [6].

Со временем охотничьи команды стали просто необходимы. Приказом военного министра (1881–1897) генерала от инфантерии П.С. Ванновского № 260 от 21 октября 1886 г. в каждой отдельной воинской части пехоты и кавалерии эти команды были официально учреждены. Это были лица, обученные выполнению в условиях военных действий специфических задач, сопряженных с повышенным риском и подразумевающих проявление индивидуальной находчивости. В ряды охотников принимали крепких и проворных воинов, выделявшихся сообразительностью, а также непреклонным и волевым нравом. Состав команд, время сбора и порядок занятий определялись начальниками дивизий и должностными лицами, равными им по власти.

Руководство охотничьей командой поручалось офицеру на правах ротного (эскадронного) командира. Специфические навыки, отрабатываемые подразделениями, включали: изучение территории, скоростные и продолжительные марши, непосредственное наблюдение за врагом, передвижение на лыжах, умение плавать (в коннице вместе с лошадью), инженерные работы, возведение мостов, дрессировку собак для охраны, навигацию на малых лодках (с возможностью рыбалки); в пехотных частях – отслеживание крупных хищников, а в кавалерии – конную охоту с гончими, часто совмещенную с разведывательными задачами и изучением рельефа [6].

Изменения, внесенные в 1886 г., разделили вольноопределяющихся на две категории. К первой категории относились выпускники высших учебных заведений, а также лица, обладающие знаниями на уровне шести классов гимназического, реального, среднего технического, коммерческого училища, или завершившие два года обучения в духовной семинарии. Те, кто не обладал достаточным образованием, но стремился поступить вольноопределяющимся, проходили аттестацию, эквивалентную шести классам средней школы. Для зачисления на военную службу, безусловно, требовалось успешно пройти медкомиссию и не иметь проблем с законом, включая отсутствие судебных разбирательств или следствия. При поступлении кандидат, желающий стать вольноопределяющимся, заверял письменно, что не состоит и впредь не намерен состоять ни в каких секретных организациях вне зависимости от их наименования. Минимальный возраст для поступления на службу вольно-

определяющимся был установлен в 17 лет [4, с. 115]. Добровольцы, зачисленные в армию, приравнивались к рядовому составу и выполняли аналогичные обязанности. Отличительной чертой, позволявшей визуально выделить их среди рядовых солдат, являлись погоны, обрамленные трехцветной бело-желто-черной каймой.

При этом вольноопределяющиеся пользовались рядом привилегий. В отличие от трехлетнего периода службы в пехотных или пеших артиллерийских войсках для лиц, отобранных по жеребьевке, их фактическая служба ограничивалась двумя годами. Помимо этого, добровольцам не поручали хозяйственные работы, и, получив разрешение командира, они имели возможность проживать за пределами расположения части, арендуя жилье. Доброволец, прослужив год, имел возможность пройти аттестацию по программе юнкерского училища и демобилизоваться в звании прапорщика – чина, предназначенного исключительно для военного времени и резервистов. Успешная сдача этого экзамена после двух лет активной службы давала право на получение звания подпоручика [10, с. 56].

Необходимо также учитывать ряд побудительных причин, по которым доброволец выбирал службу в российской армии. К примеру, вне зависимости от выслуги лет доброволец имел возможность поступить в юнкерское училище, для чего требовалось пройти достаточно простой экзамен. По этой причине гимназисты, не завершившие обучение, часто выбирали службу вольноопределяющимися [4, с. 137].

Рост добровольчества в XIX в. был связан с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., частично с патриотическим настроем граждан, желающих защищать свою страну и славянский народ, проживающий на Балканах. Так, мещанин В.Н. Ширяев 22 лет просил направить его «…в ряды действующей армии в качестве добровольца на войну» [9, с. 203]. Потомственный дворянин М.Ф. Иванов писал: «…Я желаю поступить добровольцем, чтобы в скором времени идти на войну, почему и прошу Ваше Высокоблагородие зачислить меня в Карский запасный батальон» [2, с. 21]. Поселянин Д.Г. Фрицлер просил вторично зачислить его добровольцем, так как он был по болезни возвращен в запасный батальон с передовой позиции [7, с. 25]. Такую же настойчивость проявил 18-летний цеховой П.А. Игнатьев: признанный негодным врачом 90-го запасного батальона, он

просил воинского начальника о переосвидетельствовании или принятии хотя бы санитаром [9, с. 208].

Весьма выразительно прошение отставного старшего унтерофицера (окончившего школу подпрапорщиков) 185-го Башкадыкларского пехотного полка Т.Г. Обушко от 4 июня 1878 г.: «…11-го ноября в бою с неприятелем я получил огнестрельное ранение в область левого глаза с утратой зрения последнего, но без потери внешнего приличия, а поэтому комиссией московского военного госпиталя уволен вовсе от службы, чувствуя, что увечье мое, хотя не точно, но все же даст мне посильную возможность и до конца военного времени служить полезно нашей доблестной русской армии и дорогой родине, а поэтому прошу Ваше Высокоблагородие о зачислении меня охотником в 90 пехотный запасный батальон в качестве учителя молодых солдат или ратников государственного ополчения…» [1].

Также необходимо помнить, что состав русских добровольцев был весьма разнородным. У многих не было представления не только о военном деле, но и о той миссии, ради которой они оказались на Балканах. Для кого-то это была просто увеселительная прогулка, приключение, которое разнообразит их серые будни. Однако как полагал публицист и историк М.П. Драгоманов, прибыв на место боевых действий, добровольцы понимали, что в действительности все далеко не так, как в агитационных речах [5, с. 120]. В.П. Мещерский писал от лица русского добровольца: «…я приехал сражаться, да; но я не хочу, чтобы у меня было отнято право располагаться своей личностью – и уходить, когда мне вздумается… Вот на этом-то праве «поступать, куда я хочу» и «уходить, куда вздумается» [8]. Такое отношение в рядах добровольцев в свою очередь ввело много путаницы и беспорядков в действующей армии.

На основе представленных данных можно сделать ряд заключений. Основная масса добровольцев происходила из социально незащищенных групп населения и обладала достаточным уровнем образования для поступления на добровольную службу. Заметная часть их состояла из жителей других губерний (отличных от места регистрации) и выходцев из крестьянской среды. Этот факт наталкивает на мысль, что основной вклад в ряды добровольцев вносили энергичные, стремящиеся к переменам семьи, выходившие за пре-

делы традиционных сословных ограничений: занимались предпринимательством, перебирались в большие города и стремились к образованию.

В рядах добровольцев практически нет ветеранов боевых действий. Вкупе с пренебрежением российского командования к формированию подразделений и подготовке новобранцев это привело к плачевным последствиям, выразившимся в потере молодых, энергичных и образованных людей в военное время, что в дальнейшем наложило отпечаток на развитие страны.

Источники и литературы

1. *Алабин П.А.* Четыре войны: походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 гг. – Самара, 1888–1892 // URL: https://archive.org/details/chetyrevojnych12vengerskajavojna129 (дата обращения: 28.09.2025).

2. *Байдаров С.В.* Проблемы комплектования армии в России в конце XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 8 (556). – С. 20–25.

3. Военная история Отечества с древних времен до наших дней: В 3 т. Т. 2. – М., 1995.

4. Добровольческое движение в России: история и современность / под общ. ред. Д.В. Саблина. – М., 2015.

5. *Кочуков С.А.* Русский доброволец на Балканах в 1876 году (Письмо офицера Белевского полка Э.В. Гофману) // Славянский сборник. – Вып. 8. – 2010. – С. 119–123.

6. К вопросу об охотничьих командах // Военный сборник. – 1886. – № 3. – С. 61 // URL: https://elib.rgo.ru/handle/123456789/222017 (дата обращения: 29.09.2025).

7. *Кузьмичева Л.В.* Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. – М., 1981. – С. 77–98.

8. *Мещерский В.П.* Правда о Сербии: Письма кн. В. Мещерского. – СПб., 1877 // URL: ttps://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1409050/ (дата обращения 29.09.2025).

9. *Окороков А.В.* Русские добровольцы. – М., 2007.

10. *Соколов Ю.Ф.* Ратная слава Отечества (Военная история России IX–XVII вв.). – М., 1999.

11. Устав о воинской повинности от 1 января 1874 года // URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_voinskoy_povinnosti_1874 (дата обращения: 29.09.2025).

I.N. Zhigulin

VOLUNTEERISM IN THE RUSSIAN ARMY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Annotation. The article presents the history of the development of volunteerism in the Russian army in the second half of the 19th century. The peculiarities of enlisting “freely-determined” men and “hunters” into the ranks of the Russian army and their activities are examined.

Keywords: volunteers, Russian army, “hunters”, “freely-determined”.

УДК 94(47):355.48

Н.А. Коблова,
Д.Д. Кузьменко

ОТ КАРСА ДО ПЕНЗЫ: СУДЬБА АНГЛИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ В РУССКОМ ПЛЕНУ

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному, но значимому эпизоду Крымской войны – пребыванию британских военнопленных офицеров в Пензенской губернии в 1856 г. Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к гуманитарным аспектам военной истории, в частности к вопросам обращения с военнопленными как индикатору уровня правового и культурного развития общества. Через локальный пример рассматриваются более широкие процессы взаимодействия власти, общества и иностранных пленных в период конфликта. В основе исследования лежит комплексный анализ источников: документы Государственного архива Пензенской области, воспоминания британского полковника Генри Этвелла Лэйка, а также законодательные акты Российской империи, включая «Положение о пленных» 1854 г. Применены методы историко-генетического и компаративного анализа, нарративный подход, элементы микроструктурной истории. Выводы статьи свидетельствуют о достаточно гуманном и организованном отношении к военнопленным со стороны российских властей и населения. Пример Пензы демонстрирует высокий уровень социальной культуры в российской провинции середины XIX в., а также способность местных сообществ к адекватному восприятию «чужого» даже в условиях войны. Исследование дополняет и уточняет представления о внутренней политике Российской империи военного времени и вносит вклад в локальную историографию Крымской войны.

Ключевые слова: Крымская война, военнопленные, британские офицеры, Пензенская губерния, Российская империя, международные отношения.

I.N. Zhigulin

VOLUNTEERISM IN THE RUSSIAN ARMY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Annotation. The article presents the history of the development of volunteerism in the Russian army in the second half of the 19th century. The peculiarities of enlisting “freely-determined” men and “hunters” into the ranks of the Russian army and their activities are examined.

Keywords: volunteers, Russian army, “hunters”, “freely-determined”.

УДК 94(47):355.48

Н.А. Коблова,
Д.Д. Кузьменко

ОТ КАРСА ДО ПЕНЗЫ: СУДЬБА АНГЛИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ В РУССКОМ ПЛЕНУ

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному, но значимому эпизоду Крымской войны – пребыванию британских военнопленных офицеров в Пензенской губернии в 1856 г. Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к гуманитарным аспектам военной истории, в частности к вопросам обращения с военнопленными как индикатору уровня правового и культурного развития общества. Через локальный пример рассматриваются более широкие процессы взаимодействия власти, общества и иностранных пленных в период конфликта. В основе исследования лежит комплексный анализ источников: документы Государственного архива Пензенской области, воспоминания британского полковника Генри Этвелла Лэйка, а также законодательные акты Российской империи, включая «Положение о пленных» 1854 г. Применены методы историко-генетического и компаративного анализа, нарративный подход, элементы микроструктурной истории. Выводы статьи свидетельствуют о достаточно гуманном и организованном отношении к военнопленным со стороны российских властей и населения. Пример Пензы демонстрирует высокий уровень социальной культуры в российской провинции середины XIX в., а также способность местных сообществ к адекватному восприятию «чужого» даже в условиях войны. Исследование дополняет и уточняет представления о внутренней политике Российской империи военного времени и вносит вклад в локальную историографию Крымской войны.

Ключевые слова: Крымская война, военнопленные, британские офицеры, Пензенская губерния, Российская империя, международные отношения.

Отношение к военнопленным показывает степень развитости общества. Вопросы, касающиеся положения пленников тех или иных военных конфликтов, часто становятся предметом научного исследования. Особенный интерес вызывает отношение к военнопленным во время ускоренной модернизации второй половины XIX в. В это время страна пережила Крымскую войну (1853–1856).

Первым из отечественных исследователей, обратившим внимание на пребывание военнопленных во времена Крымской войны, был В.А. Бессонов [4]. Вопросы взаимоотношений общества и пленников раскрываются в статье Б.П. Миловидова [8]. Особенности содержания турецких военнопленных рассмотрены в работах В.В. Познахирева [9] и О.П. Шкедя [12].

По данным Инспекторского департамента Военного министерства, на 1856 г. в русском плену побывало 47 британских офицеров и 595 низших чинов (38 из которых умерли в плену). Но помимо англичан, в плен были взяты турки, сардинцы, французы. Общая численность военнопленных составила 15 000 чел. [4, с. 53].

Значительное число военнопленных потребовало от властей разработки специального законодательства. 16 марта 1854 г. было утверждено «Положение о пленных» [10]. Так, например, Пензенская губерния была определена для пребывания турецких военнопленных нижних чинов [11, с. 191]. Однако на практике официально закрепленное распределение по губерниям не всегда соблюдалось.

16 января 1856 г. Министерство внутренних дел Департамента полиции рапортовало Господину Начальнику Пензенской губернии о повелении Государя Императора доставить взятых при осаде Карса английских военнопленных: полковника Генри Этвелла Лэйка и капитана Генри Лэнгхорна Томпсона на проживание в Пензу.

Сэр Г.Э. Лэйк окончил частную школу Хэрроу и Ост-Индский военный колледж в Аддискомбе. В 1826 г. поступил на службу младшим лейтенантом и был направлен в Индию в Мадрасскую инженерную группу. Позже получил звания лейтенанта (1831) и бревет-капитана (1840). В 1854 г. работал в Департаменте общественных работ Индии, занимаясь ирригационными проектами. Тот же 1854 г. стал поворотным: получив чин бревет-майора, Лэйк добровольно отправился на Восток, где в качестве главного инженера прибыл в Карс и стал заместителем полковника У.Ф. Уильямса.

В феврале 1855 г. получил звание подполковника. Он укрепил оборону города и участвовал в отражении штурма 17 (29) сентября 1855 г. русскими войсками под командованием генерала Н.Н. Муравьева. После капитуляции Карса 16 (28) ноября был взят в плен и находился в России до подписания мира в 1856 г. [3].

Генри Лэнгхорн Томпсон родился 21 сентября 1829 г. в Кламбер-парке. Образование получил в Итоне, а в 1845 г. поступил прапорщиком в Ост-Индскую армию. Служил в 68-м Бенгальском пехотном полку, в 1850 г. стал лейтенантом. Участвовал во Второй бирманской войне, был ранен и вернулся в Англию. В 1854 г. добровольно вступил в турецкую армию, получил звание майора и в марте 1855 г. прибыл в Карс, где под началом полковника Уильямса участвовал в обороне крепости. Отличился при отражении штурма 29 сентября 1855 г., за что был удостоен уважения даже со стороны противника: русский генерал Муравьев вернул ему шпагу после сдачи крепости. Позже Лэнгхорн получил звание капитана британской армии, турецкий орден Меджидие и орден Бани. Умер 13 июня 1856 г. в Лондоне вскоре после возвращения из русского плена [1].

Ответственность за пленников легла на плечи прапорщика лейб Карабинерного Эриванского Его Величества полка Поливанова, снабженного всеми необходимыми средствами. По данным Инспекторского департамента, англичане прибыли 7 февраля 1856 г. 8 февраля полицейместер рапортовал о прибытии англичан губернатору Панчулидзеву.

Английским офицерам было назначено прекрасное содержание: полковнику – 1 руб. 50 коп. в сутки серебром, капитану – 75 коп. [7]. Полковник Лэйк и капитан Томпсон имели возможность получать из Англии от родных письма и деньги. Так, по данным архива, 20 февраля 1856 г. генерал Уильямсон посылает в Пензу полковнику Лэйку письма и денег 600 руб.

Вместе с англичанами в г. Пензу явились швейцарец Яков Шаллен, находящийся в услужении у Лэйка с 1855 г., и турецкий унтер-офицер Кадыр Мустафа [7].

Провиант на человека, по Положению 1854 г., составлял 1¾ фунта сухарей или 3 фунта печеного хлеба, ¼ фунта круп и 5 золотников соли и ½ фунта мяса в день (золотник равен 4,265 г, фунт равен 409,5 г). Эта норма была увеличена в сравнении с Положением 1829 г. и предписаниями 1853 г. [4, с. 53]. Нормы довольствия плен-

ных, согласно Положению 1854 г., «были близки к довольствию солдат русской армии, а пашам генеральских чинов назначалось содержание генералов российского военно-сухопутного ведомства. Снабжение пленных транспортом тоже осуществлялось по нормам, принятым в русской армии» [8, с. 154]. По Положению 1854 г. собственность пленных была неприкосновенной, деньги и ценности им полагалось вернуть при репатриации [11, с. 193].

Пребывание английских офицеров в гостеприимной Пензе оказалось недолгим. После завершения военных действий 6 апреля 1856 г. по распоряжению военного министра Российской империи они были освобождены из плена. 2 мая 1856 г. британские офицеры покинули наш город. Сопровождавшему их до Москвы жандарму Антону Мачуге губернатором Панчулидзевым были даны следующие указания: «…в отношении к полковнику Лэйку и капитану Томпсону соблюдать всю вежливость… Не делать им никаких стеснений и исполнять все их законные требования. Останавливаться на дороге господа офицеры могут на всякое время, как по желанию, так и в случае болезни» [7].

Полковнику были выданы до Москвы прогонные деньги в сумме 116 руб. 61 коп., капитану – 87 руб. 51 коп. с четвертью. В Москве жандарм препроводил пленных к военному генерал-губернатору, генерал-адъютанту графу Закревскому, и тотчас отбыл в Пензу. Полковник Лэйк и капитан Томпсон во время своего пребывания в Москве подали графу Закревскому благодарственное письмо в адрес пензенского губернатора тайного советника Панчулидзева.

Интересно в этом отношении проанализировать воспоминания самих пленников. Сохранились мемуары Генри Этвелла Лэйка [2] о пребывании в России. Воспоминания переводились на русский язык частично: некоторые отрывки из главы VIII, посвященные пребыванию военнопленных в Пензе [6], а также главы V–IX [5]. Его воспоминания – редкий первоисточник, раскрывающий реальные детали пребывания британских офицеров в российской глубинке: быт, повседневные практики, взаимодействие с местным населением. Это почти микроструктурная история, своеобразный взгляд «изнутри» на закулисье военной и социальной реальности. Воспоминания показывают отношение российских властей к военнопленным: условия содержания, питание, свобода перемещения, ответственность и участие местных жителей. Это подтверждают

и уточняют сведения из официальных источников и законодательства, например, «Положения о пленных» 1854 г. Мемуары Лэйка – не просто личная история, а окно в общественно-культурный и правовой мир российской провинции 1850-х гг., в котором международная конфликтная ситуация соседствует с человечностью локального уровня. Данные, полученные по результатам анализа, представлены в таблице ниже.

Таблица 1

Воспоминания Г.Э. Лэйка о Пензе и ее обитателях[1]

О городе	О жителях
«Пенза – это весьма симпатичный город…». «Окружающие пейзажи поражают воображение даже опытного путешественника».	«Приятные в общении, гостеприимные жители этого милого города посвящают себя нескончаемой череде званых обедов, балов и концертов. Причем в большинстве своем это высокообразованные люди с хорошими манерами». «Во время войны Пенза продемонстрировала немало примеров патриотизма. Почти все молодые люди вступили в ополчение».
«Окрестности города очень живописны».	«Местные жители – страстные поклонники сладкозвучия, в здешних домах нередко можно услышать прекрасный вокал и инструментальную музыку». «Мой пензенский дневник – это постоянные упоминания о приятных вечеринках и добром внимании». «…как бы то ни было, я бесконечно благодарен русским за доброту, которую мы здесь получили». «Я непременно должен обратить внимание, что все стереотипы о недостатках в социальном строе, этикете, семейных отношениях, да и во многом другом, фактически не имеют никаких оснований».

[1] Составлено по: Генри Этвилл Лэйк. Карс и русский плен: пер. с англ. Соболева А. // Антология [сост. Шишкин И.С.]: Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях. Серия книг. Т. 4. – М., 2015. – С. 58–60; *Бичинова А.Я.* «Карс и русский плен»: воспоминания английского военнопленного Генри Этвилла Лейка // Вестник военно-исторических исследований: Сб. науч. тр. / под ред. С.В. Белоусова. Вып. 12. – Пенза, 2021. – С. 144–174.

Итак, отношение общества к военнопленным было вполне гуманным. Тон, несомненно, задавала верховная власть через систему законодательства. Однако правительство не было единственным «европейцем» в этом отношении: такая позиция распространилась и на общество. Пензенская губерния не стала исключением, несмотря на глубокую провинциальность. «Вряд ли в России найдется место, о котором я буду вспоминать с такой теплотой, как о Пензе», – заключает Лэйк. Высшие чины, образованное население, владельцы квартир и трактиров – все отнеслись к плененным офицерам по-русски радушно, что, несомненно, позволяет утверждать высокий уровень общественного развития России в указанный период.

Источники и литература

1. *Carlyle E.I.* Henry Langhorne Thompson // Dictionary of National Biography. – Vol. 56. – London, 1885-1900 // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e0d2aca6-68516fd3-80555612-74722d776562/https/en.wikisource.org/wiki/Thompson,_Henry_Langhorne_(DNB00) (дата обращения: 15.06.2025).

2. *Veth R.H.* Henry Atwell Lake // Dictionary of National Biography. Vol. 31. – London, 1892. – P. 415-416.

3. *Lake H.A.* Kars and our captivity in Russia: with letters from Sir W.F. Williams, major Teesdale, and the late captain Thompson. – London, 1856.

4. *Бессонов В.А.* Военнопленные Крымской войны 1853–1856 гг. в Калужской губернии // Труды регионального конкурса в области гуманитарных наук. – Калуга, 2006. – Вып. 7. – С. 51–63.

5. *Бичинова А.Я.* «Карс и русский плен»: воспоминания английского военнопленного Генри Этвилла Лэйка // Вестник военно-исторических исследований: Сб. науч. тр. / под ред. С.В. Белоусова. Вып. 12. – Пенза, 2021. – С. 144–174.

6. Генри Этвилл Лэйк. Карс и русский плен: пер. с англ. Соболева А. // Антология [сост. Шишкин И.С.]: Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях. Серия книг. Т. 4. – М., 2015. – С. 58–60.

7. ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3359.

8. *Миловидов Б.П.* Иностранные военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // Российская история. – 2010. – Вып. 5. – С. 153–164.

9. *Познахирев В.В.* Некоторые особенности положения пленных турецких офицеров в России в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 3 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-polozheniya-plennyh-turetskih-ofitserov-v-rossii-v-period-krymskoy-voyny-1853-1856-gg (дата обращения: 16.06.2025).

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXIX. – Ч. 1. – № 28038 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

11. *Тихонова А.В.* «Надлежаще смотреть…». Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861). – Смоленск, 2013.

12. *Шкедя О.П.* Турецкие военнопленные в России во время Крымской войны // Восточный архив. – 2008. – № 18. – С. 21–26.

N.A. Koblova,
D.D. Kuzmenko

FROM KARS TO PENZA: THE FATE OF BRITISH OFFICERS IN RUSSIAN CAPTIVITY

Annotation. The article focuses on a little-noticed yet significant episode of the Crimean War – the stay of British prisoner-of-war officers in the Penza province in 1856. There levance of the topic is determined by the growing scholarly interest in the humanitarian aspects of military history, particularly in the treatment of prisoners of war as an indicator of a society's legal and cultural development. Using a local case study, the article explores broader processes of interaction between state authorities, society, and foreign captives during the conflict. The research is based on a comprehensive analysis of sources, including documents from the State Archive of the Penza Region, the memoirs of British Colonel Henry Atwell Lake, as well as legislative acts of the Russian Empire, such as the Regulations on Prisoners of 1854. The study applies methods of historical-genetic and comparative analysis, a narrative approach, and elements of microhistory. The findings demonstrate a relatively humane and well-organized attitude toward prisoners of war by both Russian authorities and the local population. The case of Penza illustrates the high level of social culture in the Russian provinces of the mid-19th century, as well as the ability of local communities to adequately perceive the "other" even under wartime conditions. This study supplements and refines existing knowledge of the domestic policies of the Russian Empire during wartime and contributes to the local historiography of the Crimean War.

Keywords: Crimean War, prisoners of war, British officers, Penza province, Russian Empire, international relations.

УДК 94

К.Н. Коршунова

ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ: САНИТАРНЫЕ ОТРЯДЫ РОССИЙСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА НА БАЛКАНАХ (1877–1881 гг.)

Аннотация. Статья посвящена гуманитарной миссии Российского Красного Креста в Черногории в период сербско-черногорско-турецкой войны (1875–1878) и русско-турецкой войны (1877–1878), а также последующей помощи странам, получившим независимость. В исследовании рассматривается процесс формирования санитарных отрядов, их организационная структура и функции, а также роль, которую они сыграли в оказании медицинской помощи и поддержке населения в условиях военных конфликтов и гуманитарных кризисов. Особое внимание уделяется взаимодействию Российского Красного Креста с местными властями и международными организациями, а также анализируется влияние этой гуманитарной деятельности на развитие медицинского обслуживания и социальной инфраструктуры в Черногории. Статья основана на архивных документах, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве.

Ключевые слова: Российский Красный Крест, Черногория, гуманитарная миссия, Балканские войны, медицинская помощь, русско-турецкая война, сербско-черногорско-турецкая война.

Балканский регион всю свою историю был достаточно неспокойной частью Европы, а со второй половины XIX в. начинается период, который сыграл важную роль в развитии данного полуострова, именно тогда начинается борьба за независимость многих балканских княжеств от турецкого господства.

Сербско-черногорско-турецкая война конца XIX в. не только дала независимость этим государствам от многовекового господства Османской империи, но стала ярким примером помощи Российской империи. В данной работе хотелось бы рассмотреть не только сербско-черногорско-турецкую войну, которая хронологически совпала с русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но и роль Российского Красного Креста в оказании медицинской помощи в Черногории. Также стоит упомянуть, что сербско-черногорско-турецкая война началась 30 июня 1876 г. изначально как сербско-турецкая война.

Но хотелось бы также обратить внимание на историю Красного Креста. Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца является всемирно известной организацией, основная задача которой заключается в оказании гуманитарной помощи по всему миру. История движения начинается в середине XIX в., а в 1876 г. был создан Международный комитет Красного Креста, который по сей день функционирует как один из руководящих органов. Следует отметить, что в истории Красного Креста были и сложные периоды. Например, критика Международного комитета Красного Креста за его действия (или бездействие) в годы Второй мировой войны, когда, по мнению критиков, организация не реагировала должным образом на зверства фашистов в концлагерях и их политику в отношении отдельных народов, остается предметом обсуждения.

Истоки Российского Красного Креста уходят к Крестовоздвиженской общине сестер милосердия, чья деятельность началась в период Крымской войны. Основание этой организации стало возможным благодаря инициативе известного хирурга Н.И. Пирогова и поддержке великой княгини Елены Павловны, жены великого князя Михаила Павловича, брата Николая I [3, с. 119–134]. После окончания военных действий сестры общины не оставили свою миссию, продолжили оказывать помощь в госпиталях столицы. С приходом к власти Александра II община сохранила и даже укрепила свои позиции, получив новое положение 14 января 1863 г. После ухода из жизни основательницы, великой княгини Елены Павловны, в 1873 г. руководство общиной возглавила ее дочь, великая княгиня Екатерина Михайловна. Помимо своей основной деятельности, община совместно с РОКК активно участвовала в военных кампаниях, включая Черногорию и русско-турецкую войну (1877–1878), где сестры оказывали помощь непосредственно на полях сражений. Параллельно с этим община внесла вклад в развитие женского образования и оказывала поддержку социально незащищенным слоям населения. В 1894 г. община прекратила самостоятельное существование, войдя в структуру Российского Красного Креста [2, с. 24–26].

Еще в начале сербско-турецкой войны Российский Красный Крест отправил туда свои санитарные отряды. Один из эшелонов отправился 25 июля 1876 г. из Москвы. Санитарный отряд состоял из 58 чел. во главе с уполномоченным тайным советником Токаре-

вым. В него вошло 39 сестер милосердия общины «Утоли моя печали» под руководством княгини Наталии Борисовны Шаховской. Сербские войска потерпели поражение в решающем сражении под Джунисом 17 октября 1876 г. Возникла угроза оккупации всей территории Сербии. Население Парачина срочно эвакуировалось. Раненых перевезли в Белград. В это время Н.Б. Шаховская и Е.Г. Бушман не бежали вместе со всеми, а объехали в поисках раненых все покинутые села, причем вплотную приблизились к линии фронта. Турецкие войска заметили женщин, но, к счастью, не стали в них стрелять. За этот случай Н.Б. Шаховская была награждена сербским орденом Такова, а Е.Г. Бушман – золотой медалью «За храбрость». С окончанием военных действий княгиня Н.Б. Шаховская вернулась в Россию, а сестры милосердия ее общины под руководством Е.Г. Бушман работали в сербских госпиталях, где еще оставались раненые, до января 1877 г. При отъезде в Россию все они были награждены серебряными медалями от имени сербской королевы Наталии.

Работу сестер милосердия во время русско-турецкой войны нельзя в полной мере считать зарубежной командировкой, так как они сопровождали русские войска и лечили в основном своих солдат и пленных, оказывали помощь солдатам сербской и черногорской армий, а также по возможности местному населению Сербии и Черногории. Тем не менее именно тогда закладываются основные принципы работы сестер в условиях активных боевых действий и происходит повсеместное осознание обществом необходимости их присутствия в непосредственной близости к линии фронта [1, с. 187–195].

В фонде Красного Креста, который хранится в Российском государственном военно-историческом архиве, есть материалы о формировании санитарного отряда для отправки в Черногорию. Данное дело содержит, помимо заявлений, большое количество телеграмм (преимущественно на французском языке), отчетов, писем и т.д. В деле очень много заявлений от отставных фельдшеров. Заявление на имя «Главного Управления Общества попечения о раненых и больных воинах» от отставного фельдшера Ивана Петровича Якимова, датируемое 10 августом 1877 г.: «Служа во время Сербско-турецкой войны в госпиталях Общества Красного Креста и теперь

имею ревностное желание быть фельдшером в Черногории, имею честь покорнейше просить Главное управление Общества об отправлении меня фельдшером в Черногорию» [4, л. 4].

Помимо добровольного решения об отправке в числе санитарного отряда, было распоряжение Главного Управления во все больницы с просьбой откомандировать фельдшеров для усиления санитарного отряда в Черногории, ярким свидетельством этому является ответное письмо от попечителя больницы в Управление от 11 августа 1877 г.: «Господину Представителю Главного Управления общества попечения о раненых и больных воинах. Вследствие отношения от 3 сего августа за № 6346 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что в вверенной попечительству моему Градской Калинкинской больнице фельдшер Калитин на службе не состоит, а народится единственный фельдшер Коллежский Регистратор Никита Хлытин, который, состоя в этой должности с 1848 года, для больницы необходим, а также по слабости своего здоровья он не может быть откомандирован для усиления санитарного отряда в Черногорию» [4, л. 5].

Необходимо обратить внимание на то, что есть письмо в Главное управление от 13 августа 1877 г., которое характеризует состояние лагеря и то, где и как ведутся боевые действия: «В Главное Управление Общества попечения о раненых и больных воинах. Я вернулся во вторник, 26 июля, из поездки в лагерь под Никшичем и Жупу. Княжеский лагерь, в котором находится не более двух или трех батальонов, расположен на западной – противоположной Никшичу – стороне продолговато Никшичкого поля, отделяясь от города, кроме самого поля, рядом невысоких каменных пригорок, частью доминирующих Никшич: на этих пригорках, а также на возвышенностях, окружающих Никшич с Востока и Юга, расположены Черногорские войска, ведущие с городской фортецией, турецкими шанцами и городскими домами непосредственную, перерывающуюся ружейную и пушечную перестрелку, весьма мало действительную, как-то недостаточному калибру черногорских орудий, так и по непривычности самих черногорцев к обращению с орудиям, к осадочным действиям, и вообще к правильному образу ведения войны. При этих условиях осада небольшой и весьма слабой крепости может продолжаться довольно долго, тем более что Князь, вопреки

мнению большинства черногорцев, не решился на штурм доминирующих в городе турецких верхов, из опасения слишком сильной при этом потери в людях. Город был обильно оснащен провиантом Сулейманом Пашой, и расчет на его сдачу основан лишь на том, что черногорцам удалось отрезать от него воду: между тем в городе находятся цистерны, вода в которых во всяком случае досель не иссякла. Гарнизон, считая вооружения, граждан, состоит приблизительно из 1500 человек. При подобном образе ведения осады, количество раненых на перевязочном пункте, несколько более значительное в первые дни, когда перестрелка шла *слово нечитаемое* и черногорцам приходилось брать приступом некоторые из турецких позиций, составляла в бытностью мою средним числом не более двух человек в день, и деятельность доктора Щербака и его персонала имела скорее терапевтический характер: к ним приходило в среднем числом до 25 человек из войска в день, преимущественно одержимые лихорадкой. Всего же с приезда персонала в Никшичский лагерь до 23 июня было перевязано 68 раненых. Больничарская команда при перевязочном пункте, находящемся в *слово нечитаемое* Дреча, действовала удовлетворительно, относя своевременно раненых в Жупский лазарет: впрочем, конечно, при таком незначительном количестве раненых ее исправность не могла подвергнуться серьезным испытаниям.

Жупский лазарет находится не более как в трех часах, довольно хороший для Черногории, пути от княжеского лагеря. Он расположен в том же монастыре Св. Луки, где находился временно лазарет наших в Апреле 1876 года: мне поэтому не предстоит надобностью повторять сказанное уже много тогда о выгодах, представляемых в гигиеническом отношении этой прекрасной местности, расположенной в долине, изобилующей водою, окруженной высокими, покрытыми растительностью горами; я должен добавить прибавить, что Никшичская Жупа, богатая пастбищами, стадами, с сравнительно зажиточным для Черногории населением, представляет собой и в материальном отношении выгодные условия для содержания лазарета.

В двух других шатрах, расположенных у монастырского сада, находилось 36 раненых, в монастырском здании – 21; всего же в бытность мою в Жупе находилось у нас там 59 человек, в том

числе 2 поступивших при мне из войска. Помещение грязное; в Жупских зданиях могло иметь место еще человек на 26. Из числа раненых 20 найдены были уже Студитским в Жупе. Некоторые из раненых приходят сами в Жупу, помимо нашего перевязочного пункта, еще более близких к этапному лазарету осадных позиций. Многие из ран, в особенности от гранат, и в том числе при неумелом обращении со снарядами, ужасны.

Я вернулся из Жупы в лагерь с доктором Студитским для того, чтобы устроить было эвакуацию раненых из Жупы на Цетинбе: предположено производить эвакуацию лошади, идущими постоянно из войска на Рщано за провиантом. Согласно этому предложению, первый транспорт эвакуируемых раненых уже прибыл в количестве 14 человек со студентом Ямпольским, возвратившимся в Жупу с транспортом перевязочных средств и госпитальных принадлежностей, как для перевязочного пункта, так и для этапного лазарета. Перед выездом моим из лагеря под Никшичем заявлено было о необходимости этапному лазарету приготовиться к движению вперед соответственно предстоящему движению главной части черногорских войск. Ввиду этого предположено доктору Студитскому с частью персонала и с тремя шатрами двинуться вперед; доктору Бартелинку остаться с ранеными, расположенными в одном шатре и в монастырском здании, чтобы по возможности эвакуировать раненых на Цитине. При продолжении Никшичской осады будут, конечно, поступать в Жупу и раненые из оставленных под Никшичем отрядов. По эвакуировании же все тех раненых доктор Бартелинк, смотря по обстоятельствам, или примкнет к этапному лазарету, или вернется в Цитине.

Как видно из вышесказанного, осуществление предположения обуславливается приходом так давно пробиваемых добавочных больших шатров. Два таких шатра я распорядился заказать через полковника Фельдмана в Вене: я надеюсь, получив их на этой *слово написано не разборчиво*, и, вероятно, если воевать не усложнялось, возможно, обошлись бы этим количеством шатров.

Ввиду предполагаемого раздвоения этапного лазарета, я принял на службу отряд студентов 1-го курса медицинского факультета Московского университета, герцеговина Лепалу; он будет состоять в должности лазаретного эконома и администратора при докторе

Бартелинке. Лепало пользуется хорошей репутацией и сочувствием знающих его русских; до прихода доктора Студитского он ходил безвозмездно за находящимися в Жупе ранеными, ввиду чего я, по просьбе доктора Щербака, согласился считать с 1 июля производство назначенного ему в размере 75 гульден в месяц жалования.

Я прилагаю при семь отчеты о движении раненых и больных по цитинским лазаретам за истекающий июль месяц. В Негушах состояло 27 июля раненых 20 человек, больных – 6; в Жупе состояло 30 июня 43 раненых и больных, итого у нас во всех лазаретах находилось к концу июля 204 человека, из которых собственно раненых 186.

Относительно персонала я должен сообщить, что сестра Валентина Немоевская обратилась ко мне с заявлением о своем намерение поехать в Бухарест. Вполне ценя пользу, приносимую ею здесь, и ее добросовестную деятельность, я не счел возможным отговаривать ее от исполнения ее намерения: с одной стороны, наш женский персонал достаточен и без нее для настоящего количества раненых, а с другой стороны – большая или меньшая замкнутость наших женских общинских персоналов считало положение ее здесь довольно трудным. Я позволил себе увеличить содержание принадлежащему к нашему персоналу бывшему турецкому военному врачу греку Теодоридесу.

По отношению к срокам службы персонала я должен сообщить весьма для меня прискорбные известия: доктора Кругленский и Соколов заявили, что должны будут вернуться в Россию к истечению срока, на который они сюда были присланы. Положение суммы отряда к 1 августа представляется следующими цифрами 31 583 рубля 5 копеек» [4, л. 8–13].

Также хотелось бы рассмотреть расходы санитарного отряда на июль 1877 г. [4, л. 17] (см. табл. 1).

Достаточно полный отчет по состоянию не только госпиталей, но также самих боевых действий, персонала подробно описывает ситуацию в лазаретах, а также приводит большое количество статистических данных.

В то же время в другом отчете по распределению денежных средств по всем госпиталям своя особая структура, в нем присутствуют такие категории распределения расходов, как жалованье

Таблица 1

Расходы санитарного отряда на июль 1877 г.

Расходы		
№		Гульден
1	Содержание госпиталей	3288
2	Персонал	6945
3	Выдача членам персонала разницы, с 10 апреля, по расчетам на металл	3977
4	Авансы	6034
5	Перевозка и переноска вещей	484
6	Канцелярия	204
7	Приобретение лошадей для нужд отряда	540
8	Содержание конюшни	225
9	Помещение членов персонала	142
10	Разъезды персонала	13
11	Жалование для служащих	15
12	Разные расходы	152
ИТОГО: 22022		

прислуги, деньги на закупку мяса и молока, топливо, расходы для аптеки, чистка колодцев и т.д. [4, л. 128].

Стоит обратить внимание на отчет за июль, а именно по раненым и больным: «Отчет о движение больных по Даниловскому госпиталю в Цетины, за июль 1877 г.» [4, л. 18] (см. табл. 2).

Отчеты о передвижение госпиталей и лазаретов, а также о количестве раненых и убитых в целом по своей структуре одинаковые, это свидетельствует о некоем стандарте ведения отчетов, отправляемых в Главное Управление Общества попечения о раненых и больных военных. В отчетах прописаны даты, в которых больше всего поступало раненых, например, если брать статистику за август: 4 августа было самое большое поступление в Цетинский и Негушский госпитали, в том числе два транспорта раненых [4, л. 109].

Помимо студентов Московского университета в оказании медицинской помощи участвовали студенты Императорской медико-хирургической академии. Можно привести письмо от 5 сентября 1877 г., адресованное Главному Управлению Общества попечения о раненых и больных воинах: «Императорская Медико-хирургиче-

Таблица 2

Отчет о движении больных по Даниловскому госпиталю в Цетины, за июль 1877 г.

К июлю состояло:	57
В их числе:	
Терапевтических	6
Хирургических	4
Раненых	47
В продолжении месяца прибыло:	
Терапевтических	17
Хирургических	8
Раненых	20
Вместе с оставшимися от июня и с вновь прибывшими состояло:	102
В их числе:	
Терапевтических	29
Хирургических	12
Раненых	87
Из них умерло	4
Итого убыло в июле	52
И осталось	50
В их числе:	
Терапевтических	9
Хирургических	6
Раненых	35

ская Академия, препровождая при себе телеграмму – от 31 августа, Главноуполномоченного общества попечения о раненых и больных воинах в Черногории, имею честь покорнейше просить Главное управление об извинение Князя Васильчикова, что к оставлению студентов V курса Академии, находившихся ныне при врачебных учреждениях в Черногории, на более продолжительный срок в обозначенным Обществом со стороны Академии препятствия не встречается и что ускоренного выпуска из Академии студентов в текущем году не предполагается» [4, л. 53].

Без общин сестер милосердия невозможно представить организацию Красного Креста, но в то же время неизвестно, из каких регионов были сестры общин, которые оказывали помощь раненым в Черногории. Лишь в одной телеграмме указано, откуда была груп-

па девушек – она была отправлена врачом Соколовым из Варшавы: «Телеграмма от 3.10.1877 г. Возвращаюсь из Черногории с 7-ю сестрами милосердия Покровской общины. Здешнее управление Красного Креста отказало в выдаче даровых билетов на проезд до С.-Петербурга, ждем вашего ответа до 9 часов вечера в Европейской гостинице» [4, л. 71].

Помимо оказания помощи раненым и больным военным, также оказывается помощь населению Черногории, это видно в одном из отчетов:

раненых и хирургических – 69,
терапевтических – 14,
женщин – 4.
Итого: 87
Амбулаторные раненые – 51,
Амбулаторно-терапевтических (мужчин) – 22,
Амбулаторно-терапевтических (женщин) – 26.
Итого: 99
Общее количество: 186 [4, л. 202].

Помимо важных документов, например, отчетов, статистических данных, достаточно большое количество в деле занимают наградные документы, одним из них является письмо от 23 мая 1878 г. в Главное Управление Общества попечения о раненых и больных воинах: «22 апреля, Всемилостивый, разрешите врачу Московского Воспитательного дома Владимиру Студицкому принять и носить пожалованный ему Князем Черногорским орден Данилы 3-степени» [4, л. 284]. Также этим орденом был награжден отставной генерал-майор Зубов, который был уполномоченным Общества попечения о раненых и больных воинах в Черногории [4, л. 291].

После окончания боевых действий и обретения независимости балканскими княжествами часть Российского Красного Креста осталась помогать организовывать оказание медицинской помощи в новых странах, а также продолжала уход за ранеными в госпиталях и лазаретах, приблизительно до 1881 г., так как именно этим годом датируется последний отчет деятельности санитарного отряда в Черногории и Сербии.

Подводя итоги исследования, основанного на бесценных материалах Российского государственного военно-исторического архива,

можем с уверенностью констатировать: деятельность санитарных отрядов Российского Красного Креста (РОКК) на Балканах в период сербско-турецкой войны 1876–1877 гг., сербско-черногорско-турецкой войны 1877–1878 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стала ярким примером самоотверженности, профессионализма и четкой организации в условиях тяжелейших испытаний. Одним из наиболее значимых выводов, сделанных на основе изучения архивных материалов, является наличие единого, четко регламентированного стандарта отчетности для санитарных отрядов РОКК. Изучение расходов РОКК на Балканах, зафиксированных в архивных документах, раскрывает картину ответственного и рационального использования выделенных средств. Отчеты по раненым и больным являются, пожалуй, наиболее важными и информативными документами, которые говорят нам не только о военных ранениях, но и показывают оказание помощи мирным жителям.

Источники и литература

1. *Козловцева Е.Н.* Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Славянский альманах. – 2010. – С. 187–195.

2. *Коршунова К.Н.* Роль Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в создании Российского Красного Креста // Международный научный журнал. Инновационная наука. – 2022. – № 8–2. – С. 24–26.

3. *Мельникова Л.В.* Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых как прообраз Красного Креста // Российская история. – 2009. – № 5. – С. 119–134.

4. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 12651. Оп. 3. Д. 30.

K.N. Korshunova

HUMANITARIAN MISSION: RUSSIAN RED CROSS SANITARY DEPOTS IN THE BALKANS (1877-1881)

Annotation. The article focuses on the humanitarian mission of the Russian Red Cross in Montenegro during the Serbian-Montenegrin-Turkish War (1875–1878) and the Russo-Turkish War (1877–1878), as well as the subsequent assistance provided to the newly independent countries. The study explores the

formation of medical units, their organizational structure and functions, and the role they played in providing medical care and support to the population during military conflicts and humanitarian crises. Special attention is paid to the interaction of the Russian Red Cross with local authorities and international organizations, and the impact of this humanitarian activity on the development of medical services and social infrastructure in Montenegro is analyzed. The article is based on archival documents stored in the Russian State Military History Archive.

Keywords: Russian Red Cross, Montenegro, humanitarian mission, Balkan Wars, medical aid, Russian-Montenegrin relations, Russian-Turkish War, Serbian-Montenegrin-Turkish War.

УДК 94 (470 + 357.113 + 297)

Р.Р. Назаров,
В.Р. Алиева

КАЗАКИ-МУСУЛЬМАНЕ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. Традиционно считается, что казачество связано с одним религиозным направлением – православием. Это не совсем так, если учесть, что среди казаков всегда было много представителей разных конфессий. Значительными были прослойки мусульман (башкиры, татары, горцы Кавказа, казахи), буддистов (калмыки, буряты), приверженцев местных культов Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока, встречались григориане, лютеране, католики. В данной статье раскрывается процесс формирования такой группы казачества как казаки-мусульмане. В этническом отношении это были татары, башкиры, горцы Кавказа, ногайцы, казахи. Они проходили службу в Донском, Кубанском, Терском, Астраханском, Уральском, Оренбургском, Сибирском казачьих войсках.

Ключевые слова: казачество, ислам, казаки-мусульмане, служилые татары, горские казаки, польско-литовские татары-казаки, башкиры-казаки.

С XVI в. на Урале были известны казачьи подразделения из «магометян». Надо отметить, что «полиэтничность (и поликонфессиональность. – *Авт.*) была характерной чертой не только яицкой казачьей общины, но и казачьих общин других регионов в период их зарождения и становления» [29, с. 227].

formation of medical units, their organizational structure and functions, and the role they played in providing medical care and support to the population during military conflicts and humanitarian crises. Special attention is paid to the interaction of the Russian Red Cross with local authorities and international organizations, and the impact of this humanitarian activity on the development of medical services and social infrastructure in Montenegro is analyzed. The article is based on archival documents stored in the Russian State Military History Archive.

Keywords: Russian Red Cross, Montenegro, humanitarian mission, Balkan Wars, medical aid, Russian-Montenegrin relations, Russian-Turkish War, Serbian-Montenegrin-Turkish War.

УДК 94 (470 + 357.113 + 297)

Р.Р. Назаров,
В.Р. Алиева

КАЗАКИ-МУСУЛЬМАНЕ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. Традиционно считается, что казачество связано с одним религиозным направлением – православием. Это не совсем так, если учесть, что среди казаков всегда было много представителей разных конфессий. Значительными были прослойки мусульман (башкиры, татары, горцы Кавказа, казахи), буддистов (калмыки, буряты), приверженцев местных культов Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока, встречались григориане, лютеране, католики. В данной статье раскрывается процесс формирования такой группы казачества как казаки-мусульмане. В этническом отношении это были татары, башкиры, горцы Кавказа, ногайцы, казахи. Они проходили службу в Донском, Кубанском, Терском, Астраханском, Уральском, Оренбургском, Сибирском казачьих войсках.

Ключевые слова: казачество, ислам, казаки-мусульмане, служилые татары, горские казаки, польско-литовские татары-казаки, башкиры-казаки.

С XVI в. на Урале были известны казачьи подразделения из «магометян». Надо отметить, что «полиэтничность (и поликонфессиональность. – *Авт.*) была характерной чертой не только яицкой казачьей общины, но и казачьих общин других регионов в период их зарождения и становления» [29, с. 227].

В Белоруссии, Польше, Литве служили казаки-мусульмане (литовские татары), потомки ордынцев Гедимина и Витовта. Они происходили из воинов, которые прибывали в Речь Посполитую с ордынскими султанами и мурзами. Они получали участки земли (под Вильно, в поселении «Сорок Татар»), несли воинскую, транспортную, курьерскую, полицейскую, караульную, охотничью службу [19, с. 171–172]. Я.Я. Гришин приводит фамилии польско-литовских князей, командиров казачьих дружин: Ассанчуковичи, Баргынские, Завицкие, Кадышевичи, Карачевичи, Корыцкие, Крычиньские, Ловчицкие, Лостайские, Нурковичи, Острыньские, Пуньские, Смольские, Ширинские, Тальковские, Тарашвиские, Уланы, Юшыньские [17]. В его списке отсутствуют известные фамилии – Бей-Булак-Балаховичи, Глинские, Соболевские, Солтаны, Сулькевичи, Туган-Барановские, Эдигеи, Юсуфовичи.

В конце XVI в. на Тереке появились слободы Черкасская, Окоцкая, Татарская, Кумыкская, Ногайская, основанные кабардинцами, чеченцами, татарами, кумыками, ногайцами [24, с. 51–52].

Первыми казаками-мусульманами на Дону были ногайцы – 120 бойцов (с семьями), в 1623 г. поступившие в казаки – с условием сохранения веры. Донцы называли их «донския татаровя», «наши татаровя». Мусульманская община увеличивалась, в 1687 г. близ Черкасска была основана станица Татарская. В 1802 г. в ней насчитывалось 117 домов и 1 мечеть [9, с. 289–290]. Группа донских татар с XVII в. существует как сложившаяся единица в войске, довольно активно участвует в его общественно-политической жизни [10, с. 8–9].

Широко известен институт служилых татар [14, с. 110–111]. Служилый князь должен был являться на службу с «уланами, мурзами и всеми казаками» [42, с. 193]. Служилые татары – не только национально-этническая категория, а служебно-войсковая [27, с. 35–36]. Впервые наименование «служилые татары» появилось в середине XVI в. До этого служилые люди из татар именовались казаками.

Близкой к татарам-казакам группой были мещерские казаки. Казаки мещерские (мишари) – жители области Мещера с центром в Касимове, составившие субэтносы касимовских татар и мишарей [29, с. 49–62]. Мишари городецкие (от названия Касимова – Городец-Мещерский) становятся казаками во многих городах Московской Руси [26, с. 42–44].

Предания о мусульманах в Яицком (Уральском) войске зафиксированы А.И. Левшиным и А.С. Пушкиным. В отряде Василия Гугни из 30 чел. был один татарин, но позже их число увеличилось. Как отмечал А.С. Пушкин, «бабушка Гугниха» рассказывала, что «с казаками, ее пленившими, при ней соединялось много татар» [37, с. 86, 87].

По данным переписи 1718–1724 гг., в Уральском казачьем войске было 6 % казаков-неславян, прежде всего татар и башкир [22, с. 892]. Согласно Указу Елизаветы Петровны от 27 июля 1744 г. «О зачислении в Оренбургское казачье войско всех пришельцев, поселившихся в крепостях Оренбургской губернии» казачий статус получили ногайцы [12, с. 5].

В 1765 г. в Уральском казачьем войске служили мусульмане – войсковой старшина Мавлекей Ицмагулов, командир 31-й Татарской сотни сотник Сапар Альметьев, хорунжие Амин Караганов и Абдулла Мемеков, подхорунжие и урядники Камбар Асанов, Кунмурза Асанов, Халил Асанов, Сатбай Асанов, Абдулла Асанов, казаки Аптакарим Тангаев, Мухамет Мульмин, Джуман Шербукеев [18, с. 140–141].

Назаров А.И. выявил пласт уральских казачьих фамилий (XVIII–XX вв.), значительная часть которых (более 300) тюрко-мусульманского происхождения: Абдрахманов, Абдулкадыров, Бекарасланов, Вахитов, Гайнуллин, Джангаев, Жулдаев, Зайнетдинов, Искендеров, Исмаилов, Кенжебеков, Мухамедов, Насыров, Рахманкулов, Сулейманов, Тухтамишев, Узбеков, Уразаев, Файзуллин, Шарипов, Юсупов [28].

В конце XVIII в. на Дону было поселено 30 тыс. ногайцев и представителей других тюркских этносов (турки, крымские и волжские татары), вошедших в состав казаков [39, с. 232].

В конце XVIII – начале XIX в. на Кавказе образованы станицы Александрийская, Гривенская, Луковская, Ново-Осетинская, Черноярская, Шелковская, основное население которых составили горцы-казаки [39, с. 228, 285]. Среди мусульман-казаков преобладали ногайцы и татары – на Дону [46], адыги (черкесы, кабардинцы) – на Кубани [49, с. 76–83], горцы (вайнахи, осетины, кумыки) – на Тереке [45, с. 55–58].

В параграфе 43 «Устава об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. указано: «Казачьи полки из кочующих, для охранения границ

составленные, комплектуются по-прежнему» [43, с. 397]. Среди них были мусульмане, буддисты (калмыки, буряты), язычники (эвенки, финно-угры). Так, «в северокавказские казаки, так же как и в донские, волжские, уральские, оренбургские, сибирские, официально принимались лица мусульманского, буддийского и иных вероисповеданий» [39, с. 231]. Достаточно высок был процент мусульман в Сибирском казачьем войске [3, с. 5–8]. Родом из сибирских казаков-мусульман был дед (по матери) генерала Лавра Корнилова.

В 1798–1865 гг. существовало казачье Башкиро-Мещерякское войско. В Отечественной войне 1812 г. и походах 1813–1814 гг. участвовало 20 полков, по 2 полка – в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., Хивинском походе 1839 г., Крымской войне 1853–1856 гг. [7, с. 59].

В конце 1820-х гг. из мусульман были сформированы по образцу казачьих частей лейб-гвардии Кавказско-Горский [21] и Крымско-Татарский эскадроны [1, с. 52] в составе Собственного Его Императорского Величества Конвоя. В составе Конвоя были также Команда лезгин, Команда татар, Команда мусульман [35].

В 1862 г. из 81 998 уральских казаков было: русских (также украинцев, белорусов, обрусевших татар, мордвы) – 70 331 (85,8 %), башкир – 6095 (7,4 %), татар – 4168 (5,1 %), калмыков – 1184 (1,4 %), других (казахи, каракалпаки) – 220 чел. (0,3 %) [40, с. 330, 333]. Доля мусульман в войске в середине XIX в. доходила до 12,8 %.

В Уральске, Илецке, станице Сламихинской общины казаков-мусульман возглавляли ахуны Абдулсалих Ишкулов, Абдулгаллям Давлетшин, Губайдулла Галькиев [34, с. 325]. В казачьих станицах Уральской, Илецкой, Мустаевской, Студеновской функционировали мечети.

После расформирования Башкиро-Мещерякского войска в 1865 г. башкирские и мишарские казаки распределены между Оренбургским и Уральским казачьими войсками [25, с. 128–129]. До 1865 г. в состав Уральского войска входил Башкирский отдел (9-й Башкирский кантон). Отдельный Башкирский конный полк просуществовал до 1882 г. Был упразднен с условием формирования в военное время Башкирской конной милиции [38].

История казаков-башкир характеризуется множеством славных военных династий – Абубакировы, Адутовы, Акмурзины, Акчулпа-

новы, Ибрагимовы, Ишбулатовы, Ишмурзины, Кадаргуловы, Каиповы, Карамышевы, Кииковы, Куватовы, Курбангалиевы, Мутины, Сыртлановы, Тасимовы, Узбековы, Узенбаевы, Уметбаевы.

Одно из последних законодательных решений Николая I было посвящено регулированию казаками-мусульманами. В феврале 1855 г. Военный совет Российской империи принял «Правила устройства духовной жизни магометан казачьего сословия» [4, с. 76–79]. 18 599 мусульман служили в штате Донского, Черноморского, Кавказского, Уральского, Оренбургского, Сибирского казачьих войск, Тобольского казачьего полка. Их духовные нужды обслуживали 114 мечетей и 169 мусульманских духовных лиц [2, с. 46–50].

В Оренбургском казачьем войске складывались целые офицерские династии – Кочуровы, Дашкины и др. У войскового старшины Абдулвагапа Кочурова было пять сыновей: генерал-лейтенант Шейхильислам, войсковые старшины Шагимардан, Шагимурат, Шагисултан, есаул Шагигалей Кочуровы. Кроме того, офицерами были племянник Абдулвагапа полковник Абдурахман Кочуров и внук Абдулвагапа сотник Зингазир Кочуров (сын Шейхильислама) [15, с. 297–299]. Сын есаула Ягофара Дашкина Шангирей стал войсковым старшиной, его сын Зюлькарнайн Дашкин – генерал-майором [15, с. 187–188].

Обратимся к Всероссийской переписи 1897 г. В Терском казачьем войске было 167 301 чел. казачьего населения. Родным назвали украинский язык 16 329 (9,76 %), калмыцкий – 2727 (1,63 %), белорусский – 586 (0,35 %), татарский – 252 (0,15 %), другие (осетинский, ингушский) – 2932 (1,75 %) [36, с. 122]. На апрель 1913 г. в Терском казачьем войске служило 338 офицеров: славян 256, остальные 72 – горцы (ингуши Нальгиевы, Ахриевы, Мальсаговы, Саутиевы, осетины Мистуловы, Тургиевы, Фидаровы и др.) [23].

В Первую мировую войну были созданы национальные части, приравненные по статусу к казачьим [30, с. 111–113]. Наиболее известны Кавказская туземная конная («Дикая») дивизия, Текинский полк (позже – дивизия), Конно-Азиатская дивизия. В составе «Дикой» дивизии были Дагестанский, Ингушский, Кабардинский, Татарский, Черкесский, Чеченский конные полки, Осетинская пешая бригада. В 1917 г. дивизия получила подкрепление в виде 2-го Дагестанского, Крымского, 1-го и 2-го Осетинских конных полков и была

развернута в Кавказский туземный конный корпус [20, с. 210–211]. За героизм в годы Первой мировой войны были награждены Георгиевским оружием и орденом святого Георгия 4-й степени казачьи офицеры-мусульмане: полковники – командир 1-го Осетинского дивизиона 2-го Сунженско-Владикавказского казачьего полка Керим Кудзаев, командир 1-го Осетинского кавполка Абдулла-бек Табасаранский, командир 1-го Дагестанского кавполка Арслан-бек Котиев, войсковой старшина Кубанского войска Сафарбей Ислам-Гиреевич Улагай, есаул Кубанского войска Шах-Рух Дараб-Мирза Каджар, сотник 11-го Кубанского пластунского батальона Сиявуш-Мирза Каджар, прапорщик 1-го Астраханского казачьего полка Исхак Аулов и др. [31, с. 111–113].

Во время Гражданской войны на базе полков Дикой дивизии были созданы дивизии. Как отмечает С.Г. Шилова, «в Гражданскую войну в белых армиях Юга России воевало уже четыре дивизии: Кабардинская, Осетинская, Черкесская и Чеченская… Дивизии были иррегулярными, обеспечивались своими же односельчанами (в этом горцы похожи на казаков)» [48, с. 21]. В период Гражданской войны был введен сине-малиново-зеленый флаг Кубанского казачьего войска, где синий означал – казаки-линейцы, малиновый – казаки-черноморцы, зеленый – казаки-мусульмане [44, с. 455]. В период Гражданской войны были сделаны попытки возрождения отдельного Башкирского войска. В 1918–1919 гг. башкирские части сражались на стороне белых, в 1919–1922 гг. – на стороне красных. Особенно прославилась Башкирская кавбригада Мусы Муртазина [50].

Потомки горских казаков в годы Великой Отечественной войны воевали [8, с. 29–32] в составе таких частей и соединений, как 115-я Кабардино-Балкарская кавдивизия [11], 255-й Чечено-Ингушский кавполк [13; 33], Адыгейский кавполк (40-й гвардейский казачий полк 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса) [41], Чечено-Ингушский кавдивизион 4-го Кубанского казачьего корпуса и др. Прекрасно показали себя потомки башкирских казаков, сражаясь в составе 112-й Башкирской кавдивизии (впоследствии – 16-я гвардейская кавдивизия). В составе дивизии было 78 Героев Советского Союза и один Герой России – это абсолютный рекорд по всей Советской армии. Не в каждом корпусе или армии было столько [5]. В годы войны отличились такие командиры, как дважды Герой Со-

ветского Союза, генерал армии Исса Плиев – командир 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса, Герой Советского Союза, генерал-полковник Хаджи-Умар Мамсуров – командир 2-й гвардейской кавдивизии, Герой России, гвардии генерал-майор Минигали Шаймуратов – командир 112-й Башкирской (16-й гвардейской) кавдивизии, гвардии полковник Файзулла Нарходжаев – командир 152-го артполка 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса, Герой Советского Союза, подполковник Мавлид Висаитов – командир 255-го Чечено-Ингушского кавполка, подполковник Фарис Ахтямов – начальник политотдела 63-й кавдивизии 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса, гвардии подполковник Бадрутдин Гусейнов – начальник химслужбы 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса, гвардии подполковник Халил Фатыхов – заместитель начальника политотдела 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса, Герой Советского Союза, гвардии майор Гафиатулла Арасланов – заместитель командира 71-го танкового полка 11-й гвардейской казачьей дивизии и многие другие.

В 1990-е гг. процесс возрождения затронул казаков-мусульман. В Челябинске создана станица Юлаевская, названная в честь Салавата Юлаева. В ней объединились около 100 чел. – потомков башкирских казаков. Возглавили ее атаман подъесаул Раис Гайратов, атаман общины казаков-мусульман Челябинска хорунжий Г. Юлбулдин, имам-хатыб М. Ибрагимов [16]. В Оренбурге создано казачье общество «Яицкое». Атаманом был избран Наиль Якупов. Благословил казачий круг имам Абдулбарий-Хазрат [32]. На Северном Кавказе также есть тенденция к возрождению мусульманского казачества. В Чечне этим занимается Руслан Дунаев [47], в Ингушетии – Магомед Батыров, Абдул-Керим Экажев, Асхаб Барахоев [6].

Изучение вопросов наличия среди казаков лиц различного вероисповедания, особенно мусульман, – важный момент в контексте распространения идей евразийства, улучшения межэтнических и межконфессиональных отношений в полиэтническом и поликонфессиональном обществе.

Источники и литература

1. *Абдуллин Х.М.* Военная служба крымских татар в Российской империи // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 1. – С. 49–54.

2. *Абдуллин Х.М., Мустафина Г.М.* Мусульмане и мусульманское духовенство в иррегулярных войсках Российской империи в XVII – начале XX вв. // Военно-исторический журнал. – 2005. – № 10. – С. 46–50.

3. *Андреев С.М.* Казаки-мусульмане в Сибирском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ислам, общество, культура. – Омск, 1994. – С. 5–8.

4. *Арапов Д.Ю.* Где есть магометане казачьего сословия. Правила устройства духовной жизни мусульман в казачьих войсках России, 1855 г. // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.). – М., 2006. – С. 76–79.

5. *Ахмадиев Т.Х.* Башкирская гвардейская кавалерийская: боевой путь Башкирской 112-й – 16-й гвардейской кавдивизии. 1941–1945 гг. – Уфа, 1999.

6. *Батыров М.* Возрождение ингушского казачества // Северный Кавказ. – 2005. – Июль. – № 25 (737).

7. Башкиро-Мещерякское войско // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 3. – М., 1970. – С. 59.

8. *Безугольный А.Ю.* Опыт формирования и боевого применения горских кавалерийских частей в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 2. – С. 29–32.

9. *Бредихин А.В.* «Великая Тартария» в этногенезе донских казаков // Minbar. Islamic Studies. – 2021. – № 2 (14). – С. 284–296.

10. *Бредихин А.В.* Роль тюркско-татарского компонента золотоордынских государств в этносоциальном развитии донских казаков // Казачество. – 2017. – № 5 (29). – С. 7–13.

11. В огне закаленные. О боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. – Нальчик, 1995.

12. *Викторин В.М.* Казаки – нагайбаки и служилые ногайские татары в Оренбургском войске на границах казахских степей: XVIII – нач. XX вв., их потомки и родственные группы Поволжья (этномиграции, связанные по разным маршрутам) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 2 (Вып. 9). – Уральск, 2008. – С. 3–17.

13. *Висаитов М.А.* От Терека до Эльбы. Воспоминания бывшего командира гвардейского полка о боевом пути в годы Великой Отечественной войны. – Грозный, 1966.

14. *Воротынцев Л.В.* «Люди из Черкас»: «ордынские казаки» и «служилые татары» лесостепного пограничья (конец XIV – XV вв.) // Золотоордынское обозрение. – 2018. – Т. 6. – № 1. – С. 107–122.

15. *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945. – М., 2007.

16. *Глушков А.* Полку казаков прибыло // Челябинский рабочий. 1998. – 16 сент.

17. *Гришин Я.Я.* Татарский след в истории Литвы и Польши (XIV–XIX вв.). – Казань, 2005.

18. *Дубовиков А.М.* Казаки-мусульмане Уральского Войска на государевой службе // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2016. – № 8. – С. 139–145.

19. *Думин С.В.* Татары-казаки в Великом Княжестве Литовском // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2017. – № 9. – С. 170–183.

20. Кавказская туземная конная дивизия («Дикая дивизия») // Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. – М., 1987. – С. 210–211.

21. *Каримов Р.К., Айдаболова М.И.* Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон. Страницы истории. – Нальчик, 2002.

22. *Карпов А.Б.* Уральцы: ист. очерк. – Уральск, 1911.

23. *Киреев Ф.С.* Осетинский феномен в истории Терского казачьего войска // URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/01/31/osetinskij_fenomen_v_istorii_terskogo_kazach_ego_vojska/ (дата обращения: 05.07.2025).

24. *Козлов С.А.* Пополнение вольного казачества на Северном Кавказе в XVI–XVII вв. // Советская этнография. – 1990. – № 5. – С. 50–55.

25. *Кортунов А.И.* Особенности зачисления башкир в состав Яицкого (Уральского) и Оренбургского казачьих войск (XVIII–XIX вв.) // Вестник Пермского университета. – 2013. – Вып. 1 (21). – С. 127–131.

26. *Кортунов А.И.* Прошения мещеряков о зачислении в состав Оренбургского казачьего войска как исторический источник // Казанская наука. – 2013. – № 5. – С. 42–44.

27. *Мининков Н.А.* Служилые татары и разведка астраханских воевод в Азове конца тридцатых – начала сороковых годов XVII в. // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2015. – № 7. – С. 34–39.

28. *Назаров А.И.* Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. – Алматы, 2003.

29. *Назаров Р.Р.* Историко-культурные особенности этноконфессиональной идентичности татар-казаков // Этнорелигиозная идентичность татарского народа в условиях глобализации. Ч. 2. – Казань, 2019. – С. 49–62.

30. *Назаров Р.Р.* Кавказский сегмент русского казачества: историографический анализ // Региональные аспекты социальной политики. – 2019. – № 21. – С. 92–119.

31. *Назаров Р.Р.* Мусульмане-офицеры Российской армии в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) // 100 лет окончания Первой мировой войны. Влияние на Центральную Азию. – Ташкент, 2019. – С. 93–113.

32. Оренбуржцев разной веры объединяет казачество // URL: https://56.ru/text/gorod/2005/12/07/64993541/ (дата обращения: 05.07.2025).

33. *Ошаев Х.* Слово о полку Чечено-Ингушском. – Нальчик, 2004.

34. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. – Саратов, 1900.

35. *Петин С.И.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. – СПб., 1899.

36. Проблемы истории казачества. – Волгоград, 1995.

37. *Пушкин А.С.* История Пугачева // Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 9. – М., 1995.

38. *Рахимов Р.Н.* Башкирский конный полк // Энциклопедия «Башкортостан» // URL: https://bashenc.online/ru/articles/51452/ (дата обращения: 05.07.2025).

39. Российский Кавказ. – М., 2007.

40. *Рябинин А.Д.* Уральское казачье войско. Т. 1. – СПб., 1866.

41. *Сиджах Х.* Адыгейский полк в боях за Советскую Родину. – Майкоп, 1998.

42. Служилое казачество в русско-ногайских отношениях. По материалам Посольского приказа. 1534–1548 гг. // Исторический архив. – 2006. – № 3. – С. 190–195.

43. Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. – Т. 38. – № 29. – 120. – § 43. – С. 397.

44. *Филатов С.В.* Символика белоказаков в период Гражданской войны 1917–1922 гг. // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 2007. – С. 454–456.

45. *Хаидов И.М.* Служба горцев Северного Кавказа в полках Терского казачества в период Кавказской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2018. – № 2(88). – С. 55–58.

46. *Черницын С.В.* Донские татары – мусульманская группа донского казачества. Этапы и тенденции этнической истории // Казачество в тюркском и славянском мирах. – Казань, 2018. – С. 282–297.

47. *Чинхо Р.* Чеченец – Герой казачества // URL: https://www.groznyinform.ru/news/review/67975/ (дата обращения: 05.07.2025).

48. *Шилова С.Г.* Военные формирования народов Северного Кавказа в белых армиях Юга России: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2013.

49. *Шкуро В.И.* Кавказцы на службе в Кубанских казачьих частях // Родная Кубань. – 2010. – № 1(49). – С. 76–83.

50. *Ярмуллин А.Ш.* Комбриг М.Л. Муртазин и боевой путь Отдельной Башкирской кавалерийской бригады (к 120-летию со дня рождения) // Проблемы востоковедения. – 2011. – № 1 (51). – С. 77–85.

R.R. Nazarov,
V.R. Alieva

MUSLIM COSSACKS IN THE MILITARY HISTORY OF RUSSIA

Annotation. Traditionally, it is believed that the Cossacks are associated with one religious trend – Orthodoxy. This is not entirely true, considering that there have always been many representatives of different faiths among the Cossacks. There were significant strata of Muslims (Bashkirs, Tatars, mountaineers of the Caucasus, Kazakhs), Buddhists (Kalmyks, Buryats), adherents of local cults of the Volga region, the Urals, Siberia, and the Far East, Gregorians, Lutherans, and Catholics. This article reveals the process of formation of such a group of Cossacks as the Muslim Cossacks. Ethnically, they were Tatars, Bashkirs, mountaineers of the Caucasus, Nogais, Kazakhs. They served in the Don, Kuban, Tersk, Astrakhan, Ural, Orenburg, Siberian Cossack troops.

Keywords: Cossacks, Islam, Muslim Cossacks, serving Tatars, Mountain Cossacks, Polish-Lithuanian Tatar

УДК 930.25«1868/1873»

С.Д. Никитенко

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ АГЕНТ В США А.П. ГОРЛОВ: ИСТОРИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И СЛУЖБЫ В 1868–1873 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ РГВИА)

Аннотация. История изучения российской военно-разведывательной отрасли на фоне современной сложной международной ситуации как никогда является актуальной, в том числе и в контексте эволюции внешнеполитического взаимодействия России со странами Запада и США. Цель настоящей статьи – анализ деятельности российского военного агента в США А.П. Горлова в 1868–1873 гг. Новизна исследования заключается во внедрении в научный оборот широкого ряда ранее не опубликованных документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Автор приходит к выводу, что подробный анализ донесений А.П. Горлова демонстрирует как серьезный уровень его профессионализ-

50. *Ярмуллин А.Ш.* Комбриг М.Л. Муртазин и боевой путь Отдельной Башкирской кавалерийской бригады (к 120-летию со дня рождения) // Проблемы востоковедения. – 2011. – № 1 (51). – С. 77–85.

R.R. Nazarov,
V.R. Alieva

MUSLIM COSSACKS IN THE MILITARY HISTORY OF RUSSIA

Annotation. Traditionally, it is believed that the Cossacks are associated with one religious trend – Orthodoxy. This is not entirely true, considering that there have always been many representatives of different faiths among the Cossacks. There were significant strata of Muslims (Bashkirs, Tatars, mountaineers of the Caucasus, Kazakhs), Buddhists (Kalmyks, Buryats), adherents of local cults of the Volga region, the Urals, Siberia, and the Far East, Gregorians, Lutherans, and Catholics. This article reveals the process of formation of such a group of Cossacks as the Muslim Cossacks. Ethnically, they were Tatars, Bashkirs, mountaineers of the Caucasus, Nogais, Kazakhs. They served in the Don, Kuban, Tersk, Astrakhan, Ural, Orenburg, Siberian Cossack troops.

Keywords: Cossacks, Islam, Muslim Cossacks, serving Tatars, Mountain Cossacks, Polish-Lithuanian Tatar

УДК 930.25«1868/1873»

С.Д. Никитенко

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ АГЕНТ В США А.П. ГОРЛОВ: ИСТОРИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И СЛУЖБЫ В 1868–1873 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ РГВИА)

Аннотация. История изучения российской военно-разведывательной отрасли на фоне современной сложной международной ситуации как никогда является актуальной, в том числе и в контексте эволюции внешнеполитического взаимодействия России со странами Запада и США. Цель настоящей статьи – анализ деятельности российского военного агента в США А.П. Горлова в 1868–1873 гг. Новизна исследования заключается во внедрении в научный оборот широкого ряда ранее не опубликованных документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Автор приходит к выводу, что подробный анализ донесений А.П. Горлова демонстрирует как серьезный уровень его профессионализ-

ма в качестве военного агента, так и общий высокий уровень военной разведки Российской империи второй половины XIX в.

Ключевые слова: А.П. Горлов, военный агент, Главный штаб, разведка, вооруженные силы США.

Официальное закрепление должности военного агента в Российской империи стало результатом проведения крупных внутриполитических преобразований в стране в конце 1850 – начале 1870-х гг. после неудач Крымской войны. Так, вместо дальнейшей монополии МИДа на решение вопросов зарубежной разведки, уже не удовлетворявшее растущие потребности высших военных кругов России [1, с. 183–184], решено было создать специальный корпус профессиональных разведчиков (преимущественно полковников и генералов), обладавших серьезной военной подготовкой, высоким уровнем культуры и образования, богатыми юридическими знаниями и умением контактировать с людьми [6, с. 31].

В отличие от современных представлений о разведчиках как о скрытных одиночках, российские военные агенты с середины XIX в. часто действовали открыто, будучи прикрепленными к дипломатическим миссиям в статусе официальных членов представительств, командировались не только в главные европейские государства того времени – Францию, Великобританию, Пруссию и Австрию, но и в ряд других стран, как, например, в весьма удаленные от России США. Вместе с этим как аккредитованные представители военные агенты черпали информацию главным образом из официальных источников, прежде всего из американской прессы, а также из военной литературы и законодательства. Но если сведений было недостаточно, то им приходилось лично посещать конкретные военные пункты и мероприятия, наблюдая за бытом личного состава, дислокацией, системой обучений и боевой подготовкой [3, с. 311].

В должностные обязанности всех военных агентов, впервые официально изложенных 10 июня 1856 г. в специальном «Проекте общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу» и постоянно расширяющихся и дополняющихся вплоть до начала Первой мировой войны, входил не только сбор разведданных о военном потенциале других стран и их военно-технических новинках, но и предоставление собственного глубокого анализа политической

Генерал-майор А.П. Горлов. Фото 1873–1877 гг. [4, с. 39]

и социальной обстановки, а также оценки отдельных военных и политических деятелей [15, с. 38–39].

«История разведки – это прежде всего история людей» [7, с. 69], как справедливо отмечает отечественный исследователь В.Б. Каширин. В связи с этим для ясного понимания специфики работы так называемых «дипломатов в погонах» обратимся к конкретному представителю института военных агентов – генерал-лейтенанту Александру Павловичу ловичу Горлову, «одной из самых ярких фигур среди военных агентов XIX в.» [5, с. 222–223].

Создание отдельной должности российского военного агента в США во многом было сопряжено с задачей Военного министерства по поиску новых образцов вооружения и внедрения современных технологических процессов в их производство для реформирования армии во второй половине XIX в. С этой целью в Америку в 1866 г. была направлена экспедиция на тот момент полковника А.П. Горлова и штабс-капитана К.И. Гунниуса[1] для заказа скорострельных ружей систем Лэдли и Пибоди [10, л. 6 об.]. В итоге, «облегчая задачу российских специалистов и повышая их официальный авторитет в переговорном процессе» [14, с. 33], А.П. Горлов 9 апреля 1868 г. был назначен первым официальным российским военным агентом в США с местопребыванием в Хартфорде [10, л. 3 об.] и с ежегодным содержанием в 8000 руб. [8, л. 4].

Более грамотного специалиста на данную должность трудно было отыскать, поскольку А.П. Горлов к этому моменту уже успел приобщиться к американскому вооружению за счет своей команди-

[1] Подробнее о нем см.: *Ильина Т.Н.* Военные агенты и русское оружие: винтовки Бердана, картечницы Гатлинга, револьверы Смита и Вессона, шашки 1881 года. – СПб., 2008. – С. 82.

ровки в США в 1864 г. «для собрания сведений об употребляемых там орудиях и снарядах» [10, л. 6]. В результате он в 1865 г. составил материалы под названием «Военные очерки Соединенных Штатов Америки», посвященные американской, «...артиллерийской специальности... и вообще военному делу», которые уже через год были опубликованы в Артиллерийском журнале [4, с. 34]. Таким образом, А.П. Горлов за время своей службы в США одновременно выполнял две разные задачи[2], что не мешало ему качественно с ними обеими справляться[3].

Что касается доставленных А.П. Горловым в Главный штаб (далее – ГШ) «интересных сведений» об американских вооруженных силах в роли военного агента, то здесь важно отметить два фактора: во-первых, как отмечал сам А.П. Горлов, из-за возложенных на него «... занятий по предмету скорострельного вооружения, не оставляющих вовсе времени...» для сбора интересующих Военное министерство донесений [11, л. 9]; а, во-вторых, из-за плохой сохранности ряда документов в архиве, посвященных данному вопросу, все рапорты А.П. Горлова датируются лишь с 1871 по 1873 г.

В первую очередь необходимо отметить рапорт А.П. Горлова от 17 мая 1873 г. В нем военным агентом представлен *«Общий очерк значения Вест-Поинтской Военной Академии в Америке»*, в котором он подробно останавливается на вопросах ее назначения, руко-

[2] В ноябре – декабре 1871 г. А.П. Горлов также управлял делами Российской Императорской миссии в Вашингтоне [10, л. 8–8 об.; 11, л. 2].

[3] Подробнее о результатах деятельности А.П. Горлова в контексте его работы по изучению стрелкового вооружения США с целью дальнейшего использования наилучших образцов в России и перевооружения ее армии см., например: *Ильина Т.Н.* Деятельность военных агентов по перевооружению русской армии в период военной реформы 60-х – 70-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010; *Бобков В.А.* Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами в области производства артиллерии во второй половине XIX в. // История науки и техники. – 2014. – № 6. – С. 25–33; *Кузнецов Д.А.* Предпосылки российско-американских контактов в сфере ручного огнестрельного оружия в 1860–1870-е гг. // Потемкинские чтения: Сб. материалов VIII Всерос. науч. конф. с междунар. участием, 23–24 окт. 2024 г. Т. 2. – Севастополь, 2024. – С. 11–13 и др.

водства, учебной организации и т.д. Как отмечает сам А.П. Горлов, его отчет базировался как на личных наблюдениях при неоднократных посещениях академии, так и на ряде сведений, «собранных на месте, во все время... пребывания в США» [12, л. 23].

Как справедливо указывает А.П. Горлов, вследствие малой численности регулярной армии США (к ноябрю 1870 г. она составляла 33 666 чел. [11, л. 24 об.–25]), академия соединяла в себе воспитание кадетов (230 чел.) для различных родов военной службы: инженерные войска[4], учебно-техническая артиллерийская служба, кавалерия, пехота и строевая артиллерийская служба с целью подготовки офицеров, выпускаемых в среднем – 48 чел. [12, л. 7 об., 8, 9, 23]. Вследствие данной военной универсальности обучение влекло за собой недостаточное специальное приготовление для каждого рода оружия: «ни инженерное, ни артиллерийское дело, ни наука генерального штаба не передаются воспитанникам в полноте, соответствующей современному состоянию этих предметов; ученики... стоят, при выпуске, гораздо ниже по познаниям – нежели воспитанники европейских специальных военных школ», – резюмирует военный агент [12, л. 23 об.].

Вместе с этим другим важным недостатком Вест-Поинта А.П. Горлов называет процесс приема кандидатов в академию. Так, кандидаты 17–18 лет экзаменовались только в чтении, письме, арифметике, «в самых начальных и кратких понятиях»: о грамматике английского языка, географии и истории США. Кроме этого, сам экзамен не носил соревновательного характера и проводился достаточно снисходительно, поскольку иначе академия могла совсем остаться без учеников. Хотя и без этого, как отмечает военный агент, из числа кандидатов не принимались «по слабости знаний» от 20 до 50 % [12, л. 23 об., 26 об.]. Как итог, при таком условии огромная часть времени отводилась на самое обыкновенное общее образование[5], что существенно сокращало время для специального военного обучения.

---

[4] Офицеры данной части в системе вооруженных сил США вследствие отсутствия в тот период в стране Министерства путей сообщения использовались для ведения работ по улучшению рек и гаваней, а также для топографических съемок [11, л. 36–37 об.].

[5] Тем не менее в академии сам английский язык не изучался, а только французский и испанский [12, л. 46 об., 47 об.].

В то же время Вест-Поинт обладал и рядом положительных моментов, высоко характеризовавших академию с военной стороны. Так, по словам А.П. Горлова, здесь были достигнуты огромные успехи в дисциплине кадетов, оставляющей в них навсегда свой отпечаток: «Сдержанность и умеренность в разговорах и в движениях... охотное и даже ревностное исполнение всех служебных обязанностей... поражает посетителя, лишь только он вступает в пределы академии», – подчеркивает военный агент [12, л. 26 об.]. Вместе с этим со стороны А.П. Горлова высокой оценки были удостоены практические занятия. Так, строевые учения, производившиеся с большой строгостью и отчетливостью, достигали хороших успехов: «молодцеватый вид кадетов, правильность их стойки, отчетливость ружейных приемов, спокойствие в рядах, отчетливость и старательность построений – по истине замечательны...» [12, л. 47 об. – 48][6]. Аналогично была оценена и верховая езда: «правильность посадки, смелость и свобода движений аллюрами... лихость скачки через барьеры положительно замечательны» [12, л. 48].

Таким образом, как указывает А.П. Горлов, Вест-Поинтская академия «может быть рассматриваема как одна из высших гражданских школ в Америке», которая несмотря на «непривлекательность и неблагодарность военной службы в республике... положительна, должна быть признана удовлетворяющей потребностям США... предохраненным географическими условиями» от столкновений с Европой, и для которых корпуса офицеров, получивших образование в академии, было достаточно для борьбы с «дикими индейцами или с недисциплинированными и дурно вооруженными полудикими сборищами, составляющими Мексиканскую армию» [12, л. 24–24 об.].

Другим ключевым донесением А.П. Горлова, представленным в ГШ 11 апреля 1873 г., является его *«Краткое описание экспедиции против индейского племени Модок»*, посвященное т.н. «Модокской войне» между армией США и одноименным индейским племенем в штатах Калифорния и Орегон с июля 1871 по июнь 1872 г.

[6] Как отмечает А.П. Горлов, еще в 1871 г. академию посетили Великий князь Алексей Александрович и его генерал-адъютант К.Н. Посьет, которые были впечатлены произведенными по этому случаю батальонными учениями [12, л. 48 об.]. Подробнее о данной поездке см.: ГАРФ. Оп. 1. Д. 1011.

Как указывает А.П. Горлов, данные, по которым было составлено это описание, черпались из: официальных сведений об индейцах; сообщений в рапорте министра внутренних дел США, К. Делано (1870–1875) за 1872 г.; газетных описаний корреспондентов, сопутствовавших экспедиционный отряд; официальных и частных описаний из военного журнала «Army and Navy Journal»; официальных, как приказов о движениях разных частей отряда, сведения на счет состава и расположения войск на различных постах, так и из карты с расположением всех индейских резерваций на западе Америки [12, л. 60–60 об.]. Тем не менее в связи с тем, что данный рапорт доходит в описании экспедиции лишь до 1 апреля 1873 г.[7], а также в связи с тем, что как само племя модоков, так и отдельные сражения войны весьма подробно отображены в историографии[8], обратимся лишь к тем положениям из описания, в котором представлены личные взгляды и конкретные оценки А.П. Горлова по данному вопросу.

По мнению военного агента, индейцы племени модоков в этой войне являлись скорее потерпевшими, на чьей стороне «было право» [12, л. 72 об.]. В первую очередь это проявлялось в «неисполненных обещаниях» американского правительства начиная с 1869 г. Так, сначала модоки были переведены на юго-запад штата Орегон,

---

[7] Горлов А.П. планировал представить дополнительное описание дальнейшего хода данной экспедиции, но в связи с назначением на должность военного агента в Лондоне в июле 1873 г. и отбытием из США в ноябре [12, л. 79, 94] оно так и не было завершено. К сожалению, в фондах РГВИА так и не удалось найти продолжение этого документа. Тем не менее имеющиеся сведения были весьма полезны не только для ГШ, но и для МИДа, поскольку в нем была затронута и внутренняя политика правительства США. Как указывает военный агент в рапорте от 13 апреля 1873 г., он прочел «Краткое описание» российскому посланнику в Вашингтоне, К.Г. Катакази (1872–1875), который в свою очередь представил его в свое министерство [12, л. 80 об.].

[8] См., например: *Murray K.A.* The Modocs and their war. – Norman, 1958; *Quinn A.* Hell With the Fire Out: A History of the Modoc War. – New York, 1997; *Yenne B.* Indian Wars: The Campaign for the American West. – Chicago, 2006; *Якушенкова О.С.* От войны к дипломатии: роли индейских женщин на американском фронтире // Журнал Фронтирных Исследований. – 2017. – № 2 (6). – С. 107–199 и др.

в резервацию близкого к ним племени кламатов, которые восприняли приход первых как вторжение на свою территорию и, пользуясь численным большинством, зачастую провоцировали конфликты. В связи с этим было решено сначала переместить модоков в резервацию штата Аризона, но, «имея в виду весьма беспокойное состояние индейцев в этом штате (например, апачей. – *Авт.*)», им было назначено место южнее штата Канзаса в «индейской территории», где к тому моменту было «...помещено вместе большое число индейских племен, живущих довольно спокойно и делающих некоторые успехи в мирной цивилизации (например, чероки и чокто. – *Авт.*)» [12, л. 73–73 об.]. Но, как отмечает А.П. Горлов, «к сожалению, эти человеколюбивые виды оказалось крайне трудно выполнить...» [12, л. 74].

По сути, одной из причин враждебной настроенности модоков по отношению к американскому правительству являлось то, что данное племя в период своего передвижения с кламатской резервации «... умертвило нескольких поселенцев штата Орегон» [12, л. 75–75 об.]. И, несмотря на то, что А.П. Горлов данный факт указывает, хотя при этом и никак не оценивает его, очевидно, с негативной точки зрения по отношению к племени, именно данное событие, по мнению военного агента, явилось одним из ключевых в плане мотивации модоков к ожесточенному сопротивлению армии США.

Дело в том, что правительство Орегона заявило, что после захвата индейцев федеральными войсками первых должны были выдать их штату, который должен был судить убийц по своим законам. Такое заявление стало известным модокам и «возбудило в них глубокое недоверие» к мирным предложениям, исходимым от федерального правительства. «Зная, что убийство наказывается повешением, индейцы решились лучше погибнуть с оружием в руках, нежели на виселице, позорной... “собачьей смертью” (подчеркнуто в тексте. – *Авт.*)», – отмечает А.П. Горлов [12, л. 75 об. – 76]. Как результат этого, не единожды от модоков исходило согласие к сдаче с переводом их в новую резервацию, но, как подчеркивает военный агент, «всякий раз как приходилось исполнять это решение, непреодолимый страх охватывал их (индейцев. – *Авт.*), вой женщин разрушал эту решимость...» [12, л. 76 об.].

Одновременно А.П. Горлов фиксирует, что в роли своеобразных подстрекателей модоков выступили противодействовавшие процессу переговоров так называемые «дурные белые люди» (подчеркну-

то в тексте. – *Авт.*) – распространенные в поселениях отдаленного запада США преступники, мелкие торговцы, снабжавшие индейцев водкой и оружием, низшие гражданские «индейские агенты» и др., которые, «раздражая модоков похвалами их непобедимости, внушая... недоверие к мирным обещаниям федерального правительства... довели до крайности и без того затруднительное и сбивчивое положение» [12, л. 76–76 об.].

В заключение своего донесения военный агент подчеркивает, что социальный запрос промышленно-развитого северо-восточного американского общества к властным структурам США в урегулировании индейской проблемы (христианизации племен, введении всеобщего образования, предоставлении гражданских прав и т.п. [2, с. 28]), решением которой «американцы столь хвалятся и которую они представляют как доказательство своего превосходства над всеми другими странами мира», осуществился благодаря «принесению в жертву... несчастного племени модоков» [12, л. 78].

Вместе со столь объемными донесениями «через изобретательный и пытливый ум... русского военного эксперта» А.П. Горлова в ГШ было представлено и множество иных полезных сведений из американской военной мысли [14, с. 36].

Так, в период с 1871 по 1872 г. военный агент подготовил подробный отчет о вооруженных силах США[9], как сухопутных, так и, что более важно, морских[10]. Говоря о первых, А.П. Горлов, напри-

---

[9] Подробнее об этом см.: *Никитенко С.Д.* Донесения военного агента А.П. Горлова о вооруженных силах США в 1871–1872 гг. // Вестник гуманитарного образования. – 2024. – № 4 (36). – С. 63–69.

[10] Сбор данных сведений возлагался на отдельных военно-морских агентов (хотя стоит заметить, что к середине 1870-х гг. в России имелось всего лишь пять представителей: в Англии, Франции, Италии, Австро-Венгрии и Германии) (см.: *Емелин А.Ю.* Военно-морские агенты России: эволюция института, его задач и методов: 1856–1918: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2007. С. 14), а при отсутствии данной должности в стране эти обязанности выполнялись военными агентами. В США номинальным военно-морским агентом числился капитан 2-го ранга А.Е. Кроун (1862–1864), который в отличие от А.П. Горлова, получившего назначение на свою должность официально, аналогичного назначения от Морского министерства не удостоился, хотя спустя 13 лет в переписке он и был назван «агентом» [1, с. 241].

мер, отмечает, что их функции были весьма разнообразны – начиная от непосредственно военных задач и заканчивая исполнением чисто правоохранительных функций: гарнизонная службы в береговых крепостях, защита новых поселений на западе и юго-западе и железнодорожно-телеграфных линий, охрана индейских резерваций, преследование тайного общества Ку-Клукс-Клана и др. [11, л. 33]. В своей же отдельной *«Краткой записке об индейских племенах»*, отправленной в ГШ 2 апреля 1871 г., военный агент приходит к выводу, что строительство железных дорог к западному побережью США, позволившее быстро передавать сведения о движениях «хищнических партий индейских племен», способствовало оперативному сосредоточению войск и замене малых фортов на временные передвижные лагери вдоль железных дорог, а также содействовало сбережению расходов, «ибо содержание большого количества малых постов, удаленных от всяких путей сообщения, – стоит стране чрезвычайно дорого» [11, л. 29–29 об.].

Наконец А.П. Горловым доставлялись сведения, в которых военный агент настоятельно советовал своему Военному министерству обратиться к возможности использования опыта США в конкретных эпизодах. Так, например, в своем рапорте от 15 июля 1869 г. военный агент указывает, что турецким правительством у Америки было приобретено значительное количество устаревающего ручного огнестрельного оружия: 114 000 английских Энфилдских штуцеров калибром 0,577 д., 100 000 американских Спрингфилдских штуцеров калибром 0,58 д., а также 50 000 000 патронов калибра 58 [9, л. 1–2]. Справедливо оценив данную сделку как весьма выгодную, поскольку она принесла правительству США чуть более 10 000 000 долл., А.П. Горлов предполагает, что использование данной политики также было бы весьма полезно и в России, которая аналогичным образом могла бы продавать устаревшее вооружение странам Азии и Африки [11, л. 34 об.].

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине XIX в. уровень военной разведки России был весьма высок, поскольку ее система могла готовить высококвалифицированных профессионалов-разведчиков, способных обеспечивать ГШ многогранными сведениями о военно-экономическом потенциале других государств. Ярким подтверждением этих слов является пример дея-

тельности А.П. Горлова в качестве военного агента в Вашингтоне в 1868–1873 гг., чьи донесения дают нам представление о сложности и многогранности работы российских военных агентов и о том, насколько важна была их роль в формировании внешнеполитической стратегии Российской империи в тот период. В связи с этим справедлива оценка, данная А.П. Горлову начальником ГАУ (1862–1881) генералом Баранцовым А.А.: «Русский Военный агент в Америке... Горлов в течение последних лет... находясь в исключительном положении... энергично и старательно исполнял свои обязательства...» [13, л. 1 об.–2].

Источники и литература

1. *Алексеев М.Н.* Военная разведка в Российской империи – от Александра I до Александра II. – М., 2010.

2. *Иванов И.Ю.* Американское общество и индейская политика властей в 1877–1881 годах // Вестник Брянского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 28–31.

3. *Ильина Т.Н.* Военные агенты Российской империи // Война и оружие: новые исследования и материалы: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 12–14 мая 2010 г.). Ч. 1. – М., 2010. – С. 311–335.

4. *Ильина Т.Н.* Военный агент А.П. Горлов. Биография // Victoria. Gloria. Fama: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 9–11 сент. 2003 г.: В 4 ч. Ч. 4: Секция «История оружия и военной техники». – СПб., 2003. – С. 33–41.

5. *Ильина Т.Н.* Военный агент и вооружение // Повелители огня: Сб. ст. и материалов, посвящ. 135-летию Гл. ракет.-арт. упр. – М.; СПб., 1997. – С. 212–229.

6. *Ильина Т.Н.* «Осведомленность русских военных специалистов… была достаточно высока». Военные агенты и перевооружение русской армии в 1860–1870 гг. // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 8. – С. 30–34.

7. *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2014.

8. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 401. Оп. 2. 1868 г. Д. 71.

9. РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. 1869 г. Д. 96.

10. РГВИА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 5.

11. РГВИА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 6.

12. РГВИА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 7.

13. РГВИА. Ф. 504. Оп. 3 Д. 1317.

14. *Семенцов О.Ю.* Военно-техническое сотрудничество России и США в 1860–1870 годы / О. Ю. Семенцов // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 10. – С. 33–38.

15. *Сергеев Е.Ю., Улунян А.А.* Не подлежит оглашению: военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. – М., 2003.

S.D. Nikitenko

RUSSIAN MILITARY AGENT IN THE US A.P. GORLOV: THE HISTORY OF APPOINTMENT AND SERVICE IN 1868-1873 (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE MILITARY HISTORICAL ARCHIVE)

Annotation. The history of studying the Russian military intelligence industry against the background of the current complex international situation is more relevant than ever, including in the context of the evolution of Russia's foreign policy cooperation with Western countries and the United States. The purpose of this article is to analyze the activities of the Russian military agent in the US, A.P. Gorlov in 1868-1873. The novelty of the research lies in the introduction into scientific circulation of a wide range of previously unpublished documents from the Russian State Military Historical Archive (RGVIA). The author concludes that a detailed analysis of Gorlov's reports demonstrates both the serious level of his professionalism as a military agent and the overall high level of military intelligence of the Russian Empire in the second half of the 19th century.

Keywords: A.P. Gorlov; military agent; General Staff; intelligence; US armed forces.

УДК 94(470.41)«15/17»

Е.В. Пашина

ТЕТЮШСКИЕ МОНАСТЫРИ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.: ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ, ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ДУХОВНАЯ МИССИЯ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ роли православных монастырей как важнейшего социально-политического института Российского государства в критический период второй половины XVI – начала XVIII в. и в последующее время. На примере Тетюшских монастырей (Казанский край) исследуется выполнение ими многогранной миссии, выходящей далеко за рамки сугубо религиозных функций. На основании анализа архивных материалов делается вывод о том, что Тетюшские монастыри являлись не только духовными, но и ключевыми военно-хозяйственными пунктами, интегрированными в государственную систему служения Отечеству.

Ключевые слова: Тетюши, монастырь, Покровский монастырь, засечная черта, вотчина, крестьяне, служба.

Тетюшская округа, расположенная в Среднем Поволжье, после взятия Казани в 1552 г. стала важным форпостом русской колонизации и православной миссии. Монастыри этого региона на протяжении полутора веков выполняли не только религиозные, но и военно-стратегические, экономические и культурные функции, способствуя укреплению государственности и интеграции новых территорий и населения в состав Российского государства.

На основе немногочисленных материалов, опубликованных или же отложившихся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в виде переписных и дозорных книг, грамот, памятей, записных тетрадей, а также исследований современных историков, можно выделить ключевые аспекты деятельности монастырей Тетюшской округи в контексте служения Отечеству.

Первый – Нового Николы и Изосимы и Савватия Соловецких – монастырь на Тетюшской земле был основан в 1559 г. и просуществовал до Смутных событий начала XVII столетия. Его преемником стал Покровский монастырь – открыт в 1589 г. в районе сел

Монастырское и Ильинское. Позднее, в 1646 г., он был приписан к Московскому Новоспасскому монастырю и закрыт в первой четверти XVIII в. [2, с. 183–195; 3]. Некоторые исследователи указывают на существование в начале XVII в. Троицкого монастыря на о. Чертык, однако имеющиеся в нашем распоряжении источники, упоминают лишь о церкви во имя Живоначальной Троицы [9, с. 20].

Монастыри как центры военно-административного контроля

После падения Казанского ханства Тетюши стали важным узлом оборонительной системы Старой, а позднее и Новой Тетюшских засечных черт, защищавших юго-восточные границы России от набегов кочевников. Монастыри здесь выполняли роль вспомогательных укреплений. Уездных людей обязывали высылать с 10 дворов по человеку с «пищалями, и с саблями и со всяким боем» [1, с. 22]. В одной из опубликованных С. Мельниковым грамот имеется подтверждающая запись о том, что земледельческое население вотчины Покровского монастыря издавна несло сторожевую службу: «А будет того Тетюшского Покровского монастыря крестьяня и бобыли, преже сего исстари на Тетюшской засеке с служилыми людми стояли» [1, с. 22–24]. Призванные к черте крестьяне являлись основной рабочей силой, выполняя любую тяжелую физическую работу, состоящую в первую очередь в устройстве валов и рвов, вырубке леса для создания искусственных заграждений, а также в строительстве острогов и застав. Могли выполнять караульные и охранные обязанности отдельных звеньев черты, мелкие ремонтные работы, поддерживая сооружения в надлежащем порядке. Однако так продолжалось до 1643 г., когда по просьбе старцев Покровского монастыря Марко Воронцова и Родиона Жданова с братиею царь и великий князь Михаил Федорович избавил монастырских крестьян и бобылей от стояния на Тетюшской засеке [1, с. 22–24].

Кроме того, монастыри считались своего рода крепостями, поскольку имели укрепленную деревянную стену, вероятнее всего, в виде частокола, т.е. ограждения, состоящего из врытых в землю вертикальных тесно поставленных друг к другу бревен с заостренными вверх концами. Монастыри в случае военной угрозы становились пунктами безопасности и защиты населения: во время экстрима от воровских людей в монастырях отсиживались воеводы, дворяне, боярские дети, служилые и земские люди, а через стены монастырей

велась оборона против внешнего врага. Вплоть до начала XVIII столетия Покровский монастырь удерживал характер крепости.

Хозяйственная колонизация и интеграция земель

Монастыри Тетюшской округи стали центрами экономического освоения края:

1) сельскохозяйственная деятельность. В вотчинах Тетюшских монастырей, Никольского и Покровского, развивалось пашенное земледелие и скотоводство. Никольский монастырь владел пустошью Отары на речке Черемше, «на той пустышы пашня пахати, и сено косити, и всякими угодья владети» [1, с. 7]. Покровский монастырь в период наивысшего расцвета (середина XVII столетия) имел в собственности значительные земельные угодья общей площадью 852,9 дес.: это несколько сел, две деревни, одна слободка, пустошь, ряд полян и пашня. В этих населенных пунктах проживало более 260 чел. мужского пола [5, л. 847–853 об.; 6, л. 524–529 об.];

2) промысловое и ремесленное производство. С момента основания Покровскому монастырю было пожаловано безоброчное право ловить рыбу двумя связками в реке Волге под Тетюшами, в озерах Белое, Торопово, Подгорное, Княинка, в двух волошках: Щучья и Кривуша, и других местах [7; 8]. Впоследствии это право неоднократно лонгировалось. Как правило, в монастырях развивалось и бортничество, чему способствовало наличие богатых лесных ресурсов: «вековой черный Тетюшский лес» тянулся на 10 верст в длину и 8 поперек [4, с. 22, 71].

Говоря о ремесле, которое развивалось в монастырских подворьях, следует в первую очередь упомянуть производство продуктов и изделий первой необходимости: изготовление икон и свечей, переплетное дело, переписка книг, ткачество, изготовление одежды, фармацевтика, иконопись и роспись по дереву, а также работу для успешного осуществления сельскохозяйственной и рыболовной деятельности: обработка дерева, плотничество, кузнечное дело и т.п.

В грамоте на владение приписным Покровским Тетюшским монастырем 1647 г. перечисляется не только собственность, но и занятия жителей его вотчин, исходя из которых можно составить представление о монастырской жизни: «взять прежние переписные книги, да по тем книгам пересмотрить церкви божии, и в церквах образы, и у образов приклады, и всякую утварь, и образы местные,

и книги, и ризы, и сосуды церковные, и кадила, и паникадила, и на колокольнице колокола, и всякое церковное строенье, и в казне деньги, наши жалованные грамоты, и всякие монастырские крепости, и в монастырских житницах, и в сушилех, и в погребах всякие монастырские запасы, и погребные, и поваренные всякие суды, и на конюшнех всякие монастырские лошади, и на воловье дворе всякой монастырской скот, и в монастырских вотчинах крестьян и бобылей, и монастырской всякой хлеб в житницах молоченой, и по полем, и в гумнах стоячей, и рыбные ловли, и всякие угодья, чем они исстари к тому монастырю владели» [3, с. 109–110];

3) торговые связи. Монастыри реализовывали излишки товаров собственного производства и изготовленной продукции на местных ярмарках, а, возможно, и вывозили за пределы Тетюшского уезда, поскольку из него шли сухопутные дороги, а рядом проходил Волжский торговый путь. Известно, что Покровский монастырь имел подворье (4 двора) в г. Тетюши, необходимое в том числе и для ведения торговли и поддержания связи с органами управления [5, л. 835 об., 846 об. – 847].

Духовная миссия и культурное влияние

Монастыри играли ключевую роль в христианизации коренного населения присоединенной территории. Монахи вели проповеди среди татар и чувашей, что соответствовало государственной политике «русификации через крещение». Духовенство наверняка просвещало население не только о традициях и языке русского народа.

Православные институты являлись хранителями культурного наследия: монастырские библиотеки, хоть и небольшие, но сберегали летописи, жалованные грамоты, переписные книги или же другие документы, в большей или меньшей степени отражающие историю края. Практически каждая грамота или наказ (копия или же оригинал), направляемые из Москвы или Казани, хранилась в самих Тетюшских монастырях. Так, во многих документах встречается подобная формулировка: «А прочет сю нашу Грамату, и списав с нее список, оставили в съезжей полате в Нашей казне, и сю Нашу подлинную грамоту отдали бы есте Тетюшского Покровского монастыря старцом Марку Воронцову, да Родиону з братиею, а они ее держат у себя в монастыре впред для иных Наших Бояр и Воевод и всяких приказных людей и засечных голов» [1, с. 24].

Монастыри в системе государственного управления

Правительство активно использовало монастыри как инструмент контроля. Государство наделяло монастыри значительными земельными пожалованиями, сенными покосами, безоброчными рыбными ловлями и прочими угодьями. Получая от правительства подобные дарения, духовенство считало себя обязанным охранять интересы государства. В одной из грамот Новоспасского монастыря архимандрита Илариона с братьею строителю Тетюшского Покровского монастыря старцу Пимену о высылке в Москву людей для отдачи за монастырскую вотчину: «В нынешнем 1704 году, декабря в 27 день, по указу Великого Государя, велено с патриарших, и с архиерейских, и монастырских, и боярских вотчин, по переписным книгам 186 и 187 годов, с крестьянских, и бобылских, и с деловых, и з задворных людей взять конных даточных с пятидесят дворов по человеку» [1, с. 188–189]. Не исполнение приказа или обман каралось смертной казнью. Тетюшский монастырь наравне с другими должен был исполнить государственный наказ.

Пользуясь разными льготами, крестьянство с охотой селилось на землях монастырей. Более того, земельные пожалования монастырям являлись и созданием материальной базы для дальнейшего проведения политики христианизации.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что Тетюшские монастыри во второй половине XVI – первой четверти XVIII в. были многофункциональными центрами, сочетавшими духовное служение с военно-административными и хозяйственными задачами, ставшими неотъемлемой частью процесса становления Российского государства в Среднем Поволжье. Военно-административная миссия определялась геополитической обстановкой на юго-восточной границе. Деятельность монастырей способствовала стабилизации региона, закреплению русского народа и Московского правительства на новых землях, они служили опорными пунктами для дальнейшего продвижения вглубь Дикого поля. Монастырские власти напрямую взаимодействовали с местной воеводской администрацией, участвуя в поддержании порядка и выполнении поручений.

Хозяйственная деятельность Тетюшских монастырей, основанная в основном на земледелии и промыслах, не только обеспечивала

их автономное существование, но и имела огромное регионообразующее значение. Они становились центрами экономической жизни, вокруг которых формировалась инфраструктура и тяглое население, способствующие хозяйственному освоению края.

Духовная миссия была стержнем, скреплявшим все стороны деятельности монастырей. Институты православия являлись центрами христианизации и русификации многонационального населения региона, проводниками официальной идеологии и культуры. Они играли ключевую роль в формировании общей идентичности и легитимизации власти Московского царя на новой территории.

Подводя итог, можно утверждать, что Тетюшские монастыри являлись эффективным инструментом российской государственной политики на восточных окраинах. Их деятельность стала наглядным воплощением тесной взаимосвязи духовной, военной и экономической составляющих в процессе расширения и укрепления Отечества.

Источники и литература

1. Акты исторические и юридические, и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Т. 1. – Казань, 1859.

2. *Пашина Е.В.* Город Тетюши: военно-административное и социально-экономическое развитие в последней трети XVI – первой четверти XVIII вв.: монография. – Казань, 2024.

3. *Пашина Е.В.* Новый документ по истории Тетюшского Покровского монастыря XVII в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2023. – № 2. – С. 102–112.

4. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). – Одесса, 1882.

5. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6445.

6. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 155.

7. РГАДА. Ф. 281. Оп. 12. Д. 6463.

8. РГАДА. Ф. 281. Оп. 12. Д. 6523.

9. *Чекмарев П.А.* Есть на Волге городок… (из прошлого и настоящего города Тетюши и Тетюшского района Татарстана). – Казань, 2004.

E.V. Pashina

MONASTERIES OF THE TETYUSH DISTRICT IN THE SERVICE OF THE FATHERLAND IN THE SECOND HALF OF THE 16TH – FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURIES: MILITARY-ADMINISTRATIVE, ECONOMIC AND SPIRITUAL MISSION

Annotation. The article provides a complex analysis of the role of orthodox monasteries as the most important socio-political institution of the Russian state during the critical period of the second half of the 17th – early 18th centuries and in the following time. Using the example of the Tetyush monasteries (Kazan region), the author examines their fulfillment of a multifaceted mission that goes far beyond purely religious functions. Based on the analysis of archival materials, it is concluded that the Tetyush monasteries were not only spiritual, but also key military and economic points integrated into the state service of serving the Fatherland.

Keywords: Tetyushi, monastery, Pokrovsky monastery, zasechnaya line, fiefdom, peasants, service.

УДК 94(477.7)«9»

Е.Н. Шумилов

РУССКАЯ РЕКОНКИСТА В 940–1030-е ГОДЫ

Аннотация. Статья посвящена практически неизученной теме в отечественной историографии: Восточному государству скандинавов, возникшему в начале X в. на землях завоеванной ими Северной Руси, и процессу постепенного отвоевания (реконкисте) данной территории русами Южной Руси. На основании немногочисленных летописных сведений и достижений российской археологии автор показывает сложность и длительность процесса возвращения утраченных земель, в котором на стороне русов нередко сражались и скандинавы.

Ключевые слова: Северная Русь, скандинавы, Восточное государство, русская реконкиста.

Историю испанской реконкисты (отвоевание территории Пиренейского полуострова от мавров-мусульман христианами) мы хорошо знаем по курсу школьной программы. Однако в наших учебни-

E.V. Pashina

MONASTERIES OF THE TETYUSH DISTRICT IN THE SERVICE OF THE FATHERLAND IN THE SECOND HALF OF THE 16TH – FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURIES: MILITARY-ADMINISTRATIVE, ECONOMIC AND SPIRITUAL MISSION

Annotation. The article provides a complex analysis of the role of orthodox monasteries as the most important socio-political institution of the Russian state during the critical period of the second half of the 17th – early 18th centuries and in the following time. Using the example of the Tetyush monasteries (Kazan region), the author examines their fulfillment of a multifaceted mission that goes far beyond purely religious functions. Based on the analysis of archival materials, it is concluded that the Tetyush monasteries were not only spiritual, but also key military and economic points integrated into the state service of serving the Fatherland.

Keywords: Tetyushi, monastery, Pokrovsky monastery, zasechnaya line, fiefdom, peasants, service.

УДК 94(477.7)«9»

Е.Н. Шумилов

РУССКАЯ РЕКОНКИСТА В 940–1030-е ГОДЫ

Аннотация. Статья посвящена практически неизученной теме в отечественной историографии: Восточному государству скандинавов, возникшему в начале X в. на землях завоеванной ими Северной Руси, и процессу постепенного отвоевания (реконкисте) данной территории русами Южной Руси. На основании немногочисленных летописных сведений и достижений российской археологии автор показывает сложность и длительность процесса возвращения утраченных земель, в котором на стороне русов нередко сражались и скандинавы.

Ключевые слова: Северная Русь, скандинавы, Восточное государство, русская реконкиста.

Историю испанской реконкисты (отвоевание территории Пиренейского полуострова от мавров-мусульман христианами) мы хорошо знаем по курсу школьной программы. Однако в наших учебни-

ках нет ничего о русской реконкисте – отвоевании русских земель у захватчиков-скандинавов в 940–1030-е гг. И тем не менее данная тема, не нашедшая отражения в письменных источниках, периодически напоминает о себе в виде вновь выявляемых археологами артефактов.

В частности, это касается недавней археологической находки клада из 83 серебряных изделий X в. в Великом Новгороде. Среди найденных вещей были: арабские дирхемы IX–X вв., изготовленные из монет привески (на одной из них имеется изображение молота скандинавского бога Тора, особо почитаемого предками шведов), скандинавский крест, женские славянские украшения – лунницы и многое другое. Предварительная датировка находки – вторая половина 970-х гг. [13]. Несмотря на уникальность клада, все вещи из него имеют аналогии, обнаруженные в разных частях Восточной Европы и Скандинавии. В то же время найденные артефакты не совсем вписываются в рамки русской истории Северной Руси X в.: в них явственно прослеживается скандинавский след их владельца. Вещи из клада, очевидно, принадлежали торговцу-скандинаву, который зарыл их в минуту опасности. Что же происходило в Новгороде во второй половине X в.? Русские письменные источники ничего не сообщают об этом. Зато в скандинавских сагах много сведений о Восточном государстве скандинавов, в состав которого входили области Кэнугард, Хольмгард, Палтескья и Смалескья. То есть данная территория в X в. находилась под властью скандинавов, а точнее шведов [6, с. 40–48]. Этот факт и подтверждают найденные в Великом Новгороде артефакты.

В свою очередь отечественные археологи зафиксировали на территории Северо-Восточной Европы серьезные изменения, относящиеся к началу 920-х гг. Они были связаны с появлением здесь выходцев из восточной Швеции. Так, скандинавские артефакты выявлены на целом ряде археологических памятников X в.: Гнездово, Тимерево, в районе Ильменя, близ деревни Горожане на Псковщине и так далее, многие из которых были освоены ранее русами Рюрика. Памятники представляют собой открытые торгово-ремесленные центры, в которых проживали скандинавы – воины и торговцы, занимавшиеся зимой ремеслами, а в летний период – международной торговлей. Примечательно, что поселения не были укреплены, то

есть скандинавы не боялись нападений со стороны соседей. Найденные здесь же погребения скандинавских женщин и скандинавские женские украшения свидетельствуют о том, что скандинавы пришли сюда с семьями, предполагая обосноваться на территории Северной Руси надолго [10, с. 43–87].

Причиной гибели Северной Руси явился поход русов в 912–913 гг. на Каспий, закончившийся для них полной катастрофой и гибелью тысяч воинов [24, с. 19–24]. Ослаблением Северной Руси не преминули воспользоваться их заморские соседи-шведы. Судя по всему, они не встретили здесь серьезного сопротивления, и лишь только крепость Ладога какое-то время оказывала противоборство: по данным археологов на рубеже 920–930-х гг. она подверглась разгрому [5, с. 134–153]. То же самое произошло в 920-е гг. с единственным святилищем или административным центром в юго-восточном Приладожье [22, с. 129]. К 921 г. скандинавы уже успешно торговали в Волжской Булгарии с мусульманами (те их по традиции именовали русами), предлагая им свои товары: меха и славянских рабов, в частности девушек [18, с. 78–83]. Поэтому совсем не случайно в кладе скандинава в Великом Новгороде присутствуют женские славянские украшения: они были сняты с девушек, проданных восточным работорговцам.

Скандинавы, можно сказать, пришли на земли Северной Руси на все готовое. Незадолго до них русы Рюрика проложили торговые пути по рекам Севера, устроив фактории в местах сбора дани с финноязычных охотников, среди которых нам известны Крутик, Сарское городище, Унорож [21, 41–47]. Скандинавы в свою очередь существенно перекроили старые торговые пути, сделав их более удобными, сосредоточив свое внимание на посреднической торговле между западноевропейским Севером и Волжской Булгарией. Основной торговый путь теперь пролегал не через Ладогу, как это было ранее, а через Новгород (Хольмгард). Сам Новгород, согласно новейшим археологическим данным, был основан скандинавами на рубеже 920–930-х гг., близ старого Хольмгарда, название которого в переводе со скандинавского означает «усадьба на острове», что соответствовало его расположению [11, с. 762–782]. На новое поселение было перенесено старое название Хольмгард. В новом Хольмгарде (Новгороде), отличавшемся топкой местностью, вскоре

появились деревянные мостовые, известные ранее в Дании в IX в. в поселении Хедебю [9, с. 236].

Казалось бы, что с Северной Русью было покончено, но часть русов Рюрика еще в 880-е гг. обосновалась на землях северян (роменская культура) в районе Чернигова и Киева. Именно эта территория и явилась со временем базой для последующей реконкисты. А началом ее можно считать 945 г., когда Киев стал центром государственного образования Рюриковичей [15, с. 37]. Но этому событию предшествовали эпизоды, незафиксированые летописцем: присоединение праводнепровских земель, населенных полянами, древлянами и уличами. На Древлянской земле археологи выявили многочисленные скандинавские артефакты. Судя по всему, скандинавам удалось пробить торговый путь в Византию через земли древлян и подчинить их себе. В свою очередь русы после 941 г. пополнили свои ряды за счет варягов-наемников, среди которых было немало христиан, из южнобалтийских земель [15, с. 31]. Очень скоро между ними наметилось отчуждение, которое проявилось в том, что варяги, которых тоже стали называть русами, обосновались преимущественно в Киеве, а русы Рюриковичей – в районе Чернигова, где сохранились от них величественные языческие курганы [20, с. 44–84].

Гибель представителя власти из числа выходцев из Северной Руси князя Игоря во время повторного сбора дани с Древлянской земли заметно ослабила позиции русов. На первое место вышли варяги-наемники во главе с воеводой Свенельдом, сумевшие наказать древлян и собрать с них новую дань. Примечательно, что две трети дани поступило в Киев к воинам Свенельда, и только треть – наследнице престола, вдове князя Игоря Ольге в Вышгород [15, с. 40], что говорит о доминировании во властных структурах варягов. Присоединение западных территорий способствовало тому, что Киев перестал быть пограничным поселением, а стал безопасным столичным центром (или одним из центров) Южной Руси. Но княгине Ольге в нем явно не нашлось места: вдова князя оказалась в своеобразной изоляции в Вышгороде.

Варяги Свенельда продолжили успешную экспансию, но теперь уже в северном направлении. Этому обстоятельству способствовало отсутствие у скандинавов укрепленных поселений. Единственное сопротивление, оказанное ими и зафиксированное археологами,

было на торговом пути близ Новгорода. Южные русы уничтожили хорошо налаженную скандинавами сеть погостов от Новгорода к Балтийскому морю: Надбелье на Оредеже, Курская Гора в верховьях Луги, Которск, Передольский погост, Городец под Лугой. Примечателен факт: в одном из сожженных погостов был обнаружен ладьевидный наконечник стрелы, направленный со стороны осаждавших [8, с. 153–168]. Такие наконечники были характерны для скандинавов, что говорит о том, что и в рядах русов сражались скандинавы, возможно, перешедшие к ним на Древлянской земле или в Гнездово. Последним опорным пунктом скандинавов на Русском Севере оставалась крепость Ладога: ее взяли около 954 г. [19, с. 96–97]. Интересно, что этим же временем (955) исследователи датируют принятие христианства княгиней Ольгой [14, с. 66–75]. Она могла принять его от варягов-христиан, что позволило ей возглавить партию христиан в Киеве.

Приход Ольги к реальной власти изменил положение русов Северной Руси. Ее миролюбивая внутренняя политика привела к тому, что за короткое время русы утратили все свои завоевания на Севере. Данные археологии фиксируют в это время восстановление в районе Новгорода разрушенного торгового пути, жители Гнездово, освободившись от власти русов, в середине X в. возводят укрепления на случай нового военного конфликта [7]. Миролюбие Ольги проявилось и во внешней политике. Однако все ее попытки получить международное признание в Византии и Западной Европе окончились неудачей, так как Русь там никто серьезно не воспринимал как великое государство [2, с. 113–124].

В итоге действия княгини Ольги вызвали возмущение в рядах дружинной языческой среды Южной Руси. В 962 г. в Киеве произошел дворцовый переворот, в результате которого власть от варягов-христиан во главе с княгиней-регентшей Ольгой перешла к русам-язычникам, которые сделали ставку на ее юного сына князя Святослава [4, с. 64]. И уже в следующем году начался новый этап реконкисты. Он был вызван не столько стремлением вернуть утраченные северорусские земли, сколько недовольством успехом скандинавов в торговой области. Очередное движение на Север началось с разгрома Гнездово и уничтожения местной скандинавской элиты [12, с. 288–289]. Далее вектор экспансии сменился на северо-

восток, для того чтобы разрушить торговые связи скандинавов с волжскими булгарами. Удачный поход князя Святослава закончился основанием нового центра северо-востока – Ростова [23, с. 34–38]. Далее было присоединение Новгорода. Именно в этот период и был зарыт скандинавский клад, о котором мы упомянули ранее.

В связи с этим примечательна судьба скандинавского открытого торгово-ремесленного поселения близ деревни Горожане на Псковщине. Оно находилось на полпути из Новгорода к Полоцку и было основано в начале X в. Во второй половине X в. поселение испытало сильнейший пожар. Затем возродилось и окончательно было уничтожено в начале XI в. [23].

Итак, господство скандинавов на Русском Севере и их международная торговля были ликвидированы. Но оставались еще два скандинавских островка на северо-западе Русской земли: в Полоцке, где правил шведский князь Рогволд, и в Пскове, во главе которого стоял сын князя Владимира Святого и брат князя Ярослава Мудрого Судислав, опиравшийся на скандинавов. В ликвидации обоих княжеств приняли участие скандинавы-наемники. Полоцк был разгромлен в 980 г. объединенным русско-скандинавским войском во главе с князем Владимиром [16, с. 299–301]. Падение Пскова также не было напрямую связано с русской реконкистой, это была своего рода межскандинавская разборка. В результате торгово-ремесленное поселение на территории Пскова было сожжено в первой половине XI в. (ранее 1044 г.) [3, с. 57–58], что по времени совпадает с летописным сообщением о пленении в 1036 г. князя Судислава и посадке его в темницу [17, стб. 139]. С этого времени в Пскове полностью исчезают скандинавские артефакты. Важно также отметить, что примерно в это же время было уничтожено на Псковской земле скандинавское поселение Горожане.

Казалось бы, что со скандинавским засилием на Русском Севере покончено раз и навсегда. Но нет. Полушвед князь Ярослав Мудрый, женатый на шведке, опирался в период своего правления в Северной Руси на скандинавов и в благодарность за помощь раздавал им направо и налево северорусские земли. Так, Беломорье он уступил норвежцам, Приладожье – шведам (здесь появилось автономное Ладожское ярлство), следы господства норвежцев прослеживаются в Ростове в XI в. [25, с. 145–152]. Исправлять ошибки данной благотворительности «мудрого» князя пришлось уже его потомкам.

При сравнении испанской реконкисты с русской видно, что между ними существовала принципиальная разница. На Пиренейском полуострове велось многовековое целенаправленное изгнание мавров-мусульман, в Северной Руси действия русов, направленные против скандинавов, имели многовекторный характер. Здесь не играл большого значения религиозный и национальный аспект, а имели место личностные интересы и борьба за торговые пути с целью их контроля и получения дивидендов. Русы, как и скандинавы, принадлежали к господствующему слою общества на Руси, для которого покоренные славянские и другие племена являлись рабами и потенциальным товаром для зарубежных торговцев. При этом скандинавы нередко оказывались в противоположных лагерях и воевали между собой. В свою очередь русские князья во многом симпатизировали им и опирались на их военную силу.

Источники и литература

1. *Анпилогова А.* Наследство викингов: Какие тайны хранит загадочное поселение в Псковской области // URL: https:pskov.kp.ru... (дата обращения: 16.07.2025).

2. *Арриньон Жан-Пьер.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги // Византийский Временник. – 1986. – № 41. – С. 113–124.

3. Городское ядро средневекового Пскова. Ч. 1. – СПб., 1996.

4. *Вайнштейн О.Л.* Роль и значение нашей Родины в истории Западной Европы в средние века // Вестник Ленинградского университета. – 1950. – № 5. – С. 61–79.

5. *Григорьева Н.В.* Древнейшая Ладожская крепость: хронология и стратиграфия (по итогам раскопок у Раскатной башни) // Археологические вести. Вып. 30. – СПб., 2020. – С. 134–153.

6. *Джаксон Т. Н.* Austr í Görðum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. – М., 2001. – С. 40–48.

7. История Гнездова в период расцвета в 10 веке // URL: https://m.ok.ru› group/57096162705457/topic/67472445713201 (дата обращения: 17.07.2025).

8. *Кузьмин С.Л.* Которской погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н.э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. – М., 1991. – С. 153−168.

9. *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб., 2005.

10. *Лесман Ю.М.* Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2014. – № 5. – С. 43–87.

11. *Мусин А.Е., Тарабардина О.А.* Скандинавы среди первопоселенцев Новгорода по данным археологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2019. – Т. 64. – Вып. 2. – С. 762–782.

12. *Нефедов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. – М., 2012. – С. 270–299.

13. Новый клад X в. из раскопок в Великом Новгороде // URL: https://archaeolog.ru›en/press/articles/novyy-klad-x-v-iz (дата обращения: 17.07.2025).

14. Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. – 1963. – Вып. 37. – С. 66–75.

15. Повесть временных лет. – СПб., 2012.

16. Полное собрание русских летописей. Т. 1. – Л., 1926.

17. Полное собрание русских летописей. Т. 2. – СПб., 1908.

18. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – М.; Л., 1939.

19. *Рябинин Е.А., Черных Н.Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. – 1988. – № 1. – С. 96–97.

20. *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* Викинги между Скандинавией и Русью. – М., 2013.

21. *Фогель А.С.* Основные периоды и типы «урбанизации» в Древней Руси в VIII– XII вв. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2018. – Т. 18. – № 2. – С. 41–47.

22. *Френкель Я.В.* Стеклянные бусы Сясьского городища (раскопки 1987–1989 и 1996–1997 гг.) // Ладога и религиозное сознание. III чтения памяти Анны Мачинской. – СПб., 1997. – С. 124–130.

23. *Шумилов Е.Н.* «И иде на Оку реку и на Волгу…» (о восточном походе киевского князя Святослава Игоревича) // Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Ярославль, 25−26 февр. 2016 г. – Ярославль, 2017. – С. 34−38.

24. *Шумилов Е.Н.* Поход 912–913 годов на Каспий как причина крушения Северной Руси // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.М. Загорулько, Волгоград, 15–16 нояб. 2024 г. – Волгоград, 2024. – С. 19–24.

25. *Шумилов Е.Н.* Ярослав Мудрый и Ирина: семейно-государственная драма // Вопросы истории. – 2012. – № 11. – С. 145–152.

E.N. Shumilov

THE RUSSIAN RECONQUISTA IN THE 940S – 1030S

Annotation. The article is devoted to an almost unexplored topic in Russian historiography: The Eastern state of the Scandinavians, which arose at the beginning of the 10th century on the lands of Northern Russia conquered by them, and the process of gradual reconquest (reconquest) of this territory by the Rus of Southern Russia. Based on the few chronicles and achievements of Russian archeology, the author shows the complexity and duration of the process of regaining lost lands, in which the Scandinavians often fought on the side of the Rus.

Keywords: Northern Russia, Scandinavians, Eastern state, Russian Reconquista.

УДК 94(571)

А.В. Грачев

1-Я СИБИРСКАЯ КАЗАЧЬЯ ЗАПАСНАЯ СОТНЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена 1-й Сибирской казачьей запасной сотне, сформированной в годы Первой мировой войны. На основе изучения архивных документов Сибирского казачьего войска, эмигрантской казачьей публицистики и современной исторической литературы определены основные задачи, стоящие перед сотней, изменение мест дислокации, численность офицеров и казаков, состояние внутренней организации и готовность к службе.

Ключевые слова: сибирские казаки, запасная сотня, военный отдел, тыл, Первая мировая война.

В современных публикациях по истории Сибирского казачьего войска периода Первой мировой войны (И.А. Еремин, В.А. Шулдяков и др.) можно отметить явные тенденции: стремление к обзорным и общим характеристикам войска, либо к отдельным героическим эпизодам войсковой истории. По большому счету история отдельных частей войска остается вне поля зрения исследователей. В близких по тематике статьях по истории Омского военного округа историков П.А. Новикова, Р.С. Авилова, Д.О. Никулина казачьи части либо вообще не упоминаются, либо авторы касаются этой темы вскользь и в общих чертах. Между тем комплексное изучение отдельных частей Сибирского казачьего войска видится нам весьма перспективным для более глубокого исследования военной истории войска, в частности изучение запасных частей (сотен), находящихся в тылу и формирующих пополнение для казачьих полков на передовой.

По штатному составу военного времени, то есть с началом возможной войны, каждый из трех военных отделов Сибирского казачьего войска обязан был выставить по одному первоочередному полку, состоящему из шести сотен, по два льготных полка второй и третьей очереди также шестисотенного состава и по одной запасной конной сотне с отделением казачьего конского запаса. В отличие от первоочередных полков, запасные сотни в мирное время не имели никакого кадрового состава и формировались с объявлением мобилизации на определенных сборных пунктах в утвержденные сроки [2, л. 223, 225 об.]. По мобилизационному плану в каждой сотне должно было состоять 224 нижних чина, а главная задача сотен – готовить пополнение для действующих на фронте казачьих полков.

С начала мобилизации 1914 г. все три запасные сотни находились в пределах Омского военного округа. Сформированная первым военным отделом 1-я Сибирская казачья запасная сотня в сентябре 1914 г. из г. Кокчетава была переведена в г. Петропавловск на линию сибирской железной дороги [1, с. 12]. К 31 декабря 1914 г. число казаков в сотне равнялось 184: строевые – 165, нестроевые – 19, из них 19 прикомандированных. В течение января 1915 г. в сотню прибывали команды пополнения, и к 20 января общее число нижних чинов было доведено до 236 чел. [3, л. 1, 37 об.]

В 1915 г. сотня вместе с отделением конского запаса отправлена из г. Петропавловска в Московский военный округ в г. Тверь. Перевод сотни в другой округ был вызван служебной необходимостью приблизить к фронту часть запасных сотен казачьих войск, расположенных в азиатской части России [6, л. 17].

О состоянии 1-й Сибирской казачьей запасной сотни войсковое начальство могло судить исходя из копий документов, присылаемых из Твери командиром сотни – есаулом Е.А. Сыроешкиным на основании данных инспекторского осмотра, который проводили старшие офицеры 11-й пехотной запасной бригады. Так внутренняя организация сотни при инспекторском осмотре 1916 г. была оценена на «отлично», в полном порядке делопроизводство и отчетность, хотя и были отмечены незначительные отступления формального характера, связанные с ограниченностью штата сотни и переполнением ее поступающими почти из всех частей войска эвакуированными каза-

ками. В строевом отношении сотня была хорошо подготовлена, но, учитывая характер войны, когда казакам на фронте нередко приходилось сидеть в окопах «и меряться силами с коварным врагом в пешем строю» [10], умение быстро и метко стрелять стало иметь огромное значение. Поэтому казакам сотни было рекомендовано довести уровень стрельбы до высокого: «казачья пуля на немца должна наводить такой же панический ужас, как пика и шашка» [10]. Решением этой проблемы также должны были быть озабочены офицеры и станичники при отправке казаков из войска на фронт.

Проблема избытка казаков в 1-й запасной сотне усугублялась тем, что, пополняя свой состав из 2-й и 3-й запасных сотен [1, с. 12], сюда откомандировывались выздоравливающие казаки из всех Сибирских казачьих полков, в том числе с венерическими болезнями (по данным на 1915 г. в сотне 17 венерических больных: 1-го отдела – 9, 2-го отдела – 3, 3-го отдела – 5). Есаул Е.И. Сыроешкин рапортовал в войско, что «при условии пополнения из сотни 1-го, 4-го, 7-го Сибирских казачьих полков создается положение таковое, что полки эти получают более слабый состав по состоянию здоровья людей, а в особенности наполняются венериками всего войска. Нижние чины, признанные годными к отправлению в полки, нередко возвращаются снова в сотню, где обмундировываются, снаряжаются и второй раз отправление их сомнительно». По мнению Е.И. Сыроешкина, ситуацию можно было бы изменить путем распоряжения войскового начальства отправлять группами прибывших казаков из полков 2-го и 3-го отделов в соответствующие запасные сотни [4, л. 166].

С учреждением в 1915 г. в Омске 1-й и 2-й Омских школ прапорщиков пехоты, в них стали поступать казаки Сибирских запасных сотен (в том числе и из 1-й сотни) [8]. Несмотря на то что в школах не готовили кавалеристов, тем не менее за годы Первой мировой войны курс обучения окончило более ста сибирских казаков. Как правило, казаки – выпускники школ – пополняли свои же казачьи части, которые к тому же часто были задействованы на фронте как пехота [12, с. 208]. Если по штатам в сотне должно было быть 4 офицера, то по списку к январю 1917 г. в сотне состояло 19 офицеров (есаул – 1, хорунжих – 2, прапорщиков – 16) [5, л. 199 об.].

Находясь близко к фронту, 1-я Сибирская казачья запасная сотня имела возможность поучаствовать в знаменательных событиях. Так, 13 октября 1915 г. в день приезда императрицы с дочерьми в г. Тверь сотня была в составе парада при встрече членов царской семьи, о чем командир сотни докладывал в войско. В этот день все казаки вышли в строй «встретить матушку-царицу: чувство неописуемого восторга и радости овладело ими от ласкового и милостивого приветствия ее величества; громкое «ура» из казачьих грудей сопровождало медленно следовавших вдоль фронта сотни на автомобиле августейших гостей» [11]. Эта новость была зачитана во всех частях, управлениях, учреждениях, на станичных и поселковых сборах.

15 января 1916 г. из опубликованного приказа по Сибирскому казачьему войску станичники узнали о подвиге казаков 9-го Сибирского казачьего полка Н. Спиглазова и Н. Бедрина, зверски замученных немцами в сентябре 1915 г. Эта трагичная новость стала известна казакам 1-й запасной сотни. Командир сотни есаул Е.А. Сыроешкин разослал копии приказа в правительственные учреждения и начальникам частей гарнизона с приглашением принять участие в памятных мероприятиях совместно с офицерами и казаками сотни. 26 марта 1916 г. в военной церкви Твери была отслужена панихида. В мероприятии участвовали представители власти: губернатор, управляющий палатой государственных имуществ; начальники отдельных воинских частей, офицеры, а также горожане «до глубины души возмущенные злодеянием ненавистного врага». В общую папаху сотня собрала и отправила войсковому наказному атаману 68 руб. на увековечение памяти замученных казаков [9].

Во время февральско-мартовских революционных событий 1917 г., когда ситуация стала выходить из-под контроля тверских властей, 1-я Сибирская казачья запасная сотня, по мнению историка В.А. Шулдякова, возможно, получила задание не допустить толпы солдат и рабочих в Заволжскую часть города, где она сама квартировала. 2 марта 1-я Сибирская казачья запасная сотня отказалась выполнять приказ командира сотни есаула Е.А. Сыроешкина: разогнать колонну рабочих-демонстрантов. Сыроешкин не смог вынести такого позора и перед строем сотни достал револьвер и застрелился [13, с. 109]. Временно командующим сотней стал хорунжий

А.В. Бородавкин [5, л. 198 об.]. В апреле 1917 г. депутаты казачьего съезда пытались повлиять на армейское командование и вернуть сотню обратно из г. Твери в г. Петропавловск. Решение по этому вопросу было передано на заключение командующего войсками Московского военного округа, но положительного решения так и не было принято [6, л. 17]. Летом 1917 г. запасные сотни подверглись реорганизации. 1-я сотня, учитывая количество казаков, «была развернута в 1-й Сибирский казачий запасной дивизион, а 2-я и 3-я сотни – во 2-й запасный дивизион (по три сотни и одному конскому запасу в каждом дивизионе) [14, с. 8]. В приказах по Омскому военному округу 1-й запасной дивизион продолжает фигурировать как запасная сотня, где сообщается, что сотня вернулась из г. Твери в г. Петропавловск 20 ноября 1917 г. и вошла в состав войск Омского округа и Петропавловского гарнизона [7].

Таким образом, за три года службы 1-я Сибирская казачья сотня регулярно и успешно готовила пополнение для Сибирских казачьих полков, не исключая некоторых проблем с казачьей подготовкой, несовершенной системой распределения казаков, переполнением штата сотни из-за потока эвакуированных и больных. Справляясь с основной задачей – подготовкой пополнения для фронтовых частей, в условиях начавшейся Февральской революции казаки сотни не были готовы участвовать во внутренних политических конфликтах.

Источники и литература

1. *Березовский Е.П.* Сибирское войско и Великая война // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. Вып. 2. Ч. 1. – Харбин, 1941. – С. 9–15.

2. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф. 52. Оп. 2. Д. 3.

3. ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97.

4. ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 118.

5. ГИАОО. Ф. 54. Оп. 3. Д. 4.

6. ГИАОО. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 130.

7. Приказ по войскам Омского военного округа № 808 от 2 декабря 1917 г. – Омск, 1917.

8. Приказ по Сибирскому казачьему войску № 73 от 12 февраля 1916 г. – Омск, 1916.

9. Приказ по Сибирскому казачьему войску № 198 от 22 апреля 1916 г. – Омск, 1916.

10. Приказ по Сибирскому казачьему войску № 339 от 25 июля 1916 г. – Омск, 1916.

11. Приказ по Сибирскому казачьему войску № 378 от 6 ноября 1915 г. – Омск, 1915.

12. *Саблин А.Ю.* Представители войскового сословия Сибирского казачьего войска в 1-й и 2-й омских школах подготовки прапорщиков пехоты (1915–1917 гг.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. восстановлению совет. власти в Сибири (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.) – Омск, 2019. – С. 207–210.

13. *Шулдяков В.А.* «Красные казаки Сибири» братья Евгений и Владимир Полюдовы // Инновационное образование и экономика. – 2010. – № 6 (17). – С. 108–113.

14. *Шулдяков В.А.* Сибирские, енисейские, иркутские казаки в Первой мировой войне // Наука и военная безопасность. – 2016. – № 2 (5). – С. 5–1.

A.V. Grachyov

1ST SIBERIAN COSSACK RESERVE HUNDRED DURING THE FIRST WORLD WAR

Annotation. The article is devoted to the 1st Siberian Cossack Reserve Hundred, formed during the First World War. Based on the study of archival documents of the Siberian Cossack Army, émigré Cossack journalism and modern historical literature, the main tasks facing the hundred, the change of deployment locations, the number of officers and Cossacks, the state of internal organization and readiness for service are determined.

Keywords: siberian cossacks, spare hundred, Military Department, rear, World War I.

УДК 94(47)

Г.А. Кривошеенко

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВОЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ. РОЛЬ БЕЛОГО КОМАНДОВАНИЯ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ НАСИЛИЯ НАД ГРАЖДАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ И ВОЕННОПЛЕННЫМИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ 1917–1920 гг.

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли Белого движения в противодействии военным преступлениям, совершенным против гражданского населения и военнопленных в период Гражданской войны в России. Также рассматривается вопрос о реквизициях в белых армиях продовольствия. Анализируются исторические документы известных белых военачальников на юге России, таких как Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин и П.Н. Врангель. Исторические источники свидетельствуют о попытках установления контроля над действиями военнослужащих и привлечения виновных к различного рода ответственности. Подчеркивается значение соблюдения этических норм в условиях военного конфликта, направленных на гуманизацию отношений между сторонами противостояния. Автор приходит к выводу, что белое командование стремилось соблюдать принципы гуманности и справедливости, однако внутренние противоречия, слабая дисциплина в войсках, ожесточение солдат и офицеров белых, отсутствие единой власти ограничивали эффективность мер по предупреждению нарушений.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, военные преступления, реквизиции.

Начавшаяся более ста лет назад в России Гражданская война оказалась невероятно жестокой и кровавой. Как и все подобные конфликты, она не могла закончиться подписанием мирного договора, который разграничивал бы территории с последующей нормализацией дипломатических отношений. Внутренний контекст войны предполагал желание каждой стороны конфликта тотально уничтожить соперника. В связи с этим неудивительно, что именно в эти времена пышным цветом расцветают масштабные военные преступления и этнические чистки, которые носят невероятно жестокий характер. Тем не менее, несмотря на разнообразие форм рас-

правы и кажущуюся безнаказанность, нельзя сказать, что воюющие стороны не предпринимали попыток обуздать кровавые расправы подчиненных им сил.

Различные антибольшевистские формирования на юге России предпринимали в этом направлении ряд мероприятий с самого начала этого конфликта. Так, во время так называемого «Ледяного похода» командующий Добровольческой армией генерал Корнилов, по свидетельству участника похода Алексея Суворина, произнес следующую фразу: «Не берите мне этих негодяев в плен!..». Однако потом дополнил распоряжение следующим: «С ранеными мы войны не ведем!». По мнению историка В.Ж. Цветкова, при тех условиях, в которых воевала Добровольческая армия, брать пленных не имело смысла. Как правило, если пленные были отпущены, то на другой день сражались опять против белых войск [5].

Борьба с незаконной продовольственной реквизицией и расстрелами военнопленных проводилась также и в Донской армии. В октябре 1917 г. генерал Каледин подписал приказ о необходимости «сохранить в области полный порядок, оградить граждан от насилий, дать возможность беспрепятственно работать всем торгово-промышленным предприятиям и вообще обеспечить законное течение всей жизни области» [2, с. 135]. Данный приказ должен был решить ряд важных задач: способствовать поддержанию дисциплины в казачьих частях; нормализовать жизнь гражданского населения; создать устойчивое экономическое положение в казачьих землях.

Однако обострение ситуации на Дону между сторонниками и противниками советской власти, начало боевых действий вынудили белых идти на экстраординарные шаги. С октября начинается реквизиция излишков хлеба на специальных станциях. После этого несданный хлеб был реквизирован по твердым ценам и вывезен за счет владельцев на станции и пристани, а скрытые хлеба были реквизированы по половинной цене [2, с. 163–178]. В дальнейшем вопрос о реквизициях хлеба рассматривался на Совете Правительства Всевеликого Войска Донского. В середине октября было принято специальное постановление, регулирующее порядок и количество хлеба, подлежащего обязательной сдаче. Во-первых, под хлебом авторы документа понимали следующие сельскохозяйственные культуры: рожь, пшеница, просо, ячмень, овес. Учитывалась

мука, отруби, крупа, отходы производства и жмыхи. Во-вторых, от отчуждения освобождалось зерно, необходимое для прокормления производителя, его семьи и занятых в хозяйстве лиц, получающих от хозяина хлебное довольствие, а также для хозяйственных надобностей (прокормление скота). Для одного человека в месяц было предусмотрено 1,25 пуда в месяц (20,5 кг), а тем взрослым, которые занимались физическим трудом, назначалось по 1,5 пуда в месяц (24,5 кг). Кроме того, оставляется крупа в среднем по 10 золотников на душу в день (45,7 г). Для прокорма скота разрешалось оставить либо 8 фунтов овса/ячменя или же 10 фунтов кукурузы. Помимо этого, 10 % всей начисляемой потребности разрешалось оставить в хозяйстве на всякий случай. Все остальное, согласно пункту 9 настоящего закона, подлежало сдаче и оплате по твердым ценам [3, с. 96–98].

Принимались также активные меры по противодействию погромам. Так, в середине января 1918 г. в районе Гуляй-Борисовки казаки обнаружили склад фуража и продовольствия и подвергли его жестокому разграблению. По распоряжению атамана Назарова были приняты срочные меры против погромщиков, чтобы защитить местность от разорения [3, с. 74–75].

В 1918 г. были приняты Основные законы Всевеликого Войска Донского, которые предусматривали в том числе построение казаками собственного государства. Этим документом были сделаны и скромные попытки создать демократическое правовое поле, которое гарантировало бы гражданам защиту своих прав, имущества, жизни, обеспечивало неприкосновенность жилища (ст. 18) и частной собственности (ст. 20). Обыск жилого помещения мог быть только в установленном законом порядке, а за реквизированное имущество государство должно было выплатить его бывшему владельцу компенсацию [4, с. 14–15].

Чем дольше шла война, усиливалось ожесточение противоборствующих сторон. И красные, и белые усиливают агрессию в отношении своих противников. Тяжесть самосудов обрушивается на пленных. Уже к осени 1918 г. в Донской армии подобное насилие начинает принимать угрожающий характер. Власти вынуждены были принять необходимые контрмеры. Так, уже 27 сентября 1918 г. был подписан приказ, который регулировал отношение к пленным крас-

ноармейцам. В документе прямо отмечалось, что случаи насилия к пленным красным происходили в местах, где были части РККА, совершавшие грабежи казачьих хозяйств, издевавшиеся над жителями и религиозными сооружениями в населенных пунктах. Тем не менее отмечалось, что значительную часть красных сил составляют насильно мобилизованные крестьяне, которые не хотят сражаться. Поэтому приказывалось: безоружных пленных не трогать; за ранеными врагами ухаживать так же, как и за своими; мирного населения не обижать и поселений не разрушать. Пленных предписывалось препровождать в распоряжение окружных властей для наряда на работы, а также установить для них нормальное питание. Пленным объявлялось, что все они после окончания конфликта вернутся домой. При этом всем разрешалось вступать в ряды Донской армии на добровольных началах [3, с. 74–75].

Подобная работа в отношении пленных и гражданского населения проводилась также в частях Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) после объединения с Донской армией в начале января 1919 г. Так, 12 июля 1919 г. в Царицыне генерал Врангель П.Н. подписал приказ № 101, направленный на борьбу с насилием и грабежом мирного населения. Генерал требовал «от начальников всех степеней принятия самых решительных мер к искоренению этого зла. Всякая жалоба и заявление потерпевших должны быть немедленно проверены на месте, произведено по ним краткое расследование, и виновные преданы властью командира части военно-полевому суду, карающему за грабежи, разбои, убийство, изнасилование и поджоги смертной казнью» [1, с. 177].

Подобную линию продолжал также и командующий ВСЮР генерал Деникин А.И. В своем приказе от 23 января 1920 г. он отметил «недостойное поведение ВСЮР». Антон Иванович призывал солдат и офицеров белой армии «являть собой пример безукоризненной честности и рыцарского отношения к слабым», а также требовал «жестоких мер, до смертной казни включительно, против всех, творящих грабеж и насилие, и против всех попустителей, какое бы высокое положение они ни занимали» [6, с. 306–307].

Тем не менее дальнейшие военные неудачи антибольшевистских сил на юге России приводят к систематическому невыполнению подобных приказов и распоряжений. Грабежи, незаконные рек-

визиции, убийства усиливали негативное отношение к белой армии на заключительном этапе Гражданской войны. Во многом неспособность белых систематически проводить жесткую политику по поддержанию дисциплины привела их к окончательному поражению в конце 1920 г.

Источники и литература

1. *Агеева Т.Г.* Кавказская армия П.Н. Врангеля в Царицыне: Документальный очерк. – Волгоград, 2009.

2. Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920. Сб. док. В 2-х т. Т. 1: март 1917 – май 1918. – Ростов н/Д, 2017.

3. Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920. Сб. док. В 2-х т. Т. 2: май 1918 – март 1920. – Ростов н/Д, 2020.

4. *Краснов П.Н.* Всевеликое войско Донское. Деникин А.И. Белое движение… – М., 1992.

5. *Цветков В.Ж.* Лавр Георгиевич Корнилов. Часть 3 // URL: https://dk1868.ru/statii/kornilov3.htm (дата обращения: 21.07.2024).

6. *Шехтман И.Б.* Погромы Добровольческой армии на Украине: (К истории антисемитизма на Украине в 1919–1920 гг.). – Берлин, 1932.

G.A. Krivosheenko

COUNTERING WARCRIMES. THE ROLE OF THE WHITE COMMAND IN PREVENTING VIOLENCE AGAINST CIVILIANS AND PRISONERS OF WAR DURING THE CIVIL WAR IN SOUTHERN RUSSIA IN THE 1917-1920

Annotation. The article is devoted to the study of the role of the white movement in countering war crimes committed against civilians and prisoners of war during the Russian Civil War. The issue of food requisitions in the white armies is also being considered. The historical documents of famous white military leaders in the south of Russia, such as L.G. Kornilov, A.I. Denikin and P.N. Wrangel, are analyzed. Historical sources testify to attempts to establish control over the actions of military personnel and bring the perpetrators to various kinds of responsibility. The importance of observing ethical standards in a military conflict is emphasized, aimed at humanizing relations between the parties to the confrontation. The author concludes that the white command sought to respect the principles of humanity and justice, but internal contradictions, weak discipline in the troops, the brutality of white soldiers and officers, and the lack of unified authority limited the effectiveness of measures to prevent violations.

Keywords: The Civil War in Russia, the White Movement, war crimes, requisitions.

УДК 94(470)«1904/1905»

А.Н. Кудрявцев

УРОЖЕНЦЫ ЦАРЕВОКОКШАЙСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ – КАВАЛЕРЫ ЗНАКА ОТЛИЧИЯ ВОЕННОГО ОРДЕНА (ГЕОРГИЕВСКОГО КРЕСТА) ЗА УЧАСТИЕ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 гг.

Аннотация. В статье определена проблема участия уроженцев Царевококшайского уезда Казанской губернии в русско-японской войне 1904–1905 гг. Особое внимание уделяется награжденным Знаком отличия Военного ордена (Георгиевского креста) за проявленное мужество и отвагу. Анализируются данные о военнослужащих в регионе, их боевых действиях и роли в различных частях российской армии и флота. Работа подчеркивает текущие исследования региональной воинской истории как части общей истории войны.

Ключевые слова: русско-японская война 1904–1905 гг., Российская императорская армия, солдаты, Царевококшайский уезд Казанской губернии, Знак отличия Военного ордена (Георгиевского креста).

В ночь на 27 января (здесь и далее датировка по старому стилю. – *Авт.*) 1904 г. японский флот внезапно атаковал Тихоокеанскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде г. Порт-Артура, а днем того же дня крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» у порта Чемульпо. Так начиналась русско-японская война 1904–1905 гг.

История войны не испытывает недостатка в трудах исследователей. Практически сразу после ее завершения были написаны работы, анализирующие ошибки и недостатки, приведшие к поражению Российской империи в войне (История Русско-Японской войны в 5-ти томах, 1907; Русско-японская война 1904–1905 гг. в 9-ти томах, 1910 и др.). В них преимущественно представлен общий ход боевых действий. Много исследований посвящено участию Российского флота в боевых действиях на море, в том числе отдельным кораблям.

Однако малоизученными остаются вопросы, связанные с аспектами войны на региональном уровне, такие как деятельность военных, гражданских властей, органов местного самоуправления в мобилизационных процессах, помощи семействам нижних чинов

участников боевых действий. Еще меньше внимания уделено участию уроженцев тех или иных территорий страны в войне, историям их подвигов и мужеству на фронтах.

В данной статье пойдет речь об уроженцах уезда, награжденных Знаком отличия Военного ордена (с 1913 г. – Георгиевский крест) за участие в русско-японской войне. Цель – определить наиболее перспективные направления для дальнейшей работы, для написания как можно более полной летописи воинской славы уроженцев как уезда, так и жителей Марийского края в целом.

В фондах музея истории г. Йошкар-Олы хранится фотография, на которой среди служащих Царевококшайской уездной земской управы в 1913 г. запечатлены награжденные Георгиевским крестом. Во многом эта фотография подтолкнула автора к изучению данной темы.

В виду того, что массовая мобилизация коснулась Царевококшайского уезда за годы войны только один раз – в декабре 1904 г. [2, л. 150–170], то вопрос активного участия в боевых действиях мобилизованных из уезда остается открытым. Но несомненным является

Фото 1. Служащие Царевококшайской уездной земской управы. 1913 г. Из фондов музея истории г. Йошкар-Олы.

участие в войне проходивших срочную и сверхсрочную службу в составе кадровых войск. Подсчет участников войны является проблемой достаточно непростой из-за сохранности фондов, но из ряда документов все-таки можно составить представление о том, в каких частях и родах войск служили царевококшайцы.

В соответствии с данными от волостных правлений о погибших в русско-японской войне уроженцах Царевококшайского уезда, представленных к мемориальным мероприятиям 10-летия начала войны в 1914 г. [6], подавляющее большинство (9 из 15) составляют моряки. Семь из них погибли в Цусимском сражении, двое – при обороне Порт-Артура [1, л. 59–91].

На берег с кораблей Порт-Артурской эскадры высаживались сформированные батальоны моряков, свозились на берег и устанавливались на позициях орудия с судов с корабельными боеприпасами. Сооруженные форты и батареи моряки разбивали на сектора и за каждым из них закрепляли корабль, его обязанностью было обеспечивать свой сектор необходимым оружием. Там, где неблагоприятно складывалась обстановка, где враг теснил защитников крепости, посылались на подмогу отряды моряков.

Из выявленных на настоящее время три моряка-царевококшайца получили Знак отличия Военного ордена за оборону Порт-Артура:

– Богданов Сергей, 4-й степени № 177998, эскадренный броненосец «Севастополь», кочегарный квартирмейстер 2-й статьи, за отличие, оказанное во время военных действий с Японией, а именно 27 января 1904 г. при защите крепости Порт-Артур;

– Кондратьев Николай, 4-й степени № 177686, эскадренный броненосец «Победа», кочегар 1-й статьи, за отличие, оказанное во время военных действий с Японией, а именно 19 декабря 1904 г. при защите крепости Порт-Артур;

– Толстов Иван, 4-й степени № 202969, эскадренный броненосец «Ретвизан», минер, за отличие, оказанное во время военных действий с Японией 18 декабря 1904 г. при защите крепости Порт-Артур.

Два земляка были награждены за проявленные отвагу и мужество в трагическом для отечественного флота Цусимском бою 14 мая 1905 г.:

– Бочкарев Петр, 4-й степени № 180845, транспорт «Анадырь», стрелковый инструктор, за отличие, оказанное 14 мая 1905 г. в минувшую войну с Японией. Судно смогло выйти из боя;

– Медведков Григорий, 4-й степени № 179327, броненосец «Адмирал Ушаков», гальванер, за отличие, оказанное во время военных действий с Японией, а именно 14–15 мая 1905 г. Судно затонуло, выжившие взяты в плен. По возвращении из плена все кондукторы, унтер-офицеры и матросы «Адмирала Ушакова» за коллективный подвиг в бою с превосходящими силами противника получили Знак отличия Военного ордена. При этом 298 чел. наградили крестами 4-й, а 27 наиболее отличившихся – сразу 3-й степени [3, с. 226].

Из состава сухопутных подразделений на настоящий момент наибольшее число награждений выявлено в составе 26-й артиллерийской бригады. Здесь хотелось бы остановиться подробнее на том, что некоторые из награжденных продолжили свой ратный путь и на фронтах Первой мировой войны. Наиболее яркой представляется персона Иванова Алексея Яковлевича, уроженца д. Чкарино Ронгинской волости (ныне Советского района Республики Марий Эл), впоследствии полного кавалера Георгиевского креста. В январе

Фото 2. А.Я. Иванов. Из семейного архива

Фото 3. А.Я. Иванов с семьей. Из семейного архива

1901 г. по жребию он был направлен в 26-ю артиллерийскую бригаду, к октябрю 1903 г. – старший фейерверкер 6-й батареи. Знак отличия Военного ордена 4-й степени за № 139295 получил за то, что в бою 14 февраля 1905 г. по своей инициативе вместе с товарищами на руках переместил два орудия, чем спас их от подбития неприятельскими снарядами. После войны остался на сверхсрочную службу и уже в годы войны получил еще три Георгиевских креста (1-й степени № 63 за то, что 15–25 февраля 1915 г. под сильным артиллерийским и ружейным огнем противника с явной опасностью для жизни неоднократно доставлял на позицию зарядные ящики с патронами, когда в них была чрезвычайная надобность; 2-й степени № 385 за выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения против неприятеля в боях с 28 августа по 1 декабря 1914 г.) [4, с. 151]. Уволен со службы в декабре 1917 г. ввиду демобилизации.

Инягин Николай Семенович, уроженец д. Березово Вараксинской волости (ныне в составе г. Йошкар-Олы), старший фейерверкер 3-й батареи, Знак отличия Военного ордена 4-й степени № 137715 получил за мужество и храбрость, оказанные им в боях против японцев 8–25 февраля 1905 г. С началом Первой мировой войны мобилизован из запаса в состав 127-й артиллерийской бригады, где заслужил Георгиевский крест 3-й степени № 142821 за отличие в бою 10 июня 1916 г. [4, с. 167]. В целом из состава бригады 154 нижних чина были награждены Знаком отличия Военного ордена 4-й степени, из них: в 3-й батарее – 17, в 4-й – 17, в 5-й – 11, в 6-й – 37, в 7-й – 44, в 8-й – 28. Одним из двоих солдат, награжденных крестами как 4-й, так и 3-й степени, был и царевококшаец Архип Мордальев [5, с. 53].

Подытоживая, можно сказать, что период начала прошлого века до кануна Первой мировой войны в региональной истории содержит еще множество открытых тем, ждущих своих исследователей. Подвиги солдат русско-японской войны, как предвестницы мировой; судьбы героев и их семейств остаются в целом белым пятном в отечественной региональной научно-просветительской деятельности, историографии.

Источники и литература

1. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. 18. Оп. 1. Д. 932.

2. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 56.

3. *Грибовский В.Ю., Черников И.И.* Броненосец «Адмирал Ушаков». – СПб., 1996.

4. Марийский край в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Т. I. Царевококшайский уезд Казанской губернии / сост. А.Н. Кудрявцев, А.В. Соколов. – Йошкар-Ола, 2018.

5. *Пожерский О.* 26-ая артиллерийская бригада в войну с Японией в 1904–05 гг. – Гродно, 1910.

6. Увековечение памяти воинов, погибших в войну с Японией в приходских церквях на местах их Родины. – СПб., 1914.

A.N. Kudryavtsev

NATIVES OF THE TZAREVOKOKSHAISK UEZD OF THE KAZAN PROVINCE AWARDED BY INSIGNIA OF THE MILITARY ORDER (ST. GEORGE CROSS) FOR RUSSO-JAPANESE WAR

Annotation. The article defines the problem of the participation of natives of the Tsarevokokshaysky district of the Kazan province in the Russian-Japanese war of 1904–1905. Special attention is paid to those awarded the Insignia of the Military Order (St. George's Cross) for their courage and bravery. The data on military personnel in the region, their combat operations and roles in various parts of the Russian army and navy are analyzed. The work highlights current research on regional military history as part of the overall history of the war.

Keywords: Russo-Japanese War, Russian imperial army, soldiers of war, Tzarevokokshaisk uezd of Kazan province, Insignia of the Military Order (St. George Cross).

УДК 93(355.402)

В.А. Кузьмин,
М.В. Махновская

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОГО РЕЗИДЕНТА ПОДПОЛКОВНИКА ТАТАРИНОВА А.А. В БОЛГАРИИ В 1914–1916 гг.

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности военного резидента подполковника Татаринова А.А. в Болгарии в 1914–1916 гг. Рассмотрены основные направления организации негласного сбора сведений военным разведчиком на территории Болгарии: вербовка информаторов и наблюдение за военными перевозками. Отмечена ограниченность эффективности агентурной сети, созданной А.А. Татариновым, вследствие реализации болгарским царем Фердинандом I Кобургом курса антироссийской политики.

Ключевые слова: военная разведка, А.А. Татаринов, Балканы, Болгария, Тройственный союз.

Балканы в литературе, посвященной военной истории, геополитике и дипломатии, получили название «пороховой погреб Европы», и это не случайно. Именно этот регион являлся одной из главных зон противостояния великих держав. Еще министр иностранных дел Российской империи А.М. Горчаков сформулировал мысль, что «Балканы – зона жизненных интересов России», и эта формула оставалась актуальной для Российской империи на рубеже XIX–XX вв. [6, с. 393]. В центре внимания Петербурга всегда были судьба проливов Босфор и Дарданеллы и положение балканских стран.

Последние десятилетия XIX в. в Российской империи балканское направление во внешней политике ушло на второй план, но с воцарением в Сербии династии Карагеогриевичей и укреплением российско-болгарских отношений в противовес Австро-Венгрии и Турции, основным противникам России в регионе, российский Генеральный штаб вновь начал всерьез рассматривать использование армий балканских государств для борьбы с ними [3, с. 9]. Однако последующие кризисы на Балканах, например, Балканские войны

1912–1913 гг., изменили военно-политическую обстановку в регионе не в пользу России. К сожалению, осознание этой трансформации в России пришло поздно.

Болгария всегда имела особое значение для России. Причинами этого являются связь исторических путей и православие. Особое внимание к Болгарии в начале XX в. со стороны военного ведомства Российской империи, которому для оценки обстановки на Балканах требовались надежные источники информации, определялось стремлением укрепиться в регионе. Однако завершившаяся катастрофой для Болгарии 2-я Балканская война заставила ее искать поддержки у Тройственного союза с последующей переориентацией политики Софии в сторону недружественного для России лагеря [3, с. 145].

В Первую мировую войну Россия входила с развитым аппаратом военной разведки. Центром разведслужб Российской империи был Отдел генерал-квартирмейстра, или сокращенно Огенквар, Главного Управления Генерального Штаба (ГУГШ). В структуру Огенквара было включено 5-е делопроизводство, которое занималось непосредственно сбором и обработкой информации. Сбором информации за границей занимались официальные военные агенты, которые являлись офицерами Огенквара, находящимися под официальным дипломатическим прикрытием. В редких случаях задействовалась нелегальная агентура под руководством Генштаба.

Официальные представители Генерального штаба собирали информации о состоянии вооруженных сил, об активизации деятельности великих держав в регионе, в некоторых случаях картографический материал региона. Как указывает историк К.К. Звонарев, после реформирования службы военных агентов в 1906 г. их особое внимание должно было быть обращено на добычу информации военно-технического характера [2, с. 105–107].

Деятельность военной разведки Российской империи в 1914–1916 гг. в Болгарии, помимо нелегальных организаций, велась двумя военными агентами. Первый из них – полковник Генерального штаба Романовский Г.Д. – до сентября 1914 г. С 17 сентября должность военного агента в Болгарии занял подполковник Генерального штаба Татаринов А.А. Он замещал этот пост вплоть до

вступления София в войну на стороне Тройственного союза. Перевод подполковника Татаринова в Румынию на должность военного агента состоялся 8 февраля 1916 г. [1, с. 129].

Основным фронтом работы подполковника Татаринова была организация разведки относительно намерений Австро-Венгрии, для чего им был завербован инженер Кралль, являвшийся председателем чешского союза в Софии. Это позволило Татаринову организовать агентурную сеть и привлечь в нее чехов, проживавших в Болгарии [1, с. 128].

Необходимо отметить, что долгое время использовать Кралля в агентурной сети Татаринову не удалось. В какой-то момент правительство Болгарии заподозрило Кралля в антиболгарской деятельности, из-за чего последний был вынужден обратиться к резиденту российской военной разведки с просьбой о ходатайстве перед официальным представительством империи о выдаче ему российского паспорта, чтобы покинуть Болгарию и продолжать вести свою деятельность в пользу России в другой стране. Однако А.А. Татаринов по какой-то причине этого не сделал, из-за чего Кралль вынужден был переехать в Румынию и поступить на службу к военному агенту России в этой стране полковнику Семенову Б. [1, с. 128].

Другой сферой деятельности военного агента в Болгарии был сбор сведений о перевозках через ее территорию грузов для стран Тройственного союза. Так, например, А.А. Татаринов докладывал: «Несмотря на заверения правительства, имею положительные данные, что пропуск германских военных грузов, воинских чинов, сахара и муки в Турцию продолжается, установил наблюдение за всеми проходящими через границу поездами и приказал записывать номера вагонов» [4, л. 98]. Посредством приобретенной агентуры было установлено, что из Румынии в Рущук 30 октября 1914 г. прибыло 200 ящиков золота, которые под надзором немецких солдат через границу Болгарии были доставлены в Константинополь [4, л. 100]. Примечательно, что транспортировавшиеся в интересах Тройственного союза через территорию Болгарии грузы в сопроводительных документах именовались как «машинные части» [1, с. 129]. Такого рода официальные бумаги, полученные агентурным путем, направлялись в Главное управление Генерального штаба [5, л. 5].

Резидентом проводился сбор сведений о вооружении болгарской армии. Благодаря агентурной сети подполковник Татаринов узнал, что «в Оршове отправки в Болгарию ожидали 200 тыс. артснарядов из прошлогоднего заказа у Эрхардта, 12 тыс. винтовок, 75 тыс. лопат и кирок, партия телефонных аппаратов и кабеля. Также ожидалось прибытие в Оршову еще 25 тыс. винтовок и 120 тыс. пар сапог, медицинских материалов. Для их перевозки болгарским правительством была оформлена, вероятно, фиктивно, покупка двух венгерских пароходов» [3, с. 306].

Не обладая обширными агентурными возможностями, А.А. Татаринов отслеживал неприятельскую деятельность в Македонии. Во главу угла в деятельности агентуры военного агента в Македонии ставились попытки противостоять подрывной деятельности четнических организаций и проводимых ими операций и диверсий. В этом ему противостояли заинтересованные в проведении четнических диверсий агенты разведслужб Австро-Венгрии [3, с. 311].

Деятельность военного агента в Болгарии этим не ограничилась. Усилия русского резидента также были направлены на оказание содействия по созданию разведывательной организации Генерального штаба. В сентябре 1914 г. руководство Департамента полиции приняло решение об отказе от дальнейшего сотрудничества с осведомителем Шварцем, который в первые месяцы войны оказывал большую помощь полковнику Романовскому, занимавшему должность военного агента в Болгарии до назначения на эту должность Татаринова. Историк В.Б. Каширин отмечает, что это было очень несвоевременное решение, поскольку визави российской разведки – румыны и немцы – укреплялись в Болгарии, аккумулируя представлявшие интерес для сбора ценных сведений контакты, а увольнение подчиненных Шварца могло заставить последних предложить свои услуги противникам России. Татаринов ходатайствовал перед Огенкваром о восстановлении деятельности агентуры Шварца [3, с. 129].

По денежному отчету за 1915 г. агентурная сеть А.А. Татаринова насчитывала 48 чел., выполнявших различные задачи. Расходы на поддержание сети за четыре месяца составили 163 347 болгарских левов [2, с. 146–147].

Но, к глубочайшему сожалению, наличие обширной агентурной сети не повлияло на результаты работы военного агента, а добываемые им сведения далеко не всегда объективно отражали развитие обстановки в стране пребывания. Во многом добываемые подполковником Татариновым сведения о критическом положении болгарского правительства после объявления мобилизации оказались не соответствующими действительности. Правительству болгарского Фердинанда I Кобурга хватало административного и репрессивного ресурса для очистки рядов кадрового военного руководства и мобилизованного личного состава от выражавших симпатии России, что значительно сокращало возможности для обретения информаторов. Уже с момента вступления Болгарии в войну на стороне стран Тройственного союза подполковник Генерального штаба Татаринов А.А. был переведен в Румынию на службу военным агентом.

Источники и литература

1. *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. III, часть первая. – М., 2001.

2. *Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Т. II. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. – М., 1931.

3. *Каширин В.Б.* Русская военная разведка на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1915 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2006.

4. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив) Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3084.

5. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3085.

6. *Рыбаченок И.С.* Политика России на Балканах на рубеже XIX–XX веков: цели, задачи и методы // Труды Института российской истории РАН. – 2010. – № 9. – С. 393–425.

V.A. Kuzmin,
M. V. Makhnovskaya

ACTIVITIES OF MILITARY RESIDENT LIEUTENANT COLONEL A.A. TATARINOV IN BULGARIA IN 1914–1916

Annotation. The article is devoted to the review of the activities of the military resident Lieutenant Colonel A.A. Tatarinov in Bulgaria in 1914–1916. The main directions of organizing the secret collection of information by a military

intelligence officer in Bulgaria are considered: the recruitment of informants and the monitoring of military transportation. The limited effectiveness of the agent network created by A.A. Tatarinov was noted due to the implementation of the anti-Russian policy by the Bulgarian tsar Ferdinand I Coburg.

Keywords: military intelligence, A.A. Tatarinov, the Balkans, Bulgaria, the Triple Alliance.

УДК 94.47

М.В. Оськин

КРЕПОСТЬ ПЕРЕМЫШЛЬ В 1915 г.: ПРОТИВОБОРСТВО НА СТЫКЕ ДВУХ ИМПЕРИЙ

Аннотация. В кампании 1915 г. австрийская крепость Перемышль, являвшаяся оплотом австро-венгерской государственности в Галиции, дважды перешла из рук в руки. В начале марта крепость сдалась русским войскам после почти полугодовой осады, так и не получив помощи и будучи вынуждена к капитуляции вследствие нехватки продовольствия. Трофеями русских стали более 100 тыс. пленных – последняя крупная победа русского оружия в 1915 г. В конце мая, то есть менее чем через три месяца, австро-германцы отбили Перемышль, взяв его в ходе постепенного кровопролитного штурма и тем самым вернув его под власть австрийской короны.

Ключевые слова: крепость Перемышль, Блокадная армия, генерал Селиванов, осада, капитуляция, артиллерийский штурм.

Перед Первой мировой войной австро-венгерская крепостная система на восточной границе включала в себя ряд укреплений, по большей мере так называемых фортов-застав устарелого типа. Предстоящая война мыслилась Генеральным штабом Австро-Венгрии как наступательная, поэтому приоритет в финансировании принадлежал крепостям, называемым «первоклассными», то есть таким, что смогли бы выдержать длительную осаду. Таких крепостей было две – столица австрийской Польши Краков и галицийский Перемышль, запиравший собой выход из Восточной Галиции к Карпатам и Южной Польше.

Располагавшийся в 60 км от русской границы городок Перемышль находился внутри крепостного обвода, полностью входя в кре-

intelligence officer in Bulgaria are considered: the recruitment of informants and the monitoring of military transportation. The limited effectiveness of the agent network created by A.A. Tatarinov was noted due to the implementation of the anti-Russian policy by the Bulgarian tsar Ferdinand I Coburg.

Keywords: military intelligence, A.A. Tatarinov, the Balkans, Bulgaria, the Triple Alliance.

УДК 94.47

М.В. Оськин

КРЕПОСТЬ ПЕРЕМЫШЛЬ В 1915 г.: ПРОТИВОБОРСТВО НА СТЫКЕ ДВУХ ИМПЕРИЙ

Аннотация. В кампании 1915 г. австрийская крепость Перемышль, являвшаяся оплотом австро-венгерской государственности в Галиции, дважды перешла из рук в руки. В начале марта крепость сдалась русским войскам после почти полугодовой осады, так и не получив помощи и будучи вынуждена к капитуляции вследствие нехватки продовольствия. Трофеями русских стали более 100 тыс. пленных – последняя крупная победа русского оружия в 1915 г. В конце мая, то есть менее чем через три месяца, австро-германцы отбили Перемышль, взяв его в ходе постепенного кровопролитного штурма и тем самым вернув его под власть австрийской короны.

Ключевые слова: крепость Перемышль, Блокадная армия, генерал Селиванов, осада, капитуляция, артиллерийский штурм.

Перед Первой мировой войной австро-венгерская крепостная система на восточной границе включала в себя ряд укреплений, по большей мере так называемых фортов-застав устарелого типа. Предстоящая война мыслилась Генеральным штабом Австро-Венгрии как наступательная, поэтому приоритет в финансировании принадлежал крепостям, называемым «первоклассными», то есть таким, что смогли бы выдержать длительную осаду. Таких крепостей было две – столица австрийской Польши Краков и галицийский Перемышль, запиравший собой выход из Восточной Галиции к Карпатам и Южной Польше.

Располагавшийся в 60 км от русской границы городок Перемышль находился внутри крепостного обвода, полностью входя в кре-

постную систему. Русская разведка отмечала, что «город Перемышль незначителен; гражданское население не достигает 30 000 чел. и, таким образом, крепость имеет ясно выраженный военный характер» [15, л. 17 об.]. Характерно, что город был расположен в глубине крепостных укреплений и потому в период русской осады никак не испытал на себе воздействие осадной артиллерии. Крепость имела более 1000 орудий, в основном устарелых, но опиравшихся на сильный фортовой пояс кругового характера обороны. То есть крепость была готова к длительной блокаде и (или) осаде [18, с. 93].

Первая осада и неудачный штурм Перемышля русскими войсками произошли по окончании Галицийской битвы августа 1914 г., в ходе которой австрийцы потерпели поражение и отступили к Карпатам. Пятидневный штурм 22–27 сентября был успешно отбит австрийцами, так как у русских отсутствовала тяжелая осадная артиллерия, после чего гарнизон был усилен до 120 тыс. чел. По итогам Варшавско-Ивангородской операции австрийцы были отброшены в Карпаты и 1 ноября русская 11-я (Осадная) армия А.Н. Селиванова полностью блокировала крепость.

Важной составной частью Карпатской операции зимы 1915 г. было намерение австро-германского командования деблокировать Перемышль. Поэтому русская 8-я армия А.А. Брусилова крепко стояла на карпатских перевалах, сознавая, что в ближайшем тылу окружена неприятельская крепость, которая, в случае ее сдачи, станет ценнейшим призом. Неверная оценка численности австрийского гарнизона побудила русских считать его не более чем в 40 тыс. чел., вследствие чего Осадная армия А.Н. Селиванова насчитывала всего 65 тыс. чел. Русские осаждающие войска, сами того не подозревая, вдвое уступали противнику в численности, но тем не менее постепенно теснили их вглубь крепостной обороны.

В течение ноября – декабря гарнизон крепости произвел несколько крупных вылазок, имевших целью деблокаду Перемышля, но все они были отбиты со значительным уроном для атакующих. После этого дух защитников Перемышля стал резко падать, на что огромное влияние оказывала и нехватка продовольствия, так как запасов не хватало, ибо гарнизон был переполнен людьми, а основной частью рациона гарнизона стала конина: «Из 21 000 лошадей внутри крепости 10 000 были забиты на Рождество и Новый год,

а еще 3500 последовали в середине января 1915 года» [19]. По подсчетам русских, во время осады австрийцами было убито и съедено 16 336 лошадей [9, л. 86 об.].

6 марта австро-венгерским командованием крепости Перемышль была предпринята последняя вылазка группой в 15 тыс. чел., которая была легко отбита русскими, после чего комендант Перемышля Г. Кусманек фон Бургнойштэдтен решился приступить к переговорам о сдаче крепости. Утром 9 марта австрийских переговорщиков принял командарм-11, заявивший: «Никаких условий, безусловная сдача, подчинение нашей воле, иначе горе побежденным». Интересные воспоминания о первых днях после сдачи Перемышля оставил Евгений Александрович Елачич – уполномоченный Главного комитета Земсоюза, который должен был «взять на себя довольствие голодающим гражданского населения города». Он пишет, что А.Н. Селиванов с парламентерами «держал себя очень резко, почти грубо, сразу отверг всякие разговоры об условиях сдачи, требуя немедленной и безусловной сдачи крепости». Селиванов потребовал сказать, сколько будет пленных, те замялись, но Селиванов одернул их – «Я же должен знать, сколько ртов мне придется с завтрашнего дня кормить». И названная цифра в 125 тыс. гарнизона и 12 тыс. гражданских всех ошеломила, и даже в Ставке Верховного командования, куда немедленно пошла телеграмма с указанной цифрой, этому первоначально не хотели верить. Елачич справедливо заметил – «было от чего задним числом прийти в ужас и от чего сейчас прийти в восторг. Успех превосходил все самые пылкие ожидания» [6, л. 4, 8–9].

В Перемышле были освобождены 309 русских пленных, а трофеями стали 9 генералов, 2875 офицеров, 113 831 солдат, в том числе 19,5 тыс. раненых [12, с. 7]. Русское начальство оказалось не готово к такому количеству пленных – вдвое превосходивших по численности войска 11-й армии. И потому первоначально войска обложения даже не вошли в город, а только – Оренбургская казачья дивизия М.Г. Михеева и 1-й Уральский казачий полк Г.К. Бородина (вскоре назначенного комендантом самого городка Перемышль). Нехватка войск позволила части потенциальных пленных разбежаться. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванов докладывал, что «занятие Перемышля нами состоялось при таких

обстоятельствах, которые позволили в течение первых двух дней тысячам австрийских военных чинов переодеться в костюмы граждан, разойтись по городу и его окрестностям, что и имело место» [16, л. 17].

В ночь на 10 марта автомобильная колонна Земсоюза вошла в город, и Елачич с десятком спутников посетил главное городское кафе, забитое австрийскими офицерами. Елачич пишет, что австрийцы были при оружии, болтали, пили кофе, смеялись, играли в бильярд: «Я вглядывался в лица окружающих нас офицеров. Ни тени удрученности, горя, стыда, всех тех чувств, которые можно было бы ожидать у офицеров сдавшейся крепости, да еще крепости такого значения. На нас смотрели с любопытством, но с приличием воспитанных людей. На нас не пялили глаз, на нас не смотрели с ненавистью, страхом или как иначе. На нас смотрели совсем так же, как в любом городе смотрят на иностранцев, которые по одежде своей резко выделяются от местных жителей и ясно обнаруживаются именно как чужеземцы». Тем не менее австрийцами были взорваны практически все орудия (русским достались исправными только 46 орудий из 938), автомобили приведены в полную негодность, а венгерские кавалеристы перебили своих лошадей – Елачич говорит о целом поле, заваленном конскими трупами. Уцелела лишь молочная ферма самого коменданта Кусманека – стадо коров-континенталок в 50 голов, молоко от которых пошло в госпитали и детские приюты [6, л. 13–14, 21].

Пленные австрийцы стали спешно отправляться вглубь России, экономике которой требовались рабочие руки. Уже 13 марта в Совете министров был обсужден возбужденный министром земледелия А.В. Кривошеиным вопрос «о желательности немедленного формирования из военнопленных, взятых в Перемышле, по пути их эвакуации в Киев и Курск, партий рабочих для сельскохозяйственных работ». Совмин поддержал эти предложения, признав их «целесообразными и подлежащими осуществлению» [10, л. 32]. Приказ Н.И. Иванова от 10 марта требовал эвакуацию пленных произвести в две недели, отправляя ежедневно походным порядком тремя дорогами на Львов по 10 тыс. чел. [17, л. 71]. На месте австрийцам оказывалась продовольственная и медицинская помощь. Телеграмма Верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца

А.П. Ольденбургского царю 13 марта показывала, что Перемышль в санитарном отношении вполне благополучен. Развитие холеры (около 2 тыс. больных) «было совершенно пресечено благодаря широкому применению прививок» [4, л. 2].

Падение Перемышля стало последним крупным успехом русских в кампании 1915 г., вследствие чего данное событие широко рекламировалось в прессе [13, с. 319–329], а по всей стране служили благодарственные молебны, о чем отчитывались губернаторы и жандармы. Например, 10 марта в Успенском кафедральном соборе Тульского кремля было отслужено благодарственное молебствие по поводу взятия Перемышля. Приказ командира 2-го ополченского корпуса В.Ф. Бандровского указывал, что «на означенное молебствие имеют прибыть в собор начальники отдельных частей и учреждений тульского гарнизона и не менее трех представителей от каждой части: один штаб-офицер и два обер-офицера, а также и все свободные от служебных нарядов гг. офицеры и классные чины. Форма одежды: парадная-походная (походный мундир при орденах)» [11, л. 42].

По настойчивому пожеланию Ставки комендантом крепости Перемышль был назначен бывший комкор-1 Л.К. Артамонов, чьи панические настроения и откровенная трусость как военачальника стали одной из причин поражения 2-й русской армии под Танненбергом в августе 1914 г. Один из офицеров Ставки писал домой, что смещенный Артамонов «валялся в ногах у Орановского [начальник штаба Северо-Западного фронта], так как [командующий фронтом] Жилинский и великий князь [Николай Николаевич] его не приняли» [5, л. 183]. Однако по настоянию Верховного главнокомандующего Артамонов был прощен императором Николаем II и отправлен в распоряжение штаба Юго-Западного фронта.

Неприятности с новым комендантом не замедлили себя ждать. Уже 15 марта Ставка телеграфировала Иванову, в чем ведении находился Перемышль, что посетивший крепость А.П. Ольденбургский доложил Главковерху, что «пленные свободно гуляют по Перемышлю, по-видимому надзора нет; офицерам сохранено оружие». Ставка требовала предупредить пленных, что ввиду слухов, что на фортах заложены фугасы, за каждый взрыв будут расстреляны 10 из старших пленных офицеров гарнизона, а при повторности –

и сам комендант Кусманек. Главковерх подытоживал: «не допуская никаких обид по отношению к гарнизону при лояльности поведения офицеров и нижних чинов, в то же время не разрешать никаких неуместных любезностей или льгот, так как противник во все время войны вел себя с нашими пленными и особенно с казаками, не по-рыцарски. Оружие должно быть сдано независимо от чина и служебного положения». В ответ Ставка получила обескураживающую телеграмму от Иванова, что это именно он разрешил еще А.Н. Селиванову возвратить коменданту и офицерам сабли, хотя сначала Селиванов настаивал на капитуляции без такого условия. Н.И. Иванов отказывался делать Артамонову выговор и считал: «должен доложить, что изменение этого распоряжения теперь не может быть произведено без подрыва авторитета власти и прочности данного слова генералом Селиванова и моего» [16, л. 2–4].

Не проводя надлежащих оборонительных работ, новый комендант рассчитывал упрочить свое положение в ходе предстоящего визита в Галицию императора Николая II, 11 апреля посетившего Перемышль. В высших штабах спохватились лишь после начала Горлицкого прорыва, когда оказалось, что не было сделано ничего. В срочном порядке 19 апреля новым комендантом был назначен инспектор артиллерии 9-го армейского корпуса С.Н. Дельвиг, который с самого момента своего назначения ревностно принялся за дело. Однако драгоценное время было потеряно, да его так и так не могло хватить, так как со времени падения Перемышля прошло всего лишь полтора месяца. Рапорт Дельвига от 27 апреля говорил о катастрофической нехватке офицерского состава в крепостной артиллерии: «Большей частью батарей, устанавливаемых на вооружении крепостного района, будут командовать фейерверкеры и даже бомбардиры… Брестская осадная бригада, составляющая основной элемент крепостной артиллерии Перемышля, имеет некомплект офицеров, доходящий до 50 %». Офицеров Генерального штаба в крепости – всего три человека [3, с. 245–246].

Горлицкий прорыв вынудил армии Юго-Западного фронта к общему отступлению, а значит, крепость Перемышль в самом скором времени должна была вновь принять бой, теперь уже за русскую сторону. В Перемышль упирались фланги 3-й (Р.Д. Радко-Дмитриев) и 8-й (А.А. Брусилов) армий. Таким образом, крепость находи-

лась на стыке отступавших русских армий, что должно было, по мысли командования, усилить этот стык и обеспечить удержание за русскими рубежа реки Сан. Однако Ставка и штаб Юго-Западного фронта долгое время не могли определить, будет ли Перемышль переведен на осадное положение. В таком случае, разумеется, крепостная артиллерия не могла быть передана 3-й и 8-й армиям. Если же крепость будет обороняема лишь до момента общего отхода, то войска могут получить эти батареи. Командарм-8 вспоминал: «то мне телеграфировали, что на Перемышль следует смотреть лишь как на участок боевого фронта, а отнюдь не как на крепость, что отвечало действительности. То мне сообщали, что Перемышль следует отстаивать и принять всевозможные меры для удержания его за нами, но не защищать его во что бы то ни стало» [2, с. 141].

30 апреля авангарды австро-германских армий подошли к передовым фортам Перемышля. Наконец-то было принято и решение Верховного главнокомандующего, так как было ясно, что осады Перемышль не выдержит. В тот же день Н.И. Иванов сообщил Брусилову и Дельвигу, что «при очищении Перемышля следует, разумеется, уничтожить все имущество, которое не может быть вывезено, что особенно важно соблюсти в отношении продовольствия, орудий и огнестрельных припасов, а группа фортов Седлиска при отходе должна быть взорвана» [3, с. 275].

При штурме Перемышля немцами применялась 420-мм мортира, прозванная в войсках «Толстая Берта», по имени супруги главы фирмы Крупп. Именно такими сверхтяжелыми для полевой артиллерии орудиями были взломаны форты Льежа. Затем, в 1916 г., эти мортиры применялись на Западном фронте в Битве за Верден. Также немцы перебросили для штурма крепости 305-мм гаубицы, которые пробивали русскую оборону у Горлице. Как вспоминал полковник 5-й артиллерийской бригады И.В. Новицкий, противник применил оригинальную тактику штурма: проводя атаку в промежуток между 10 и 11 фортами и обладая сильной артиллерией, немцы разбивали сразу два соседних форта, чтобы не было бокового огня, после чего атаковали промежуток между ними [9, л. 51].

Сдача русскими крепости Перемышль, развалины которого в ночь на 22 мая были оставлены частями 8-й армии, стала одним из заключительных актов Горлицкой оборонительной операции.

Встречные контратаки русской 4-й стрелковой дивизии А.И. Деникина и баварской дивизии генерала Кнойсля перемежались с маневрированием небольших отрядов на флангах лобового удара. Например, в ночном бою 18 мая в форте № 7 русские захватили в плен 23 офицера и 600 солдат неприятеля. Но судьбу обороны решила тяжелая артиллерия – 305-мм гаубицы [1, с. 120]. Командующий неприятельской группой – 11-й германской армией – А. фон Макензен отметил, что «взятие Перемышля – это военный подвиг, который могли совершить только воспитанные в прусском духе войска и прекрасно проявившие себя баварские части» [14, с. 231].

При обороне Перемышля, 19 мая, когда бои шли уже в самом городе, погиб Леонид Николаевич Гобято – один из выдающихся русских артиллеристов, в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. первым в мире изобретший миномет, создав его в сентябре 1904 г. в осажденном Порт-Артуре на базе корабельного минного аппарата. Командир 35-й артиллерийской бригады Гобято погиб во время боя – когда появилась опасность быть отрезанными с востока, комендант предпринял вылазку двумя полками 35-й пехотной дивизии и отбросил противника. Эту вылазку и возглавил Гобято – «это был человек, которого не могло удовлетворить сидение в тылу в роли шефа бригады. Он, подобно покойному Корнилову, всегда стремился вперед, где мог бы сам, своими руками, помогать общему делу». Гобято был ранен пулей в живот и на следующий день скончался [9, л. 45–46].

Русское командование сознавало, что удержать крепость было невозможно, да и сама по себе она значила немного, особенно в ситуации дальнейшего отступления русских армий в Галиции. Например, 21 мая командарм-4 А.Е. Эверт писал супруге: «Перемышль сдан. Положим, сам по себе он значения не имел, но сдача его не может не ударить болезненно по самолюбию… Теперь война кончится разве только в 1916 году. Для немцев война – вопрос существования, особенно для Вильгельма… Заключить какой-либо договор с Вильгельмом невозможно – это человек без совести, без чести, для которого все средства, какими бы позорными они ни были, дозволительны; немцы – это сплошь изверги» [7, л. 12об.]. Сам же А.А. Брусилов, чьи войска обороняли Перемышль, писал жене схожим образом, указывая и на причины неудачи: «Перемышль мне пе-

редали, когда его удержание было фактически невозможно, да мне и сказано было свыше, что он боевого значения никакого не имеет, ибо это уже не крепость, а разоренное гнездо, в котором ничего не было. Цена его была не тактическая, а политическая, моральная и приказано было держать его без напряжения и риска, только пока это было возможно… Но у нас другая очень большая беда (ни за что никому не говори, письмо разорви): 1) не хватает ружей, 2) мало тяжелой артиллерии, 3) главное – мало огнестрельных припасов, а без патронов и снарядов стрелять нельзя» [8, л. 79].

Таким образом, осада австрийского города-крепости Перемышль русскими войсками в октябре 1914 – марте 1915 г., более других напомнила классические осады XIX в. Ввиду отсутствия осадной артиллерии русская 11-я армия фактически вынуждалась на пассивную блокаду, по образцу Плевны 1877 г. Напротив, германские атаки на уже русский Перемышль, при поддержке могущественной тяжелой артиллерии и в условиях кризиса вооружений в России, достаточно быстро увенчались успехом и взятием крепости.

Источники и литература

1. *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. – М., 2014.

2. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. – М., 1983.

3. Горлицкая операция. Сб. док. империалистической войны. – М., 1941.

4. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 601. Оп. 1. Д. 554.

5. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 341.

6. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 332.

7. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а.

8. ГА РФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 70.

9. ГА РФ. Ф. 6247. Оп. 1. Д. 5.

10. ГАТО (Государственный архив Тульской области). Ф. 90. Оп. 1. Д. 39815.

11. ГАТО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 746.

12. Из истории Карпатской операции 1915 г. Сб. док. – СПб., 2016.

13. *Клопова М.Э.* Взятие Перемышля на страницах русской прессы. Март 1915 г. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год. – М., 2016. – С. 318–329.

14. Мир и война прусского фельдмаршала Августа фон Макензена. – М., 2020.
15. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1708.
16. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 792.
17. РГВИА. Ф. 2148. Оп. 2. Д. 5.
18. Сборник Главного управления Генерального штаба. Вып. 50. – СПб., 1913.
19. *Watson A.* The Siege of Przemyśl and the Making of Europe's Bloodlands. – New-York. 2020.

M.V. Os'kin

THE PRZEMYSL FORTRESS IN 1915: THE CONFRONTATION AT THE JUNCTION OF TWO EMPIRES

Annotation. In the 1915 campaign, the Austrian fortress of Przemysl, which was a stronghold of Austro-Hungarian statehood in Galicia, changed hands twice. In early March, the fortress surrendered to Russian troops after almost six months of siege, without receiving any help, and being forced to surrender due to food shortages. Russian Russian trophies were more than 100,000 prisoners, the last major victory of Russian weapons in 1915. At the end of May, that is, less than three months later, the Austro-Germans recaptured Przemysl, taking it in a gradual bloody assault and thereby returning it to the rule of the Austrian crown.

Keywords: Przemysl fortress, Blockade army, General Selivanov, siege, surrender, artillery assault.

УДК 94(47)08:623.76:355

Я.Д. Попов

ПЕРВЫЕ РУБЕЖИ ВОЗДУШНОЙ ЗАЩИТЫ: ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1900–1914 гг.)

Аннотация. В статье представлены события военной истории: формирование системы противовоздушной обороны в Российской империи (1900–1914 гг.). Особый интерес представляет разработка пилотируемых летательных аппаратов с возможностью их применения в военной сфере,

14. Мир и война прусского фельдмаршала Августа фон Макензена. – М., 2020.
15. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1708.
16. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 792.
17. РГВИА. Ф. 2148. Оп. 2. Д. 5.
18. Сборник Главного управления Генерального штаба. Вып. 50. – СПб., 1913.
19. *Watson A.* The Siege of Przemyśl and the Making of Europe's Bloodlands. – New-York. 2020.

M.V. Os'kin

THE PRZEMYSL FORTRESS IN 1915: THE CONFRONTATION AT THE JUNCTION OF TWO EMPIRES

Annotation. In the 1915 campaign, the Austrian fortress of Przemysl, which was a stronghold of Austro-Hungarian statehood in Galicia, changed hands twice. In early March, the fortress surrendered to Russian troops after almost six months of siege, without receiving any help, and being forced to surrender due to food shortages. Russian Russian trophies were more than 100,000 prisoners, the last major victory of Russian weapons in 1915. At the end of May, that is, less than three months later, the Austro-Germans recaptured Przemysl, taking it in a gradual bloody assault and thereby returning it to the rule of the Austrian crown.

Keywords: Przemysl fortress, Blockade army, General Selivanov, siege, surrender, artillery assault.

УДК 94(47)08:623.76:355

Я.Д. Попов

ПЕРВЫЕ РУБЕЖИ ВОЗДУШНОЙ ЗАЩИТЫ: ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1900–1914 гг.)

Аннотация. В статье представлены события военной истории: формирование системы противовоздушной обороны в Российской империи (1900–1914 гг.). Особый интерес представляет разработка пилотируемых летательных аппаратов с возможностью их применения в военной сфере,

что положило начало разработке механизмов поражения неопознанных летательных объектов военного назначения, направленных на нарушение суверенитета государства. Проведенные инженерно-конструкторские работы позволили изменить подход Русской императорской армии к борьбе с воздушными летательными аппаратами, создать проект «Правила стрельбы артиллерии русской армии», который содержал приемы и способы стрельбы по подвижным аэростатам.

Ключевые слова: воздушная защита, система противовоздушной обороны Российской императорской армии.

События военной истории XIX–XX вв. в современных сложившихся обстоятельствах представляют особый интерес для представителей разных поколений. К примеру, разработка и появление пилотируемых летательных аппаратов с возможностью их применения в военной сфере положило начало использованию мирного и свободного неба как арены для демонстрации силы и доминирования в международной гонке вооружения. Так, с начала XX в. российскими военными учеными разрабатывались различные механизмы поражения неопознанных летательных объектов военного назначения, которые могли нарушить государственную границу России.

Основной идеей для разработки оружия в сфере противовоздушной обороны начала XX в. послужил стремительный рост взятия противоборствующими странами на вооружение «свобододвижущихся» летательных аппаратов. Кроме того, к началу XX в. лидерство в воздухоплавании заняли вышеупомянутые «свобододвижущиеся» летательные аппараты, в результате применения которых возможно достижение результата: прежде всего речь идет о том, чтобы, используя большие расстояния, можно было безопасно маневрировать в воздухе.

Данный подход к использованию летательных аппаратов в первую очередь был нацелен на снижение уязвимости для наземного огня, что параллельно повышало точность и результативность бомбардировок. Уже к 1900 г. появилась необходимость и возможность пересмотреть подходы в Русской императорской армии к использованию летательных аппаратов. К примеру, потребовалось внести сведения в проект «Правила стрельбы артиллерии русской армии», где по подвижным объектам (аэростатам) описывались более обоснованно и приемы, и способы стрельбы.

В начале XX в. в Главном инженерном управлении Военного министерства высказывались различные точки зрения на наиболее эффективные способы выстраивания противовоздушной обороны: развитие авиации, развитие зенитной артиллерии (специальной артиллерии для стрельбы по воздушным целям), развитие управляемых аэростатов (дирижаблей). В итоге победила позиция о том, что приоритетным является развитие управляемых аэростатов (дирижаблей). Артиллерийский комитет Главного артиллерийского управления (Артком) в ноябре 1907 г. поддержал эту позицию, приняв решение «приступить к разработке мер борьбы с управляемыми аэростатами» [3, л. 70–71].

Работа над заявленными технологиями действительно была достаточно успешной, что, в свою очередь, заставляло потенциальных противников искать эффективные меры борьбы с ними. Деятельность военных инженеров в этом направлении приобретала все более изощренный и научный характер. Особенно значимой и новаторской для своего времени была концепция, предложенная военным инженером Н.В. Герасимовым в 1910 г. Он сформулировал принципиально новый подход: поскольку поразить быстро маневрирующий летательный аппарат прямым попаданием практически невозможно, необходимо поражать не само судно, а воздушное пространство вокруг него. По замыслу Герасимова, это можно было сделать с помощью специального снаряда, который детонировал бы в заданной точке траектории, создавая облако осколков.

Техническим воплощением этой идеи стал проект гироскопической ракеты калибра 76,2 мм. Это была не ракета в современном понимании, а, по сути, артиллерийский снаряд с реактивным ускорителем и гироскопической системой стабилизации. Гироскоп должен был стабилизировать его полет, а реактивный двигатель – придать необходимую скорость и траекторию. Однако на практике реализовать эту теоретическую идею не удалось. В ходе испытаний гироскопическая ракета показала неудовлетворительные результаты. Ее показатели дальности, точности и стабильности траектории полета серьезно уступали уже принятым на вооружение осветительным (светящимся) ракетам того же калибра, которые были проще, дешевле и надежнее.

Таким образом, сама концепция борьбы с воздушными целями через поражение объема воздуха была прорывной и впоследствии

легла в основу всей зенитной артиллерии (с применением дистанционных взрывателей). Но техническое исполнение (гироскопическая ракета), предложенное для ее реализации, в тех условиях оказалось слишком сложным и неэффективным. В результате, несмотря на перспективность исходной идеи, опыты с конкретными изделиями Герасимова были признаны неудачными и работы по этому проекту были временно прекращены [6, л. 3 об].

В начале 1910-х гг. в Российской империи, после некоторого периода застоя заявленных направлений разработки оружия, вновь проявился интерес к созданию ракетного вооружения в области противовоздушной обороны. В 1910 г. инженер Н.Н. Сытенко представил артиллерийскому ведомству проект аэроракеты, предназначенной для поражения воздушных целей – дирижаблей и аэропланов [2, с. 43]. Однако в ходе экспертной оценки Главного артиллерийского управления (ГАУ) выяснилось, что предложенная Н.Н. Сытенко конструкция обладает рядом существенных недостатков. Кроме того, сравнительные испытания показали, что ракеты уступали по дальности и точности полета уже стоявшим на вооружении русской армии 76,2 мм светящимся ракетам. В связи с этим Артиллерийский комитет (Артком) был вынужден отклонить данное изобретение [2, с. 44].

Известно, что именно генералу Е.К. Смысловскому (1912) удалось предложить достаточно новый способ стрельбы пулеметным огнем по самолетам-аэропланам. Уточним, какими же были расчеты Е.К. Смысловского в отношении определенной зоны воздушного пространства, куда входил неопознанный объект. Расчеты были следующими: для поражения летательного объекта совершенно необходимо произвести выстрелы из 8 пулеметов на протяжении 15 секунд. Если этот способ стрельбы использовать в сочетании с артиллерийской зенитной стрельбой, то успех будет обеспечен [2, с. 199].

Для проверки расчетов обстрела летательных аппаратов потребовались полигонные испытания, в процессе которых обнаружилось: своеобразное сочетание ружейных и пулеметных средств не только способствовало разграничению действий, но и выделению особых способов стрельбы по дирижаблям и аэропланам. Все описанные попытки проверки расчетов способствовали тому, что

доказательными стали действия: когда запускается дирижабль на высоту до 400 м, то исключается поражение его прорезиненной оболочки. Это практически доказано. В результате принято решение: при обстреле дирижаблей использовать способ ведения залпового огня [2, с. 211].

Путиловский завод одним из первых выступил на собрании ведущих специалистов в области артиллерии с инициативой разработки специальных зенитных орудий. Достаточно бурное обсуждение привело к принятию решения о начале разработки первых опытных образцов зенитной пушки. При назначении исполнителя указанного проекта, а им стал инженер Путиловского завода Ф.Ф. Лендер, учитывалось, что именно он за год до проведения собрания уже провел многочисленные полигонные испытания, что позволило запатентовать данное изобретение – полуавтоматический клиновый затвор к артиллерийским орудиям малого и среднего калибра [2, с. 51], который значительным образом позволял увеличить скорость выстрелов и гораздо быстрее производить перезарядку орудия [6, л. 39–44]. За основу указанного проекта была выбрана 76,2 мм артиллерийская пушка образца 1902 г., которая содержала в себе наиболее подходящие тактико-технические характеристики.

Проведенные полигонные испытания показали эффективность 76,2 мм артиллерийской пушки на высоте от 800 до 1100 м, которая отлично подходила для борьбы с низколетящими летательными аппаратами. Разработка данного оружия побудила генерала Е.К. Смысловского выступить в роли инициатора внесения изменений в проект «Правил стрельбы полевой артиллерии». Они состояли в создании особого раздела «Краткие указания о стрельбе по воздушным целям (аэропланам и дирижаблям)» [5, л 5–8]. В 1911 г. указанные правила были изданы, но только с началом Первой мировой войны в 1914 г. они поступили в войска. В Правилах стрельбы (точнее в объяснительной записке) было указано, что «для борьбы с подвижными воздушными целями необходимы вообще специальные орудия с большим вертикальным и горизонтальным обстрелом и с большой подвижностью. Однако пока нет таких орудий, полевые орудия должны, насколько возможно, принять на себя задачу борьбы с подвижными воздушными целями» [2, с. 60].

Как удалось выявить, полевая артиллерия и ее возможности были ограничены из-за несовершенства ее использования. Оно

состояло в том, что для борьбы с летательными аппаратами требовались специальные орудия, на что было указано и в пояснительной записке к отмеченным ранее Правилам стрельбы. Отметим при этом, что важными характеристиками орудий являлись: подвижность, маневренность, а также наличие дальномера, быстро и точно работающего, с помощью которого определялось расстояние до воздушной цели. Офицерская артиллерийская школа в лице офицера постоянного состава гвардии штабс-капитана В.В. Тарновского, стала разработчиком данного орудия [4, л. 6]. При этом, не получив одобрения своего изобретения со стороны Арткома, пришлось обращаться за помощью в Общество Путиловских заводов, поскольку именно они провели разработку первых опытных образцов 76,2 мм орудий.

Возникает вопрос, почему же руководство поддержало этот проект. Конечно, доводы конструктора были достаточно убедительными, при этом возникла необходимость объединить предложенные ранее идеи о производстве специальной пушки. Так появился проект под названием «оружие Тарновского–Лендера» (согласно фамилиям разработчиков). Далее можно выделить следующие этапы предварительной работы по реализации указанного проекта: это одобрение со стороны Комиссии по испытанию полевой скорострельной артиллерии, утверждение в Главном артиллерийском управлении, а затем Артиллерийским комитетом (в июне 1914 г.) на Путиловском заводе был размещен заказ на производство первой партии из 12 таких орудий [7, л. 67]. Конструкция была такова: пушка представляла собой тумбовую установку, что допускало монтаж на различных платформах: автомобильной, железнодорожной или стационарной.

Тактико-технические характеристики орудия были следующие: досягаемость по высоте работы снаряда – до 5 км; досягаемость по горизонту – до 8 км; скорострельность – 12–15 выстрелов в минуту; угол обстрела – круговой; эффективная высота поражения воздушных целей – до 4 км [4, л. 68].

Благодаря этим параметрам орудие Тарновского–Лендера стало первым в России специализированным средством противовоздушной обороны, способным эффективно бороться с авиацией и дирижаблями противника. Данная разработка ознаменовала важный

этап в эволюции противовоздушной обороны, заложив основы для дальнейшего развития зенитной артиллерии в Российской империи.

Дальнейшее изучение материалов позволило обнаружить, что первые четыре орудия под таким названием, как «3-дюймовая противоаэростатная пушка образца 1914 года Путиловского завода на автомобильной установке», специально, последовательно не только изготавливались, но и собирались, и устанавливались Русско-балтийским заводом в конце 1914 г. на пятитонных автомобилях американской марки «Уайт». Военный совет при военном министре по представлению Главного управления Генерального штаба утвердил штат «Отдельной автомобильной батареи для стрельбы по воздушному флоту» и определил следующее: «сформировать одну автомобильную батарею и содержать ее на все время настоящей войны» [3, л. 68].

Таким образом, изучение истории создания первых рубежей воздушной защиты в Российской империи показывает, что появление пилотируемых летательных аппаратов, с возможностью их применения в военной сфере, по сути, положило начало разработке и использованию средств противовоздушной обороны, способных эффективно бороться с авиацией и дирижаблями противника.

Источники и литература

1. Красная Армия в 1920-е годы. – М., 2007.

2. Противовоздушная оборона страны (1914–1995 гг.): Военно-ист. труд: Учеб. пособие по военно-ист. работе в войсках. – М., 1998.

3. РГВА (Российский Государственный Военный Архив). Ф. 1. Оп. 1. Д. 14.

4. РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279.

5. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3069.

6. РГВА. Ф. 37971. Оп. 1. Д. 2.

7. РГВА. Ф. 37977. Оп. 3. Д. 94.

Ya.D. Popov

THE FIRST FRONTIERS OF AIR DEFENSE: THE FORMATION OF THE AIR DEFENSE SYSTEM IN THE RUSSIAN EMPIRE (1900–1914)

Annotation. The article presents the events of military history: the formation of the air defense system in the Russian Empire (1900–1914). Of particular interest is the development of manned aircraft with the possibility of their use in

the military sphere, which marked the beginning of the development of mechanisms for the destruction of unidentified military aircraft aimed at violating the sovereignty of the state. The engineering and design work carried out allowed changing the approach of the Russian Imperial Army to the fight against aircraft, creating a project of "Rules for Firing Artillery of the Russian Army", which contained techniques and methods for firing at mobile balloons.

Keywords: air defense, air defense system of the Russian Imperial Army.

УДК 94(47)«1914/1918»

Н.С. Федулин

ВОЕННО-СПОРТИВНАЯ ПОДГОТОВКА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ АРХАНГЕЛЬСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается допризывная подготовка воспитанников учебных заведений Архангельска в годы Первой мировой войны. Делается вывод о том, что местный военно-спортивный комитет, сталкиваясь со сложностями в организации своей деятельности, проводил посильную работу по обучению школьников военному делу.

Ключевые слова: военно-спортивный комитет, Архангельск, Первая мировая война, молодежь.

Первая мировая война стала для России тяжелым испытанием, обострившим проблему нехватки подготовленных кадров для армии. Перед правительством встала острая необходимость сократить сроки обучения новобранцев. Решению этой проблемы должно было способствовать создание системы допризывной подготовки. Инициативу в этом вопросе взял на себя Главнонаблюдающий за физическим развитием населения Российской империи генерал-майор Воейков В.Н., занимавшийся разработкой «Положения о мобилизации спорта» (конец 1915 г.). Программа предусматривала организацию предварительного военного обучения не только для молодых людей, подлежащих призыву, но и для всех желающих в возрасте от 16 до 40 лет. Особое внимание в подготовке уделялось средним учебным заведениям. Рассматривалась возможность отмены выпускных экзаменов, чтобы использовать оставшееся до призыва

the military sphere, which marked the beginning of the development of mechanisms for the destruction of unidentified military aircraft aimed at violating the sovereignty of the state. The engineering and design work carried out allowed changing the approach of the Russian Imperial Army to the fight against aircraft, creating a project of "Rules for Firing Artillery of the Russian Army", which contained techniques and methods for firing at mobile balloons.

Keywords: air defense, air defense system of the Russian Imperial Army.

УДК 94(47)«1914/1918»

Н.С. Федулин

ВОЕННО-СПОРТИВНАЯ ПОДГОТОВКА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ АРХАНГЕЛЬСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается допризывная подготовка воспитанников учебных заведений Архангельска в годы Первой мировой войны. Делается вывод о том, что местный военно-спортивный комитет, сталкиваясь со сложностями в организации своей деятельности, проводил посильную работу по обучению школьников военному делу.

Ключевые слова: военно-спортивный комитет, Архангельск, Первая мировая война, молодежь.

Первая мировая война стала для России тяжелым испытанием, обострившим проблему нехватки подготовленных кадров для армии. Перед правительством встала острая необходимость сократить сроки обучения новобранцев. Решению этой проблемы должно было способствовать создание системы допризывной подготовки. Инициативу в этом вопросе взял на себя Главнонаблюдающий за физическим развитием населения Российской империи генерал-майор Воейков В.Н., занимавшийся разработкой «Положения о мобилизации спорта» (конец 1915 г.). Программа предусматривала организацию предварительного военного обучения не только для молодых людей, подлежащих призыву, но и для всех желающих в возрасте от 16 до 40 лет. Особое внимание в подготовке уделялось средним учебным заведениям. Рассматривалась возможность отмены выпускных экзаменов, чтобы использовать оставшееся до призыва

время для целенаправленной военно-физической подготовки старшеклассников. Помощь в ее организации должна была оказать существовавшая в империи сеть спортивных обществ и организаций.

Исследования в области военно-спортивной (допризывной) подготовки в России в годы Первой мировой войны нашли свое отражение в многочисленных публикациях. Так, большинство современных историков сосредоточены на рассмотрении деятельности военно-спортивных комитетов на региональном и местном уровнях, выявляя особенности работы этих организаций [3; 6: 7; 8]. Изучение данной темы применительно к Европейскому Северу России только начало осуществляться [9]. Так, автором данной статьи были введены в научный оборот некоторые материалы по работе Архангельского военно-спортивного комитета. Одним из важных аспектов его работы являлось взаимодействие с воспитанниками образовательных учреждений. Специфика этого процесса будет рассмотрена в данной статье.

Процесс образования Архангельского военно-спортивного комитета начался в январе 1916 г., когда попечитель Петроградского учебного округа направил в Ломоносовскую гимназию указания о скорейшей организации довоенной подготовки. Главной целью мероприятий, согласно документу, должно было стать содействие «воспитанникам учебных заведений… в приобретении ими необходимой предвоенной подготовки, при которой они, в случае вступления в ряды армии, могли бы принести наибольшую пользу» [5, л. 1]. Получивший данное распоряжение директор гимназии П.П. Соколов вскоре был назначен представителем в Архангельский военно-спортивный комитет от Министерства народного просвещения, позже его утвердили в качестве председателя организации [5, л. 10].

Существенной проблемой в работе комитета являлось отсутствие в Архангельске каких-либо спортивных объединений. Путем обращений в местные инстанции директор гимназии П.П. Соколов выяснил, что в городе действовали яхт-клуб и несколько обществ любителей охоты [5, л. 20]. Неспортивная специализация данных организаций способствовала тому, что их представители не приняли активного участия в военно-физической подготовке молодежи. Тем не менее губернатор С.Д. Бибиков и городское самоуправление стремились поддержать работу военно-спортивного комитета, делегируя в него своих представителей.

Начало военно-спортивной работы с молодежью не ушло от внимания местной прессы. В конце февраля 1916 г. в архангельских газетах была опубликована информация о начале работы Архангельского военно-спортивного комитета. От военного ведомства, представленного в городе А.П. Угрюмовым, занимавшим пост Главноначальствующего г. Архангельска и Белого моря, в Архангельский военно-спортивный комитет был назначен поручик 6-го Сибирского стрелкового полка И.О. Легин. Представителем губернатора С.Д. Бибикова стал непременный член Архангельской губернской землеустроительной комиссии В.Ф. Бидо, от Министерства торговли и промышленности – начальник Архангельского торгово-мореходного училища генерал-майор Престин К.И. [1, с. 2]. Позже в состав военно-спортивного комитета вошли ректор Архангельской духовной семинарии А.Е. Орлов и гласный городской думы потомственный почетный гражданин А.И. Вальнев.

Начало работы комитета сопровождалось сбором информации об учащихся, подлежащих прохождению курса военно-физической подготовки. Протоколы заседаний Архангельского военно-спортивного комитета свидетельствовали о том, что большинство старшеклассников мужских учебных заведений были привлечены к занятиям. Так, среди образовательных учреждений значились: Ломоносовская мужская гимназия, реальное и техническое училища, учительская семинария и Архангельское и Соломбальское высшее начальное училище, а также педагогические курсы при них [4, л. 119]. К маю 1916 г. допризывную подготовку проходило 188 учеников [4, л. 36]. Некоторые учебные заведения были включены в допризывную подготовку позже. Так, учащиеся торгово-мореходного училища начали прохождение курсов только в 1917 г.

Рассчитанная на три месяца программа занятий с молодежью была разработана представителем от военного ведомства поручиком 6-го Сибирского стрелкового полка И.Ф. Легиным. Упор в работе делался на изучение азов военного дела. Так, в качестве примера можно привести план работы на апрель 1916 г. Первая неделя: гимнастика, строевое обучение с ружьями, ознакомление с частями винтовки и патроном, обязанности дневального по роте. Вторая неделя: гимнастика, строевое обучение с ружьями, ознакомление с частями винтовки и патроном, обязанности часового. Третья неделя:

гимнастика, строевое обучение с ружьями, сборка и разборка винтовки, приготовительные к стрельбе упражнения, правила ношения походного снаряжения. Четвертая неделя: гимнастика, строевое обучение с ружьями, приготовительные к стрельбе упражнения, сборка и разборка винтовки, владение оружием, обязанности рядового в рассыпном строю [4, л. 10].

По итогам прохождения трехмесячного курса учащиеся проходили экзамен, который принимала специальная комиссия. Первыми курсы допризывной подготовки окончили ученики Архангельского низшего механико-технического училища им. Петра I в составе 28 чел. Несмотря на освобождение от обязательного участия в данных мероприятиях, учащиеся выразили желание заниматься ими в свободное время. Для проведения экзамена была создана специальная комиссия из архангельских военных и членов Архангельского военно-спортивного комитета. Экзамен включал в себя строевое учение с ружьями, фехтовальные и ружейные приемы, гимнастические упражнения, колотье чучела штыком, а также ответы на вопросы из полевого и гарнизонного устава и разборке и сборке винтовки. Все участвующие успешно сдали экзамен [2, с. 3].

Материалы заседаний Архангельского военно-спортивного комитета свидетельствовали о постоянной работе его руководителей. Так, наиболее насущным был вопрос о поиске подходящих для строевой подготовки помещений. Сохранилось обращение директора Ломоносовской мужской гимназии П.П. Соколова к городским властям с прошением о предоставлении зала здания, где заседало Архангельское пожарное общество, для учащихся Архангельской учительской семинарии [5, л. 59]. Обращения к военным властям сопровождались просьбами о предоставлении винтовок для занятий и инструкторов. Их дефицит в Архангельске подтверждают ходатайства председателя комитета П.П. Соколова перед Главнонаблюдающим за физическим развитием населения Российской империи генерал-майором Воейковым В.Н. о предоставлении отсрочки учителю военного строя А.А. Чурапскому, проводившему занятия чуть ли не со всеми школьниками Архангельска. Довоенная подготовка была отменена в России Временным правительством в июле 1917 г.

Таким образом, собранные материалы по работе Архангельского военно-спортивного комитета говорят об отсутствии в городе

специализированных спортивных объединений (на привлечение которых рассчитывали власти), а также дефиците инструкторов. Тем не менее руководство курсов смогло активно привлечь большинство учащихся старших классов образовательных учреждений Архангельска к прохождению допризывной подготовки в 1916–1917 гг. Программа «Мобилизации спорта» не стала панацеей от проблем допризывной подготовки, поскольку охватывала лишь часть молодежи, ее результат был рассчитан на долгосрочную перспективу. Деятельность военно-спортивных комитетов позволила государственным структурам накопить ценный опыт межведомственного взаимодействия и способствовала систематическому усвоению молодежью основ военной подготовки. Полноценно практика допризывной подготовки учащейся молодежи была внедрена при советской власти.

Источники и литература

1. Архангельск. –1916. – № 44. – 26 февр.

2. Архангельск. –1916. – № 101. – 7 мая.

3. *Белюков Д.А.* Подготовка допризывников Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Воинское обучение и воспитание. – 2010. – № 3. – С. 21–25.

4. ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. 127. Оп. 1. Д. 1407.

5. ГААО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1465.

6. *Мутьев А.В.* Организационно-педагогические условия допризывной подготовки в городе Симферополе в период Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 495. – С. 171–178.

7. *Никулин Д.О.* Деятельность Новониколаевского военно-спортивного комитета по допризывной подготовке в 1916–1917 годах // Исторический курьер. – 2021. – № 5 (19). – С. 180–190.

8. *Смирнов М.А.* Роль физического воспитания и организация подготовки молодежи к военной службе в Вятской губернии в период Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 3–1. – С. 63–66.

9. *Федулин Н.С.* Допризывная подготовка в России в период Первой мировой войны: опыт организации на примере Архангельска // Первая мировая война в контексте конфликта цивилизаций: сб. материалов Всерос. науч. конф., Краснодар, 30 сент. 2024 г. – Краснодар, 2024. – С. 209–214.

N.S. Fedulin

MILITARY-SPORTS TRAINING OF SCHOOLCHILDREN OF ARKHANGELSK DURING THE FIRST WORLD WAR

Annotation. The article examines pre-conscription training of schoolchildren of Arkhangelsk during the First World War. It is concluded that the local military-sports committee faced difficulties in organizing its activities, but carried out work to train schoolchildren in military affairs.

Keywords: military-sports committee, Arkhangelsk, First World War, young people.

УДК 94(571.1)

В.А. Шулдяков

БОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОТРЯДА СОТНИКА ТЫРКОВА Л.Н. С КРЕСТЬЯНАМИ-ПОВСТАНЦАМИ В СЕЛЕ АНДРЕЕВСКОМ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА 30 МАРТА 1919 г.

Аннотация. Статья посвящена нападению восставших крестьян ряда селений Кокчетавского уезда на смешанный по составу, из казаков, солдат и милиционеров, белый отряд под командованием сотника Леонида Георгиевича Тыркова (1893–1920). Предпосылки, ход и итоги боя реконструируются путем сравнения двух источников, происходящих из противоположных лагерей: донесения управляющего Акмолинской областью С.С. Резанова министру внутренних дел Омского правительства и воспоминаний курсанта Д. Телегина, участника рассматриваемого боя с красной стороны.

Ключевые слова: Гражданская война, мобилизация, крестьянство, милиция, Сибирское казачье войско, белый террор.

Ход и результаты сражений и боев регулярных армий относительно легко реконструируются путем сравнительного исследования разведывательных и оперативных сводок, рапортов, донесений о потерях и прочих документов противоборствовавших сторон. Данное утверждение в целом можно отнести и к Гражданской войне между Белыми и Красной армиями с теми лишь поправками,

N.S. Fedulin

MILITARY-SPORTS TRAINING OF SCHOOLCHILDREN OF ARKHANGELSK DURING THE FIRST WORLD WAR

Annotation. The article examines pre-conscription training of schoolchildren of Arkhangelsk during the First World War. It is concluded that the local military-sports committee faced difficulties in organizing its activities, but carried out work to train schoolchildren in military affairs.

Keywords: military-sports committee, Arkhangelsk, First World War, young people.

УДК 94(571.1)

В.А. Шулдяков

БОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОТРЯДА СОТНИКА ТЫРКОВА Л.Н. С КРЕСТЬЯНАМИ-ПОВСТАНЦАМИ В СЕЛЕ АНДРЕЕВСКОМ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА 30 МАРТА 1919 г.

Аннотация. Статья посвящена нападению восставших крестьян ряда селений Кокчетавского уезда на смешанный по составу, из казаков, солдат и милиционеров, белый отряд под командованием сотника Леонида Георгиевича Тыркова (1893–1920). Предпосылки, ход и итоги боя реконструируются путем сравнения двух источников, происходящих из противоположных лагерей: донесения управляющего Акмолинской областью С.С. Резанова министру внутренних дел Омского правительства и воспоминаний курсанта Д. Телегина, участника рассматриваемого боя с красной стороны.

Ключевые слова: Гражданская война, мобилизация, крестьянство, милиция, Сибирское казачье войско, белый террор.

Ход и результаты сражений и боев регулярных армий относительно легко реконструируются путем сравнительного исследования разведывательных и оперативных сводок, рапортов, донесений о потерях и прочих документов противоборствовавших сторон. Данное утверждение в целом можно отнести и к Гражданской войне между Белыми и Красной армиями с теми лишь поправками,

что в условиях междоусобицы качество и текущей документации, и самого документооборота резко ухудшается, что в хаосе Гражданской многие комплексы документов погибли, другие сохранились фрагментарно, что такое состояние источниковой базы заставляет исследователей тратить больше времени на поиски в архивах и на «складывание мозаики» военно-исторических событий.

Наибольшую сложность представляет изучение повстанческо-партизанского движения и карательных операций правительственных войск. Если говорить о «белой» Сибири, то историками описаны только самые крупные, поворотные бои между повстанцами и колчаковскими войсками, главным образом путем сравнения фрагментов текущей документации белых и мемуаров «красных партизан». Об основной массе боев между восставшими и колчаковцами, особенно о тех, что были проиграны красными, мы не имеем каких-либо подробностей, а лишь упоминания в документах белых и в воспоминаниях партизан. Поэтому приходится дорожить и пользоваться каждой возможностью реконструировать тот или иной рядовой бой «малой войны» в тылу Российской армии адмирала Колчака А.В.

В данной работе предпринята попытка восстановить картину боя между отрядом колчаковцев под командованием сотника Тыркова Л.Н. и восставшими крестьянами в с. Андреевском Кокчетавского уезда Акмолинской области 30 марта 1919 г. Для сравнения мы располагаем двумя документами противоположных сторон. С одной стороны, это донесение управляющего Акмолинской областью С.С. Резанова министру внутренних дел Омского правительства от 15 апреля 1919 г., основанное на подробных сведениях, полученных от управляющего Кокчетавским уездом [2, с. 621–622]. С другой – воспоминания Д. Телегина[1], курсанта одного из военно-учебных заведений РККА, опубликованные в журнале Управления военно-учебных заведений Сибири «Красный вождь» в 1921 г. [6, столбцы 156–158].

Оба источника одинаково определяют главную причину крестьянского восстания, указывая на мобилизацию в колчаковскую

[1] Автор выражает благодарность за предоставление фотокопий воспоминаний курсанта Д. Телегина Роману Борисовичу Зайцеву (Москва).

армию. Они расходятся только в категориях призываемых. Д. Телегин вспоминал о мобилизации в марте 1919 г. запасных солдат 1908–1912 гг. призыва [6, стлб. 156] (вероятно, он сам принадлежал к этой категории). Управляющий же областью С.С. Резанов перечислил четыре категории лиц, подлежавших тогда призыву в войска, а именно: «запасные, ополченцы, белобилетники и новобранцы» [2, с. 621]. В данном вопросе и по времени написания, и по уровню компетенции автора больше доверия вызывает донесение управляющего. А если так, то мартовскую мобилизацию 1919 г. надо признать весьма масштабной. Ведь помимо пяти возрастов запасных призывалась и «зеленая» молодежь, достигшая призывного возраста, и ополченцы, надеявшиеся, что до них очередь не дойдет, и категория, уверенная, что «их минует чаша сия» – белобилетники. Такая широкая мобилизация не могла не вызвать резкой негативной реакции широких слоев населения, отвыкшего за революцию от беспрекословного подчинения властям.

Согласно донесению С.С. Резанова восстание началось неожиданно. Перед самым объявлением призыва пошли слухи о том, что некоторые волости Кокчетавского уезда, расположенные в юго-западной и юго-восточной его частях, не хотят отдавать людей в солдаты. Подобные слухи циркулировали и перед призывом новобранцев в 1918 г., но тогда все прошло более-менее благополучно. Тем не менее уездные власти обратили на эти слухи внимание и, якобы ничего подозрительного и внушающего опасения на местах ими замечено не было. Якобы мобилизация началась нормально: волости уезда высылали всех подлежавших призыву, за исключением «тяжелобольных и временно отлучившихся». Все кардинально поменялось лишь 24 марта 1919 г., когда в Кокчетав поступило донесение Аиртавского станичного атамана о начале восстания в Андреевской волости [2, с. 621]. Однако содержание воспоминаний Д. Телегина заставляет усомниться в неожиданности вооруженного выступления крестьян. Скорее всего, в данном случае управляющий областью попал под влияние донесений уездных властей, пытавшихся снять с себя ответственность за то, что недооценили опасность и не предотвратили восстание.

Телегин начал свои воспоминания с того, что в поселке Д. (Дубровское? – *Авт.*) Кокчетавского уезда, в котором он жил, 6 марта

1919 г. был получен приказ о мобилизации запасных солдат 1908–1912 гг., всколыхнувший население. Подлежавшие призыву отказались выполнять приказ, говоря: «На сборный пункт не пойдем и воевать с большевиками не хотим». В конечном итоге они решили «не идти, а лучше погибнуть на месте». О дальнейшем Телегин писал: «15 марта последовал вторичный приказ, гласивший, что “все, неявившиеся в указанный срок, будут преданы военно-полевому суду”. Но несмотря и на это, приказание власти не было исполнено. Окружные селения и волости поступили так же, как и запасные поселка Д.» [6, стлб. 156].

Уездные власти, несомненно, знали об этом брожении и саботаже, т.к., согласно Телегину, 20 марта 1919 г. из Кокчетава в поселок Д. прибыл правительственный отряд «силою в 120 казаков» под командою Белецкого [6, стлб. 156]. Прапорщик Белецкий являлся начальником кокчетавской уездной милиции [7, с. 207], и отряд его, наверняка, был не чисто казачьим, а сборным. Численность отряда Телегиным, видимо, сильно преувеличена.

«Не доезжая до поселка, – вспоминал Телегин о действиях прапорщика Белецкого, – отряд встретил местных крестьян и, осведомившись, дома ли запасные и нет ли у них оружия, смело вошел в селение. Все запасные были собраны и на другой же день отправлены в Кокчетав». Причем перед отправкой запасных поселка Д. по приказанию Белецкого некоторые из них, очевидно, самые непокорные, были высечены. «По окрестным поселкам начальник отряда отдал распоряжение, чтобы все запасные немедленно выступали в город, не дожидаясь приезда отряда» [6, стлб. 156].

Этой публичной поркой главных смутьянов «поселка Д.» Белецкий, наверное, рассчитывал сломить волю крестьянства к сопротивлению, однако на самом деле он лишь подлил масла в огонь. Потому что весть об унизительной экзекуции «быстро разнеслась по волости, и крестьяне восстали: в селении К. была объявлена мобилизация по 1908 г. включительно» [6, стлб. 156].

Резанов назвал рассматриваемое восстание «вооруженным выступлением крестьян Андреевской волости» [2, с. 621]. На самом деле оно охватило несколько соседних волостей в юго-западной части Кокчетавского уезда. «Селение К.» – это, очевидно, волостное село Константиновка, где организатором движения стал местный

уроженец Андрей Петрович Лойко [3], кавалер двух Георгиевских крестов за бои в Карпатах [см.: 4].

Когда на дорогах появились вооруженные патрули повстанцев, это не могло остаться незамеченным. Информация о постах и о подвозе оружия и боеприпасов «в районе Андреевской волости» поступила в Аиртавскую станицу (к востоку от с. Андреевского, примерно на полпути между ним и уездным городом Кокчетавом). Станичный атаман срочно отправил в Кокчетав в Управление атамана 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска нарочного с пакетом. Получив 24 марта 1919 г. пакет, атаман отдела, он же «военно-уполномоченный по Кокчетавскому уезду», полковник Осипов Е.Н. немедленно отправил в Андреевскую волость сборный отряд в 90 чел. (40 казаков, 30 солдат, 20 милиционеров) под командой сотника Тыркова Л.Г., который, прибыв в Андреевское, разместился в школе [2, с. 621]. Тырков был младшим офицером 2-й сотни 2-го Сибирского казачьего отдельного (кадрового) дивизиона [5, л. 8; 1, л. 26]. И казаки в его отряде, скорее всего, были из этой сотни.

Узнав о появлении колчаковцев, «организованные отряды восставших» выступили на Андреевское, «присоединяя по пути своего движения запасных других селений». По оценке Телегина, к моменту нападения на отряд Тыркова «силы восставших были равны двум ротам» [6, стлб. 156]. Значит, численность повстанцев могла достигать 400–500 чел. Однако вооружены они были слабо, о чем свидетельствовали обе стороны.

Телегин вспоминал, что у них было всего 15 винтовок, 10 наганов и 8 ручных гранат и что все, вооруженные этим оружием, были сведены в одно подразделение [6, стлб. 157]. Об охотничьих ружьях мемуарист не упомянул, а они, конечно, использовались. Белые, по результатам боя, оценивали вооруженность повстанцев в «20–30 винтовок, такое же количество разных гранат, остальные были вооружены вилами и топорами» [2, с. 621]. Возможно, белые посчитали за винтовки и гладкоствольные охотничьи ружья.

Разведка, посланная в Андреевское, «вернувшись ночью», сообщила, что в селе все спокойно, никто не подозревает о близости повстанческого отряда, патрулей по улицам нет, и только возле школы, в которой расположились белые, стоит часовой. Было решено напасть на врага на рассвете [6, стлб. 157].

В описании собственно самого боя и его оперативных результатов донесение Резанова предельно лаконично: «В ночь на 30 марта отряд был окружен повстанцами, которые открыли по школе стрельбу и взорвали ее. […]. Так как отряд не имел достаточного количества патронов, и весь наличный запас им был расстрелян, то отряду после боя пришлось отойти в станицу Аиртавскую…» [2, с. 621]. Причем из этих слов непонятно, кто все-таки одержал верх.

Воспоминания Телегина ценны деталями и вносят определенность. Когда на рассвете восставшие вступили в Андреевское, то встретили местного крестьянина, который дал им важную информацию. Оказалось, что все белые ночевали в школе только прошлую ночь, а в эту разделились: часть их, человек 40, расположились на ночевку не в школе, а по квартирам обывателей. Кроме того, крестьянин уверял, что «при отряде белых имеется 2 пулемета!» [6, стлб. 157]. Эти данные ломали первоначальный план и подрывали веру в успех. Видимо, кто-то засомневался, потребовалось посовещаться, «быстро обсудив создавшееся положение, повстанцы решили атаковать школу» [6, стлб. 157].

Чтобы атаковать школу с двух сторон, восставшие разделились на два отряда и тихо пошли к ней. Белый часовой их заметил, закричал: «Стой! Кто идет? Стой, стрелять буду!..» Повстанцы бросились к школе. Однако «часовой успел забежать в помещение школы и закрыть за собою дверь». Сразу ворваться внутрь помещения нападавшим не удалось. Тогда они завалили дверь школы, чтобы затруднить колчаковцам выход из нее, и открыли огонь по окнам здания.

Дальнейшее Телегин описывал так: «В ответ на обстрел повстанцев послышались винтовочные и револьверные выстрелы и треск пулеметов из школы. Благодаря неожиданности белые стреляли невпопад, так что их выстрелы не наносили никакого вреда наступавшим. “Бросай гранаты прямо в помещение!..” – слышались крики. Бросили одну гранату, но так неудачно, что чуть не перебили своих же товарищей. Граната попала в коридор и там взорвалась. Некоторые из восставших думали, что эту бомбу бросили из помещения, вследствие чего в рядах атаковавших появилось замешательство, вскоре же рассеявшееся. Второй гранатой разнесли внутренность школы и подожгли здание, начался пожар. На минуту со стороны белых замолкли пулеметы» [6, стлб. 157].

Внезапного нападения не получилось. Надежды на быструю победу и легкие трофеи улетучились. Колчаковцы отстреливались. Патронов у красных становилось все меньше. Телегин утверждал, что «белые, стоявшие по квартирам, услышав выстрелы, быстро убежали из поселка, и уже после боя, окончательно убедившись, что никого из нас нет в поселке, вернулись к своим» [6, стлб. 158]. Даже если это правда и колчаковцы, квартировавшие у крестьян, действительно убежали из Андреевского буквально все, красные ничего об этом твердо знать не могли и с тревогой ждали, что вот-вот раздадутся выстрелы сзади и они окажутся между двух огней.

Телегин, по-видимому, был в штурмовой группе красного отряда, вооруженной винтовками, револьверами и гранатами. Она-то, судя по всему, и выдержала основную тяжесть боя. Телегин вспоминал: «Некоторые из наступавших, в том числе и я, ни на минуту не оставляли без внимания школу и продолжали ее обстрел. Увлеченные этим делом, мы не заметили, что часть наступавших разбежалась, и что нас оставалось не более 70 человек, которые также все более и более оставляли бой и разбегались… “Товарищи! Нас осталось очень мало, а казаки не все в школе, часть из них по квартирам, и плохо будет нам, если они атакуют нас с тыла, т.к. запас патронов у нас на исходе!” – слышались предостерегающие голоса. Все это заставило нас снять осаду со школы и разбежаться кому куда удобнее» [6, стлб. 157–158].

Телегин побежал к месту стоянки возчиков, которые привезли повстанцев к Андреевскому, но возчиков не оказалось, они уже удрали. «На мое счастье, – писал он – мне попалась лошадь, брошенная своим хозяином, на которой мне удалось добраться до дому самому и довести еще одного раненого товарища. Дома меня уже считали погибшим, так как я вернулся последним из нашей деревни» [6, стлб. 158].

На примере описанного боя лишний раз убеждаешься, что в оценке соотношения потерь нельзя верить ни той, ни другой стороне. Резанов оценивал потери в Андреевском так: «Во время взрыва и перестрелки с нашей стороны оказалось убитыми 2, один сгорел в школе, двое ранены тяжело и один легко. Со стороны взбунтовавшихся убито до ста человек» [2, с. 621]. Если потери колчаковцев в 6 чел. погибшими и ранеными кажутся реалистичными,

то 100 убитых красных – это явное и очень сильное преувеличение. Не менее «правдив» и Телегин: «В бою потери с нашей стороны – несколько раненых; потери белых – до 70 человек, причем 18 человек при одном пулемете погибли при пожаре в школе» [6, стлб. 158]. Получается, слабо вооруженные красные перебили-перерани-ли почти 80 % колчаковского отряда, значительно превосходившего их в огневой мощи, а сами разбежались почти без потерь. Лукавя в оценке соотношения потерь, Телегин все же признавал, что их нападение в Андреевском было неудачным и что их восстание было подавлено [6, стлб. 158].

Отбив нападение, отряд Тыркова произвел в Андреевском обыски. Белые нашли пятерых повстанцев, которые не успели скрыться, и тут же их расстреляли [6, стлб. 158].

Затем, ввиду израсходования боеприпасов, сотник Тырков был вынужден отвести свой отряд в станицу Аиртавскую, из которой, очевидно, запросил помощь людьми и патронами. Получив из Кокчетава подкрепление в 30 чел. (которые, видимо, привезли с собой и патроны), Тырков выступил из Аиртавской на Андреевское. На этот раз, не встречая сопротивления и арестовывая главарей крестьянского сопротивления, его отряд прошел по селениям Андреевской и соседних волостей и окончательно подавил в этом районе повстанческое движение. Подлежавшие мобилизации запасные юго-западной части уезда явились на сборный пункт в Кокчетав [2, с. 621–622].

Отряды сотника Тыркова и прапорщика Белецкого широко практиковали казни руководителей восстания и порку плетьми его рядовых участников. Так, в центре с. Константиновка были расстреляны 7 чел. Главный организатор восстания А.П. Лойко «чудом спасся, ускакав на коне», после прихода Красной армии он станет в Константиновке председателем ревкома. Поротые бывшие участники восстания, отправленные в белую армию, конечно, не хотели служить А.В. Колчаку и при первой возможности переходили на сторону красных [3]. Чтобы спастись от карателей, некоторые повстанцы стали пробираться навстречу Красной армии. Другие прятались в родных местах: «жили бродяжническою жизнью, скрывались в ямах, стогах сена, в степи; и только приход красных войск освободил их от этого» [6, стлб. 158].

Итак, уездные власти, несомненно, проглядели момент перерастания саботажа мобилизации в активное силовое сопротивление. Поркой Белецкий не сломил волю крестьянства, а дал толчок к восстанию. Тырков недооценил дерзости повстанцев. Андреевское и его окрестности не контролировались разъездами и патрулями, наблюдательными постами и секретами. Если бы не надежность и находчивость часового, белые могли быть застигнуты врасплох и проиграть. Но в самом бою они проявили упорство, отстреливаясь из горевшей школы, и добились перелома. Поражение в Андреевском привело к распаду отряда восставших, и Тырков, получив подкрепление людьми и патронами, подавил крестьянское сопротивление в этой части Кокчетавского уезда.

Источники и литература

1. Архив Управления ФСБ по Омской области. Ф. 4. Д. П-14195.

2. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане: Док. и мат-лы. Т. 1. – Алма-Ата, 1963.

3. История села Константиновка // URL: https://skolib.kz/component/content/article/istoriya-sela-konstantinovka?Itemid=105&catid=8 (дата обращения: 31.08.2025).

4. *Полеткина О.* Великая неизвестная война // URL: https://apgazeta.kz/2014/11/19/velikaya-neizvestnaya-vojna/ (дата обращения: 31.08.2025).

5. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 40153. Оп. 1. Д. 5 // URL: https://gwar.mil.ru/documents/view/120008172/?parent=121061638&obraz=132114114 (дата обращения: 31.08.2025).

6. *Телегин Д.* Из недавнего прошлого (Воспоминания) // Красный вождь: Орган военно-учебных заведений Сибири. – Омск, 1921. – № 7/8. – Стлб. 156–158.

7. *Терещук В.А.* Рассказы о Кокчетаве. – Кокчетав; Омск, 1992.

V.A. Shuldyakov

BATTLE OF THE GOVERNMENT DETACHMENT OF CENTURION L.N. TYRKOV WITH REBEL PEASANTS IN THE VILLAGE OF ANDREEVSKOE, KOKCHETAV DISTRICT, MARCH 30, 1919

Annotation. The article is devoted to the attack of rebellious peasants from a number of villages in the Kokchetavsky district on a mixed detachment of Cossacks, soldiers and policemen, under the command of centurion Leonid Georgievich Tyrkov (1893–1920). The prerequisites, course and results of the battle are reconstructed by comparing two sources originating from opposing camps: a report by the governor of the Akmola region S.S. Rezanov to the Minister of Internal Affairs of the Omsk government and the memoirs of cadet D. Telegin, a participant in the battle in question from the red side.

Keywords: Civil war, mobilization, peasantry, militia, Siberian Cossack army, white terror.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг.
К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

УДК 94(470.6)

А.В. Ануфриев,
А.В. Южаков

ИРКУТЯНЕ-ЧЕКИСТЫ В СОСТАВЕ ОТДЕЛЬНОЙ АРМИИ НКВД

Аннотация. Статья посвящена соединениям и частям войск НКВД, созданным в Восточной Сибири. Авторы показывают их формирование, боевой путь в годы Великой Отечественной войны и сохранение исторической памяти о них. Особое внимание уделяется подвигам земляков, служивших в Отдельной армии НКВД.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, войска по охране железных дорог, историческая память, Курская дуга, НКВД, пограничники, подвиг.

К началу Великой Отечественной войны на территории Забайкалья и Прибайкалья был развернут значительный контингент войск НКВД, представленный, прежде всего, пограничными, оперативными, конвойными войсками и войсками по охране железных дорог. 17 февраля 1940 г. был создан Забайкальский пограничный округ, куда вошли пограничники Читинской области и Бурят-Монгольской автономной республики. Управление войск округа размещалось в Чите, а погранотряды были разбросаны на огромной территории Восточной Сибири. В директиве командования Забайкальского фронта по плану действий на случай нападения Японии от 7 мая 1942 г. ставились задачи: «а) Прочно оборонять государственную границу в соответствии с директивой народного комиссара внутренних дел СССР. При всех условиях удерживать Нерчинский завод, Газимурский завод, Сретенск. б) Разгромить основные погранич-

ные гарнизоны и резидентуру противника в районах Шивей, Цаган, Джурганхэ, Мохэ, Синьлитунь, Оупусин, в дальнейшем удерживая передовыми отрядами в указанных направлениях в 30–40 километров пограничную полосу, не допускать вторжение диверсионных групп противника к важным объектам на главной железнодорожной магистрали, прочно обеспечивая стык Забайкальского и Дальневосточного фронтов. в) Прочно обеспечить охрану и оборону тыла и коммуникаций армий и фронта. Организованными подвижными истребительными отрядами из пограничников и оперативно-подчиненными частями немедленно уничтожить парашютные десанты и диверсионные группы противника, обеспечив сохранность мостов» [1].

В 1942 г. после успешной московской наступательной операции было принято решение о развертывании в составе НКВД дополнительных оперативных частей. В Восточной Сибири они были созданы на базе 8-й (29-й) дивизии по охране железных дорог и особо важных объектов. Формирование 272-го полка началось 20 января 1942 г. в Иркутске. Командиром полка был назначен майор Савчук Г.П., ранее служивший в 69-м полку, комиссаром полка стал батальонный комиссар Щербина И.М. из 67-го полка, начальником штаба – капитан Яковлев В.Ф. из 67-го полка. В воспоминаниях командира дивизии А. Сараева есть добрые слова о комиссаре Щербине: «Душой полка называли комиссара. Батальонный комиссар И.М. Щербина принадлежал к тому числу людей, которые предпочитали большую часть времени работать непосредственно в подразделениях. За это его и любили бойцы. Суровый на вид, быстрый в решениях, с горячим характером, комиссар обладал способностью личным примером воодушевлять воинов на подвиги» [10].

Командный состав формировался из всех частей дивизии. Личный состав батальонов из воинов-чекистов иркутского полка (67-й полк НКВД), читинского (68-й полк) и чернышевского (69-й полк). За каждым полком было закреплено создание одного батальона. Однако встретившись с серьезными трудностями в формировании, прежде всего в обеспечении полка артиллеристами, минометчиками, разведчиками, командование получило разрешение на привлечение местных ресурсов через военкоматы Иркутской и Читинской областей и Бурятии.

Полк покрыл себя вечной славой при обороне Сталинграда. По итогам успешных войсковых операций, проводимых частями НКВД в преддверии великой битвы на Курской дуге, верховное командование принимает решение о развертывании целой чекистской армии. В ноябре 1942 г., согласно приказу НКВД СССР № 002353 от 26 октября 1942 г. во исполнение постановления ГКО СССР № 2411сс от 14 октября 1942 г. «О формировании армии войск НКВД», началось создание Отдельной армии НКВД. В ее состав были включены как воевавшие части (например, 10-я Сталинградская стрелковая дивизия НКВД), так и вновь формируемые дивизии из числа воинов-пограничников и иных частей и соединений внутренних войск НКВД.

На базе пограничников Забайкалья была развернута Забайкальская стрелковая дивизия войск НКВД СССР. Дивизия была сформирована в ноябре 1942 г. согласно приказу НКВД СССР № 002353 от 26 октября 1942 г. по штатам НКО СССР как Забайкальская стрелковая дивизия войск НКВД СССР из кадрового состава Управления пограничных войск НКВД Забайкальского округа. Управление, штаб, политотдел находились в г. Чите, там же были развернуты и стрелковые полки дивизии: 45-й Даурский полк, 46-й Аргунский полк, 100-й Нерчинский полк. Как и полагалось по штатам РККА, в дивизии имелся и Забайкальский артиллерийский полк. Один из воинов дивизии, Герой Советского Союза Б.А. Пискунов, писал своим друзьям-сослуживцам в Забайкалье: «Воинские знания, приобретенные мною в период обучения и службы на границе, пограничная находчивость и смекалка, умение ориентироваться в любой обстановке – все это сильно пригодилось мне на фронте. При форсировании нашей частью бурной реки я первый вышел на берег, с которого вели атаки немцы, проложил через реку связь и, будучи ранен, сутки отбивал яростные контратаки немцев, уничтожил свыше десятка проклятых фрицев. Я уверен, что товарищи-пограничники, находящиеся на охране границы, также самоотверженно выполняют воинский долг, как их фронтовые друзья, и своими успехами помогают ускорить полную нашу победу над ненавистным врагом – германским фашизмом» [6].

Подразделения воинов-чекистов по охране железных дорог отправляли своих бойцов в другое подразделение – Сибирскую стрелковую дивизию НКВД. Рассмотрим этот процесс на примере 68-го полка (г. Чита). В первую партию, отправленную на запад (конец

1942 г.), вошло 352 чекиста (из них 7 чел. начсостава, 49 – младшего начсостава и 296 рядовых); во вторую партию (начало 1943 г.) – 193 чел. (12 сержантов и 181 рядовой). В большинстве своем команды состояли из славян (так во второй партии 157 русских,11 белорусов и 7 украинцев), хотя были и представители коренного населения Сибири (в этой же команде было 9 бурят) [7, л. 7–9].

Постановление Государственного комитета обороны от 14 октября 1942 г. предусматривало формирование отдельной армии НКВД численностью около 70 тыс. чел. Это была нелегкая задача, и, хотя в войсках ее восприняли с энтузиазмом, формирование шло сложно. Три дивизии (Дальневосточную, Забайкальскую и Среднеазиатскую) комплектовали пограничные округа, а три (Сибирскую, Уральскую и Сталинградскую) – внутренние войска. 15 тыс. специалистов из лиц младшего начальствующего и рядового состава должен был выделить Наркомат обороны, но реально было передано около 3 тыс., и войскам НКВД пришлось самим срочно организовать подготовку младших специалистов. Постепенно решалась проблема личного состава: по 1200 военнослужащих выделили дивизия им. Дзержинского и 2-я ОМСДОН, 8500 чел. было передано войсками НКВД по охране железных дорог. Внутренние войска оперативного назначения направили 12 750 чел., пограничники – 28 444 чел. Остальной личный состав выделили конвойные войска и части охраны тыла фронтов.

27 января 1943 г. в наркомат внутренних дел был представлен доклад об итогах формирования армии, в котором говорилось: «Бойцы и командиры гордятся вступлением в ряды Отдельной армии и напряженно готовятся к действиям на фронте». Авторы доклада сделали выводы: «1. Личный состав, прибывший на укомплектование армии, в своем подавляющем большинстве отвечает предъявленным требованиям и способен успешно решать стоящие перед ним задачи. 2. Сформированные части ведут напряженную учебу, изучают и осваивают опыт Отечественной войны. Обучение бойцов и командиров проходит в соответствии с установками командования. 3. Особого внимания требует подготовка специалистов и овладение групповым оружием (пушки, минометы, противотанковые ружья), с которыми значительное число личного состава почти не встречалось» [4].

1 февраля 1943 г. НКВД доложил председателю ГКО, что Отдельная армия сформирована в составе 69 236 чел. 5 февраля Отдельная армия стала 70-й армией РККА, а Дальневосточная, Забайкальская, Сибирская, Среднеазиатская, Уральская и Сталинградская дивизии получили соответственно номера – 102-я, 106-я, 140-я, 162-я, 175-я и 181-я стрелковые дивизии. Командиром 181-й дивизии был утвержден полковник Сараев А., начальником штаба – подполковник Зайцев В., заместителем командира дивизии по политчасти – полковник Кузнецов П. В самый разгар работы по формированию дивизии пришла радостная весть: 2 декабря 1942 г. издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении 10-й стрелковой дивизии войск НКВД орденом Ленина. Высоких наград были также удостоены многие бойцы и командиры. Приказом Ставки Верховного главнокомандования от 5 февраля 1943 г. 10-я Сталинградская ордена Ленина дивизия НКВД была переименована в 181-ю Сталинградскую ордена Ленина стрелковую дивизию и в составе бывшей Отдельной армии НКВД, переименованной в 70-ю армию [5].

12 февраля на 76 железнодорожных эшелонах армия направилась на фронт. Поступив в распоряжение командующего войсками Центрального фронта, 70-я армия из района Ельца должна была пешим порядком выдвинуться в район сосредоточения на рубеже Тагино – Фатеж. Дивизиям предстояло пройти от 200 до 350 км по бездорожью в метель и пургу, преодолевая двухметровые сугробы. Практически невозможно было использовать автотранспорт, и пехотинцы тащили тяжелое вооружение, включая артиллерийские орудия, на себе.

Тяжелейший марш усугублялся плохим снабжением личного состава продовольствием, люди выбивались из сил, испытывая страшную усталость и голод... Чудом сохранившийся документ – дневник помощника начальника политотдела дивизии по комсомолу лейтенанта Кудряшова – свидетельствует: «20 февраля. Четыре дня похода. Полк совершает великий марш. Я бы сказал, что это не марш, а какое-то нечеловеческое переселение всемогущего войска по всей Руси. Все тащили на себе, именно тащили, так как везти не на чем... 27 февраля. Прошли уже много. От Ельца до Золотухино. Миновали Долгое. Марш остается быть таким... Все сводится к питанию, обеспечению отдыха. Артиллерия села, продуктов нет. Стремительно (по 2 км в час) шагаем к Фатежу. С голоду от истощения умер боец.

Умер один в Захаровке. Красноармейцы идут до последнего – до смерти, но идут...». Журнал боевых действий Сталинградской дивизии сухо повествует: «На марше в район сосредоточения задержались вследствие сильных метелей и снежных заносов». Выручил командующий 65-й общевойсковой армией. Он распорядился из трехдневного запаса продовольствия выделить суточную норму и часть боеприпасов для прибывающих на участок фронта между 65-й и 13-й армиями дивизиям 70-й армии. Более подробно описывает этот путь в своих воспоминаниях В.И. Рыбакова: «Трудный, суровый марш был, от Ельца до Севска, нашей дивизии. Немцы отступили на 300–400 км, оставив минированные дороги, сыпной тиф и голодные деревни. Зима, сугробы. Мы двигались в день по 40–50 км. С 5 часов утра до 9–10 часов вечера, тылы остались сзади из-за плохих, занесенных дорог, мы шли хорошо одетые в метель и вьюгу, но… голодные. Иногда единственная лошадь санитарной роты не могла двигаться, в вьюгу голодная. А мы, Сталинградцы, шли, падали и шли без соли, без еды – получая 2 сухаря в день. Выполняя приказ догнать немца и гнать их. Этот путь был тяжел, шли распухшие, больные... Вот так дошли до Севска и с хода в бой, бой тяжелый, так как немцы все рассчитали, но не рассчитали, что это шли мы – да, Сталинградцы! Иногда на марше нас встречало командование, как, например, Рокоссовский и др., и кричали “Привет Сталинградцам, орлам!” И “орлы” никогда не посрамили своего имени и только поддерживали славу Сталинграда» [11, с. 274–275].

Полк в этот момент возглавлял подполковник Савчук Г.П., вернувшийся на свою должность после лечения в госпитале. Сразу после прибытия и тяжелейшего марша дивизии 70-й армии получили приказ о нанесении контрудара по орловской группировке противника, чтобы отвлечь силы противника от боевых порядков Юго-Западного и Воронежского фронтов, которые вели тяжелейшие бои. Основной контрудар наносила 65-я армия, которой для усиления была передана 181-я дивизия. Чекистская 70-я армия сражалась храбро и бесстрашно, но, не имея боевого опыта, задачу полностью не выполнила. Командующий фронтом К.К. Рокоссовский писал в своих воспоминаниях: «Мы возлагали на эту армию большие надежды и направили ее на самый ответственный участок – на правый фланг, в стык с войсками Брянского фронта. Но действия пограничников

были неудачны. Объяснялось это неопытностью старших командиров, впервые оказавшихся в столь сложной боевой обстановке. Соединение вводилось в бой с ходу, неорганизованно, по частям, без необходимого обеспечения артиллерией и боеприпасами к ней» [8].

21 марта 1943 г. полки дивизии получили новую нумерацию и названия (по номенклатуре РККА), так 272-й полк стал 288-м Сталинградским. На следующий день части дивизии вступили в бой. Дивизия сменила в обороне части 2-го гвардейского кавалерийского корпуса и включилась в тяжелые, изнурительные бои в районе северо-западного выступа Курской дуги. 23 марта 1943 г. полк получил боевую задачу перекрыть дорогу Севск – Дмитровск, куда устремились войска противника, 24 марта 1942 г. полк был введен в бой и занял позиции между 271-м и 292-м полками. Полк блестяще выполнил задачу с наименьшими потерями, уничтожил до 800 вражеских солдат и офицеров, захватил большие трофеи. Было подбито два танка и сбит самолет противника, захвачен унтер-офицер, давший ценные сведения. Дивизия закрепилась на отвоеванных рубежах и перешла к обороне на рубеже Василек – Марс – Алексеевский – высота 262,2. За месяц боев дивизия записала на боевой счет 19 уничтоженных танков, 16 орудий, 33 станковых и 40 ручных пулеметов, 23 миномета. Было уничтожено 3369 офицеров и солдат неприятеля и захвачен один пленный. Потери дивизии составили 592 убитыми, 1545 раненными и 396 пропавшими без вести.

В этих условиях резко возросла роль подготовленных стрелков, и в полках дивизии были созданы снайперские команды. Снайперов готовили на дивизионных курсах, которые возглавил лейтенант Ф. Иванов. Это давало свой результат, так только за 2 апреля 1943 г. снайперы полка уничтожили 10 немцев. Всего же снайперы дивизии только в апреле 1943 г. записали на свой боевой счет 485 гитлеровцев.

До 20 мая удерживал полк свои позиции. После чего он сдал их своим сменщикам и был отведен в тыл. Выведенный во второй эшелон полк продолжил боевую работу и готовил район своего сосредоточения к долговременной обороне. О масштабах инженерной подготовки говорят цифры – красноармейцы дивизии за 20 июня отрыли 905 п. м ходов сообщений, оборудовали 19 окопов полного профиля, построили 29 ДЗОТов, оборудовали 13 огневых позиций для минометов, 20 огневых точек для пулеметов и 27 огневых точек

ПТР. Дивизия готовилась к отражению немецкого наступления на северный фас Курского выступа [11, с. 214–215].

К сожалению, именно в апреле 1943 г. погиб последний из установленных авторами иркутянин, начавший службу в 272-м полку. Трагически сложилась судьба уроженца тулунского лесозавода Федора Романова, раненый в бою 29 августа 1942 г. он попал в плен. Из плена воина-чекиста освободили наступающие войска Красной армии 11 февраля 1943 г. Стоит отметить, что из 397 освобожденных пленных, переданных 258-й стрелковой дивизии, было только два воина-чекиста 10-й дивизии (Ф. Романов и Ф. Голобоков). После недолгого отдыха сибиряк получил назначение в 96-ю гвардейскую стрелковую дивизию, в боях под Ворошиловоградом получил тяжелейшее ранение и умер в госпитале от ран 29 апреля 1943 г. И на родину героя в рабочий городок № 9 тулунского лесозавода его жене Марфе Григорьевне ушла горькая весть.

В июле 1943 г. 288-й Сталинградский полк принял участие в знаменитой битве на Курской дуге. 8 июля он начал выдвижение в район Фатежа и на следующий день занял позиции у с. Сотниково. Но уже 13 июля полк сменил позиции вместе с 278-м стрелковым полком 175-й стрелковой дивизии. 15 июля дивизия перешла в наступление против частей немецкой 7-й пехотной дивизии, усиленной частями 4-й и 20-й танковых дивизий вермахта. Против полка действовал 61-й пехотный полк немцев. Однако первая атака оказалось неудачной, дивизия не смогла прорвать позиции противника и понесла тяжелые потери. Основные события происходили у пос. Дегтярный, в 17.30 после короткого огневого налета части полка перешли в наступление. Враг контратаковал, используя восемь танков. В ходе боя в полосе наступления дивизии было уничтожено семь танков противника (из них три тигра). Потери полка составили 46 чел. убитыми и ранеными. С боями, буквально прогрызая оборону противника, полк шаг за шагом теснил его. Всего за время первых боев на курском направлении 288-й полк севернее с. Дегтярское уничтожил три танка, две минометных батареи, семь станковых пулеметов, до 200 солдат и офицеров противника и склад с боеприпасами. Это позволило прорвать оборону врага на тактическую глубину до 15 км. 19 июля 1943 г. Г.П. Савчук был второй раз тяжело ранен и эвакуирован в тыл.

24 июля, выполнив свою задачу, дивизия закрепилась на занятых рубежах и перешла к активной обороне. Противник активно контратаковал, пытаясь перехватить инициативу, 5 августа 1943 г. левый фланг полка (у с. Попово) были атакованы двумя батальонами немецкой пехоты при поддержке 26 танков. Контратаки противника поддерживали авиация и артиллерия. Но контратака 288-го полка на следующий день восстановила положение, и противник был отброшен. Взятый пленный подтвердил участие в боях частей 4-й танковой дивизии немцев, переброшенной с севера. Только 28 июля обескровленный полк был выведен в дивизионный резерв [11, с. 215–216]. Боевая доблесть и мужество 181-й Сталинградской ордена Ленина стрелковой дивизии в Курской битве были отмечены награждением дивизии 21 сентября 1943 г. орденом Красного Знамени.

Не менее доблестно сражались воины 106-й Забайкальской дивизии, сформированной из пограничников Забайкалья и Восточной Сибири. В дивизии сражался уроженец с. Баргадай Владимир Корнилович Беломестных. 15 октября 1943 г. Беломестных первым из группы десантников достиг правого берега Днепра в районе пос. Лоев Гомельской области Белорусской ССР. В течение 20 часов он переправлял через реку на захваченный плацдарм бойцов, несмотря на огонь противника. Он совершил 12 рейсов, перевезя в общей сложности 185 чел. с оружием и боеприпасами. Когда поврежденная лодка затонула, он принял участие в боях на плацдарме. Группе Беломестных удалось захватить станковый пулемет и две пушки. На отвоеванном плацдарме Беломестных водрузил флаг с надписью: «Днепр наш!». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» старшина Владимир Беломестных был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

За форсирование Днепра звание Героя Советского Союза посмертно получил и уроженец с. Верхоленска старший сержант 118-го стрелкового полка Забайкальской дивизии Константин Афанасьевич Пуляевский [3,с. 49–51, 134–136; 2]. Вот как описывает подвиг отважного чекиста профессор И.И. Кузнецов: «В ночь на 15 октября 1943 штурмовой отряд 188-го стрелкового полка, в составе которого

был и старший сержант К.А. Пуляевский, форсировал Днепр в районе села Каменка. С бойцами своего взвода Константин Пуляевский продвигался к реке, невзирая на сильный обстрел с западного берега. В числе первых он выбрался на обрывистый берег. Против горстки советских бойцов фашисты пустили в ход все огневые средства. Командир взвода был ранен. Командование принял на себя его помощник Пуляевский, он повел взвод в наступление. Захватив плацдарм, К.А. Пуляевский принял все меры, чтобы закрепить его за собой. Он разместил стрелков, наметил сектора обстрела. Враг трижды контратаковал группу Пуляевского превосходящими силами, но сибиряки крепко держали завоеванный рубеж. На следующий день фашисты снова контратаковали, но взвод Пуляевского уже получил подкрепление – под покровом темноты на захваченный пятачок земли переправились другие подразделения полка. Накопив силы, наши части перешли в решительное наступление» [3, с. 135–136].

Тяжелейшее ранение в битве на Курской дуге получил пограничник Николай Францевич Салацкий, впоследствии ставший председателем Иркутского горисполкома и возглавлявший город в 1962–1980 гг. [9]. В 1938 г. Н.Ф. Салацкий был призван в Красную армию в пограничные войска, служил на р. Амур в с. Покровка. С первых дней службы его зачислили в школу младших командиров при маневренной группе погранотряда. В 1939 г. он стал помощником комвзвода, в январе 1940 г. – старшиной пограничной заставы Амазар, а в январе 1941 г. – политруком пограничной заставы Тымагер. Человек своего поколения, с началом Великой Отечественной войны он считал, что его место на фронте. «В этой армии в составе 106-й стрелковой дивизии и сражался наш 236-й стрелковый полк, сформированный в Иркутске и состоявший больше всего из иркутян, бывших пограничников, моих сослуживцев». По словам Н.Ф. Салацкого, полк формировался в рабочем предместье Иркутска на ул. Баррикад. Первый бой Николая оказался и его последним боем: «...Меня отбросило, упал вниз головой, лицом в картофельную борозду. Через какой-то миг очнулся, приподнял голову, увидел капитана и тихо сказал: «Товарищ капитан, меня убило» [9, с. 30–46]. Но, к счастью, он выжил. Несколько операций в прифронтовых госпиталях, долгое восстановление на Родине. До конца жизни Н.Ф. Салацкий носил в своем теле 35 осколков и одну пулю. 20 декабря

1943 г. он был комиссован и признан инвалидом 2-й группы. Дальше его ждала партийная и хозяйственная работа. В 1962 г. Николай Францевич стал председателем иркутского горисполкома. За 18 лет работы Салацкого в городе появилось 36 новых школ, 95 детских садов, три роддома. Была возведена Ново-Иркутская ТЭЦ, началось движение троллейбусов, появилась трамвайная линия в предместье Рабочее. В эти годы был построен торговый комплекс, здание цирка, гостиницы «Ангара» и «Турист», Дворец спорта, благоустроена набережная Ангары. При нем же началось создание музея деревянного зодчества «Тальцы», в католическом костеле открылся органный зал, а в доме Трубецкого – Музей декабристов. В 1975 г. он стал одним из инициаторов создания мемориала «Вечный огонь».

Свято чтят земляки память о героях-чекистах. В апреле 2004 г. по решению городской Думы г. Иркутска № 42-6гД(3)/019-20-42-1 от 26 января 2001 г. на доме № 17 по ул. Салацкого установлена мемориальная доска из белого мрамора с накладными барельефами: «Салацкий Николай Францевич. Почетный гражданин города Иркутска, ветеран Великой Отечественной войны, в 1962–1980 гг. – председатель Иркутского горисполкома, внес значительный вклад в развитие г. Иркутска» [12, л. 4–6, 41, 56–57]. 17 октября 2019 г., к 100-летнему юбилею, был открыт памятник почетному гражданину Иркутска, председателю Иркутского горисполкома Николаю Салацкому. Бюст бывшему войну-чекисту 106-й Забайкальской дивизии расположился в сквере на ул. Карла Маркса (в районе дома № 10) областного центра, рядом с домом, где он жил долгие годы. На школе в с. Новая Уда, где учился Герой Советского Союза Владимир Корнилович Беломестных, по инициативе иркутского отделения РВИО установлена мемориальная доска. А в честь Героя Советского Союза – чекиста, майора Забайкальской дивизии Бориса Андреевича Пискунова в 1995 г. еще при его жизни (!) была названа одна из иркутских улиц.

В 2021 г. региональным отделением РВИО в Иркутской области была подготовлена монография о боевом пути 272-го стрелкового Сталинградского полка НКВД [11], а к юбилею создания Отдельной армии НКВД и 80-летию Курской битвы планируется издание, посвященное истории сибирских частей и соединений НКВД в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Жданов С.А.* Пограничники Забайкалья накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Иркутск, 2015.

2. Иркутяне – Герои Советского Союза, Герои России, полные кавалеры ордена Славы: науч. изд. / авт.-сост. А.В. Ануфриев [и др.]; ред. С.И. Кузнецов. – Иркутск, 2015.

3. *Кузнецов И.И.* Золотые звезды иркутян. – Иркутск, 1982.

4. *Мальков В.* В пекле огненной дуги // URL: https://my-books.me/books/boeviki/page-32-94166-vitalii-malkov-v-pekle-ognennoi-dugi.html (дата обращения: 09.06.2025).

5. ОБД «Память народа» // ОБД «Подвиг народа»: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=437716118&backurl=q%5C181%20стрелковая%20дивизия::use_main_string%5Ctrue::group%5Cjbd::types%5Cjbd (дата обращения: 09.06.2025).

6. Пограничник Забайкалья. – 1945. – 30 мая.

7. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 39026. Оп. 1. Д. 409.

8. *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг // URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/rokossovsky/14.html (дата обращения: 09.06.2023).

9. *Салацкий Н.Ф.* О былом как было. Записки председателя горисполкома. – Иркутск, 1992.

10. *Сараев А.А.* Стояли насмерть. – Волгоград, 1976.

11. Так сражались чекисты: история и боевой путь 272-го иркутского полка от Байкала до Сталинграда / А.В. Ануфриев, И.В. Чапыгин, А.В. Южаков. – Иркутск, 2021.

12. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области). Ф. 127. Оп. 107. Д. 199.

A.V. Anufriev,
A.V. Yuzhakov

IRKUTSK RESIDENTS-CHEKISTS AS PART OF THE SEPARATE ARMY OF THE NKVD

Annotation. The article is devoted to the formations and units of the NKVD troops created in Eastern Siberia. The authors show their formation, combat path during the Great Patriotic War and preservation of historical memory about them. Special attention is paid to the feats of our fellow countrymen who served in the Separate Army of the NKVD.

Keywords: Great Patriotic War, railway security forces, historical memory, Kursk Bulge, NKVD, border guards, heroic deeds.

УДК 94(470.343)

О.Е. Ащеулов

«КАТЮШИ» В БОЯХ ЗА СТАЛИНГРАД: РОЛЬ ГВАРДЕЙСКИХ МИНОМЕТНЫХ ЧАСТЕЙ В ОБОРОНИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Аннотация. В статье на основе рассекреченных постановлений Государственного комитета обороны (ГКО) СССР, а также материалов из «особой папки» Г.М. Маленкова по вопросам формирования полевой реактивной артиллерии Красной армии рассматривается краткая история формирования гвардейских минометных частей (ГМЧ) в первый период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). В статье автор также кратко анализирует особенности применения гвардейских минометных частей в ходе оборонительного этапа Сталинградской битвы. В заключение статьи автор на основе имеющихся материалов делает выводы о роли ГМЧ в отражении немецкого наступления на Сталинград.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, «Катюша», гвардейские минометные части (ГМЧ), Сталинградская битва.

Одним из самых известных и популярных символов оружия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне являются реактивные системы залпового огня БМ-8 и БМ-13, получившие в народе ласковое прозвище «Катюша» и ставшие основным вооружением для гвардейских минометных частей в 1941–1945 гг. В данной статье кратко рассмотрен процесс формирования гвардейских минометных частей в 1941–1942 гг., а также освещена их роль в оборонительном этапе Сталинградской битвы.

Началом формирования гвардейских минометных частей послужило постановление ЦК ВКП (б) от 21 июня 1941 г. о развертывании серийного производства снарядов М-13, пусковых установок М-13 и начало формирования частей реактивной артиллерии. Первой отдельной батареей, получившей семь установок БМ-13, командовал капитан И.А. Флеров.

Успешные действия батарей реактивной артиллерии способствовали бурному росту этого молодого вида оружия. Уже 8 августа 1941 г. по приказу Верховного главнокомандующего И.В. Сталина

началось формирование первых восьми полков реактивной артиллерии, которое было закончено к 12 сентября того же года. Дополнительно к этим полкам до конца сентября был создан девятый по счету полк.

Элитность и значимость батарей дивизионов и полков реактивной артиллерии Красной армии подчеркивалось тем обстоятельством, что сразу при формировании им присваивалось почетное наименование гвардейских. По данной причине, а также в целях соблюдения секретности советская реактивная артиллерия и получила свое официальное название – «гвардейские минометные части» (ГМЧ). В массовом сознании за установками полевой реактивной артиллерии М-8 и М-13 закрепилось другое название – «Катюши».

Советское военное руководство по достоинству оценило все перспективы нового оружия. Уже 8 сентября 1941 г. вышло постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № 642 [1, л. 188–189], которое стало важной вехой в истории советской полевой реактивной артиллерии. Согласно данному постановлению гвардейские минометные части были выделены из состава Главного артиллерийского управления. Одновременно с этим вводилась должность командующего гвардейскими минометными частями, который должен был подчиняться непосредственно Ставке Главного Верховного Командования (СВГК) Советского Союза. Первым командующим гвардейскими минометными частями (ГМЧ) стал военинженер 1-го ранга В.В. Аборенков, бывший до этого заместителем начальника Главного артиллерийского управления. При командующем ГМЧ был сформирован штаб, главное управление вооружений минометных частей М-8 и М-13, а также оперативные группы на основных направлениях.

Основной тактической единицей гвардейских минометных частей стал гвардейский минометный полк. Организационно он состоял из трех дивизионов реактивных установок М-8 или М-13, зенитного дивизиона, а также подразделений обслуживания. Всего в полку числилось 1414 чел., 36 боевых машин, двенадцать 37-миллиметровых зенитных пушек, 9 зенитных пулеметов ДШК и 18 ручных пулеметов. Однако тяжелое положение на фронтах и снижение выпуска зенитных артиллерийских орудий привело к тому, что в 1941 г. некоторые части реактивной артиллерии в реальности

не имели зенитного артиллерийского дивизиона. Переход к штатной организации на базе полка обеспечил повышение плотности огня по сравнению со структурой на базе отдельных батарей или дивизионов. Залп одного полка реактивных установок М-13 состоял из 576, а полка реактивных установок М-8 из 1296 реактивных снарядов [1, л. 191–198].

Анализ постановлений Государственного комитета обороны позволяет сделать вывод о стремительном развитии гвардейских минометных частей. Приведем лишь несколько примеров. Постановлением ГКО № 1152 от 15 января 1942 г. [2, л. 95–100] на командующего гвардейскими минометными частями возлагалось формирование в Москве 20 полков М-13 в период с 15 января по 5 марта 1942 г. Следует отметить, что данные полки формировались уже по новому штату, утвержденному Наркоматом обороны СССР 13 января 1942 г. 9 марта того же года вышло постановление ГКО № 1413, в котором Аборенкову приказывалось сформировать до 25 апреля 20 новых полков М-8 и М-13 [3, л. 1–14]. При этом вновь создаваемые полки оснащались установками реактивных снарядов, смонтированными на автомобилях иностранного производства «Форд Мармон» и «Остин». Постановление ГКО № 1713 от 8 мая 1942 г. поручало В.В. Аборенкову в период с 5 июня по 5 июля 1942 г. сформировать дополнительно 15 гвардейских минометных полков и 15 отдельных гвардейских минометных дивизионов М-8 и М-13.

Вскоре у «Катюши» объявился «младший брат». В мае 1942 г. группа офицеров Главного управления вооружений разработала снаряд М-30, в котором к ракетному двигателю от М-13 присоединялась мощная надкалиберная головная часть, выполненная в форме эллипсоида, с максимальным диаметром 300 мм. После успешных полигонных испытаний 4 июня 1942 г. Государственный комитет обороны издал постановление № 1867 о принятии на вооружение М-30 и начале его серийного производства [4, л. 89–91].

В течение июня и первой половины июля 1942 г. было сформировано 20 отдельных гвардейских минометных дивизионов М-30. Каждый дивизион состоял из трех батарей, по 32 рамы в батарее. Дивизион М-30 (96 рам) в течение двух-пяти минут мог выпустить 384 снаряда при стрельбе на дальности 2600 м. Семь дивизионов М-30 в порядке опыта были объединены в два полка и направлены

на Западный фронт. К концу августа уже имелось более 70 дивизионов М-30, из них основная масса была сосредоточена в войсках Волховского, Калининского, Западного и Сталинградского фронтов.

Подведем некоторые краткие итоги развития гвардейских минометных частей в 1941–1942 гг. Для первого периода Великой Отечественной войны характерной чертой стало бурное развитие реактивной артиллерии. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные. На 1 января 1942 г. в фронтах и резерве Ставки Верховного Главнокомандования имелись: 31 отдельный дивизион М-8 и 43 отдельных дивизионов М-13, а также 3 полка реактивных установок М-8 и 2 полка реактивных установок М-13 (всего 87 дивизионов). По состоянию на 4 июля 1942 г. Красная армия располагала уже 23 отдельными дивизионами М-8, 19 отдельными дивизионами М-13 и 12 отдельными дивизионами М-30. Кроме того, к этому числу следует прибавить 10 отдельных полков М-8 и 44 отдельных полка М-13. Таким образом, всего на 1 июля 1942 г. насчитывалось 216 дивизионов реактивной артиллерии.

К 19 ноября 1942 г. в общей сложности на фронтах и резерве СВГК было 365 дивизионов реактивной артиллерии. Из них 204 (56 %) составляли дивизионы М-13 и 76 (21 %) дивизионы М-8. На долю тяжелых реактивных установок М-30 приходилось 85 (23 %) дивизионов. При этом 186 дивизионов М-13, 57 дивизионов М-8 и 16 дивизионов М-30 организационно входили в состав полков, а остальные 106 дивизионов (30 %) были отдельными.

Теперь от краткой истории формирования гвардейских минометных частей перейдем к рассмотрению их роли в боевых действиях на примере оборонительного этапа Сталинградской битвы. В отражении непрерывных атак противника на Сталинград весомый вклад также внесли гвардейские минометные части. В общей сложности Сталинградский фронт на 18 июля 1942 г. имел в своем распоряжении девять полков и один отдельный дивизион реактивной артиллерии. В них насчитывалось 67 установок М-8 и 156 установок М-13 [5, л. 76]. Согласно справочнику «Боевой состав Советской Армии 1941–1945 гг.» по состоянию на 1 августа 1942 г. Сталинградский фронт располагал 14 гвардейскими минометными полками и одним отдельным гвардейским минометным дивизионом реактивных установок.

Количество гвардейских минометных частей, участвовавших в боях за Сталинград, возрастало в ходе всего оборонительного этапа Сталинградской битвы. К 12 сентября 1942 г. советские войска на сталинградском направлении располагали уже 27 полками и 3 отдельными дивизионами М-8 и М-13, а также 16 отдельными дивизионами М-30. Таким образом, всего на 12 сентября 1942 г. войска сталинградского направления имели 98 дивизионов полевой реактивной артиллерии. Мощной группировкой реактивной артиллерии обладал образованный 1 октября 1942 г. Донской фронт под командованием генерал-лейтенанта Рокоссовского К.К. На 1 октября 1942 г. в его состав входили 15 гвардейских минометных полков и 2 отдельных гвардейских минометных дивизиона. В октябре 1942 г. на сталинградское направление дополнительно прибыли с Западного фронта еще два отдельных гвардейских минометных дивизиона М-30, которые приняли участие в оборонительных боях за Сталинград. Гвардейские минометные части, прибывавшие на сталинградское направление в первой половине ноября 1942 г., поступали в распоряжение вновь сформированного в конце октября 1942 г. Юго-Западного фронта. В ходе оборонительного этапа Сталинградской битвы для удобства управления были созданы две оперативные группы гвардейских минометных частей.

Внезапные залпы реактивных минометных установок опустошали ряды наступавших немецких войск, сжигали их боевую технику. В разгар ожесточенных боев многие гвардейские минометные полки производили по 20–30 залпов в день. Замечательные образцы боевой работы показал 19-й гвардейский минометный полк. Этот полк только за один день боя произвел 30 залпов. Боевые реактивные установки полка находились вместе с передовыми подразделениями нашей пехоты и уничтожили большое число немецких и румынских солдат и офицеров. Реактивная артиллерия пользовалась огромной любовью защитников Сталинграда и прежде всего пехоты.

Участие реактивной артиллерии в обороне Сталинграда можно проследить на примере боевых действий 19-го гвардейского минометного полка под командованием полковника Ерохина А.И. Лично В.И. Чуйков в своих воспоминаниях писал, что «он никогда не забудет полк «Катюш» во главе с полковником Ерохиным» [7, с. 181]. В этом полку направляющие рамы (рельсы) для снарядов

были смонтированы на гусеничной базе танка Т-60, которая давала этим установкам хорошую маневренность на любом месте и местности. Боевые реактивные установки полка находились вместе с передовыми подразделениями пехоты и уничтожили большое число немецких и румынских солдат и офицеров. 26 июля на правом берегу Дона полк А.И. Ерохина участвовал в отражении наступления 51-го армейского корпуса фашистов. В начале августа он вошел в южную оперативную группу войск. В первых числах сентября во время немецких танковых атак на р. Червленная в районе д. Цибенко полк опять на самом опасном месте дал залп 82-миллиметровых «Катюш» по основным силам врага. Когда 62-я армия вела уличные бои с сентября до конца января 1943 г. полк «Катюш» полковника Ерохина А.И. постоянно получал боевые задачи командарма Чуйкова В.И. от командующего артиллерией армии генерала Пожарского Н.М. Находясь в самом Сталинграде, выбрав позиции за крутым берегом Волги, этот полк был неуязвим для артиллерийского обстрела противника. Свои же боевые установки на гусеничном ходу Ерохин быстро выводил на огневые позиции, давал залп и с такой же быстротой снова уходил в укрытие. Поддерживая части 62-й армии Чуйкова при обороне Сталинграда, реактивные установки полка А.И. Ерохина производили 10–20 залпов в сутки. В качестве доказательства приведем отрывок из отчета о боевой деятельности 19-го гвардейского минометного полка в оборонительных боях Сталинградской битвы: «…4-го октября получено боевое распоряжение опергруппы ГМЧ Сталинградского фронта: полку в полном составе выйти из подчинения 64-й армии и войти в подчинение 62-й армии, сосредоточиться в районе завода «Красный октябрь» г. Сталинград. В обороне г. Сталинграда 112-й дивизион 19-го гвардейского минометного полка показал образцы борьбы с немецкими захватчиками, личный состав, не щадя своей жизни и силы, громил немецкие полчища – производил от 10 до 20 залпов в сутки, несмотря на усиленный минометно-артиллерийский огонь и бомбежку противника. Весь личный состав, находившийся на правом берегу реки Волга, за мужественную борьбу с врагом командующим 62-й армии генерал-лейтенантом Чуйковым В.И. награжден правительственными наградами, орденами и медалями...» [6, л. 234]. По подсчетам с советской стороны, за время оборонительных боев под

Сталинградом вышеуказанным полком Ерохина было отбито свыше 40 атак, сожжено и подбито более 50 танков, уничтожено 160 автомашин и 14 минометных батарей, а также большое количество живой силы противника. Эти данные выглядят завышенными, но они дают представление о той напряженной работе, которая выпала на долю частей реактивной артиллерии Сталинградского фронта в оборонительных боях.

Активно действовали части реактивной артиллерии и на других фронтах в ходе оборонительного этапа Сталинградской битвы. Согласно официальной статистике, в общей сложности за период оборонительных боев под Сталинградом гвардейскими минометными частями было произведено 45 полковых, 1400 дивизионных, 1120 батарейных залпов и сотни залпов отдельными боевыми машинами реактивной артиллерии. Всего по немецким войскам за оборонительный период Сталинградской битвы было выпущено свыше сотни тысяч реактивных снарядов. Боевая слава гвардейских минометных полков Н.В. Воробьева (4-й гмп), Л.З. Парновского (5-й гмп), Т.Ф. Черняка (18-й гмп) и А.И. Ерохина (19-й гмп) гремела на весь фронт.

Анализ архивных материалов и мемуарной литературы позволяет сделать вывод о том, что гвардейские минометные части внесли существенный вклад в победу советских войск в Сталинградской битве, нанося противнику большие потери в живой силе и технике. Однако, кроме материального ущерба, огонь реактивных установок оказывал также на врага сильное морально-психологическое воздействие, что также нашло отражение в исторических источниках.

Источники и литература

1. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 644. Оп. 1. Д. 8.

2. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19.

3. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 24.

4. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 38.

5. РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 26.

6. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 12713. Оп. 1. Д. 10.

7. *Чуйков В.И.* Сражение века. – М., 1975.

O.E. Ashcheulov

"KATYUSHA" IN THE BATTLES FOR STALINGRAD: THE ROLE OF GUARDS MORTAR UNITS IN THE DEFENSIVE STAGE OF THE BATTLE OF STALINGRAD

Annotation. Based on declassified resolutions of the USSR State Defense Committee (GKO), as well as materials from G.M. Malenkov's "special folder" on the formation of field rocket artillery of the Red Army, a brief history of the formation of Guards mortar units in the first period of the Great Patriotic War (June 22, 1941 – November 18, 1942) is considered in the article. The author also briefly analyzes the features of the use of Guards mortar units during the defensive stage of the Battle of Stalingrad. In conclusion, the author draws conclusions on the basis of available materials about the role of theGuards mortar units in repelling the German offensive on Stalingrad.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, "Katyusha", Guards mortar units.

УДК 94(47).084.8

П.И. Бусыгин,
С.А. Новожилов

УРОЖЕНЦЫ МАРИЙСКОЙ АССР В СОСТАВЕ 137-го ГАУБИЧНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА РЕЗЕРВА ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ (РГК) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Аннотация. В данной статье авторы раскрывают вклад в Победу жителей Марийской АССР, воевавших в составе 137-го гаубичного артиллерийского полка Резерва Главного Командования (РГК), а также исследуют его боевой путь.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Победа, 137 гап РГК, артиллерия.

Победа в Великой Отечественной войне стоила Советскому Союзу серьезных людских и материальных потерь. Несмотря на это, граждане страны проявили исключительный героизм, встав на ее защиту от немецко-фашистских захватчиков. В их числе – уроженцы

O.E. Ashcheulov

"KATYUSHA" IN THE BATTLES FOR STALINGRAD: THE ROLE OF GUARDS MORTAR UNITS IN THE DEFENSIVE STAGE OF THE BATTLE OF STALINGRAD

Annotation. Based on declassified resolutions of the USSR State Defense Committee (GKO), as well as materials from G.M. Malenkov's "special folder" on the formation of field rocket artillery of the Red Army, a brief history of the formation of Guards mortar units in the first period of the Great Patriotic War (June 22, 1941 – November 18, 1942) is considered in the article. The author also briefly analyzes the features of the use of Guards mortar units during the defensive stage of the Battle of Stalingrad. In conclusion, the author draws conclusions on the basis of available materials about the role of theGuards mortar units in repelling the German offensive on Stalingrad.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, "Katyusha", Guards mortar units.

УДК 94(47).084.8

П.И. Бусыгин,
С.А. Новожилов

УРОЖЕНЦЫ МАРИЙСКОЙ АССР В СОСТАВЕ 137-го ГАУБИЧНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА РЕЗЕРВА ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ (РГК) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Аннотация. В данной статье авторы раскрывают вклад в Победу жителей Марийской АССР, воевавших в составе 137-го гаубичного артиллерийского полка Резерва Главного Командования (РГК), а также исследуют его боевой путь.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Победа, 137 гап РГК, артиллерия.

Победа в Великой Отечественной войне стоила Советскому Союзу серьезных людских и материальных потерь. Несмотря на это, граждане страны проявили исключительный героизм, встав на ее защиту от немецко-фашистских захватчиков. В их числе – уроженцы

Марийской АССР, проходившие службу в частях, принадлежащих разным родам войск, в том числе артиллерии.

В данной статье мы обратимся к вкладу в Победу жителей Марийской АССР, воевавших в составе 137-го гаубичного артиллерийского полка Резерва Главного Командования (далее – 137 гап РГК).

В мае 2019 г. марийские поисковики из студенческого поискового отряда МарГУ «Воскресение» проводили поисковые работы в урочищах Гайтолово и Тортолово Кировского района Ленинградской области по эпизодам Синявинской наступательной операции осени 1942 г. [5]. В ходе экспедиции были обнаружены останки подполковника, начальника артиллерии 53-й отдельной стрелковой бригады Штенникова Вениамина Александровича, уроженца г. Мотовилиха Пермской губернии Уральского округа, служившего в 137 гап РГК с 14 ноября 1931 г. по апрель 1942 г. [1]. После этой экспедиции началась архивная работа по поиску родственников и уточнению судьбы Вениамина Александровича, в том числе по установлению имен и судеб его однополчан – уроженцев Марийской АССР.

Необходимо также обратить внимание на историю формирования, боевой путь, материальную часть 137 гап РГК. 137-й гаубичный артиллерийский полк формировался в г. Чугуеве Харьковской области Украинской ССР с 1 октября по декабрь 1931 г., получив наименование «Чугуевская учебная батарея» с подчинением непосредственно начальнику артиллерии Украинского военного округа. Он был оснащен артиллерийскими орудиями большой и малой мощности: с 1931 г. – 203 мм гаубицами Б-4 и с 1937 г. – 152 мм гаубицами МЛ-20. В 1935 г. полк переведен из состава УВО в состав Харьковского военного округа [2]. С 27 по 30 сентября начальник артиллерии РККА проверял состояние вооружения полка. С 4 сентября полк в составе двух дивизионов штаба полка участвовал во

Вениамин Александрович Штенников

Всесоюзных Киевских маневрах. Со своей задачей вполне справился и получил оценку «отлично». В результате денежное поощрение получили 10 чел., в том числе – В.А. Штенников [2]. 20 февраля 1936 г. полк сформировал из 1-го и 2-го дивизионов три учебных корпусных дивизиона большой мощности, а 15 июня сформированные дивизионы убыли: 1-й учебный дивизион – в распоряжение 8-го стрелкового корпуса, г. Житомир; 2-й учебный дивизион – в распоряжение 6-го стрелкового корпуса, г. Одесса; 3-й учебный дивизион – в распоряжение 15-го стрелкового корпуса, г. Чернигов [2].

25 сентября 1939 г. 137 гап РГК, снабженный техникой, убыл на освобождение братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии [3, л. 2]. В пути он получил распоряжение сосредоточиться в г. Проскуров, куда и прибыл последний эшелон 6 ноября 1939 г., а затем, пройдя своим ходом 150-километровый марш от Проскурова, полк переехал в г. Винница [3, л. 3]. 21 декабря 1939 г. в день празднования 8-й годовщины полка был получен приказ командующего Киевским особым военным округом об отправке полка на Северо-Западный фронт для участия в боях советско-финляндской войны [3, л. 3].

С 5 по 17 февраля 1940 г. полк преодолевает укрепрайон финской армии на участке Салменкайта – Вуокси. Как отмечалось в «Журнале боевых действий и учета боевого опыта артиллерии» в марте 1940 г., тяжелая артиллерия обеспечила «в основном разгром, так как … организованная артподготовка не обеспечивала продвижение, и только систематические последовательные разрушения ДОТ-ДЗОТ обеспечивали продвижение частей» [4, л. 31–35]. С 10 июня по 1 июля 1940 г. 137 гап РГК участвовал в походах и подготовке боевых действий по освобождению Бессарабии от Румынии, входил в 5-ю армию, 49-й стрелковый корпус, действуя на участке 80-й стрелковой дивизии Вороновица – Макаровка, занимая боевой порядок у с. Большая Мукша – Баговица. После включения Бессарабии в состав СССР полк возвращается в место своей прежней дислокации [3, л. 3].

Начало Великой Отечественной войны 137 гап РГК встретил в Виннице и оказался в составе Юго-Восточного фронта. 2 июля 1941 г. поступил приказ об отступлении полка вглубь страны. Отступление осуществлялось организованно, передвигались преиму-

щественно по лесным дорогам, причем по двум маршрутам – для гусеничных машин и колесных автомобилей [11, л. 7]. 18 июля 137 гап РГК дал бой врагу у г. Ямполя, срывая переправу противника несколько дней. В этом бою В.А. Штенников, будучи командиром 4-го дивизиона тяжелых гаубиц Б-4, «находясь под артиллерийским и минометным огнем противника, под бомбежкой авиации, личным примером бесстрашия и мужества воодушевлял своих подчиненных на образцовое выполнение боевого приказа. Благодаря его умелому руководству была сорвана подготавливаемая переправа врага» [1]. 19 августа полк с минимальными потерями и сохраненной материальной базой подошел к железнодорожной станции Пришиб, погрузился в составы и начал «движение до Тоцкого лагеря» для ремонта материальной части и отдыха. Всего за июль – август 1941 г. 137 гап РГК своим ходом преодолел более 1400 км [12, л. 59–62].

Далее мы можем увидеть участие полка в контрнаступлении под Москвой. 3 декабря он занял боевой порядок по линии Лианозово – Алтуфьево – Ильинский соцгородок [12, л. 76]. На 4 декабря 1941 г. качество обмундирования и снаряжения было низким. Из переписки командира 137 гап РГК майора Лебедева с начальником обозно-вещевого отдела штаба обороны г. Москвы полковником Хрипуновым выясняется, что «…полк прибыл в действующую армию в летнем обмундировании, которое пришло в совершенную негодность… ПРИВО, куда прибыл полк, выдал только теплое белье и перчатки. Обещал выдать шапки-ушанки, ватные фуфайки и ватные брюки и выслать их, но когда оно прибудет в данных условиях, предположить трудно. Полушубков и валенок ПРИВО не выдал и не обещает» [12, л. 78]. Тем не менее полк поставленную задачу по артиллерийской поддержке контрнаступления под Москвой успешно выполнил и отправился 30 декабря на Волховский фронт, где поддерживал наступающие части Красной армии. В апреле 1942 г. 137 гап РГК был реорганизован в 1196 гап, а в июле 1943 г. преобразован путем слияния с 324 гап в 120-ю гаубичную артиллерийскую бригаду.

Такой боевой путь наравне со В.А. Штенниковым в составе 137 гап РГК прошли и его сослуживцы – уроженцы Марийской АССР: Бабин Анатолий Иванович, Бессонов Дмитрий Иванович, Булатов Николай Иванович, Вараксин Василий Захарович, Виного-

ров Лаврентий Федорович, Головенкин Анатолий Васильевич, Губин Петр Александрович, Егошин Кирилл Васильевич, Кудрявцев Алексей Филиппович, Кузьминых Григорий Кузьмич, Назаров Дмитрий Андреевич, Овчинников Павел Иванович, Прозоров Григорий Григорьевич, Рябинин Павел Данилович, Толстухин Иван Андреевич, Фурзиков Николай Ильич, Шабалин Василий Семенович.

По изученным архивным документам Центрального архива Министерства обороны РФ, относящимся к 137 гап РГК, 1196 гап и 120 габр, выявлено 17 жителей Марийской АССР, проходивших службу в этом полку первыми номерами, наводчиками, топографами, шоферами, телефонистами, разведчиками. Большинство из них молодые люди 1919–1922 года рождения, призванные в 1940 г. – 13 чел., в 1942 г. – 3 чел. 12 уроженцев в составе 137 гап РГК участвовали в контрнаступлении под Москвой.

Григорий Григорьевич Прозоров родился 29 ноября 1920 г. в д. Тишкино Пектубаевского сельсовета Новоторъяльского района. В Красной армии – с октября 1940 г. Член ВКП(б). На участке 67-й армии во время Синявинской разведал четыре ДЗОТа, четыре артиллерийских батареи и две батареи шестиствольных минометов, а на участке 42-й армии – один ДЗОТ, пять артиллерийских батарей и три отдельных орудия. Являлся одним из лучших разведчиков. За этот подвиг был награжден медалью «За боевые заслуги» [7, л. 16]. Также в период подготовки к прорыву обороны противника на Наревском плацдарме с 1 по 14 января 1945 г., изучая оборону противника, с передовых наблюдательных пунктов разведал пять ДЗОТов, три артиллерийских и одну минометную батарею, которые были разрушены или подавлены огнем советских батарей, за что был награжден орденом Красной Звезды [8, л. 220].

Григорий Григорьевич Прозоров

Дмитрий Андреевич Назаров родился 22 октября 1920 г. в с. Кумья Килемарского района. В Красной армии – с 1940 г. Служил шофером, показав себя одним из лучших, не имеющих аварий. Работая на подвозке горючего в боевые подразделения под огнем противника, показывал образцы вождения автомашины по дорогам, непригодным к движению [9, л. 238]. За свою находчивость и мастерство был награжден медалью «За боевые заслуги» в 1944 г. и орденом Красной Звезды в 1945 г. [10, л. 110]. Умер в 1978 г.

Григорий Кузьмич Кузьминых

Григорий Кузьмич Кузьминых родился 23 января 1921 г. в с. Шулка Оршанского района. В Красной армии – с 1940 г. Служил орудийным номером. В течение 4 и 5 марта 1945 г. под артиллерийским и пулеметным огнем противника, рискуя жизнью, обеспечил успешную работу орудия, которое в период артиллерийского обеспечения частей 381-й стрелковой дивизии разрушило один ДЗОТ, подавило и уничтожило шесть пулеметных точек, две минометные батареи и одно орудие прямой наводки противника, в результате чего части дивизии овладели высотами 75,4 и 71,7 и завершили уничтожение окруженной группировки противника, овладели городом и крепостью Грауденц. За свой подвиг награжден медалью «За отвагу» [6, л. 230]. Умер 2 июня 1998 г.

На примере боевого пути нескольких уроженцев Марийской АССР в 137 гап РГК можно сделать вывод о большом личном вкладе каждого бойца в Победу, направленного при этом на помощь и поддержку своих однополчан и стрелковых частей, нуждающихся в артиллерийском огне, топливе, вскрытии вражеских укреплений и т.д. Таким образом, жители Марийской АССР в составе 137 гап РГК достойно прошли непростой боевой путь, точно выполняя задачи, поставленные перед ними для достижения успехов на фронте и Победы.

Источники и литература

1. Личное дело № 39999 Штенников Вениамин Александрович // URL: https://www.v-ipc.ru/man/39999/main (дата обращения: 31.08.2025).
2. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 34912. Оп. 1. Д. 1434.
3. РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 1467.
4. РГВА. Ф. 34980. Оп. 6. Д. 460.
5. Синявинская наступательная операция // URL: https://pamyat-naroda.ru/ops/sinyavinskaya-nastupatelnaya-operatsiya/ (дата обращения: 31.08.2025).
6. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 33. Оп. 687572. Д. 565.
7. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686004. Д. 2051.
8. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1596.
9. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4770.
10. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2127.
11. ЦАМО РФ. Ф. 10921. Оп. 1. Д. 1.
12. ЦАМО РФ. Ф. 10921. Оп. 1. Д. 2.

P.I. Busygin,
S.A. Novozhilov

NATIVES OF THE MARI ASSR AS PART OF THE 137TH HOWITZER ARTILLERY REGIMENT OF THE MAIN COMMAND RESERVE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Annotation. In this article, the author will reveal the contribution to the Victory of the inhabitants of the Mari ASSR, who fought as part of the 137th howitzer artillery Regiment of the Reserve of the High Command, and also consider the combat path of the regiment.

Keywords: The Great Patriotic War, Victory, 137 hap RGK, artillery.

УДК [94+338.45:681.11](470-25+470.41)(091).084.8

А.С. Бушуев

ВТОРОЙ МОСКОВСКИЙ ЧАСОВОЙ ЗАВОД И ЕГО РАБОТА В г. ЧИСТОПОЛЕ ТАТАРСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассмотрена работа Московского часового завода № 2 (завода № 835 Наркомата минометного вооружения СССР) в годы Великой Отечественной войны во время эвакуации в г. Чистополь Татарской АССР. Показана история перебазирования завода на новые производственные площади в связи с эвакуацией, охарактеризована специфика перехода на производство военной продукции. На привлеченном архивном материале показан трудовой героизм работников данного предприятия в тяжелых условиях военного времени и динамика получения государственных наград.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 2-й Московский часовой завод, завод № 835 Наркомата минометного вооружения СССР, Татарская АССР, Чистополь.

Начавшаяся Великая Отечественная война и быстрое продвижение сил вермахта к Москве создали угрозу утраты потенциала промышленных предприятий, сосредоточенных в столице Советского Союза. В этой связи Советом по эвакуации при Совнаркоме СССР был разработан общий план эвакуации важнейших промышленных предприятий, который лег в основу известного постановления Государственного комитета обороны СССР от 11 июля 1941 г. № 99сс «Об эвакуации промышленных предприятий» [5, с. 113–114]. В соответствии с этим постановлением началось перебазирование промышленных предприятий вглубь страны.

Татарская АССР стала одним из тыловых регионов, принявших значительную часть эвакуированных предприятий и населения. С началом Великой Отечественной войны сюда было эвакуировано свыше 70 промышленных предприятий из центральных и западных регионов страны [1, л. 5]. Эвакуированные заводы разместились не только в Казани, но и в других городах республики. В числе предприятий, размещенных в г. Чистополе на берегу р. Камы, оказался Московский часовой завод № 2 (директор – Н.С. Лукьянов).

Государственный часовой завод № 2 был образован в г. Москве еще до войны (в ноябре 1924 г.) как Московский электромеханический завод путем объединения Московского радиотелеграфного завода с электромеханическими и часовыми мастерскими. С 1927 г. завод находился под управлением треста точной механики «Точмех», а с 1930 г. после объединения с часовым производством завода «Авиаприбор» получил наименование Государственного часового завода № 2. С началом Великой Отечественной войны завод прекратил выпуск части продукции (будильники, ходики), сократил производство карманных часов, перейдя на выполнение военных заказов для нужд фронта.

Москва быстро стала прифронтовым городом, что сказалось и на жизни предприятия. Более 200 сотрудников завода были включены в состав 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района столицы [7, с. 112–113], а остальные были привлечены к строительству оборонительных сооружений. Дальнейшее ухудшение положения на фронте вынудило активизировать работу по эвакуации предприятий из столицы. В этих условиях 15 октября 1941 г. Совет по эвакуации при СНК СССР издал постановление № 180, в соответствии с которым 20 октября 1941 г. началась эвакуация оборудования и работников завода в г. Чистополь. Всего было эвакуировано 170 вагонов промышленного оборудования и имущества, 488 работников завода, в том числе 128 из числа инженерно-технического персонала. Однако из-за раннего закрытия пароходного сезона на Каме осенью 1941 г. в Чистополь по реке успели переправить лишь 28 вагонов оборудования. Остальное оборудование пришлось в течение зимы 1941–1942 гг. частями перевозить из Казани на санях, сделав более 3 тыс. рейсов.

Для размещения часового производства в городе была выделена площадка Чистопольского ликеро-водочного завода. Усилиями коллектива работников под руководством директора Н.С. Лукьянова и при активном участии главного механика завода И.В. Сурина на имеющейся производственной базе было установлено прибывшее частично оборудование.

Первоначально завод функционировал как 2-й часовой завод в Чистополе, затем на его базе был создан Государственный часовой завод № 5. В соответствии с постановлением СНК СССР

Фото 1. Группа московских специалистов завода № 835 НКМВ СССР. Чистополь. 1942 г. ЧГИАиЛМЗ

№ 837-430сс от 3 июня 1942 г. и приказа Наркомата минометного вооружения № 250с от 7 июля 1942 г. 5-й часовой завод был переименован в завод № 835 и передан в ведение 5-го Главного управления Наркомата минометного вооружения СССР.

С января 1942 г. было начато производство продукции для нужд фронта [9, л. 147] – магнитных взрывателей, рубашек для гранат, позже – автоматических устройств для раскрытия парашютов. В это же время для расширения производства решением Совнаркома ТАССР и исполкома Чистопольского городского совета заводу дополнительно были выделены помещения в школах № 1 и 2, учительском институте на улице Бебеля, сельскохозяйственном техникуме, педагогическом училище и библиотеке.

Весной 1942 г. после открытия судоходства по Каме в г. Чистополь из Казани было доставлено оставшееся оборудование завода, и к июлю производство было запущено на полную мощность. В 1941–1942 гг. прибывшие в эвакуацию в Чистополь инженерно-технические работники обучили 2500 чел. местного населения различным часовым специальностям для последующего привлечения их на производство.

В годы Великой Отечественной войны завод производил часовые приборы военного назначения: танковые и корабельные часы, запалы для противотанковых гранат, приборы учета расхода горючего на самолетах, технические узлы для торпед, самописцы для гидрометеорологической службы, механизмы для мин замедленного действия и другую продукцию [6, с. 139]. С 1943 г. в соответствии с приказом № 369-м Наркомата минометного вооружения СССР «О восстановлении часового производства» на заводе было начато производство наручных часов К-43 «Кировские» (43 мм) для командного состава РККА, приставных ходов и корабельных часов [4, с. 75]. Около 7 тыс. часов и часовых механизмов производили ежегодно в этот период работники предприятия.

Бесперебойный выпуск военной продукции на заводе № 835 в г. Чистополе обеспечивался за счет увеличения рабочего времени и массового трудового героизма рабочих данного предприятия. Паяльщица цеха № 4 Л.И. Теленкова вспоминала позднее: «Работать приходилось по 12–15 часов в сутки. Выходной давали один раз в месяц. Мы, девчонки, вместе с московскими специалистами после работы на заводе шли разгружать баржи с углем и кирпичом, ехали на заготовку дров. Уставали, но на трудности не жаловались, да и кому было жаловаться? Тогда всем было тяжело, так что старались даже вида не подать, что порой не было сил. Много труда в подготовку новых рабочих мест вложили мастера-москвичи Макаров, Мщюнов, Евлинский, Путятянинский, Кирьяков, Соболев, Рыкшин. Они старались вселить в нас веру, что все эти трудности временные, поддерживали, как могли, подбадривали, и это, действительно, очень здорово помогало» [12].

Самоотверженный труд работников завода позволил в годы войны не только выполнять, но и регулярно перевыполнять производственные планы предприятия. Так, в декабре 1942 г. и в январе 1943 г. часовому заводу присуждались третьи премии во Всесоюзном социалистическом соревновании. Производственный план 1943 г. был выполнен на 115,8 %, 1944 г. – на 115,5 %, а в 1945 г. план был выполнен досрочно – к 7 ноября.

Работники завода не только выполняли и перевыполняли производственные показатели, но и активно участвовали в сборе средств на строительство танков. К 23 февраля 1943 г. коллектив предприя-

Фото 2. Фронтовая бригада Л. Завьяловой (цех № 1) завода № 835 НКМВ СССР. Чистополь. 1943 г. ЧГИАиЛМЗ

тия внес на постройку танковой колонны 678 тыс. руб., поэтому построенная благодаря этим средствам танковая колонна получила наименование «Имени завода № 835 Наркомата минометного вооружения».

Массовый трудовой героизм работников предприятия в годы Великой Отечественной войны не остался незамеченным. За выполнение заданий правительства по изготовлению средств военно-инженерного вооружения и снабжению Красной армии коллективу завода была объявлена благодарность Государственного комитета обороны. В 1942–1943 гг. за успешное обеспечение выпуска продукции и перевыполнение производственных планов завод неоднократно получал третьи премии во Всесоюзном социалистическом соревновании. За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны и за сбор средств на строительство танков коллектив завода получил правительственную телеграмму за подписью И.В. Сталина, хранящуюся сегодня в фондах Чистопольского государственного историко-архитектурного и литературного музея-заповедника.

Директор завода Н.С. Лукьянов за образцовое выполнение заданий правительства в годы Великой Отечественной войны и в последующий период был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени (1944) [8], орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), медалью «За оборону Москвы». Приказом № 150 по Военному комиссариату Татарской АССР от 6 ноября 1944 г. за отличное выполнение приказов Верховного Главнокомандующего ему была объявлена благодарность [10].

Кроме того, за проявленную трудовую доблесть в годы войны ряд сотрудников предприятия были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». По имеющимся архивным сведениям подтверждено награждение 1429 работников завода № 835: по акту вручения медалей с мая по август 1946 г. – 451 чел. [2, л. 221–242]; по акту вручения медалей от 4 января 1947 г. – 41 чел. [2, л. 15–16]; по акту от 29 мая 1947 г. – 1 чел. [2, л. 17]; от 4 октября 1947 г. – 435 чел. [3, л. 233–244 об.]; от

Фото 3. Платино-мостовая мастерская цеха № 13 завода № 835 НКМВ СССР. Чистополь. 1945–1946 гг. ЧГИАиЛМЗ

27 ноября 1947 г. – 406 чел. [3, л. 226–232 об.]; от 20 ноября 1947 г. – 30 чел. [2, л. 9–9 об.]; от 10 декабря 1947 г. – 65 чел. [2, л. 9а–9б об.]

Кроме того, согласно Книге почета Чистопольского часового завода, слесарь часового завода А.П. Груздев за достигнутые высокие производственные показатели в социалистическом соревновании в дни Великой Отечественной войны 29 апреля 1945 г. был награжден Почетной грамотой Народного комиссариата минометного вооружения СССР [11].

Таким образом, завод № 835 Народного комиссариата минометных вооружений СССР (эвакуированный в г. Чистополь Государственный часовой завод № 2) внес свой заметный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне, обеспечив бесперебойное производство военной и гражданской продукции благодаря массовому трудовому героизму и самоотверженности работников.

Источники и литература

1. ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. П-15. Оп. 29. Д. 88.

2. ГА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 2. Д. 207.

3. ГА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 2. Д. 354.

4. *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне. – Казань, 1977.

5. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: документы и материалы. Т. 5. Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945), ч. 1 (июнь 1941–1942) / под ред. А.Н. Артизова; сост. Т.В. Сорокина и др. – М., 2020.

6. *Кабирова А.Ш.* Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). – Казань, 2015.

7. Московское ополчение: краткий исторический очерк / Н.М. Алещенко, К.И. Буков, А.Д. Колесник, А.М. Синицын. – М., 1969.

8. Правда. – 1944. – 18 мая.

9. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 8123. Оп. 8. Д. 74.

10. ЧГИАиЛМЗ (Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник). КП-451. Автобиография главного инженера и заместителя начальника Главчаспрома, члена КПСС с июня 1925 г., п/билет № 3294831 Лукьянова Николая Сергеевича.

11. ЧГИАиЛМЗ. КП-9813/160. Книга Почета. Государственный Чистопольский часовой завод Министерства машиностроения и приборостроения Союза ССР. 1947 г.

12. Чистопольский часовой завод: история создания // URL: https://bellofuturo.livejournal.com/2217.html (дата обращения: 12.08.2025).

A.S. Bushuev

THE SECOND MOSCOW WATCH FACTORY AND ITS WORK IN THE CHISTOPOL TOWN OF THE TATAR ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article examines the work of the Moscow Watch Factory № 2 (Factory № 835 of the USSR People's Commissariat of mortar armament) during the Great Patriotic War in the evacuation to the Chistopol town in Tatar ASSR. The history of the relocation of the factory to new production areas due to the evacuation is shown, and the specifics of the transition to the production of military output are characterized. The labor heroism of the workers of this factory in the difficult conditions of wartime and the dynamics of receiving state awards are shown on the basis of the archival material used.

Keywords: the Great Patriotic War, the 2nd Moscow watch factory, factory № 835 of the People's Commissariat of mortar armament of the USSR, Tatar ASSR, Chistopol.

УДК 94(47).084.8

В.А. Гижов

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция концепции советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны. Анализируются изменения, которые произошли в идеологической сфере в военные годы. Автор делает вывод, что трансформация концепции советского патриотизма была связана с экстремальными условиями, в которых оказалось советское государство. Единение общества перед общим врагом, популяризация армии и флота, единство фронта и тыла, прекращение антирелигиозной пропаганды, возврат к определенным ценностям дореволюционной России –

11. ЧГИАиЛМЗ. КП-9813/160. Книга Почета. Государственный Чистопольский часовой завод Министерства машиностроения и приборостроения Союза ССР. 1947 г.

12. Чистопольский часовой завод: история создания // URL: https://bellofuturo.livejournal.com/2217.html (дата обращения: 12.08.2025).

A.S. Bushuev

THE SECOND MOSCOW WATCH FACTORY AND ITS WORK IN THE CHISTOPOL TOWN OF THE TATAR ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article examines the work of the Moscow Watch Factory № 2 (Factory № 835 of the USSR People's Commissariat of mortar armament) during the Great Patriotic War in the evacuation to the Chistopol town in Tatar ASSR. The history of the relocation of the factory to new production areas due to the evacuation is shown, and the specifics of the transition to the production of military output are characterized. The labor heroism of the workers of this factory in the difficult conditions of wartime and the dynamics of receiving state awards are shown on the basis of the archival material used.

Keywords: the Great Patriotic War, the 2nd Moscow watch factory, factory № 835 of the People's Commissariat of mortar armament of the USSR, Tatar ASSR, Chistopol.

УДК 94(47).084.8

В.А. Гижов

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция концепции советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны. Анализируются изменения, которые произошли в идеологической сфере в военные годы. Автор делает вывод, что трансформация концепции советского патриотизма была связана с экстремальными условиями, в которых оказалось советское государство. Единение общества перед общим врагом, популяризация армии и флота, единство фронта и тыла, прекращение антирелигиозной пропаганды, возврат к определенным ценностям дореволюционной России –

все это стало элементами той конструкции, которую претерпела концепция советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, концепция советского патриотизма, идеология, пропаганда, агитация.

Тематика, связанная с Великой Отечественной войной, включает в себя самые различные аспекты: военный, экономический, политический, социальный, повседневный, международный и т.д. И каждый из них не теряет актуальности, пополняясь новыми исследованиями. В данной статье автор сконцентрировал свое внимание на идеологическом аспекте, а именно рассмотрел эволюцию концепции советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны.

К моменту начала войны советская власть существовала почти четверть века, и к этому времени сформировалась концепция советского патриотизма. Она была построена на отрицании прежних параметров, связанных с монархией, религиозностью, народностью в дореволюционном понимании этих слов. Роль теоретического авторитета безоговорочно занял В.И. Ленин, оказавший значительное влияние на становление раннего советского государства. В трудах Ленина был заложен каркас массовой работы и пропаганды и агитации среди коммунистов и населения, стала активно выстраиваться работа в этом направлении. Система партийно-государственного просвещения будет набирать обороты и дальше, став своего рода инструментом, с помощью которого транслировалась и тиражировалась в массы официальная политика властей.

Еще до начала Великой Отечественной войны появилась концепция строительства коммунизма. В 1939 г. на XVIII съезде партии прозвучала мысль: «Двадцать лет работы нашей партии на стройке социализма уже дали результаты – мы построили социалистическое общество. Еще двадцать лет работы дадут нам высшую фазу – коммунистическое общество». Это была крупная идеологическая находка. Данную идею партийная элита бережно перенесла через всю войну и продолжила в послевоенные годы. Наличие таких двух компонентов, как любовь к Родине и строительство коммунизма, оказалось вполне сочетаемым. Подчеркивая величие русского народа в его истории, общественному сознанию внушалась мысль о том,

что только у такой действительно великой нации могло появиться такое великое учение, как ленинизм [2, с. 147–148].

Одной из тенденций, которая явно просматривается в идеологическом направлении в предвоенные годы в средствах массовой информации – на страницах газет, радио активно прославлялись герои разного рода: труда, летчики, полярники, шахтеры, спортсмены, работники науки и творчества и т.д. Другая характерная черта – оптимизм, которым были пронизаны СМИ, кино, литература. Жизнеутверждающие фильмы, фотографии улыбчивых людей в газетах, журналах, образы позитивных, успешных героев тиражировались в произведениях советских писателей. Это была своего рода реклама той эпохи со стороны официальной власти.

Составной частью концепции советского патриотизма становится популяризация армии и флота. Это особенно ощущается после введения указа «О всеобщей воинской обязанности» 1939 г. Концепция о том, что вооруженные силы страны носят исключительно классовый характер и ориентированы на рабочих и крестьян, сменяется на идеологему, согласно которой все мужчины СССР определенного возраста должны были нести военную службу [4, с. 199–200].

Так, призывная кампания 1939 г. отличалась активной агитационной и пропагандистской составляющей. Военкоматы были украшены портретами вождей, лозунгами и красными флагами, играла бравурная музыка, создавалась атмосфера воодушевления и праздника [4, с. 201].

Автор солидарен с отечественным историком В.Н. Земсковым, который считает, что именно в предвоенные годы сформировалась советская общественно-политическая система с присущими ей особенностями. Она имела массовую поддержку среди населения. Поэтому советские граждане в массе своей в случае военной опасности были готовы защищать не только свою Родину, но и сложившуюся в СССР общественно-политическую систему, его государственный строй. В СССР царил дух боевитости, готовности к ратным и трудовым подвигам, предрасположенности к массовому героизму и самопожертвованию [3, с. 93].

Концепция советского патриотизма изначально выстраивалась на тезисе о многонациональности Советского Союза. Уже упоми-

навшийся выше В.Н. Земсков считает, что включавший в себя десятки наций и народностей советский суперэтнос, который обычно называют советским народом, являлся порождением именно сложившегося в СССР общественно-политического строя [3, с. 94]. И эта мысль будет применяться идеологическими структурами и в годы войны. Монолитность общества, братство народов, взаимопроникновение и взаимообогащение культур, родная земля, которая нуждается в защите от врага, – все эти посылы транслировались в широкие массы в годы Великой Отечественной войны.

С первого дня войны стал использоваться термин Отечественная война, сначала неофициально, а впоследствии и официально. В заявлении Советского правительства от 22 июня 1941 г., в частности, упоминалось, что Россия уже подвергалась вторжениям, что «в свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной и Наполеон потерпел поражение», и подчеркивалось «то же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу» [7].

Еще одним важным направлением идеологической деятельности было убеждение народа в его силе и непобедимости. Это особенно было необходимо в первые месяцы войны, во время тяжелых поражений и отступлений. Осознание справедливого характера войны было важным источником высокого патриотизма, который с первых дней охватил все слои общества. В дальнейшем акцент будет сделан на идеи освободительной миссии СССР от фашизма, особенно когда Красная армия окажется в 1944–1945 гг. за пределами государственной границы Советского Союза.

Важнейшей идеологемой в годы войны стала концепция о единстве фронта и тыла. Все без исключения люди понимали, что эти составляющие одного механизма, что один без другого невозможен, что без этого единства невозможна Победа. Тыл работал на основе известного лозунга: «Все для фронта! Все для Победы».

Происходит увеличение количества трансляторов определенной политики государства в идеологической сфере. Помимо традиционных партийных, комсомольских организаций возрастает роль общественных организаций – ОСОАВИАХИМ, профсоюзы, общество

Красного Креста и Полумесяца, Всеславянский комитет, Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) и др.

В годы Великой Отечественной войны происходит изменение отношения к американцам, англичанам, французам. Лейтмотивом становится понимание того, что во имя борьбы с общим врагом надо забыть о спорах и совместно добиваться Победы с союзниками. И при всей противоречивости этого явления в целом можно констатировать позитивное отношение советского общества к союзникам, прежде всего на бытовом уровне.

В годы войны сталинский режим использует некоторые образцы исторического опыта прошлого, которые ранее расценивались как неприемлемые. Речь идет об использовании во всей системе коммуникаций, в которую включались литература и искусство, интерпретируемых в державно-патриотическом духе сюжетов и образов военно-политической истории. В военно-патриотическом воспитании на смену канонизированным героям гражданской войны приходят князья Московской Руси, цари и полководцы царской армии. Широко стала пропагандироваться слава российского оружия, начиная с Древней Руси. В 1942–1944 гг. для офицерского состава были учреждены ордена выдающихся русских полководцев и флотоводцев: Ушаков, Нахимов, Кутузов, Суворов и т.д. В 1943 г. были введены погоны и офицерские звания в армии. Избранными героями стали Иван IV, Петр I, Александр Невский, Дмитрий Донской. Все это активно внедрялось в массовое сознание.

Одно из существенных изменений, произошедшее в военные годы, связано с церковной политикой. Церковь с первых дней войны обозначила свою патриотическую позицию. Уже 22 июня 1941 г. глава Русской православной церкви митрополит Московский и Коломенский Сергий выступил с обращением к православным христианам, в котором говорилось: «В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны... Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона» [5, с. 44–46]. Председатель Центрального духовного управления мусульман муфтий Г.З. Расу-

лев 2 сентября 1941 г. написал обращение «Ко всем приходам мусульман», в котором призвал правоверных на фронте и в тылу не жалеть сил ради разгрома врага, убивать коварных захватчиков. Более широкое заявление последовало в мае 1942 г. по итогам работы расширенного совещания исламских руководителей. В нем ставились задачи мусульманам во время войны: всемерная помощь воинам и мирный труд во имя Победы. Верующим разъяснялось, что Победа над фашизмом спасет всю мусульманскую цивилизацию, весь мир от разрушения и порабощения [1, с. 16]. После начала войны руководители практически всех религиозных объединений СССР поддержали борьбу советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Также руководители большинства религиозных объединений осудили тех представителей духовенства, которые добровольно поддержали врага и активно сотрудничали с оккупационными властями [6]. Роль религиозных организаций в мобилизации духовных и нравственных сил на борьбу с фашизмом, их патриотическая позиция привели к прекращению гонений, практически полному прекращению антирелигиозной пропаганды, предоставлению некоторой свободы деятельности. В частности, в 1943 г. состоялась историческая встреча Сталина, Молотова с патриаршим местоблюстителем Алексием, где был обсужден весь пласт проблем во взаимоотношениях церкви и государства и был возрожден институт патриаршества [2, с. 181].

История Великой Отечественной войны неразрывно связана с советским патриотизмом. В годы войны произошла его трансформация. Ее необходимость была связана с экстремальными условиями, в которых оказалось советское государство. Сплоченность общества перед общим врагом, популяризация армии и флота, единство фронта и тыла, возврат к определенным ценностям дореволюционной России – все это стало элементами той эволюции, которую претерпела концепция советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Ахмадуллин В.А.* Патриотическая деятельность духовных управлений мусульман в годы Великой Отечественной войны. – М., 2015.

2. *Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Рождение сверхдержавы СССР в первые послевоенные годы. – М., 2001.

3. *Земсков В.Н.* Сталинская эпоха: экономика, репрессии, индустриализация. 1924–1954. – М., 2024.

4. *Карпенкина Я.В., Голубева А.А.* Мобилизация и демобилизация в России, 1904–1914–1941. – М., 2025.

5. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. – М., 1995.

6. *Палеолог М.В.* Религиозные конфессии СССР в годы Великой Отечественной войны // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-konfessii-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer / (дата обращения: 30.08.2025).

7. Правда – 1941. – 23 июня.

V.A. Gizhov

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF SOVIET PATRIOTISM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article examines the evolution of the concept of Soviet patriotism during the Great Patriotic War. It analyzes the changes that occurred in the ideological sphere during the war years. The author concludes that the transformation of the concept of Soviet patriotism was associated with the extreme conditions in which the Soviet state found itself. The unity of society in the face of a common enemy, the popularization of the army and navy, the unity of the front and rear, the cessation of anti-religious propaganda, a return to certain values of pre-revolutionary Russia – all this became elements of the structure that the concept of Soviet patriotism underwent during the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, the concept of Soviet patriotism, ideology, propaganda, agitation.

УДК 94(47).084.8

А.Н. Гребенкин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАЙНОЙ ПОЛЕВОЙ ПОЛИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ, БРЯНСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на основе неопубликованных документов из фондов архива Управления ФСБ по Орловской области дана характеристика деятельности тайной полевой полиции (ГФП) на территории Орловской,

3. *Земсков В.Н.* Сталинская эпоха: экономика, репрессии, индустриализация. 1924–1954. – М., 2024.

4. *Карпенкина Я.В., Голубева А.А.* Мобилизация и демобилизация в России, 1904–1914–1941. – М., 2025.

5. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. – М., 1995.

6. *Палеолог М.В.* Религиозные конфессии СССР в годы Великой Отечественной войны // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-konfessii-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer / (дата обращения: 30.08.2025).

7. Правда – 1941. – 23 июня.

V.A. Gizhov

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF SOVIET PATRIOTISM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article examines the evolution of the concept of Soviet patriotism during the Great Patriotic War. It analyzes the changes that occurred in the ideological sphere during the war years. The author concludes that the transformation of the concept of Soviet patriotism was associated with the extreme conditions in which the Soviet state found itself. The unity of society in the face of a common enemy, the popularization of the army and navy, the unity of the front and rear, the cessation of anti-religious propaganda, a return to certain values of pre-revolutionary Russia – all this became elements of the structure that the concept of Soviet patriotism underwent during the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, the concept of Soviet patriotism, ideology, propaganda, agitation.

УДК 94(47).084.8

А.Н. Гребенкин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАЙНОЙ ПОЛЕВОЙ ПОЛИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ, БРЯНСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на основе неопубликованных документов из фондов архива Управления ФСБ по Орловской области дана характеристика деятельности тайной полевой полиции (ГФП) на территории Орловской,

Брянской и Смоленской областей в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено преступлениям, совершенным ГФП в отношении мирного населения. Сделан вывод о том, что ГФП являлась одним из ключевых элементов системы нацистского террора.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацисты, оккупация, тайная полевая полиция, геноцид.

Тайная полевая (военная) полиция – Geheime Feldpolizei (сокращенно – GFP) была создана в 1939 г. как составная часть вермахта. В январе 1942 г. ГФП была подчинена гестапо. Тайная полевая полиция занималась контрразведкой, охраняла генералитет и штабы воинских частей, обеспечивала перлюстрацию корреспонденции, разыскивала военнослужащих противника, оставшихся на оккупированной территории, осуществляла поиск коммунистов и комсомольцев, боролась с партизанами и т.п. Команды ГФП были созданы при подразделениях вермахта, люфтваффе и ваффен-СС.

Важным источником пополнения личного состава ГФП являлись коллаборационисты. Содействие предателей было необходимо немцам при организации провокаторских акций, направленных на поиск антинацистски настроенных жителей и партизан. После ухода гитлеровцев с оккупированных территорий члены команд ГФП либо отступали вместе с ними, либо, скрыв свою службу в карательных структурах, вступали в ряды РККА или примыкали к партизанам. На завершающем этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период следователи советских органов госбезопасности приложили немало усилий для того, чтобы выявить бывших карателей и передать их в руки правосудия. Поиск некоторых из них растянулся на десятилетия, но в конце концов увенчался успехом [3, с. 5].

21 октября 1977 г. был арестован Александр Иванович Р...н, который в начальный период войны являлся капитаном РККА и занимал должность начальника связи 250-го воздушно-десантного полка. Попав в плен, А.И. Р...н в октябре 1942 г. перешел на сторону немцев. 21 февраля 1978 г. задержали Германа Ивановича Г...ва. До войны он проживал в д. Холмино Сычевского района Смоленской области, которая в октябре 1941 г. была оккупирована немцами. В декабре 1941 г. Г.И. Г...в установил связь с захватчиками, а в сентябре следующего года стал с ними сотрудничать. И Р...н, и Г...в были

зачислены в состав группы ГФП-580, которая была придана штабу 9-й армии и занималась «на временно оккупированной территории СССР борьбой с партизанским движением, выявлением и массовым истреблением партийных, советских работников и других патриотов» [1, л. 2]. Кроме того, в фокус внимания ГФП входили лица, хранившие оружие или критиковавшие немецкую армию и Гитлера. Наконец, в задачи тайной полевой полиции входили агентурное обслуживание штаба 9-й армии и борьба со шпионами и дезертирами. Р...н служил в ГФП-580 с октября 1942 г. до ноября 1943 г. Сначала он проходил службу на рядовой должности, а затем стал командиром отделения карателей. Г...в был агентом тайной полевой полиции с сентября 1942 г. по сентябрь 1943 г. и после назначения Р...на командиром отделения являлся одним из его подчиненных.

Основными направлениями деятельности карателей являлись аресты и расстрелы советских граждан, разграбление и уничтожение их имущества, проведение агентурно-провокационных акций. Физическому уничтожению подлежали в первую очередь коммунисты, советские работники, партизаны и другие патриоты. Самые страшные злодеяния были связаны с участием в массовых убийствах советских граждан. Как отмечал бывший начальник секретариата ГФП-580 Ганеманн, три случая массовых расстрелов имели место в Орле, Брянске и возле Бобруйска.

В конце июля 1943 г., незадолго до отступления немецко-фашистских войск из Орла, Р...н и Г...в совместно с другими карателями и нацистами в течение трех дней участвовали в массовом расстреле в Медведевском лесу узников Орловской тюрьмы. Было уничтожено около 350 чел., арестованных оккупантами за антифашистскую деятельность и содержавшихся в первом блоке (так называемом «блоке смерти»). По воспоминаниям бывшего узника Орловской тюрьмы В.А. Фомина, заключенные содержались в ужасающих условиях (камеры были переполнены, кормили баландой из капустных листьев с червями, хлебом с опилками и т.п.), однако тем, кто находился в блоке № 1, было еще хуже. Они не выводились на работы за пределы лагеря, где можно было найти дохлую лошадь и отрезать кусок мяса. Среди узников блока № 1 было много женщин и подростков. Обреченные на казнь доставлялись к месту расправы на крытых брезентом грузовиках, после чего их конво-

ировали к заранее вырытым ямам-могилам и убивали выстрелами в затылок или спину из винтовок. Впоследствии местные жители обнаружили в лесу ямы, доверху заваленные трупами. Перед расстрелом с людей снималась верхняя одежда, а иногда и белье. Присвоение одежды жертв было отличительным признаком деятельности ГФП-580. Один из ее «сотрудников», старший фельдфебель К. Горни, в своих показаниях говорил, что «по указанию комиссара Грамша люди, которые расстреливались, должны снимать с себя одежду в любое время года» [4].

Оба обвиняемых в течение всех трех дней расстреляли не менее чем по четыре человека. Кроме того, они с оружием в руках стояли в оцеплении места казни, готовые убить тех заключенных, которые бы попытались бежать, а также добивали одиночными выстрелами в ямах расстрелянных, еще подававших признаки жизни. Р...н, который в это время уже занимал должность командира отделения, руководил действиями своих подчиненных, принимавших участие в расстреле. В расправе принял участие практически весь личный состав ГФП-580. С этой целью карателей, проходивших службу на так называемых «точках», доставили на грузовиках в Медведевский лес. Непосредственно перед казнью шеф ГФП-580 Грамш отдал приказ, в соответствии с которым «все прибывшие на казнь каратели должны принять участие в расстреле советских граждан, и, кроме того, лично убивать обреченных…» [1, л. 7]. Приказ зачитывался перед строем прямо в лесу. Каратели, отказывавшиеся выполнить его, сами подлежали расстрелу. По воспоминанию свидетеля Лапшина, «крики казнимых, беспорядочная стрельба, команды немцев – сливались в общий гул и создавали жуткую картину» [1, л. 7].

Сразу же после освобождения Орла по поручению председателя Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов и их пособников академика Н.Н. Бурденко могилы были вскрыты, а находившиеся в них тела – эксгумированы. По воспоминаниям одного из участников эксгумации, врача М.А. Марголина, были вскрыты три больших могилы, самая маленькая из которых имела не менее 10 м в диаметре. Общее количество трупов составляло более тысячи. Судя по степени разложения, захоронение было сделано около 2–3 недель назад. Большую часть захороненных составляли муж-

чины, однако встречались трупы женщин, и было эксгумировано несколько детских тел. На всех трупах имелись пулевые отверстия в затылочной части головы и верхней или нижней части спины. Тела были захоронены беспорядочно и находились на различной глубине. Верхней одежды на трупах не было. Подавляющее большинство захороненных были раздеты до нижнего белья, некоторые – догола, что вполне согласовывалось с показаниями самих карателей и свидетелей из числа местных жителей.

Второй расстрел, в котором в составе ГФП-580 приняли участие Р...н и Г...в, состоялся в начале сентября 1943 г. Как и в Орле, массовое убийство продлилось три дня. На так называемом пробном поле, которое располагалось в 2 км к юго-востоку от Брянска, было расстреляно 450 чел., содержавшихся в Брянской тюрьме. В их числе находились женщины, арестованные за антифашистскую деятельность, а также старики и малолетние дети – члены семей советских патриотов. Порядок действий карателей был таким же, как и при расстреле в Медведевском лесу. Заключенные, руки которых были связаны проволокой, доставлялись из тюрьмы на поле на тентованных немецких грузовиках, а затем под конвоем приводились к ямам-могилам и расстреливались с близкого расстояния выстрелами в затылок. Ямы не зарывались, трупы лишь слегка присыпались землей. В 1955–1960 гг., когда на территории пробного поля строился Брянский электровакуумный завод, из земли было извлечено большое количество человеческих костей.

Р...н на пробном поле убил не менее четырех человек, Г...в – не менее двух. Как и в Орле, они стояли с оружием в оцеплении, а Р...н, в качестве командира отделения, руководил работой Г...ва и других подчиненных ему карателей. Кроме того, по окончании расстрелов Р...н добивал из своей винтовки тех, кто еще был жив. По утверждению осужденного в 1976 г. участника ГФП-580 П.В. Ш…а-Б…а, каждый из участников брянского расстрела, в том числе и Р...н, в течение трех дней убил не менее восьми человек. Штаб ГФП-580 во время пребывания группы в Брянской области находился в д. Меркульево. Жители деревни были выгнаны из своих домов, и им пришлось поселиться в землянках. Дома были заняты карателями. Из Меркульево агенты часто выезжали на поиски партизан, избивали местных жителей.

Помимо массовых расстрелов, Р...н и Г...в неоднократно принимали участие в расстреле отдельных групп советских патриотов. Так, в ноябре 1942 г. в д. Замошье Новодугинского района Смоленской области они вместе с карателем К…м, другими предателями и нацистами убили шесть советских патриотов, которые были арестованы за антифашистскую деятельность. При этом Р...н, застрелив из своей винтовки одного человека, передал ее Г...ву, который также убил одного патриота. Сам Г...в так описал данный эпизод в своих показаниях: «…тогда я еще не имел оружия, но командир отделения Р...н строго приказал мне идти к месту предстоящей казни… он тогда еще с издевкой сказал, что нечего мне даром есть хлеб – нужно работать, т.е. убивать… Вскоре на место казни прибыла грузовая автомашина, в которой привезли 6–8 обреченных… руки у всех патриотов были связаны. Ввиду того, что у меня не было оружия, мой командир отделения Р...н дал мне свою винтовку и проинструктировал, как необходимо было расстреливать обреченных. После этого я… из винтовки, полученной от Р...на, выстрелом в затылок убил одного патриота…» [1, л. 32]

В декабре 1942 г. там же, возле Замошье, Р...н, Г...в, К…н и другие изменники и нацисты, служившие в ГФП-580, принимали участие в казни трех советских граждан (двух мужчин и одной женщины), которые были задержаны за антинацистскую деятельность и содержались под арестом. При этом Г...в с винтовкой в руках стоял в оцеплении, чтобы в случае необходимости убить тех, кто бы рискнул бежать.

В январе 1943 г. Р...н, Г...в, К…н и другие члены ГФП-580 в овраге возле д. Серково Сафоновского района Смоленской области расстреляли пять советских патриотов, причем Р...н участвовал в конвоировании жертв из арестного помещения к месту казни и находился в оцеплении, а Г...в застрелил одного из обреченных из винтовки. Один из патриотов, молодой человек 18–19 лет, попытался спастись бегством, но был застрелен. Г...в, по его признанию, прицельно стрелял в бегущего вместе с Р...ным и другими карателями до тех пор, пока юноша не упал. Несколько дней спустя Р...н и другие члены ГФП-580 вывели из арестного помещения, находившегося в Серково, на окраину этой деревни пять арестованных советских патриотов и расстреляли их, причем Р...н убил одного

человека. В марте 1943 г. аналогичным образом были казнены более 20 арестованных, при этом Р...н застрелил из своей винтовки одного человека, а Г...в – двух. Через несколько дней близ Серково были убиты три человека, которых обвиняли в связи с партизанами. На этот раз Р...н стоял в оцеплении, а Г...в, находившийся в составе расстрельной команды, лично из винтовки застрелил одного человека. Тогда же, в марте 1943 г., Г...в совместно с другими изменниками привел на окраину Серково и лично расстрелял подростка в возрасте 14–15 лет, который был арестован за связь с партизанами. При этом из материалов следственного дела видно, что «во время казни Г...вым и другими карателями проявлена исключительная жестокость; зная, что у подростка травмирована нога и он поэтому не мог двигаться, каратели, издеваясь над жертвой, заставили подростка копать себе могилу; не обращая внимания на плач и мольбы обреченного о пощаде, Г...в выстрелом в затылок почти в упор убил его» [1, л. 43]. Каратель К…а, давая показания, заявил: «…Г...в Герман с пистолетом «парабеллум» подошел к мальчику подростку, повернул его к себе спиной и выстрелил ему в затылок. Я до сих пор помню, как из затылка мальчика дугой полилась кровь» [1, л. 2].

Признания обвиняемых подтверждались показаниями свидетелей. Так, жительница д. Серково Е.З. Бабуренкова отмечала, что она часто видела, как каратели ездили на машинах в другие деревни и села, привозили оттуда схваченных ими людей, которые подозревались в участии в партизанском движении или связи с партизанами. Среди арестованных было много стариков, женщин и подростков. Их размещали в неотапливаемых постройках и после допросов, которые сопровождались избиениями и издевательствами, расстреливали. Расстрелы производились почти ежедневно. Тела жертв складывались в общие ямы-могилы. Бабуренкова в своих показаниях дала следующее описание мест захоронения: «…Я лично видела у многих трупов стреляные раны на затылочной и лицевой части головы… В… трех ямах-могилах было погребено не менее ста человек. Среди них были люди разного возраста и пола: девушки, женщины, старики, мужчины, юноши. Большинство расстрелянных были раздеты до нижнего белья» [1, л. 45]. Аналогичные показания дал и И.И. Иванов, который весной 1943 г. после освобождения

Замошья от оккупантов участвовал в захоронении расстрелянных патриотов. Он вспоминал, что лица расстрелянных были обезображены, руки заведены за спину и связаны проволокой, в затылочной части головы виднелись пулевые отверстия.

Еще одним направлением деятельности ГФП-580 была организация карательных экспедиций с целью поимки партизан, скрывавшихся в домах местных жителей. В ноябре 1942 г. и январе 1943 г. подобные акции неоднократно проводились в населенных пунктах, находившихся в окрестностях деревень Замошье, Серково и Кужелево Смоленской области. Каратели выставляли вокруг деревень оцепление, обыскивали дома местных жителей, однако партизаны обнаружены не были. Каждый раз, когда проводились поиски партизан, каратели отбирали у местных жителей их имущество – одежду, обувь, предметы домашнего обихода. Потом они обменивали их на еду и самогон.

Экспедиции, проводившиеся позднее, были более успешными для ГФП-580. Так, в феврале 1943 г. каратели направились в д. Пугино Сафоновского района Смоленской области, где собирались схватить партизан В.Я. Сафонова и А.К. Ярового, которые находились в доме жителя деревни Владимирова. Окружив дом, участники экспедиции открыли по нему стрельбу, чтобы заставить партизан сдаться. Поскольку Сафонов и Яровой отказались это сделать и начали отстреливаться, каратели подожгли дом [2, л. 94]. Сафонов, тяжело раненный в живот, погиб в огне. На Яровом загорелась одежда, он сорвал ее и в одном нательном белье незаметно от предателей и нацистов сумел выбраться из дома и скрыться в лесу.

В мае 1943 г. обвиняемые принимали участие в вооруженном захвате в д. Туличево Комарического района Орловской области в доме местной жительницы М.И. Бугаевой бывшего врача Козинской больницы А.И. Бугаева, который оказывал помощь партизанам, и его жены М.И. Закомаркиной. Р...н и Г...в стояли в оцеплении с оружием в руках. Бугаев и Закомаркина были схвачены, причем Р...н после их ареста по приказу немецкого офицера обыскивал чердак, где якобы были спрятаны оружие и радиостанция. Задержанные были доставлены под конвоем (с участием Р...на и Г...ва) на «точку» ГФП-580 в д. Лобаново того же района и помещены под арест. Супругов неоднократно допрашивали и пытали, после чего Бугаеву

было объявлено о том, что его казнят. Однако казнь так и не состоялась: воспользовавшись тем, что охранники напились и пьяными заснули на посту, Бугаев подрыл ножом землю под стеной арестного помещения. Это дало возможность ему и его жене совершить успешный побег. Летом 1943 г. Р...н и Г...в в составе карательного отряда приняли участие в экспедиции по поимке партизан. Найти их не удалось, и полицаи в бессильной ярости сожгли попавшуюся им на пути деревню.

В начале августа 1943 г. Р...н и Г...в в составе ГФП-580 участвовали в карательной экспедиции по ликвидации патриотической группы, которую создал весной 1942 г. бывший политработник Красной армии П.М. Скобелев. В группу Скобелева входила гражданская молодежь, попавшие в окружение военнослужащие, а также бывшие военнопленные, которым удалось бежать. Группа действовала на территории Урицкого, Шаблыкинского и Сосковского районов Орловской области. Факт существования группы Скобелева был установлен в конце июля 1943 г. провокаторами, также служившими в ГФП-580. Операция проводилась в деревнях Азаровка и Солнцево Урицкого района Орловской области. Каратели убили двух участников группы – Ф.Н. Панина и летчика В.В. Гуженкова. Кроме того, 14 патриотов были арестованы и уведены в арестное помещение ГФП-580, находившееся в д. Маговка Шаблыкинского района Орловской области. Оно представляло собой жилой дом с наглухо забитыми окнами, опутанный колючей проволокой. Трое патриотов – А.Я. Морозова, В.М. Лунин и Д. Титов – после допросов, сопровождавшихся жестоким избиением, были расстреляны возле Маговки. Пять человек спаслись, судьбу двух установить не удалось. По воспоминаниям бывших карателей, проходивших по делу в качестве свидетелей, Р...н и Г...в принимали активное участие в поиске патриотов, занимаясь осмотром домов и хозяйственных построек.

Весной 1943 г. Р...н и другие каратели в одном из населенных пунктов Комарического района Брянской области арестовали старосту, который подозревался в связи с партизанами, а затем доставили его на «точку» ГФП-580, расположенную в д. Лобаново того же района. Р...н принимал участие в допросе старосты, сопровождавшемся избиениями. Примерно в это же время Р...н «в соучастии с другими изменниками Родины, действовавшими на “точке” ГФП-580

в деревне Лобаново… с оружием в руках в одном из ближайших населенных пунктов участвовал в аресте и помещении в застенок ГФП-580 советского патриота – мужчины примерно 40 лет, личность и конечную участь которого установить не представилось возможным» [1, л. 64].

Р...н и Г...в на всем протяжении своего пребывания в составе ГФП-580 проводили агентурно-провокаторские акции и с этой целью снабжались соответствующими легендами, одеждой и имуществом, а затем засылались в оккупированные населенные пункты для выявления и выдачи нацистам советских патриотов. В частности, в октябре 1942 г. оба обвиняемых, переодевшись в форму советских военнослужащих, в составе группы под командованием карателя Х…а проводили провокационные акции, направленные на выявление партизанских отрядов, действовавших на оккупированной территории. В августе 1943 г. Р...н, получив необходимые инструкции и одевшись в гражданскую одежду, по заданию командования ГФП-580 из д. Меркульево Брянской области внедрился в подпольную патриотическую организацию и выдал ее участников нацистам, «о чем с бахвальством рассказывал своим сообщникам по ГФП» [1, л. 68].

Наконец, еще одним направлением деятельности обвиняемых было выявление среди карателей, входивших в состав ГФП-580, антифашистски настроенных лиц. В частности, Г...в пользовался особым доверием немецких офицеров. Согласно показаниям бывшего командира карателей ГФП-580 А.И. К…а, Г...в «находился в привилегированном положении у командования ГФП-580, носил гражданскую одежду, часто отлучался из расположения ГФП-580, поддерживал связь с шефом этого контрразведывательного карательного органа» [1, л. 66]. По утверждению многочисленных свидетелей, его боялись даже немецкие солдаты, проходившие службу в ГФП. В 1942–1943 гг. Г...в постоянно доносил нацисту Блюмсу о своих наблюдениях и подозрениях. Таким образом, он исполнял обязанности сотрудника службы собственной безопасности. Каких-либо результатов эта работа не принесла.

В общей сложности за время своего пребывания в ГФП-580 Р...н и Г...в приняли участие в расстреле 800 советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей. При этом Р...н лично расстрелял не

менее 15 чел., а Г...в – не менее 14. За свое стремление выслужиться перед нацистами Р...н был назначен на должность командира отделения и награжден гитлеровской медалью, а Г...в стал негласным сотрудником службы собственной безопасности и получил ряд привилегий.

Таким образом, деятельность ГФП на территории Орловской, Брянской и Смоленской областей была сопряжена с совершением большого количества преступлений в отношении как комбатантов (бойцов и командиров Красной армии, партизан), так и нонкомбатантов – мирных граждан, в подавляющем большинстве своем стариков, женщин и детей. ГФП активно привлекала в свои ряды местных предателей, которые должны были содействовать борьбе с партизанами и выявлению среди жителей тех, кто по каким-либо причинам представлял опасность для нацистов. Ключевым средством воздействия на население было запугивание путем показательных расстрелов. ГФП являлась важным элементом системы нацистского террора, целью которой было уничтожение и порабощение советских граждан.

Источники и литература

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации (УФСБ) по Орловской области. Ф. 11. Ж. 100. П. 17.

2. Архив УФСБ по Орловской области. Ф. 11. Ж. 100. П. 18.

3. *Лебедкин Ю.* Правота полковника Сыщикова // Орловская искра. – 2020. – 11 дек. – № 41 (1219). – С. 4–5.

4. *Федоров Е.С.* Правда о военном Ржеве. Документы и факты // URL: https://kniga-online.org/books/dokumentalnye-knigi/prochaja-dokumentalnaja-literatura/page-56-142441-evgenii-fedorov-pravda-o-voennom-rzhevedokumenty-i.html (дата обращения: 30.08.2025).

A.N. Grebenkin

ACTIVITIES OF THE SECRET FIELD POLICE IN THE TERRITORY OF THE OREL, BRYANSK AND SMOLENSK REGIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. Based on unpublished documents from the archives of the FSB Directorate for the Orel region, the article describes the activities of the secret field police (GFP) in the Orel, Bryansk and Smolensk regions during the

Great Patriotic War. Special attention is paid to the crimes committed by the GFP against the civilian population. It is concluded that the GFP was one of the key elements of the Nazi terror system.

Keywords: Great Patriotic War, Nazis, occupation, secret field police, genocide.

УДК 94(470.345)«1941»

С.В. Кистанов

ЭВАКУАЦИЯ И РАЗМЕЩЕНИЕ СОТРУДНИКОВ НКВД В МОРДОВСКОЙ АССР В 1941 г.

Аннотация. В статье рассматривается эвакуация и размещение в Мордовской АССР сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности СССР из западных областей РСФСР в 1941 г. Анализируется хронология прибытия эвакуированных сотрудников и их размещение в районах МАССР. Отдельно делается обзор руководящего состава сотрудников силовых органов, прибывших в эвакуацию.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, Мордовская АССР, народный комиссариат внутренних дел, милиция, район.

2025 год – год 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Юбилей величайшего, но вместе с тем и трагического события в истории России объективно относит исследования, посвященные Великой Отечественной войне, к предельно актуальным темам. Победа в войне ковалась народами многонационального Советского Союза с максимальным приложением сил, в тяжелейших условиях поражений первого этапа войны. Победа потребовала как от властей, так и от населения предельного напряжения сил и умения распоряжаться наличными ресурсами – и материальными, и трудовыми.

Одним из способов сохранения и рационального использования имевшихся ресурсов стала эвакуация, детальные планы которой прорабатывались еще до начала Великой Отечественной войны, что и позволило не допустить их захвата быстро наступавшими войсками Германии и ее союзников [4]. Уже в первые дни Великой Отечественной войны при Совете народных комиссаров был создан Совет по эвакуации, который и занялся профильными задачами в услови-

Great Patriotic War. Special attention is paid to the crimes committed by the GFP against the civilian population. It is concluded that the GFP was one of the key elements of the Nazi terror system.

Keywords: Great Patriotic War, Nazis, occupation, secret field police, genocide.

УДК 94(470.345)«1941»

С.В. Кистанов

ЭВАКУАЦИЯ И РАЗМЕЩЕНИЕ СОТРУДНИКОВ НКВД В МОРДОВСКОЙ АССР В 1941 г.

Аннотация. В статье рассматривается эвакуация и размещение в Мордовской АССР сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности СССР из западных областей РСФСР в 1941 г. Анализируется хронология прибытия эвакуированных сотрудников и их размещение в районах МАССР. Отдельно делается обзор руководящего состава сотрудников силовых органов, прибывших в эвакуацию.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, Мордовская АССР, народный комиссариат внутренних дел, милиция, район.

2025 год – год 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Юбилей величайшего, но вместе с тем и трагического события в истории России объективно относит исследования, посвященные Великой Отечественной войне, к предельно актуальным темам. Победа в войне ковалась народами многонационального Советского Союза с максимальным приложением сил, в тяжелейших условиях поражений первого этапа войны. Победа потребовала как от властей, так и от населения предельного напряжения сил и умения распоряжаться наличными ресурсами – и материальными, и трудовыми.

Одним из способов сохранения и рационального использования имевшихся ресурсов стала эвакуация, детальные планы которой прорабатывались еще до начала Великой Отечественной войны, что и позволило не допустить их захвата быстро наступавшими войсками Германии и ее союзников [4]. Уже в первые дни Великой Отечественной войны при Совете народных комиссаров был создан Совет по эвакуации, который и занялся профильными задачами в услови-

ях неразберихи первых недель войны. В течение короткого времени из западных регионов Советского Союза были эвакуированы значительное количество промышленных предприятий и колхозного имущества, размещаемых в восточных и южных районах страны, что позволило обеспечить в конце 1942 г. начало коренного перелома на фронтах. Но, пожалуй, главным ресурсом, эвакуируемым из западных областей СССР, стало население, которое вывозилось под угрозой вражеской оккупации. Вывозились старики, женщины, дети, но нельзя забывать и того, что эвакуации подлежали и специалисты, в том числе и силовики – сотрудники наркоматов внутренних дел (НКВД) и госбезопасности (НКГБ).

Эвакуация, будучи одним из важнейших мероприятий военно-хозяйственной политики СССР, практически с периода завершения Великой Отечественной войны находила свое отражение в отечественной историографии. Советская историческая наука рассматривала разные аспекты эвакуации, вводила фактический материал, апогеем чего стали профильные разделы в многотомных обобщающих трудах, изданных в 1970–1980-х гг. [6; 16]. Региональная историография, рассматривая эвакуацию, основной упор делала на положении промышленности и сельского хозяйства, причем значительная роль отводилась руководящей роли коммунистической партии эвакуационными процессами [14; 15].

В 1990-х гг. по вполне объективным причинам интерес к событиям периода Великой Отечественной войны падает. Однако в новейшей историографии исследования по военному периоду вновь становятся актуальными, чему способствовали и события, разворачивающиеся в последние годы вокруг Российской Федерации. Отметим, что тематика исследований, связанных с эвакуацией, становится предметом обсуждения на научных конференциях, проводимых по тематике Великой Отечественной войны [7; 10]. В последнее время вновь становятся актуальными исследования, связанные с эвакуацией советской промышленности в годы войны, но стоит отметить, что стало расти число исследований, связанных с эвакуацией в годы войны и населения страны [1; 13]. Также стоит отметить, что в последние годы увеличивается число региональных исследований, связанных с вопросами советской эвакуации периода Великой Отечественной войны [2; 8; 9]. В ряде работ положи-

тельно отмечается роль органов внутренних дел и государственной безопасности в организации эвакуационных процессов [5; 11]. Но вопросы, связанные непосредственно с эвакуацией самих сотрудников органов внутренних дел и госбезопасности, в исторической науке рассмотрены еще недостаточно и сохраняют большое количество «белых пятен», что также обусловлено и отсутствием доступа исследователей к целым пластам исторических документов.

Не стоит забывать, что одним из факторов Победы в Великой Отечественной войне стало сохранение материальных и людских ресурсов, как раз вследствие проведенной программы эвакуации. Вывезенные на восток страны промышленные объекты и природные ресурсы позволили СССР к осени 1942 г. превысить объемы выпускаемой продукции, чтобы обеспечить начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Эвакуация на восток страны людских ресурсов позволила спасти их от геноцида, организованного Германией и ее союзниками и обеспечить промышленность и сельское хозяйство рабочими руками. Эвакуированные профессионалы, к которым мы отнесем сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности, позволяли вновь их использовать по профессиональному назначению, делая их «костяком», к которому добавлялись новые молодые сотрудники, восстанавливая, таким образом, на новом месте структуры силовых органов.

Мордовская АССР в 1941 г. являлась тыловым регионом страны, который не охватили боевые действия. Поэтому республика стала тыловой базой, куда в начале войны в рамках проводимой политики эвакуации переводились промышленные объекты (в частности из блокадного Ленинграда), а также эвакуировалось население (как из союзных республик СССР, так и западных областей РСФСР). Одной из групп, прибывших в эвакуацию в Мордовскую АССР, стали семьи сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности СССР: 250 семей из Украинской ССР, 147 семей – из Белорусской ССР, 125 семей – из западных областей РСФСР, 121 семья – из Литовской ССР, 14 семей – из Эстонской ССР, 12 семей – из Карело-Финской ССР, 7 семей – из Молдавской ССР и 6 семей – из Латвийской ССР [3].

В эвакуацию в Мордовскую АССР в период с июля по октябрь 1941 г. прибыли сотрудники с семьями из 10 западных областей

РСФСР. Наибольшее количество семей сотрудников НКВД и НКГБ СССР было эвакуировано из Москвы и Московской области (47 семей), Смоленской области (22 семьи), Ленинграда и Ленинградской области (20 семей) и Мурманской области (18 семей). Семь западных областей РСФСР в мордовской эвакуации были представлены гораздо меньшим количеством семей: Калининская и Орловская области (по 5 семей), Курская область (3 семьи), Тульская и Ярославская области (по 2 семьи), Рязанская область (1 семья) [17, л. 45–68]. Стоит отметить, что в эвакуацию прибыли семьи сотрудников органов внутренних дел из Ярославской и Рязанской областей, на территории которых боевые действия не проводились, однако обе области являлись непосредственно прифронтовыми, что также требовало проведения в них эвакуационных мероприятий.

Чтобы нагляднее можно было бы представить динамику прибытия в МАССР эвакуированных и их семей, сведем имеющиеся у нас архивные данные в таблицу.

Таблица 1

Прибытие семей сотрудников НКВД и НКГБ в МАССР в июле – октябре 1941 г. [17, л. 44–68]

№	Область РСФСР	июль	август	сентябрь	октябрь	всего
1.	Московская	5	28	8	6	47
2.	Смоленская	3	8	8	3	22
3.	Ленинградская	8	6	5	1	20
4.	Мурманская	1	6	7	4	18
5.	Калининская	–	1	1	3	5
6.	Орловская	–	1	4	–	5
7.	Курская	–	–	2	1	3
8.	Тульская	–	–	1	1	2
9.	Ярославская	1	–	1	–	2
10.	Рязанская	–	–	–	1	1
	Всего по месяцам	18	50	37	20	125

Визуальный анализ данных таблицы показывает, что наибольшее количество эвакуированных семей сотрудников НКВД и НКГБ прибыли в Мордовскую АССР в августе (50 семей) и сентябре (37 семей) 1941 г.

Небольшое количество эвакуированных в июле 1941 г. говорит о том, что в этот и предыдущий месяцы Великой Отечественной войны боевые действия шли на территории союзных республик СССР, охватывая в это время лишь Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую, Мурманскую и Смоленскую области РСФСР. Соответственно, Ленинградская, Смоленская и Мурманская области дают нам 12 из 18 эвакуированных в тот месяц семей сотрудников силовых органов. В августе наибольшее количество эвакуированных семей дает Москва и Московская область, за ними идут Смоленская, Ленинградская и Мурманская области. Резкий рост численности эвакуированных семей из Москвы и Московской области вполне объясним итогами Смоленского оборонительного сражения (июль – август 1941 г.), когда немецкие войска, заняв Смоленскую область, начали непосредственно угрожать Московской области, а германская авиация усилила ночные налеты на Москву. В сентябре и октябре все рассматриваемые области дали практически одинаковое число эвакуированных семей сотрудников НКВД и НКГБ СССР, так как они из прифронтовых именно в эти месяцы окончательно стали фронтовыми.

Непосредственно за самим процессом эвакуации стоит проблема размещения эвакуированного населения на новом месте. Соответственно, эвакуированные в Мордовскую АССР сотрудники органов внутренних дел и государственной безопасности СССР должны были быть размещены в районах МАССР. К 1941 г. в административно-территориальном плане Мордовская АССР была разделена на 32 района, подавляющее большинство которых были небольшими по территории, а центры районов располагались в населенных пунктах сельского типа [12, с. 155–156, 161]. Прибывшие летом – осенью 1941 г. сотрудники органов внутренних дел и государственной безопасности СССР были размещены в 22 районах МАССР и отдельно в двух крупнейших городах автономии – Саранске (столице МАССР) и Рузаевке (табл. 2).

По вполне понятным причинам наибольшее количество эвакуированных сотрудников со своими семьями прибыло в Саранск: столица автономной республики обладала определенной инфраструктурой, да и жилой фонд в городе был несравним с другими городами МАССР. Стоит указать, что в город в эвакуацию при-

Таблица 2

Размещение эвакуированных сотрудников НКВД и НКГБ СССР в районах Мордовской АССР в 1941 г. [17, л. 44–68]

Район МАССР	м о с	л е н	с м о	м у р	я р ос	р я з	т у л	к у р	о р л	к а л	всего
г. Саранск	13	4	8	1	2	1	–	1	–	3	33
г. Рузаевка	3	–	3	2	–	–	–	1	–	1	10
Рузаевский	–	–	7	–	–	–	–	–	–	–	7
Ардатовский	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Атюрьевский	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4
Дубенский	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Зубово-Полянский	2	2	–	1	–	–	–	–	2	–	7
Инсарский	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	2
Ичалковский	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Ковылкинский	5	1	–	–	–	–	–	–	–	–	6
Кадошкинский	1	4	–	–	–	–	–	–	–	–	5
Козловский	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Кочкуровский	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2
Краснослободский	3	–	–	–	–	–	1	–	–	–	4
Ладский	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	2
Лямбирьский	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	2
Пурдошанский	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Ромодановский	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2
Рыбкинский	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Старо-Синдровский	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Темниковский	2	–	–	–	–	–	1	–	1	–	4
Торбеевский	3	1	–	–	–	–	–	–	–	–	4
Чамзинский	–	2	–	13	–	–	–	–	–	–	15
Ширингушский	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Всего	47	20	22	18	2	1	2	3	5	5	125

было 60 % сотрудников, ранее служивших в Калининской области, почти 25 % служивших в Москве и области, 20 % – в Ленинграде и области, более 30 % – в Смоленской области. Также в Саранске остались все сотрудники, эвакуированные из Ярославской и Рязанской областей.

В Рузаевку и Рузаевский район было эвакуировано 17 семей сотрудников органов НКВД. На начало Великой Отечественной войны Рузаевка – это молодой город, однако он был главным железнодорожным узлом Мордовской АССР, что могло предполагать в перспективе легкое перемещение эвакуированного сотрудника практически в любом направлении. Примерно по таким же логистическим причинам значительной оказалась цифра эвакуированных в Чамзинский район (15 чел.). Стоит отметить, что в Чамзинку в эвакуацию было направлено 13 семей сотрудников силовых органов из Мурманской области, что составило 72 % от общего числа эвакуированных из этой области РСФСР.

В оставшиеся 20 районов МАССР было эвакуировано менее чем по 10 семей сотрудников НКВД и НКГБ. Но даже здесь присутствует та же закономерность: наибольшее количество эвакуированных и их семьи остались в районах республики, через которые проходило полотно железной дороги: Зубово-Полянский (7 семей), Ковылкинский (6 семей) и Кадошкинский (5 семей). Вполне закономерно, что наименьшее число семей сотрудников силовых органов (1 или 2) было эвакуировано в сельские районы МАССР, расположенные вдали от железной дороги: Инсарский, Кочкуровский, Лямбирьский, Ширингушский, Козловский и Старосиндровский.

Среди сотрудников НКВД и НКГБ, прибывших в эвакуацию в МАССР, интерес представляют лица, которые относятся к руководящему составу наркоматов. Среди 125 эвакуированных в Мордовскую АССР семей, к руководителям общесоюзного или областного звена относятся 29 чел. (23,2 % от общего числа эвакуированных сотрудников силовых органов).

Все руководящие сотрудники общесоюзного звена НКВД были эвакуированы из Москвы. Среди них отметим, прежде всего, троих: начальник жилуправления НКВД СССР Богомолов, заместитель начальника политотдела политуправления НКВД СССР, батальонный комиссар Михаил Гуськов и заместитель начальника 1-го отдела НКВД СССР, младший лейтенант госбезопасности Петр Дубровин. Также в МАССР были эвакуированы начальник 4-го участка 1-го отдела НКВД СССР Иван Мозеров, начальник Таганского РО НКВД г. Москвы Вячеслав Ромачев и помощник начальника политотдела Московского военно-технического училища Григорий Щербин [17, л. 45–46].

Самой представительной и в численном, и в процентном исчислении данная категория была представлена сотрудниками, эвакуированными из Смоленской области (10 из 22, или 45,5 %). Из Смоленской области в августе 1941 г. в МАССР был эвакуирован самый статусный сотрудник НКВД областного масштаба – начальник УНКВД области, лейтенант госбезопасности Георгий Ситников. Стоит отметить, что вместе с ним в Рузаевку прибыли жена и двое детей. Однако Ситников недолго оставался в Мордовской АССР, и уже в сентябре покинул место эвакуации. Вместе с руководителем прибыли семьи трех начальников отделов областного УНКВД: 2-го спецотдела Степан Минин, 4-го Сергей Зарубецкий и, к сожалению, не указанного в документах отдела Сергей Жмакин. Также в МАССР оказались заместитель начальника АХО УНКВД области Василий Егоров, начальник Паспортного стола 2-го отдела УНКВД Карпушин и начальник 3-го отдела ГАИ области Леонтий Гончаров. Среди районных начальников мы отметим начальников Кировского райотделов НКВД и НКГБ, лейтенантов госбезопасности Василия Волкова и Василия Сычева, а также начальника оперативного отдела НКВД станции Спас-Демянск, старшего лейтенанта госбезопасности Вячеслава Кириллова [17, л. 50].

По три сотрудника руководящего звена НКВД было эвакуировано в МАССР из Ленинградской, Мурманской и Курской областей.

Из Ленинградской области был эвакуирован начальник отдела НКВД Ленинграда Иван Лащик (областной уровень), а также начальник Фонтанского райотдела милиции Владимир Михайловский и начальник ВУС Дновского РО НКВД Иван Черствилов (районный уровень) [17, л. 48]. Из Мурманской области в эвакуацию прибыл начальник паспортного стола областного УНКВД Илья Жеровин, заместитель начальника горотдела НКВД Кировска Василий Кондрашев и начальник продуктового отдела НКВД № 23 Павел Конин [17, л. 52]. Из Курской области были эвакуированы заместитель начальника РО Курска Анатолий Никитин, начальник ХОЗО Курска Борис Гинзбург и заместитель начальника Грайворонского РО Николай Куницын [17, л. 62].

Из руководящих сотрудников органов внутренних дел Калининской, Орловской, Рязанской и Ярославской областей в эвакуацию в Мордовскую АССР прибыло по одному сотруднику со своими семьями.

Из Калининской и Ярославской областей были эвакуированы руководящие сотрудники НКВД, имевшие отношение к безопасности на железной дороге. Александр Давыдов до эвакуации являлся начальником отделения ДТО Калининской железной дороги в Ржеве, а Афанасий Тенякшев был начальником дорожного отдела милиции Ярославской железной дороги [17, л. 54, 68]. Из Рязанской области в МАССР был эвакуирован начальник политотдела Рязанской межобластной школы милиции Иван Ефимов, наконец, из Орловской области в Зубову Поляну прибыл Петр Мятишкин, ранее возглавлявший Хвостовичский райотдел НКВД [17, л. 56, 66].

Таким образом, в 1941 г. Мордовская АССР стала одним из регионов СССР, в который проводилась эвакуация сотрудников НКВД и НКГБ и их семей из западных областей РСФСР. Всего в эвакуацию в республику в рассматриваемый период прибыло 125 семей, причем наибольшее количество сотрудников (50) было эвакуировано в августе, что объяснимо приближением зоны боев к упоминаемым областям. Наибольшее количество эвакуированных сотрудников силовых органов были размещены в Саранске в связи с наличием необходимой инфраструктуры для размещения приехавших. Стоит отметить, что на численность размещенных сотрудников в эвакуации имело влияние наличие в данном конкретном районе МАССР железной дороги. Наконец, в эвакуацию в Мордовскую АССР прибыло 29 сотрудников, занимавших ранее руководящие должности.

Источники и литература

1. *Ащеулов О.Е.* Эвакуация населения и промышленности в СССР в годы Великой Отечественной войны: организация, сложности, последствия // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2024. – Т. 14. – № 5 (110). – С. 1399–1405.

2. *Белоусов С.С.* Эвакуация населения в Астраханский округ Сталинградской области в 1941–1942 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10. – № 4. – С. 568–574.

3. *Богатырев Э.Д., Кистанов С.В.* Эвакуация сотрудников НКВД в Мордовскую АССР в 1941 г.: качественный анализ руководящего состава // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22. – № 4 (60). – С. 373–386.

4. Вечная Отечественная. Фильм 3. Эвакуация как сверхпроект // URL: https://www.youtube.com/watch?v=HBgtzOF_pHQ (дата обращения: 22.07.2025).

5. *Демидов А.М.* Эвакуация производительных сил СССР в начале Великой Отечественной войны и органы госбезопасности // Власть. – 2009. – № 3. – С. 112–115.

6. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах). – М., 1960–1965.

7. *Кистанов С.В.* Эвакуация сотрудников войск НКВД в Мордовскую АССР в 1941 г. // Регионы России в военной истории страны: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. / ред.-сост. О.А. Кошкина, Е.П. Кузьмин. – Йошкар-Ола, 2020. – С. 168–175.

8. *Козурман С.О.* Эвакуация промышленных предприятий в Саратовскую область и социально-бытовые проблемы рабочих кадров (1941–1945 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2010. – Т. 10. – № 2. – С. 104–109.

9. *Кошкина О.А.* Эвакуация населения в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Марийский археографический вестник. – 2015. – № 25. – С. 17–23.

10. *Кошкина О.А., Новик В.М.* Эвакуация с территории Белоруссии в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Регионы России в военной истории страны. Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. – Йошкар-Ола, 2024. – С. 212–226.

11. *Лагвилава У.Г.* Эвакуация военной промышленности в начале Второй мировой войны и НКВД // Клио. – 2019. – № 7 (151). – С. 172–174.

12. Мордовская АССР, административно-территориальное деление на 1 февраля 1986 г. – Саранск, 1986.

13. *Мозохин О.Б.* Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 1 (12). – С. 2–37.

14. Очерки истории Мордовской организации КПСС. – Саранск, 1979.

15. *Попков Т.В.* Все – для фронта, все – для Победы. – Саранск, 1982.

16. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – М., 1977.

17. ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-526. Оп. 2. Д. 36.

S.V. Kistanov

EVACUATION AND ACCOMMODATION OF NKVD OFFICERS IN THE MORDOVIAN ASSR IN 1941

Annotation. The article discusses the evacuation and placement in the Mordovian ASSR of employees of the USSR internal affairs and state security agencies from the western regions of the RSFSR in 1941. The chronology of the arrival of evacuated employees and their placement in the MASSR areas is analyzed. A separate review is made of the senior staff of law enforcement officers who arrived at the evacuation.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation, Mordovian ASSR, People's Commissariat of Internal Affairs, militia, district.

УДК 94(47+57):336.711

С.А. Некрасов

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Аннотация. В статье исследуется деятельность банковской системы СССР в период Великой Отечественной войны, анализируются ключевые механизмы ее функционирования в условиях военного времени. Особое внимание уделено роли Государственного банка СССР, организации полевых учреждений, антиинфляционным мерам, кредитованию оборонной промышленности и регулированию денежного обращения. На основе архивных данных и научных публикаций раскрывается вклад банковской системы в мобилизацию ресурсов для фронта и тыла, а также ее влияние на стабилизацию экономики в военные и послевоенные годы.

Ключевые слова: банковская система СССР, Великая Отечественная война, Государственный банк СССР, полевые учреждения, денежное обращение, кредитование, эмиссия.

Великая Отечественная война (1941–1945) стала испытанием для всех институтов Советского Союза, включая финансово-кредитную систему. В условиях масштабной мобилизации ресурсов банковская система СССР выполняла критически важные функции:

S.V. Kistanov

EVACUATION AND ACCOMMODATION OF NKVD OFFICERS IN THE MORDOVIAN ASSR IN 1941

Annotation. The article discusses the evacuation and placement in the Mordovian ASSR of employees of the USSR internal affairs and state security agencies from the western regions of the RSFSR in 1941. The chronology of the arrival of evacuated employees and their placement in the MASSR areas is analyzed. A separate review is made of the senior staff of law enforcement officers who arrived at the evacuation.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation, Mordovian ASSR, People's Commissariat of Internal Affairs, militia, district.

УДК 94(47+57):336.711

С.А. Некрасов

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Аннотация. В статье исследуется деятельность банковской системы СССР в период Великой Отечественной войны, анализируются ключевые механизмы ее функционирования в условиях военного времени. Особое внимание уделено роли Государственного банка СССР, организации полевых учреждений, антиинфляционным мерам, кредитованию оборонной промышленности и регулированию денежного обращения. На основе архивных данных и научных публикаций раскрывается вклад банковской системы в мобилизацию ресурсов для фронта и тыла, а также ее влияние на стабилизацию экономики в военные и послевоенные годы.

Ключевые слова: банковская система СССР, Великая Отечественная война, Государственный банк СССР, полевые учреждения, денежное обращение, кредитование, эмиссия.

Великая Отечественная война (1941–1945) стала испытанием для всех институтов Советского Союза, включая финансово-кредитную систему. В условиях масштабной мобилизации ресурсов банковская система СССР выполняла критически важные функции:

обеспечивала финансирование оборонной промышленности, поддерживала денежное обращение, обслуживала армию и эвакуированные предприятия. Несмотря на потерю значительной части инфраструктуры на оккупированных территориях, система продемонстрировала высокую адаптивность благодаря централизованному управлению и оперативным реформам.

В рамках данной статьи поставлена цель проанализировать организацию и функционирование банковской системы СССР в военный период, выделив ключевые механизмы ее работы. Исследование базируется на историко-экономическом анализе документов из Российского государственного архива экономики, отчетов Госбанка СССР, статистических данных и научных публикаций. Применены методы систематизации, сравнительного анализа и количественной оценки динамики кредитных вложений, эмиссии и сети банковских учреждений [5, с. 69].

К началу Великой Отечественной войны банковская система СССР представляла собой централизованную структуру во главе с Государственным банком СССР, который выполнял функции эмиссионного, кредитного и расчетного центра [6, с. 1021]. В его подчинении находились специализированные банки долгосрочных вложений (Промбанк, Сельхозбанк, Цекомбанк, Торгбанк) и разветвленная сеть сберегательных касс (41 765 учреждений).

Однако уже в первые месяцы войны система столкнулась с серьезными вызовами. Оккупация западных регионов привела к уничтожению или захвату 25 % банковских отделений. Например, на территории Украины и Белоруссии немецкие власти создали параллельную банковскую систему (Рейхскредиткассы, Хозяйственные банки), что потребовало экстренных мер по эвакуации ценностей и персонала.

Перебазирование 1523 промышленных предприятий (включая 1360 оборонных) на восток сопровождалось организацией их кредитно-расчетного обслуживания. Госбанк выдавал льготные кредиты на демонтаж, транспортировку и запуск производства, что позволило уже к 1943 г. восстановить 72 % кредитных вложений в промышленность [1, с. 10].

Централизация управления и оперативная адаптация кредитной политики обеспечили бесперебойное финансирование оборонного

сектора и эвакуированных предприятий, что стало ключевым фактором сохранения экономического потенциала [3, с. 550].

Рассматривая ключевые функции Госбанка СССР [2, с. 11], в частности – кредитование, отметим, что приоритет отдавался оборонной промышленности. Доля кредитов тяжелой промышленности выросла с 26 % (1941) до 32,7 % (1943), а легкой – с 16,5 % до 22 %. Для эвакуированных предприятий делались исключения и разрешалось кредитование при недостатке оборотных средств, а необеспеченная задолженность переносилась на отдельные счета.

Объем эмиссии за войну составил 54,4 млрд руб., но ее темпы снижались с 19,8 % кассовых расходов в 1941 г. до 4,3 % в 1944 г. Применялись меры по стабилизации, такие как ограничение выдачи вкладов (200 руб./мес.); введение военного налога (29,8 млрд руб. за войну); добровольные займы (76 млрд руб.). Для компенсации сбоя в функционировании из-за эвакуации были созданы 153 бюро взаимных расчетов, что сократило дебиторскую задолженность. Комплексный подход к регулированию денежного обращения предотвратил гиперинфляцию, несмотря на рост денежной массы в 3,8 раза.

Создание Управления полевыми учреждениями (август 1941 г.) позволило обеспечить войска наличностью и безналичными переводами. К 1945 г. действовало 3769 тыс. вкладных счетов военнослужащих с остатком 4 млрд руб. Удалось снизить наличный оборот, так, например, 70 % выплат переводились безналично, включая перечисления семьям [4, с. 20]. В Сталинградской битве полевые кассы работали под обстрелами, обеспечивая выплаты даже в условиях окружения. Полевые учреждения не только поддерживали боеспособность армии, но и стали инструментом сбережения средств населения, сократив инфляционное давление.

Отдельно стоит отметить деятельность на оккупированных территориях. Немецкие власти создали альтернативную систему, так, к примеру, эмиссионные банки (например, Центральный банк Украины в Ровно) выпускали оккупационные марки. Рейхскредиткассы обеспечивали финансирование войск (эмиссия – 7,1 млрд марок к 1943 г.). Хозяйственные банки контролировали местные предприятия, взимая до 5,5 % по кредитам [7, с. 85]. После освобождения территорий Госбанк оперативно восстанавливал отделения, используя их для кредитования восстановительных работ.

Борьба с оккупационной финансовой системой потребовала координации между военными и гражданскими структурами, что укрепило роль Госбанка как централизующего института. Гибкое кредитование и эмиссия обеспечили перестройку промышленности на военные рельсы. Без этого было бы невозможно нарастить производство военной техники (в 2 раза к 1944 г.). Комбинация жесткого контроля эмиссии, принудительных займов и развития безналичных расчетов предотвратила развал денежного обращения, в отличие от Германии, где денежная масса выросла в шесть раз. Полевые учреждения и сберкассы связали фронт и тыл в единую финансовую систему, мобилизовав 170 млрд руб. добровольных взносов. Опыт военных лет заложил основы для кредитной поддержки разрушенных регионов и денежной реформы 1947 г.

Проведенное исследование организации и функционирования банковской системы СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. позволяет сделать ряд принципиально важных выводов, имеющих значение как для историко-экономической науки, так и для понимания механизмов функционирования финансовых систем в экстремальных условиях. Банковская система СССР продемонстрировала исключительную устойчивость благодаря жесткой централизации управления. Единая вертикаль власти, объединявшая Госбанк СССР, специализированные банки и полевые учреждения, позволила оперативно перераспределять ресурсы в соответствии с военными приоритетами. Особое значение имело создание в августе 1941 г. Управления полевыми учреждениями, которое институционализировало банковское обслуживание действующей армии. Система проявила гибкость, оперативно реструктурировав кредитную политику, например, введение льготного кредитования эвакуированных предприятий; разрешение необеспеченного кредитования в критических ситуациях; создание бюро взаимных расчетов (153 единицы к 1946 г.). Эти меры компенсировали сбои, вызванные масштабной эвакуацией промышленности и нарушением хозяйственных связей.

Несмотря на вынужденную эмиссию (рост денежной массы в 3,8 раза), система антиинфляционных мер: ограничения на снятие вкладов, военные займы (76 млрд руб.), налоговая реформа 1941–1942 гг., позволила избежать катастрофической инфляции, в отли-

чие от Германии (шестикратный рост денежной массы) и Японии (11-кратный). Банковская система стала эффективным инструментом мобилизации ресурсов: 170 млрд руб. добровольных взносов населения; 4 млрд руб. вкладов военнослужащих; 72 % кредитных вложений в промышленность к 1943 г. Эти показатели свидетельствуют об успешности интеграции финансовых механизмов в общую систему военной экономики.

Исследование подтверждает тезис о критической роли централизованных финансовых систем в условиях тотальной войны. В перспективе дальнейших исследований особый интерес представляет сравнительный анализ советской модели с системами других воюющих государств, а также изучение преемственности между военными и послевоенными финансовыми механизмами СССР.

Таким образом, банковская система СССР в годы Великой Отечественной войны не просто сохранила функциональность в экстремальных условиях, но и стала важнейшим инструментом мобилизации ресурсов, внеся существенный вклад в достижение Победы. Ее опыт представляет значительную ценность для экономической истории и теории финансовых систем.

Источники и литература

1. *Антонюк О.А.* Роль Госбанка СССР в достижении Победы в Великой Отечественной войне / О.А. Антонюк, А.Ю. Побединский // Вооружение и экономика. – 2015. – № 2(31). – С. 9–15.

2. Государственные финансы СССР на службе Отечеству в период Великой Отечественной войны / Н.В. Фадейкина, Г.А. Фадейкин, О.В. Глушакова, Т.В. Пирогова // Сибирская финансовая школа. – 2025. – № 2(158). – С. 5–16.

3. *Гусев Р.С.* Методический подход к кредитованию предприятий малого и среднего бизнеса в нестабильных экономических условиях / Р.С. Гусев, А.В. Ломоносов // Индустриальная экономика. – 2022. – Т. 6. – № 3. – С. 548–553.

4. О деятельности Государственного банка и его полевых структур в годы Великой Отечественной войны / Н.В. Фадейкина, Г.А. Фадейкин, Н.В. Брюханова, Н.С. Швецова // Сибирская финансовая школа. – 2025. – № 2(158). – С. 17–28.

5. *Кузяев Р.Р.* Финансовый анализ и его роль в оценке деятельности некредитной финансовой организации / Р.Р. Кузяев, А.В. Ломоносов // Сибирская финансовая школа. – 2025. – № 1(157). – С. 67–73.

6. *Лядский Т.И.* Методика анализа кредитоспособности физического лица LWES / Т.И. Лядский, А.В. Ломоносов // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 9(146). – С. 1018–1023.

7. *Уразова С.А.* Особенности организации банковской деятельности на территории СССР в период Великой Отечественной войны // Финансы и кредит. – 2009. – № 47(383). – С. 81–91.

S.A. Nekrasov

THE BANKING SYSTEM OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ORGANIZATION AND FUNCTIONING

Annotation. The article examines the activities of the USSR banking system during the Great Patriotic War, and analyzes the key mechanisms of its functioning in wartime conditions. Special attention is paid to the role of the State Bank of the USSR, the organization of field institutions, anti-inflationary measures, lending to the defense industry, and the regulation of monetary circulation. Based on archival data and scientific publications, the article reveals the contribution of the banking system to the mobilization of resources for the front and the rear, as well as its impact on the stabilization of the economy during the war and in the post-war years.

Keywords: banking system of the USSR, the Great Patriotic War, the State Bank of the USSR, field institutions, monetary circulation, lending, and emission.

УДК 94(470)«1945»

А.Д. Полугодин

ОБРАЗ ВРАГА В ПЕРИОД НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ КРАСНОЙ АРМИИ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ 1945 г. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ И В СОВЕТСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ДОНЕСЕНИЯХ)

Аннотация. По материалам воспоминаний и разведывательным документам анализируются положения, формирующие образ врага. В исследовании выстраивается общая картина характера боев в период наступательных операций Красной армии последних месяцев Великой Отечественной

6. *Лядский Т.И.* Методика анализа кредитоспособности физического лица LWES / Т.И. Лядский, А.В. Ломоносов // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 9(146). – С. 1018–1023.

7. *Уразова С.А.* Особенности организации банковской деятельности на территории СССР в период Великой Отечественной войны // Финансы и кредит. – 2009. – № 47(383). – С. 81–91.

S.A. Nekrasov

THE BANKING SYSTEM OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ORGANIZATION AND FUNCTIONING

Annotation. The article examines the activities of the USSR banking system during the Great Patriotic War, and analyzes the key mechanisms of its functioning in wartime conditions. Special attention is paid to the role of the State Bank of the USSR, the organization of field institutions, anti-inflationary measures, lending to the defense industry, and the regulation of monetary circulation. Based on archival data and scientific publications, the article reveals the contribution of the banking system to the mobilization of resources for the front and the rear, as well as its impact on the stabilization of the economy during the war and in the post-war years.

Keywords: banking system of the USSR, the Great Patriotic War, the State Bank of the USSR, field institutions, monetary circulation, lending, and emission.

УДК 94(470)«1945»

А.Д. Полугодин

ОБРАЗ ВРАГА В ПЕРИОД НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ КРАСНОЙ АРМИИ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ 1945 г. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ И В СОВЕТСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ДОНЕСЕНИЯХ)

Аннотация. По материалам воспоминаний и разведывательным документам анализируются положения, формирующие образ врага. В исследовании выстраивается общая картина характера боев в период наступательных операций Красной армии последних месяцев Великой Отечественной

войны, выявляются причины, побудившие немцев оказывать яростное сопротивление на всем протяжении Восточного фронта, дается оценка действиям командования Красной армии по преодолению гитлеровского сопротивления.

Ключевые слова: вермахт, Красная армия, Берлин, крепости, фольксштурм, фаустпатрон, сопротивление.

В начале 1945 г. Красная армия продолжала освобождение от нацизма территории стран Восточной Европы: в центральной ее части – с боями продвигалась от берегов Вислы через срединную Польшу к р. Одер и границам Германии; на севере – через сопротивление немцев в Восточной Пруссии, уничтожая местные соединения; на юге – через Венгрию – к нынешним границам Австрии. По сведениям разведуправления Генерального штаба о группировке войск противника в полосе советско-германского фронта на 1 января 1945 г. советской разведкой было установлено 180 дивизий и бригад, в том числе: свыше 159 немецких, 18 венгерских и несколько инонациональных дивизий общим количеством в 2 230 000 чел., что составляло 60 % от общей численности вермахта на фронтах, включая 48 отдельных полков и 178 отдельных батальонов различного назначения [7, с. 27–28]. К 1 января 1945 г. в составе военно-воздушных сил противника насчитывалось 6880 самолетов [7, с. 25–26]. Соответственно, на Западном фронте против войск союзников была развернута только 121 немецкая дивизия. Главный контингент, учитывая военные качества противника и тайные замыслы германского командования, все еще представлял собой внушительную силу, способную создать наступавшим силам Красной армии существенные неприятности и серьезно отсрочить победу.

Исходя из анализа источников, в процессе рассмотрения некоторых аспектов интересующей нас проблемы, складывается как схожая, так и противоречащая друг другу информация. Уделим этому положению особое внимание.

Как правило, схожими являются сведения об упорном сопротивлении противника на протяжении проведения Красной армией практически всех наступательных операций победного 1945 года, несмотря на то что значительное количество немецких солдат с качественным боевым опытом к тому времени было уже убито либо

взято в плен. В частности, этому упорному сопротивлению могло способствовать множество причин как объективных, так и субъективных.

Отступая под ударами Красной армии, гитлеровцы стремились любой ценой задержать ее продвижение. Вышедшие в марте и апреле 1945 г. директивы Гитлера под страхом сурового наказания запрещали отступление без приказа, призывали нацию сплотиться, создать единый национальный монолит, вследствие чего в Восточной Пруссии и в основной части Германии, в западной Польше создавалась серьезная эшелонированная оборона: города, мелкие населенные пункты превращались в крепости и узлы сопротивления. Маршал Василевский А.М., чей фронт действовал в границах Восточной Пруссии, отмечал, что, к примеру, Восточно-Прусская часть Германии была укреплена очень хорошо. А, учитывая то обстоятельство, что территория являлась частью Рейха, враг не собирался ее так просто отдавать. Несмотря на численное превосходство в людской силе, было понятно, что «легкой прогулки» Красной армии ожидать не следует. К сожалению, свежее пополнение почти не поступало (основные силы бросались на берлинское направление), и это обстоятельство ощутимо било по советской наступательной активности [2, с. 486–489]. Схожую ситуацию в собственных мемуарах описывает и генерал Горбатов А.В., чьи полки на момент конца осени 1944 г. действовали в пределах северо-восточных границ Польши. Генерал вспоминал: «Враг умело маневрировал, постепенно оставляя плацдарм за плацдармом. В тактической зоне у него сосредотачивались сильные резервы. К нашему большому сожалению, мы не имели точных сведений о местонахождении оперативных резервов у противника. Толково используя географический ландшафт, он создавал укрепленные узлы сопротивления на холмах, поэтому взломать его оборону было весьма сложно». Оценивая предстоящий характер битвы, Александр Васильевич отмечал равные возможности по качеству подготовки пехоты, с небольшим преимуществом советских войск в техническом оснащении. Уделено в мемуарах внимание и моральному духу сопротивляющихся немцев: «одни из них падают духом, другие – сражаются фанатично, опасаясь за дальнейшую судьбу собственных жизней». Стоит сказать, что армия Горбатова впервые за последние полгода войны

только в период с 27 марта по 1 апреля 1945 г. не имела серьезного боевого соприкосновения с противником, но продлился этот «тихий час» недолго. Уже 1 апреля армии будет дан приказ для начала нового наступления [3, с. 307, 310, 317].

Приказы Гитлера конца 1944 – начала 1945 г. основывались на пропагандистских и репрессивных приемах, вводили строгий порядок в армейских подразделениях [7, с. 256–257]. При ротах и батальонах в обязательном порядке учреждена должность офицера по политическому руководству, а при дивизии – особого отдела национал-социалистического воспитания. Солдату в строжайшем порядке запрещалось именовать сотрудника отдела по национал-социалистическому воспитанию на просоветский манер «политруком» или комиссаром, его власть в частях была особенно значимой. Задача сотрудника особого отдела сводилась к тому, чтобы сформировать в сражающихся на передовой убеждение о бесперспективности самой идеи прекращения сопротивления, активизировать меры по усилению дальнейшей активности военнослужащих по защите Рейха [9, с. 74–75]. При непосредственном участии министерства пропаганды для солдат и гражданских в массовом порядке выпускались памятки и листовки, изображавшие советских солдат в образе восточных варваров, подгоняемых евреями, сеявших для Германии смерть и разрушения. Так, например, в захваченной советскими бойцами листовке, предназначенной 9-й немецкой армии, гитлеровские пропагандисты писали, что бывших военнопленных вермахта, ныне членов комитета «Свободная Германия», большевики гонят на убой, заставляя искупать вину за совершенные преступления, а с победой Красной армии в Германии воцарятся хаос, грабежи и убийства [7, с. 228]. Вечерами, в перерывах между боями на некоторых участках фронта для бойцов вермахта и фольксштурма транслировалась пропагандистская передача «Силезский час», в которой передавалась сводка подвигов германских солдат [9, с. 75]. В частях в строжайшем порядке запрещались все праздничные мероприятия и попойки [9, с. 75]. Известны также приемы гитлеровских пропагандистов по ознакомлению сражавшихся бойцов с ложными постановочными фотографиями «преступлений» Красной армии.

Одновременно следовали и суровые репрессивные санкции. Источники, с одной стороны, пестрят многочисленной информацией

о неограниченных полномочиях офицеров вермахта и СС по наведению необходимой дисциплины в войсках. В приказах А. Гитлера марта – апреля 1945 г. предписывалось разрушать всю полезную для «врага» инфраструктуру, вводилась коллективная ответственность за сдачу в плен солдат и их семей. По донесениям советской разведки к тем, кто проявлял несознательность и малодушие, применялись самые суровые меры воздействия: от расстрелов до повешения на фонарных столбах. Родственники таких военнослужащих рисковали разделить печальную участь членов своей семьи [11]. Раскрывается в некоторых источниках и деятельность институтов немецких заградотрядов с правом открывать огонь по отступающим с оборонительных позиций солдатам [4, с. 344; 9, с. 82]. Однако, справедливости ради, все же стоит признать, что в распространенных случаях советские источники отмечают упорство противника без упоминаний о каком-либо постоянном нажиме извне [7; 9]. Чем это было вызвано, будет рассмотрено далее.

В городах, входящих в юрисдикцию Третьего рейха, с октября 1944 г. гитлеровское руководство приступило к созданию фольксштурма – отрядов народного ополчения, формально подчиненных Г. Гиммлеру, на деле – штабу Верховного командования вермахта. Новобранцы этих военизированных подразделений должны были пройти короткую программу обучения, где преподавателями являлись инструкторы с военным опытом. Ожидалось, что такой подготовки должно хватить для скорейшего обучения обращению с винтовкой, панцерфаустом, панцершреком и ручными гранатами. В ряды фольксштурма включалось население от 16 до 60 лет. Участники организации приносили присягу лично Гитлеру. Образ «фольксштурмовика» довольно подробно упоминается в советских воспоминаниях и донесениях: «в полувоенной униформе, вооруженный фаустпатроном, наспех обученный, но фанатично сражающийся и представляющий угрозу противник». Генерал Д. Лелюшенко в мемуарах отмечал, что основная задача такого бойца с фаустпатроном состояла в уничтожении советской бронетехники. Поэтому бронетехника должна была в обязательном порядке взаимодействовать со штурмовыми группами советской пехоты, чьи задачи сводились к прочесыванию кварталов, обнаружению и уничтожению «фаустников». Гораздо лиричнее и трагичнее для нас описывают

сопротивление врага (включая бойцов фольксштурма) простые солдаты и командиры Красной армии. Полковник Чичин А. вел дневник во время кровопролитных боев за Бреслау в начале 1945 г. В нем он писал следующее: «немцы сильны фаустпатронами и подвалами. Стоят насмерть… Потомкам расскажу, как мы брали Бреслау, как дрались с «фольксштурмом»: пока не взорвешь подвал, квартиру, подъезд или целый дом, их не выкуришь. А сзади, за их спинами – СС» [12, с. 138–141]. Маршал Конев И.С. вспоминал: «Надо сказать, эти «фаустники», как правило, дрались до конца и на этом последнем этапе проявляли большую стойкость, чем видавшие виды, но надломленные поражениями и многолетней усталостью немецкие солдаты» [10].

Объективно говоря, оценка фольксштурмовца с фаустпатроном советским генералитетом носит довольно противоречивый характер. Так, например, советский генерал танковых войск Богданов С.И. не разделяет мнение о «сверхсиле» бойца с гранатометом. С ним не согласен маршал Чуйков В. . Однако отношение к самому оружию никого не оставляет равнодушным [10]. Гранатомету «фаустпатрон» уделяется внимание и в разведывательных советских документах. И вот что об этом в одном из них можно прочесть: из доклада представителя Генштаба начальнику оперативного управления Генерального штаба Красной армии генерал-полковнику Штеменко С. об особенностях боя по овладению городом Познань 19 февраля 1945 года: «…Установлено, что патрон гранатомета свободно пробивает стены домов… Гранатомет активно применяется противником, как по нашей технике, так и по живой силе… является средством ближнего боя в крупном населенном пункте… Неограниченное их количество, вкупе с условиями его применения в городской застройке, успешно восполняет недостаток огня потерянной артиллерии, минометов и лишь усиливает потенциал противника» [9, с. 67–68]. В мемуарной литературе «фаустники» активно упоминаются по боям за города Берлин, Кенигсберг, Кюстрин, Вену, Будапешт, Бреслау, Познань.

Таким образом, признаем, что к началу 1945 г., благодаря слаженным действиям нацистского руководства, дисциплинарный эффект в армейских частях был налажен. Источниками отмечены профессиональные действия противника практически на любом участ-

ке фронта. Продвижение Красной армии в Венгрии, в западной Польше постепенно тормозилось, а сопротивление врага нарастало.

Многие очевидцы событий подчеркивали, что бои с немцами в Польше, Венгрии и в Германии по своему характеру различались. И с этим, пожалуй, в некоторой степени можно согласиться. Необходимо обратить внимание, что многое зависело от приоритетов германского командования и роли конкретного региона в осуществлении поставленных целей. Большую часть Польши солдаты Красной армии прошли на волне общего подготовленного наступления, которое по объективным причинам было заторможено лишь у западных границ нынешнего польского государства на подходе к территории Германии. В донесениях советского командования фиксировалось, что (в отличие от будущих боев в Германии) польское население в целом старалось помогать Красной армии и на этой территории немцы оказались лишены преимуществ «родной земли» [7, с. 482]. Иначе складывались события в Венгрии. Понимая особую значимость для сражающегося вермахта дунайского нефтяного района, А. Гитлер в категорической форме запретил своим генералам думать об отступлении. В срочном порядке с западного фронта в район Дуная перебрасывалась хорошо укомплектованная 6-я танковая армия СС Зеппа Дитриха с целью нанесения мощных контрударов. Город Будапешт стал крепостью, которую яростно обороняли немцы и их союзники. В процессе марша группировка З. Дитриха сохраняла конфиденциальность. Солдаты СС сняли свои нарукавные нашивки, а многие боеспособные воинские части изменили официальные наименования, «превратившись» в саперные и тыловые подразделения. Бравый вид перемещающихся солдат, сопровождавшая движение новейшая техника для остальных, воюющих в Венгрии немцев, создавали иллюзию, что этому «ударному кулаку» удастся отбросить силы Красной армии на восток. Именно в Венгрии отмечено одно из тех редких проявлений мотивированного наступательного и в последующем оборонительного упорства противника в начале 1945 г. Гитлеровцы и их союзники действовали продуманно и тактически грамотно [4, с. 305–306], накапливая силы, наносили контрудары тяжелыми танковыми соединениями, поддерживаемыми пехотой, которые советской разведкой были заранее определены и, стоит признать, не без труда отбиты бойцами на передовой.

В западной Польше, в пределах тогдашних границ Рейха, узлами сопротивления стали крепостные сооружения и естественные преграды в виде холмов и рек (в данном случае реки Варта, Нейсе и Одер). Изученные автором статьи воспоминания указывают на страшные бои в окопах, в городах, за полевые укрепления, при переправах рек. Полковник Чичин А., штурмовавший в феврале – марте 1945 г. город Бреслау[1], вспоминал: «Грызем по кварталу, как беззубый, орехи. Большие потери, особенно в командном составе. Недостает снарядов…. Сопротивление ожесточенное, а взята только 1/4 часть города. Время играет на руку противнику. Город разрушен вдребезги… Депрессия с большими потерями в людях. На четвертом году познал, что такое война в больших городах. Поражают разрушения. А их Гитлер предвещает «решительный перелом», и у него еще много дураков, кто слушает и верит... Успеха нет. Назову причины: мало пехоты, нет взаимодействия с авиацией, подвалы не берет никакая артиллерия, да и использовать ее в уличных боях нет возможности» [12, с. 138–141]. Другой очевидец боев, Николай Бирюков, подтверждал сказанное ранее: «Успешно действовали против немецкой обороны тяжелые гаубицы, когда их выдвигали на прямую наводку. 152-миллиметровые снаряды проламывали стены, разбивали завалы, баррикады и прочие заграждения, с которыми не могли справиться пушки полковой и дивизионной артиллерии. Поскольку то и дело приходилось проламывать стены и заборы, каждый воин, кроме штатного оружия, носил с собой ломик, кирку или топор» [1; 7, с. 486]. Рассекреченные архивные документы позволяют нам в подробностях проанализировать тактику городского боя, навязанную гитлеровцами Красной армии. Из краткой сводки обобщенного боевого опыта оперативного отдела штаба 5-й ударной армии о боевых действиях армии в берлинской операции от 25 мая 1945 г. следует: «Враг на пути к германским городам создал сплошную эшелонированную оборону. В городах он перекрыл все главные подступы, занял и укрепил важнейшие городские постройки и объекты: угловые дома, вокзалы, церкви, метро. Как правило, обороняемый объект находился под защитой определенного звена – усиленного взвода или роты солдат, все также хорошо вооружен-

[1] Ныне г. Вроцлав в юго-западной Польше.

ной. У сопротивлявшихся в наличии имелись пулеметы, гранаты, автоматы и обязательно фаустпатроны. Противник не только оборонял объект, но и контратаковал; к сожалению, довольно успешно работали его снайперы, звуки выстрелов которых в условиях городского боя практически не было слышно. Техника использовалась точечно при перекрытии главных улиц – стреляла прямой наводкой». Немаловажным является и то обстоятельство, что источник связывает упорство противника не только с личными качествами немецких солдат и существующими объективными факторами: узкими улицами городов, изобилием холмистой и заболоченной местности, разрушенными объектами и их использование в качестве удобных огневых точек, но и с ролью местного населения, которое поддерживало оборонявших город солдат, информировало тех о действиях красноармейцев [7, с. 480–488].

В таком случае Красной армии приходилось буквально прогрызать германскую оборону, на ходу дорабатывать тактику боя: снайперы работали по пулеметчикам и фаустникам, пехота двигалась небольшими штурмовыми группами с обязательной поддержкой нескольких танков и САУ, с мощной артиллерией калибром орудия более 76 мм, стрелявшей прямой наводкой по врагу. Артиллеристов в обязательном порядке страховали автоматчики, поскольку имелся риск, что гитлеровцы пойдут контратаковать [7, с. 480–488].

Германская авиация, уступавшая в количественном плане советской, также довольно эффективно применялась в условиях оборонительного боя, в частности уже у границ самой Германии. Базируясь на местных аэродромах, получала преимущество перед советской в оперативном снабжении при выполнении поставленных задач. В то же время наша фронтовая авиация была не в состоянии оказать необходимую поддержку наземным войскам в связи с большим удалением полевых аэродромов, использование которых к тому же существенно затруднялось из-за начавшихся весенних дождей или тумана. Осуществляя разведку и точечное бомбометание, авиация противника весьма успешно создавала неприятности для наступающих [5, с. 6, 8]. Ближе к Берлину враг приступил к созданию заторов на дорогах, вследствие чего со стороны советского военного руководства была выпущена директива об осторожном использовании командирами соединений таких шоссе в тех местах, где присутство-

вали подобные заторы, ввиду возможного стремительного налета вражеской авиации [7, с. 96].

Конечно, в рамках рассмотрения проблемы, немаловажно уделить внимание и анализу мотивационного аспекта сражавшегося на последнем издыхании врага, благо источники позволяют нам это сделать. Сравнивая мотивацию верхушки германской армии и рядовых бойцов, можно отметить существенные отличия. Как было ранее упомянуто, генералитет и политическое руководство Третьего рейха всерьез рассчитывало на продолжение сопротивления с целью выиграть время, надеясь в дальнейшем использовать вероятные разногласия в лагере союзников, чтобы, заключив мир на западе, перебросить оставшиеся силы на Восток для борьбы с большевизмом. Совершенно иные настроения господствовали в душе у простых солдат. Подстрекаемые действиями нацистской пропаганды идеей о «диких варварах с Востока», а также опасаясь личной и коллективной ответственности за прошлые преступления на оккупированной советской территории, бойцы имели два пути: попробовать перебороть собственный страх и сдаться в плен или же до последнего патрона оказывать сопротивление, рискуя быть убитым. В таком случае надежды на благоприятный для Германии исход войны питали, прежде всего, молодые новобранцы, нежели бывалые ветераны. У значительной категории воюющих еще теплилась надежда на особое «чудо»: «чудо техническое» – в использовании на войне новейших типов вооружения – ракетных боеприпасов; «чудо политическое», отраженное в надежде гитлеровского руководства на раскол дипломатических отношений противников рейха по антигитлеровской коалиции.

Упорное сопротивление, отмеченное в конце марта – апреле 1945 г., стало понемногу сводиться на «нет» в конце апреля и в начале мая. Если в период с марта по апрель в расположении противника отмечалась граничащая с жестокостью власть командира, присутствие строжайшей дисциплины в войсках, то уже по окончанию обороны Берлина этот контроль стал ослабевать. Оказывали необходимый эффект и антипропагандистские действия Красной армии. Так, например, со стороны советского руководства выходили директивы о недопущении пренебрежительного отношения к военнопленным и гражданскому населению; в целях разрушения

эффекта нацистской пропаганды часть наиболее лояльных военнопленных отпускалась обратно для последующего коллективного перехода на нашу сторону; велись активные переговоры с католическими священниками, игравшими роль посредников между немцами и Красной армией [7, с. 109]. Однако и в этом случае недоверие к нашей гуманности у немцев сохранялось. Лейтенант Бакалов И. вспоминал: «Только успели мы отправить последнюю партию, как из-за угла прямо на нас вышла вооруженная колонна человек в двести, во главе с офицером. Я вышел на середину перекрестка. В пяти метрах от меня немецкий офицер остановил колонну, повернулся ко мне, расстегнул кобуру, вынул пистолет и, подойдя поближе, вручил его мне. Затем отошел на три шага, стал и ждет. Я приказал колонне сложить оружие. Офицер ответил, что солдаты согласны сложить оружие лишь в том случае, если им гарантируют жизнь, так как отряд является ударной колонной войск СС. – Пленных мы не расстреливаем, – ответил я. Солдаты, проворно сложив на тротуаре винтовки, автоматы и противогазы, снова построились в колонну. Каску не снял никто. Спрашиваю: – Почему не сняли каски? Ведь никто не стреляет. – Нет, – последовал ответ, – мы останемся в касках, потому что идет дождь… Я позволил им идти в плен в касках, раз им это уж так нравится. Впрочем, пройдя метров тридцать, они стали сбрасывать каски на мостовую…» [13].

Представленные в таблице 1 данные общего количества потерь Красной армии при освобождении территорий некоторых стран Европы ужасают [6, с. 488; 8, с. 206]. Казалось бы, действуя профессионально, в сложившихся условиях избежать больших жертв все же никак не удавалось. И значительная вина в этом лежит, в первую очередь, на военно-политическом руководстве Германии, а также упорстве гитлеровских солдат.

Несмотря на критические замечания ряда очевидцев и специалистов в отношении анализа по вопросу количества наших потерь, важно отметить, что руководство Красной армии все же старалось действовать осторожно. Источниками не подтверждается информация о системном характере необдуманных решений советского командования. Укрепленные населенные пункты тщательно обрабатывались тяжелой артиллерией, проводилась глубинная разведка, при штурме укрепленных узлов использовалась тактика при-

Таблица 1

Общие людские потери Красной армии при освобождении стран Европы в военных компаниях 1944–1945 гг.[2]

Наименование государства	Убито	Ранено	Всего
Польша	600 212	1 416 032	2 016 244
Германия	101 961	262 861	364 822
Чехословакия	139 918	411 514	551 432
Венгрия	140 004	394 296	484 300
Австрия	26 006	68 179	94 185
Румыния	68 993	217 349	286 342
Болгария	977	11 173	12 750
Югославия	7995	21 589	29 584
Норвегия	3436	14 726	18 162
Итого	**1 089 502**	**2 768 319**	**3 857 821**

менения небольших штурмовых групп по опыту боев в Сталинграде, при зачистке пространства артиллерией сначала подавлялись цели переднего края германской обороны с последующим продвижением огня вглубь немецкой обороны для последующего занятия укреплений пехотой. В ходе уличных боев отмечен высокий процент расходования боеприпасов.

Гибель фюрера 30 апреля 1945 г. не окончила войну, многие гитлеровцы продолжали сражаться до последнего. Так, в донесении члена Военного совета 3-й ударной армии Военному совету 1-го Белорусского фронта по вопросу отношения немецкого населения к советским военнослужащим от 2 мая 1945 г. говорилось: «С вступлением наших войск в Берлин отмечены многие случаи террористических актов со стороны немецкого населения по отношению к нашим военнослужащим. Эти акты совершаются главным образом фашистами, немецкими солдатами и офицерами, переодетыми в гражданскую форму. Они укрывались в домах и стреляли

[2] Цифры количества людских потерь Красной армии при освобождении некоторых стран Европы в период с 1944–1945 гг. носят относительный характер и могут быть в дальнейшем подвержены корректировке в связи с обнаружением новых научных данных.

в бойцов и командиров, обстреливали повозки, танки, орудия, автомашины. В результате обстрела немецкими автоматчиками и фаустниками был убит и ранен ряд бойцов и офицеров в тылу наших войск. Так, выстрелами из-за угла был тяжело ранен командир 12 гв. ск генерал-лейтенант Казанкин, убит начальник хим. отдела армии полковник Марра. В 52 гв. сд[3] в результате действий отдельных немецких террористов было убито и ранено 26, а 27.4.45 г. 9 офицеров и 12 бойцов, в 33 сд только 27.4.45 года были убиты 3 офицера и 9 бойцов» [7, с. 243–244]. Однако активность таких групп ввиду неравенства сил быстро пресекалась слаженной работой советских органов безопасности. На 1 апреля 1945 г. органами контрразведки СМЕРШ было арестовано агентов вражеской разведки 361 чел. Всего же в порядке очищения тыла целого 1-го Украинского фронта примерно за один месяц оперативной работы аресту подверглись 10 689 чел., из которых 8421 являлся членом нацистской партии или был представителем фольксштурма. За невыполнение приказа о явке на мобилизационные пункты было привлечено к суду военного трибунала 109 чел., из которых приговорено к высшей мере 92 чел. [9, с. 81–82]. И только немного позднее, к первым числам мая массово начинают сдаваться фольксштурмовцы и обычные солдаты; кто-то из высшего руководства кончает жизнь самоубийством, но на это идут далеко не все. Члены СС, опасаясь попасть в плен, переодеваются в гражданское в надежде не быть обнаруженными. Некоторые солдаты гитлеровской армии, чтобы получить гарантии сохранения жизни, пытаются напоследок оказать красноармейцам «услугу»: подбирают по дороге раненых солдат Красной армии, доводят тех до госпиталя и сдают на лечение; чтобы не быть застреленным, одевают на руки белые повязки, выходят в расположение красноармейцев с пропускными листовками в руках [9, с. 91–93].

Отражены в источниках многочисленные данные и по проблеме отношения германского населения к входящим на территорию Германии советским солдатам. Из них следует, что большинство гражданских занимало выжидательную позицию, опасаясь мести солдат Красной армии, другая часть, как правило, зажиточная, стремилась держаться обособленно. Были и такие, кто, осознав отсутствие опас-

[3] Гвардейская стрелковая дивизия.

ности в лице советских солдат, готов был сотрудничать. Некоторые негативно отзывались о разрушительном характере войны, развязанной Гитлером, правда, приводя в пример только собственное бедственное положение [9, с. 91–93].

Таким образом, сформированный образ крепкого противника, сражавшегося до конца, казалось бы, в безнадежной для него ситуации, при использовании им любых ресурсов и средств дает нам хорошую возможность осознать серьезность и опасность нацизма как человеконенавистнического идейно-политического явления, идеологии, не ставящей ни во что как жизни своих, так и чужих солдат, собственной культуры и будущего родной страны. Воспитательный потенциал исследуемого вопроса проявляется в осознании читателем фактора цены достигнутой Победы, приложенных нашей страной тяжелейших усилий, коей она была достигнута в Великой Отечественной войне. Ведь по разным данным только за освобождение стран Восточной Европы от гитлеровского нацизма Красная армия заплатила убитыми и ранеными страшную цену в количестве от 2,8 млн до 3,9 млн чел. Лишь понимая и представляя эти цифры, формируется образ той трагедии и одновременно Великого подвига, вдвойне усиливающего гордость и втройне ценность за Победу, одержанную во благо общего мира.

Источники и литература

1. *Бирюков Н.И.* Трудная наука побеждать. – М., 1968.

2. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. – М., 2014.

3. *Горбатов А.В.* Годы и войны. Записки командарма. – М., 2008.

4. *Гостони П.* Кровавый Дунай. Решающие бои за крепость Будапешт, падение Румынии и Болгарии, борьба за Вену. – М., 2004.

5. *Макар И.П.* От Вислы до Одера // Военно-исторический журнал. – 2005. – № 3. – С. 3–9.

6. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков и др. – М., 2010.

7. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–5). Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): сб. док. – М., 1995.

8. *Сенявская Е.С.* Освободительная миссия Красной Армии в Европе в 1944–1945 гг. В контексте исторической памяти: новые архивные документы и их интерпретация // Метаморфозы истории – 2019. – №. 13. – С. 206–237.

9. Страна в огне: В 3 т. Т. 3. Освобождение. 1944–1945: В 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы / отв. ред. Литвин А.М., Мягков М.Ю. – М., 2018.

10. Фаустпатрон // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki / Фаустпатрон (дата обращения: 23.032025).

11. *Хельмут А.* Берлинская «пляска смерти». Страшная правда о битве за Берлин. – М., 2009.

12. *Шлыков А.* Однажды в Бреслау (воспоминания полковника А. Чичина «Однажды в Бреслау») // Вокруг света. – 2002. –№ 5 (2740). – С. 138–141.

13. Штурм Берлина: Воспоминания, письма, дневники участников боев за Берлин: сб. – М., 1948.

A.D. Polugodin

TOWARDS A GREAT VICTORY.THE IMAGE OF THE ENEMY DURING THE OFFENSIVE OPERATIONS OF THE RED ARMY ON THE SOVIET-GERMAN FRONT OF 1945 (ACCORDING TO THE RECOLLECTIONS OF PARTICIPANTS IN THE EVENTS AND IN SOVIET INTELLIGENCE REPORTS)

Annotation. Through materials of memories and intelligence documents, he analyzes the positions that form the image of the enemy. The study builds a general picture of the nature of the battles during the offensive operations of the Red Army in the last months of the Great Patriotic War, identifies the reasons that prompted the Germans to offer fierce resistance throughout the Eastern Front, and evaluates the actions of the Red Army command to overcome Hitler's resistance.

Keywords: Wehrmacht, Red Army, Berlin, fortresses, Volkssturm, Faustpatron, resistance.

УДК 94(470.343)

А.Н. Сергеева

РЕМЕСЛЕННОЕ УЧИЛИЩЕ № 1 – КУЗНИЦА РАБОЧИХ КАДРОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Аннотация. Статья посвящена организации ремесленного училища № 1 в системе трудовых резервов Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С привлечением документов Государствен-

9. Страна в огне: В 3 т. Т. 3. Освобождение. 1944–1945: В 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы / отв. ред. Литвин А.М., Мягков М.Ю. – М., 2018.

10. Фаустпатрон // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki / Фаустпатрон (дата обращения: 23.032025).

11. *Хельмут А.* Берлинская «пляска смерти». Страшная правда о битве за Берлин. – М., 2009.

12. *Шлыков А.* Однажды в Бреслау (воспоминания полковника А. Чичина «Однажды в Бреслау») // Вокруг света. – 2002. –№ 5 (2740). – С. 138–141.

13. Штурм Берлина: Воспоминания, письма, дневники участников боев за Берлин: сб. – М., 1948.

A.D. Polugodin

TOWARDS A GREAT VICTORY.THE IMAGE OF THE ENEMY DURING THE OFFENSIVE OPERATIONS OF THE RED ARMY ON THE SOVIET-GERMAN FRONT OF 1945 (ACCORDING TO THE RECOLLECTIONS OF PARTICIPANTS IN THE EVENTS AND IN SOVIET INTELLIGENCE REPORTS)

Annotation. Through materials of memories and intelligence documents, he analyzes the positions that form the image of the enemy. The study builds a general picture of the nature of the battles during the offensive operations of the Red Army in the last months of the Great Patriotic War, identifies the reasons that prompted the Germans to offer fierce resistance throughout the Eastern Front, and evaluates the actions of the Red Army command to overcome Hitler's resistance.

Keywords: Wehrmacht, Red Army, Berlin, fortresses, Volkssturm, Faustpatron, resistance.

УДК 94(470.343)

А.Н. Сергеева

РЕМЕСЛЕННОЕ УЧИЛИЩЕ № 1 – КУЗНИЦА РАБОЧИХ КАДРОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Аннотация. Статья посвящена организации ремесленного училища № 1 в системе трудовых резервов Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С привлечением документов Государствен-

ного архива Республики Марий Эл на примере ремесленного училища № 1 представлены вопросы мобилизации городской и сельской молодежи, учебно-производственная деятельность на предприятиях оборонной промышленности, военно-физкультурная подготовка учащихся, жилищно-бытовые условия проживания воспитанников.

Ключевые слова: подготовка кадров, трудовые резервы, ремесленное училище, Йошкар-Ола, Марийская АССР, Государственный архив Республики Марий Эл.

В конце 1930-х гг. наблюдалась обостренная международная обстановка, и начавшаяся 1 сентября 1939 г. Вторая мировая война обусловила создание в масштабах всей страны системы Государственных трудовых резервов, учебные заведения которой стали кузницей кадров в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2 октября 1940 г. при СНК СССР было образовано Главное управление трудовых резервов СССР [23, л. 25–25 об.]. Официальный документ предусматривал образование управлений трудовых резервов в областях, краях и автономных республиках. 10 марта 1941 г. в Марийской АССР «для руководства подготовкой и распределением государственных трудовых резервов» при СНК было организовано Управление трудовых резервов [24, л. 60–61]. Начальником Управления трудовых резервов при СНК Марийской АССР был назначен В.И. Батьков, 1903 г.р., проработавший в этой должности с марта 1941 г. по январь 1944 г. На 1 апреля 1941 г. штатная численность управления состояла из 8 чел., находилось оно в здании Дома Советов в г. Йошкар-Оле по ул. Комсомольская, д. 2 [6, л. 12].

3 февраля 1941 г. Марийский обком ВКП(б) и СНК Марийской АССР приняли совместное решение о проведении первого призыва (мобилизации) сельской молодежи из 18 районов республики [2, л. 123]. С 20 марта по 10 апреля 1941 г. осуществлялся призыв юношей в возрасте 17 лет для укомплектования шести школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) лесной промышленности на базе лестранхозов Марийского лесного лесозаготовительного сплавного треста «Маритранлес» с трехмесячным сроком обучения. Все учащиеся со дня приема находились на полном государственном содержании. Они получали общежитие, постельные принадлежности, трехразовое горячее питание, рабочую и выходную одежду и обувь,

учебники и учебные пособия. В начале июня 1941 г. по окончании обучения 629 чел. выпускников были направлены на постоянную работу на предприятия треста «Маритранлес», а 514 чел. отправились на стройки Наркомата нефтяной промышленности СССР в г. Баку Азербайджанской АССР [9, л. 42 об.].

С июля по август 1941 г. началась первая волна эвакуации населения, промышленных предприятий, оборудования и других материальных ценностей в тыловой регион – Марийскую АССР из западных и центральных районов страны. 25 июля 1941 г. из прифронтовой полосы страны вместе с Одесским заводом киноаппаратуры «Кинап» было эвакуировано ремесленное училище металлистов № 6 (РУ № 6), организованное в г. Одессе 1 декабря 1940 г. Сразу же по прибытии в Марийскую АССР РУ № 6 г. Одессы было реорганизовано в РУ № 1 г. Йошкар-Олы приказом Управления трудовых резервов при СНК Марийской АССР от 26 августа 1941 г. [8, л. 29].

Ввиду отсутствия производственной базы бывшее Одесское ремесленное училище в количестве 164 чел. (155 юношей и 9 девушек) в возрасте от 15 до 18 лет было временно направлено на Марийский целлюлозно-бумажный комбинат (Марбумкомбинат) в г. Волжск. Необычным для Марийской республики был национальный состав учащихся ремесленного училища: 92 украинца, 41 еврей, 20 русских, 7 болгар, 2 немца, 1 поляк и 1 иранец. Вместе со своими воспитанниками прибыли наставники-мастера и администрация ремесленного училища. Директором училища был П. Заболотный. С сентября по октябрь 1941 г. учащиеся ремесленного училища, работая в три смены, выполняли все виды слесарно-токарных работ в пределах 3-го, 4-го, 5-го разрядов по окладной системе оплаты труда. В подавляющем большинстве подростки систематически выполняли и даже перевыполняли нормы выработки взрослого рабочего Марбумкомбината. Производительность труда была на достаточно высоком уровне. Об этом свидетельствовала их заработная плата в размере от 100 до 240 руб. за сентябрь 1941 г. [7, л. 31]. В то время средняя заработная плата рабочего Марбумкомбината составляла 125 руб. на декабрь 1941 г. [27, л. 349].

В свободное от работы время для учащихся РУ № 1 проходили киносеансы, кроме того, приезжали с концертными выступлениями

артисты Марийской государственной филармонии. По инициативе комсомольцев были организованы футбольная и волейбольная команды и драматический кружок. С наступлением зимних погодных условий среди одесситов проявлялся интерес к катанию на коньках и лыжах.

В первые месяцы войны каждый, кто работал на Марбумкомбинате, независимо учащийся, директор ремесленного училища или руководитель крупного предприятия, все испытывали трудности в продовольственном обеспечении. В такой ситуации столовая на 90 мест, подведомственная тресту общественного питания Марторга г. Волжска, была передана в распоряжение РУ № 1 и РУ № 2. В столовой предусматривалось только горячее питание без выдачи сухих пайков и без всякой компенсации в денежном выражении. Однако трехразовое питание учащихся было однообразным и низким по своей калорийности, а стоимость дневного рациона на одного человека в сутки составляла от 5 руб. до 5 руб. 15 коп. [7, л. 2]. Категорически запрещалось администрации ремесленного училища выдавать из столовой продукты питания на дом. Следует отметить, что система Наркомата торговли Марийской АССР недостаточно снабжала студенческую столовую такими необходимыми продуктами питания, как мясо, овощи и крупы. К тому же рыночные цены росли весьма стремительно, к примеру, цена за 1 кг мяса достигала 70 руб., а картофель – 30 руб. за 1 ведро [3, л. 64].

Кроме того, на базе Марбумкомбината находились сразу два учебных заведения РУ № 1 и РУ № 2, для которых комбинат не всегда представлял полноценный фронт работы, в особенности это испытывали на себе воспитанники РУ № 1. Вместе с тем Марбумкомбинат не обладал достаточной производственной базой для дальнейшего развития учащихся РУ № 1 по специальностям: токарь-универсал, слесарь-инструментальщик, слесарь-ремонтник, слесарь-лекальщик.

В силу этих причин Управление трудовых резервов при СНК Марийской АССР приняло решение о переводе РУ № 1 обратно в г. Йошкар-Олу на производственную базу оптико-механического предприятия – завод № 297 Наркомата вооружения СССР. К тому же в октябре 1941 г. завод № 297, созданный на базе эвакуированных Московского, Ленинградского оптических заводов и Одесского

завода киноаппаратуры («Кинап»), запустил в производство опытную партию из 100 комплектов телескопических прицелов для танковой пушки Ф-34. С увеличением производственных мощностей и при выполнении сложных оборонных заказов завод № 297, имея инженерно-технический состав и костяк квалифицированных рабочих, испытывал острую потребность в рабочих кадрах. В этой связи Управлению трудовых резервов при СНК Марийской АССР в совершенно сжатые сроки необходимо было организовать новый набор в РУ № 1, в котором должны были обеспечить подготовку таких новых рабочих профессий, как слесарь, токарь, фрезеровщик, шлифовальщик, револьверщик, оптик. Так, 6 марта 1942 г. был произведен самый многочисленный прием учащихся за счет подростков и молодежи г. Йошкар-Олы. По состоянию на 1 июня 1942 г. в училище обучалось 398 чел. (мартовского набора 1942 г.), из них 187 юношей и 211 девушек. Возрастной состав вновь принятых учащихся был разный: 13 лет – 5 чел., 14 лет – 119 чел., 15 лет – 163 чел., 16 лет – 78 чел., 17 лет – 30 чел. и 18 лет – 3 чел. Из этого состава учащихся было скомплектовано 15 учебно-производственных групп: 6 групп токарей, 3 группы оптиков, 2 группы сборщиков-механиков, 1 группа фрезеровщиков, 1 группа слесарей-инструментальщиков, 1 группа револьверщиков, 1 группа шлифовальщиков [8, л. 1–2].

Кроме того, в составе РУ № 1 значилось 156 чел. учащихся (147 юношей и 9 девушек) бывшего Одесского ремесленного училища, которые с прибытием в г. Йошкар-Олу сразу же стали работать в цехах завода № 297, Государственного союзного особого конструкторского бюро № 43 (ОКБ-43), Государственного оптического института (ГОИ) эвакуированных из г. Ленинграда в г. Йошкар-Олу в августе 1941 г. По заданиям центральных управлений Наркомата обороны СССР и Наркомата вооружения СССР ОКБ-43 выполняло проекты серийных чертежей броневой скрывающейся огневой точки для пулемета «Максим» БСОТ-5; броневого танкового прицепа БК-45, вооруженного 45 мм пушкой с пулеметом; броневой установки для 76 мм пушки БК-76 и другие опытные образцы некоторых видов вооружения. Специалисты ГОИ помогали заводу № 297 в освоении, изготовлении и совершенствовании оптических приборов: танковые телескопические прицелы, зенитные дальномеры, снайперские прицелы, артиллерийские стереотрубы.

В условиях военного времени Главное управление трудовых резервов при СНК СССР, пересмотрев программы, формы и методы обучения, поставило задачу – подготовить рабочие кадры в ремесленных училищах не в два года, а максимум в один год. При сокращенной форме обучения устанавливался восьмичасовой учебно-производственный день. На сентябрь 1942 г. учащиеся РУ № 1 мартовского приема 1942 г. проходили производственное обучение: в мастерских ремесленного училища – 242 чел., цехах завода № 297 – 150 чел., ГОИ – 25 чел. [11, л. 2].

Важную роль в увеличении производительности труда при прохождении производственного обучения на предприятиях ГОИ, ОКБ-43 и завода № 297 сыграло соцсоревнование среди воспитанников РУ № 1. Отчет Управления трудовых резервов при СНК Марийской АССР за сентябрь 1942 г. подтверждает то, что «учащиеся Ремесленного училища № 1 освоили производственные навыки … и выполняют свои нормы на 180–250 %» [13, л. 63]. Примеров самоотверженного труда было предостаточно. Так, ученик группы слесарей-инструментальщиков РУ № 1 Герман Ефимович Решетов, проходивший практику производственного обучения в ОКБ-43, выполнял «самостоятельно работы 4–5 разряда, без брака, на 200–250 %» [13, л. 44]. Лидия Николаевна Белоусова, по специальности токарь, «производственную практику проходит в цехах завода № 297 и выполняет норму на 150–180 %» [11, л. 33]. При выполнении производственных планов была и соответствующая заработная плата в пределах от 300 до 1200 руб. за июнь 1942 г. [10, л. 4].

Примером для подражания был учащийся РУ № 1 Николай Никитич Шевченко, который «за систематическое выполнение производственных заданий по выпуску оборонной продукции» был награжден медалью «За трудовое отличие» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1942 г. [22, л. 137]. Этим же указом и такой же государственной наградой был награжден начальник Управления трудовых резервов при СНК Марийской АССР Владимир Иванович Батьков.

Главным управлением трудовых резервов при СНК СССР и ЦК ВЛКСМ были отмечены «серьезные успехи в социалистическом соревновании учащихся и работников» РУ № 1 г. Йошкар-Олы за июль, сентябрь 1942 г. Об этом публиковала общественно-полити-

ческая и ежедневная газета СССР «Известия» от 16 августа и 20 октября 1942 г. Директором училища был Лазарь Михайлович Ангерт, секретарем комитета комсомола – Милла Абрамовна Шенфельд. Административное здание РУ № 1 находилось в г. Йошкар-Оле по ул. Пушкина, д. 7. На углу улиц Палантая и Пушкина находился оптический цех завода № 297, где размещались мастерские училища для прохождения производственного обучения.

Немаловажную роль в учебно-производственном обучении имели опытные кадровые рабочие и мастера. На сентябрь 1942 г. в РУ № 1 обучалось 548 чел. [16, л. 77], административно-хозяйственный штат состоял из 85 чел., из которых 25 чел. были мастера [12, л. 41]. Под опекой одного мастера находились до 25 чел. Мастер отвечал за всю группу в течение всего дня, от подъема до отбоя. Неподдельным авторитетом среди воспитанников ремесленного училища обладали мастера-одесситы (прибывшие из г. Одессы в г. Йошкар-Олу в составе РУ № 6 в августе 1941 г.). Об этом свидетельствуют воспоминания Юрия Васильевича Куканова, поступившего в РУ № 1 в марте 1942 г.: «Мастер был теоретик, практик и вообще человек высокой культуры. Мы мастеров очень уважали и им подражали в работе и в быту, потому что у них можно было многому научиться. Мастера были очень трудолюбивыми и инициативными людьми» [1, с. 108]. В августе 1943 г. «за образцовую подготовку кадров» 4 мастера РУ № 1 – Хун Гершевича Вольфович, 1908 г.р. (старший мастер училища, до эвакуации работал в РУ № 6 г. Одессы с 1940 г. по 1941 г.), Иван Тимофеевич Гапеенко (мастер слесарной специальности, до эвакуации работал в РУ № 6 г. Новороссийска с 1940 г. по 1942 г.), Исаак Наумович Каплан, 1910 г.р. (мастер оптической специальности, до эвакуации работал в ГОИ с 1930 г. по 1942 г.), Александр Григорьевич Левин, 1900 г.р. (мастер по кузнечной специальности, до эвакуации работал на Московском механико-машиностроительном заводе им. Н.Э. Баумана с 1936 г. по 1942 г.) были награждены Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР. Вместе с тем «за высокие показатели в учебно-производственной работе» были награждены Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР и 24 учащихся РУ № 1: Софья Степановна Антонова, 1927 г.р. (по специальности слесарь, выполняла норму на 200 % в мастерских училища), Анастасия

Гавриловна Адамова, 1925 г.р. (по специальности токарь, выполняла норму на 220 % в цехе № 3 завода № 297), Людмила Степановна Андреева, 1925 г.р. (по специальности оптик, выполняла норму на 250–300 % в цехе № 4 завода № 297), Евгения Федоровна Бессонова, 1927 г.р. (по специальности слесарь, выполняла норму на 230 % в цехе № 3 завода № 297), Николай Иванович Блинков, 1927 г.р. (по специальности слесарь, выполнял норму на 290–300 % в ОКБ-43), Виктор Николаевич Бабушкин, 1927 г.р. (по специальности слесарь, выполнял норму на 190–200 % в ГОИ), Зоя Максимовна Ефремова (по специальности фрезеровщица, выполняла норму на 195 % в мастерских училища), Василий Петрович Епаничников (по специальности фрезеровщик, выполнял норму на 180–200 % в цехе № 12 завода № 297), Елена Захаровна Иванова (по специальности фрезеровщик, выполняла норму на 195 % в мастерских училища), Виктор Федорович Каманин, 1927 г.р. (выполнял норму на 200 % в мастерских училища), Лев Борисович Кулюкин, 1926 г.р. (по специальности оптик, выполнял норму на 350–400 % в цехе № 4 завода № 297), Евдокия Сергеевна Казаринова (по специальности токарь, выполняла норму на 190–200 % в ГОИ), Георгий Николаевич Колесников (по специальности фрезеровщик, выполнял норму на 290–300 % в ОКБ-43), Августа Николаевна Лаврентьева, 1926 г.р. (по специальности токарь, выполняла норму на 200 % в цехе № 3 завода № 297), Зоя Ивановна Мосунова, 1927 г.р. (по специальности оптик, выполняла норму на 250 % в цехе № 4 завода № 297), Петр Васильевич Писов, 1928 г.р. (по специальности токарь, выполнял норму на 200 % в мастерских училища), Земфира Николаевна Полысова, 1925 г.р. (по специальности токарь, выполняла норму на 250–300 % в цехе № 11 завода № 297), Ольга Степановна Павлова, 1924 г.р. (по специальности токарь, выполняла норму на 250–300 % в цехе № 3 завода № 297), Анна Сергеевна Полянина, 1928 г.р. (по специальности токарь, выполняла норму на 200 % в цехе № 3 завода № 297), Маргарита Анатольевна Смирнова, 1926 г.р. (по специальности фрезеровщик, выполняла норму на 180–200 % в цехе № 12 завода № 297), Клеопатра Григорьевна Средина, 1924 г.р. (по специальности токарь, выполняла норму на 250 % в цехе № 3 завода № 297), Алексей Николаевич Ухов 1926, г.р. (по специальности оптик, выполнял норму на 250 % в ГОИ), Лия Васильевна Чиркина, 1925 г.р.

(по специальности токарь, выполняла норму на 200 % в мастерских училища) [23, л. 1–3].

В сентябре 1943 г. РУ № 1 произвело выпуск учащихся и направило 350 чел. на оборонные предприятия и предприятия местной промышленности. До 1 декабря 1943 г. дополнительному призыву подлежали 250 чел., но по факту ряды учащихся ремесленного училища пополнили только 130 чел. Количество учебно-производственных групп увеличилось до 25: 10 групп слесарей, 9 групп токарей, 4 группы оптиков, 1 группа фрезеровщиков и 1 группа кузнецов [17, л. 2]. В течение 10 месяцев 1943 г. Управление трудовых резервов при СНК Марийской АССР и Марийский обком ВЛКСМ признавали то, что РУ № 1 одерживает первенство по показателям производственного и теоретического обучения [4, л. 209]. Директором училища была Елизавета Григорьевна Прохина, зам. директора по политчасти – Глафира Михайловна Большакова, секретарем комитета комсомола – Григорий Зиновьевич Ильин [13, л. 11].

На 1 мая 1944 г. контингент учащихся РУ № 1 составлял 346 чел. [4, л. 29, 63 об.]. С мая 1944 г. воспитанникам ремесленного училища, проходившим производственное обучение, гарантировался один день отдыха в неделю. До этого времени они вынуждены были «работать по 8 часов в три смены. Иногда приходилось работать в две смены подряд. Это было невыносимо. Праздничных и выходных дней не было» [1, с. 162], – вспоминала Тамара Васильевна Одинцова, которая поступила учиться в РУ № 1, и на сентябрь 1943 г. ей исполнилось 13 лет.

В дни отдыха проводились коллективные посещения театра, музея, концертов художественной самодеятельности, организованные собственными силами. Показ художественных и документальных фильмов демонстрировался на звуковой киноустановке, принадлежащей ремесленному училищу. В стенах учебного заведения имелась библиотека с читальным залом, содержащая 6 тыс. художественных и технических книг. Вместе с тем в красном уголке проводились читки сводок Совинформбюро, один раз в неделю знакомились с лекциями на исторические и политические темы и организовывались встречи с фронтовиками, Героями Социалистического Труда. В летние месяцы регулярны были и загородные выходы на природу со сбором ягод и грибов, а также выходы и в городской парк, где проводились спортивные игры и состязания.

Среди тех, кто поступал учиться в ремесленное училище, были юноши и девушки моложе 16 лет, которым на втором году обучения предоставлялся учебный отпуск в 12 рабочих дней, который распределялся равномерно в течение года согласно составленному графику. В учебный отпуск учащийся имел возможность поехать домой к родителям, родственникам в пределах республики или в дом отдыха, санаторий и пионерский лагерь. Учащемуся выдавались «специальные отпускные удостоверения, литер на проезд туда и обратно, сухой паек на дорогу» [18, л. 79]. Кроме того, отпускнику в соответствии с его размером выдавалось форменное обмундирование, состоявшее из шинели, брюк, гимнастерки, фуражки, ботинок, поясного ремня, а также две пары нательного белья и две пары носок.

В течение июля – августа учащихся отправляли на заготовку овощей в подсобные хозяйства. Более того, привлекали и на заготовку дров, необходимых на весь отопительный сезон для учебно-производственных помещений, столовой и общежитий. В общежитии предусматривалось раздельное проживание юношей и девушек. Юноши проживали по ул. Красноармейской, д. 6, девушки – Палантая, д. 116 (административное здание РУ № 1). В комнатах размещались по 50 чел. вместо 17 по нормативным условиям. Распорядок дня в общежитии не выдерживался, поскольку учащимся приходилось работать «в четырех местах и в разных условиях, разные начало и конец работы, и даже в одном месте для некоторых устанавливается 8, 10, 12 и даже подчас 24-часовой рабочий день. Это, конечно, неофициально, но некоторые ребята, не выходя из цеха, работали по 36 часов. Нормальный подъем в 5 часов утра и нормальный отбой – в 10 часов вечера, но есть ненормальности, отклонения, когда ложатся в 12 часов [вечера], 1, 2 часа [утра] и даже позже» [10, л. 9]. Положение с обеспечением учащихся одеждой и обувью было весьма затруднительным продолжительное время. С середины 1943 г. учащиеся РУ № 1 имели уже летнюю и зимнюю форму одежды, состоявшую из «шинели, ватного полупальто, телогрейки, ватных брюк, шапки, валяной обуви, теплого белья, перчаток, варежек, шарфа» [18, л. 64]. Регулярно в обязательном порядке обмундирование осматривалось, и лишь затем подвергалось дезинфекции и необходимому ремонту. Один раз в десять дней учащиеся посещали баню и один раз в месяц проходили медицинский осмотр

на предприятиях, на базе которых они работали. Кроме того, при РУ № 1 имелись медпункт и зубоврачебный кабинет.

В период с 15 сентября по 15 октября 1944 г. состоялась мобилизация «городской, колхозной и другой сельской молодежи в школы ФЗО и ремесленные училища Марийской АССР» согласно принятому постановлению СНК Марийской АССР от 5 сентября 1944 г. [26, л. 36]. В РУ № 1 с общим контингентом учащихся 441 чел. (231 юношей и 210 девушек) добровольному призыву согласно разнарядке подлежали еще 150 чел., из них 70 чел. из г. Йошкар-Олы, 45 чел. из Медведевского района и 35 чел. из Йошкар-Олинского района [4, л. 137]. При проведении очередной мобилизации рассматривался возрастной ценз (юноши в возрасте от 14 до 15 лет и девушки – от 15 лет до 16 лет) и необходимость предъявления таких документов, как паспорт, метрическая справка о рождении, аттестат о семилетнем образовании. При этом поступающий из сельской местности должен был быть обеспечен за счет финансового бюджета колхоза одеждой и обувью, двумя комплектами сменного нательного белья, продуктами питания во время следования в ремесленное училище. В реальной действительности не все райисполкомы и горисполкомы в полной мере выполняли разнарядку по мобилизации в учебные заведения системы трудовых резервов, поскольку теряли рабочую силу в лице подростков и молодежи при выполнении государственного плана снабжения хлебом Красной армии, населения городов, рабочих промышленности и лесозаготовок республики и страны в целом. А для сельской молодежи данная мобилизация давала возможность навсегда покинуть родной колхоз, где были тяжелые условия труда. В результате проведенной мобилизации по состоянию на 25 октября 1944 г. в РУ № 1 было зачислено 117 чел. вместо 150 [4, л. 156]. Обеспечение воспитанника детского дома возлагалось на органы Наркомата просвещения Марийской АССР. В отношении городской молодежи никаких привилегий не предусматривалось, так как их обеспечение всем необходимым перекладывалось на родителей.

С 1942/1943 учебного года наряду с учебно-производственным обучением стали уделять особое внимание военно-физкультурной подготовке учащихся под руководством А. Царькова. Для прохождения военной подготовки учащиеся формировались в учебно-строевые подразделения, отделения и взводы. Командирами подразде-

лений назначались лучшие учащиеся с отличной успеваемостью, высокими показателями в производственном обучении и пользующиеся авторитетом среди своих сверстников. Занятия по военной подготовке проводились два раза в неделю в специально оборудованном кабинете. Первоначально имелись трудности с приобретением необходимого учебно-наглядного пособия и военно-спортивного оборудования, но вскоре эта проблема была решена за счет изготовления всего недостающего силами учащихся. В учебном заведении организовывались осоавиахимовские оборонные кружки и секции по подготовке: истребителей танков, снайперов, минометчиков, гранатометчиков, автоматчиков, сандружиниц, инструкторов по рукопашному бою и плаванию. Это помогло им в минимальные сроки овладеть основами военного дела и специальностью военного времени.

В РУ № 1 уделялось немало времени физкультуре и спорту. По состоянию на 1 июня 1942 г. девушки и юноши занимались легкой атлетикой (23 девушки и 45 юношей) и волейболом (8 девушек и 15 юношей). В футбольной команде состояло 35 юношей [14, л. 9].

Постепенно в обязательном порядке в режим дня учащихся вводилась утренняя зарядка на 10–15 минут, разработанная военфизруком. В 1943 г. военфизруком был В.В. Палагин, который наладил военно-физкультурную работу и был поощрен денежной премией в размере 300 руб. Проходили и более масштабные спортивные соревнования, такие как лыжные и легкоатлетические кроссы и эстафеты, состязания по военно-прикладным видам физических упражнений и, конечно, сдача комплекса «Будь готов к труду и обороне» среди учебных заведений Управления трудовых резервов при СНК Марийской АССР. Так, с 13 февраля по 1 марта 1944 г. РУ № 1 принимало участие в лыжном кроссе, из общего контингента учащихся 441 чел. участвовало 315 чел., из них 199 девушек. Обладателем значков «Будь готов к труду и обороне» среди воспитанников ремесленного училища стал 301 чел., из них 190 девушек [15, л. 21].

С 1944 г. вводилось раздельное обучение юношей и девушек, кроме выполнения планов по оборонным заказам преобладало и изготовление запчастей к тракторам и уборочным сельскохозяйственным машинам, которые поставляли освобожденным от немецкой оккупации Курской области и г. Ворошиловграду.

На 1 января 1945 г. штатная численность РУ № 1 состояла из 81 чел. [21, л. 3]. Администрация – директор Хун Гершевича Вольфович, 1908 г.р. (в должности руководителя с мая 1944 г.), зам. директора Илья Константинович Карпов, 1922 г.р., завуч Милла Абрамовна Шенфельд, 1915 г.р., старший мастер Аскар Давыдович Гауфман, 1897 г.р. [19, л. 8].

На 1 января 1945 г. в составе Управления трудовых резервов при СНК Марийской АССР находились восемь учебных заведений, из них три ремесленных училища с контингентом учащихся 1015 чел. и пять школ ФЗО с контингентом учащихся 700 чел.: РУ № 1 г. Йошкар-Олы на базе завода № 297 Наркомата вооружения СССР; РУ № 2 г. Волжска на базе Марбумкомбината Наркомата бумажной промышленности СССР; РУ № 3 р.п. Звенигово на базе завода им. Героя Советского Союза С.Н. Бутякова Наркомата речного флота СССР; ФЗО № 3 г. Волжска на базе Марбумкомбината Наркомата бумажной промышленности СССР; ФЗО № 4 г. Йошкар-Олы на базе завода № 298 Наркомата электропромышленности СССР; ФЗО № 6 г. Козьмодемьянска на базе Горномарийского межрайонного союза лесной, деревообрабатывающей и лесохимической промысловой кооперации; ФЗО № 8 г. Волжска на базе Древкомбината Наркомата путей сообщения СССР [20, л. 1].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Управление трудовых резервов при СНК Марийской АССР подготовило квалифицированных рабочих кадров для предприятий местной промышленности Марийской АССР 4356 чел., а для оборонных предприятий в количестве 6213 чел., из них в школах ФЗО обучалось 5783 чел. и в ремесленных училищах – 1473 чел. [4, л. 96].

Среди учебных заведений Управления трудовых резервов при СНК Марийской АССР РУ № 1 отличалось тем, что проводило подготовку рабочих кадров для предприятий оборонной промышленности завода № 297, ГОИ, ОКБ-43, на которых удавалось в крайне сжатые сроки подготовить учащегося до уровня рабочего средней квалификации. Сокращенная форма обучения позволяла на действующем оборудовании в процессе выполнения производственных заданий дать самые элементарные знания по техминимуму, а также практические приемы и навыки по определенной специальности и спустя некоторое время учащийся выполнял специальные заказы

для фронта. Из стен ремесленного училища вышли молодые квалифицированные кадры, прошедшие через тяготы военного времени, зачастую полуголодные, полураздетые и изнуренные тяжелой работой. Но при этом они проявляли исключительную стойкость и упорство в выполнении поставленных задач по выпуску новых видов вооружения, которые требовались фронту во имя достижения Победы.

Источники и литература

1. *Воеводский П.В.* В боях отстояли Отчизну свою… Воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. – Йошкар-Ола, 2005.
2. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. П-1. Оп. 5. Д. 11.
3. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 256.
4. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 440.
5. ГА РМЭ. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 400.
6. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 2.
7. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 3.
8. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 7.
9. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 8.
10. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 19.
11. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 23.
12. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 24.
13. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 25.
14. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 26.
15. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 27.
16. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 29.
17. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 36.
18. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 2. Д. 3.
19. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 2. Д. 4.
20. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 2. Д. 6.
21. ГА РМЭ. Ф. Р-463. Оп. 2. Д. 8.
22. ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 374.
23. ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 456.
24. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 1. Д. 139.
25. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 37.
26. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 224.
27. ГА РМЭ. Ф. Р-775. Оп. 1. Д. 137.

A.N. Sergeeva

VOCATIONAL SCHOOL NO. 1 IS A FORGE OF WORKERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Annotation. The article is devoted to the organization of vocational school No. 1 and the system of labor reserves of the Mari ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. Using the documents of the State Archive of the Republic of Mari El, using the example of vocational school No. 1, the issues of mobilization of urban and rural youth, educational and production activities at defense industry enterprises, military and physical education training of students, housing and living conditions of pupils are presented.

Keywords: Personnel training, labor reserves, vocational school, Yoshkar-Ola, Mari ASSR, State Archive of the Republic of Mari El.

УДК 94(470)«1941/1945»:338.45

Л.Г. Скворцова,
Ю.В. Атеняева

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ МОРДОВИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Аннотация. Статья посвящена анализу роли железнодорожного транспорта Мордовии в годы Великой Отечественной войны. Исследуются основные направления деятельности железнодорожников Мордовии в годы войны, условия, способствующие развитию и совершенствованию сети железных дорог, а также влияние железнодорожной сети Мордовии на обстановку на фронте.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Мордовия, железнодорожники, военное время, перевозка грузов, эвакуация, паровозная колонна, Рузаевка, железнодорожное депо.

Железнодорожный транспорт СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. пережил глобальную перестройку отрасли. Железные дороги к началу 1941 г. располагали сетью в 106 102 км и перевозили свыше 85 % грузов. В первые дни войны на железных дорогах был введен и начал действовать воинский график движения

A.N. Sergeeva

VOCATIONAL SCHOOL NO. 1 IS A FORGE OF WORKERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Annotation. The article is devoted to the organization of vocational school No. 1 and the system of labor reserves of the Mari ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. Using the documents of the State Archive of the Republic of Mari El, using the example of vocational school No. 1, the issues of mobilization of urban and rural youth, educational and production activities at defense industry enterprises, military and physical education training of students, housing and living conditions of pupils are presented.

Keywords: Personnel training, labor reserves, vocational school, Yoshkar-Ola, Mari ASSR, State Archive of the Republic of Mari El.

УДК 94(470)«1941/1945»:338.45

Л.Г. Скворцова,
Ю.В. Атеняева

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ МОРДОВИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Аннотация. Статья посвящена анализу роли железнодорожного транспорта Мордовии в годы Великой Отечественной войны. Исследуются основные направления деятельности железнодорожников Мордовии в годы войны, условия, способствующие развитию и совершенствованию сети железных дорог, а также влияние железнодорожной сети Мордовии на обстановку на фронте.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Мордовия, железнодорожники, военное время, перевозка грузов, эвакуация, паровозная колонна, Рузаевка, железнодорожное депо.

Железнодорожный транспорт СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. пережил глобальную перестройку отрасли. Железные дороги к началу 1941 г. располагали сетью в 106 102 км и перевозили свыше 85 % грузов. В первые дни войны на железных дорогах был введен и начал действовать воинский график движения

поездов. Он предусматривал приоритетный пропуск воинских эшелонов, обеспечение четкой работы станций, максимальное использование пропускной способности линий. Одновременно с этим шла перестройка работы железнодорожных путей в тыловых регионах страны.

Целью данной статьи является изучение роли железнодорожного транспорта Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны, его функционирование и взаимодействие с военными структурами, обеспечение перевозок военных грузов, эвакуацию населения и предприятий, а также меры по организации и оптимизации его работы. В работе используются историко-аналитический, статистический, биографический методы и метод сравнительного анализа.

Фундаментальную изученность данный вопрос начал приобретать в 1950–1980-е гг. Основополагающими стали работы А.Е. Захаркина, Л.Г. Филатова, Н.К. Веденеевой. Именно благодаря этим работам исследование данной темы приобрело актуальность. В монографиях и статьях собраны необходимые статистические данные, указы, сводки по развитию железнодорожного транспорта [5; 8; 11]. В 1990-х гг. образовался некоторый застой исследований по данной теме. Современные же исследования ограничиваются юбилейными изданиями об истории Куйбышевской железной дороги, где дана уже более краткая сводка по развитию железнодорожного транспорта именно в Мордовии. Также в этот период выходит коллективная монография под редакцией В.А. Юрченкова, работы З.И. Сеглиной и других авторов. Большой вклад в развитие данной темы вносят архивные материалы НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, исследования ученых Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

Железные дороги в России имеют богатую, насыщенную событиями историю. Рассматривая Мордовию в современных границах, стоит отметить, что первое железнодорожное строительство здесь началось в 1891 г., когда прокладывали пути Московско-Казанской железной дороги. Однако первые соображения на этот счет высказывались еще в 1856 г., когда остро встал вопрос о соединении крупного индустриального центра с районами Поволжья для обеспечения промышленных предприятий сырьем и дешевой рабочей

силой. С 1891 г. Правление Общества Московско-Казанской железной дороги возглавил Николай Карлович фон Мекк. Дорога была одной из самых доходных в Российской империи [1, с. 43–44].

В Саранске была создана крупная железнодорожная станция с грузооборотом до 4 млн пудов. Инфраструктура включала: паровозное депо, поворотный круг, кондукторский резерв, службу дистанции пути. В связи с развитием транспорта начинает появляться техническая интеллигенция, контролировавшая весь процесс работы. Но постепенно Саранск начал утрачивать свои позиции в качестве железнодорожного узла. В будущем станция будет исключительно проходной.

Между тем железнодорожное хозяйство, несмотря на свои масштабы, имело довольно жалкий вид. В 1896 г. локомотивное депо из Саранска (где изначально и предполагался железнодорожный узел) перенесли в Рузаевку. От прежних властей досталась устаревшая инфраструктура: несколько десятков маломощных паровозов серии «О», «Б», «К», которые не могли перевозить поезда весом более 500 т, с максимальной скоростью 40 км/ч (при идеальных условиях). Особую веху в развитии узла приобрела революция 1905 г. Был создан забастовочный комитет во главе с машинистом Афанасием Петровичем Байкузовым, сформирована боевая дружина из 150 чел., которая патрулировала на улицах города и охраняла железнодорожные пути. Вводились денежные знаки – боны. Ни один из образцов до сих пор не найден.

На фоне происходившей разрухи и плачевного состояния хозяйства набирало силу соцсоревнование, где станции в окрестностях Мордовии соревновались между собой, а также вызывали на соревнования другие станции (например, Рязань). По результатам 1929 г. улучшилось оснащение паровозного депо, поступили более высококлассные паровозы. Как результат – увеличение среднесуточного пробега паровозов с 147,1 км до 178,4 км [3, с. 38–40].

Мощное соревновательное движение имело агитационный характер. Идейными вдохновителями были партийные деятели А.В. Киреев, А.Ф. Царев, А.И. Юрасов, Д.М. Фролов и др. Еще в довоенные годы в стране было развернуто стахановское движение. Отличниками Мордовии стали машинисты. Они двигали поезда на повышенной скорости, что обеспечило более быструю

поставку и стабильное передвижение. Стоит упомянуть выдающихся машинистов Я.О. Ларина, И.С. Просагина, М.П. Романова и др. К 1936 г. стахановцы составляли третью часть работников станции. Организовывались бригады, полностью была перестроена система организации труда. Стахановцы были высоко отмечены партийным руководством: Яков Осипович Ларин стал первым обладателем звания машиниста первого класса, Петр Яковлевич Есин – кавалер ордена Ленина. В предвоенные годы лучшими стахановцами были Н.Г. Докукин и Н.С. Копылов. Они еще в 1939 г. приняли эстафету по перевозке высококлассного поезда весом 2500 т. В целом все показатели стали набирать норму на 140–170 % [10, с. 205].

Стоит отметить, что первые железные дороги Мордовии были узкоколейными. Это железная дорога облегченного типа с колеей, имеющей ширину – 1520 мм в СССР. Их сооружали для обслуживания промышленных предприятий, лесосек, шахт, рудников и т.п. Узкоколейные железные дороги играли важную роль во внутренних транспортных связях отдельных промышленных районов, могли быть экономичны при малых грузооборотах и небольших расстояниях перевозок. Для повышения экономической эффективности на узкоколейных железных дорогах использовали специальные грузовые тепловозы, большегрузные вагоны, приспособленные для перевозок определенных грузов (леса, руды, торфа и т.п.). Узкоколейные железные дороги были полностью разобраны уже к 1970-м гг. Но в годы Великой Отечественной войны именно узколинейная колея железнодорожных путей сообщения сыграла основополагающую роль в перевозках грузов.

С первых дней войны железнодорожники внесли огромный вклад в обеспечение фронта. О значении железнодорожного транспорта говорят и такие цифровые данные: с 1941 г. по 1945 г. железные дороги обеспечивали, соответственно, в 1941 г. – 93 %; в 1942 г. – 52 %; в 1943 г. – 58 %; в 1944 г. – 68 %; в 1945 г. – 76 % всего грузооборота СССР [9, с. 58–60].

Железные дороги в этот период выполняли важные задачи: доставляли к фронту войска, боевую технику, вооружение, боеприпасы, продовольствие и снаряжение; эвакуировали материальные ценности и людей из временно оккупированных областей и республик страны; служили связующим звеном между фронтом и тылом. Для

решения этих задач движение поездов перевели на военный график, введенный приказом Народного комиссариата путей сообщения 22 июня 1941 г.

С первых дней войны работа в Мордовии шла на нужды фронта. Каждый трудился насколько хватало сил, чтобы приблизить долгожданную победу советскому народу. Уже 23 июня комсомолец Кашкин и беспартийный Макаров перевыполнили норму на 290 % без единого брака. Машинист паровоза Слепов провел поезда по станции Рузаевка-Ковылкино с экономией 87 мин. Каждый следующий раз время переброски составов по железнодорожным путям сокращалось, что позволяло пустить в путь новые локомотивы быстрее. Фамилии рузаевских машинистов звучали в сводках Совинформбюро как лучших по профессии. В первый этап войны было сэкономлено до 60 т угля, проведено 20 тяжеловесных составов. Все неисправности удаляли на месте, составы ни разу не заходили на ремонт в депо. Перевозили эшелоны с войсками, боеприпасами.

Через территорию Поволжья проходила эвакуация населения из оккупированных зон. Население УССР и БССР было эвакуировано на территорию Мордовской АССР. По направлению Рузаевка – Самара эшелоны с ранеными и беженцами направлялись в наиболее отдаленные уголки страны: Сибирь и Дальний Восток. Мордовия провела через себя по разным данным около 15 млн эвакуированного населения. Эвакуационные мероприятия стали одним из важнейших направлений работы железнодорожного транспорта. На территории Мордовской АССР были организованы эвакопункты на ключевых транспортных узлах: станциях Рузаевка, Саранск, Красный Узел, Ковылкино, Атяшево, Ардатов и др. За период с 1941 по 1942 г. в республику было эвакуировано около 80 тыс. чел., включая 25 тыс. детей до 15 лет. Районы республики активно участвовали в размещении эвакуированных. Например, только в с. Курилово Ромодановского района нашли приют 500 беженцев. Для их размещения были созданы 26 детских домов, а местными семьями было усыновлено или взято на воспитание 1300 детей. Однако не везде ситуация складывалась благополучно – в Инсарском, Рузаевском, Кочкуровском, Кадошкинском, Большеберезниковском и Старошайговском районах отмечались случаи недоброжелательного отношения к эвакуированным.

Железнодорожники приняли на себя основную эксплуатационную нагрузку при интенсивном движении железнодорожных составов. Жизнь и работа рузаевских железнодорожников была подчинена требованиям фронта. Работники железнодорожного узла боролись за бесперебойное продвижение воинских эшелонов, за досрочное выполнение повышенных планов. Профсоюзными организациями был поддержан почин машинистов Кировской железной дороги по вождению тяжеловесных и скоростных поездов. За октябрь 1941 г. машинисты-тяжеловесники из Рузаевки перевезли 48 748 т сверхплановых грузов для фронта.

В 1942 г. в депо была организована паровозная колонна им. Государственного комитета обороны. Машинисты Н. Зарубин, С. Нехорошев, А. Балков на участке Рузаевка – Красный Узел водили тяжеловесные поезда, были сокращены сроки подъемочного ремонта. Коллектив депо добился увеличения пробега паровозов между промывками, был снижен простой на экипировке. С первых дней войны на производство взамен ушедших на фронт мужчин приходили женщины и подростки [10, с. 207–215].

Активно включались в социалистическое соревнование железнодорожники станций Рузаевка и Красный Узел. Смена комсомольцев на станции Красный Узел под руководством Ионченко занял первое место в соцсоревновании по всей Куйбышевской железной дороге. Лучшими стали: Борис Пономарев – перевыполнил норму на 339 %, Горюнов – на 324 %, Малкин – на 249 % и др.

При Рузаевском железнодорожном узле в августе 1941 г. были созданы специальные курсы, на которых 765 женщин осваивали профессии паровозников, вагонников, движенцев, путейцев, 47 женщин получили профессию машиниста. К декабрю 1941 г. 540 девушек овладели мужскими профессиями, выполняя норму свыше 100 %. Всю войну кочегарами на паровозе работали Ольга Паламарь и Евдокия Резенова, машинистами – Ольга Черунова, Дарья Макарова. Организовывались и женские трудовые бригады. За зиму 1941–1942 гг. была организована молодежная колонна, куда вошло 12 бригад под руководством лучших: И.С. Пасагиной, К.К. Кухаркиной. К 1 мая 1942 г. был отправлен подарок на фронт – поезд-баня. Были возрождены субботники и воскресники, организацией которых занимались профсоюзные

организации. При их участии проведена большая работа по сбору теплых вещей для фронта.

Особые успехи выдались на 1943–1944 гг. Железнодорожный транспорт стал работать лучше, чем в 1941 г. Зимой 1943 г. героический подвиг совершил комсомолец помощник машиниста Константин Антонов. Перед станцией Инза паровоз оказался неисправным. Устранить повреждение можно было лишь охладив паровоз. Между тем в Инзе скопилось большое количество эшелонов с танками, боеприпасами, продовольствием. Останавливать – значит на несколько часов задержать их движение. В этих условиях Антонов решил устранить повреждения, не охлаждая паровоза. Приглушив пламя в топке, обмотав себя облитой водой одеждой, он влез в паровозную топку. Через пять минут, задыхаясь от жары, весь бледный, он вылез из топки... Четыре раза пришлось залезать ему в горячую топку паровоза, и неисправность была устранена на ходу. В 1943 и 1944 гг. узел неоднократно завоевывал переходящие Красные знамена Управления дороги. Отделению движения за работу зимой 1943–1944 г. три раза присуждалось переходящее Красное знамя Управления дороги, два раза – знамя НКПС и ВЦСПС. По состоянию на 1 июля 1944 г. в железнодорожных предприятиях участвовало в социалистическом соревновании 7503 чел. Из них 1507 чел. были стахановцами, а 2013 – ударниками [3, с. 45–47].

Благодаря социалистическому соревнованию только за шесть месяцев 1944 г. паровозники провели 912 экспрессов, что позволило сэкономить 1926 часов времени и 80 паровозов. Также было проведено 1448 тяжеловесных составов, которые перевезли 235 017 т грузов, что эквивалентно экономии в 168 паровозов. В этот же период по социалистическим путевкам было проведено 7522 стахановских поезда, что позволило сэкономить 19 393 ч в пути. Кроме того, 2119 паровозов были обработаны с использованием скоростной экипировки, что привело к экономии 1474 ч. Эти достижения свидетельствуют о высоком уровне трудовой дисциплины и самоотверженности работников железнодорожного транспорта, их стремлении к повышению эффективности и качества работы в условиях военного времени.

В Рузаевке для бойцов Красной армии было собрано около 100 полушубков, 400 пар валенок, более 500 ватных фуфаек с брюками, около 3000 шапок. Был организован сбор средств для стро-

ительства танков, самолетов. На строительство танковой колонны «Железнодорожник» рузаевцы внесли 301 тыс. руб.

За самоотверженный труд по обеспечению перевозок для фронта с июня 1941 г. по август 1944 г. 24 железнодорожника были награждены орденами и медалями, а лучшему машинисту депо Антону Федоровичу Лескину первому в Мордовии присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Самоотверженно трудились на своих постах машинисты О.И. Лепешин, В.Ф. Сапрыгин, составитель поездов Ф.Г. Кондренков (Герой Социалистического Труда), башмачник горки Жирнов, мастер Замятин. За инициативу в создании комсомольско-молодежных бригад в годы войны были награждены знаком «Почетному железнодорожнику» машинисты М. Коленченко, Н. Рябов, П. Колодкин, слесарь А. Кулагин.

Железнодорожный транспорт в Мордовии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сыграл одну из ключевых ролей в обеспечении фронта всем необходимым для Победы над врагом. Особое значение имело Рузаевское отделение движения, включавшее 20 станций и разъездов, с паровозным депо, насчитывавшим 116 рабочих паровозов. Около 8 тыс. железнодорожников самоотверженно трудились в сложнейших условиях военного времени, демонстрируя образцы трудового героизма.

Таким образом, железнодорожный транспорт Мордовии в годы войны продемонстрировал высочайшую эффективность и организованность в работе. Благодаря самоотверженному труду железнодорожников, грамотной организации движения и массовому трудовому героизму удалось обеспечить бесперебойную работу важнейшей транспортной артерии, что внесло значительный вклад в общую Победу над врагом. Социалистическое соревнование стало важнейшим фактором повышения эффективности работы. Движение двухсотников, зародившееся среди молодых рабочих паровозного депо станции Рузаевка, охватило весь железнодорожный транспорт региона. Это позволило не только выполнять, но и перевыполнять производственные задания. Опыт работы железнодорожного транспорта Мордовии в годы войны является ярким примером того, как в экстремальных условиях можно достичь максимальной производительности и эффективности, объединив усилия всего коллектива ради общей цели.

Источники и литература

1. 140 лет Куйбышевской железной дороге / С.И. Карягин, Ю.В. Менчик. – Самара, 2014.

2. *Андреев В.В.* Московско-Казанская железная дорога в конце XIX – начале XX вв.: модернизационный фактор в экономическом развитии региона: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2007.

3. *Баргова Т.С.* Локомотивное депо Рузаевка. – Саранск, 2006.

4. *Ванчинов Д.П.* Военные годы Поволжья (1941–1945 гг.). – Саратов, 1980.

5. *Веденеева Н.К.* Железнодорожный транспорт Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. … канд. ист. наук. – Куйбышев, 1984.

6. *Кошина О.В., Скворцова Л.Г.* Промышленность Мордовии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: условия становления и пути развития // Экономическая история.– 2020. – Том 16. – № 1. – С. 65–73.

7. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Юрченкова. – Саранск, 2005.

8. Мордовия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: док. и материалы. – Саранск, 1962.

9. *Моторный В.* 50 лет на железнодорожном транспорте. – Пенза, 2013.

10. *Сеглина З.И.* 100 лет в пути. История профсоюзного движения на Куйбышевской железной дороге. – Самара, 2005.

11. *Филатов Л.Г.* Железнодорожники Мордовии в огне первой русской революции. – Саранск, 1972.

L.G. Skvortsova,
Yu.V. Atenyaeva

RAILWAY TRANSPORT OF MORDOVIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Annotation. The article is devoted to the analysis of the role of railway transport in Mordovia during the Great Patriotic War. The article examines the main activities of the railway workers of Mordovia during the war, the conditions conducive to the development and improvement of the railway network, as well as the impact of the railway network of Mordovia on the situation at the front.

Keywords: railway transport, the Great Patriotic War 1941-1945, Mordovia, railway workers, wartime, cargo transportation, evacuation, locomotive convoy, Ruzaevka, railway depot.

УДК 94(47).084.8

С.В. Стариков

80-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: РАЗГРОМ МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИЕЙ ЮЖНОГО САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Аннотация. В статье речь идет о Дальневосточной военной операции Красной армии в августе 1945 г. по разгрому милитаристской Японии. Особое внимание уделяется Южно-Сахалинской наступательной и Курильской десантной операциям, которые завершили военные действия и освободили исконные российские территории Южного Сахалина и Курильских островов.

Ключевые слова: Красная армия, Сахалин, Курилы, военные действия, укрепрайон, подвиг, герой, освобождение.

Военные действия Красной армии на Дальнем Востоке 9 августа – 1 сентября 1945 г. стали логическим продолжением периода Великой Отечественной войны и завершением Второй мировой войны. Авторы 12-томного труда о Великой Отечественной войне посвятили событиям на Дальнем Востоке один из разделов 5-го тома («Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией») [3], где рассмотрены вопросы подготовки и проведения Дальневосточной операции Красной армии, разгрома японских вооруженных сил в Китае, Корее, на Сахалине и Курилах. В современной учебной литературе третий период войны все чаще датируется временем с января 1944 г. по 2 сентября 1945 г. [7, с. 310].

Советский Союз, выполняя союзнические обязательства по антигитлеровской коалиции, 9 августа 1945 г. вступил в войну с Японией, чтобы предупредить дальнейшую эскалацию японской агрессии и освободить захваченные Японией российские территории. Япония, как главный союзник нацистской Германии в Азии и на Дальнем Востоке, не собиралась складывать оружие. В течение всего хода Великой Отечественной войны японская военщина ставила далеко идущие планы захвата советской территории. По плану

«Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии») предполагалось осуществить японский блицкриг, оккупировать весь советский Дальний Восток и Восточную Сибирь вплоть до Байкала [5, с. 54]. Несмотря на подписанный 13 апреля 1941 г. советско-японский договор о нейтралитете, японская сторона наращивала свои силы на границах с СССР, построила 17 укрепрайонов, осуществляла провокации на приграничных территориях, морской разбой, диверсии. Поэтому СССР вынужден был держать в боевой готовности на восточных границах до 40 дивизий, Тихоокеанский флот и Амурскую военную флотилию.

К началу военных действий вооруженные силы Японии составляли более 7 млн чел., в том числе Квантунская армия в Маньчжурии – 1,3 млн, более 10 тыс. самолетов, свыше 500 боевых кораблей [4, с.173, 175]. В арсенале японцев было бактериологическое оружие, апробированное в массовых масштабах на китайцах и советских гражданах, различные «сюрпризы» японской военщины: «камикадзе», «кукушки», человеко-торпеды «кайтен», микролодки «сине», разрывные пули «дум-дум», поднятие белых флагов о готовности капитулировать и неожиданный переход в наступление, зверства над взятыми в плен и даже уже убитыми военнослужащими (отрезанные уши, выколотые глаза, обезглавленные).

Подготовка Дальневосточной операции началась еще весной 1945 г. Советская сторона денонсировала договор о нейтралитете 5 апреля 1945 г., начала переброску войск на Дальний Восток. Советское командование разрабатывало военные операции Красной армии против Японии, включая разгром в Маньчжурии основной группировки японских войск, освобождение Южного Сахалина, Курильских островов и десантную операцию на Хоккайдо.

Главнокомандующим всеми вооруженными силами, действующими против Японии, был назначен маршал Советского Союза Василевский А.М. Три фронта – Забайкальский, 1 и 2-й Дальневосточные возглавили опытные военачальники: маршалы Малиновский Р.Я., Мерецков К.А. и генерал армии Пуркаев М.А.

Общая группировка советских войск к 9 августа 1945 г. включала: 1,5 млн солдат и офицеров, 5,5 тыс. танков, 3,5 тыс. самолетов [4, с. 176]. Советское командование при разработке военных операций учитывало театр военных действий, особенности поведения про-

тивника. Все это обусловило быстрый ход советской военной кампании против японских милитаристов. Военные действия продолжались 24 дня – с 9 августа по 1 сентября 1945 г. Благодаря полководческому таланту командиров и военачальников, решительности и массовому героизму солдат и офицеров, Красной армии удалось в короткие сроки успешно разгромить основные силы японских войск в Маньчжурии и на островах. Несмотря на устроенную американцами атомную бомбардировку городов Хиросима и Нагасаки 6 и 9 августа, японская военщина не собиралась сдаваться. Только действия Красной армии заставили японцев начать складывать оружие и капитулировать 2 сентября 1945 г.

Бои за родные острова развернулись уже в ходе Маньчжурской наступательной операции. Сахалинская наступательная операция началась 11 августа. Южный Сахалин в течение 40 лет был оккупирован Японией, которая, несмотря на Портсмутский мирный договор 1905 г., в 1918 г. начала захват и северной части острова. Оккупировав Северный Сахалин в 1920 г., Япония хозяйничала на нем пять лет, вплоть до мая 1925 г. Только изгнание интервентов из Приморья заставило японцев убраться с северной части острова. Граница проходила по 50-й параллели, по середине Сахалина.

Оккупанты грабили природные богатства, рыбные ресурсы, вырубали лесные массивы, вывозили лес, добывали полезные ископаемые, построили узкоколейную железную дорогу в южной части острова. Постоянного японского населения в средней части Сахалина было немного. В качестве рабочей силы японцы этапировали сюда корейцев. Но колонисты переименовали все населенные пункты русского Сахалина, учредив в г. Тойохара (ныне Южно-Сахалинск) свою префектуру. Накануне Великой Отечественной войны у 50-й параллели, в долине р. Поронай, японцы построили в течение шести лет мощный укрепрайон Харамитогэ (12 км по фронту и 30 км в глубину), где дислоцировались части 88-й Карафутской императорской дивизии численностью более 5400 чел. Японцы готовились захватить весь остров, переименовать Сахалин в Карафуто, как его называли оккупанты, в составную часть Японской империи. Всего на Сахалине насчитывалось до 20 тыс. солдат и офицеров японской армии и около 10 тыс. резервистов [1, с. 21].

Замысел командования при проведении наступательной операции на Сахалине состоял в том, чтобы прорвать укрепрайон противника и стремительным продвижением вдоль восточного побережья острова в общем направлении на Тойохару и во взаимодействии с морскими десантами разгромить сахалинскую группировку противника. Прорыв предстояло осуществить 56-му стрелковому корпусу 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта. В его состав входила 79-я стрелковая дивизия генерал-майора Батурова И.П. Корпус поддерживала 255-я смешанная авиационная дивизия (106 самолетов) [4, с. 216]. Предстояло взять Харамитогский укрепрайон, перекрывавший единственную дорогу в долине р. Поронай. Правый фланг этого укрепрайона упирался в лесисто-болотистую долину реки, а левый – в Западно-Сахалинский горный хребет.

Основной удар наносила по опорному пункту Хонда в направлении железнодорожной станции Котон 79-я стрелковая дивизия, усиленная танками. 11 августа в 11 часов дня завязался бой. Овладение Хондой открывало дивизии путь к основному укрепрайону. Личный состав 165-го стрелкового полка, которым командовал капитан Светецкий Г.Г., гордился тем, что именно ему выпала честь пересечь 50-ю параллель и вступить на русскую землю Южного Сахалина. Большую роль во взятии Хонды сыграли танки. Они расстреливали японские огневые точки и обеспечивали атаки стрелковым подразделениям.

Японцы отчаянно сопротивлялись, взорвали мост через реку. Ожесточенный бой за Хонду продолжался весь день и закончился вечером пленением японского гарнизона. К вечеру 12 августа 165-й полк подошел к укрепрайону и вместе со 157-м стрелковым полком начал штурм харамитогских укреплений [4, с. 216]. Но ударом в лоб сломить сопротивление японцев было очень сложно. Поэтому решили устроить для них «маленький Сталинград» на Сахалине – взять в окружение весь укрепрайон, а затем выбить противника из укреплений и подземелий.

Еще 11 августа ночью передовой отряд 179-го стрелкового полка под командованием капитана Смирных Л.В. прошел вдоль заболоченного левобережья р. Поронай и неожиданно для противника атаковал его опорный пункт Муйка к югу от Харамитогэ. В результате рукопашной схватки гарнизон Муйки был разгромлен. Но

двигаться дальше из-за сильного огня противника батальон не мог. Тогда Леонид Смирных принял решение блокировать очередной опорный пункт одним батальоном, а остальным силам идти через топи и болота к г. Котон. Всю ночь 13 августа бойцы буквально продирались через кусты и трясину по пояс в воде, держа над головой оружие и боеприпасы. Впереди шел капитан Смирных. Двое суток шел упорный бой за станцию и город. К вечеру 15 августа полк полностью овладел Котоном. В боях погиб комбат Леонид Смирных. Вражеская пуля японского смертника-«кукушки» сразила командира.

На рассвете 16 августа после часовой артиллерийской и авиационной подготовки советские войска начали штурм основной полосы японской обороны Харамитогэ с фронта и тыла. Кольцо окружения укрепрайона замкнулось. 17 августа советские воины разбили японцев на отдельные группы, и к вечеру 18 августа овладели Харамитогским укрепрайоном. Остатки японского гарнизона, сидевшего в лабиринтах и подземельях, капитулировали. В плен было взято 3300 солдат и офицеров. Потери японцев на Харамитогэ составили 1200 чел. убитыми. Советские потери составили 527 убитыми и 845 ранеными [1, с. 48]. Участники этих военных событий подчеркивали, что японцы на Сахалине воевали более отчаянно, с особым упорством, чем в Маньчжурии и Корее, считая, что Сахалин (Карафуто) – земля самураев.

С взятием Харамитогэ путь на юг острова для Красной армии был открыт. В боях за укрепрайон отличились артиллеристы, которым командовал старший лейтенант Сидоров П.Н., удостоенный звания Героя Советского Союза. Артиллеристы прямой наводкой уничтожали огневые точки противника. 16 августа батарея уничтожила до роты пехоты, шесть наблюдательных пунктов и подавила четыре дота [4, с. 218].

На Харамитогском перевале совершил свой бессмертный подвиг старший сержант Антон Буюклы, повторивший подвиг Александра Матросова. Он вызвался подавить дот противника, из которого японцы вели прицельный фланговый огонь. Прикрываясь щитом станкового пулемета, он подполз к доту. Четверо бойцов обеспечивали его продвижение ружейно-пулеметным огнем. В нескольких шагах от дота Антон был ранен японской гранатой, но истекая кровью, двигался вперед и, собрав последние силы, рванулся

к амбразуре дота и закрыл ее своим телом. В итоге батальон перешел в атаку и захватил укрепление врага. В 1965 г. в связи с 20-летием Великой Победы А. Буюклы было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [4, с. 218].

В боях за Харамитогэ 3706 солдат, сержантов и офицеров получили воинские награды. Боевые знамена всех полков 79-й стрелковой дивизии увенчали ордена. А сама дивизия получила почетное наименование «Краснознаменная Сахалинская».

Советские войска продвигались на юг острова. Крупных сражений здесь не было, но японцы устраивали «ловушки» красноармейцам, а японские смертники-«кукушки» отстреливали советских офицеров. Они маскировались в зарослях и на деревьях. «Кукушки» стреляли разрывными пулями. У них была отработана тактика действий: оказавшись обнаруженными на деревьях, они с помощью веревок камнем сваливались на землю и скрывались в зарослях. Их задачей было уничтожение «красных командиров». «Кукушки», как свидетельствовал военный корреспондент А.Н. Рыжков, скрывались попарно, были вооружены винтовками с прицелами, имели маскировочные сети и костюмы. «Кукушек» изобрели не японцы. Их применяли финны во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг., но именно японцы довели это дело до некого «совершенства». Против «кукушек» бойцы Красной армии применяли такие способы борьбы, как окружение, прочесывание местности, свободная охота меткого стрелка. Дивизионная газета сообщала 19 августа 1945 г. о том, что снайпер Михаил Ковчур уничтожил 18 «кукушек», снайперы Яков Марочкин и Михаил Титов – по 13, сержант Ткаченко за один день уничтожил 6 «кукушек» [6, с. 97].

При отступлении японские солдаты переодевались в гражданское платье, поджигали поселки и города на юге Сахалина. Так, 21 августа они подожгли г. Маока (ныне Холмск), где выгорело более 3500 домов [1, с. 56]. Через 9 дней после капитуляции, как свидетельствовал А.Н. Рыжков, на Камышовом перевале была задержана команда смертников, вооруженная минометами, гранатометами и тяжелыми пулеметами. Сдаваться они отказались, и были уничтожены [6, с. 98].

Чтобы ускорить полный разгром врага и завершить Сахалинскую наступательную операцию, советское командование направи-

ло отряд кораблей Северной Тихоокеанской флотилии из Советской Гавани к Сахалину. Утром 16 августа советские морские десанты высадились на западном побережье острова, овладели портами и городами Торо (Шахтерск), Маока (Холмск), Отомари (Корсаков). 25 августа части 56-го стрелкового корпуса, наступавшего с севера на юг, вступили в г. Тойохара (Южно-Сахалинск). Таким образом, 25 августа 1945 г. военные действия на Сахалине закончились.

Завершающей островной операцией стала Курильская десантная операция с 18 августа по 1 сентября 1945 г. К ее осуществлению были привлечены 101-я стрелковая дивизия генерал-майора Дьякова П.И., корабли Петропавловской военно-морской базы, корабли пограничных войск, 128-я смешанная авиационная дивизия [4, с. 218]. Разработанная операция ставила главной задачей внезапную высадку десанта на самом северном курильском острове Шумшу, где размещался главный укрепрайон японцев на Курилах, а затем осуществить десантирование на другие острова.

Японские силы на Курилах составляли более 80 тыс. чел. На о. Шумшу был построен укрепрайон Катаока, где дислоцировалась 91-я японская армия. Здесь японцы имели 8,5 тыс. солдат и офицеров, до 100 орудий и минометов, 60 танков [4, с. 219]. Созданные на острове подземные сооружения предназначались не только для маневров силами и средствами. В них были оборудованы всевозможные склады для хранения боеприпасов и продовольствия, госпитали, электростанции, телефонные станции и другие важные объекты. Глубина подземных сооружений достигала 50–70 м, что обеспечивало неуязвимость от ударов артиллерии и авиации [3, с. 561].

Десантная операция готовилась в очень короткий срок – в течение суток. Командовал операцией генерал Гнечко А.Р. В результате четкой и умелой организации работы штабов, самоотверженности личного состава все было сделано в срок. В 4.30 утра 18 августа в северо-восточной части о. Шумшу началась высадка десанта. Под покровом темноты и густого тумана десантные суда подошли близко к берегу. Стрелки и автоматчики преодолели 150–200-метровую прибрежную отмель и сходу овладели первой и второй траншеями обороны, которые оказались не занятыми противником. А затем на каменистый остров вступили пулеметчики, минометчики, бронебойщики. В течение часа передовые отряды продвинулись вглубь

острова до двух километров и только тогда японцы обнаружили высадку десанта. Однако плацдарм уже был в руках воинов Красной армии.

Обстановка на острове оставалась очень сложной. Только к 9 ч вечера была установлена радиосвязь десанта с командованием операции. Десантники получили поддержку и начали штурм Катаокского укрепрайона. Они продемонстрировали образцы мужества и героизма при взятии японских позиций. Командир взвода морской пехоты старшина Николай Вилков и матрос Петр Ильичев, закрыв собой амбразуры вражеских дотов, обеспечили успех наступавших подразделений. Обоим морякам посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Морские пехотинцы остановили контратаку японской пехоты и танков. В боях за 171-ю высоту 17 танков и сотни трупов враг оставил на поле боя [4, с. 220–221].

К исходу 18 августа главные силы десанта были высажены и готовы к штурму Катаоки. 19 августа японское командование заявило, что японские солдаты к 16.00 прекратят боевые действия. Но это была очередная уловка. Когда советские корабли вошли во Второй Курильский пролив, японцы их атаковали артиллерийским огнем. Лишь в полдень 22 августа японские части начали сдавать оружие. За 18 и 19 августа наши бойцы уничтожили не менее 135 японских «кукушек» и разоружили при помощи вызова из подземных галерей через пленных 149 японских смертников. Имели место случаи, когда в подземных капонирах за толстыми железобетонными стенами дотов советские воины обнаруживали японских смертников, прикованных цепью к пулеметам [1, с. 96]. Подчас в разговорах и в социальных сетях приходится слышать, что японские смертники – это герои, которые, как и советские солдаты, совершали подвиги. Рассуждать так, значит совершенно не знать военную историю и характер поведения солдат Красной армии и Японии. Это глубочайшая ошибка и заблуждение. Японский смертник – это самоубийца, вручавший свою жизнь императору и дававший обязательство умереть за него. Инстинкт страха брал верх над волей, вел не к сохранению жизни, а к смерти. Советские воины, закрывавшие своим телом амбразуры дотов, бросавшиеся со связкой гранат под танки, свою жизнь соизмеряли с идущим боем, идя на подвиг ради спасения своих товарищей и уничтожения большего количества врагов.

Они совершали свой ратный подвиг по вдохновению боя, сознательно, учтя все в эту тяжелую минуту. Героизм и самопожертвование советских воинов основаны на патриотизме, своем долге перед Родиной. Осознание этого долга в какой-то миг заглушало и чувство страха, и боль, и мысль о смерти. Подвиг советского воина не безотчетное действие, а убежденность в правоте и величии дела, за которое человек сознательно отдает свою жизнь.

Советские потери были весьма значительны. В ходе боев за Шумшу понесли тяжелые потери и воины-тихоокеанцы. Только непосредственно на поле боя погибли 516 советских воинов – 48 офицеров, 95 младших командиров и 273 красноармейца и краснофлотца, не считая умерших от ран в лазаретах и госпиталях, а общие потери убитыми и ранеными составили 1567 чел. 123 чел. пропали без вести. Четыре десантных судна и один катер погибли, восемь десантных судов были повреждены [3, с. 569].

Победа на Шумшу определила исход всей Курильской операции. Освобождение всех остальных островов не потребовало от советских войск больших усилий. 1 сентября 1945 г. освобождение Курил закончилось. Для японского командования быстрые действия советского военно-морского флота оказались неожиданными. Все его планы по эвакуации гарнизонов и материальных ценностей на острова метрополии были нарушены. Даже с о. Кунашир японцы не смогли перебраться на соседний Хоккайдо через узкий пролив. Оценивая действия Тихоокеанского флота, маршал Василевский А.М. отмечал в своих воспоминаниях: «Изумительной по быстроте, ловкости и смелости выполнения являлась высадка морских десантов на острова Итуруп, Кунашир и Шикотан» [2, с. 517]. В итоге исконно русские земли с XVII в., протянувшиеся от Камчатки до Хоккайдо на 1200 км, были очищены от японской военщины и возвращены нашей Родине. Всего на Курильских островах были пленены 50 442 японских солдата и офицера, в том числе на Южно-Курильских островах – около 20 тыс. чел. [3, с. 581].

2 сентября 1945 г. в Токийской бухте на борту линкора «Миссури» был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии. Президиум Верховного Совета СССР объявил 3 сентября – Днем Победы над Японией. За храбрость и отвагу в боях 308 тыс. воинов Красной армии были отмечены наградами. В том числе около 200 тыс.

на 1-м и 2-м Дальневосточных фронтах. 87 наиболее отличившихся генералов, адмиралов, офицеров, старшин, солдат и матросов удостоились звания Героя Советского Союза [4, с. 223].

45 лет назад автору данной статьи выпала честь проходить срочную военную службу в Советской армии на о. Сахалин в тех местах, где шли бои, в 79-й Краснознаменной Сахалинской стрелковой дивизии. В 1980 г., когда отмечалось 35-летие Победы на Дальнем Востоке, мы приняли участие в создании музея боевого пути дивизии, собирая сведения и материалы, обследовали сохранившиеся сооружения Харамитогского укрепрайона, где многое тогда напоминало о войне, собирали и комплектовали библиотеку о героях-сахалинцах, благоустраивали мемориал в пос. Леонидово Поронайского района. Сегодня эти места на Сахалине сохраняют память о былых сражениях и героях, павших за родные острова. В братских могилах покоятся 370 советских воинов. На могилах Героев Советского Союза Антона Буюклы и Леонида Смирных, имена которых увековечены в названиях поселков, стоят памятники. Советская страна и современная Россия хранила и хранит светлую память о дальневосточных героях, завершивших Великую Отечественную войну на Дальнем Востоке, передавая эстафету жизни и подвигов сегодняшним героям СВО.

Источники и литература

1. *Багров В.Н.* Победа на островах. – Южно-Сахалинск, 1985.

2. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. – М., 1973.

3. Великая Отечественная война. Т. 5. – М., 2013.

4. Краснознаменный Дальневосточный. Очерк истории Краснознаменного Дальневосточного военного округа. – Хабаровск, 1979.

5. *Мацуока Е.* «Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска». О плане блицкрига японской военщины на Советском Дальнем Востоке в 1941 г. // Военно-исторический журнал. – 2000. – № 3. – С. 50–55.

6. *Рыжков А.Н.* Бои за родные острова. Дневники, воспоминания, встречи, письма, документы. – Южно-Сахалинск, 1980.

7. *Спицын Е.Ю.* Россия – Советский Союз. 1917–1945 гг. Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. Книга 3. – М., 2015.

S.V. Starikov

80TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY IN THE FAR EAST: THE DEFEAT OF MILITARISTIC JAPAN AND THE LIBERATION OF SOUTH SAKHALIN AND THE KURIL ISLANDS BY THE RED ARMY

Annotation. The article deals with the Far Eastern military operation of the Red Army in August 1945 to defeat militaristic Japan. Special attention is paid to the Yuzhno-Sakhalinsk offensive and Kuril amphibious operations, which completed military operations and liberated the ancestral Russian territories of South Sakhalin and the Kuril Islands.

Keywords: Red Army, Sakhalin, Kuril Islands, military operations, fortified area, feat, hero, liberation

УДК 94(470.344)«1941/1945»

В.Г. Харитонова

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ КОЛХОЗОВ ЧУВАШИИ В 1941–1945 гг.

Аннотация. Великая Отечественная война стала испытанием для сельского хозяйства и крестьянства. Как и перед всем народным хозяйством были поставлены сложнейшие задачи по обеспечению страны и фронта продовольствием, сырьем. Одновременно в сельскохозяйственном производстве, в развитии сельского общества происходили кардинальные социальные изменения, вызванные войной. Прежде всего это коснулось демографической структуры и состава трудовых ресурсов колхозов. В статье дан анализ ситуации с трудовыми ресурсами в колхозах Чувашии в 1941–1945 гг. Выделена роль женщин в сельскохозяйственном производстве.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, трудовые ресурсы, колхозы Чувашии в 1941–1945 гг.

Накануне Великой Отечественной войны сельские жители составляли 87,8 % всего населения республики. Около 150 тыс. селян были призваны на защиту Отечества и сражались на фронтах, из них не вернулись к родным очагам более 71 тыс. чел., что составило 81 % от числа всех погибших [14, л. 98–111]. Великая Отече-

S.V. Starikov

80TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY IN THE FAR EAST: THE DEFEAT OF MILITARISTIC JAPAN AND THE LIBERATION OF SOUTH SAKHALIN AND THE KURIL ISLANDS BY THE RED ARMY

Annotation. The article deals with the Far Eastern military operation of the Red Army in August 1945 to defeat militaristic Japan. Special attention is paid to the Yuzhno-Sakhalinsk offensive and Kuril amphibious operations, which completed military operations and liberated the ancestral Russian territories of South Sakhalin and the Kuril Islands.

Keywords: Red Army, Sakhalin, Kuril Islands, military operations, fortified area, feat, hero, liberation

УДК 94(470.344)«1941/1945»

В.Г. Харитонова

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ КОЛХОЗОВ ЧУВАШИИ В 1941–1945 гг.

Аннотация. Великая Отечественная война стала испытанием для сельского хозяйства и крестьянства. Как и перед всем народным хозяйством были поставлены сложнейшие задачи по обеспечению страны и фронта продовольствием, сырьем. Одновременно в сельскохозяйственном производстве, в развитии сельского общества происходили кардинальные социальные изменения, вызванные войной. Прежде всего это коснулось демографической структуры и состава трудовых ресурсов колхозов. В статье дан анализ ситуации с трудовыми ресурсами в колхозах Чувашии в 1941–1945 гг. Выделена роль женщин в сельскохозяйственном производстве.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, трудовые ресурсы, колхозы Чувашии в 1941–1945 гг.

Накануне Великой Отечественной войны сельские жители составляли 87,8 % всего населения республики. Около 150 тыс. селян были призваны на защиту Отечества и сражались на фронтах, из них не вернулись к родным очагам более 71 тыс. чел., что составило 81 % от числа всех погибших [14, л. 98–111]. Великая Отече-

ственная война стала одним из труднейших и героических периодов в истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии.

Демографические изменения периода войны оказали значительное влияние на развитие сельского хозяйства республики, изменения в структуре занятости обусловили трансформацию традиционных социальных ролей. Великая Отечественная война стала переломным моментом в трансформации социальной и экономической роли женщин. Актуальность исследования определяется и важностью изучения адаптации сельского общества в целом к экстремальным условиям военного времени, особенностей формирования трудовых ресурсов на селе.

При подготовке статьи использованы опубликованные материалы и архивные источники, статистические данные, электронные ресурсы. Архивные источники явились основой документальной базы, выявлены они в фондах Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР), Государственного архива современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР), Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН).

Перед войной сельскохозяйственная отрасль Чувашии была представлена в основном колхозами. В 1940 г. в республике насчитывалось 1686 колхозов, 4 совхоза и ряд других предприятий. В структуре трудовых ресурсов колхозов произошли заметные изменения, вызванные масштабами военного призыва сельских жителей, привлечением сельского населения на работу в разные отрасли народного хозяйства. В Красную армию было призвано 70 % председателей колхозов, 80 % бригадиров, более 50 % трактористов и комбайнеров [19, с. 226]. В первые дни войны на фронт ушли 582 работника машинно-тракторных станций. В разгар уборочных работ 1941 г. около 600 трактористов и комбайнеров были командированы на уборку урожая в Саратовскую область. В октябре 1941 г. более 100 тыс. колхозников мобилизовали на строительство оборонительных объектов [3, л. 58]. Численность трудоспособных колхозников ежегодно, вплоть до 1945 г., сокращалась (см. табл. 1) [2, с. 396–398].

Таблица 1

Динамика численности населения в колхозах Чувашской АССР в 1940–1945 гг.

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Количество дворов, тыс. ед.	166,2	167,5	170,2	170,9	168,8	168,4
Численность населения, тыс. чел.	676,4	662,7	619,7	618,7	602,9	630,3
Численность трудоспособного населения, тыс. чел.	329,0	311,8	251,2	225,6	217,7	234,0

Снижалась доля мужчин, возросла доля женщин, подростков и нетрудоспособных. Если на начало 1941 г. в структуре трудовых ресурсов колхозов мужчины трудоспособного возраста составляли 31,5 %, женщины трудоспособного возраста 43,7 %, престарелые и больные 8,4 %, подростки от 12 до 16 лет 16,4 %, то на начало 1945 г. соотношение составило, соответственно, 11,1, 50,5, 15,7 и 22,7 % (см. табл. 2).

Таблица 2

Изменения в структуре трудовых ресурсов колхозов Чувашской АССР в 1941–1945 гг. (на начало года, в % к общему итогу)

	1941	1942	1943	1944	1945
Мужчины	31,5	14,5	14,3	11,6	11,1
Женщины	43,7	52,2	52,3	53,0	50,5
Престарелые и больные	8,4	12,4	12,5	13,7	15,7
Подростки от 12 до 16 лет	16,4	20,9	20,9	21,7	22,7

Таким образом, с 1941 по 1945 г. доля мужчин в структуре трудовых ресурсов колхозов сократилась в три раза, доля женщин увеличилась на семь процентных пункта, доля престарелых и больных возросла в 1,9 раза и подростков в 1,4 раза [18, с. 197]. Сокращение численности трудоспособного населения колхозов продолжилось до 1945 г., на 95 тыс. чел. по сравнению с 1940 г. Особенно явные изменения произошли в 1942–1944 гг. В 1945 г. по сравнению

с 1944 г. численность трудоспособных колхозников увеличилась на 16,6 тыс. чел. [23, с. 71].

В первом военном году испытанием для колхозного крестьянства стала уборка урожая. В условиях, когда большинство трудоспособных мужчин было мобилизовано в Красную армию, для нужд фронта направлено 35,0 % рабочих лошадей, более 150 тракторов и почти весь парк грузовых автомобилей, необходимо было вовремя и качественно провести уборочную страду. Для проведения работ требовалось более 1000 трактористов и комбайнеров, и в связи с этим при машинно-тракторных станциях были организованы краткосрочные курсы, на которых велась подготовка трактористов и других механизаторов. На работу в МТС пришли 380 механизаторов, из них 230 женщин [4, л. 7].

Вопрос о подготовке кадров трактористок в стране был поставлен еще в 1939 г., когда слушатели Тимирязевской сельскохозяйственной академии и Академии социалистического земледелия, комсомолки и депутаты Верховного Совета СССР обратились с призывом: «Молодые патриотки нашей родины, учитесь управлять трактором! Помните, что, работая на тракторах, мы помогаем крепить оборонную мощь нашей социалистической родины. В тот час, когда наши мужья и братья сменят трактор на танк, мы будем крепить нашу родину, работая на социалистических полях, а если потребуется, то пересядем на боевые машины и с беспредельной любовью к нашей родине, к нашему Сталину уверенно поведем их в бой на врагов коммунизма» [6, л. 47 об.]. В 1939 г. принимается постановление ЦК ВЛКСМ, Наркомзема СССР и Наркомата совхозов СССР «О подготовке без отрыва от производства 100 тысяч женщин-трактористок». В документе подчеркивалось: «Создать вокруг трактористок большевистскую обстановку, проявляя к ним максимум внимания и товарищеской заботы, поощряя лучших из них, обеспечивая закрепление на работе по специальности и выдвижение на различную государственную и хозяйственную работу» [8, л. 48]. В 1941–1942 гг. на курсах при МТС было подготовлено 1537 трактористов, 198 комбайнеров, 41 механик, 30 бригадиров тракторных бригад и 303 помощника комбайнера. В числе обученных насчитывалось 1010 женщин. В 1943 г. на полях республики работали 1200 женщин-механизаторов. Всего за годы войны было

подготовлено 6 тыс. механизаторов и других работников МТС [19, с. 229–230]. Число женщин, работающих трактористами, комбайнерами и их помощниками, увеличилось с 3,1 % в 1940 г. до 39 % в 1944 г. [1, с. 7].

Велась усиленно подготовка массовых кадров на агрономических кружках. За зиму 1941–1942 гг. было подготовлено 7,5 тыс. звеньевых по выращиванию кок-сагыза и махорки, новых для республики культур и необходимых для оборонных нужд, бригадиров овощеводческих бригад, машиноведов, сеяльщиков, плугарей и др. [4, л. 33].

Встала проблема с кадрами руководителей общественных хозяйств, специалистами сельского хозяйства. В кадровой политике особое место занимало выдвижение на руководящую работу в колхозах женщин. Если в 1940 г. на должность председателей колхозов было рекомендовано 7 женщин, то в 1942 г. – 142 чел.; 96 и 2311 бригадиров, соответственно; 287 и 750 заведующих фермами; 100 и 768 бухгалтеров-счетоводов. На разные должности представили кандидатуры 4 тыс. женщин [18, с. 199]. Всего в 1941–1942 гг. пришлось заменить около 1400 председателей колхозов (83 % от 1940 г.), 2870 бригадиров, более 1000 заведующих фермами и 1500 бухгалтеров-счетоводов. В 1945 г. женщины-председатели колхозов составили 8,5 %, среди бригадиров полеводческих бригад в 1944 г. было 43 % женщин и среди заведующих фермами – 49 %. Таким образом, корпус руководящих колхозных кадров был сильно обновлен. Для решения вопросов подготовки кадров во всех районах появились краткосрочные курсы и школы на базе передовых колхозов. К началу 1943 г. в республике было подготовлено около 2700 кандидатов для управления общественными хозяйствами. Практиковалось направление из передовых хозяйств в отстающие опытных работников среднего звена, направление кандидатур из областных и районных организаций. Начиная с 1943 г. велась подготовка руководящих кадров из числа фронтовиков, вернувшихся в связи с инвалидностью. К началу 1944 г. среди председателей колхозов они составили 40 % [5, л. 7]. Для подготовки и повышения квалификации руководителей колхозов при Чувашском сельскохозяйственном институте были организованы постоянные курсы, через которые прошли более 3 тыс. чел. Важную роль сыграл ин-

ститут уполномоченных. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 18 апреля 1943 г. обком партии направлял в отстающие колхозы на период основных сельскохозяйственных работ партийных и советских работников, преподавателей сельскохозяйственного института. Однако большинство из административного и руководящего состава колхозов имело низкий общеобразовательный уровень, не говоря о специальном профильном образовании. В 1944 г. из 1763 председателей колхозов 95 % имели начальное образование, довоенный стаж работы из них имели 9 % [18, с. 198].

Большая часть женщин, выдвинутых на руководство колхозами, справились со своими обязанностями. Успешно работали председатели колхозов Т.И. Иванова (колхоз «Трактор» Комсомольского района), Е. Петрова (колхоз им. Ворошилова Чебоксарского района), А.П. Земскова, эвакуированная из Кронштадта (колхоз «Вперед» Мариинско-Посадского района), О.Ф. Кузнецова (колхоз «Молния» Октябрьского района), А.Е. Сорокина (колхоз «Красная степь» Порецкого района), А.Ф. Фадеева (колхоз им. Жданова Аликовского района), Е.А. Смирнова (колхоз «Гвардия» Ишлейского района), Д.И. Угенева (колхоз «Новая жизнь» Калининского района), О.Ф. Каштанова (колхоз им. Сталина Батыревского района) и др.

Положение основной части руководящих работников колхозов, болеющих за дело, было двойственным. С них требовалось выполнение всех планов, указаний, за невыполнение государственных планов, государственных налогов, нарушения в части авансирования колхозников хлебом (не более 15 % от сбора) они несли уголовную ответственность. Так, колхозница д. Русские Чукалы Шемуршинского района пишет: «…Я работаю еще зав. фермой, откуда хочу уйти, но никак не вырвусь – стало очень плохо, нет у нас в колхозе корма, скот начинает гибнуть, трудно и опасно – как бы не стали меня судить…» [21, с. 391]. В одном из сообщений прокурора отмечается следующий факт: «Председатель колхоза «Правда» Ядринского района сорвал поставку в РККА пяти лошадей, представив негодных, избитых. Привлекается к уголовной ответственности» [21, с. 311]. Таких дел было достаточно много, вызваны они были как субъективными, так и объективными причинами.

Массовым порядком к работам в аграрной сфере привлекались подростки, школьники, студенты. Летом 1942 г. в колхозах Чувашии

работало 31 298 учащихся, в 1943 г. – 71 616, в 1944 г. – 80 366 чел. Ими было выработано около 8 млн трудодней [10, л. 134–136]. В общей сложности доля выработанных подростками в 1941–1944 гг. трудодней составляла ежегодно около 20 % от общего их количества. В 1942 г. появились первые комсомольско-молодежные звенья, к 1944 г. в республике работали 369 звеньев. Успешно работали фронтовые комсомольско-молодежные бригады [9]. Наряду с выполнением сельскохозяйственных работ комсомольцы и молодые люди вели массовую агитационную работу. В 1942 г. 3950 комсомольцев и 1673 несоюзной молодежи провели 5485 докладов, 2634 беседы. Комсомольские агитбригады дали 290 выступлений, было издано 11 415 номеров стенных полевых газет [7, л. 1, 3].

Удельный вес женского труда в колхозах республики с 1939 по 1944 г. вырос более чем вдвое. В письмах на фронт описывалась ситуация с трудовыми ресурсами в хозяйствах. Приведем некоторые отрывки из писем, датированных 1943 г.: «…Как нынче проведем весенний сев? Лошади тощие, колхозников с каждым днем становится все меньше и меньше». «…В деревне положение очень плохое: к весеннему севу нет лошадей и людей, остались только малыши и старики. Не знаем как провести весенний сев…». «…Лошади плохие. Из мужчин в колхозе никого не осталось…». «…В сельсовете одни женщины работают. Мужчин нет, все на фронте…» [21, с. 358, 362]. Несмотря на трудности, героическими усилиями колхозного крестьянства основные сельскохозяйственные работы выполнялись в агротехнические сроки, также как и планы сдачи государству продукции сельского хозяйства, снабжения продовольствием фронта и населения, промышленности – сырьем. Лозунги «Один за двоих», «Меньшими силами больше продукции», «Все для фронта, все для Победы» стали ориентиром для колхозного крестьянства. Широко развернулись движения за перевыполнение государственных заданий: «двухсотников», «четырехсотников», социалистическое соревнование на всех уровнях аграрного производства. Выработка трудодней на одного взрослого трудоспособного колхозника возросла с 201 в 1940 г. до 350 трудодней в 1944 г., т.е на 75 %. В 1940 г. около 69 % колхозников выработали от 100 до 400 трудодней, около 7 % – свыше 400 трудодней. В 1944 г. доля колхозников, выработавших от 100 до 400 трудодней, составила 57,1 %, свыше 400 трудодней – 6,1 % [1, с. 6].

Однако сложности были: 2 июля 1944 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «О серьезных недостатках в руководстве Чувашским обкомом ВКП(б) отстающими колхозами». В целях выполнения постановления были созданы новые районы: Моргаушский и Чурачикский, организованы четыре новых МТС, разукрупнены ряд колхозов. Республика получила 100 тракторов и необходимое количество горючего. В 1945 г. в Чувашии насчитывалось 1833 колхоза с 168,4 тыс. наличных дворов, в сельском хозяйстве использовали 1177 тракторов, 384 зерновых комбайна, 79 грузовых автомобилей. В самих колхозах было 16 тракторов и один грузовой автомобиль [12, л. 18–21; 15, л. 252].

Несмотря на трудности, как в растениеводстве, так и в животноводстве были достигнуты определенные успехи, увеличилось поголовье скота, планы сдачи продуктов сельского хозяйства выполнялись ежегодно. За подъем колхозного животноводства в 1942 г. Чувашской АССР было присуждено переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны (ГКО) и вторая денежная премия. Ряд колхозов и районов получили республиканские награды и премии, 175 передовиков удостоились Почетной грамоты Президиума Верховного Совета Чувашской АССР и 160 колхозников были награждены нагрудным знаком «Отличник социалистического сельского хозяйства» [11, л. 5–6]. Если в 1941 г. колхозы Чувашии принимали прибывавший с прифронтовой полосы скот, то уже к весеннему севу 1942 г. началась помощь колхозам освобожденных районов [13, л. 280]. В 1943 г. колхозы Чувашии досрочно выполнили государственный план хлебопоставок, перевыполнили план развития животноводства, рассчитались с государством по мясу. В 1943 г. Чувашской АССР второй раз было присуждено переходящее Красное знамя ГКО [16]. В 1944 г. республика информировала, что за годы Великой Отечественной войны «колхозное крестьянство Советской Чувашии честно выполняло свои обязательства перед государством по поставке сельскохозяйственных продуктов» [17]. Трудовые усилия колхозников были оценены: 6 июня 1945 г. решением Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Свыше 100 тыс. тружеников Чувашии были награждены этой медалью, более тысячи удостоены Почетной грамоты президиума

Верховного Совета Чувашской АССР и 159 передовиков удостоены орденов и медалей [20, с. 351].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны произошли кардинальные изменения в структуре трудовых ресурсов колхозов Чувашии. Массовая мобилизация мужчин привела к острому дефициту рабочей силы, в результате чего женщины вынуждены были осваивать новые профессии и брать на себя ключевые производственные обязанности, что существенно изменило традиционное распределение труда. В сельском хозяйстве, являвшемся основой экономики республики, женщины составили основную часть трудоспособного населения. Они осваивали профессии механизаторов, трактористов, комбайнеров, пришли в управление коллективными хозяйствами, что позволило поддерживать устойчивость сельскохозяйственного производства. Несмотря на недостаточное развитие социальных инфраструктур, таких как колхозные ясли, женщины продолжали трудиться в сложных условиях, проявляя высокий уровень патриотизма, вели активную общественную работу, приложили неимоверные усилия в деле организации помощи фронту и фронтовикам. Для оптимизации потерь трудовых ресурсов в апреле 1942 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета народных комиссаров СССР «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельской местности». На работу призывались все трудоспособные, не занятые в промышленности и на транспорте, и часть служащих. Разрешалось мобилизовать учащихся школ, студентов техникумов и вузов, за исключением студентов выпускных курсов. Горожанам также необходимо было выполнять нормы выработки трудодней, им поручалось шефство над колхозами. Работа горожан оплачивалась наравне с колхозниками [22]. Общими усилиями колхозному крестьянству Чувашии удалось преодолеть трудности военного времени, своевременно выполнять задания Государственного комитета обороны.

Источники и литература

1. *Андреев М.А.* Социалистическое сельское хозяйство Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 16. – Чебоксары, 1958. – С. 3–38.

2. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – М., 1970.

3. ГАСИ ЧР (Государственный архив современной истории). Ф. П-1. Оп. 11. Д. 133.

4. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 35. Д. 19.

5. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 35. Д. 34.

6. ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 145.

7. ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 232.

8. ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 332.

9. ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 599.

10. ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 6. Д. 12.

11. ГИА ЧР (Государственный исторический архив). Ф. Р-197. Оп. 22. Д. 2.

12. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 44. Д.10.

13. НА ЧГИГН (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук). Отд. II. Ед. хр. 261.

14. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1755.

15. НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 55.

16. Красная Чувашия. – 1944. – 2 апр. – № 66.

17. Красная Чувашия. – 1944. – 15 окт. – № 204.

18. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Часть первая. – Чебоксары, 1989.

19. Очерки истории Чувашской областной организации ВЛКСМ. – Чебоксары, 1978.

20. Очерки истории Чувашской областной партийной организации КПСС [Ред. коллегия: И.П. Прокопьев (пред.) и др.]. – Чебоксары, 1974.

21. Под грифом «секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сб. док. / сост. Д.А. Захаров, Е.В. Касимов. – Чебоксары, 2016.

22. Постановление ЦК КПСС и Совета Народных Комиссаров от 13 апреля 1942 г. № 507 «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» // URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/181277-o-poryadke-mobilizatsii-na-selskohozyaystvennye-raboty-v-kolhozy-sovhozy-i-mts-trudosposobnogo-naseleniya-gorodov-i-selskih-mestnostey-iz-postanovleniya-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-13-aprelya-1942-g (дата обращения: 01.06.2025).

23. Статистика Чувашии в годы Великой Отечественной войны. – Чебоксары, 2015.

V.G. Kharitonova

LABOR RESOURCES OF THE CHUVASHIA COLLECTIVE FARMS IN 1941–1945

Annotation. The Great Patriotic War was a test for agriculture and the peasantry. As with the entire national economy, the most difficult tasks were set to provide the country and the front with food and raw materials. At the same time, the agricultural production and the development of rural society were undergoing radical social changes caused by the war. This primarily affected the demographic structure and composition of the labor resources in collective farms. The article analyzes the situation with labor resources in collective farms in Chuvashia in 1941–1945. The role of women in agricultural production is highlighted.

Keywords: Great Patriotic War, labor resources, collective farms of Chuvashia in 1941–1945.

УДК 94(47):355.41

Я.С. Белова,
В.Н. Паршина

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ПЕНЗЕНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Аннотация. В статье всесторонне рассматривается многогранный трудовой вклад школьников Пензенской области в достижение Победы в Великой Отечественной войне. Освещена их активная работа в сельском хозяйстве, где учащиеся заменяли ушедших на фронт взрослых, выполняя полевые работы и участвуя в уборке урожая. Анализируется работа подростков на промышленных предприятиях и фабриках г. Пензы и области. Отдельное внимание уделено массовому участию детей в патриотической деятельности по сбору металлического лома и макулатуры для нужд оборонной промышленности. Раскрывается роль и масштабы тимуровского движения, в рамках которого школьники оказывали всестороннюю помощь семьям фронтовиков, раненым бойцам в госпиталях и другим нуждающимся.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, школьное образование в СССР, вклад школьников в Победу, г. Пенза, Пензенская область, тимуровское движение.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала суровым испытанием для советского народа, потребовав мобилизации всех материальных и человеческих ресурсов. В эти тяжелейшие годы наряду со взрослыми свой весомый вклад в общее дело Победы внесли и дети. Учащиеся пензенских школ, отложив учебники и тетради, встали к станкам на заводах и фабриках, работали на полях совхо-

зов и колхозов, заготавливали топливо и помогали в госпиталях, проявляя недетскую силу духа, самоотверженность и настоящий трудовой героизм. Их повседневный, часто невидимый труд, сопряженный с лишениями и огромным напряжением, стал неотъемлемой частью тыловой жизни региона и важной страницей в истории Сурского края, заслуживающей глубокого изучения и сохранения в народной памяти.

Анализ архивных документов позволяет реконструировать масштабную и многоплановую деятельность педагогических и ученических коллективов школ г. Пензы в период Великой Отечественной войны, являвшуюся их существенным вкладом в общее дело Победы. Общественно-полезная работа была организована по нескольким ключевым направлениям, носившим системный и целенаправленный характер.

Материально-техническая и финансовая поддержка обороны составила одно из приоритетных направлений деятельности школьников. В сфере материально-технической поддержки обороны массовый характер приобрел сбор металлолома, при этом общий объем, собранный школами города, исчислялся десятками тысяч килограммов. Отдельные учебные заведения, такие как школы № 1, 6, 17, 37, вносили от 500 кг до нескольких тонн каждая [3, л. 7]. За первое полугодие 1941/1942 учебного года было собрано 67 т металлолома [3, л. 46].

Параллельно осуществлялся сбор теплых вещей для бойцов Красной армии, достигший объема порядка 2000 единиц за первое полугодие 1941/1942 учебного года, а к концу года школы Пензы собрали 12 280 единиц теплых вещей. Также проходила заготовка лекарственных растений, производившаяся в промышленных масштабах (например, 60 кг школой № 6, 85 кг школой № 17) [3, л. 7]. К концу учебного года собрано 1738,5 кг лекарственных трав [3, л. 46].

Значительными были финансовые поступления от учащихся и учителей на строительство танковых колонн, в частности «Пензенского комсомольца», где школа № 6 внесла 1500 руб., № 17 – 860 руб., школы южного района – 3433 руб. [3, л. 8]. В общей сложности за первое полугодие 1941/1942 учебного года было собрано 6176 руб. [3, л. 46]. К концу учебного года в фонд обороны было собрано 35 700 руб. [3, л. 49].

Сельскохозяйственная деятельность школьников имела стратегическое значение для обеспечения продовольственной безопасности страны. Важнейшим направлением стала всесторонняя помощь сельскому хозяйству, регламентированная постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

В городе было организовано обязательное обучение старшеклассников агротехническим дисциплинам и тракторному делу, которое в 1942 г. прошли 1538 учащихся с высокими показателями успеваемости [3, л. 8]. Данная деятельность была законодательно закреплена и регламентирована постановлением СНК СССР от 17 ноября 1941 г., которое вводило обязательное обучение старшеклассников, студентов техникумов и вузов основам агротехники, устройству сельхозмашин и уходу за лошадьми, а также разрешало перенос начала учебного года на 1 октября для обеспечения полноценного участия в уборочной кампании [1, с. 462].

Пик активности пришелся на 1943 г., когда к сельхозработам было привлечено 54 840 школьников и 3715 учителей, объединенных в 1386 отрядов, которые в совокупности выработали 1 692 743 трудодня, что в среднем составило по 30 трудодней на каждого учащегося [2, л. 20].

В период сельхозкампаний на поля колхозов и совхозов направлялась настоящая «армия труда» численностью 2453 учащихся и 406 учителей, которая рассматривалась как решающая сила в борьбе за урожай, равноценная по значимости работе тыловых промышленных предприятий [3, л. 9]. За первое полугодие 1941/1942 учебного года скошено 2,5 га пшеницы, просушено 500 ц зерна, из земли овощей выбрано на площади 76 га, очищено 4 ц овощей и свеклы и отсортировано 45 ц зерна [3, л. 46].

Промышленное производство и оборонно-хозяйственные работы стали еще одним важным направлением участия школьников в народном хозяйстве. В Пензе старшеклассников стали прикреплять к промышленным предприятиям. На некоторых из них молодые рабочие составляли до 80 % всего трудового коллектива. В частности, трудовой коллектив одного из пензенских предприятий – завода № 807 наркомата минометного вооружения на 77 % состоял из молодежи (1800 чел.), при этом в возрасте 16–18 лет – 920 чел. [6, с. 462–464]. К концу 1943 г. на предприятиях Пензы насчитывалось

226 комсомольско-молодежных фронтовых бригад, 235 чел. носили звание «Гвардеец тыла» [5].

Ученики часто пропускали школу из-за работы на оборонных предприятиях. Характерно обращение Гороно к директору завода № 50 о десятиклассниках школы № 4 Б.Р. Раце и А.И. Пекном, которые совмещали работу в цеху с подготовкой к выпускным экзаменам. Гороно просило хотя бы временно освободить их от работы [4, с. 31]. Помимо этого, школьники были активно задействованы в оборонно-хозяйственных работах, таких как рытье траншей, очистка железнодорожных путей на воскресниках, в идеологической и агитационной работе, включая участие в вещевой лотерее и всесоюзном социалистическом соревновании школьных коллективов [3, л. 8].

Тимуровское движение и социальная помощь получили широкое распространение в военные годы. Широкий размах приобрело тимуровское движение, команды которого были созданы в школах № 3, 4, 6, 10, 11, 29, 39. Тимуровцы оказывали систематическую бытовую помощь семьям красноармейцев (уход за детьми, заготовка дров, уборка), шефствовали над госпиталями (организация досуга раненых, чтение книг, сбор подарков), а также следили за соблюдением светомаскировки [3, л. 9]. Так, ученик 6-го класса школы № 6 Похвалов организовал на улице по собственной инициативе тимуровскую команду из девяти человек, которые выявили семьи красноармейцев, оказывали помощь, следили за светомаскировкой, вели дневник, каждый отчитывался о своей работе. А ученицы 3-го класса школы № 29 Оля Сахарчук и Рая Котова отводили детей в детский сад, играли на улице с малышами, помогая тем самым семьям. Ученик 3-го класса школы № 16 Некрасов тоже стал тимуровцем, исправив плохие оценки, ходил дежурить в госпиталь и постоянно оставался домовничать в семье красноармейцев с маленьким ребенком [3, л. 9].

К 1943/1944 учебному году тимуровское движение насчитывало только в областном центре 24 команды, в Кузнецке – 48, в Кузнецком районе – 72, в Колышлейском районе – 48 команд, занимавшихся помощью семьям фронтовиков, шефством над госпиталями и другой социальной работой [2, л. 21].

Таким образом, трудовая деятельность пензенских школьников в годы войны представляла собой стройную систему мобилизации

всех ресурсов образования на нужды фронта и тыла, сочетавшую трудовой героизм с высоким уровнем организации и идеологического обеспечения, что в совокупности стало одним из факторов достижения Победы. Их многогранная деятельность, охватывающая различные сферы народного хозяйства, от сельского хозяйства до промышленного производства, от материальной поддержки фронта до социальной помощи нуждающимся, демонстрирует неоценимый вклад молодого поколения в общее дело Победы над врагом.

Источники и литература

1. Власть и общество Пензенского края в XIII–XXI вв.: сб. док. и материалов / сост.: С.В. Белоусов, А.А. Гущин, И.Н. Иноземцев [и др.]. – Пенза, 2023.

2. ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1192.

3. ГАПО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 312.

4. *Дмитриева В.И.* Школа г. Пензы в годы войны. – Пенза, 2002.

5. Сталинское знамя. – 1942. – 18 февр.

6. Энциклопедия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Пензенская область. – Пенза, 2025.

Y.S. Belova,
V.N. Parshina

THE LABOR FEAT OF PENZA SCHOOLCHILDREN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945

Annotation. The article comprehensively examines the multifaceted labor contribution of schoolchildren in the Penza region to achieving victory in the Great Patriotic War. It highlights their active participation in agriculture, where students replaced adults who had gone to the front, performing field work and participating in harvesting. The article also analyzes the work of teenagers in industrial enterprises and factories in Penza and the region. Special attention is given to the widespread participation of children in patriotic activities related to collecting metal scrap and waste paper for the needs of the defense industry. The role and scale of the Timur movement are revealed, in which schoolchildren provided comprehensive assistance to the families of frontline soldiers, wounded soldiers in hospitals, and others in need.

Keywords: Great Patriotic War, school education in the USSR, students' contribution to Victory, Penza, Penza Region, Timur movement.

УДК (908)

А.Р. Бимеева

КОЛХОЗ «МЕЧТЫ ИЛЬИЧА» НИКОЛАЕВСКОГО РАЙОНА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1953 гг.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье на основе документов парторганизации колхоза «Мечты Ильича» (с. Эзекеево) Эзекеевского сельсовета Николаевского района Ульяновской области рассмотрена деятельность колхоза (колхозников и членов парторганизации) в военные и послевоенные годы. В годы Великой Отечественной войны и в период восстановления народного хозяйства колхозы и их парторганизации были ответственны за выполнение задач, которые выдвигались правительством и партией страны. В тяжелых условиях военного и послевоенного времени выполнение производственных и общественных планов зачастую срывалось. Значительные улучшения в развитии и укреплении материально-технической базы сельхозартели наблюдаются только с начала 1950-х гг.

Ключевые слова: колхоз, парторганизация, сельхозартель, коммунист, агитаторы, сельское хозяйство, животноводство.

В период советской власти колхоз являлся ключевой экономической единицей, обеспечивающей государство сельскохозяйственной продукцией. В годы Великой Отечественной войны колхозы были обязаны предоставлять армии и тылу продовольствие. В послевоенные годы руководящая партия и правительство страны требовали от сельхозартелей обеспечения количественного и качественного роста производительности для скорейшего восстановления народного хозяйства. Деятельность колхоза контролировала парторганизация, которая несла ответственность за выполнение задач. На основе документов парторганизации колхоза «Мечты Ильича» (с. Эзекеево) Эзекеевского сельсовета Николаевского района Ульяновской области мы рассмотрим, как решались указанные задачи.

Согласно протоколам парторганизации, колхозом «Мечты Ильича» до 1942 г. руководил И.Ф. Силантьев, с начала 1943 г. – Сухарев, со второй половины 1943 г. – Александров, с ноября 1943 г. – П.П. Столяров [1, л. 3, 24, 37, 47], с 1947 г. – И.Ф. Силантьев [3, л. 109], с октября 1950 г. – И.М. Булычев [5, л. 66], с 1951 г. –

А.С. Самарин [7, л. 1], с 3 февраля 1955 г. – А.П. Моисеев [7, л. 127 об]. Регулярная смена руководства колхоза позволяет предположить то, что хозяйство недостаточно справлялось с осуществлением производственных задач. В то же время председатели не могли быть заинтересованы в образцовом выполнении своих обязанностей, поскольку часто сменялись. Относительная стабильность наблюдается с 1951 по февраль 1955 г., когда на посту председателя колхоза бессменно находился А.С. Самарин, что может указать на два явления – значительное улучшение производственных показателей сельхозартели и умелое руководство.

Благодаря ответственной работе колхозников и членов парторганизации в 1942 г. по производительности колхоз «Мечты Ильича» занял первое место в районе [2, л. 1]. К тому времени на полях работало всего 12 пар лошадей [1, л. 3]. В последующие годы колхоз «Мечты Ильича» утратил лидирующую позицию. Согласно протоколам собраний парторганизации, причиной тому являлись дефицит семенного материала, тягловой силы и техники. В 1943 г. хозяйство получило низкий урожай [2, л. 1 об, 7 об].

В 1944 г. предприятие также не справилось с выполнением производственных задач: вспахали тракторами 82 га весновспашки (требовалось 215 га), посеяли 87 га (требовалось 220 га). Парторганизация отвечала за обеспечение 100 % выхода на полевые работы колхозников. В целом под руководством коммунистов колхозники, кроме больных, выходили на работу добросовестно. За невыполнение трудодней в 1944 г. было привлечено к судебной ответственности три человека. Причинами отставания от заявленных планов являлись простои тракторов, невыполнение норм лошадьми [2, л. 9, 10]. На 6 июня 1944 г. из плана 456 га посеяли 350 га. К тому времени закончили сев ранних колосовых, до 10 июня 1944 г. оставалось засеять просо. Всходы урожая (овса, подсолнуха, чечевицы) оказались хорошими [2, л. 15 об, 16]. По итогам 1944 г. усилиями колхозников, членов парторганизации колхоз получил хороший урожай [2, л. 19 об].

На очередном собрании парторганизации колхоза «Мечты Ильича» объявили, что в 1945 г. план весеннего сева довели до 355 га [2, л. 15 об., 16], площадь посева увеличили на 125 га [2, л. 19 об.]. Требовалось посеять 60 га проса, 30 га подсолнуха, 8 га картофеля, вывезти 1600 возов навоза, провести снегозадержание на 300 га,

заготовить 60 ц золы, 24 ц куриного помета. Для успешной реализации задачи требовалась тягловая сила, которая находилась в истощенном состоянии [2, л. 15 об., 16].

На производительность труда в определенной степени влияла агитаторская работа. Агитаторами преимущественно являлись члены парторганизаций. Они были обязаны объяснять колхозникам, почему выполнение тех или иных правительственных и партийных планов обязательно. Агитаторы тем самым выполняли идеологическую функцию партии, которая считалась мотивирующим средством к действию, когда материальных ресурсов не хватало. В период полевых работ с целью мотивации колхозников к труду агитаторы выпускали стенгазету. Редактор К.М. Гусева за 1944 и 1945 гг. для полеводческих бригад выпустила всего 28 стенгазет [2, л. 17]. Агитаторами работали М. Быкова, А.С. Краснова, Н.Г. Молокина, З.П. Ганина, С.П. Устинова, П.П. Столяров, Д.С. Устинов, К.М. Гусева [2, л. 18 об.].

Согласно протоколам парторганизаций, план развития животноводства в годы войны выполнялся относительно удовлетворительно. В частности, на 6 декабря 1942 г. колхоз имел 120 голов крупного рогатого скота, 119 овец, 69 свиней, 93 кур [1, л. 6 об.]. В 1942 г. фермой заведовала В.Ф. Матькова [1, л. 32], с 1943 г. – Стрельцов [1, л. 42]. На 15 декабря 1944 г. хозяйство успешнее справилось с выполнением плана по крупному рогатому скоту (требовалось иметь 80 голов, выполнено на 82 головы), по овцам (требовалось 85 головы, выполнено 102 головы), недовыполнили план по лошадям (требовалось 34 головы, выполнено 23 головы) [2, л. 14].

Парторганизация колхоза «Мечты Ильича» организовывала сбор теплых вещей для фронта. Комиссию возглавляла М.А. Быкова. На 3 октября 1942 г. члены комиссии собрали с населения шерсть на изготовление 30 пар валенок, 50 пар носков, 30 пар варежек, 25 телячьих шкур, 69 овчин для изготовления полушубков [1, л. 14–14 об].

Парторганизация колхоза «Мечты Ильича», как и парторганизации других колхозов, отвечала за реализацию военного займа. В частности, на 1944 г. план займа составлял частично 14 000 руб. Коммунисты смогли собрать с населения только 4000 руб. Причиной невыполнения норм займа являлось отсутствие средств у колхозников, которые были заняты на полевых работах [2, л. 11].

Таким образом, в военные годы колхозники, члены парторганизации были обязаны выполнять множество партийных и общественных задач, которые осуществлялись частично, поскольку производственные планы являлись высокими, а технические возможности колхоза оставались слабыми. Тем не менее из года в год производственные показатели улучшались, что свидетельствует о трудовом подвиге членов парторганизации и колхозников, которые были истощены физической работой и нищетой. С окончанием войны ставилась новая проблема – восстановление народного хозяйства.

На январь 1946 г. в колхозе насчитывалось 122 хозяйства, 437 чел. Фактически в 1945 г. в работе участвовало 234 чел., в 1946 г. – 278 чел. [3, л. 31]. На июнь 1946 г. в парторганизации колхоза «Мечты Ильича» состояло 20 коммунистов [3, л. 50], в комсомольской организации – 14 чел., 8 из которых работали в колхозе, остальные – в разных учреждениях [3, л. 53].

В 1946 г. весенний сев длился с 26 апреля по 27 мая, сроки сева затянули на 10 дней. Посеяли пшеницу на 115 га (требовалось на 120 га), овес на 145 га (требовалось на 80 га), картофель на 8 га (требовалось на 7 га), 62 га бобовых, всего по колхозу – 512 га. Благодаря усилиям колхозников, членов парторганизации в 1946 г. колхоз «Мечты Ильича» справился с задачей сева на 100 % [3, л. 49]. Однако план хлебозаготовок выполнили на 74 %, заготовки кормов – на 65 % [3, л. 35]. В 1947 г. колхоз успешнее справился с реализацией правительственных задач [3, л. 141]. В 1948 г. сев выполнили на 620 га [3, л. 151], собрали урожай на 903 га [3, л. 167]. В 1948 г. план государственных поставок хлеба выполнили по зерновым культурам на 75 % [8, л. 11 об]. Доход от растениеводства составил только 35 549 руб. (требовалось 105 735 руб.) [4, л. 12]. Стихийная засуха стала причиной невыполнения планов [8, л. 11 об].

В 1949 г. хозяйство успешно справилось с подготовкой и проведением весеннего сева: из плана посева на 622 га за 25 рабочих дней (планировалось за 22 дня) выполнил на 622,5 га [5, л. 24]. План подъема паров выполнили на 250 га [4, л. 35 об.]. С уборкой урожая справились на два месяца раньше, с хорошим качеством, чем в 1948 г. [5, л. 24]. С заготовкой сена в 1949 г. колхоз справился в два раза лучше относительно предыдущего года [5, л. 25]. В 1950 г. засеяли 552 га [5, л. 32 об.]. В послевоенные годы на полевых работах

агитаторами работали Д.С. Устинов, В.Б. Устинов, Л.С. Матькова, М.Ф. Кузнецова, Е.З. Мартынова, Л.Д. Чекушкина, М.С. Мартынов, В.Ф. Матькова, С.К. Лялин, У.Ф. Васильева, М.М. Ахрипова, С.И. Чукушкин, Г.Г. Силантьев, С.М. Устинов, И.Ф. Силантьев. Боевые листки редактировали К.М. Гусева, Н.Г. Молькина, С.К. Лялин, У.Ф. Васильева, В.И. Гранкова [3, л. 121].

Таким образом, несмотря на ежегодный рост производственных планов, выдвигаемых правительством и партией, колхоз с каждым годом лучше справлялся с их выполнением, что свидетельствует в том числе о постепенном улучшении материально-технической базы.

Значительные трудности колхоз «Мечты Ильича» испытывал в области развития животноводства. На 1946 г. в хозяйстве насчитывалось 29 лошадей (требовалось 34), 69 голов крупного рогатого скота (требовалось 80), 70 овец и коз (требовалось 108), 9 свиней (требовалось 30), 80 птиц (требовалось 180) [3, л. 35]. По развитию животноводства за 1948 г. план перевыполнили по всем видам скота. Однако продуктивность скота оставалась очень низкой. Например, план удойного молока на фуражную корову составлял 1500 л, а получили 775 л, но на 28 л больше, чем в 1947 г. По постригу шерсти из плана 2,5 кг с одной головы получили 1 кг 964 г, меньше на 640 г на одну голову относительно 1947 г. План на курицу составлял 75 шт. яиц, получили 45 шт. яиц, но на 11 шт. яиц больше, чем в 1947 г. [4, л. 12]. На 1950 г. успешно выполнили план по развитию животноводства: 42 головы лошадей, 101 голова крупного рогатого скота, 121 овец, 317 птиц, 99 свиней (свинофермой заведовал И.А. Ганин) [6, л. 29]. Скот ежедневно обеспечивался кормами, успешно подготовился к зимовке [5, л. 3].

В 1951 г. колхоз «Мечты Ильича» относительно 1950 г. добился больших успехов: по трем фермам выполнили план развития животноводства, в два раза повысилась урожайность по зерновым культурам, колхозникам на трудодни выдали зерно в пять раз больше, денежный доход увеличился на 27 тыс. руб. [7, л. 1]. В то же время в 1952 г. слабой оставалась продуктивность скота, не смогли выполнить план по лошадям и птицам [7, л. 5 об.], не хватало кадров в области животноводства [7, л. 77 об.]. Однако кадровый состав колхоза постепенно улучшался. Например, на 10 февраля 1952 г. на курс механизаторов отправили 12 чел. Укреплялась материально-техническая база хозяйства. В 1952 г. колхоз занимался строи-

тельством двух прудов у старой мельницы, кирпичным и саманным производством, добычей угля [7, л. 6]. В 1953 г. построили коровник на 45 голов, птичник на 1200 голов [8, л. 13].

В колхозе работали Д.С. Устинов – счетоводом, М.С. Мартынов – учетчиком тракторной бригады, Д.Е. Прокушкин – прицепщиком тракторной бригады, Н.А. Чекушкина – учетчиком по труду, Д.Г. Александров – агрономом, У.Ф. Лялина – санитаркой, И.А. Ганин, Ю.А. Мишин – колхозниками, П.И. Евсеев – бригадиром огородной бригады, А.П. Матьков – бригадиром полеводческой бригады, К.Н. Морозова – учетчиком полеводческой бригады, А.Ф. Евсеев – конюхом, Г.Е. Максимчев – ветсанитаром, А.В. Симирзин – животноводом, М.Ф. Силантьева – учетчиком животноводства, В.Б. Устинов – бригадиром фермерской бригады, В.Ф. Матькова – кормовым бригадиром [7, л. 135 об.]. В 1953 г. членами колхоза являлись доярка Н.Я. Мишина, бригадир В.Ф. Матькова, бригадир тракторной бригады М.Г. Мартынов, заведующий фермой И.А. Ганин, кладовщик В.Г. Устинов, учетчик полеводческой бригады Ю.Е. Прокушкин [8, л. 8 об.]. На 3 февраля 1955 г. в состав правления колхоза входили животновод А.В. Симерзин, В.Ф. Матьков, П.И. Евсеев, Н.Я. Мишина, Г.Е. Максимчев, Г.С. Ахримов. Секретарем парторганизации к тому времени являлся С.К. Лялин [7, л. 127 об.].

Таким образом, сквозь призму колхоза «Мечты Ильича» с. Эзекеево Николаевского района Ульяновской области мы рассмотрели деятельность колхозов и их парторганизаций в военное и послевоенное время. В процессе исследования мы пришли к выводу, что, несмотря на тяжелые условия указанного периода, колхоз благодаря руководству членов парторганизации и труду колхозников развивался по восходящей линии, укреплял материально-экономический потенциал, с каждым годом успешнее справлялся с производственными задачами, которые выдвигались плановиками. Значительные изменения в положительную сторону наблюдаются в 1950-х гг., когда производственные планы в развитии сельского хозяйства начинают выполняться и перевыполняться, однако сохранялись некоторые проблемы, в частности в развитии животноводства.

Источники и литература

1. ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 1164. Оп. 1. Д. 1.

2. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 6.
5. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 7.
6. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 10.
7. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 14.

R. Bimeeva

COLLECTIVE FARM "DREAMS OF ILYICH" OF THE NIKOLAEVSKY DISTRICT OF THE ULYANOVSK REGION IN 1941–1953: THE MAIN DIRECTIONS OF WORK OF THE PARTY ORGANIZATION

Annotation. The article, based on the documents of the party organization of the collective farm "Ilyich's Dreams" (s. Ezekeevo) of the Ezekeevsky Village Council of the Nikolaevsky District of the Ulyanovsk Region, examines the activities of the collective farm (collective farmers and members of the party organization) during the war and in the post-war years. During the Great Patriotic War and during the period of national economy recovery, collective farms and their party organizations were responsible for fulfilling the tasks set by the government and the country's political parties. In the difficult conditions of the war and post-war period, the implementation of production and social plans was often disrupted. Significant improvements in the development and strengthening of the agricultural cooperative's material and technical base have only been observed since the early 1950s.

Keywords: collective farm, party organization, agricultural cooperative, communist, agitators, agriculture, animal husbandry.

УДК 94(47)

Э.Р. Еникеева,
Ю.Б. Шубников

«ЖЕНСКОЕ ЛИЦО» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: РОЛЬ И ОПЫТ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу роли и значения участия советских женщин в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Рассматривается широкий спектр женской деятельности в этот период: от непосредственного участия в боевых действиях на фронте в различных

2. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 6.
5. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 7.
6. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 10.
7. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАНИ УО. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 14.

R. Bimeeva

COLLECTIVE FARM "DREAMS OF ILYICH" OF THE NIKOLAEVSKY DISTRICT OF THE ULYANOVSK REGION IN 1941–1953: THE MAIN DIRECTIONS OF WORK OF THE PARTY ORGANIZATION

Annotation. The article, based on the documents of the party organization of the collective farm "Ilyich's Dreams" (s. Ezekeevo) of the Ezekeevsky Village Council of the Nikolaevsky District of the Ulyanovsk Region, examines the activities of the collective farm (collective farmers and members of the party organization) during the war and in the post-war years. During the Great Patriotic War and during the period of national economy recovery, collective farms and their party organizations were responsible for fulfilling the tasks set by the government and the country's political parties. In the difficult conditions of the war and post-war period, the implementation of production and social plans was often disrupted. Significant improvements in the development and strengthening of the agricultural cooperative's material and technical base have only been observed since the early 1950s.

Keywords: collective farm, party organization, agricultural cooperative, communist, agitators, agriculture, animal husbandry.

УДК 94(47)

Э.Р. Еникеева,
Ю.Б. Шубников

«ЖЕНСКОЕ ЛИЦО» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: РОЛЬ И ОПЫТ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу роли и значения участия советских женщин в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Рассматривается широкий спектр женской деятельности в этот период: от непосредственного участия в боевых действиях на фронте в различных

воинских специальностях до самоотверженного труда в тылу – на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, на транспорте. Особое внимание уделяется вкладу женщин в медицинское обеспечение Красной армии, их участию в партизанском движении и подпольной борьбе на оккупированных территориях. На основе анализа исторических источников, архивных материалов и историографии автор исследует масштабы мобилизации женщин, специфику их военного и трудового опыта, проявления героизма и стойкости. Подчеркивается, что вклад женщин был не просто значительным, но и системообразующим фактором, обеспечившим функционирование фронта и тыла и приблизившим Победу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, женщины, советские женщины, фронт, тыл, Красная армия.

Период Великой Отечественной войны (1941–1945) стал суровым испытанием для советского государства и его граждан. Разгром фашизма был достигнут совместными усилиями фронта и тыла, причем вклад советских женщин в общую Победу огромен. Они не только взяли на себя производственные и сельскохозяйственные задачи, освободив мужчин для фронта, но и непосредственно участвовали в боевых действиях, служа летчиками, медиками, водителями, снайперами, связистами и разведчиками. Проявив выдающееся мужество и героизм, женщины приняли на себя множество мужских обязанностей, демонстрируя глубокую преданность и готовность к самопожертвованию ради защиты Отечества [7].

Истории не был известен столь массовый феномен участия женщин в вооруженной борьбе, какой продемонстрировали советские женщины в годы Великой Отечественной войны [3, с. 5]. Около миллиона женщин служили в Красной армии, осваивая все военные специальности, в том числе и те, которые традиционно считались мужскими. Это даже привело к появлению новых языковых форм для обозначения таких ролей, как “танкистка”, “пехотинка”, “автоматчица”, что свидетельствует о беспрецедентном характере их участия [1].

Советские женщины достойно проявили себя на военной службе во всех видах вооруженных сил. В то же время нельзя недооценивать значение труда женщин в тылу для достижения победы над нацистской Германией: они обеспечивали работу промышленных предприятий, обрабатывали землю и заботились о подрастающем

поколении [2, с. 5–6]. Их подвиг – яркая страница истории, символ стойкости и патриотизма, который и сегодня вдохновляет на служение Отечеству.

Особенно значительным было их присутствие в войсках связи, где служило почти 42 тыс. чел., и в авиации, насчитывавшей свыше 40 тыс. женщин. Рекордное количество женщин – более 70 тыс. – было задействовано в частях местной противовоздушной обороны НКВД, отвечавших за защиту тыловых объектов. Кроме того, десятки тысяч женщин обеспечивали питание личного состава (около 28,5 тыс. поваров) и выполняли административно-штабную работу в качестве машинисток, переводчиц и на других должностях в армейских структурах (почти 30 тыс. чел.) [5].

Законодательную основу для привлечения женщин к военной службе заложила 13-я статья Закона о всеобщей воинской обязанности, утвержденного 1 сентября 1939 г. Верховным Советом СССР. Этот пункт давал право народным комиссариатам обороны и Военно-Морского Флота мобилизовывать в армию и флот женщин, имеющих медицинскую, ветеринарную или другую специальную техническую квалификацию, а также задействовать их в учебных сборах. В военное время закон позволял призывать квалифицированных женщин для выполнения задач вспомогательного и специального характера [4].

Тяжелым бременем легла война на плечи сельских тружениц. Когда мужчины ушли на фронт, опустевшие деревни остались на попечении женщин, стариков и детей, которые и стали основной рабочей силой. Лишившись лучших лошадей, мобилизованных для нужд армии, они столкнулись с необходимостью обрабатывать огромные колхозные поля практически вручную или с помощью неприспособленных для пахоты быков. Воспоминания очевидцев рисуют картину нечеловеческого труда: женщины и подростки, впрягшись веревками в плуг, сами тащили его по весенней земле, чтобы посадить картофель. Посев зерновых превращался в многочасовой марафон – с корзиной семян на груди они шагали по свежевспаханному полю с рассвета до заката, разбрасывая зерно вручную [2, с. 7]. Этот изнурительный труд обеспечивал страну хлебом и продовольствием, без которого невозможна была бы Победа.

Однако вклад женщин не ограничивался только физическим трудом на земле. Многие из них обладали уникальными знаниями

и навыками, которые оказались жизненно необходимы оборонной промышленности. Ярким примером служит Вера Балкова. Получив еще до войны серьезное образование инженера-химика в Ленинградском университете и специализированном Химико-технологическом институте с военным уклоном, она уже в 1935 г. защитила совершенно секретную дипломную работу и получила воинское звание, эквивалентное капитану. Ее назначили сначала зав. лабораторией, а затем и начальником цеха на оборонном заводе. Именно Вера Макаровна возглавила критически важную работу по разработке технологии производства пороховых зарядов для знаменитых реактивных установок «Катюша», выполнив важнейшее задание Наркомата обороны еще к концу 1937 г. Ее пример показывает, что женщины занимали и ключевые научно-технические и руководящие посты в самых секретных и ответственных отраслях обороны [2, с. 10].

На фронте женский подвиг проявился во множестве ипостасей. Огромную роль сыграли женщины-медики. Тысячи девушек, окончивших медицинские училища или ускоренные курсы медсестер, отправлялись на передовую и в тыловые госпитали. Полина Беспалова, призванная в армию в августе 1941 г. после окончания медучилища, попала на Волховский фронт. Условия работы в полевых госпиталях были неимоверно тяжелыми: на одну медсестру зачастую приходилось до ста раненых и больных, включая истощенных бойцов и страдающих от инфекционных заболеваний, таких как сыпной тиф. Как вспоминала Полина Ивановна, порой приходилось экстренно оборудовать под палаты неприспособленные помещения, например, конюшни, чтобы разместить прибывающих бойцов, заразившихся от оставленных отступающим врагом паразитов [2, с. 12–13]. Спасение жизней в таких условиях требовало не только профессионализма, но и невероятной самоотверженности и выносливости.

Не менее отважно действовали женщины в рядах партизан и подпольщиков на оккупированных территориях. Многие девушки, как Антонина Бушева, стремились попасть на фронт с первых дней войны. Получив отказ в военкомате из-за несовершеннолетия, Антонина не сдалась, окончила курсы медсестер, поработала в госпитале и в 1942 г. добилась зачисления в партизанский отряд. Вместе со своими товарищами она прошла тысячи километров по

вражеским тылам, участвуя в десятках боевых походов, длившихся порой больше месяца. Партизанам приходилось нести на себе огромный груз боеприпасов и продовольствия, преодолевать сотни километров по лесам и болотам. Антонина не только выполняла обязанности медсестры, спасая раненых в тяжелейших условиях, но и как секретарь комсомольской организации выпускала боевые листки, поднимая дух бойцов. Ее стойкость служила примером даже для опытных мужчин-партизан [2, с. 14].

Символом же несгибаемого духа и самопожертвования стала Зоя Космодемьянская. Совсем юная девушка, добровольно вступившая в диверсионный отряд, она была схвачена фашистами при выполнении задания и после жесточайших пыток казнена в 18 лет. Ее подвиг и мужественное поведение перед лицом смерти сделали ее первой женщиной, удостоенной звания Героя Советского Союза во время войны, и вдохновили миллионы людей на борьбу.

Наконец, женщины проявили себя и в самых «мужских» военных профессиях, в том числе в авиации и на поле боя. Марина Раскова, еще до войны ставшая знаменитой летчицей-штурманом и установившая несколько рекордов дальности полетов, в годы войны стала инициатором создания уникальных женских авиационных полков [2, с. 143]. В рядах военно-воздушных сил Красной армии в военные годы было создано сразу три женских авиаполка – явление, не имевшее аналогов в мировой истории [3, с. 8]. Подготовка летных кадров, в том числе для этих полков, активно развивалась в СССР еще в 1930-е гг. Например, Батайская авиационная школа пилотов, позднее ставшая училищем летчиков-истребителей им. Анатолия Серова, была одним из центров, где обучались в том числе и будущие «ночные ведьмы» [3, с. 8]. Летчицы этих полков, прозванные немцами «ночными ведьмами» за свои дерзкие и эффективные ночные бомбардировки, внесли огромный вклад в разгром врага. Сама Раскова, награжденная высокими званиями и орденами, погибла при исполнении служебных обязанностей в 1943 г., но созданные ею полки продолжали громить врага до самой Победы.

Хотя участие женщин в составе экипажей танков было явлением редким и, как правило, они служили не на боевых должностях, существовали и поразительные исключения. Самым известным случаем стала история Марии Октябрьской, механика-водителя танка

Т-34, «боевой подруги», удостоенной звания Героя Советского Союза. Движимая желанием отомстить за гибель мужа и страдания советского народа, она написала письмо Сталину с просьбой отправить ее на фронт. Свои слова она подкрепила делом, пожертвовав все личные сбережения – 50 000 руб. – на строительство танка, с условием, что сама станет его механиком-водителем. Боевая служба гвардии сержанта Октябрьской была недолгой: в январе 1944 г. при попытке устранить повреждение танка под огнем противника она была тяжело ранена и в марте скончалась от ран. Посмертно 2 августа 1944 г. ей было присвоено звание Героя Советского Союза [6].

За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, высшей награды страны – звания Героя Советского Союза – были удостоены 92 женщины. Важно отметить, что признание подвига не всегда приходило своевременно: почти половина награжденных (43 чел.) получили это высокое звание уже после окончания войны, а некоторые – лишь спустя десятилетия. Кроме того, уже в новейшей истории России еще девять женщин были отмечены званием Героя Российской Федерации за подвиги, совершенные в военные годы [5].

Великая Отечественная война потребовала от советского народа беспрецедентной мобилизации всех сил, и женщины встали вровень с мужчинами, приняв на себя колоссальную ношу как в тылу, так и на передовой. Их вклад оказался поистине всеобъемлющим, охватившим каждую сферу жизни и борьбы страны.

Источники и литература

1. *Алексиевич С.А.* У войны не женское лицо. – М., 2024.

2. Великая Победа: 75 женских судеб. – Вологда, 2020.

3. Женское лицо войны. Донской край. Участницы Великой Отечественной войны: метод. пособ. / сост. О.М. Рогозина. – Ростов н/Д, 2025.

4. О всеобщей воинской обязанности: Закон СССР от 01.09.1939 (в ред. Закона СССР от 01.03.41, Указа Президиума ВС СССР от 26.06.41) // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=80250 (дата обращения: 28.07.2025).

5. Роль женщин в Великой Отечественной войне: цифры и факты // Военное обозрение // URL: https://topwar.ru/3602-rol-zhenshhin-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-cifry-i-fakty.html (дата обращения: 28.04.2025).

6. *Трофимов А.* Женское лицо великой войны // История.РФ // URL: https://histrf.ru/read/articles/zhenskoe-lico-velikoy-voyny (дата обращения: 28.07.2025).

7. *Чмелева Д.С.* Роль женщин в Великой Отечественной войне / Д.С. Чмелева, Н.Ф. Дианова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 6–2 (57). – С. 125–130.

E.R. Yenikeyeva,
Yu.B. Shubnikov

THE "FEMALE FACE" OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE ROLE AND EXPERIENCE OF SOVIET WOMEN

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the role and significance of the participation of Soviet women in the Great Patriotic War of 1941-1945. A wide range of women's activities during this period is considered: from direct participation in combat operations at the front in various military specialties to selfless work in the rear – in industrial enterprises, agriculture, and transport. Special attention is paid to the contribution of women to the medical care of the Red Army, their participation in the partisan movement and the underground struggle in the occupied territories. Based on the analysis of historical sources, archival materials and historiography, the author explores the scale of women's mobilization, the specifics of their military and labor experience, manifestations of heroism and perseverance. It is emphasized that the contribution of women was not only significant, but also a system-forming factor that ensured the functioning of the front and rear and brought Victory closer.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, women, Soviet women, front, rear, Red Army

УДК 641/642(470.344)«1941/1945»

Е.В. Ермилова,
Т.Ю. Федотова

ПИТАНИЕ В ЧУВАШСКИХ СЕЛЕНИЯХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В центре внимания авторов статьи – тема питания в чувашских деревнях в трудные военные и послевоенные годы. В работе представлены названия растений, употребляемых в пищу, а также рецепты

6. *Трофимов А.* Женское лицо великой войны // История.РФ // URL: https://histrf.ru/read/articles/zhenskoe-lico-velikoy-voyny (дата обращения: 28.07.2025).

7. *Чмелева Д.С.* Роль женщин в Великой Отечественной войне / Д.С. Чмелева, Н.Ф. Дианова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 6–2 (57). – С. 125–130.

E.R. Yenikeyeva,
Yu.B. Shubnikov

THE "FEMALE FACE" OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE ROLE AND EXPERIENCE OF SOVIET WOMEN

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the role and significance of the participation of Soviet women in the Great Patriotic War of 1941-1945. A wide range of women's activities during this period is considered: from direct participation in combat operations at the front in various military specialties to selfless work in the rear – in industrial enterprises, agriculture, and transport. Special attention is paid to the contribution of women to the medical care of the Red Army, their participation in the partisan movement and the underground struggle in the occupied territories. Based on the analysis of historical sources, archival materials and historiography, the author explores the scale of women's mobilization, the specifics of their military and labor experience, manifestations of heroism and perseverance. It is emphasized that the contribution of women was not only significant, but also a system-forming factor that ensured the functioning of the front and rear and brought Victory closer.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, women, Soviet women, front, rear, Red Army

УДК 641/642(470.344)«1941/1945»

Е.В. Ермилова,
Т.Ю. Федотова

ПИТАНИЕ В ЧУВАШСКИХ СЕЛЕНИЯХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В центре внимания авторов статьи – тема питания в чувашских деревнях в трудные военные и послевоенные годы. В работе представлены названия растений, употребляемых в пищу, а также рецепты

приготовления еды из прошлогоднего картофеля, крахмала и трав. Материалом для изучения послужили устные рассказы старожилов, чье детство совпало с войной, а также воспоминания долгожителей из книги Г.Н. Ксенофонтова «Долгожители Чувашии» (2009).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дети войны, питание чувашей, картофель, съедобные растения.

В наше время мало осталось ветеранов Великой Отечественной войны, участников трудового фронта. Но есть еще люди со статусом «Дети войны», которые могут нам рассказать о военном лихолетье и трудных послевоенных годах. От них мы можем услышать ответы на волнующие нас вопросы. Ведь они являются связующей нитью между поколениями. Отрадно, что именно им посвящена выставка «Дети войны – дети Победы», которая открылась в с. Батырево[1]. Автором работ является местный художник Мидхат Шакиров[2]. Он изобразил 30 портретов живых свидетелей Великой Отечественной войны, которые помнят голод, холод, потерю близких, тяжелый труд [1, с. 8]. Мы же в своей работе задались целью осветить особенности питания в чувашских деревнях во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Наша работа основана на устных рассказах

[1] Село Батырево Батыревского муниципального округа Чувашской Республики. На выставке представлены 30 портретов «Детей войны» – жителей Батыревского муниципального округа Чувашской Республики. Сегодня в Батыревском округе проживают 1500 чел. со статусом «Дети войны». На открытии выставки присутствовали и сами «Дети войны». Многие из них с волнением рассматривали свои портреты. Выставка создана на Грант Главы Чувашской Республики. Цит. по: *Бортникова К.* Рассказать о судьбе целого поколения // Советская Чувашия. – 2025. – 7 авг. – № 87. – С. 8.

[2] Шакиров Мидхат Алимзянович (род. 16.12.1953, д. Кзыл-Чишма (Ксыл-Чишма) Батыревского района Чувашской АССР) – выпускник художественно-графического факультета Чувашского государственного педагогического института (ныне университет) им. И.Я. Яковлева, художник, заслуженный работник культуры Чувашской Республики (2005) и Российской Федерации (2011), член Союза художников Чувашии, член Союза художников России (2001), член Союза художников Республики Татарстан, член Союза художников-педагогов России, член геральдистов России, лауреат премии им. Фатхи Бурнаш.

людей, чье детство пришлось на предвоенные, военные и первые послевоенные годы. Материал о питании собирали сначала попутно, а потом уже целенаправленно. Также приводятся в пример отрывки из воспоминаний долгожителей из книги Г.Н. Ксенофонтова «Долгожители Чувашии» (2009) [3].

Во время войны с питанием было трудно не только на фронте и в городах, но и в деревнях, рацион состоял в основном из супа, растений, хлеба было очень мало. И взрослые, и дети никогда не наедались досыта [12, с. 317]. В годы войны сельские жители питались тем, что они выращивали на приусадебном участке, в основном картофелем [9], а также дикорастущими травами, молодыми ветками и почками некоторых деревьев. Как рассказывают почти все респонденты, хлеба почти не было. Его по несколько граммов выдавали иногда тем, кто работал в городе. По воспоминаниям Н.А. Шатуновой[3], ее мать работала в г. Канаше, им выдавали за работу немного хлеба, она его сама не ела, приносила домой детям. Его, конечно, не хватало. Дома пекли похожее на лепешку: растирали крахмал, добавляли в него немного муки [13, с. 163]. Добавляли в крахмал и лебеду, а также другие съедобные растения. «Лебеда, оказывается, полезная», – вспоминала с горькой усмешкой лихие военные годы Екатерина Иосифовна Ефремова[4] [4], на тот момент имея за плечами более восьми десятков лет жизни. Весной собирали случайно оставшиеся с прошлого года клубни картофеля, протирали его с молоком, если оно было, а если нет, так обходились без него, готовили на сковороде [4]. Питались в основном растительной пищей. Если дома была корова, то семья едой была обеспечена: молоко, пахта, кисломолочные продукты были [11]. Но корова была не у всех. Их использовали в качестве тягловой силы на пашне, и от непосильного труда они заболевали и гибли.

Детям хотелось сладкого, и они пробовали цветки клевера. О том, что на свете есть леденцы, шоколад – они и не подозревали. «Летом собирали для пропитания различные травы. Употребля-

[3] Трудилась в колхозе с начала войны. Животновод-передовик.

[4] Художница по вышивке, сохранившая традиции национальной ручной счетной вышивки на предприятиях народных художественных промыслов Чувашии.

ли в пищу *чăкăт курăкĕ*[5] листья просвирника. Потом и сам *чăкăт* просвирник вырастал, его ели. Когда хотелось сладкого, пробовали цветки клевера. Летом съедобные травы ели, голодными не ходили», – рассказывает о военном детстве Р.В. Краснова (Ермилова)[6] [8].

«Женщины сушили и мололи крапиву, борщевник, перемешивая с мукой, крахмалом и другими разными суррогатами, с трудом пекли лепешки, наподобие хлеба. Пользы от такого питания было мало, но пустой желудок можно было обмануть», – делится Е.А. Александрова, 1903 г.р., уроженка д. Сугуты-Торбиково Асакасинской волости Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Вурнарского муниципального округа Чувашской Республики) [3, с. 100].

О трудностях сбора крахмала, прошлогоднего картофеля ранней весной в поле подробно описано в воспоминаниях К.Н. Иливановой, 1905 г.р., уроженки с. Карамышево (также называлось с. Яльчики) Чебоксарского уезда Казанской губернии (ныне Козловского муниципального округа Чувашской Республики): «В 1941 году началась Великая Отечественная война. Мужа Александра Ивановича призвали на фронт. Чтобы не умереть с голоду, с ранней весны сыновья Алексей и Иван ходили в колхозное поле собирать перезимовавшую картошку (крахмал). Из нее пекли лепешки, готовили суп. А как трудно было собирать ее. Ранней весной поля освобождались от снега, но на глубине 15–20 см земля была еще мерзлая, там лежал сплошной пласт льда. Сплюснутая картошка лежала прямо на поверхности. Были бы в ту пору сапоги, не было бы проблем. Но о них никто и не мечтал. Население ходило в лаптях. Заходить в раскисшее поле в лаптях, значило заведомо потерпеть неудачу. Земля засасывала лапти, при этом навсегда. Выход был один – собирать крахмал босиком. Так и делали все. На сбор одного ведра уходило времени 1 час, а то и более. За это время ноги коченели так, что после выхода на сухое место они были такими же ярко-красными,

[5] Чăкăт курăкĕ с чувашского буквально переводится как «трава сыра, сырка», внешне белые круглые, с полосками в виде меридиан, плоды/семена просвирника очень похожи по форме на домашний сыр, который получался точно также, находясь в висячем положении в узелке из ткани/марли.

[6] Бухгалтер. Живет в г. Нурлат.

как у голубей. Многие дети умирали от простудных заболеваний, а выживали лишь очень здоровые» [3, с. 199].

В некоторых деревнях дети и после войны еще не знали, как выглядит настоящий хлеб. Когда мы попросили рассказать о питании в войну и послевоенные годы Г.К. Терентьева[7] [10], он согласился сразу. Его первые слова были: «Я учился в школе – [на картине] хлеб не узнал. В школе в книге (на картине) когда учительница спросила: ‘Что это?”». Г.К. Терентьев не знал, что это хлеб. Его отец – Константин Сергеевич Терентьев, 1915 г.р. – ушел на фронт 22 июня 1941 г., в декабре 1942 г. погиб под Ржевом. «Когда отец ушел на войну, мне было 2 года и 5 дней», – говорит Г.К. Терентьев. Они с братом росли только с матерью. Дети в то время утоляли голод и дикорастущими растениями. На просьбу рассказать о них Г.К. Терентьев отнесся серьезно. С уважением к каждому растению, спасшему людям жизнь в годы войны, он перечислил на чувашском языке названия растений, которые они употребляли в пищу в войну и в первые послевоенные трудные годы: *кăшкар ути* (щавель), *тутлă хупах* (вкусный лопух), *вырăс кĕнçи, майра кĕнçи, кушак пашалу* (не знает русского названия, в словарях не найдено; последнее – предположительно: просвирник), *кашлич* (свербига), *улма çеçки* (ботва картофеля), *çăка папки* (молодые почки липы). «И картошку досыта не ели. *Щавелью* питались, *вкусным лопухом* (лопух он бывает и горький), *свербигой* – она губы портит, если не очистить ее от кожицы. Приносили ее охапками и кушали. Кожицу снимали и также кушали, не варили. *Просвирник* ели. *Крахмал* ели. Ой-ой! Жили, благодаря крахмалу. Тогда *картофель* гнил. Идешь в лаптях [крахмал собирать], [соберешь]. Я 10 классов окончил в лаптях. [Картофель, крахмал] горячий был вкусный» [10].

Также он поделился способами приготовления еды в трудные военные годы. Например, горячего крахмала: «Шли искать в поле или в огород прошлогоднюю картошку. Находили и приносили домой, осторожно очищали картошку от земли, а затем очищали от кожуры, придерживая над посудой. Прошлогоднюю картошку разминали в ступе: крахмал превращали в муку. Добавляя в эту крах-

[7] Педагог, краевед, заслуженный работник культуры Чувашской Республики (1997).

мальную муку еще немного муки, у кого, что есть съедобное, которое можно добавить, тоже добавляли – матери готовили крахмал как лепешку – на сковороде. Немного масла было – добавляли масло те, у кого оно было. Корову содержать было очень тяжело. Корма нет, нечем кормить. Молоко было. Корова все же нас поддерживала. Тогда готовили *чăкăт* [чъгът] домашний сыр. Ходили мы его продавать на Вылу-Базар. Тогда денег не было. Чтобы деньги чуть-чуть были. Выла-Базар проходил по воскресеньям» [10].

Рассказал и про готовку первого блюда: *улма çеçки яшки* – супа с плодами соцветий картофеля: «Цветы картофеля *улма çеçки* появлялись, а потом вырастали зеленые плоды, которые размером чуть больше с орех появлялись, как мелкие яблоки, вот их пускали в суп вместо капусты. Вот их ели. Кипятили воду, клали нарезанный картофель, если есть, нет, так без него. Добавляли плоды соцветий картофеля, лук, зелень, имеющуюся под рукой, соль. При подаче добавляли *турăх* – кисломолочный продукт, если у кого он был» [10].

Тем, у кого была корова, было чуть легче – у них было молоко. Как вспоминает М.Н. Кади (Никитина), 1909 г.р., уроженка с. Тобурданово Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Канашского муниципального округа Чувашской Республики): «В войну у меня было шестеро детей. Корову держала, овец… Детей молоком поила. Но хлеба не было. Муку размешивала в супе, чтобы гуще был. Так и растила детей одна, пока с войны не вернулся Степан» [3, с. 142].

О трудностях содержания коровы в годы войны подробно рассказал нам уроженец д. Вудоялы Ибресинского района Чувашской Республики Георгий Ишмуллович Ижендеев[8], 1937 г.р.: «Во время войны мы были детьми семи, восьми, девяти лет. Мы, взяв с собой маленькую тележку, уходили полоть поля от сорняков, сорванные

[8] Г.И. Ижендеев окончил химико-биологический факультет Чувашского педагогического института (1964). Работал с 1966 г. учителем биологии и химии, зам. директора по учебно-воспитательной работе, директором (1975–1979) Айбечской средней школы. Учитель-методист. Любитель-путешественник, побывал в ряде стран Европы, Азии, Африки. Победитель социалистического соревнования (1973). Заслуженный учитель Чувашской Республики (1995). Отличник народного просвещения (1992). Цит. по: Ибресинский район. Краткая энциклопедия. – Чебоксары, 2011. – С. 141.

травы клали в тележку. Сегодняшние дети они что… (замолк в волнении). Мы всю жизнь без коровы не жили…» [6].

«К тому слову: “Без коровы…” Мама вернулась с выгона скота на пастбище в день начала войны, вот это помню, и плачет, говорит, что началась война, – вступил в разговор брат Г.И. Ижендеева Ильмет Ишмуллович Ижендеев[9]. – Эх, плачет... От того что началась война. Она с выгона скота вернулась. Помню еще день окончания войны: мы тогда жили на другой улице. Эх, прыгаем на улице от радости: “Война закончилась! Война закончилась! Война закончилась!” Сами прыгаем вверх… все дети прыгали вместе от радости… Вот это помню. Остальное тоже помню уж» [7].

«Мы во время войны… После войны жизнь тоже была страшно тяжелой, – продолжает рассказывать дальше Г.И. Ижендеев. – Колхоз ничего не давал: ни еды, ни денег, ни зерна. Вот как жил народ. Траву ели, растения, собирали все съедобное. Вот мы держали корову. Она нас спасла. А чтобы содержать корову, мы, маленькие дети, заходили в поле, где росли зерновые, и собирали, рвали траву – собирали сорняки. Тогда васильков много росло. Сколько мы привозили, сушили, укладывали на хранение, на зиму. В нашей семье старше нас две сестры были, они уходили в поле на жатву вместе с женщинами постарше. Надо было сжать определенное количество полос. Тогда жали прямо сверху, зерновые плохо уродились было, сорняков много. И ту часть под колосьями, стебли злаков, они, сестры, косили косой вместе с травой. Мы с братом ночью ходили с тележкой, чтобы эту скошенную сестрами траву со стеблями злаков привезти домой. Вот так мы содержали корову. Мы с малых лет в работе, всегда была – работа, работа, работа! Брат Ильмет в 14 лет пошел работать плугарем. За трактором плуг идет ведь во время вспашки, вот этот плуг надо было поправлять: опускать, поднимать во время поворотов, управлять плугом. В 14 лет! Зимой надо было

[9] Ижендеев И.И. – механик, водитель. Окончил Айбечскую семилетнюю школу (1949), в 1967 г. – среднюю. С 1958 г. работал шофером, с 1967 г. – автомехаником в колхозе им. Калинина. Победитель социалистического соревнования (1973, 1975). Награжден орденом «Знак Почета» (1976), медалью «Ветеран труда». Заслуженный работник сельского хозяйства Чувашской АССР (1982). Цит. по: Ибресинский район. Краткая энциклопедия. – Чебоксары, 2011. – С. 141. Трагически погиб 2 февраля 2025 г.

идти в с. Ибреси ремонтировать трактор. За спиной была котомка с хлебом, картошкой. Пешком 25 км надо было идти. Вот как было. Мы век жили в работе, век трудились» [6].

Таким образом, люди во время войны и послевоенные годы выжили за счет приусадебного хозяйства, животноводства, собирательства трав, поиска и находок всего съедобного. Несмотря на все трудности, дети (и их матери!) времен войны учились выживать, не боялись трудностей, преодолевали их, хорошо учились в школе, помогали взрослым и дома, и в колхозе, помогали фронту, приближали долгожданную Победу над врагом, трудились не покладая рук и после войны, многого добились во взрослой жизни, стали уважаемыми людьми в родной стране.

Источники и литература

1. *Бортникова К.* Рассказать о судьбе целого поколения // Советская Чувашия. – 2025. – 7 авг. – № 87. – С. 8.

2. *Ермилова Е.В.* Эп шкулта вĕреннĕ – çăккăр палламан… [Вăрçă вăхăтĕнчи тата вăрçă хыççăнхи çулсем çинчен Гурий Константинович Терентьев (17.06.1939) каласа пани] = Я учился в школе – не знал, как выглядит хлеб [Рассказ Гурия Константиновича Терентьева (17.06.1939) о военных и послевоенных годах] // Пурнăç çулĕпе = По жизненному пути. Общественно-политическая газета Аликовского района Чувашской Республики. – 2025. – утă (июль) 25. – № 29 (12249). – С. 6.

3. *Ксенофонтов Г.Н.* Долгожители Чувашии. – Чебоксары, 2009.

4. Полевые материалы авторов (далее – ПМА). Андреев Николай Маркелович, 22.03.1940 г.р., уроженец д. Старые Яхакасы (Кивьял Хапас) Вурнарского района Чувашской АССР. Запись 13.01.2025 г. в г. Чебоксары.

5. ПМА. Ефремова Екатерина Иосифовна (26.11.1914, с. Егоркино, Чистопольский уезд, Казанская губерния (ныне Нурлатский район, Республика Татарстан) – 26 февраля 2000, Чебоксары, Чувашская Республика). Запись конца 1990-х гг. в г. Чебоксары.

6. ПМА. Ижендеев Георгий (по паспорту – Гера) Ишмуллович, 15.09.1937 г.р., уроженец д. Вудоялы Ибресинского района Чувашской АССР. Запись 29.10.2024 в доме Г.И. Ижендеева в д. Вудоялы Ибресинского муниципального округа Чувашской Республики.

7. ПМА. Ижендеев Ильмет (по просьбе уже взрослых дочерей он сменил имя, по паспорту – Николай) Ишмуллович, 19.08.1935 г.р., уроженец д. Вудоялы Ибресинского района Чувашской АССР. Запись 29.10.2024 в доме Г.И. Ижендеева в д. Вудоялы Ибресинского муниципального округа Чувашской Республики.

8. ПМА. Краснова (Ермилова) Раиса Васильевна, 02.1941 г.р., уроженка д. Якушкино Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарской АССР (ныне Республика Татарстан). Запись в июле 2016 г. в д. Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан.

9. ПМА. Перлова Елизавета Ильинична, 07.04.1933 г.р., уроженка с. Аксумла Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарской АССР (ныне Республики Татарстан). Запись 21.08.2024 г. в доме Перловых в с. Аксумла Нурлатского района Республики Татарстан.

10. ПМА. Терентьев Гурий Константинович, 17.06.1939 г.р., уроженец с. Раскильдино Аликовского района Чувашской АССР. Запись 27.02.2025 г. в «ДК тракторостроителей» г. Чебоксары.

11. ПМА. Шатунова (Рассадникова) Нина Алексеевна, 15.09.1931 г.р., уроженка д. Амалыково Янтиковского района Чувашской АССР. Запись 2021 г. в г. Чебоксары.

12. *Федотова (Ермилова) Е.В., Федотова Т.Ю.* Единство фронта и тыла: на примере семьи Ермиловых // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 22 июня 2021 г.) / сост. и отв. ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитонова. – Чебоксары, 2021. – С. 313–318.

13. *Федотова Е.В., Федотова Т.Ю.* Н.А. Шатунова – труженица тыла Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Чувашский национальный музей: люди, события, факты (2024): сб. ст. Вып. 19. – Чебоксары, 2024. – С. 162–165.

14. *Федотова Т.Ю.* Культура питания в чувашских деревнях во время Великой Отечественной войны // КАЭР 2025. Тезисы докладов XVI Конгресса антропологов и этнологов России. Пермь. 2–6 июля 2025 г. (электронное издание). – С. 4 // URL: https://istina.msu.ru/collections/778749934/ (дата обращения: 05.08.2025).

E.V. Yermilova,
T.Yu. Fedotova

FOOD IN CHUVASHIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The authors of the article focus on the topic of nutrition in Chuvash villages during the difficult years of the war and the post-war period. The article presents the names of plants that were used as food, as well as a recipe for cooking food from last year's potatoes and starch. The material for the study was obtained from the oral stories of old residents whose childhood coincided with the war.

Keywords: children of war, Chuvash nutrition, Great Patriotic War.

УДК 94(470)

Д.В. Кирюхин

«ВЫПИЛИ И ЗАКУСИЛИ!» – АЛКОГОЛЬ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВО «ФРОНТОВЫХ ЗАПИСКАХ СЕРЖАНТА» Р.С. ГРАЖДАНИНОВА

Аннотация. В статье анализируется проблема использования алкоголя бойцами РККА в годы Великой Отечественной войны на материале мемуаров «Фронтовые записки сержанта» Рафаэля Семеновича Гражданинова (1924–1998). Уроженец с. Большое Мурашкино Р.С. Гражданинов прошел войну от Белоруссии до Прибалтики в должности связиста, в послевоенные годы преподавал, был лектором-международником, участвовал в создании районной Книги Памяти. Его фронтовые воспоминания дополняют события тех огненных лет, описанные до него его боевыми товарищами – М.И. Казаковым, И.М. Третьяком, А.Т. Стученко, рассказывая о произошедшем с точки зрения простого солдата. В своем повествовании Р.С. Гражданинов не избегает темы употребления красноармейцами спиртного, часто включает юмористические эпизоды и детали, однако считает, что алкоголь, производство которого оккупанты повсеместно стимулировали с целью спаивания населения и разложения и уничтожения врага изнутри, в те годы едва ли можно было считать своим союзником.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мемуарная литература, фронтовые воспоминания, «Фронтовые записки сержанта», Р.С. Гражданинов.

Подводя итоги Года семьи, губернатор Нижегородской области Глеб Никитин в конце 2024 г. заявил о готовящихся мерах борьбы с потреблением алкоголя населением. Предполагаемые меры включают ограничение времени продажи спиртного, новые требования к площадям торговых точек, а также жесткий контроль самогоноварения [8]. Подобные действия представляются особенно актуальными в связи с многочисленными отравлениями и смертями в последние годы. Впрочем, отношения человека с алкоголем во все эпохи нельзя назвать простыми. Наиболее ярко, разумеется, их специфика отражалась в кризисные периоды, например, в годы самой жестокой войны XX в.

Нельзя сказать, что обращение к вопросам государственной алкогольной политики СССР в годы Великой Отечественной войны является чем-то новым, в частности к деталям повседневности советских граждан обращается М.В. Суменкова [10, с. 314–320], проблему использования еды и алкоголя в пропаганде СССР и фашистской Германии рассматривают В.А. Антонцева и А.В. Цветков [1, с. 186–191], материал Е.В. Хатанзейской также посвящен будням военнослужащих Красной армии, неотъемлемой частью которых было и потребление спиртного [14, с. 223–252]. Об истории введения «винной порции» в России, начиная с царя Петра I, пишет в своем исследовании Д.В. Шуняков [15, с. 47–58]. В данном материале мы обратимся к мемуарной литературе – «Фронтовым запискам сержанта» Рафаэля Семеновича Гражданинова, встретившего победный май 1945 г. в звании гвардии сержанта в освобожденной Прибалтике. Особенно важно, что перед нами не воспоминания генерала, маршала или комдива, а простого солдата, позволяющие взглянуть на проблему не с официальной позиции, а увидеть ее «с самых низов».

«Фронтовые записки сержанта» были завершены автором 30 января 1987 г., однако материал рукописи претерпевал некоторые изменения и дополнения – частично в виде коротких новелл сочинение впервые увидело свет на страницах районной газеты «Знамя» с 1988 по 1995 г. Наиболее полное издание этого труда вышло в рамках одноименного проекта в 2017 г. [13] Биография Рафаэля Семеновича Гражданинова (1924–1998), уроженца с. Большое Мурашкино Нижегородской области, достаточно известна благодаря ряду наших публикаций, посвященных как деталям его боевого подвига [6, с. 55–60], так и художественному и литературному творчеству [5, с. 100–117]. Его фронтовые письма родным также вошли в сборник «Здравствуйте, дорогие мои…», выпущенный в 2015 г. Центральным архивом Нижегородской области [3, с. 99–115], и использовались Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой и Т.П. Хлыниной в монографии «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации» [7, с. 129, 189].

Юный Рафаэль, получивший свое имя в честь знаменитого мастера итальянского Возрождения, после завершения девятого класса

в августе 1942 г. был призван в РККА и направлен на обучение на шестимесячные курсы связистов в г. Чебоксары. Затем 25 февраля 1943 г. он прибыл на фронт за Можайск в район станции Уварово, с этого момента и начинаются «Фронтовые записки сержанта». Практически только прибыв в расположение 29-й гвардейской стрелковой дивизии и получив распределение в 90-й гвардейский стрелковый полк, после знакомства с командиром отделения автор сталкивается в первый раз с потреблением его товарищами алкоголя. Этот эпизод он шутливо называет «Можайские гуси». Товарищи зовут новобранца в блиндаж посмотреть на гусей «без перьев»: «В проходе стоит посудина с водой, и в нее по очереди двое бойцов окунают головы, затем, как гуси, вытягивают шеи, чтобы вода за шиворот не попала… <…> Все хохочут, «гуси» злятся, ругаются, но от таза никуда» [13, с. 12]. Затем выясняется, что неудачливые красноармейцы, решив порадовать себя спиртом, выпили разбавителя из химпакетов, предварительно профильтровав его через коробку противогаза. Их не остановил даже желтый цвет реактива, который остался неизменным, и после выпитой порции спустя 15 мин. у обоих начинает резать глаза. Бойцы смазали глаза слюной, но это помогло ненадолго, и, чтобы хоть как-то помочь «дегустаторам», товарищи «нашли им какой-то старый таз, налили воды, и те полдня к нему прикладывались по очереди, проклиная себя и всех святых вместе с химиками под дружный хохот всей роты» [13, с. 12].

Во время рассказа о хитром ездовом, который помог найти старшего сержанта, который воровал у товарищей пайки хлеба, Р.С. Гражданинов упоминает эпизод, во время которого тот вывел на чистую воду и ротного старшину, большого любителя выпить. Во время раздачи так называемых «наркомовских ста грамм» старшина использует граненую стопку на 80 г, незаметно урезая таким образом положенное количество алкоголя (водки). «С роты у него много набирается, не то что мухи, а целые самолеты в глазах появляются» [13, с. 19–20], – рассказывает ездовой командиру роты и тот заменяет стопку старшины тонкостенной настоящей, что приводит к вынужденному отрезвлению обманщика. Несмотря на анекдотичность описанного случая, автор не дает оценок практике выдачи спиртного военнослужащим, хотя совсем скоро, 30 апреля 1943 г. выйдет постановление ГКО № 3272 «О порядке выдачи водки войскам

действующей армии», в котором предписывалось прекратить с 3 мая 1943 г. массовую ежедневную выдачу водки личному составу войск действующей армии, обеспечив ее военнослужащим только тех частей передовой линии, которые ведут наступательные операции, а всем остальным – лишь в дни революционных и общественных праздников [2, с. 12].

После тяжелых боев за освобождение Ельни и овладением городом Р.С. Гражданинов называет самым опасным из обнаруженных немецких трофеев склад со шнапсом в подвале старой церкви без колокольни. Командир полка отправляет туда своего заместителя, майора, и тот обнаруживает множество недееспособных пьяных солдат – и танкистов, и пехотинцев: «…у переднего танка один из танкистов валялся под гусеницей, второй торчал из переднего люка. В средине колонны пел песни, сидя на башне, еще один. Дружная парочка, склонив друг к другу головы в ребристых шлемах, приткнулась к двери склада» [13, с. 30]. Попытка майора расстрелять бочки со шнапсом и вышибить им днища не увенчалась успехом, ситуацию спасла лишь рота автоматчиков, «которая быстро навела порядок и очистила помещение, после чего трофейный шнапс стали раздавать по подразделениям в установленном порядке» [13, с. 30].

Стремление отдельных личностей схитрить и обмануть товарищей ради заветного напитка повторяется в еще одном эпизоде, когда комбат совместно с несколькими командирами рот и старшинами на полевой кухне меняет жиры и колбасу на самогон у местного населения. Справедливость восстанавливает командир полка майор Владимир Михайлович Андронников (1924–1944), молодой и горячий, но честный командир [4, с. 53–58], о нем с особой теплотой вспоминают и другие боевые товарищи Р.С. Гражданинова – авторы фронтовых воспоминаний – И.М. Третьяк (1923–2007) [12, с. 136] и А.Т. Стученко (1904–1972) [9, с. 266]. Примечательно, что именно в этом отрывке Рафаэль Семенович впервые озвучивает свое мнение по поводу алкоголя на фронте, называя самогон единственным продуктом, «…производство которого оккупанты повсеместно стимулировали. Они считали спаивание населения главным средством разложения и уничтожения нас изнутри…» [13, с. 47].

В финале «Фронтовых записок сержанта», посвященном освобождению Прибалтики, мы можем найти еще два эпизода, в кото-

рых красноармейцы сталкиваются со спиртными напитками, и оба раза это заканчивается трагически. В очередной деревне, в которой осталось лишь несколько полуразрушенных домов и построек, бойцы находят дом, по своему внешнему виду никак не пострадавший от военных действий. Внутри дома на лавке в углу под образами разведчик обнаруживает целый ящик с бутылками, но командир саперной роты отговаривает его трогать подозрительные предметы и оставляет у двери часового, отправившись за подмогой. Разведчик уговаривает часового длинной жердью попробовать прощупать ящик, обосновывая это тем, что капитан обманул их и хочет забрать все вино себе. Последствия их действий вполне ожидаемы: «Грохнул страшный взрыв, и дома как не бывало. Фугасом его разнесло на части, а любителей выпить сорванной дверью отбросило метров на десять. Взрывной волной обоих тяжело контузило. Нечего сказать: Выпили и закусили!» [13, с. 54]

Однако если неудачливые разведчик и часовой остались в живых, то другим любителям выпить при освобождении г. Зилупе (первый город Латвии, который освободила дивизия) повезло гораздо меньше. В окопе бойцы находят бутыль, предчувствуя, что внутри спирт, они дружно распивают содержимое по очереди. «Последним не досталось. Выскочили, а выпивохи уже доходят. Изо рта клубами валит пена, даже у тех, которые уже преставились. Оказалось, в бутылке перекись водорода – мозоли сводить» [13, с. 58]. Вот такой «сюрприз» любителям алкоголя могут преподнести суровые фронтовые будни.

Таким образом, как мы видим, автор «Фронтовых записок сержанта» довольно часто обращается к теме алкоголя как неизменного спутника человека, для него эта тема не является табуированной или неудобной. Рукопись воспоминаний Р.С. Гражданинова была опубликована без купюр и цензуры, что позволяет оценить первоначальный замысел автора. Несмотря на то что употребление спиртного чаще всего описывается автором в юмористическом ключе («Можайские гуси» или захват склада со шнапсом), персонажи, стремящиеся «утолить свою жажду» алкоголем, показаны как слабовольные люди, либо обманщики. Если вторые безусловно порицаются автором и находят свое наказание на страницах мемуаров, то первые, хотя и, казалось бы, виноваты лишь в том, что хотят

выпить, своими действиями навлекают беду не только на себя, но и на своих товарищей. Как отмечает Р.С. Гражданинов, подорвавшиеся на мине разведчик и часовой чудом остаются живы, а если бы противник решил пойти в контрнаступление, а не бежать, когда пехота и танкисты были сражены трофейным шнапсом, дело для всей дивизии могло обернуться трагедией. Несмотря на то что некоторые фронтовики оставили теплые воспоминания о знаменитых «наркомовских ста граммах» [11, с. 121–124], для автора «Фронтовых записок сержанта» алкоголь на фронте скорее враг, нежели союзник.

Источники и литература

1. *Антонцева В.А., Цветков А.В.* Проблема еды и алкоголя в пропаганде противоборствующих сторон в период Великой Отечественной войны // Исторический бюллетень. – 2024. – Т. 7. – № 5. – С. 186–191.

2. *Богомолов А.* 70 лет назад Сталин решил, кому сколько наливать на фронте: История «наркомовских 100 грамм» // Комсомольская правда. – 2012. – 15 авг. – № 119 (25932). – С. 12.

3. «Здравствуйте, дорогие мои...» (фронтовые письма 1941–1945 гг.): сб. док. / сост. Е.Э. Ешан, А.П. Пудалова. – Н. Новгород, 2015.

4. *Кирюхин Д.В.* Владимир Михайлович Андронников во фронтовых воспоминаниях его боевых товарищей // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2017. – Вып. 4 (17). – С. 53–58.

5. *Кирюхин Д.В.* Образы родного края в творчестве Нижегородского художника-фронтовика Р.С. Гражданинова // Russian Studies in Culture and Society. – 2025. – Т. 9. – № 2. – С. 100–117.

6. *Кирюхин Д.В.* Ратный подвиг Р.С. Гражданинова и его «Фронтовые записки сержанта» // Вестник Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. – 2016. – № 2 (10). – С. 55–60.

7. *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). – Ростов н/Д, 2013.

8. *Матвеева Е.* Усмирить зеленого змия. Помогут ли антиалкогольные меры нижегородцам // Аргументы и Факты. – Н.Новгород. – 2025. – 5 марта. – № 10.

9. *Стученко А.Т.* Завидная наша судьба. – М., 1968.

10. *Суменкова М.В.* Алкоголь в повседневной жизни советских граждан в годы Великой Отечественной войны // Россия в войнах и локальных

конфликтах XX – начала XXI в.: Сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.П. Самородов. – Стерлитамак, 2018. – С. 314–320.

11. *Тажидинова И.Г.* Как «наркомовские 100 грамм» помогали воевать // Родина. – 2016. – № 8. – С. 121–124.

12. *Третьяк И.М.* Храбрые сердца однополчан. – М., 1977.

13. Фронтовые записки сержанта Гражданинова Рафаэля Семеновича: рукописи, фронтовые письма, материалы периодической печати / сост. Кирюхин Д.В. – Н. Новгород, 2017.

14. *Хатанзейская Е.В.* Будни военнослужащих Красной армии: от Финской к Великой Отечественной войне // Ab Imperio. – 2022. – № 1. – С. 223–252.

15. *Шуняков Д.В.* 100 грамм для храбрости: «За» и «Против» // Экономическая история. – 2016. – № 1 (32). – С. 47–58.

D.V. Kiryukhin

"THEY'VE DRUNK AND EATEN!" – ALCOHOL ON THE FRONTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN "SERGEANT'S FRONTLINE NOTES" BY R.S. GRAZHDANINOV

Annotation. The article analyzes the problem of alcohol consumption by the Red Army soldiers during the Great Patriotic War based on the memoirs "Sergeant's Frontline Notes" by Rafael Semenovich Grazhdaninov (1924–1998). A native of the village of Bolshoe Murashkino, R.S. Grazhdaninov went through the war from Belarus to the Baltics as a radio-operator, taught in the post-war years, was a lecturer on international affairs, and participated in the creation of the regional Book of Memory. His frontline memories complement the events of those fiery years described before him by his comrades in arms – M.I. Kazakov, I.M. Tretyak, A.T. Stuchenko, telling about what happened from the point of view of an ordinary soldier. In his narrative, R.S. Grazhdaninov does not avoid the topic of the Red Army soldiers drinking alcohol, often including humorous episodes and details, but believes that alcohol, the production of which the occupiers everywhere stimulated with the aim of getting the population drunk and decomposing and destroying the enemy from within, could hardly be considered an ally in those years.

Keywords: The Great Patriotic War, memoir literature, front-line memories, "Sergeant's Frontline Notes", R.S. Grazhdaninov.

УДК 94(470)

Е.М. Кирюхина,
А.С. Бухарин

«ИЗ ОДНОГО МЕТАЛЛА МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД»: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПЕТРА ЕВСТАФЬЕВИЧА И ТАМАРЫ АНДРЕЕВНЫ ЦВЕТКОВЫХ

Аннотация. Статья посвящена боевому подвигу участника обороны Москвы П.Е. Цветкова (1920–2008) и самоотверженному труду в годы войны и послевоенное время по восстановлению народного хозяйства его супруги Т.А. Цветковой (1926–2013), Героя Социалистического Труда (1971) – уроженцам сел Серково и Ляпуново Городецкого района Нижегородской области. Дополнить сведения о личностях героев помогают архивные документы, материалы периодической печати, интервью с родственниками и сохранившиеся в семейном архиве фотографии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Городецкий район, битва за Москву, семейный архив.

«Край родной…» – так говорят о малой Родине, это место, с которым человека связывает его прошлое, его корни и воспоминания. За последние десятилетия все большее число исследователей и авторов обращается к изучению истории своих родственников, своей семьи, которые тесно переплетаются с историей родного края и страны в целом и неотделимы от них. В данном материале мы обращаемся к деталям боевого и трудового подвига прадедушки и прабабушки одного из авторов, чьи жизни неразрывно связаны не только с Великой Отечественной войной, но и с д. Ляпуново Городецкого района Нижегородской области и колхозом «Красный маяк».

Большую роль в исследованиях подобного рода играет, безусловно, оригинальный источниковый материал, который можно найти в семейном архиве. Это могут быть не только документы, но и фотографии, и эти ценнейшие свидетельства эпохи все чаще используются в научных публикациях [8, с. 246–250]. Выход в свет фронтовых мемуаров, начатый еще в советскую эпоху [4], продолжается и сегодня, хотя и в меньших масштабах [15]. Добавим к этому издания, посвященные фронтовым письмам красноармейцев

[5] и научные монографии, посвященные самым разным вопросам повседневности [9], политики [19] и истории 1940-х гг. [14] Биографические статьи, посвященные личному вкладу в дело Великой Победы и послевоенного восстановления нашей страны, которых с каждым годом становится все больше [10, с. 358–362], только подтверждают рост интереса и актуальности рассматриваемой темы.

Петр Евстафьевич Цветков родился 22 июля 1920 г. в д. Серково Городецкого района Нижегородской области. До войны он работал секретарем сельского Совета, кладовщиком. В ноябре 1940 г. был мобилизован и в сентябре направлен служить в 3-й гвардейский мотострелковый полк в Монголию. Вероятно, к этому времени относится сохранившаяся в семейном архиве фотография П.Е. Цветкова, на которой сразу же узнается форма красноармейца. Однако уже осенью 1941 г. во время тяжелейших боев под Москвой воинскую часть погрузили в эшелон и отправили на станцию Кубинка на Можайском направлении. Как потом рассказывал сын Петра Евстафьевича, особенно ветерану запомнился день 7 ноября, когда он принимал участие в параде на Красной площади, с которого войска отправлялись на фронт [6]. «Расставили нас вдоль Можайского шоссе. С раннего утра на Москву полетели самолеты фашистов, а как рассвело, по шоссе двинулись танки. За ними – мотоциклисты… <…> Трудно нам было, но остановили немцев. Началась оборона. А потом и наступление» [11]. Запоминающимися для фронтовика стали ночи, проведенные в д. Бородино и на Бородинском поле, как он вспоминал потом, «все памятники русским воинам фашисты разрушили, а в музее устроили конюшню» [11]. Как сообщает наградной лист ордена Красной Звезды, П.Е. Цветков участвовал в боях под Москвой с 25 октября 1941 г. по 13 августа 1942 г. в составе 3-го гвардейского мотострелкового полка 5-й гвардейской стрелковой дивизии в должности наводчика крупнокалиберного пулемета, а затем и командира взвода. За свой подвиг он был награжден медалью «За оборону Москвы» [12]. После ожесточенных боев за столицу Петр Евстафьевич окончил краткосрочные курсы командиров, получив звание младшего лейтенанта, вернулся в свою часть и командовал взводом ПТР. В августе–сентябре 1942 г. дивизия принимала участие в Ржевско-Сычевской операции Западного фронта [1, с. 150–158], 13 августа 1942 г. у с. Карманово Смоленской области

П.Е. Цветков был тяжело ранен в шею, грудь и ногу и эвакуирован в эвакогоспиталь. После 11 месяцев госпиталей молодой лейтенант вернулся домой инвалидом 3-й группы («раздробление коленного сустава левой ноги и перерезан нерв» [12]) и устроился на работу в колхоз «Красный маяк».

Тамара Андреевна Цветкова родилась 15 мая 1926 г. в д. Ляпуново Городецкого района Нижегородской области в семье Андрея и Елизаветы Мартемьянычевых. Деревня, образованная еще в годы царствования Екатерины Великой, по местному преданию, графом Ляпуновым на полученные им от императрицы владениях [2], находится на высокой террасе над волжской поймой по левому берегу р. Волги. После окончания четвертого класса в возрасте 12 лет Тамара начала работать в молодежном звене на полях государственного сортоиспытательного участка, затем дояркой в колхозе «Красный маяк» вместе с матерью. История колхоза очень подробно описана в книгах А.И. Шубина [18] и А.И. Глумина [3], которые сообщают о том, как в 1929 г. жители д. Матренино начали совместно трудиться, а еще через год объединились с соседним колхозом «Рассвет». В центре д. Серково на просторной площади растут пять берез, посаженных в память об основании колхоза, рядом с ними на центральной площади памятник погибшим в Великой Отечественной войне.

В военные годы Тамара Андреевна вместе с другими работниками колхоза занималась заготовками леса зимой в страшные морозы и торфа для ГРЭС – летом, жили в засыпушных бараках в Балахне. Навсегда запомнила юная Тамара как в 1944 г. ее вместе с тремя девчонками отправили вместе со стадом коров в 150 голов со всего Городецкого района в Калининскую область (в настоящее время – Тверская область) в освобожденные от фашистов западные области. Непростым оказался и обратный путь, о котором она много рассказывала родным [7]. После окончания войны Тамару Андреевну отправили учиться в районную колхозную школу, которую она окончила, получив специальность полевода, затем работала в бригаде Н.Я. Колесова, в 1946 г. вышла замуж за вернувшегося с войны Петра Евстафьевича Цветкова. Самоотверженный труд Т.А. Цветковой в годы послевоенного восстановления страны хорошо известен за пределами ее малой Родины, ее биографию мы можем найти на пор-

тале Международного патриотического Интернет-проекта «Герои страны» [16], Нижегородской биографической энциклопедии [17], а также на страницах газеты «Городецкий вестник» [13].

В 1965 г. Тамара Андреевна возглавила бригаду, которой руководила до 1985 г., бригада была удостоена звания коллектива коммунистического труда. Первой ее наградой стала медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а 8 апреля 1971 г. ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» за успехи, достигнутые в развитии сельскохозяйственного производства и выполнение пятилетнего плана продажи государству продуктов земледелия и животноводства. Неоднократная участница Горьковской областной сельскохозяйственной выставки ВДНХ Тамара Андреевна Цветкова была награждена тремя серебряными (1957, 1970 и 1972) и одной золотой (1972) медалями. Как активный и имеющий в обществе авторитет гражданин, она избиралась депутатом Городецкого городского Совета 8-го созыва, дважды депутатом районного совета и четырежды депутатом сельского Совета народных депутатов.

С особой любовью в семье хранятся фотографии четы Цветковых – это уже упомянутое фото Петра Евстафьевича начала 1940-х гг. в гимнастерке, снимок Тамары Андреевны с полученными медалями, ее совместное фото с дочерью Раисой. Тихой радостью наполнен фотоснимок супругов с цветами, сделанный во время празднования 9 мая дома на фоне более ранних фотографий, которые занимают почетное место на стене. Фотография Т.А. Цветковой с наградами в 2017 г. также украшала стены городской администрации, а в музее колхоза «Красный маяк» в д. Серково Городецкого района и сегодня есть экспозиция, посвященная ей. Память об этих людях, своим самоотверженным трудом подарившим нашей стране светлое будущее, никогда не будет забыта. Особенно это важно для подрастающего поколения, историю своего рода должен знать каждый человек, ведь таким образом он смотрит на прошедшие события глазами своих родственников, испытывает гордость за свою страну и принадлежность к ее прошлому.

Источники и литература

1. *Авдюшина Д.* Гвардейцы в боях за Родину // Бийский вестник. – 2005. – № 3. – С. 150–158.

2. *Валенко Н.* Только жила бы деревня моя // Городецкий вестник. – 2006. – 15 августа. – № 91-13699.

3. *Глумин А.И.* Мы из колхоза «Красный маяк». – Горький, 1978.

4. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. – М., 1969.

5. «Здравствуйте, дорогие мои...» (фронтовые письма 1941–1945 гг.): сб. док. / сост. Е.Э. Ешан, А.П. Пудалова. – Н. Новгород, 2015.

6. Интервью с С.Г. Порошковым 12.01.2024 г. // Архив автора.

7. Интервью с Р.П. Цветковой 12.01.2024 г. // Архив автора.

8. *Кирюхин Д.В., Кирюхина Е.М.* Повседневная жизнь советской семьи в объективе любительского фотоаппарата (по материалам семейного архива Кирюхиных) // История повседневности и образ жизни россиян в XIX–XXI вв.: материалы Всерос. очно-заочной науч.-практ. конф. с междунар. участием, 24 окт. 2019 г., посвящ. 80-летию Шадр. гос. пед. ун-та. – Шадринск, 2019. – С. 246–250.

9. *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). – Ростов н/Д, 2013.

10. *Кузьмина Д.А.* Освобождение Белоруссии в истории моей семьи: судьба А.Ф. Архипова // Военная история: люди, судьбы, свершения: Материалы X (XVI) Междунар. конф. – СПб., 2024. – С. 358–362.

11. *Морозов И.* Городчане в сражениях Великой Отечественной войны // Городецкий вестник. – 2019. – 6 дек. – № 93.

12. Наградной лист ордена Красной Звезды П.Е. Цветкова. 06.11.1947 г. // ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 33. Оп. 744808. Д. 565, 55.

13. *Павловская Н.* Человек – легенда // Городецкий вестник. – 2011. – 24 мая // URL: https://gorodets.ucoz.ru/news/chelovek_legenda/2011-05-24-879 (дата обращения: 30.08.2025).

14. *Смирницкий А.Е.* Советские военизированные формирования в годы Великой Отечественной войны. – Н. Новгород, 2020.

15. Фронтовые записки сержанта Гражданинова Р.С.: рукописи, фронтовые письма, материалы периодической печати / сост. Кирюхин Д.В. – Н. Новгород, 2017.

16. Цветкова Т.А. // Международный патриотический Интернет-проект «Герои страны» // URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=14041 (дата обращения: 30.08.2025).

17. Цветкова Т.А. // Нижегородская биографическая энциклопедия // URL: https://www.names52.ru/c/tpost/i61n9ram71-tsvetkova-tamara-andreevna (дата обращения 30.08.2025).

18. *Шубин А.И.* Свет «Красного маяка». – Н. Новгород, 1999.

19. *Юдин К.А.* Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг.: идейно-институциональный облик. – Иваново, 2015.

E.M. Kiryukhina,
A.S. Bukharin

"FROM THE SAME METAL, A MEDAL FOR BATTLE, A MEDAL FOR LABOR": THE LIFE PATH OF PYOTR EVSTAFIEVICH AND TAMARA ANDREEVNA TSVETKOVA

Annotation. The article is dedicated to the military feat of the participant in the defense of Moscow P.E. Tsvetkov (1920–2008) and the selfless work during the war and post-war period to restore the national economy of his wife T.A. Tsvetkova (1926–2013), Hero of Socialist Labor (1971), natives of the villages of Serkovo and Lyapunovo of Gorodetsky District of Nizhny Novgorod Region. Archival documents, materials from the periodical press, interviews with relatives and photographs preserved in the family archive help to supplement information about the personalities of the heroes.

Keywords: Great Patriotic War, Gorodetsky District, Battle of Moscow, family archive

УДК 94(470.343)«1941/1945»

О.А. Кошкина

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ МАРИЙСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. В статье рассматривается развитие здравоохранения и медицинского обслуживания населения в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны. Затронуты вопросы сокращения медучреждений, нехватки квалифицированного персонала, бытовых проблем. Уделено внимание санитарно-эпидемиологической обстановке в республике. Отмечен вклад работников системы здравоохранения Марийской АССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Марийская АССР, система здравоохранения, санитарная обстановка, медучреждения, врачебные кадры.

17. Цветкова Т.А. // Нижегородская биографическая энциклопедия // URL: https://www.names52.ru/c/tpost/i61n9ram71-tsvetkova-tamara-andreevna (дата обращения 30.08.2025).

18. *Шубин А.И.* Свет «Красного маяка». – Н. Новгород, 1999.

19. *Юдин К.А.* Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг.: идейно-институциональный облик. – Иваново, 2015.

E.M. Kiryukhina,
A.S. Bukharin

"FROM THE SAME METAL, A MEDAL FOR BATTLE, A MEDAL FOR LABOR": THE LIFE PATH OF PYOTR EVSTAFIEVICH AND TAMARA ANDREEVNA TSVETKOVA

Annotation. The article is dedicated to the military feat of the participant in the defense of Moscow P.E. Tsvetkov (1920–2008) and the selfless work during the war and post-war period to restore the national economy of his wife T.A. Tsvetkova (1926–2013), Hero of Socialist Labor (1971), natives of the villages of Serkovo and Lyapunovo of Gorodetsky District of Nizhny Novgorod Region. Archival documents, materials from the periodical press, interviews with relatives and photographs preserved in the family archive help to supplement information about the personalities of the heroes.

Keywords: Great Patriotic War, Gorodetsky District, Battle of Moscow, family archive

УДК 94(470.343)«1941/1945»

О.А. Кошкина

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ МАРИЙСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. В статье рассматривается развитие здравоохранения и медицинского обслуживания населения в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны. Затронуты вопросы сокращения медучреждений, нехватки квалифицированного персонала, бытовых проблем. Уделено внимание санитарно-эпидемиологической обстановке в республике. Отмечен вклад работников системы здравоохранения Марийской АССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Марийская АССР, система здравоохранения, санитарная обстановка, медучреждения, врачебные кадры.

В условиях Великой Отечественной войны перед медицинскими учреждениями и медработниками встали сложные задачи – организация лечения раненых и больных воинов Красной армии, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия на фронтах и в тылу, усиление охраны здоровья гражданского населения.

Работа здравоохранения в Марийской АССР, как и в других регионах, осложнилась нехваткой кадров. Значительная часть врачей и медперсонала ушла на фронт. В 1941–1942 гг. сократилось количество сельских врачебных участков, были закрыты некоторые сельские медицинские пункты. Значительное количество участковых больниц и медицинских пунктов осталось без врачей и фельдшеров. Сокращению подверглись зобные, трахоматозные пункты и пункты переливания крови. Кроме того, на деятельности медицинских, лечебно-профилактических и аптечных учреждений сказывались недостаток топлива, электроэнергии, медикаментов и т.д. [2, с. 104].

С началом войны в связи с прибытием большого количества эвакуированного населения, промышленных предприятий и учреждений значительно осложнилась санитарно-бытовая обстановка. Нужно было перестраивать и медицинское обслуживание населения, и противоэпидемиологическую работу.

27 сентября 1941 г. на заседании Президиума Верховного Совета Марийской АССР были рассмотрены и вопросы, связанные со здравоохранением. Было решено установить строгий контроль за работой районных отделов здравоохранения, медико-санитарных и детских учреждений; упорядочить работу врачей и среднего медицинского персонала; установить контроль за соблюдением финансово-бюджетной дисциплины в лечебных учреждениях; добиться улучшения работы по борьбе с эпидемическими и другими инфекционными заболеваниями, а также обратить внимание на санитарное состояние городов, сельских населенных пунктов, мест массового скопления людей, на работу бань, душевых и санпропускников и т.д. [8, л. 17].

В связи с прибытием в г. Йошкар-Олу эвакуированного населения и воинских частей городская больница не справлялась с обслуживанием стационарной помощью. По постановлению СНК Марийской АССР от 23 декабря 1941 г. было открыто дополнительное отделение при больнице на 150 коек. Финансирование отделения

производилось за счет средств временно закрытого Юринского детского санатория [8, л. 24].

Для обслуживания рабочих крупных промышленных предприятий в конце 1941 г. в Йошкар-Оле были открыты две медико-санитарные части (по четыре врача и семь средних медицинских работников в каждой). К 1945 г. количество врачей и медперсонала в них выросло до 20 чел. [2, с. 104]. Одной из основных задач стало лечение различных производственных травм. С 1943 г. городская поликлиника ввела специальное обслуживание инвалидов войны и внеочередное обслуживание рабочих оборонных заводов.

На 1941 г. работало семь пунктов переливания крови (Новоторъяльский, Сернурский, Моркинский, Звениговский, Горномарийский, Волжский, Йошкар-Олинский). К 1942 г. был открыт пункт в п. Юрино.

Еще одной проблемой стало снижение количества койко-дней. Это было связано с недостаточным обеспечением лечебных учреждений продуктами питания, а большинство больниц не имели своего подсобного хозяйства. Бюджет здравоохранения постоянно подвергался сокращению. В республике ощущался острый недостаток врачей, в некоторых районах отсутствовала специализированная медицинская помощь, не решены были и многие хозяйственные вопросы медучреждений – водоснабжение, отопление, канализация, обеспеченность питанием, транспортом, медикаментами, сотрудников – жильем.

Работники здравоохранения работали на подсобных хозяйствах лечебных учреждений, тем самым обеспечивая их продовольственной базой. В 1943 г. было засеяно зерновыми и овощными культурами 365 га. Силами работников лечебных учреждений заготавливались дрова [17].

В 1944 г. в документах СНК Марийской АССР отмечено снижение качества медицинской помощи населению: ухудшилась диагностическая работа, имеющаяся рентгеноаппаратура использовалась не с полной нагрузкой. Клинические лаборатории во многих районах не работали. Специализированная помощь населению была ограничена, так как на республику было всего один-два специалиста по оториноларингологии, невропатологии, офтальмологии и кожвенерологии. Стоматология в большинстве районов отсутствовала.

Грязеводолечение в республике не было организовано, несмотря на наличие лечебной грязи в Звениговском районе.

В поликлиниках, амбулаториях были очереди, вызовы врача на дом редко выполнялись даже на второй и третий день. В больницах ухудшилось питание больных, пищевые блоки и санитарные узлы не отвечали санитарно-гигиеническим требованиям. Скорая помощь в Йошкар-Оле, несмотря на наличие автомашин, не работала, а в гг. Волжске и Козьмодемьянске отсутствовал транспорт. Одной из проблем было отсутствие горючего: «…В ноябре месяце (1941 г. – *Авт.*) шесть дней не было совсем горючего, был случай, когда врач с санитаркой женщину с кровотечением на салазках доставили в отделение…» [15, л. 85]. Врачи на вызовы ходили чаще всего пешком.

Но, несмотря на все трудности, к 1945 г. в здравоохранении республики произошли некоторые улучшения. Все межрайонные больницы были укомплектованы врачами – хирургами, офтальмологами, венерологами, терапевтами, акушерами-гинекологами. Но в республике не было урологов, психиатров, онкологов, ортопедов, невропатологов и т.д. Не все сельские врачебные участки были укомплектованы врачами. Плохо обстояло дело с санитарными кадрами. Из 22 районных госсанинспекций врачей имели только семь, остальные были укомплектованы фельдшерами [14, л. 20, 25, 30].

Таким образом, основными проблемами к 1945 г. оставались общий недостаток врачебных кадров, в результате чего много врачебных должностей было занято фельдшерами; большая текучесть кадров; неразрешенность хозяйственных вопросов медучреждений и т.д.

Одной из главных задач системы здравоохранения в военный период стало предупреждение эпидемий инфекционных заболеваний. Городские и сельские медицинские учреждения усилили работу, связанную с выявлением инфекционных больных, санитарную обработку и наблюдения за очагами инфекций.

В сельской местности открывали медицинские пункты, обслуживаемые колхозными медицинскими сестрами, санитарными уполномоченными. Медицинские работники в пунктах скопления эвакуированного населения, общежитиях и банях организовали санитарные пропускники. Регулярно проводились подворные обходы

с целью выявления инфекционных больных и запущенных в санитарном отношении хозяйств. Всего в 1941 г. в республике насчитывалось 9 районных противоэпидемических станций, а в 1942 г. – 19 [12, л. 20]. Кроме того, работали 18 госсанинспекторов, по одному в каждом районе. Действовали постоянно три эпидотряда в Козьмодемьянске, Волжске и Йошкар-Оле [7, л. 18].

В Йошкар-Оле в 1942 г. выросла заболеваемость сыпным тифом. Одной из причин стало увеличение плотности населения. В борьбе с инфекцией проводили проверку общежитий, квартир. Все приезжающие и останавливающиеся в гостиницах подвергались санобработке. К работе привлекали и учащихся фельдшерско-акушерской школы. 13 февраля 1942 г. была создана городская чрезвычайная комиссия по борьбе с инфекционными заболеваниями [5, л. 85]. Причинами вспышек в 1942 г. было передвижение эвакуированных и военнослужащих.

В 1942 г. в Марийской АССР по сравнению с 1941 г. больных сыпным тифом было почти в пять раз больше: так, в 1941 г. – 436 чел., в 1942 г. – 2071 чел. Больше всего больных было в г. Волжске – 416 чел., и г. Йошкар-Оле – 344 чел. [7, л. 3]. Основными объектами поступления больных сыпным тифом в гг. Волжске и Йошкар-Оле прежде всего были железные дороги Казань – Йошкар-Ола и Казань – Волжск, по которым шло основное движение населения, а также причиной распространения была большая плотность населения в этих городах. По источникам заболевания: 244 случая среди военнослужащих, 498 завезенных, 350 через контакты с больными, 139 через контакты с приезжими, 28 случаев в школах и 28 среди медработников [7, л. 3].

В феврале 1942 г. в 31-й запасной стрелковой бригаде, находящейся на ст. Суслонгер, наблюдалась вспышка сыпного тифа. Из Татарской АССР прибыло 197 бойцов, больных сыпным тифом. Кроме того, еще 245 чел. были госпитализированы с повышенной температурой. Командование бригады наложило карантин на подразделения, где были выявлены случаи сыпного тифа. Для госпитализации была открыта инфекционная больница на ст. Суслонгер в школьном здании на 90 коек, было приспособлено также помещение лестранхоза на 50 коек, часть больных была госпитализирована в землянках [11, л. 9].

Большая работа была проведена весной 1942 г. Были обследованы 264 226 чел., из них выявлено 14 % завшивленных. Однако из намеченного строительства 300 дезкамер построено было только 63. Не были отремонтированы камеры при Новоторъяльской и Козьмодемьянской больницах, санпропускник в г. Йошкар-Оле. Отсутствовал транспорт для перевозки инфекционных больных в г. Йошкар-Оле [7, л. 4].

Количество случаев брюшного тифа в Марийской АССР уменьшилось: за первое полугодие 1941 г. – 54, за тот же период 1942 г. – 34. Как правило, это были разбросанные по территории единичные случаи [7, л. 4]. Однако повысилось количество случаев дизентерии. Наиболее пораженным местом был г. Йошкар-Ола – 44 % всей заболеваемости, как и в 1941 г. [7, л. 5].

Всего на 1 апреля 1942 г. по республике насчитывалось 560 коек инфекционных и 25 резервных [7, л. 58]. В летний период 1942 г. в целях полной ликвидации очагов сыпного тифа СНК Марийской АССР решил провести систематический подворный обход в селах, выявить и госпитализировать подозрительных по сыпному тифу больных, провести поголовный осмотр и санобработку завшивленных. В городах с той же целью проводили проверку общежитий, квартир. Если в 1940 г. работало 35 дезкамер с простейшими вошебойками, то к концу войны их количество увеличилось в пять раз: в 1944 г. – 133, в 1945 г. – 181 [13, л. 24].

Организовывалось медико-санитарное обслуживание на оборонных заводах. Была учреждена должность санитарно-промышленного врача для обслуживания больных на дому, в пределах территории жилгородка для рабочих, а также специальный участок для помощи взрослым и отдельно детям. Для оказания первой медпомощи создавались медпункты, обслуживаемые средним медицинским персоналом, и введено круглосуточное дежурство в цехах.

По приказу Наркомата здравоохранения РСФСР (осень 1941 г.) противоэпидемическую работу проводили и учащиеся средних медицинских школ в порядке лечебно-производственной практики, а также по линии общественной работы: организация санпостов, беседы санитарно-просветительского характера в общежитиях, домоуправлениях, детских учреждениях и т.д. [9, л. 5].

Учащиеся фельдшерско-акушерских и сестринских школ направлялись в поликлиники для работы в качестве патронажных сестер по паразитарным тифам (наблюдение за выявленными очагами, сигнализация случаев заболеваний, контроль за выполнением необходимых санитарно-гигиенических мероприятий). Также они прикреплялись к районным эпидемиологам или санитарным врачам санэпид- и дезстанций для участия в проведении эпидемиологических обследований, дезинфекционных мероприятий в школах, общежитиях, обработки очагов на дому, санпросветработы.

В 1943 г. наблюдается снижение инфекционных заболеваний. Если в феврале 1942 г. больных сыпным тифом насчитывалось 517 чел., то в феврале 1943 г. – 105 [7, л. 102]. Особое внимание было уделено санитарно-просветительской работе и санпропаганде. Дезотрядами по республике было осмотрено 106 578 чел., среди них выявлено завшивленных 11 871 чел., из них 1730 школьников [10, л. 47].

Таблица 1

Эпидемическая заболеваемость по Марийской АССР за 1940–1945 гг. [13, л. 5–6, 8]

Название заболеваний	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Сыпной тиф	378	490	2200	560	1784	941
Брюшной тиф	299	95	134	192	116	123
Паратиф	16	27	31	98	87	22
Дизентерия	336	978	829	444	113	91
Дифтерия	480	499	450	298	110	54
Скарлатина	577	479	164	209	207	699
Корь	3982	2535	1559	586	3844	2848
Трахома	Нет данных	38181	25738	24263	17265	11736

Немалую роль медицинские работники сыграли на строительстве оборонительного рубежа на Волге. Для медико-санитарного обслуживания рабочих, занятых на оборонительных сооружениях Оборонстроя НКО СССР по Марийской АССР, была организована медицинская сеть. Врачебные пункты были организованы, например, в с. Коротни, на ст. Дубовая, в д. Рутка, на пристани Орехов

Яр и др. Были организованы изоляторы в д. Рутка на 10 коек, на ст. Дубовая на 10 коек, на пристани Орехов Яр на 5 коек и др. При управлениях военно-полевых строительств был старший врач, который руководил всей лечебно-профилактической работой. На каждом строительном участке были организованы врачебные амбулатории. На прорабских участках работали медпункты, обслуживаемые средним медицинским персоналом. При каждом строительном участке существовали передвижные эпидотряды, состоящие из трех дезинфекторов, двух средних медработников и врача, которые осуществляли плановую санитарную обработку.

Основными заболеваниями на строительстве были грипп, чесотка и травмы. Под личную ответственность начальников участков категорически запрещалось отпускать рабочих со строительства, направленных в места постоянного жительства, без санитарной обработки [6, л. 124]. Районы расположения ВПС являлись неблагополучными в отношении сыпного тифа. Условия усугубляла и большая скученность рабочих. Начальники стройучастков совместно с врачами распределяли рабочих по имеющимся общественным поселковым и частным крестьянским баням и составляли графики санитарных дней. В санитарные дни – один раз в две недели – рабочие проходили баню, стрижку, прожарку одежды, бараки дезинфицировались [6, л. 126]. Несмотря на наличие двух случаев сыпного тифа на участке № 3 ВПС № 9 в ноябре 1941 г., значительной завшивленности рабочих, благодаря немедленной госпитализации больных и наложению карантина, тщательно проведенной повторной санитарной обработке эпидемия сыпного тифа на строительстве была предупреждена [6, л. 282]. На стройке не было вспышек эпидемий и ни одного случая смертности от заболеваний [4, л. 177 об.].

В годы войны среди работников здравоохранения Марийской АССР 72 % составляли женщины [16, с. 76]. Нехватка врачей и среднего медицинского персонала восполнялась работой по совместительству. Врачи занимались и подготовкой санитарных кадров для фронта: обучали девушек на краткосрочных курсах медсестер и сандружинниц, организованных при райцентрах и крупных населенных пунктах. Марийский областной комитет общества Красного Креста за годы войны подготовил для Красной армии и лечебных учреждений 552 медсестры и 1015 сандружиниц [18]. Фельдшер-

ско-акушерская школа в г. Йошкар-Оле и школа для подготовки медицинских сестер в п. Юрино за годы Великой Отечественной войны выпустили 985 чел. средних медицинских работников [1, л. 101]. В 1944 г. в Йошкар-Олу прибыла бригада Казанского государственного института усовершенствования врачей им. В.И. Ленина. Участники бригады читали лекции по заболеваниям глаз, лечению осложнений после ранения конечностей и т.д., проводили консультации для больных. В дальнейшем было еще несколько таких выездов [19].

На первом республиканском съезде медицинских работников в декабре 1944 г. было награждено около 100 чел., лучших работников здравоохранения. 38 из них получили значки отличников здравоохранения, среди них зав. Йошкар-Олинским райздравом Дульцева, зав. Сернурским райздравом А.Н. Богаткина, зав. Оршанским райздравом Шубрина, госсанинспектор Шуткина, главврач Йошкар-Олинской городской больницы О.П. Новикова, главврач Пектубаевской районной больницы Краснова и др. Врачи М.Ф. Крейцберг, Ремиз, Якобсон, Л.И. Костина были награждены почетными грамотами Наркомата здравоохранения СССР. 23 медработника получили благодарности Наркомата здравоохранения СССР. Звание «Заслуженный врач Марийской АССР» было присвоено М.М. Кунавиной, Г.Н. Смирнову, Т.Н. Николаевой, Ф.П. Павлову и др. 24 чел. были награждены почетными грамотами Президиума Верховного Совета Марийской АССР [20]. Орденом «Знак Почета» был награжден зав. отделом здравоохранения Звениговского исполкома райсовета М.А. Дьяконов, медалями «За трудовую доблесть» – зав. Козьмодемьянской больницей Г.Н. Смирнов, начальник 3-го отделения эвакогоспиталя Ф.П. Павлов, врач Новоторъяльской больницы Т.С. Панова [17]. В медицинских учреждениях г. Йошкар-Олы работали А.Г. Власова, П.Д. Краснова, Н.А. Колпикова, К.А. Федякова, А.П. Шумилова и др., удостоенные почетного звания «Заслуженный врач Марийской АССР». Врач городской больницы Е.Н. Хлопцева была отмечена медалью «За трудовое отличие» [3, с. 182].

В условиях войны медицинские работники направили свои усилия на организацию медицинского обслуживания рабочих и служащих промышленных предприятий, обеспечение помощи эвакуированному населению, детям, профилактику инфекционных заболеваний, лечение больных.

Источники и литература

1. 25 лет Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1946.
2. *Александров Н.А., Мочалов С.Г.* Развитие здравоохранения в Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1980.
3. *Васенин Д.В.* Йошкар-Ола в период Великой Отечественной войны // Навсегда у меня в сердце ты… 435 лет городу Йошкар-Оле. Сборник очерков о столице Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2020. – С. 173–191.
4. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. П-1. Оп. 5. Д. 35.
5. ГА РМЭ. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 355.
6. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 3. Д. 76.
7. ГА РМЭ. Ф. Р-642. Оп. 1. Д. 302.
8. ГА РМЭ. Ф. Р-642. Оп. 1. Д. 303.
9. ГА РМЭ. Ф. Р-642. Оп. 1. Д. 304.
10. ГА РМЭ. Ф. Р-642. Оп. 1. Д. 310.
11. ГА РМЭ. Ф. Р-642. Оп. 2. Д. 23.
12. ГА РМЭ. Ф. Р-642. Оп. 3. Д. 20.
13. ГА РМЭ. Ф. Р-642. Оп. 3. Д. 24.
14. ГА РМЭ. Ф. Р-642. Оп. 3. Д. 27.
15. ГА РМЭ. Ф. Р-642. Оп. 3. Д. 477.
16. Женщины Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1975.
17. Марийская правда. – 1943. – 20 окт.
18. Марийская правда. – 1944. – 13 февр.
19. Марийская правда. – 1944. – 13 марта.
20. Марийская правда. – 1944. – 12 дек.

O.A. Koshkina

HEALTHCARE OF THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Annotation. The article examines the development of healthcare and medical services for the population in the Mari ASSR during the Great Patriotic War. The issues of reduction of medical institutions, lack of qualified personnel, and everyday problems were touched upon. Attention is paid to the sanitary and epidemiological situation in the republic. The contribution of health care workers of the Mari ASSR was noted.

Keywords: The Great Patriotic War, Mari ASSR, healthcare system, sanitary conditions, medical institutions, medical personnel.

УДК 94(470.314)«1941/1945»:338.465.4

А.С. Ладина

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «МАРИЙСКАЯ ПРАВДА»)

Аннотация. Материально-бытовое обслуживание населения тыла играло важную роль в годы Великой Отечественной войны. Эта тема обсуждалась на государственном уровне и жестко контролировалась. Но проблемы все равно были и их оглашали на страницах периодической печати. В работе дан обзор статей газеты «Марийская правда» на темы материально-бытового обслуживания населения Марийской АССР.

Ключевые слова: повседневность, тыл, Марийская АССР, газета «Марийская правда», баня, столовая, товары широкого потребления.

Роль материально-бытового обеспечения населения тыла в годы Великой Отечественной войны была критически важной. В условиях мобилизационных усилий и кризисного фронтового положения тыл должен был надежно снабжать фронт и обеспечивать нормальные бытовые условия для жителей. Государство системно пыталось координировать такие вопросы, как распределение продовольствия и топлива, организация общественного питания, кустарного и промыслового производства, транспортное и жилищно-коммунальное обеспечение.

В историографии изучение темы о материально-бытовом обслуживании населения набирает обороты. Чаще всего эти исследования имеют краеведческий характер. В.Г. Айрапетов, С.П. Панфилов, А.В. Большаков дали характеристику материально-бытовому положению трудящихся Урала в годы Великой Отечественной войны [1; 2]. О бытовом обслуживании населения и продовольственной проблеме Владимирского края в годы Великой Отечественной войны писал И.С. Тряхов [30; 31]. В Республике Марий Эл не было специальных работ, однако некоторые исследователи затрагивали эту тему. В работах О.А. Кошкиной есть информация об условиях рабочих на строительстве Волжского оборонительного рубежа [6].

В статье О.А. Кошкиной и П.О. Леханова содержатся данные по социально-бытовому обеспечению эвакуированного в Марийскую АССР населения в годы войны [5]. Социально-бытовым условиям жизни женского населения Марийской АССР в 1941–1945 гг. посвящена глава в диссертации А.Б. Филоновой [32].

Периодическая печать освещала существовавшие проблемы: нехватку продуктов, дефицит товаров, перебои в снабжении, очереди на рынках и в гастрономах, ремонт и строительство жилья для эвакуированных, улучшение санитарно-гигиенических условий, водоснабжения и отопления, а также меры по мобилизации производственных мощностей и транспорта. Важно отметить, что это освещение имело двойственную функцию: во-первых, информировать общество о реальном положении дел и поднимать мобилизацию на решение проблем, во-вторых – служить инструментом контроля и подотчетности, чтобы государственные структуры могли оперативно перераспределять ресурсы, устанавливать приоритеты и координировать работу предприятий, коммунальных служб и транспортных организаций.

Цель данной статьи – изучение вопроса о материально-бытовом обслуживании населения Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны на основе публикаций в газете «Марийская правда».

«Бытовое обслуживание трудящихся во время войны является не роскошью, а неразрывной частью нашей борьбы за победу над врагом. Чуткость к населению – это чуткость к отцам, матерям, женам, детям, братьями, сестрам наших воинов. Забота о быте трудящихся это сейчас больше, чем когда-либо забота об увеличении выпуска оружия и боеприпасов. Столовая и трамвай, баня и общежитие, починочная мастерская и прачечная прямо участвуют в выпуске оружия, если они работают хорошо» [14].

Работа тыла в годы войны была важной частью общей победы над врагом. А потому к его работникам было повышенное внимание. Необходимо было, чтобы работникам тыла были созданы все условия для еще более производительной и плодотворной работы. В первую очередь это касалось работников местной промышленности и промкооперации, которые направили все свои силы на производство продукции, отправляемой на фронт, а товары широкого потребления производили в минимальном количестве или не про-

изводили вовсе. Так, коллектив артели «Труженица», выполнивший общий план 1941 г. по выпуску продукции широкого потребления на 115,5 %, мало что сделал по пошиву детской одежды. Из запланированных 1500 шт. детских пальто сшито лишь 152, вместо 1250 детских костюмов – 30, такое же положение с детскими чулками и бельем для новорожденных [7]. Йошкар-Олинская артель «Прогресс» до войны изготавливала предметы широкого потребления разнообразного ассортимента: мягкую и твердую мебель, кухонную утварь – ложки, толкушки, пеналы, линейки, шахматы, шашки и т.д. Затем весь ассортимент свелся к выпуску ложек и половников [11].

После XII Пленума горкома ВКП(б) артель получила новый план выработки предметов ширпотреба. В феврале необходимо было дать 50 тыс. ложек, 2000 половников, 100 табуреток, 500 солонок, 20 столов, 200 стульев, а также детские игрушки, этажерки, матрацы и т.п. Выработано в счет этого в феврале 1942 г. лишь 15 тыс. ложек, 1100 половников и 30 табуреток.

Марпотребсоюз является ведущей организацией по производству товаров широкого потребления. 42 промысловых артели этого союза размещены почти во всех районах республики. Но в 1943 г. потребители не получили и половины тех предметов первой необходимости, которые они должны были получить. А это мыло хозяйственное, гончарная посуда, колесная мазь, крем сапожный, обувь, валенки, чулки, носки, патока, кондитерские изделия. В номенклатуру изделий Марпотребсоюза входит около 200 наименований. План перевыполнен лишь по переработке овчин, ремонту и реставрации одежды, производству малярных кистей и мездровому клею. Руководитель союза объясняет это нехваткой мастеров и материалов [16].

В первом квартале 1943 г. местная промышленность перевыполнила план выработки товаров ширпотреба [20]. Но, к сожалению, выпущенная продукция была плохого качества. Обувь, вырабатываемая артелью «15 лет МАО», а также обувь и трикотаж Оршанского райпромкомбинаты сплошной брак [19]. 26 января 1943 г. XIV Пленум Марийского обкома ВКП(б) подвел итоги материально-бытового обслуживания населения. За 1942 г. товаров широкого потребления из местного сырья продано на 12 млн 600 тыс. руб. меньше, чем в 1941 г. [18].

В 1944 г. Оршанский и Ново-Торъяльский райпромкомбинаты завершили план 8 месяцев на 109,2 % и оказывали помощь колхозам в ремонте сельскохозяйственного инвентаря и обозных изделий [27]. Но ряд предприятий в третьем квартале 1944 г. не справились с установленными заданиями в ассортиментном разрезе по изделиям ширпотреба, в котором нуждается население республики (мыло, спички, мебель, бочкотара, телеги). «Особенно неудовлетворительно работает Горно-Марийский райпромкомбинат, Волжский райпромкомбинат, а также Йошкар-Олинский, Ронгинский, Куженерский, Моркинский» [27]. И качество выпускаемой продукции было низким.

Местная промышленность должна была уделять большое внимание удовлетворению бытовых нужд населения в плане восстановления и ремонта кожаной, валяной и резиновой обуви, ремонту и реставрации одежды, самоваров, часов, примусов, мебели, множества других предметов домашнего обихода. Все это входило в обязанность предприятий горпромкомбината, промысловой и инвалидной кооперации и вызывало необходимость дальнейшего расширения районной промышленности, организации новых ремонтно-бытовых мастерских.

В артели «Труженица» план индивидуального пошива на четвертый квартал 1941 г. был занижен и составлял только 5 % к общему плану артели. «Здесь не уделялось и не уделяется сейчас должного внимания вопросам ремонта и реставрации одежды… На весь город эта артель имеет только одну мастерскую по пошиву дамского платья. Все остальные мастерские отказываются брать эту работу. Плохо работает трикотажный цех. Он в городе не известен, у него нет даже вывески. Основными его заказчиками являются сами члены артели. Из 50 заказов, принятых в ноябре, 30 были от членов этой артели… В центральной мастерской артели «Труженица» правление на жалобы не реагирует» [8]. Мало внимания обслуживанию населения уделяло и правление артели «15 лет МАО». Артель «Промкооператор» закрыла в четвертом квартале 1941 г. ряд пунктов бытового обслуживания населения. В том числе по ремонту кухонной посуды, кастрюль, ведер, примусов. В августе 1941 г. промкомбинатом было выпущено предметов ширпотреба и обслужены базовые нужды населения на общую

сумму 52 200 руб., в сентябре, октябре, ноябре и декабре эта сумма уменьшалась, в январе была равна нулю [10].

К 1943 г. ситуация с ремонтными мастерскими значительно улучшилась. Районная промышленность выросла в два с половиной раза. За 1942 г. было вновь организовано 34 ремонтно-бытовых мастерских. Производственный план по валовой продукции выполнен на 103,3 %, по ремонтно-пошивочным работам – на 121 % [16].

Многие райпромкомбинаты организовали во второй половине 1942 г. ряд дополнительных производств. На Оршанском райпромкомбинате был построен и запущен кустарный кожевенный завод, организовано ткацкое производство, открыты две ремонтно-обувные и металлоремонтная мастерская. В Йошкар-Олинском городском комбинате организовано производство поперечных пил, открыты мастерские индивидуального пошива и ремонтно-обувная, организовано ткацкое производство. В Новом Торъяле открыт цех по производству хозяйственной веревки, ремонтно-обувная и овчинно-шубная мастерские. В Горномарийском районе освоено производство деревянных ложек, в Волжском – лыж и саней.

Во втором полугодии 1942 г. на предприятиях районной промышленности выпущено 55 тыс. ученических ручек, свыше 4 тыс. поперечных пил, свыше 1500 пар варежек ручной вязки, 1150 головных платков и полотенец, около 3700 хозяйственной веревки, 21 тыс. деревянных ложек, 420 железных печей и ряд других изделий.

К 1943 г. только семь районов республики еще не имели своей промышленности.

В 1943 г. в Марийской республике было выпущено товаров широкого потребления на сумму 36,6 млн руб. или на 44,2 % больше, чем в 1942 г. Но без использования местных ресурсов, например, для производства обуви и валенок. Количество ремонтно-пошивочных мастерских увеличилось со 159 до 229, но план ремонта все равно не был выполнен. Заказы по реставрации одежды многими артелями выполнялись по 2–3 месяца вместо 15–20 дней [24].

В 1944 г. работала также Йошкар-Олинская учебно-производственная мастерская Марийского отделения общества глухонемых, которая ремонтировала кожаную и валяную обувь с материалами заказчика [23]. В «Марийской правде» часто поднимался вопрос о необходимости использования местного сырья, в том числе

и в пищевой промышленности.«Базой производства товаров массового спроса должно было служить полное использование местного сырья и широкое вовлечение в переработку отходов промышленности» [9], – говорилось в газете.

Предприятия и мастерские местной промышленности и промкооперации республики во второй половине 1941 г. и в январе 1942 г. не выполнили планов выпуска важнейших товаров широкого потребления из местного сырья, а некоторые из них свернули эту работу. Например, артель «Прогресс» не выпускает мебель [9].

Для достижения хороших показателей предлагалось пользоваться всеми имеющимися в регионе ресурсами и «резко улучшить работу местной пищевой промышленности и заготовительных организаций. Наша республика богата лесными массивами, водоемами. Заготовка дичи, сбор ягод и грибов и переработка их, ловля рыбы, освоение с этой целью новых водоемов – должны занять в текущем [1942] году большое место в деятельности работников пищевой промышленности, они обязаны не только выполнять, но и перевыполнять свои планы» [9].

К организациям пищевой промышленности относились в первую очередь столовые и кафе. И о них в газетах отзывались чаще всего не самым положительным образом. Так, в «Марийской правде» есть несколько заметок о столовой «Соцсоревнование», где питались рабочие всех артелей Маркоопинсоюза [13; 21]. В них говорится, что в столовой грязно, оконные рамы, несмотря на недавний ремонт, черные от копоти, на полу складируется гора немытой посуды, посетителям грубят. «Заведующий производством Будкин нередко является на работу в нетрезвом виде» [13].

Не лучше обстояли дела и в кафе № 2, где «халаты на обслуживающем персонале были столь неопределенного цвета, что только при богатом воображении можно было представить, что некогда они были белыми» [17]. В столовой Суслонгерского ОРСа в 1943 г. прямо по залу бродили куры [22]. Не было организовано дополнительного питания для стахановцев. В столовой № 10 в 1944 г. не было ложек, посетители ели руками, нормировка блюд не соблюдалась [25]. Лесорубы писали обращение в газету, что им привозят хлеб плохого качества и это никак не повышает производительности труда, а мешает работать [15].

Из постановления XIV Пленума Марийского обкома ВКП(б) от 26 января 1943 г.: «Торгующие организации и Наркомат пищевой промышленности плохо занимались выполнением планов детализированных заготовок сельхозпродуктов, ловлей рыбы, сбором дикорастущих ягод и грибов, свинооткормом и организацией подсобных хозяйств» [18] и тем самым не сделали ничего для получения дополнительных продуктов и улучшения общественного питания. Но были и учреждения общественного питания, где дела обстояли иначе. Например, в кафе-закусочной № 2, где и в кладовых, и на кухне, и в зале было чисто, продукты лежали под белыми марлевыми занавесками, и никаких жалоб не было.

Заметки о состоянии обслуживания трудового населения в местах общественного пользования публиковались от имени рейдовой бригады «Марийской правды», которая по этому случаю была создана. Участники этой бригады проверяли и бани. В годы войны в Йошкар-Оле существовало две бани – старая и новая. На страницах «Марийской правды» часто говорилось об их неудовлетворительной работе. Бывали частые простои из-за отсутствия дров или неполадок, которые наблюдались даже в новой бане, пущенной в эксплуатацию в 1941 г. [12] Жаловались на отсутствие надлежащей чистоты: лужи в раздевалке, грязь в уборных, на диванчиках у бельевых шкафов. В новой бане отсутствовала вентиляция, аптечка, кипяченая вода [12]. К январю 1943 г. ситуация с новой баней не улучшилась. Несмотря на то что она была построена удобно и даже комфортабельно, с высокими потолками, просторными помещениями раздевалок, хорошо оборудованными моечными отделениями, баня имела 65 крупных недоделок, внесенных в акт приемки. Вытяжной вентиляции так и не появилось, из-за чего новая баня рушилась [17]. В 1944 г. ситуация с банями не изменилась. В раздевалках на лавочках и в гардеробах было грязно. Обслуживающий персонал занимался взяточничеством – за 10 руб. любой клиент мог пройти черным ходом и спокойно помыться, тогда как другие вынуждены были подолгу простаивать в очередях. По-прежнему существовали систематические перебои, которые составляли не менее одной трети их рабочего времени. Причинами такого простоя являлся недостаточный технический надзор. В 1943 г. баня № 1 простояла на капитальном ремонте больше 2 месяцев. Вода в котле не нагрева-

лась, а пар не поднимался до нормы. Баня вышла из строя совсем. Созданная комиссия по выявлению причин неполадок выяснила, что котел не очищался три года. В результате чего там образовался толстый слой накипи. С 13 апреля 1944 г. на капитальный ремонт встала баня № 2 [26]. Одной из причин непостоянной работы как бань, так и столовых являлось отсутствие дров. Работники треста общественного питания, полагаясь на неограниченное снабжение дровами леспромхозом, развозили дрова по своим квартирам [28].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны материально-бытовое обслуживание населения играло важную роль в обеспечении победы над врагом. Оно включало работу в разных сферах: жилищно-коммунальном хозяйстве, торговле, сфере услуг и социальной сфере. Государство стремилось обеспечить бытовые условия граждан, но в условиях военного времени ресурсы были ограничены и система обслуживания имела особенности. Анализируя материалы газеты «Марийская правда», можно заметить, что в Марийской АССР эти сферы работали с большими перебоями ввиду отсутствия квалифицированных рабочих, материалов для отопления помещений и беспечности работников этих сфер. В то же время следует помнить, что в газетах публиковались в основном волнующие темы для привлечения внимания к ним. Так, к 1945 г. в «Марийской правде» публикаций о плохом обслуживании трудового населения практически не было.

Источники и литература

1. *Айрапетов В.Г., Панфилов С.П.* Материально-бытовое положение трудящихся черной металлургии Урала. Июнь 1941–1945 // Из истории социалистического строительства на Урале. – Свердловск, 1978. – С. 28–35.

2. *Большаков А.В.* Жилищно-бытовые условия рабочих и служащих в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1917–1975). – Свердловск, 1981. – С. 32–44.

3. *Григорьев А.Д.* Социальное положение и быт населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР): дис. … канд. ист. наук. – Чебоксары, 2004.

4. *Ильин А.Ю.* Городское хозяйство Тамбова в годы Великой Отечественной войны // Вестник ТГУ. 2013. № 12 (128) // URL: https://cyberleninka.

ru/article/n/gorodskoe-hozyaystvo-tambova-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 10.08.2025).

5. *Кошкина О.А., Леханов П.О.* Проблемы быта и социальной адаптации жителей Москвы и Московской области в условиях эвакуации в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2024. – № 3 (71) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-byta-i-sotsialnoy-adaptatsii-zhiteley-moskvy-i-moskovskoy-oblasti-v-usloviyah-evakuatsii-v-mariyskuyu-assr-v-gody-velikoy (дата обращения: 10.08.2025).

6. *Кошкина О.А.* Оборонительный рубеж на территории Марийской АССР в 1941 году. – Йошкар-Ола, 2013.

7. Марийская правда. – 1942. – 1 февр.

8. Марийская правда. – 1942. – 17 февр.

9. Марийская правда. – 1942. – 28 февр.

10. Марийская правда. – 1942. – 5 марта.

11. Марийская правда. – 1942. – 25 марта.

12. Марийская правда. – 1942. – 1 июля.

13. Марийская правда. – 1942. – 2 окт.

14. Марийская правда. – 1942. – 22 дек.

15. Марийская правда. – 1943. – 14 янв.

16. Марийская правда. – 1943. – 19 янв.

17. Марийская правда. – 1943. – 30 янв.

18. Марийская правда. – 1943. – 4 февр.

19. Марийская правда. – 1943. – 8 мая.

20. Марийская правда. – 1943. – 16 мая.

21. Марийская правда. – 1943. – 12 июня.

22. Марийская правда. – 1943. – 15 июня.

23. Марийская правда. – 1944. – 14 янв.

24. Марийская правда. – 1944. – 11 февр.

25. Марийская правда. – 1944. – 9 апр.

26. Марийская правда. – 1944. – 16 мая.

27. Марийская правда. – 1944. – 25 окт.

28. Марийская правда. – 1945. – 7 февр.

29. *Рапохин К.И.* Города Челябинской области в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 9 (224). История. Вып. 44.– С. 68–73.

30. *Тряхов И.С.* Бытовое обслуживание населения Владимирского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 2 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bytovoe-obsluzhivanie-naseleniya-vladimirskogo-kraya-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945 (дата обращения: 10.08.2025).

31. *Тряхов И.С.* Продовольственная проблема и стратегии ее решения во Владимирском крае в годы Великой Отечественной войны // Вестник РУДН. История России. – 2017. – № 3 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prodovolstvennaya-problema-i-strategii-ee-resheniya-vo-vladimirskom-krae-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 10.08.2025).

32. *Филонова А.Б.* Женщины Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. … канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2019.

A.S. Ladina

MATERIAL AND CIVIL SERVICE OF THE POPULATION OF THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE NEWSPAPER «MARIYSKAYA PRAVDA»)

Annotation. Material and civil service of the population of the rear played an important role during the Great Patriotic War. This topic was discussed at the state level and strictly controlled. However, there were still problems, and they were reported in the pages of periodicals. The article provides an overview of the articles published in the Mariyskaya Pravda newspaper on the topics of material and household services for the population of the Mari ASSR.

Keywords: everyday life, rear, Mari ASSR, «Mariyskaya Pravda» newspaper, bathhouse, canteen, consumer goods.

УДК 355.484

В.Н. Мамяченков

КОМАНДАРМ ЕРШАКОВ Ф.А. – ГЕНЕРАЛ С ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБОЙ

Аннотация. Статья посвящена трагической судьбе одного из советских генералов, попавших в плен в ходе Великой Отечественной войны – командующего одной из советских армий генерал-лейтенанта Филиппа Афанасьевича Ершакова. Подробно анализируется биография исследуемой личности и боевой путь командарма. Подчеркивается, что Ф.А. Ершаков, как и абсолютное большинство плененных советских генералов, не пошел на сотрудничество с гитлеровцами, предпочтя позорной сделке гибель в лагере для военнопленных.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1941 год, генерал-лейтенант Ершаков Ф.А., окружение, плен, гибель.

31. *Тряхов И.С.* Продовольственная проблема и стратегии ее решения во Владимирском крае в годы Великой Отечественной войны // Вестник РУДН. История России. – 2017. – № 3 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prodovolstvennaya-problema-i-strategii-ee-resheniya-vo-vladimirskom-krae-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 10.08.2025).

32. *Филонова А.Б.* Женщины Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. … канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2019.

A.S. Ladina

MATERIAL AND CIVIL SERVICE OF THE POPULATION OF THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE NEWSPAPER «MARIYSKAYA PRAVDA»)

Annotation. Material and civil service of the population of the rear played an important role during the Great Patriotic War. This topic was discussed at the state level and strictly controlled. However, there were still problems, and they were reported in the pages of periodicals. The article provides an overview of the articles published in the Mariyskaya Pravda newspaper on the topics of material and household services for the population of the Mari ASSR.

Keywords: everyday life, rear, Mari ASSR, «Mariyskaya Pravda» newspaper, bathhouse, canteen, consumer goods.

УДК 355.484

В.Н. Мамяченков

КОМАНДАРМ ЕРШАКОВ Ф.А. – ГЕНЕРАЛ С ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБОЙ

Аннотация. Статья посвящена трагической судьбе одного из советских генералов, попавших в плен в ходе Великой Отечественной войны – командующего одной из советских армий генерал-лейтенанта Филиппа Афанасьевича Ершакова. Подробно анализируется биография исследуемой личности и боевой путь командарма. Подчеркивается, что Ф.А. Ершаков, как и абсолютное большинство плененных советских генералов, не пошел на сотрудничество с гитлеровцами, предпочтя позорной сделке гибель в лагере для военнопленных.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1941 год, генерал-лейтенант Ершаков Ф.А., окружение, плен, гибель.

Личность генерала Ф.А. Ершакова до сих пор известна разве что историкам, специализирующимся на изучении Второй мировой войны. Между тем уже сама его должность (командующий армией), высокое генеральское звание и боевая деятельность в тяжелейших и драматических условиях отступления Красной армии летом и осенью 1941 г. представляются вполне достойными тщательного исследования. Кем же он был, Филипп Афанасьевич Ершаков?

Генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков. 1940 г.

Открытые и доступные нам источники [1, с. 46; 2, с. 72–73; 7, с. 31–32] сообщают, что наш герой родился 21 января 1893 г. в царской России, в простой крестьянской семье в д. Таганки Смоленской губернии[1]. О его детстве нам практически ничего не известно. Но, судя по всему, хорошего образования он не получил, так как в 1915 г. был призван в армию простым рядовым. В то же время молодой солдат сразу стал проявлять способности в воинском деле: окончив учебную команду Эриванского 13-го гренадерского полка в том же 1915 г. он принял участие в непосредственных боевых действиях.

Военная карьера Ершакова складывалась довольно удачно: он храбро воевал (при этом был ранен) и последовательно повышался в звании и должности. В ноябре 1916 г. он стал командиром отделения 525-го пехотного Кюрюк-Даринского полка 132-й пехотной дивизии, а в октябре 1917 г. – уже командиром роты. Первую мировую войну он закончил в звании подпрапорщика, то есть удостоился высшего звания сверхсрочных унтер-офицеров.

После известных российских событий осени 1917 г. Ершаков продолжил свою военную карьеру уже в Красной армии, чему,

[1] Бывшая деревня Угранского района Смоленской области. Располагалась на реке Неделька (ранее Неделена) недалеко от д. Руднево. В настоящее время не существует.

несомненно, способствовало его вступление в 1919 г. в ВКП(б). С октября 1918 г. он уже командир батальона 158-го стрелкового полка 2-й стрелковой дивизии, а с августа 1919 г. – командир батальона (впоследствии командир полка) 15-го стрелкового полка.

Участие Ершакова в Гражданской войне было самым активным. Сначала он воевал на Восточном фронте под руководством М.И. Фрунзе, где участвовал практически во всех крупных операциях в Поволжье и на Урале – Белебейской, Бугульминской, Бугурусланской, Уфимской. В 1919 г. сражался под Петроградом против войск генерала Н.Н. Юденича, а с апреля по июнь 1920 г. воевал на Латвийском фронте.

После окончания Гражданской войны Ершаков, оставшись в кадрах армии, планомерно продвигался по службе. При этом основными ступеньками его карьеры были должности командира батальона, помощника командира полка, командира полка, помощника командира дивизии. Командиром дивизии – 29-й стрелковой Белорусского военного округа – он стал в декабре 1934 г., совместив эту должность с должностью комиссара той же дивизии.

Вообще военная карьера Ершакова поражает своей неуклонной поступательностью и, если хотите, продуманностью, методичностью. Его судьба буквально «под копирку» повторяет судьбы многих видных советских генералов и маршалов, как и он вышедших из крестьянских семей. При этом, что характерно, наш герой в точности, как, например, тот же Г.К. Жуков, стремился избежать «комиссарско-замполитовской» службы, стремясь делать карьеру исключительно строевого командира.

Между тем партийное начальство, судя по всему, поначалу имело виды на Ершакова как на перспективного армейского политработника. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в 1924 г. он (естественно, по рекомендации партийных органов) окончил партийную школу при Высшей тактическо-стрелковой школе командного состава РККА им. Коминтерна «Выстрел» – те самые легендарные курсы, которым своей карьерой обязано опять же большинство прославленных советских военачальников. Но, надо отдать должное Ершакову, он не остановился на достигнутом: в 1930 г. окончил еще и курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии РККА им. Н.Г. Толмачева и, наконец, в 1934 г. (в возрасте

за 40 лет!) – Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе. Только после этого его назначили командиром дивизии.

Пик военной карьеры нашего героя наступил в печально известные годы массовых репрессий, коснувшихся всего советского общества и армии, в частности. По подсчетам известного советского историка-исследователя сталинских репрессий в армии, доктора исторических наук, полковника О.Ф. Сувенирова, из 201 комдива, числящегося в Красной армии на начало 1936 г., за 1936–1941 гг. было всего репрессировано 153 чел. (76 %), из которых было расстреляно 122 и умерло в ходе следствия – 9 [8, с. 315]. Остальным 22 удалось в конце концов выйти из тюрьмы, но об их судьбах О.Ф. Сувениров ничего не писал. Весьма вероятно, что кто-то из них был восстановлен в прежнем звании и принял участие в Великой Отечественной войне.

Но Ершакову повезло: он не попал в маховик репрессий и продолжил свою армейскую карьеру, которая, благодаря открывшимся вакансиям, развивалась все быстрее и быстрее. В ноябре 1937 г., прослужив менее трех лет в должности командира дивизии, он назначается командиром 5-го стрелкового корпуса все в том же Белорусском военном округе. А уже в январе 1938 г. (буквально через два месяца!) следует новое назначение – на должность зам. командующего Харьковским военным округом. Проходит еще полгода – и Ершаков уже командует громадным Уральским военным округом, а одновременно в октябре того же года он утвержден членом Военного совета при народном комиссаре обороны СССР. Что и говорить – головокружительная карьера! Такое обычно бывает только в условиях крупномасштабной войны при быстром обновлении кадров, в том числе – высшего командного состава.

Кстати, о масштабах репрессий в отношении командного состава того же Уральского военного округа говорит следующий факт: с мая 1935 по июль 1938 г. (то есть за три с небольшим года до назначения Ершакова) в округе сменилось четыре командующих. Ими были комкор И.И. Гарькавый (1888–1937), комкор Б.С. Горбачев (1892–1937), комкор Я.П. Гайлит (1894–1938) и комкор Г.П. Софронов (1893–1973). По приведенным нами датам жизни указанных военачальников видно, что трое из них погибли в ходе репрессий и только один дожил до Победы.

Нам трудно судить о том, каким командующим округом был генерал Ершаков (в 1940 г. он стал уже генерал-лейтенантом и кавалером двух орденов Красного Знамени), так как для этого мало материала. Но определенные выводы можно сделать, проанализировав его доклад на совещании высшего командного состава Красной армии в декабре 1940 г. [6, с. 102–103]. Из доклада следовало, что комиссии, оценивающие состояние дел в округе, по большинству направлений его боевой подготовки выставили оценку «посредственно». Поэтому генерал Ершаков завершил свой доклад оптимистичным заявлением, суть которого сводилась к тому, что: «<...> на 1941 учебный год имеются все предпосылки, чтобы выйти на оценку не ниже, чем “хорошо”». В целом же доклад командующего округом был посвящен повседневной жизни частей и соединений с подробным описанием ее многочисленных трудностей.

Наряду с этим, Ершаков счел возможным поделиться и собственным оригинальным опытом подготовки войск к боевым действиям в сложных зимних условиях. В частности, он заявил: «За осенний и летний периоды мы, не спеша, подготовили в лагерях расположения наших частей землянки. Эти землянки к концу октября были утеплены. Утеплены были конюшни и кухни. С 15 декабря одна третья часть округа вышла в лагеря. Таким образом, я ставлю своей задачей приблизить войска к действительно боевой обстановке, дать практику в условиях суровой зимы Урала. Таким образом, имеется в виду научить бойца питаться, отрываясь от основного лагеря, ночевать в лесу, проводя процентов 40–50 всего учебного времени ночью, в лесах» [6, с. 103].

По вышеприведенному отрывку нетрудно догадаться, что идея «адаптировать» войска к зимним холодам пришла в голову командующего округом под влиянием тяжелого опыта завершившейся почти за год до этого советско-финляндской войны. Идея, конечно, небесспорная, но в предвоенных условиях достаточно актуальная. Впрочем, времени на «адаптацию» уже не было – до Великой Отечественной войны оставалось менее полугода…

Как нам представляется, утверждения некоторых историков о том, что Советский Союз не готовился к грядущей войне, несостоятельны уже в силу одного непреложного факта: весной 1941 г. началось массовое перемещение войск в западные военные округа.

Так, в начале июня 1941 г. на базе Уральского военного округа была сформирована 22-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ершакова Ф.А.[2], а 13 июня части армии начали передислокацию в Западный особый военный округ (ЗапОВО). При этом такое перемещение проходило в условиях строжайшей секретности – даже командиры дивизий узнавали о его конечном пункте только после проезда через Москву.

Но к началу войны в ЗапОВО успели прибыть только три стрелковые дивизии: 98-я, 112-я и 186-я. 25 июня 1941 г. 22-я армия вошла в состав группы армий Резерва Главного Командования (второй стратегический эшелон РККА). Тем не менее боевая деятельность не заставила себя долго ждать: уже 26 июня армия (точнее – 112-я стрелковая дивизия) вступила в прямое соприкосновение с немецко-фашистскими войсками.

Мы не будем здесь подробно описывать все военные перипетии лета и осени 1941 г., во многом неудачные для Красной армии, так как этой проблеме посвящено уже множество исследований. Напомним только основную канву событий, касающихся непосредственно деятельности генерала Ершакова и вверенных ему армий.

В начале июля 1941 г. 22-й армии был передан рубеж обороны на правом (северном) фланге Западного фронта протяженностью, ни много ни мало, около 280 км, то есть на каждую стрелковую дивизию в среднем приходилось более 40 км полосы обороны. При этом армия сразу же вступила в одно из главных сражений начального периода войны – Смоленское, явившееся предвестником последующей битвы – грандиозной Московской оборонительной.

Здесь необходимо отметить, что к началу боевых действий армия так и не была укомплектована до штатной численности личным составом, вооружением, конной тягой, военной техникой. Что, впрочем, было неудивительно: ведь в приграничных сражениях Красная армия потеряла огромное количество техники и боепри-

[2] Армия была сформирована в составе управления армии и двух стрелковых корпусов – 51-го и 62-го, включавших, в свою очередь, корпусные управления и шесть стрелковых дивизий (51-й корпус – в составе 98-й, 112-й и 153-й, 62-й – в составе 170-й, 174-й и 186-й), а также частей армейского подчинения.

пасов. Так, по подсчетам одного из известнейших руководителей оборонной промышленности СССР в военные годы В.Н. Новикова, в первые месяцы войны только одних винтовок «было утрачено» около 10 млн единиц [5, с. 547]. Фактически армию пришлось вооружать заново. А, кроме того, войска ежедневно несли потери, которые почти не восполнялись, особенно, когда дело касалось танков и артиллерии. Так, на 6 июля 1941 г. во всей 22-й армии насчитывалось немногим более сотни танков (из них новых Т-34-76 – 15 единиц) и 698 орудий (в том числе 226 пушек калибра 45 мм) [4, с. 31].

Войска 22-й армии проявили в боях мужество и упорство, но силы были далеко не равными. И самое главное, на наш взгляд, нашим войскам явно еще не хватало бесценного боевого опыта, которым противник располагал в избытке. Не случайно Маршал Советского Союза Еременко А.И., бывший во время описываемых нами событий заместителем, а затем и командующим Западным фронтом, в своих послевоенных мемуарах неоднократно сетовал на «недостаточное взаимодействие» различных частей, отсутствие «необходимой четкости» в управлении ими, необученность их «сложному искусству активного и стойкого сопротивления», наконец, просто на их «несколоченность» и «необстрелянность».

Но, помня о тяжелых поражениях 1941 г., нельзя забывать и того мужества, которое проявили многие части и соединения Красной армии, сорвавшие планы врага на молниеносную войну. Одним из таких соединений была и 22-я армия. Как нам представляется, до сих пор еще не дано объективной оценки активным действиям этой армии и лично ее командующего Ершакова в боях за города Полоцк и Великие Луки. А чтобы понять, как непросто давались гитлеровским армиям успехи 1941 г., достаточно прочитать воспоминания известного германского военачальника Г. Гота, в которых немало места уделено сражениям за эти два города. При этом автор высоко оценил полководческий талант Ершакова, написав следующие строки: «Русские, видимо, не могут еще организовать твердое управление своими войсками. Лишь в Полоцке находится способный руководитель» [3, с. 108]. Думается, что такое признание врага дорогого стоит. Не просто так и зам. командующего Западным фронтом уже упомянутый нами генерал Еременко, весьма требовательный в отношениях с подчиненными, в своих воспоминаниях охарактеризо-

вал командарма-22 следующим образом: «<...> Ф.А. Ершаков – человек храбрый и добросовестный. В проведении принятых решений он был требователен и настойчив, характер имел спокойный, ровный» [4, с. 31]. Да, 22-я армия отступала, но отступала с боями, постоянно контратакуя и нанося врагу тяжелые потери, с каждым днем уменьшая его шансы на благополучный «блицкриг». Так, оборона Полоцка (фактически явившаяся часть Смоленского сражения) длилась с 2 по 16 июля 1941 г. И чтобы его захватить, гитлеровцам пришлось создать троекратное превосходство в силах: против шести дивизий 22-й армии они бросили целых 18 (!).

Еще упорнее проходила борьба за Великие Луки. Здесь произошло знаменательное событие: впервые в истории Великой Отечественной войны советские войска освободили сравнительно крупный город, до этого оккупированный немецко-фашистскими войсками. Произошло это в ночь с 20 на 21 июля 1941 г., когда части 22-й армии Западного фронта совместно с отрядами великолукских ополченцев стремительным ударом выбили немцев из только что захваченного ими города. (Правда, тот же Г. Гот утверждает, что немцы сами, добровольно, покинули город, но пусть эти слова останутся на его совести). Последующая оборона Великих Лук продолжалась с 21 июля по 24 августа 1941 г., то есть 35 дней, и для повторного захвата города немцы вынуждены были бросить без малого 10 дивизий. Для сравнения: под Могилевом немцы были остановлены на 23 дня, а под Смоленском – на 27.

…Последние два летних и первые два осенних месяца 1941 г. стали для Ершакова тяжелейшим испытанием всей его жизни. За это время он смог дважды вывести, хотя и не полностью, войска вверенной ему армии из окружения, пока последняя, израсходовав свои основные силы, фактически перестала существовать…

После этого в сентябре 1941 г. он был снова назначен командующим уже другой армией – на этот раз 20-й. И снова были тяжелейшие неравные бои, потери и отступления… В октябре 1941 г. в ходе операции «Тайфун» немецкие войска прорвали оборону советских войск и замкнули кольцо в районе Вязьмы. В окружении оказались четыре советских армии (19-я, 20-я, 24-я и 32-я) в составе 37 стрелковых дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийского полка Резерва Главного Командования (РГК). Численность плененных

Генерал Ершаков в плену

советских солдат и офицеров составила почти невероятную цифру – более 600 тыс. чел.

Пять дивизий 20-й армии под командованием Ершакова мужественно сражались в окружении, но выйти из него удалось далеко не всем… 2 ноября 1941 г. в районе г. Сухиничи командарм Ершаков попал в немецкий плен, разделив тем самым судьбу примерно 80 других советских генералов в той войне. При этом он оказался одним из шести плененных генерал-лейтенантов.

О дальнейшей судьбе командарма Ершакова сведений не так много. Достоверно известно, что он содержался в концлагере Хаммельбург близ одноименного городка на юге Германии, в Баварии. Здесь он и погиб (умер) 9 июня 1942 г. Ставшие в наши дни доступными протоколы допросов Ершакова (сведения из них легко найти в Интернете) говорят о том, что генерал отвечал на задаваемые ему вопросы вежливо и осторожно, а предложение о сотрудничестве отклонил. Тем не менее долгие десятилетия имя генерала Ершакова фактически было под запретом, как, впрочем, и имена других советских генералов, попавших в плен, но не изменивших Родине.

Причина такого замалчивания, на наш взгляд, состояла в том, что нашему обществу долгие годы внушалась мысль о принципиальной недопустимости плена для советского военнослужащего. Поэтому фактически (пусть и не всегда явно) с целью недопущения пленения военным рекомендовалось самоубийство или жертвенная гибель. Хотя любому непредвзятому человеку понятно, что, во-первых, сохранение своей жизни с целью продолжения борьбы с врагом является приоритетной задачей любого комбатанта. А, во-вторых, далеко не у всех из них бывает «возможность» погибнуть

мученической и героической смертью, как это случилось, например, с легендарным генерал-лейтенантом Карбышевым Д.М.

Поэтому, как нам представляется, имя генерал-лейтенанта Ершакова Филиппа Афанасьевича должно занять достойное место в числе героев самого трудного, начального периода войны. Героев тяжкого, горького и памятного 1941 года...

Источники и литература

1. *Беляев И.Н.* Память огненных лет: Опыт энциклопед. путеводителя по воен. истории Смоленщины. – Смоленск, 2000.

2. Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь / под общей ред. М.Г. Вожакина. – М.; Жуковский, 2005.

3. *Гот Г.* Танковые операции. – М., 1961.

4. *Еременко А.* На западном направлении. – М., 1959.

5. *Новиков В.Н.* Накануне и в дни испытаний. – М., 1988.

6. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1–2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. – М., 1993.

7. *Соловьев Д.Ю.* Все генералы Сталина. – М., 2019.

8. *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. – М., 1998.

V.N. Mamyachenkov

COMMANDER ERSHAKOV F.A. – A GENERAL WITH A TRAGIC FATE

Annotation. The article is dedicated to the tragic fate of one of the Soviet generals captured during the Great Patriotic War – the commander of one of the Soviet armies, Lieutenant General Filipp Afanasyevich Ershakov. The biography of the individual under study and the combat path of the army commander are analyzed in detail. It is emphasized that F.A. Ershakov, like the vast majority of captured Soviet generals, did not cooperate with the Nazis, preferring death in a prisoner of war camp to a shameful deal.

Keywords: Great Patriotic War, 1941, Lieutenant General Ershakov F.A., encirclement, captivity, death.

УДК 94(470.316)«1941/1945»

Я.В. Пуневский

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье изучены основные аспекты жизни городов и сел Ярославской области в период военного времени 1941–1945 гг. Значительное внимание уделено развитию промышленности и связанным с этим проблемам. Кроме того, автор рассмотрел состояние сельского хозяйства и те изменения, которые произошли в этой сфере в период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется состоянию колхозной торговли, ситуации на городских рынках, состоянию подсобных хозяйств рабочих и колхозников. Кроме того, в статье рассматривается повседневная жизнь населения Ярославского края в культурной сфере, сфере городского благоустройства, а также городских праздников и торжеств.

Ключевые слова: Ярославская область, Великая Отечественная война, сельское хозяйство, промышленность, культура, добровольчество, колхоз, рынок, благоустройство.

Весть о начале войны СССР с фашистской Германией всколыхнула Ярославль. На многочисленных собраниях и митингах принимались резолюции в поддержку Красной армии [21]. Призыв И.В. Сталина объединиться для борьбы с врагом, высказанный им в знаменитом выступлении по радио 3 июля 1941 г., в Ярославской области был воспринят с энтузиазмом. Электромеханик И. Смирнов, уходя на фронт, говорил: «Гнусной кучке фашистских идиотов не удастся повернуть вспять колесо истории. Советский народ непобедим!» [22].

Патриотический порыв выражался в добровольной записи в действующую армию. Только к 23 июня 1941 г. в Ярославской области было призвано 14 000 чел. В Ярославле уже через две недели после объявления мобилизации в народное ополчение записалось 45 тыс. чел., среди которых было свыше 18,7 тыс. женщин. Максимальной численности ополчение г. Ярославля достигло к 16 июля 1941 г. – 51 325 чел., из них 21 468 женщин [1, с. 242].

Патриотические настроения в эти дни наблюдались и в среде юных ярославцев. «В первые дни разговор шел только об одном:

как бы добраться до фронта и самим громить фашистов. Пришлось вмешаться воспитателям. Ребятам объяснили, что на фронте они не нужны», – сообщала газета «Северный рабочий» [24]. О большом энтузиазме населения говорят и вклады в фонд обороны. Всего за время войны ярославцами в фонд обороны было собрано 3,5 кг золотых вещей, 51 кг серебра и драгоценных камней на сумму 22 000 руб. Кроме того, в области регулярно проходил сбор теплых вещей для Красной армии [28]. В помощи обмундированию армии были задействованы и школы Ярославля. В школе № 3 открылась мастерская по изготовлению теплой военной обуви. Яркий след в общественной жизни военного Ярославля оставило движение доноров [36]. Во время войны продолжали трудиться стахановцы [6; 12; 16; 18; 19]. Мать четверых детей Ф. Богомазова писала в газету «Рыбинский рейд» о том, что за годы Великой Отечественной войны несколько раз получила материальную помощь деньгами, валенками, дровами, детскими костюмами [17]. В Рыбинске существовала практика «фронтовых месячников». Например, в феврале 1944 г. фронтовая молодежная бригада электромонтеров Щербаковой досрочно выполнила сверхплановое задание [20].

Несмотря на военное время, продолжались работы по рационализации производства в рыбинском порту, необходимые для того, чтобы удешевить себестоимость перевозок [9]. Большую роль в обороне Москвы и Ленинграда сыграли судоходные шлюзы станции. Через эти объекты прошли миллионы тонн военных и народнохозяйственных грузов. Только через Рыбинский шлюз с 1941 по 1945 г. прошло 29,9 тыс. судов и было перевезено 6430 тыс. т грузов [4, с. 102].

Секретарям первичных комсомольских организаций рекомендовалось усилить политико-воспитательную работу среди молодежи призывного возраста. Завлечь лучших из них в комсомол [7]. С 3 по 17 августа 1942 г. в Ярославле проводилось массовое профсоюзно-комсомольское соревнование по плаванию и водным переправам. Основной целью соревнований объявлялось вовлечение молодежи в военно-физкультурную подготовку [8]. Под руководством директора ярославской фабрики «Североход» П.П. Горбунова были созданы восемь фронтовых комсомольско-молодежных бригад, выполнявших производственные задания на 150−200 %; разработан

и освоен новый экономичный метод раскроя кож. За четыре военных года было выпущено 2716 тыс. пар обуви [4, с. 68].

Во всех школах Советского Союза вводилось всеобщее обучение. Важным его звеном была и военная подготовка школьников [13]. Хотя военное время, конечно, замедлило темпы реализации программы всеобщего обучения [14, с. 62]. С 1944 г. школьная сеть стала быстро восстанавливаться: было открыто 12 новых средних школ и одна неполная средняя школа; проводились спортивные соревнования, открывались кружки, увеличивалось количество оздоровительных лагерей и других детских учреждений [4, с. 158].

Колхозники колхоза «Красный остров», полностью рассчитавшись с государством по поставкам зерна, сверх плана передали в фонд Красной армии 60 пудов [46]. Коллектив артели «Зарница» в г. Тутаев годовой план выполнил еще 15 октября, а к новому 1944 г. они отправили на фронт сверхплановой продукции более чем на 161 000 руб. [49]. Молодые колхозники и колхозницы организовывали вывозку навоза вручную. Из колхоза «Красный перевал» ежедневно вывозили на санях по 50 возов навоза [10]. В массовом порядке школьники работали в колхозах [11].

В феврале 1944 г. колхозники артели им. Калинина Борисоглебского района Ярославской области выдвинули инициативу помощи семьям фронтовиков. Было выделено 40 000 руб. денег, 10 т картофеля, 400 кг мяса, 350 кг молока, 500 кг зерна. Наиболее нуждающиеся бескровные семьи фронтовиков были обеспечены скотом [50]. В колхозах Ярославской области практиковались массовые выходы на заготовку дров [51].

Огромную помощь фронту оказывали ярославские железнодорожники. Машинисты по 10–15 суток не сходили с паровозов, доставляя на фронт солдат и боеприпасы [5, с. 68].

В годы Великой Отечественной войны Ярославская область стала одним из центров приема сирот. По разным оценкам, за 1941–1945 гг. регион принял от 100 до 120 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе 90 тыс. детей блокадного Ленинграда [2, с. 37]. В 1942 г. с конца января до середины мая в область прибыло 5800 детей в составе детских учреждений и 14 991 с родителями и просто снятых с эшелонов. На 15 мая всего в области находились 35 087 детей [3, с. 63].

В Ярославской области в годы войны насчитывалось 419 промышленных предприятий. Основные трудности в ее работе были связаны с мобилизацией на фронт квалифицированных рабочих, перебоями в материально-техническом снабжении, нарушении сложившейся производственной кооперации [15, с. 244–245]. Промышленные предприятия области должны были перейти на военные рельсы. Этот процесс потребовал концентрации усилий руководящего звена заводов и работников. «Каждое предприятие, каждый дом – крепость обороны!», – провозглашали корреспонденты «Северного рабочего» [21]. В связи с тем, что большинство мужчин призывного возраста ушли на фронт, приходилось привлекать к труду на заводах женщин и детей. Промышленность Ярославской области в целом поставляла на фронт более чем 760 видов военной продукции. Предприятиям приходилось работать на износ, что отражалось на положении рабочих. Несмотря на все трудности, массовый производственный героизм проявляли как рабочие, так и колхозники [34]. «Поможем Красной армии стахановским трудом», – заявляли рабочие Ярославского электромашиностроительного завода [23].

Сельское хозяйство области в годы войны также было поставлено в тяжелые условия. В несколько раз увеличился обязательный минимум трудодней в колхозах, из-за недостатка техники и лошадей приходилось подключать к работе в поле крупный рогатый скот. Большое значение теперь приобрела помощь колхозам в уборке урожая со стороны школьников и студентов. Несмотря на тяжелое положение, колхозники довольно успешно справлялись с государственными поставками, регулярно подписывались на государственные займы, использовали средства рационализации труда. Уже в 1941 г. в «Северном рабочем» сообщалось, что в Петровском районе среди колхозников применяется ручное скирдование, для ускорения молотьбы используются риги и овины. В колхозе «Октябрь» Гусарниковского сельсовета Петровского района конные молотилки приводятся в движение от водяной мельницы [33].

Колхозная торговля в области была чрезвычайно затруднена и плохо организована. Усугубляла ситуацию с колхозной торговлей и обстановка на ярославских рынках. «Дирекция рынков аккуратно получает с колхозников деньги за предоставляемые услуги, а обслуживаются колхозники некультурно. Места для торговли не хватает,

торгуют с земли или просто с рук, лотки и весы выдаются грязные, нарукавники рваные. …на рынке нет даже бочки с кипяченой водой. Кроме Центрального, рынки не асфальтированы, весной и осенью там месиво грязи», – писали в местной печати [38]. Еще одним способом снабжения городов необходимыми продуктами питания было развитие подсобного огородничества в городах. Кроме того, у некоторых заводов были свои коллективные подсобные хозяйства. Например, подсобное хозяйство завода «Пролетарская слобода» насчитывало 150 голов скота [25]. Подсобное хозяйство было и у многих ярославских больниц [32].

Тумаков Д.В. обратил внимание на многочисленные случаи хищений и спекуляций в Ярославской области в период Великой Отечественной войны. Хищения охватывали отнюдь не только промышленность и торговлю, они в значительной степени касались также и сельского хозяйства. Как он установил, значительной была и коррупция в органах милиции, которая также мешала искоренению проблемы хищений и спекуляции [47, с. 13, 15]. В Даниловском районе на всем протяжении Великой Отечественной войны руководители партийных, советских и правоохранительных органов постоянно подчеркивали «загруженность» прокуратуры делами о хищении зерна. Неоднократно ставился вопрос о необходимости показательных судебных процессов [48, с. 71].

С 1943 г. в Ярославле благоустраивается Которосльная набережная. Началось асфальтирование улиц Большой Московской и Демьяна Бедного. «Сила нашего народа в том, что он и во время войны не забывает о будущем, о культуре, о красоте своего города», – отмечал сотрудник «Северного рабочего» [44]. Благоустройство Ярославля не коснулось его окраин. Например, пос. Пятовское неблагоустроен и загрязнен, хотя в нем жило более 600 чел. Из девяти колодцев действовало только три, да и те требовали ремонта [45]. В 1944 г. развернулось строительство нового бульвара по Революционной улице Ярославля. Строительство велось силами заводских бригад и жителей города. 22 апреля состоялся массовый выход трудящихся Кировского района на строительство бульвара [31].

Несмотря на условия военного времени, ярославцы с размахом отмечали наиболее значимые праздники. Например, 31 декабря 1944 г. во Дворце пионеров состоялся новогодний костюмирован-

ный бал маскарад. Большая новогодняя елка устраивалась на Советской площади. Другая елка проходила на площади около театра им. Ф.Г. Волкова. Традиционно важным праздником был Первомай. В эти дни ярославские улицы красочно оформлялись. «Огромная карта у театра им. Ф.Г. Волкова покажет весь путь наступающей Красной армии. На одной из граней колонны на площади Волкова вывешен портрет товарища Сталина …. Бульвар оформляется на тему «благоустройство города», Советская площадь на тему «Дружба народов СССР», – писали в «Северном рабочем» [42].

Среди проблем в развитии городов Ярославской области в годы войны в печати чаще всего называли нерегулярную очистку улиц от снега, проблемы в общественном питании, антисанитарию в парикмахерских [30]. Кроме того, сотрудники газет отмечали порубку Соснового бора за Волгой, антисанитарию в пекарнях [31]. Удручающий вид, по мнению сотрудников газеты «Северный рабочий», имела станция «Всполье»: «Мусор, помойных ям и мусорных ящиков почти нигде нет. В помещении вокзала невообразимая грязь. Пол усеян окурками и сором. Кипяченой воды часто не бывает. С наступлением весны вся грязь, накопленная за зиму, будет источником заразы. А вот станция Ярославль, наоборот, поддерживается в чистоте» [41].

Спортивная жизнь области была довольно активной. Регулярно проходили соревнования по кроссу между Рыбинскими и Ярославскими комсомольцами. Работали лыжные секции спортивных обществ «Торпедо» и «Спартак» в Ярославле. Лыжные соревнования в Ярославле проводились регулярно. Начинался маршрут от Советской площади, через площадь Челюскинцев, далее по набережной и бульвару до Дома Красной армии и обратно. В ноябре 1944 г. в день 27-й годовщины Октябрьской революции в Ярославле была проведена большая спортивная эстафета [27].

Большую роль в культурной жизни области в годы войны стали играть также разнообразные коллективы художественной самодеятельности. В областном смотре самодеятельности в 1944 г. приняли участие 2789 коллективов. Проходил он в клубе «Гигант», а заключительный концерт состоялся в театре им. Ф.Г. Волкова [26]. В 1944 г. был открыт после ремонта кинотеатр «Арс». В нем начал работу читальный зал, в фойе развешаны картины [35].

В 1943 г. стали открываться вечерние школы рабочей молодежи. В 1941 г. открылся Ярославский дворец пионеров. Дом пионеров был реконструирован и в Рыбинске. В 1944 г. был открыт сельскохозяйственный институт в Ярославле. В Ростове открылся новый техникум рыбной промышленности. Большую роль в культурной жизни региона играл театр им. Ф.Г. Волкова. Ярославский театр дал более 40 спектаклей для воинских частей [43]. Часто артистам приходилось выступать на открытом воздухе при морозе 15–20 градусов. Активно работала в военный период и Ярославская филармония. В концертах участвовал симфонический оркестр Московской филармонии, знаменитый скрипач Леонид Коган, пианист Святослав Рихтер [37]. В 1944 г. при Ярославской филармонии был создан симфонический оркестр под руководством А.Е. Уманского [39]. На селе очагами культуры служили избы-читальни. Актив изб-читален составляла сельская интеллигенция, агрономы, учителя [29].

Таким образом, несмотря на обстоятельства военного времени, крайне тяжелые условия существования промышленности и сельского хозяйства, особенно в начале Великой Отечественной войны, в Ярославской области в 1941–1945 гг. продолжала развиваться торговля и промышленность, стахановцы и ударники работали на помощь фронту. Сельское хозяйство в целом успешно справилось с вызовами военного времени, о чем свидетельствует перевыполнение многими колхозами плановых показателей, ударничество, массовый трудовой героизм. В Ярославской области продолжалась культурная жизнь, города благоустраивались и облагораживались. Отмеченное выше не является отрицанием большого количества проблем, накопившихся в жизни Ярославской области в военное время. В качестве примера в статье была отмечена сложная ситуация с благоустройством колхозных рынков, высокий уровень коррупции и т.д.

Источники и литература

1. *Брыксин И.И.* Добровольческое движение в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ярославской области) // Научный диалог. – 2015. – № 12 (48). – С. 241–249.

2. *Вдовин В.В.* Организация социально-педагогической помощи детям-сиротам в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1. – Т. II. – С. 36–40.

3. *Волкова Е.Ю.* Положение ленинградских детей, эвакуированных из блокадного города, в Ярославской области (1941–1945 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25. – № 1. – С. 59–69.

4. *Кваша В.А., Бородкин А.В., Туманов Д.В., Трубникова А.А.* Помним и гордимся: Ярославская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Ярославль, 2021.

5. *Козлов П.И., Воскресенская О.Г., Белоусов Ю.А.* Ярославский край. – Ярославль, 1983.

6. Красный перекоп. – 1942. –13 июня.

7. Красный перекоп. – 1942. – 30 июня.

8. Красный перекоп. – 1942. – 9 авг.

9. Красный перекоп. – 1945. – 15 марта.

10. Ленинский путь. – 1943. – 11 марта.

11. Ленинский путь. – 1943. – 16 июля.

12. Ленинский путь. – 1943. – 20 нояб.

13. Ленинский путь. – 1943. – 17 дек.

14. *Малхасян Н.В.* Реализация программы всеобуча в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. – Т. I. – С. 60–63.

15. *Марасанова В.М.* Завод в условиях войны: ярославский «Красный маяк» // Россия в глобальном мире. – 2016. – № 8 (31). – С. 244–252.

16. Рыбинский рейд. – 1943. – 23 февр.

17. Рыбинский рейд. – 1943. – 8 марта.

18. Рыбинский рейд. – 1943. – 9 июля.

19. Рыбинский рейд. – 1944. – 10 авг.

20. Рыбинский рейд. – 1944. – 3 февр.

21. Северный рабочий. – 1941. – 12 марта.

22. Северный рабочий. – 1941. – 21 июня.

23. Северный рабочий. – 1941. – 29 июля.

24. Северный рабочий. – 1941. – 10 сент.

25. Северный рабочий. – 1942. – 6 февр.

26. Северный рабочий. – 1942. – 27 окт.

27. Северный рабочий. – 1942. – 15 дек.

28. Северный рабочий. – 1942. – 24 дек.

29. Северный рабочий. – 1943. – 22 янв.

30. Северный рабочий. – 1943. – 25 февр.

31. Северный рабочий. – 1943. – 10 марта.

32. Северный рабочий. – 1943. – 17 окт.

33. Северный рабочий. – 1943. – 22 окт.

34. Северный рабочий. – 1943. – 21 нояб.
35. Северный рабочий. – 1943. – 4 дек.
36. Северный рабочий. – 1944. – 1 февр.
37. Северный рабочий. – 1944. – 11 февр.
38. Северный рабочий. – 1944. – 21 марта.
39. Северный рабочий. – 1944. – 16 апр.
40. Северный рабочий. – 1944. – 30 апр.
41. Северный рабочий. – 1944. – 12 сент.
42. Северный рабочий. – 1944. – 22 нояб.
43. Северный рабочий. – 1944. – 24 дек.
44. Северный рабочий. – 1945. – 17 апр.
45. Северный рабочий. – 1945. – 25 апр.
46. Сталинский путь. – 1943. –13 янв.
47. *Тумаков Д.В.* Борьба с хищениями и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 4 (10). – С. 13–16.
48. *Тумаков Д.В.* Уголовная преступность и борьба с ней в годы Великой Отечественной войны на страницах ярославской прессы военного времени // Книжная культура Ярославского края – 2012. Сб. ст. и материалов / под ред. Н.В. Абросимовой. – Ярославль, 2013. – С. 69–80.
49. Тутаевский ударник. – 1944. – 7 янв.
50. Тутаевский ударник. – 1944. – 17 февр.
51. Тутаевский ударник. – 1944. – 3 авг.

Y.V. Punevsky

THE YAROSLAVL REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article examines the main aspects of life in the cities and villages of the Yaroslavl region during the wartime period of 1941-1945. It focuses on the development of industry and the challenges associated with it. Additionally, the author explores the state of agriculture and the changes that occurred during the Great Patriotic War. The article pays special attention to the state of collective farm trade, the situation in urban markets, and the livelihoods of workers and collective farmers. In addition, the article examines the state of everyday life in the Yaroslavl region in the cultural sphere, urban improvement, and city celebrations and festivities.

Keywords: Yaroslavl Region, the Great Patriotic War, agriculture, industry, culture, volunteering, collective farm, market, improvement.

УДК 929

А.В. Тайгильдин

НЕМЕЦКИЙ ПЛЕН В ВОСПОМИНАНИЯХ Л.А. ТАЙГИЛЬДИНА (ИЮЛЬ 1941 – ИЮНЬ 1942 г.)

Аннотация. В научный оборот вводится продолжение воспоминаний о немецком плене преподавателя Марийского музыкального училища им. И.С. Палантая Леонида Андреевича Тайгильдина (1921–1962). Воспоминания были написаны сразу же после освобождения из плена советскими войсками. В тексте описаны события, происходившие с автором в период с июля 1941 г. по июнь 1942 г. В дневнике содержится информация о положении военнопленных в лагерях Приэкуля, Тильзита, Погегена, а также описана их повседневная жизнь.

Ключевые слова: история XX века, воспоминания, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, плен.

Приведенный исторический источник является продолжением ранее опубликованной части воспоминаний Л.А. Тайгильдина, описывающей начало Великой Отечественной войны [4].

Леонид Андреевич Тайгильдин родился 15 февраля 1921 г. в д. Большая Сосновка Звениговского района Марийской автономной области. В 1936 г. он поступил в музыкальное училище г. Йошкар-Олы. Леонид Андреевич вел дневники с 1938 г. и не оставил эту привычку во время войны, которую он встретил под Ригой, проходя срочную службу в армии. 3 июля 1941 г. он попал в плен к немцам, и, к сожалению, условия плена не позволяли сохранить дневник в целости, оригинал был утрачен автором, поэтому Леонид Андреевич восстанавливал текст по памяти в г. Арис (ныне г. Ожиш в Польше), после того как его освободили.

Текст воспоминаний о начале войны и первом годе плена несколько отличается. Начало войны написано несколько сумбурно, и вполне возможно, некоторые детали были упущены автором, поскольку между этими событиями и временем написания воспоминаний прошло много лет. И напротив, информация о различных лагерях отображена довольно подробно: здесь даны внешнее описание лагерей, распорядок дня, отношения между пленными и охраной, описан быт и недолгие минуты отдыха.

Актуальность публикации подобных источников не вызывает сомнения. За последние годы в России и Марий Эл проводится объемная работа не только по поиску и сохранению информации об участниках Великой Отечественной войны и героях тыла, но и по ее научному осмыслению [1]. Уникальность данного исторического источника заключается в том, что он помогает взглянуть не только на историю подвига советского народа, но и на судьбу советских военнопленных, к некоторым из них было негативное отношение в СССР [2, с. 81].

Публикация подготовлена в соответствии с правилами издания исторических документов [3]. Текст публикуемых документов воспроизводится согласно современным правилам орфографии с максимальным сохранением стилистических особенностей. В квадратные скобки заключены расшифрованные сокращения и пропущенные, восстановленные по смыслу слова в документах. Географические названия и личные имена публикуются без изменений. Примечания по тексту составлены публикатором. В комментариях даны названия современных населенных пунктов.

Текст воспоминаний

Приэкуль[1]

К заходу солнца[2] нас довезли до города Приэкуль (латвийский город на литовской границе). Здесь на краю города сдали в сборный пункт для пленных, где было уже человек 20 красноармейцев и человек 10 гражданских, работавших при частях. Через час всех построили и повели через город. Конвоировали вооруженные латыши. Васька и Арам поддерживали меня. Когда проходили мимо городской больницы, мы с Васькой попросились на перевязку. Здесь за все время мне была сделана вторая перевязка.

Закончив с перевязкой, в сопровождении конвоира прошли с полкилометра и пришли к большому сараю, где уже находились ушедшие вперед нас люди.

Сарай раньше, по-видимому, был слесарной мастерской, но сейчас там ничего не было, и весь народ, заключенный здесь, располагался прямо на земле.

---

[1] г. Приекуле, Латвия.

[2] 3 июля 1941 г.

В сарае нас окликнул Арам, который уже занял на нас место, и мы расположились вместе. Ночь провели очень плохо, т.к. на земляном полу было холодно. Хорошо, что после перевязки рана не болела как прежде.

Утром[3] латыши стали брать людей на работу. При этом раздавали по кусочку хлеба с кипятком.

При дневном свете среди пленных увидел несколько знакомых солдат и командиров, но говорить ни о чем не хотелось.

В сарае вместе со здоровыми находились нуждающиеся в перевязках легкораненые. Таких днем для перевязки водили в санчасть для пленных. Вместе с ними с помощью Васьки пошел и я.

В санчасти лежало человек 80 тяжелораненых. В этот день мне перевязку не сделали, но оставили с так называемыми «ходячими» больными, а Ваську отправили обратно в сарай.

Так я с ним расстался совсем.

Кушать нам давали около ¼ литра супу в полдень, и 100–150 гр. хлеба с кипятком вечером.

На третьи сутки[4] мне удалось достать шинель, и уже по ночам не мерз как прежде.

Перевязка мне была сделана только на пятые сутки[5]. Рана к этому времени разболелась так сильно, что я совсем не ходил, а только лежал.

Тильзит[6]

8-го июля всех больных погрузили на поезд и повезли в Германию.

На границе Германии нас высадили на станции, где провели ночь, а утром[7] на другом поезде повезли дальше. Вечером приехали в Тильзит. На станции нас выгрузили, посадили на автомашины и повезли в лазарет для военнопленных. Под лазарет был отведен автогараж во дворе немецкого военного госпиталя. Были расставлены двухэтажные деревянные койки с соломенными матрацами.

---

[3] 4 июля.

[4] 5 июля.

[5] 7 июля.

[6] г. Советск, Калининградская обл., Россия.

[7] 9 июля.

Лазарет имел пять отделений и для особых больных изолятор. Перевязку делали раз в неделю. Раны гнили, в них заводились черви. Как только раненый начинал ходить, его выписывали в лагерь.

Кроме перевязки наши врачи делали также ампутацию рук или ног. Но надлежащего оборудования и инструментов для операции не было. Работа протекала в той же перевязочной на деревянном столе. Кругом – сотни мух. Да и сами «хирурги» – просто люди, желающие потренироваться. В результате всего перечисленного все операции кончались смертью оперируемого.

Наиболее тяжелораненых клали в изолятор и предоставляли мучительно умирать, не оказывая врачебной помощи. В изоляторе стоял постоянный смрад, особенно ночью, потому что все двери и окна закрывались.

Опять основной трудностью было питание. Норма была очень малая. Весь день проходил в разговорах о еде.

Газет не было, и новости не доходили. Стояли жаркие июльские дни. Днем перед гаражом можно было посидеть на солнце. На ночь гараж запирался на замок. Ежедневно утром и вечером производили подсчет больных.

В лазарете из знакомых мне людей был наш ротный писарь и замполит 9-й роты, который сообщил о том, что старшина музвзвода Осмоловский убит в бою, а капельмейстер в плену и находится в лагере в 7 км от Тильзита.

В конце июля поступило много раненых из лагеря. Там была попытка организовать забастовку, но дело закончилось десятками убитых и раненых.

В немецкий госпиталь ежедневно с фронта прибывали сотни раненых немецких солдат. Все этажи и подвалы были переполнены. Раненых помещали в общественных домах и частных квартирах города. Носить их брали людей из нашего лазарета. Накануне выписки в лагерь попал туда и я. Объяснить по-немецки, что сам раненый, я не мог, и пришлось с 8 вечера до 2-х часов ночи таскать раненых на 2-й и 3-й этажи.

В нашем лазарете находились также 4 пленные женщины: две медсестры, раненая жена нач[альни]ка артиллерии нашего полка и старая контуженная латышка. Помещались они в отдельной комнате.

Не меняя белья и без бани, люди стали обзаводиться вшами и в хорошую погоду то и дело били их на солнце.

9-го августа с очередной партией меня выписали в лагерь.

Погеген[8]

Приехали в лагерь в крытой машине. Целый день шел дождь. Сразу бросилась в глаза колючая проволока. Хотя и в Тильзите мы были отгорожены, но там как-то это в глаза слишком не бросалось, а было больше похоже на символ неволи, здесь же проволоки было столько, словно тебя самого опутали колючкой.

Сразу нас завели в лагерный лазарет, где и остались до очередной выписки.

Лазарет занимал участок гектара на два в редком сосновом бору, прилегающем к лагерю. Из семи больших брезентовых палаток в одной жили врачи, в другой была перевязочная, а в пяти других размещались больные. Инфекционное отделение от общего и хирургического отделений было изолировано колючей проволокой, а у проходов стояли сторожа.

Мы получили обед и заняли места в палатке выздоравливающих.

Люди в палатках лежали в четыре ряда: два – головами друг к другу посередине, два – головами к стене по бокам. Подстилки никакой, лежишь прямо на песке.

Из других палаток, где лежали тяжелобольные, выздоравливающих переводили в общую палатку, а из общей через каждые 2–3 дня «выздоровевших» уводили в лагерь.

Во время первого же такого отбора, несмотря на то что рана еще зажила не совсем, меня выписали в лагерь.

В 3-м блоке, куда нас привели, народ копошился как в муравейнике. Кругом был голый песок и ни одного дерева.

Люди группами и в одиночку понарыли себе норы, в которых проводили ночи и дождливые дни. Встретился с несколькими сослуживцами по роте.

Вечером в соседнем блоке увидел нашего майора – зам[естителя] ком[андира] полка по хоз[яйственной] части, который через проволоку сообщил, что наш капельмейстер был вместе с ним, но неделю тому назад его отсюда отправили.

[8] г. Пагегяй, Литва.

В следующие дни в соседнем блоке видел его сослуживцев. Они рассказали, что знакомый мне Сибулатов находится с ними. С Сибулатовым мы учились вместе в муз[ыкальном] уч[или]ще и расстались в 1939 году. Вскоре увидел его самого. Он находился в 6-м блоке.

Ночи проводили в ямах под открытым небом. Приделывать крышу не было материалу. В дождь оставались совершенно не защищенными. Рана у меня все еще не заживала, и я серьезно хромал. Однажды пошел в лазарет на перевязку и в свой блок не вернулся, а пошел в 6-й – к Сибулатову. Он с моими сослуживцами по роте жил в одном шалаше и, хотя было тесно, но в свою компанию приняли и меня.

В одно из посещений перевязочной в лазарете я встретил нашего ротного писаря, только что приехавшего из Тильзита, и купил у него матрац. Вернувшись в лагерь, с Сибулатовым выкопали себе отдельную яму, распороли матрац и сверху натянули. Получилось посредственное убежище от дождя.

Рано утром нас будили, подсчитывали и гнали за кипятком – это был у нас завтрак. На обед давали пол-литра жиденького картофельного супу, причем картошка никогда не чистилась и промывалась только едва. На ужин давали 200 г хлеба с кипятком.

Скоро пошли холода и частые дожди, и мы снова перебрались в шалаш. Но тут меня постигло несчастье: ночью, со спящего сорвали шинель, и я снова остался в одном летнем обмундировании. Дальше стало невыносимо. Нужно было найти из создавшегося положения какой-то выход. Решили с Сибулатовым перебраться в лазарет. Сибулатов представился больным, а мне нужно было на перевязку, вот пришли мы туда, а обратно не вернулись.

Сибулатов поместился в инфекционном отделении, а я в хирургическом. Теперь нужно было как-то оформиться, т.к. мы тут находились как бы нелегально и при первой выписке вновь могли очутиться в лагере.

В первую же ночь с 30 авг[уста] на 31 от сильного холода моя рана, почти зажившая к этому времени, снова открылась. Утром я это показал врачу, и тот определил меня в общую палатку. Свое место я подстелил стружками и хвоей, а на ночь стал пускать людей, не имеющих место, но с шинелями. Вшей развелось – [не] перебьешь за сутки. Основным занятием у всех больных была охота за ними.

Скоро Сибулатова выписали, а через некоторое время его со всеми людьми с их блока куда-то отправили.

В лагере и в лазарете от голода люди начали опухать. Систематический голод переживать так мучительно, что, пожалуй, другого мучения, равного продолжительному голоду, вообще нет.

Однажды в палатке один пленный как-то в разговоре упомянул имя музыкального теоретика Киселева[9], по учебнику которого я когда-то учился в муз[ыкальном] уч[или]ще. Он рассказал, что Киселев тоже в плену и находится здесь в санчасти. Вскоре я действительно его разыскал – он сидел сторожем между инфекционным и общим отделами.

Так 15-го сент[ября] 1941 г. я встретился и познакомился с Григорием Леонидовичем Киселевым. С этого дня я постоянно просиживал с ним, и мы подружились прочно. Теория и история музыки давали достаточно общих тем для наших бесед.

Рана, почти зажившая второй раз, по вине фельдшера – ранее ветеринара – открылась снова. Свежие рубцы он смазал йодом, и я опять захромал.

Просиживая с Григорием Леонидовичем, я не стал подвергаться опасности быть выписанным в лагерь.

Однажды при переноске одежды из склада в лазарет, мне удалось достать гражданский пиджак. Таким образом, теперь холоду подвергаться не стал. Спал я уже в другой палатке, где познакомился с одним хоровиком, окончившим Московскую консерваторию. В дальнейшем Киселев, Якимов и я были постоянными друзьями.

В октябре немецкий комендант лагеря вызвал к себе Григория Леонидовича и поручил при лагере создать хор русских песен. Людей в хор отобрали из офицерского блока, с кухни и несколько человек из лазарета. Занимались в складском бараке. Дирижерами были несколько пленных капельмейстеров. Я занимался собиранием и записью народных русских и украинских песен. В первых числах ноября хор дал первый и последний концерт в лазарете для больных. Исполняли русские и украинские песни. Многие слушатели плакали.

---

[9] Киселев Г.Л. (1901–1952) – музыковед, преподаватель, автор учебников по теории музыки.

Но дальнейшая работа хора прекратилась, с одной стороны, по причине возникших споров о дальнейшем репертуаре, с другой стороны, по причине общелагерного тифозного карантина.

К зиме в лазарете построили бараки. Учет больных стал строже – без разрешения врача в барак не попадешь. К этому времени я опять лишился прав пребывания в лазарете, поэтому, когда даже выпал снег, все еще оставался в палатке один. Только благодаря содействию Григория Леонидовича, который был к врачам ближе, удавалось на недолгое время устраиваться в общем бараке.

Якимов все еще нуждался в перевязке, поэтому жил в общем бараке законно. Григорий Леонидович, живший до этого в столярной мастерской, был переведен к врачам.

5 ноября при содействии Григория Леонидовича я поселился в бараке хирургических больных. Через несколько дней в лазарете были обнаружены факты заболевания сыпным тифом, и на лагерь был наложен карантин.

В эти дни у меня появилась мысль перебраться в лагерь, но Григор[ий] Леонидович рассоветовал, т.к. в лазарете было чище, кроме того, я все еще хромал.

Почти ежедневно во дворе встречались с Григорием Леонидовичем. Иногда я приходил к нему в барак. Находясь в полной изоляции от всего мира, совершенно не знали, что творится на свете. Дни проходили один другого мрачнее.

Массовое заболевание тифом началось в конце ноября и длилось весь декабрь и январь. Переболел весь медперсонал. Один врач умер. Заболели Павел Константинович и Николай Сергеевич Горчаков – московский артист – наш 4-й друг. Как в лагере, так и в лазарете смертность была ужасная.

22-го декабря заболел тифом и я. В этот день как раз выпал снег и наступила зима. Григорий Леонидович постарался поместить меня с больным медперсоналом, потому что там было чище и уход лучший.

До нового года пролежал в бессознании.

Все дни до самого выздоровления меня посещал Григорий Леонидович и приносил долю своего супа. Ему несколько раз запрещали ходить ко мне, но он продолжал свое.

Проболев м[еся]ц и десять дней, я выписался снова в хирургический барак.

Зима стояла холодная, морозы – давно небывалые в этих местах. Ежедневно в лагере умирало 60–70 человек. Пошли массовые обморожения. Пострадавшим не успевали делать операции. Эпидемия тифа постепенно стала затихать.

Наш барак всю зиму находился в лучших гигиенических условиях, поэтому у нас и вшей было мало. А в лагере их развелось столько, что поверх шинели ползали сотнями. Вести какую-либо борьбу с ними не было никакой возможности.

Как всегда, основной трудностью было питание. Пища, привезенная из кухни, медперсоналом наполовину расхищалась. Больные умирали от истощения. Только поддержка Григория Леонидовича сохранила мне жизнь в эту зиму.

Павел Константинович после тифа получил отеки и находился с отечными. Николай Сергеевич выписался здоровым и поселился в столярной, но потом как-то простудился и получил отеки. Его перевели в наш барак.

Находясь в хирургическом бараке, я фактически не был больным, и основной зацепкой служил уход за Николаем Сергеевичем, которому становилось все хуже и хуже. Кроме отека, у него начался понос. Пища же совершенно не соответствовала лечению. Приходилось за ним постоянно ухаживать: стирать, заправлять постель, подкладывать к ногам нагретые кирпичи, кипятить воду и помогать оправляться. Казалось, дело уже пошло на поправку, но ему вдруг стало плохо, и 17-го марта 1942 года он скончался.

Старший врач из русских пленных стал требовать, чтобы меня выписали в лагерь. Наконец однажды, после скандала с полицейским, по совету Григория Леонидовича и хирурга Поз, я присоединился к рабочей команде лазарета по чистке уборной, где в это время работали санитары и фельдшера. Проработав так около половины месяца, мне удалось перебраться на столярную работу. При лазарете была столярная мастерская, где для инвалидов делали костыли, скамейки, были заказы от немцев на чемоданы. В середине апреля по разрешению немецкого врача переселился в мастерскую жить. Впервые за все время пребывания в лазарете в квартирном вопросе стал чувствовать спокойнее.

В это самое время работа пленных стала оплачиваться специально выпущенными лагерными деньгами. В м[еся]ц платили

6 марок. Выдавали также в месяц одну пачку русской махорки, которую, как и весь заработок в виде табака, я выменивал на хлеб.

В марте месяце в лагере была открыта баня. Правда порядки в ней были не совсем человеческими, но люди постепенно от вшей начали освобождаться.

Весной, оставшихся в живых людей, стали отправлять на работы.

Стали ходить слухи об общей отправке из этого лагеря. Мы тоже стали собираться.

Наконец 28-го июня 1942 г. нас тоже со всеми людьми лазарета повезли на станцию и погрузили в вагоны. По дороге на станцию впервые за 11 м[ося]цев увидел живую природу и с жадностью глотал свежий воздух.

Источники и литература

1. *Кошкина О.А.* Отражение подвигов фронтовиков из Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны в региональной историографии // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: Сб. ст. II Междунар. науч. конф., Казань, 9–10 апр. 2025 г. – Казань, 2025. – С. 62–69.

2. *Кошкина О.А.* Украденная судьба. Инженер-майор А.В. Матвеев (1904–1950) // Марийский архивный ежегодник. – 2018. – С. 81–91.

3. Правила издания исторических документов в СССР. – М., 1990.

4. *Тайгильдин А.В.* Начало Великой Отечественной войны (1941–1945) в дневнике Л.А. Тайгильдина. 1941 г. // Регионы России в военной истории страны. Вып. VI. Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 13–14 нояб. 2024 г. – Йошкар-Ола, 2024. – С. 369–381.

A.V. Taigildin

GERMAN PRISONER OF WAR CAMPS IN THE MEMOIRS OF L.A. TAIGILDIN (JULY 1941 – JUNE 1942)

Annotation. There is the continuation of memories of the German captivity of Leonid Andreevich Taigildin (1921-1962) being introduced into scientific circulation. The memoirs were written immediately after the liberation from captivity by Soviet Army. The text describes the events that happened to the author in the period from July 1941 to June 1942. The diary contains information about the detention of prisoners of war in the camps of Priekule, Tilsit, Pogegen, as well as describes the dailylife of prisoners of war.

Keywords: The history of the XX century, memories, World War II, the Great Patriotic War, captivity.

УДК 316.334.5(470.23)«1941/1944»:396

А.В. Толмачева,
Я.С. Якунина

ЖЕНСКАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ В КОММУНАЛКАХ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА: СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА ПРОСТРАНСТВА И РЕСУРСОВ

Аннотация. Коммунальные квартиры блокадного Ленинграда стали не только местом проживания, но и центрами выживания, где особенно важной оказалась взаимопомощь. В данной статье исследуется, как женщины в коммуналках организовывали поддержку друг друга в условиях военного времени. Особое внимание уделено стратегиям выживания, разработанным женщинами для решения бытовых проблем, оказания психологической поддержки и преодоления тягот блокадной жизни. На основе воспоминаний женщин-блокадниц анализируется, как они справлялись с горем и утратами, находили слова утешения. Целью исследования является выявление специфики женской взаимопомощи и ее роли в обеспечении выживания в коммунальных квартирах блокадного Ленинграда.

Ключевые слова: блокадный Ленинград, женская взаимопомощь, женщина в блокадном городе, коммуналки, организация быта, эмоциональный труд, военное время, стратегии выживания.

Блокада Ленинграда (1941–1944) стала тяжелейшим испытанием для жителей города, особенно для женщин. В условиях голода, холода, постоянных обстрелов и бомбардировок, ограниченного пространства коммунальных квартир, они проявили невероятную стойкость, находчивость и способность к взаимопомощи. Коммунальные квартиры, и без того перенаселенные, в условиях блокады стали еще более тесными и сложными для жизни. В статье рассматриваются стратегии женской взаимопомощи в коммунальных квартирах блокадного Ленинграда, направленные на выживание в условиях дефицита пространства и ресурсов.

Коммунальная квартира представляла собой уникальный микросоциум, где на ограниченной площади проживали несколько семей, часто совершенно разных по социальному положению, образованию и мировоззрению. В условиях блокады эти различия отхо-

дили на второй план, а на первый выходили общие проблемы выживания. Коммуналка становилась ареной как конфликтов, вызванных обострением борьбы за ресурсы, так и взаимопомощи, основанной на чувстве солидарности и общей беде [6, с. 111]. Женщины, как правило, играли ключевую роль в поддержании порядка и организации быта в коммунальной квартире.

В условиях блокады дефицит ресурсов (продовольствия, воды, топлива, медикаментов) стал главной проблемой, с которой столкнулись жители Ленинграда. Женщины разработали и использовали различные стратегии взаимопомощи, направленные на преодоление этого дефицита:

– разделение продовольствия: женщины, получив паек, часто делились им с соседками, особенно с теми, у кого были маленькие дети или больные родственники. Даже небольшая доля еды могла спасти жизнь. Дневники блокадников содержат множество свидетельств о таких случаях самопожертвования [6, с. 129];

– совместное приготовление пищи: женщины объединялись для совместного приготовления пищи из тех немногочисленных продуктов, которые удавалось достать. Они делились рецептами, опытом и знаниями, помогая друг другу разнообразить рацион и максимально использовать доступные ресурсы [5, л. 321];

– помощь в уходе за детьми и больными: женщины помогали друг другу в уходе за детьми и больными, освобождая время для работы и поиска продовольствия. Они присматривали за детьми, пока матери работали, делились лекарствами и советами по лечению. Жильцы создавали общие детские комнаты, старших детей привлекали к помощи младшим [1, с. 278]. А в коммуналке дома 18 по Литейному проспекту жители объединили усилия для спасения ребенка с больным сердцем [1, с. 281]. Пример из одного воспоминания: в блокадном Ленинграде коммуналка боялась двух суровых сестер, Алевтину и Валю. Они критиковали всех, от молодежи до детей. Но с приходом войны и голода Никитична, самая ярая противница сестер, исчезла. Тогда Валя и Алевтина взяли под опеку сирот, включая Васю и Женю, чей отец воевал. Сестры начали варить «разгильдяй» – питательный, хоть и странный суп из чего придется. Сначала кормили всех детей в коммуналке, а затем забрали осиротевших к себе в комнату. Благодаря теплу, заботе и этому особенному супу,

дети выжили. Вкус «разгильдяя», приправленного добротой, навсегда остался в их памяти как символ блокадного чуда. Хочется отметить серьезную трансформацию образа двух сестер. До войны это две злые женщины, ненавидевшие весь мир. А как поменяла их война? В то время, когда ты остаешься один и у тебя забирают самое дорогое, приходит осознание, что человек – это ценность [2];

– совместный поиск ресурсов: женщины объединялись для совместного поиска воды, дров, топлива и других необходимых для выживания ресурсов. Они ходили вместе на Неву за водой, собирали дрова в парках и скверах, делились информацией о местах, где можно было достать хоть что-то полезное [4, с. 44];

– организация взаимопомощи в случае обстрелов и бомбардировок: женщины помогали друг другу во время обстрелов и бомбардировок, укрывая детей, вынося раненых, туша пожары. Они создавали дежурные бригады, следившие за порядком в подъездах и дворах, и организовывали помощь пострадавшим [3, с. 214]. Например, жильцы коммуналки в доме 12 по Невскому проспекту оборудовали общий склад необходимых вещей в подвале [3, с. 215].

В условиях блокады дефицит пространства в коммунальных квартирах обострился. Многие семьи, потерявшие жилье в результате бомбардировок, были вынуждены ютиться у родственников и знакомых, уплотняя и без того перенаселенные коммуналки. Женщины разрабатывали и использовали стратегии, направленные на смягчение последствий этого дефицита:

– разделение обязанностей по уборке и поддержанию порядка: женщины делили обязанности по уборке и поддержанию порядка в коммунальных помещениях (кухне, ванной, туалете, коридоре), чтобы обеспечить хоть какой-то уровень гигиены и комфорта [6, с. 140];

– разработка правил совместного проживания: женщины разрабатывали правила совместного проживания, устанавливающие очередность пользования коммунальными помещениями, регулирующие уровень шума и другие аспекты, влияющие на комфорт проживания [3, с. 323];

– создание зон личного пространства: женщины старались создать хоть какие-то зоны личного пространства для себя и своих детей, используя ширмы, занавески и другие приспособления [1, с. 212].

Представители интеллигенции, проживавшие в коммунальных квартирах, часто играли важную роль в организации взаимопомощи. Они организовывали культурные мероприятия для детей и взрослых, читали лекции, рассказывали новости, поддерживали моральный дух соседей [4, с. 49]. Например, семья Петровых из дома 7 по улице Восстания делилась своей маленькой радиолой для прослушивания новостей и музыки. Многие женщины-интеллигенты активно участвовали в работе госпиталей, организовывали сбор средств и донорской крови, помогали детям-сиротам [4, с. 51].

Женская взаимопомощь в коммунальных квартирах блокадного Ленинграда стала важным фактором выживания в условиях дефицита пространства и ресурсов. Женщины, проявляя невероятную стойкость, находчивость и самоотверженность, помогали друг другу преодолевать тяготы блокады, поддерживали моральный дух и вселяли надежду на победу. Их опыт является вдохновляющим примером солидарности, человечности и силы духа, который необходимо помнить и изучать.

Источники и литература

1. *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. – М., 1982.

2. В Кирове увековечили память об отважных женщинах-медиках времен Великой Отечественной войны // URL: https://vp43.ru/news/69655 (дата обращения: 15.05.2024).

3. *Гланц Д.* Блокада Ленинграда 1941–1944. – М., 2008.

4. *Познанская Н.Н.* Женщины Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – Л., 1975.

5. ЦГА СПб (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. Р-7240. Оп. 1. Д. 201.

6. *Яров С.В.* Блокадная повседневность. – СПб., 2010.

A.V. Tolmacheva,
Ya.S. Yakunina

WOMEN'S COOPERATION IN THE COMMUNAL HOUSES OF BLOCKED LENINGRAD: SURVIVAL STRATEGIES IN A SPACE AND RESOURCE-LIMITED ENVIRONMENT

Annotation. The communal apartments of besieged Leningrad became not only places of residence, but also centers of survival, where mutual assistance was particularly important. This article explores how women in communal apartments organized support for each other during wartime. Special attention is given to the survival strategies developed by women to address everyday challenges, provide psychological support, and overcome the hardships of life under siege. Based on the memories of women who lived through the siege, the article analyzes how they dealt with grief and loss, found words of comfort, and engaged in emotional labor. The purpose of this study is to identify the specifics of women's mutual assistance and its role in ensuring survival in communal apartments in besieged Leningrad.

Keywords: siege of Leningrad, women's mutual assistance, women in a blockaded city, communal living, organization of everyday life, emotional labor, wartime, and survival strategies.

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

УДК 82.145

Л.А. Грицай

ОБРАЗ «РОССИИ ПОБЕЖДАЮЩЕЙ» В РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЛИРИКЕ XX–XXI вв.

Аннотация. В статье анализируется образ «России побеждающей» в русской военной лирике XX–XXI вв.: рассматриваются поэтические тексты Н. Заболоцкого, Ю. Друниной, А. Ахматовой, Э. Асадова и Д. Мельникова в аспекте художественного осмысления образа Победы, выявлены ключевые смысловые модели – метафизическая, антропологическая, духовно-культурная, эсхатологическая и историософская, применены методы сравнительно-исторического и структурно-семантического анализа, делается вывод о соборном и сакральном характере победного нарратива в отечественной поэзии.

Ключевые слова: Победа, военная лирика, русская поэзия, соборность, сакральность, Россия побеждающая, патриотическая традиция.

Актуальность настоящего исследования определяется устойчивостью образа Победы как одной из ключевых ценностно-смысловых доминант русской культурной традиции, отражающей национальный архетип соборности и готовности к самопожертвованию во имя Отечества, поэтому в условиях современных вызовов сохранение сакрального и идентификационного содержания образа «России побеждающей» приобретает особое значение для культурной и духовной консолидации общества.

Цель исследования исходит из необходимости выявить и проанализировать поэтические стратегии репрезентации образа Победы в русской военной лирике XX–XXI вв., определить их типологи-

ческие различия и общие черты; методологическую основу работы составляют положения культурно-исторической школы, а также концепции архетипического и героического нарратива, используются методы сравнительно-исторического анализа, структурно-семантической интерпретации и контекстуального прочтения поэтических текстов.

Как известно, образ Победы в русской культурной традиции, укорененный в религиозно-антропологических константах и историко-политических нарративах, предстает не только как итог военного противоборства, но как сакральный модус национального бытия, в котором «Россия побеждающая» становится своеобразной «точкой сборки» – местом и временем, где на уровне коллективной интенции происходит соединение народа и элит в соборном действии, предполагающем добровольную готовность к сверхмобилизации, самопожертвованию ради Отечества и прорыву к будущему, то есть к качественному изменению исторического горизонта, открывающему возможность для цивилизационного рывка [10, с. 13–19]. При этом Победа мыслится не как одномоментный результат, а как феномен, отражающийся в общественном сознании на множественных уровнях – онтологическом (превозмогание небытия силой жизни), гносеологическом (фиксация опыта успешного действия), антропологическом (экспликация внутренних сил и мотиваций воина-победителя) и аксиологическом (утверждение Победы как высшей духовной и материальной ценности), – что придает ей статус ценностно-смыслового ядра национального развития и критерия социальной жизни, воплощаемого в вербальных и знаково-символических формах памяти, ритуалах и институтах [7].

Сакральная природа Победы, указываемая исследователями как на уровень сверхисторического смысла, так и на повседневную практику коллективной солидарности, ярко артикулирована в тезисе о пасхальном архетипе 9 мая – о сопряжении триумфального и трагического, торжества и поминовения, где воинский подвиг в переживании народа соотносится с идеей жертвенной любви и преодоления смерти, благодаря чему сама Победа оказывается частью пути теозиса (или его секулярного аналога), утверждающего готовность «положить душу за други своя» и тем самым снимающего духовный кризис идентичности, порожденный внутринациональными

расколами, посредством перенастройки коллективной оптики от гражданской розни к защите высших культурно-исторических оснований [10, с. 13–19]. Эта же логика сакрализации и катарсиса обнаруживается и в культурной памяти, где канонические тексты – от «Жития св. Александра Невского» до «Полтавы», «Бородина», «Севастопольских рассказов» и «Войны и мира» – формируют длительную «духовную хронику» противостояния, из которой вырастает представление о России как субъектности, чья историческая миссия включает в себя не только способность к обороне, но и к нравственному преображению через победное усилие, что, в свою очередь, поддерживает устойчивость образа «России побеждающей» в сознании поколений [5, с. 7–10].

Именно в этой перспективе «золотой век» русской культуры прочитывается как производное от победы в Отечественной войне 1812 г., когда феномен Отечества стал стержнем ценностного кода, позволив критически осмыслять собственную жизнь без «оглядки» на образцы поверженной Европы, а сама победа была признана естественной задачей суверенного государства и безусловной исторической миссией России, вписанной в ее культурный код и питающей устойчивый образ цивилизационного достоинства и самообоснования [9].

Соответственно, в рамках теории культурного ядра Победа выступает интегративной ценностью, способной, во-первых, консолидировать разнородные социальные группы вокруг высшего смысла, выходящего за пределы прагматической выгоды; во-вторых, выступить механизмом преемственности памяти и образцом нравственной нормы; в-третьих, транслировать «поведенческую матрицу» коллективного действия, в которой драматическое напряжение истории снимается через опыт общенационального триумфа.

Русская традиция многократно фиксирует, что сверхусилие народа реализуется в крайних, «пограничных» состояниях – в момент осознания смертельной угрозы и при наличии сверхидеала, тогда как в обыденном течении жизни исторически закрепляется «пауза расслабления», необходимая для восстановления после предельной мобилизации; отсюда вытекает и парадокс русской мобилизационной этики: неспособность к чудесам усилия ради материальных

целей сочетается с феноменальной готовностью к героическому действию во имя Родины и сакральных ценностей, то есть во имя выполнения великой исторической миссии, что, в свою очередь, подразумевает укорененность жизни в высшем смысле, не сводимом к индивидуальной корысти, но выражающем духовные идеалы «малой» и «большой» Родины [6].

Следовательно, соборность как модус общенациональной жизни – открытость, доверительность, взаимоподдержка, «задушевность» общения и сопричастность общему делу при достижении высокой цели – проявляется именно там, где Победа мыслится как сакральная вершина общего пути, и именно там выявляются «лучшие черты русского характера», поскольку соборное единение ради высших идеалов обеспечивает трансформацию индивидуальных мотиваций в коллективное действие, способное выдержать давление истории и обратить трагедию в нравственный капитал будущего [10, с. 13–19]. В этой логике национального поведения, многократно подтвержденной историческим опытом и зафиксированной как архетипический сценарий – смертельная угроза, ее осознание элитой и обществом, формирование национального идеала, призыв верховной власти, сверхмобилизация, Победа, – образуется «ритм соборности», при котором волевой импульс государства, возвышаясь над расколами, выражает и защищает высшие национальные интересы, а общество откликается на призыв и обретает способность к предельному усилию; метафора «русский долго запрягает, но быстро едет» описывает не психологическую инертность, а особый тип исторической динамики, где отложенная мобилизация сменяется стремительным прорывом.

Именно поэтому в корпусе русской военной лирики XX–XXI вв. – от фронтовых песен и послевоенных поэтических текстов до новейших форм гражданской поэзии – «образ Победы» выступает ценностно-смысловой доминантой, структурирующей субъектность лирического «мы» и задающей интонацию служения, где героическое усилие не психологизируется до частной доблести, а выводится к общенациональному идеалу, сопряженному с исторической миссией; поэтика этого образа опирается на символику преображения, на мотивы памяти и жертвенности, на интенцию к будущему и тем самым оказывается педагогически и иден-

тификационно продуктивной, поскольку транслирует молодым поколениям модель участия в большом общем деле – от «образа Победы» к духовной идентичности с поколением Победителей [6]. Притом что сам нарратив Победы, по мысли теоретиков культурной политики, выступает интегративным ресурсом современного общества и, будучи десакрализован, рискует утратить свою объединяющую силу, тогда как сохранение и артикуляция его сакрального содержания – от ритуалов памяти до «Бессмертного полка» – поддерживают горизонт смысла, без которого невозможны ни национальная солидарность, ни воспроизводство культурного кода [10; 7].

Тем самым «Россия побеждающая» – не риторическая фигура, а культурно-исторический инвариант, в котором Победа, будучи одновременно духовным ориентиром, символом соборности и критерием социальной жизни, оформляет ценностный каркас общенациональной субъектности и обеспечивает возможность выхода из кризисов посредством сверхусилия, направленного не к утилитарным целям, но к исполнению исторической миссии и утверждению высшего смысла, – что уже было явлено как в опыте 1812 г., так и в Великой Отечественной войне, задавшей образец национального триумфа, из которого выросла способность смотреть вперед без «оглядки» на внешние образцы и подтверждать суверенность в акте победного действия [6].

Важно, что в корпусе русской военной лирики XX–XXI вв. образ Победы оказывается не просто кульминацией военного пути, но глубинным смысловым центром, структурирующим художественное пространство текста и задающим особую интонацию сопричастности, где личное и коллективное переживание сливаются в единый акт памяти, катарсиса и сакрального утверждения жизненной правоты. Так, в стихотворении Николая Заболоцкого «В этой роще березовой…» (1946) Победа предстает как итоговое преображение мира, достигаемое ценой самопожертвования: движение от утренней пасторали к апокалиптическому пейзажу войны, где «смертельное облако тянется» над головой поэта, завершается видением «утра Победы торжественной на века», в котором природный цикл и историческая катастрофа объединяются в единую гармонию:

И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиною розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей Божественной
Холодеет кусочек цветка,
– Встанет утро Победы торжественной
На века [4].

Лирический субъект здесь мыслит свою смерть не как утрату, а как условие утверждения будущего, в котором торжество Победы вписано в вечный круг природы, а роща становится символическим пространством возвращения к жизни, очищенной через страдание.

В поэзии Юлии Друниной (стихотворение «Запас прочности») этот же архетип Победы осмысляется не через трансцендентные образы, а в логике интимно-автобиографического свидетельства, где личное физическое преодоление («и худа, и мала… в кирзачах стопудовых дошла») оказывается частью общего чуда выживания народа:

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.
И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! – Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас [3].

Победа здесь вписана в концепт «вечного запаса прочности» России, который существует независимо от исторических условий и проявляется именно в момент крайнего напряжения сил. Таким образом, в отличие от Заболоцкого, где преодоление смерти ведет к метафизическому рассвету, у Друниной победное усилие утверждает национальную субстанцию, почти органически заложенную в культурный и антропологический код страны.

Анна Ахматова в стихотворении «Мужество» актуализирует образ Победы в пространстве духовной миссии: здесь не изображается сам военный финал, но фиксируется момент, когда исход еще не известен, однако национальная воля к сохранению «великого русского слова» задает неизбежность победы как морального итога. Ахматовский текст переводит тему Победы в сферу духовно-лингвистического сопротивления, где военная борьба – это прежде всего защита культурной идентичности, и потому сохранение языка

и передачи его «внукам» предстает как акт, равнозначный воинскому подвигу:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки [2].

В стихотворении Эдуарда Асадова «Россия начиналась не с меча» образ Победы выстраивается через утверждение нравственно-исторической непобедимости России, основанной не на агрессивной экспансии, а на изначальной миротворческой природе и способности к мобилизации лишь в ответ на угрозу, поэтому Победа здесь предстает не только как военный триумф, но как итог исторической правоты, заложенной в национальном характере:

И вечно тем сильна моя страна,
Что никого нигде не унижала.
Ведь доброта сильнее, чем война,
Как бескорыстье действеннее жала.
Встает заря, светла и горяча.
И будет так вовеки нерушимо.
Россия начиналась не с меча,
И потому она непобедима! [1]

Моральный пафос текста строится на антитезе «мирный труд – вынужденная война», в которой каждый военный успех России оказывается не актом завоевания, а формой защиты, и потому Победа обретает статус не просто силы, но и нравственного превосходства. Автор подчеркивает, что величие страны связано с добротой и бескорыстием, которые оказываются действеннее оружия, и именно это – нравственное основание – делает Россию «нерушимо» непобедимой, символика света и зари («Встает заря, светла и горяча») оформляет образ будущего, в котором победная миссия страны сохраняется вечно.

В современной лирике, представленной, например, стихотворением Дмитрия Мельникова «Когда закончится война…», образ Победы приобретает эсхатологический и одновременно утешительный оттенок: видение посмертного шествия павших воинов, которое тянется «с границы света» и встраивается в праздничное застолье, переносит победный сюжет в метафизическое измерение,

где граница между живыми и мертвыми условна, а сама Победа становится участием в вечной небесной трапезе. Здесь война осмысляется как мистерия, в которой смерть трансформируется в светлую память и духовную сопричастность, а коллективное празднование Победы включает в себя не только выживших, но и павших – как равноправных участников исторического торжества:

Когда закончится война,
я знаю, будет ночь без сна,
мы первый выпьем за Победу,
и за товарищей – второй,
а к третьему – с границы света
потянется походный строй
солдат, погибших за свободу.
За взводом – взвод, за ротой – рота
у бесконечного стола
они стеной безмолвной встанут,
колеблясь, как живая мгла.
Над городом салюты грянут,
и это будет мирный гром,
и будут песни фронтовые,
и мать – за праздничным столом
заплачет, как сама Россия,
о светлом мальчике своем [8].

Сопоставительный анализ этих текстов позволяет выявить несколько устойчивых линий репрезентации Победы в русской военной лирике: у Н. Заболоцкого – это природно-метафизическая модель, в которой индивидуальная жертва растворяется в космическом порядке; у Ю. Друниной – антропологическая установка на неизбывную прочность народа; у А. Ахматовой – духовно-культурная перспектива, утверждающая Победу как сохранение идентичности; у Э. Асадова победный нарратив имеет отчетливую историософскую перспективу – он выстраивает панораму от древних битв («озеро Чудское, река Непрядва и Бородино») до Великой Отечественной войны, связывая их в единый культурно-исторический код; у Д. Мельникова – сакрально-эсхатологическая проекция, где Победа выходит за пределы земного времени. При этом объединяющим началом для всех авторов является представление о Победе как о предельной форме национального и личного самоутверждения, в котором жертва и торжество неразделимы, а исторический резуль-

тат предстает не только как политический факт, но и как духовный акт, имеющий метафизические основания (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставительный анализ образа побеждающей России в стихотворениях русских поэтов

Автор, название	Ключевая цитата	Образ Победы	Тематическое ядро	Особенности художественного воплощения
Н. Заболоцкий «В этой роще березовой…»	«Встанет утро Победы торжественной на века»	Победа как метафизический рассвет, завершающий страдание	Слияние природного цикла и исторического торжества	Контраст пасторального и военного пейзажа; мотив жертвенности как условия гармонии
Ю. Друнина «Запас прочности»	«Был и есть у России вечной прочности вечный запас»	Победа как проявление неистощимого внутреннего ресурса народа	Антропологическая прочность, способность к преодолению	Автобиографичность, простота и непосредственность; фокус на физическом и моральном усилии
А. Ахматова «Мужество»	«И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово»	Победа как духовно-культурное сохранение идентичности	Сопротивление через язык и культуру	Высокий гражданский пафос, строгая ритмика; акцент на миссии, а не на сражении
Э. Асадов «Россия начиналась не с меча»	«Россия начиналась не с меча… И потому она непобедима!»	Победа как историческая и нравственная непобедимость	Историософская перспектива; защита как высшая форма войны	Панорамность, соединение древних и современных битв; акцент на доброте и бескорыстии как источниках силы
Д. Мельников «Когда закончится война…»	«С границы света потянется походный строй солдат, погибших за свободу»	Победа как сакральное воссоединение живых и павших	Эсхатологическое торжество и вечная память	Мистическое соединение праздника и поминовения; метафизическая перспектива войны

Проведенный анализ показал, что образ «России побеждающей» в русской военной лирике XX–XXI вв. обладает многомерной структурой, включающей метафизическую (Н. Заболоцкий), антропологическую (Ю. Друнина), духовно-культурную (А. Ахматова), эсхатологическую (А. Мельников) и историософскую (Э. Асадов) модели, поэтому независимо от поэтической индивидуальности авторов, Победа предстает как сакральный акт национальной консолидации, в котором личная жертва и исторический триумф неразделимы, исходя из этого поэтические тексты формируют целостный культурный код, обеспечивающий преемственность патриотической традиции и укрепляющий ценностное единство российского общества.

Источники и литература

1. *Асадов Э.А.* Стихи о войне. – М., 2010.

2. *Ахматова А.А.* Мужество. – Л., 1945.

3. *Друнина Ю.В.* За минуту до боя. – М., 2010.

4. *Заболоцкий Н.А.* Библиотека поэта. Большая серия: стихотворения и поэмы. – Л., М., 1965.

5. *Казин А.Л.* Образ победы в русской культуре // Труды СПбГУКИ. – 2009. – Т. 185. – С. 7–10.

6. *Кусмарцев М.Б.* Патриотическое воспитание детей и молодежи: от образа Победы к духовной идентичности с поколением Победителей. – Волгоград, 2013.

7. *Мельников А.В.* Великая Победа как интегративная ценность современного российского общества (социально-философский анализ): дис. … канд. филос. наук. – М., 2024.

8. *Мельников Д.П.* На той войне. Стихотворения // Москва. – 2023. – Январь. – С. 3–11.

9. Судьба империи. Русский взгляд на европейскую цивилизацию. – М., 2016.

10. *Щипков А.В.* Победа в парадигме русской сакральности // Тетради по консерватизму (Фонд ИСЭПИ). – 2025. – № 1. – С. 13–19.

L.A. Gritsai

THE IMAGE OF “RUSSIA WINNING” IN RUSSIAN MILITARY LYRICS OF THE XX-XXI CENTURIES

Annotation. The article analyzes the image of “Russia winning” in Russian military lyrics of the XX–XXI centuries: the poetic texts of N. Zabolotsky, Y. Drunina, A. Akhmatova, E. Asadov and D. Melnikov are considered in the

aspect of artistic interpretation of the image of Victory, key semantic models are identified — metaphysical, anthropological, spiritual-cultural, eschatological and historiosophical, applied methods of comparative historical and structural-semantic analysis, the conclusion is made about the conciliar and sacred nature of the victory narrative in Russian poetry.

Keywords: Victory, military lyrics, Russian poetry, conciliarity, sacredness, Russia winning, patriotic tradition.

УДК [94:394.46]«1941/1945»:069(470.344)

А.Ю. Гусарова

«СЛАВНОМУ ПОДВИГУ НЕТ ЗАБВЕНИЯ»: ОБЗОР ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ВЫСТАВКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания и научно-исторической значимости историко-документальной выставки «Славному подвигу нет забвения», подготовленной Государственным историческим архивом Чувашской Республики. В работе рассматриваются основные тематические блоки экспозиции, отражающие героическое прошлое региона и вклад его жителей в победу.

Ключевые слова: историко-документальная выставка, Государственный исторический архив Чувашской Республики, Чувашия, историческая память, патриотическое воспитание, архивные документы.

Работа по использованию архивных документов является одним из важнейших направлений в деятельности любого архивного учреждения. Помимо традиционных задач, таких как хранение национального наследия и пополнение фондов, архивы активно делятся исторической информацией. Ключевую роль в популяризации архивного фонда как важного источника информации для науки и привлечении внимания общества к различным аспектам прошлого играют выставки архивных документов.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оставила неизгладимый след в истории России. В условиях современных вызовов, связанных с искажением истории, выставки на основе архивных

aspect of artistic interpretation of the image of Victory, key semantic models are identified — metaphysical, anthropological, spiritual-cultural, eschatological and historiosophical, applied methods of comparative historical and structural-semantic analysis, the conclusion is made about the conciliar and sacred nature of the victory narrative in Russian poetry.

Keywords: Victory, military lyrics, Russian poetry, conciliarity, sacredness, Russia winning, patriotic tradition.

УДК [94:394.46]«1941/1945»:069(470.344)

А.Ю. Гусарова

«СЛАВНОМУ ПОДВИГУ НЕТ ЗАБВЕНИЯ»: ОБЗОР ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ВЫСТАВКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания и научно-исторической значимости историко-документальной выставки «Славному подвигу нет забвения», подготовленной Государственным историческим архивом Чувашской Республики. В работе рассматриваются основные тематические блоки экспозиции, отражающие героическое прошлое региона и вклад его жителей в победу.

Ключевые слова: историко-документальная выставка, Государственный исторический архив Чувашской Республики, Чувашия, историческая память, патриотическое воспитание, архивные документы.

Работа по использованию архивных документов является одним из важнейших направлений в деятельности любого архивного учреждения. Помимо традиционных задач, таких как хранение национального наследия и пополнение фондов, архивы активно делятся исторической информацией. Ключевую роль в популяризации архивного фонда как важного источника информации для науки и привлечении внимания общества к различным аспектам прошлого играют выставки архивных документов.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оставила неизгладимый след в истории России. В условиях современных вызовов, связанных с искажением истории, выставки на основе архивных

материалов играют ключевую роль в сохранении и передаче исторической памяти.

2025 год объявлен в России Годом защитника Отечества [53], а в Чувашской Республике – Годом Победы и патриотизма [52]. В этом контексте особое место занимает историко-документальная выставка «Славному подвигу нет забвения», подготовленная Государственным историческим архивом Чувашской Республики. Данная выставка демонстрирует эффективный подход к сохранению и популяризации исторической памяти через призму подлинных архивных материалов.

Целью выставки стало освещение различных аспектов жизни Чувашии в годы Великой Отечественной войны, а также демонстрация вклада жителей республики в общую победу. Главными экспонатами были архивные документы, чей видовой состав довольно обширен – это протоколы, постановления, решения республиканских и районных органов власти; документы об эвакуации населения с прифронтовой территории, а также промышленных предприятий; распоряжения о развертывании на территории республики воинских частей и эвакогоспиталей; документы о помощи фронту; документы личного происхождения (дневники, письма); фронтовые газеты, а также визуальные источники – фотодокументы и плакаты. Выставка использует интерактивные элементы (QR-коды), предоставляющие ссылки на посты в ВКонтакте, аудиодокументы и электронные выставки о войне. Музейные предметы усиливают эмоциональное воздействие и погружают посетителей в атмосферу войны. Наглядно передают всю трагедию войны – агитационные плакаты, отражающие разные периоды войны: «Родина-мать зовет!», «Отстоим Волгу-матушку!», «Все для фронта! Все для победы!», «Красной армии – слава!».

Столь обширная экспозиция для удобства была поделена на несколько тематических разделов, каждый из которых был посвящен определенному этапу Великой Отечественной войны.

Первый раздел под названием «Жизнь, прерванная войной» включает в себя документы, связанные с мобилизацией и призывом жителей Чувашии на фронт, а также с формированием воинских частей и соединений на территории региона. Предваряет этот раздел первый военный выпуск республиканской газеты «Красная

Чувашия» от 23 июня 1941 г. [49, с. 1]. Сообщения о первых днях войны прекрасно дополняют фотографии, на которых запечатлены колонна бойцов, движущаяся на фронт из Москвы, а также бойцы и командиры Ядринской городской пожарной команды Чувашской АССР в момент выезда бойца Г.Д. Сидорова на фронт [2, № 13780]. Особый интерес вызывают и заявления добровольцев о вступлении в ряды Красной армии. Согласно сведениям военных комиссариатов Чувашской АССР, количество добровольцев, желающих вступить в ряды Красной армии, на 28 июня 1941 г. составило 1395 чел. [5, д. 4, л. 5]. На выставке также представлен список военнообязанных коммунистов и комсомольцев Чувашской АССР, призванных в Красную армию по партийной мобилизации от 1 августа 1941 г. [6, д. 6, л. 1–10 об.]. В условиях войны страна остро нуждалась в кадрах для армии, и советское правительство регулярно публиковало разрешенные в печати списки военных училищ [5, д. 49, л. 110]. Это помогало привлекать и отбирать кандидатов для обучения. Например, из пяти кандидатов, отобранных по Советскому району Чувашской АССР, в Подольское стрелково-пулеметное училище направили двух [5, д. 49, л. 71]. Немалую долю первого раздела занимают директивы Наркомата обороны СССР и генштаба Красной армии по вопросам подбора кадров, мобилизации военнообязанных и состоянии материальных ценностей для помощи фронту [5, д. 1, л. 306], проведении разъяснительной работы по приему добровольцев [5, д. 4, л. 15].

Трагичность первого периода войны выразилась на выставке списком погибших военнослужащих в боях против немецко-фашистских войск [5, д. 64, л. 22]. Стоит отметить, что, в отличие от других военных конфликтов, в ходе Великой Отечественной войны женщины массово участвовали в боевых действиях в составе действующей армии. Среди них были и уроженки Чувашии, служившие медиками, летчицами, связистами, снайперами и пр. По разверстке военного комиссариата Чувашской АССР от 27 мая 1944 г. планировалось мобилизовать 510 женщин [5, д. 127, л. 4], направляемых на радио-телеграфные курсы, в ПВО, стрелковую бригаду [5, д. 127, л. 3–3 об.]. Яркими примерами тому служат и представленные на выставке портреты двух летчиц З.И. Парфеновой и Е.С. Крутовой [2, № 12160].

В 1941–1942 гг. в Чувашии формировались воинские части, пополняемые местными жителями и мобилизованными из других регионов. За годы войны в республике дислоцировалось около 70 подразделений. Конечно, ограниченный размер выставочного зала не позволяет показать их все. В экспозиции представлены легендарная 324-я стрелковая дивизия [15, д. 5, л. 178–179], 139-я стрелковая дивизия [2, № 15761, 15837], 14-я запасная стрелковая бригада [15, д. 6, л. 86], 65-й и 66-й отдельные батальоны химической защиты [15, д. 6, л. 105], 7-й запасной артиллерийский полк [10, д. 18, л. 47], а также базы для авиабазирования [15, д. 4, л. 13]. Здесь же можно увидеть авиационные школы № 5 и № 3, которые размещались в Алатыре и Ибресях, соответственно [10, д. 18, л. 21; 15, д. 6, л. 79–79 об.].

Несмотря на то что на территории Чувашии не происходили боевые действия, тыл настиг удар врага. Дело в том, что 4 ноября 1941 г. на столицу республики был совершен воздушный налет. Немецкий бомбардировщик сбросил 22 бомбы, из которых 7 взорвались на улицах города. Погибли двое, были ранены 18 чел., разрушены и повреждены здания [21, л. 10]. Со следующего дня в республике стал осуществляться режим полной светомаскировки (полное затемнение жилых и производственных зданий, выключение наружного освещения, введение в действие маскировочного режима транспорта) в городах Чебоксары, Канаш, Цивильск, Алатырь, Шумерля, в пос. Козловка, в с. Тюрлема и в деревнях радиусом в 15 км от волжского моста и радиусом в 50 км во всех населенных пунктах Козловского района, который продолжался до 1943 г. [15, д. 6, л. 156–156 об.]. Также в этой связи большое внимание удалялось обучению противовоздушной и противохимической обороне (ПВХО). С 1 июля 1941 г. по 1 декабря 1942 г. подготовлены к работе в ПВХО 483 604 чел. В декабре 1942 г. в Чувашии для укрытия населения во время бомбежек было подготовлено 1386 открытых и 137 закрытых щелей – земляных укрытий. Также было сооружено 97 бомбоубежищ, 3 газоубежища и установлено 146 наблюдательных постов [10, д. 60, л. 123].

Второй раздел экспозиции носит название, вдохновленное известным лозунгом «Все для фронта, все для победы!», и раскрывает вклад тружеников тыла в общую победу. Он рассказывает о работе предприятий и колхозов, повседневной жизни тыла, эвакуации

населения и поддержке эвакуированных. Также показана всенародная помощь фронту через сбор средств и подарков для красноармейцев. Подвиг тружеников тыла часто ассоциируется с работой на заводах и полях, но их вклад в оборону страны часто забывается. Немецкое наступление к осени 1941 г. к Москве поставило перед советским правительством задачу строительства оборонительных укреплений. По территории Чувашии прошли Сурский и Казанский оборонительные рубежи. Десятки тысяч людей были мобилизованы на масштабные земляные работы, начавшиеся по постановлению Совнаркома Чувашской АССР и бюро Чувашского обкома ВКП(б) от 28 октября 1941 г. [15, д. 6, л. 128–130]. На возведение оборонительных укреплений было мобилизовано население республики в возрасте не моложе 17 лет. Поэтому столь примечателен на выставке список студентов Ядринского сельскохозяйственного техникума, мобилизованных на строительство [8, л. 48–48 об.]. Работать приходилось не менее 10 часов в день, даже в морозы, почти вручную, так как тракторов было всего 303 [15, д. 6, л. 126]. Продовольствие было в дефиците: нормы составляли 20 кг муки, 2 кг круп, 2 кг мяса, 0,75 кг масла, 4 кг овощей и 8 кг картофеля в месяц [10, д. 22, л. 28]. В районах строительства работала медико-санитарная служба для предотвращения заболеваний [20, д. 73, л. 72]. Весной 1944 г. тыловые оборонительные сооружения начали разбирать за ненадобностью. Пригодные для использования передали колхозам. Остальные разбирали, материалы использовали в хозяйстве. Однако что касается долговременных сооружений, то они подлежали сохранению и поддержанию в рабочем состоянии до особого распоряжения [12, л. 20–20 об.]. Несмотря на все трудности, строители успешно справились со своей задачей. Многие участники были отмечены и награждены [27, д. 7, л. 21]. Кроме оборонительных рубежей, в годы войны на территории республики возводился еще один стратегический инженерный объект – мост через р. Суру возле г. Ядрина. Его начали возводить в 1941 г. для обеспечения отступления войск. На постройку длиной 654 м было мобилизовано около 45 тыс. гражданских. 12 августа 1943 г. мост и дамбу сдали досрочно на 2 месяца 25 дней [14, д. 543, л. 42].

В условиях войны правительство республики несло огромную ответственность. Одной из главных задач стало размещение эвакуи-

рованных людей с прифронтовой территории. Уже 27 июня 1941 г. на особом заседании Совнаркома Чувашской АССР было принято постановление «О размещении и устройстве на работу эвакуированного населения с прифронтовой полосы» [10, д. 16, л. 26–28]. Правительство республики за короткий срок организовало приемные пункты и обеспечило эвакуированных жильем, питанием, медицинской помощью, одеждой и обувью. Для поддержки районов выделено 600 тыс. руб., райсоветам разрешено выдавать до 300 руб. единовременной помощи [13, л. 409]. О том, что местные власти тщательно контролировали ситуацию с эвакуированными, свидетельствует докладная записка, в которой говорится об условиях труда в колхозах Урмарского района. Все эвакуированные нашли работу в колхозе, активно участвуют в трудовой жизни, получают продукты питания и занимаются личными огородами. Также заметно, что настроение у прибывших достаточно оптимистичное [30, д. 51, л. 57–58 об.]. Из-за неопределенности военного времени многим эвакуированным предоставляли работу на новом месте. На выставке можно увидеть личный листок по учету кадров ленинградки А.А. Мазниной, которая устроилась на должность статистика в Переселенческий отдел при Совнаркоме Чувашской АССР [32, л. 32–32 об., 39–39 об.]. Особое внимание уделялось детям. На каждого эвакуированного ребенка составлялась личная карточка, одна из таких и представлена на выставке. Она рассказывает о Н.В. Михайлик – девочке, которой на момент эвакуации было год и шесть месяцев. Она приехала одна из Москвы: отец воевал на фронте, а мать трудилась воентехником в Ашхабаде. Малышку поселили в д. Тегешево и прикрепили к колхозу «Большевик» [26, л. 1–1 об.]. Особую заботу проявили об эвакуированных из Ленинграда. На выставке можно увидеть фотографии ленинградских детей [1, № 7265/4, 17977] и ознакомиться со списком ребят, которых приняли в Каршлыхский детский санаторий Сундырского района Чувашской АССР [16, д. 2475, л. 78–78 об.]. Также приведен общий список эвакуированных, где указаны целые семьи, переехавшие в Чувашскую АССР [31, л. 96–97 об.]. Стоит отметить, что с первых дней войны в Чувашию начали прибывать эшелоны и пароходы с эвакуированным населением. Уже на начало июля 1941 г. республика приняла 6700 чел. и готова была разместить сверх плана еще

50 тыс. чел. [10, д. 16, л. 79]. По данным Совнаркома Чувашской АССР на 1 декабря 1942 г., в республику было вывезено из прифронтовой полосы 69 642 чел., включая 30 469 детей до 14 лет [30, д. 54, л. 15 об., 16 об.]. К 1 января 1944 г. количество семей, прибывших в Чувашию, достигло 54 784 чел. [30, д. 69, л. 40]. В целом за весь период войны в республику были эвакуированы свыше 70 тыс. граждан, включая более 30 тыс. детей.

Помощь Красной армии выражалась и в заботливом отношении к военнослужащим, находящимся после ранений и болезней на излечении в эвакуационных госпиталях. В июле 1941 г. на территории Чувашии планировалось сформировать эвакогоспитали на 3850 коек, которые располагались в зданиях больниц, школ, учебных заведений, клубов и т.д. [15, д. 5, л. 99–101]. Но растущие потребности в военных медицинских учреждениях потребовали дополнительные помещения [10, д. 17, л. 21]. К осени 1941 г. вместительность эвакогоспиталей составила 4732 койки [10, д. 17, л. 106]. В 1942 г. в республике функционировало 15 эвакогоспиталей, которые находились в Чебоксарах, Алатыре, Канаше, Цивильске, Шумерле, а также в поселках Вурнары, Шихазаны, Козловка и селе Чуварлеи [20, д. 64, л. 16]. Каждый госпиталь имел свою специализацию [20, д. 64, л. 53–53 об.]. Через них прошли более 100 тыс. раненых и больных воинов, из них 72,3 % возвращены в строй. Во время лечения некоторые пациенты выражали желание помочь госпиталю. Им предлагали заняться столярными, сапожными и слесарными работами, уборкой двора, работой на кухне и переноской больных из палат. Также им поручали мелкие задачи, связанные с изготовлением перевязочного материала [18, л. 34–34 об.]. Над госпиталями шефствовали районы и колхозы, предприятия и учреждения. Школьники посещали госпитали, читали раненым газеты, книги, помогали писать письма, устраивали небольшие концерты [3, л. 16, № 59]. Частыми гостями в госпиталях были и театральные труппы республики [24, л. 1]. Несмотря на то что большинство пациентов успешно выздоравливали, к сожалению, были и случаи с летальным исходом. О чем и свидетельствуют списки умерших от ран военнослужащих в эвакогоспиталях [19, л. 46–46 об.]. Помимо лечения советских солдат чувашские медики поднимали на ноги и военнопленных. На территории республики работал спецгоспиталь № 3064 для воен-

нопленных, который находился в г. Козловка. 10 марта 1943 г. туда прибыла первая партия из 364 чел., к концу года их число достигло 859. Среди них были представители разных национальностей. Медицинский персонал работал на пределе возможностей, борясь с инфекциями, завшивленностью и истощением [11, д. 11, л. 65–68].

В годы войны труженики сельского хозяйства республики столкнулись с серьезными вызовами. С первых дней войны для нужд фронта были мобилизованы тракторы и грузовые автомобили, в результате чего к весне 1942 г. их количество сократилось до 10 %, а рабочих лошадей осталось примерно половина [15, д. 5, л. 17]. Наиболее тяжелым стала мобилизация мужчин призывного возраста, включая рядовых работников, механизаторов, бригадиров, специалистов и председателей колхозов, что оставило деревню без опытных мужских рук. Война тяжело отразилась на благосостоянии тружеников села. Объемы поставок сельскохозяйственных продуктов и платежей государству в годы войны возросли. В питании колхозников сократилось потребление хлеба и других продуктов из-за введения карточной системы [15, д. 4, л. 437]. К тому же во время прополочных работ и сенокоса на эти работы мобилизовали все население республики [9, д. 135, л. 23]. Сельскохозяйственные работники внесли значительный вклад в обеспечение армии и тыла продовольствием, а промышленности – сырьем. В годы войны республика производила больше зерна, картофеля, овощей, мяса, молока и махорки, чем требовалось для нужд государства [15, д. 24, л. 127; 2, № 2156, 22943]. Для нужд армии колхозы также поставляли лошадей [9, д. 149, л. 37–38].

Население активно участвовало в пополнении фондов обороны и Красной армии, собирая средства на боевую технику. Например, председатель колхоза «Марс» А.Г. Гаязов из Яльчикского района выделил деньги на танковую колонну «Колхозник Чувашии» и приобрел самолет для уроженца г. Алатырь А.В. Кочетова [2, № 22944]. Важную роль в финансировании военных расходов сыграли государственные займы и денежно-вещевые лотереи [3, л. 12, № 45; 7, л. 34–34 об.]. В тяжелое военное время Чувашия активно участвовала в восстановлении народного хозяйства городов и областей, пострадавших от немецко-фашистских захватчиков. В эти районы направлялись тысячи тонн картофеля, зерна и других необходи-

мых продуктов [15, д. 16, л. 176; 15, д. 14, л. 221–221 об.]. В 1944 г. Чувашская АССР направила в Курскую область 20 тракторов и 20 плугов [14, д. 638, л. 44]. Весной 1943 г. в Сталинград было направлено около 70 специалистов [11, д. 3, л. 64].

С началом войны многие предприятия стали в срочном порядке эвакуировать из прифронтовой зоны вглубь страны. В Чувашскую АССР прибыли специалисты и оборудование 28 заводов, производств и цехов. Самым крупным и значимым из них стал Чебоксарский электроаппаратный завод (в годы войны – завод № 654), основанный на базе Харьковского электромеханического [15, д. 3, л. 71–72], и Ленинградского завода «Электрик» [10, д. 15, л. 50]. В 1941 г. станки были выгружены в чистом поле на окраине города [2, № 3842]. Строительство завода шло в тяжелых условиях: рабочие трудились по 10–18 часов в день. К январю 1942 г. завод выпустил первую продукцию. В 1944 г. за успешное выполнение задания завод получил орден Трудового Красного Знамени и неоднократно награждался переходящим Красным знаменем ВЦСПС [4, л. 36, № 31, 32] и Государственного комитета обороны [3, л. 8, № 30.]. За короткий срок также были построены и предприятия легкой промышленности. На выставке можно увидеть постановления Совнаркома Чувашской АССР о размещении текстильной фабрики в Канаше и эвакуированной махорочной фабрики из Черкасс в Алатыре [9, д. 115, л. 38; 15, д. 3, л. 32]. Рабочий класс республики самоотверженно трудился ради победы. Родина высоко оценила их усилия. В экспозиции достойное место заняли портреты стахановцев и передовиков, а также списки тех, кто был удостоен наград [2, № 3859; 3, л. 4, № 7; 27, д. 653, л. 27–28].

В условиях военного времени многие виды деятельности претерпели значительные изменения в своей работе. Наиболее ярко это выразилось в культуре. Дело в том, что осенью 1941 г. в связи с передачей для воинских частей и других военных нужд, а также сложного финансового положения была приостановлена работа некоторых культурных учреждений [25, л. 41]. Чувашский государственный академический театр взял на себя всю концертно-эстрадную деятельность. Только за первые два года войны появилось более 30 новых постановок. Актеры знакомили с ними население не только столицы, но и районных центров, воинские части,

госпиталя [35, д. 325, л. 69–70]. С 15 ноября 1942 г. по 7 февраля 1943 г. в Чебоксарах работала выставка «Художники Чувашии в дни Отечественной войны», в которой приняли участие признанные мастера искусств республики и эвакуированные художники из Москвы [40, л. 6]. Особая задача была возложена на органы кинофикации. Они рассказывали о событиях на фронте, показывая кинохронику, и укрепляли моральный дух населения с помощью патриотического кино. Например, в августе 1942 г. в Чебоксарском кинотеатре демонстрировался документальный фильм «Ленинград в борьбе» [50, с. 2]. До войны в Чебоксарах насчитывалось около 40 коллективов художественной самодеятельности. С началом войны практически все они распались. Возрождение началось с конца 1942 г. Практически при каждом учреждении действовал свой кружок самодеятельности [3, л. 20 об., № 74].

С серьезными вызовами в условиях суровых испытаний войны столкнулись работники народного образования Чувашской АССР. Несмотря на это, учебный процесс продолжался. Педагоги и школьники активно помогали стране и Красной армии: проводили агитационную работу, собирали денежные средства, участвовали в сельскохозяйственных работах во время каникул, заготавливали лечебные травы, орехи, теплые вещи, выступали в госпиталях и мн. др. [16, д. 2215, л. 88–91]. Также не прекращали работу и детские сады [27, д. 715, л. 11; 3, л. 17, № 62, л. 18 об., № 69]. Высшие учебные заведения, включая Чувашский педагогический институт, столкнулись с трудностями из-за утраты учебной базы и общежитий в начале войны. Институт был вынужден переехать в Мариинский Посад, где работал в неприспособленных условиях до конца войны. За этот период он подготовил 538 учителей различных дисциплин. В 1942/1943 учебном году было зачислено 177 студентов [33, л. 48]. В 1941–1942 гг. в Чувашском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории были приостановлены научные исследования. Сотрудники проводили лекции и доклады для бойцов гарнизона и в госпиталях, рассказывая об истории страны и чувашского народа. Директор института П.Г. Григорьев работал над темой «Чувашский народ на защите Родины». В 1944 г. вышел сборник документов о восстании чувашского крестьянства в 1842 г. Продолжалась подготовка XVII выпуска словаря Н.И. Ашмарина [34,

л. 6–14 об.]. Активная работа шла и по направлению физкультуры и спорта. Спортивные организации активно участвовали в процессе физической закалки граждан в рамках всевобуча, все мероприятия имели военизированный характер [41, л. 83–84].

Особое внимание уделялось нуждам семей военнослужащих. Только в 1943 г. по республике выплачено пособий на 67 млн руб. и пенсии на 10 млн руб. Помощь включала выделение скота, земельных участков, семян, трудоустройство, единовременные выплаты (продукты, одежда, обувь), а также места в школах, детских садах и оздоровительных учреждениях. Для улучшения жилищных условий выделяли жилплощадь и ремонтировали квартиры [27, д. 649, л. 188]. Нуждались в особом внимании инвалиды войны. Для них открывали специальные магазины. Тех, кто мог работать, старались трудоустроить и обучали новым специальностям [41, л. 91–91 об.].

В годы войны смягчилась политика государства в отношении церкви. Верующие активно участвовали во всенародной помощи фронту, в т.ч. в сборе средств на танковую колонну «Дмитрий Донской» [38, л. 54]. Священнослужители играли активную роль. На 1 апреля 1944 г. из 309 недействующих церквей функционировало 10 [37, л. 5]. В Чебоксарах вновь открыли Введенский собор, первая служба прошла 7 января 1944 г.

Третий раздел выставки ознаменован вдохновляющим призывом, которым жила вся страна – «Враг будет разбит, победа будет за нами…», и посвящен фронтовым будням. В боевом отзыве на санинструктора 2-го стрелкового батальона 1091-го стрелкового полка 324-й стрелковой дивизии М.И. Пехтеревой отражена судьба многих девушек [28, д. 1, л. 19]. Под непрерывными бомбежками они выносили раненых бойцов, вес которых был вдвое-втрое больше их собственного. Несмотря на все трудности, девушки с честью выполняли свой долг. Наглядно иллюстрирует нелегкий труд санитарок и медсестер расположившаяся рядом фотография, на которой хрупкая девушка эвакуирует раненого бойца [2, № 15911]. Здесь же представлен и групповой фотоснимок личного состава 146-го медико-санитарного батальона 141-й стрелковой дивизии [2, № 15947]. Тяжелые фронтовые будни отражены на выставке архивными фотографиями с мест боевых действий [2, № 15758, 15761, 15970, 16005], боевыми характеристиками на 1-ю батарею 887-го артилле-

рийского полка 324-й стрелковой дивизии [28, д. 1, л. 23] и, конечно же, фронтовыми газетами [27, д. 615, л. 49; 78, л. 4 об.]. Фронтовые газеты не могли бы выходить без военных корреспондентов. Одним из таких был знаменитый чувашский писатель Л.Я. Агаков. С сентября 1941 г. он был на фронте, воевал на Западном, Центральном, 1-м Белорусском фронтах. Был командиром стрелковой роты, позднее – сотрудником редакции газеты «Советский патриот» 354-й стрелковой дивизии. В своем письме к директору Чувашского книжного издательства П.Т. Золотову военкор описывает свою нелегкую работу: «материалы приходится организовывать под пулями и снарядами, сам верстаю, сам держу корректуру» [17, л. 9–9 об.]. В качестве иллюстраций фотоснимки, на которых сотрудники дивизионных газет работают над новыми выпусками [2, № 4271, 15701, 15752, 19184, 19659]. Фронтовую жизнь, полную трудностей, скрашивали коллективы самодеятельности [2, 18562]. Но кроме самодеятельности на фронтах работали профессиональные артисты в составе артистических или концертных бригад. В 1943 г. Чувашский государственный ансамбль дал 128 концертов на фронте, выступая перед 80 тыс. бойцов и командиров Калининского и Брянского фронтов. Отзыв на их выступления представлены в экспозиции [35, д. 359, л. 6].

Особый интерес на выставке вызывает стенд с фронтовыми письмами. Здесь представлены письма Героя Советского Союза А.Н. Боголюбова матери и сестре [46, л. 2], заместителя редактора дивизионной газеты В.О. Алагера – его другу и коллеге В.А. Долгову [45, д. 103, л. 1], а также дневник красноармейца Н.А. Андреева с воспоминаниями о событиях войны [48]. Помимо фронтовых писем здесь можно увидеть и весточки с тыла, которые писали родные солдат. Поразительно, что принадлежат они одной семье – Ермолаевым [39, д. 82, л. 4; 39, д. 83, л. 17, 57]. На выставке также была представлена трогательная история любви. Она основана на реальных событиях, которые произошли с обычными молодыми людьми в годы войны. В.Н. Кангин и А.Д. Соловьева встретили друг друга в трудное время и пронесли свою любовь через фронтовые дороги, сохранив ее на протяжении долгих лет [1; 43, л. 43, 44–45]. Символичным завершением раздела стал стенд с наградными документами наших земляков [39, д. 80, л. 3; 44, д. 64, л. 1; 45, д. 68, л. 1; 45, д. 77; 47, л. 28; 84]. Особо выделяются списки уроженцев Чувашии,

награжденных медалями [6, д. 11], а также список уроженцев Красночетайского района Чувашской АССР, удостоенных медали «За освобождение Праги» [36, л. 162–162 об.].

Завершением всей выставки стал раздел «Победа – одна на всех!». Центральное место заняло долгожданное известие – окончание Великой Отечественной войны. Передовица газеты «Красная Чувашия» от 9 мая 1945 г. вышла с торжественным заголовком «С победой, товарищи!», где были опубликованы Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая праздником победы и акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил [51, с. 1]. Настоящим символом победы стали фотографии, запечатлевшие советских солдат у здания Рейхстага в Берлине. На снимке, представленном на выставке, можно увидеть работников штаба 60-й гвардейской стрелковой дивизии, которые стоят и сидят у одного из входов в Рейхстаг [2, № 20105]. На другом групповом фото, сделанном где-то в Германии, запечатлены медработники 220-го отдельного медико-санитарного батальона [2, №15766]. Продолжают подборку победного 1945 г. снимки разрушенного Рейхстага и Бранденбургских ворот и, конечно же, легендарный Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 г. [43, л. 393, 394]. Для тех солдат, кто дошел до конца и встретил День Победы, особенно ценна медаль «За взятие Берлина». Среди уроженцев Чувашии, удостоенных этой награды, выделяются солдаты и офицеры, проявившие исключительное мужество при взятии столицы Германии. Их имена – важная часть истории, напоминающая о необходимости беречь мир. Узнать имена героев можно из списка награжденных медалью из Красночетайского района Чувашской АССР [36, л. 160–161 об.]. В разделе особое внимание уделено сохранению памяти о Великой Отечественной войне. Здесь представлены фотографии памятников в различных населенных пунктах Чувашии [2, № 4924, 4951, 15131], снимки парадов Победы разных лет [2, № 18713, 21416/2] и встреч ветеранов с молодежью [2, № 6243, 16732]. Кроме того, представлены документы о переименовании улиц в честь Героев Советского Союза [42, л. 62]. Уроженцы Чувашии проявили мужество на полях сражений, самоотверженно трудились на промышленных предприятиях, стройках, в колхозах, на транспорте, в учреждениях связи, активно участвовали во всенародной помощи фронту. За свои ратные

подвиги они были награждены орденами и медалями [22, л. 185; 29, л. 63]. После войны правительство республики сосредоточилось на заботе о ветеранах. Особое внимание уделялось их материально-бытовому и медицинскому обслуживанию [15, д. 28, л. 95–95 об.; 23, л. 235–237].

Историко-документальная выставка «Славному подвигу нет забвения» дает полное и многогранное представление о вкладе жителей региона в общую победу. Более того, она играет ключевую роль в сохранении исторической правды и памяти о подвигах наших предков, что особенно важно в контексте празднования 80-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Представленные архивные документы, фотографии, личные вещи участников войны и другие экспонаты демонстрируют не только общеизвестные факты, но и личные истории, эмоции и переживания людей того времени. Это превращает экспозицию в живое повествование о войне, о ее влиянии на судьбы людей и на историю страны.

Источники и литература

1. *Александрова О.В.* Цветы в фронтовом конверте // Советская Чувашия. – 2011. – № 181. – С. 4.

2. ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Коллекция фотодокументов. Оп. 2.

3. ГИА ЧР. Коллекция фотодокументов. Оп. 4. Д. 18.

4. ГИА ЧР. Коллекция фотодокументов. Оп. 4. Д. 20.

5. ГИА ЧР. Ф. Р-11. Оп. 10.

6. ГИА ЧР. Ф. Р-11. Оп. 11.

7. ГИА ЧР. Ф. Р-18. Оп. 26. Д. 15.

8. ГИА ЧР. Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 144.

9. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 30.

10. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11.

11. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 13.

12. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 14. Д. 17.

13. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 18. Д. 79.

14. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 19.

15. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 23.

16. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1.

17. ГИА ЧР. Ф. Р-236. Оп. 1. Д. 1216.

18. ГИА ЧР. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 1523.

19. ГИА ЧР. Ф. Р-259. Оп. 2. Д. 117.
20. ГИА ЧР. Ф. Р-259. Оп. 4.
21. ГИА ЧР. Ф. Р-427. Оп. 7. Д. 10.
22. ГИА ЧР. Ф. Р-427. Оп. 9. Д. 83.
23. ГИА ЧР. Ф. Р-427. Оп. 10. Д. 336.
24. ГИА ЧР. Ф. Р-538. Оп. 3. Д. 3.
25. ГИА ЧР. Ф. Р-538. Оп. 5. Д. 3.
26. ГИА ЧР. Ф. Р-825. Оп. 12. Д. 168.
27. ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 1.
28. ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 14.
29. ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 15. Д. 15.
30. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1.
31. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 2. Д. 58.
32. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 3. Д. 7.
33. ГИА ЧР. Ф. Р-1335. Оп. 6. Д. 11.
34. ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 147.
35. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1.
36. ГИА ЧР. Ф. Р-1685. Оп. 2. Д. 17.
37. ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 15.
38. ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 4.
39. ГИА ЧР. Ф. Р-1917. Оп. 1.
40. ГИА ЧР. Ф. Р-1923. Оп. 1. Д. 34.
41. ГИА ЧР. Ф. Р-1989. Оп. 1. Д. 102.
42. ГИА ЧР. Ф. Р-2385. Оп. 1. Д. 153.
43. ГИА ЧР. Ф. Р-2461. Оп. 1. Д. 29.
44. ГИА ЧР. Ф. Р-2495. Оп. 1.
45. ГИА ЧР. Ф. Р-2525. Оп. 1.
46. ГИА ЧР. Ф. Р-2616. Оп. 1. Д. 1.
47. ГИА ЧР. Ф. Р-2784. Оп. 1. Д. 3.
48. ГИА ЧР. Ф. Р-2987. Оп. 1. Д. 3.
49. Красная Чувашия. – 1941. – 23 июня. – № 146.
50. Красная Чувашия. – 1942. – 7 авг. – № 183.
51. Красная Чувашия. – 1945. – 9 мая. – № 88.
52. Указ Главы Чувашской Республики от 24.10.2024 № 114 «Об объявлении в Чувашской Республике 2025 года Годом Победы и патриотизма» // URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/2100202410240001 (дата обращения: 05.07.2025).
53. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51589 (дата обращения 05.07.2025).

A.Yu. Gusarova

«THERE IS NO OBLIVION TO THE GLORIOUS FEAT»: A REVIEW OF THE HISTORICAL AND DOCUMENTARY EXHIBITION OF THE STATE HISTORICAL ARCHIVE OF THE CHUVASH REPUBLIC

Annotation. The article is devoted to the analysis of the content and scientific and historical significance of the historical and documentary exhibition «There is no oblivion for the Glorious Feat», prepared by the State Historical Archive of the Chuvash Republic. The paper examines the main thematic blocks of the exposition, reflecting the heroic past of the region and the contribution of its inhabitants to the victory.

Keywords: historical and documentary exhibition, State Historical Archive of the Chuvash Republic, Chuvashia, historical memory, patriotic education, archival documents.

УДК 93

Т.Ю. Еремина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. В статье отмечается, что государственная политика направлена на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Автор представляет мнения ученых по осмыслению дефиниций «память», «патриотизм», а также приводит социологические исследования последних лет, которые направлены на выявление и анализ ценностных ориентаций современной молодежи. Кроме того, в статье приводятся данные исследования в рамках Межрегионального проекта по патриотическому воспитанию детей и молодежи «Поисковики – школам» в Кировской области.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, историческая память, патриотизм, Великая Отечественная война, Кировская область, педагогические практики патриотического воспитания.

В последние годы политика государства ориентирована на сохранение и укрепление традиционных ценностей. В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

A.Yu. Gusarova

«THERE IS NO OBLIVION TO THE GLORIOUS FEAT»: A REVIEW OF THE HISTORICAL AND DOCUMENTARY EXHIBITION OF THE STATE HISTORICAL ARCHIVE OF THE CHUVASH REPUBLIC

Annotation. The article is devoted to the analysis of the content and scientific and historical significance of the historical and documentary exhibition «There is no oblivion for the Glorious Feat», prepared by the State Historical Archive of the Chuvash Republic. The paper examines the main thematic blocks of the exposition, reflecting the heroic past of the region and the contribution of its inhabitants to the victory.

Keywords: historical and documentary exhibition, State Historical Archive of the Chuvash Republic, Chuvashia, historical memory, patriotic education, archival documents.

УДК 93

Т.Ю. Еремина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. В статье отмечается, что государственная политика направлена на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Автор представляет мнения ученых по осмыслению дефиниций «память», «патриотизм», а также приводит социологические исследования последних лет, которые направлены на выявление и анализ ценностных ориентаций современной молодежи. Кроме того, в статье приводятся данные исследования в рамках Межрегионального проекта по патриотическому воспитанию детей и молодежи «Поисковики – школам» в Кировской области.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, историческая память, патриотизм, Великая Отечественная война, Кировская область, педагогические практики патриотического воспитания.

В последние годы политика государства ориентирована на сохранение и укрепление традиционных ценностей. В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

российских духовно-нравственных ценностей» представлен спектр традиционных российских ценностей. Они являются нравственными ориентирами, которые формируют мировоззрение граждан России и лежат в основе общероссийской гражданской идентичности [12]. М.К. Горшков считает, что в основе гражданской идентичности лежит «историческое самосознание народа, объединяющее национально-государственные символы и память социальных, региональных и поколенческих групп о значимых исторических достижениях социума и государства» [4, с. 237].

Среди традиционных духовно-нравственных ценностей упоминаются такие ценности, как «патриотизм», «историческая память и преемственность поколений». Представим мнения ученых по осмыслению понятий «память», «патриотизм», а также примеры социологических исследований по данной тематике.

Исследователи обозначают разные подходы к пониманию дефиниции «память». Одни (И.М. Савельева, А.В. Полетаев) делают акцент на свойстве памяти хранить социально востребованную информацию в формате массовых знаний о прошлой социальной реальности [11]. Другие (Э. Дюркгейм) рассматривают память как процесс трансляции, реконструкции, актуализации общего для группы прошлого [5]. Третьи (Я. Ассман) определяют память как интегративное единство контента («константных кодов») и деятельности по его межпоколенной трансляции («интерпретационные коды») [1]. П. Нора, определяя «историческую память», говорит о материальности, функциональности и символичности мест памяти [3, с. 8].

В трактовке концепта «патриотизм» исследователи отмечают, что он формируется под влиянием внешних (Н.Н. Седова) и внутренних факторов, имеет в своей основе биологическую, духовную и социальную природу (А.Н. Вырщиков). Духовное начало, по мнению А.Н. Вырщикова, объясняет истоки сущего и существенного в жизни человека, открывая перед ним совесть. Биологическое начало – это инстинктивная привязанность к месту проживания, обычаям, окружающим людям. Социальное начало формирует человека, когда формируется общественное и индивидуальное сознание. Как общественное оно находится «внутри» общественных отношений, как индивидуальное – вне их, выражая социальную сущность человека [10, с. 98–99].

Исследования по патриотическому воспитанию молодежи осуществляются учеными с позиций различных методологических подходов, через реализацию педагогических условий, моделей и систем патриотического воспитания. Г.Х. Валеева и Н.А. Ивашкина предложили модель патриотического воспитания средствами этнопедагогики, И.В. Прошек – средствами региональных культурных ценностей, И.В. Мельчакова – средствами культурно-досуговой деятельности, В.В. Литвиненко – в условиях межкультурного пространства. Большинство авторов рассматривают патриотизм как нечто привнесенное обществом, государством, цивилизацией или культурой [10, с. 98–99].

Понятия «историческая память», «патриотизм» исследуются и в ходе социологических опросов последних лет. Было установлено, что гражданская идентичность современного российского общества по-прежнему ориентирована на советское наследие. В качестве таковых граждане традиционно называют победу советского народа в Великой Отечественной войне, восстановление страны после ее окончания, великих отечественных деятелей культуры и искусства [2, с. 96].

Социологи констатируют, что главными источниками исторических сведений являются публицистические материалы: исторические художественные и документальные фильмы и сериалы, семейные архивы, а также Интернет, особенно для молодежи (37 %). Многие респонденты ценят различные способы личностного прикосновения к прошлому. Это, прежде всего, воспоминания близких, семейные предания, архивы, бережно сохраняемые старинные вещи (32 %). Кроме того, социологические данные показывают, что одним из основных источников информации россиян об истории страны является семейная память [2, с. 97].

В исследованиях О.В. Катуржевской, Т.С. Кочуриной опрашивались подростки 14–17 лет об их отношении к традиционным ценностям. Анализ полученных результатов показал, что в устойчивое ядро ценностей подрастающего поколения входят следующие традиционные ценности: «семья» – 74,8 %; «мир» – 60,4 %; «здоровье» – 59,5 %. Меньшую значимость в молодежной среде имеют такие ценности, как «патриотизм» – 43,6 %; «познание» – 43,1 %; «труд» – 41,6 %; «гражданственность» – 34,8 % [8, с. 130–131].

Понятие «патриотизм» 34,8 % респондентов связывают с национальным самосознанием, гордостью за принадлежность к своей нации, народу; 23,6 % – любовью к Родине, верностью национальной культуре, традициям; 7,8 % – желанием трудиться для благосостояния Отчизны, чтобы Россия была авторитетным, мощным и уважаемым в мире государством; 5,3 % – с интернационализмом, желанием сотрудничать с людьми другой национальности во имя интересов Родины; 2,7 % считают патриотизм романтическим образом, литературной выдумкой; 1,8 % – самопожертвованием ради блага России или спасения; 3,7 % опрошенных считают, что патриотизм в настоящее время не актуален, не современен [7, с. 15].

В Кировской области в 2021 г. в рамках реализации Межрегионального проекта по патриотическому воспитанию детей и молодежи «Поисковики – школам» было проведено интересное исследование. Его цель – оценка основных компонентов патриотизма молодежи, а также выявление наличия (отсутствия) взаимосвязи между компонентами, отражающими патриотическое отношение, и патриотической деятельностью.

В качестве исследуемых компонентов были выбраны: знание истории своей страны, отношение к истории своей страны, отношение к текущей политической ситуации, отношение к службе в армии и отношение к региональной миграции молодежи. Более подробно представим ответы респондентов на первые два вопроса.

Знание истории своей страны оценивалось по ответам на вопрос: «Назови три ключевых сражения Великой Отечественной войны». По результатам анкетирования все ответы объединены в 2 группы:

• 1 – те, кто смог назвать правильно – 64 %;

• –1 – те, кто не смог назвать или назвал неправильно (например, встречались ответы – Куликовская битва, Невская битва и т.д.) – 36 % [9, с. 158].

При оценке отношения к истории своей страны использовался вопрос: «С чем у тебя ассоциируется термин «Великая Отечественная война?».

Полученные ответы объединены в три группы:

• –1 – у респондентов доминируют негативные ассоциации: боль, много смертей, трагедия, потеря близких и т.д. – 41 %;

• 1 – у молодежи доминируют положительные ассоциации: победа, гордость за страну, гордость за наших дедов, «праздник со слезами на глазах» – 32 %;

• 0 – те, кто не смог ответить на данный вопрос, или названные ассоциации являются смешанными – 27 % [9, с. 158].

Респондентам предложили также ответить на вопрос: «Участвовали ли твои родственники в Великой Отечественной войне, в каком подразделении, на каком фронте, в каких родах войск?». Ответ на данный вопрос косвенно указывает, в какой степени в семье обсуждают тему войны, участие в ней членов семьи. Степень детализации – показатель того, что в данной семье гордятся участием члена семьи в Великой Отечественной войне, чтут память о нем и стараются передать ее следующему поколению.

Полученные ответы объединены в три группы:

• –1 – респондент не смог ответить на вопрос, либо не знает, участвовал ли кто-то из родственников в Великой Отечественной войне – 40 %;

• 0 – смогли сказать, что «да, участвовали», но больше никакой информации сообщить не смогли – 27 %;

• 1 – знают не только о том, что их родственник участвовал, но смогли дать еще дополнительную информацию: род войск, участок фронта, звание и другие подробности – 33 % [9, с. 160–161].

Кировские исследователи отметили, что чем больше гордость за победу в Великой Отечественной войне, тем менее согласен молодой человек с позицией желающих уклониться от службы в армии, и наоборот, чем больше негативных ассоциаций, связанных с войной, тем больше согласен респондент с желающими уклониться от службы [9, с. 162].

Констатируем, что историческая память о Великой Отечественной войне в молодежной среде имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Считаем, что успешное формирование традиционных духовно-нравственных ценностей возможно через распространение лучших педагогических практик патриотического воспитания молодежи среди педагогов, образовательных организаций региона.

Например, при реализации регионального плана мероприятий, посвященного 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады на 2023/2024 учебный год в Кировской области,

были проведены три образовательных семинара для педагогов региона, в том числе о нашем земляке Маршале Победы Говорове Л.А. как освободителе Ленинграда. В декабре 2023 г. для обучающихся Кировской области состоялся Урок мужества, посвященный Дню Героев Отечества.

В ноябре 2023 г. в рамках Осенней конференции по реализации обновленных ФГОС основного общего и среднего общего образования «Поиск и освоение современных методик и практик достижения образовательных результатов» были представлены лучшие педагогические практики патриотического воспитания: формирование гражданской позиции обучающихся с использованием ресурсов проектной, учебно-исследовательской деятельности; формирование патриотических качеств молодежи с использованием ресурсов школьного музея, краеведческого материала, общественных движений и др. [6, с. 87–88]

Некоторые образовательные организации Кировской области данное направление выбрали для инновационной деятельности. Так, МБОУ СОШ с УИОП № 62 им. А.Я. Опарина г. Кирова в 2023–2024 гг. стала региональной инновационной площадкой по теме «Патриотическое воспитание обучающихся через воспитательные события в образовательной организации».

Лучшие практики патриотического воспитания были представлены ею как на региональном (пять семинаров, Фестиваль инновационных проектов и программ, Фестиваль региональных инновационных площадок), так и на всероссийском (II Всероссийский образовательный форум «Государственная ценностная политика в системе образования»), и на международном уровне (телемост с Республикой Беларусь в рамках I регионального форума классных руководителей в Кировской области).

Таким образом, необходимо внедрять эффективные практики патриотического воспитания, в том числе на примере Великой Отечественной войны, для успешного формирования у молодежи традиционных духовно-нравственных ценностей, таких как «историческая память и преемственность поколений», «патриотизм».

Источники и литература

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004.

2. *Бараш Р.Э.* Историческая память и историческая компетентность россиян: социологическое измерение // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2021. – № 4. – Т. 4. – С. 93–103.

3. *Головашина О.В.* Исторический факт как место памяти: П. Нора и исследования локального прошлого // TEMPUS ET MEMORIA. – 2022. – № 2. – Т. 3. – С. 6–12.

4. *Горшков М.К.* Массовое историческое самосознание и национально-государственные символы в контексте укрепления российской идентичности // Россия: единство и многообразие: к 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (16–17 нояб. 2022 г.). – М., 2023. – С. 237–247.

5. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М., 1998. – С. 174–231.

6. *Еремина Т.Ю.* Некоторые аспекты формирования исторической памяти: теория и практика // Историко-педагогические чтения. – 2024. – № 28. – С. 85–89.

7. *Катуржевская О.В., Кочурина Т.С.* Социально-педагогический анализ представлений современных подростков о традиционных ценностях // Научно-педагогическое обозрение. – 2022. – № 3 (43). – С. 8–18.

8. *Катуржевская О.В., Кочурина Т.С.* Выявление отношения современного подрастающего поколения к традиционным ценностям // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79-2. – С. 129–132.

9. *Комлев В.А., Балыбердин Ю.А., Смирнов М.А., Морзунов А.П.* Оценка уровня прагматичного патриотизма молодежи Кировской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2023. – № 1 (69). – С. 155–164.

10. *Першина Ю.В., Еремина Т.Ю.* Цивилизационный подход к развитию идей патриотизма в России в XX – начале XXI в.: учеб.-метод. пособие. – М., 2019.

11. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Историческая память: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. – М., 2005. – С. 170–221.

12. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения: 09.06.2025).

T.Yu. Eremina

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article notes that state policy is aimed at preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values. The author presents the opinions of scientists on the understanding of the definitions of “memory”, “patriotism”, and also cites sociological studies of recent years, which are aimed at identifying and analyzing the value orientations of modern youth. In addition, the article provides research data within the framework of the Interregional project on patriotic education of children and youth “Search Engines - to Schools” in the Kirov Region.

Keywords: traditional spiritual and moral values, historical memory, patriotism, the Great Patriotic War, Kirov region, pedagogical practices of patriotic education.

УДК 378

Т.И. Жаркова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ТАНКИСТАХ УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА (К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

Аннотация. Представлены и рассмотрены понятия «историческая память», «глобализация», данные в «Тематическом словаре методических терминов по иностранному языку», а также в научных трудах историка Г.Б. Могильницкого. Показаны отношение народа к событиям 1941 г. и готовность без промедления защищать свою Родину от врага. Отмечена необходимость воспитания у обучающихся патриотических чувств и любви к Родине и своему Отечеству.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Год защитника Отечества, историческая память, Город трудовой доблести, воспитание патриотизма.

T.Yu. Eremina

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article notes that state policy is aimed at preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values. The author presents the opinions of scientists on the understanding of the definitions of “memory”, “patriotism”, and also cites sociological studies of recent years, which are aimed at identifying and analyzing the value orientations of modern youth. In addition, the article provides research data within the framework of the Interregional project on patriotic education of children and youth “Search Engines - to Schools” in the Kirov Region.

Keywords: traditional spiritual and moral values, historical memory, patriotism, the Great Patriotic War, Kirov region, pedagogical practices of patriotic education.

УДК 378

Т.И. Жаркова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ТАНКИСТАХ УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА (К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

Аннотация. Представлены и рассмотрены понятия «историческая память», «глобализация», данные в «Тематическом словаре методических терминов по иностранному языку», а также в научных трудах историка Г.Б. Могильницкого. Показаны отношение народа к событиям 1941 г. и готовность без промедления защищать свою Родину от врага. Отмечена необходимость воспитания у обучающихся патриотических чувств и любви к Родине и своему Отечеству.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Год защитника Отечества, историческая память, Город трудовой доблести, воспитание патриотизма.

«Победа! Это величайшее счастье для солдата – сознание того, что ты помог своему народу победить врага, отстоять свободу Родины, вернуть ей мир. Сознание того, что ты выполнил свой солдатский долг, долг тяжкий и благородный, выше которого нет ничего на земле!»

К.К. Рокоссовский

9 мая 2025 г. человечество отпраздновало 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. 2025 год объявлен Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Годом защитника Отечества в честь наших героев и участников Специальной военной операции сегодня и в память о подвигах всех наших предков, сражавшихся в разные исторические периоды за Родину, и, конечно, в честь наших многочисленных солдат, не задумываясь вставших на защиту Родины в тяжелое для страны время.

Мы должны не только не забывать, но и умело предоставлять обучающимся «информацию о прошлом своей страны, своего региона для передачи накопленного общественного опыта, т.е. формировать у них историческую память, другими словами, формировать хранилище исторического опыта русского народа и народов, населяющих нашу многонациональную Родину» [2, с. 8]. Историческая память – это своего рода исторические ценности народа / нации, ее «генетический код», своего рода «накопитель», которые передаются из поколения в поколение. Но необходимо указать, что, по словам Г.Б. Могильницкого, она «меняет свое содержание на разных этапах развития исторической науки» [5]. Мы сейчас не можем не заметить, что на Западе хотят «переписать» историю, приписать себе заслуги в Победе во Второй мировой войне. Историческую память прекрасно формируют, развивают знания о близких родственниках, принявших участие в борьбе с фашистами во время Великой Отечественной войны. Как жаль, что многие ветераны не дожили до этого знаменательного события не только в нашей стране, но и во всем цивилизованном мире – 80-летие Победы в Великой Отечественной войне.

Внезапно начавшаяся в 4.00 часа утра 22 июня 1941 г. война внесла свои коррективы в жизнь каждой семьи в нашей стране. Так, Ивана Леонтьевича Жаркова война застала в маленькой таежной де-

ревушке Коробейниково, состоящей из пары десятка домов. На плечи 17-летнего главы семьи, в то время уже умерли родители, легли все тяготы тогдашней жизни: воспитание младших братьев и сестер, работа по дому и в колхозе.

Кто мог остаться равнодушным в то время, когда на территорию нашей Родины внезапно вторгся враг? Каждый был готов грудью защищать свою родную землю! И Иван Леонтьевич, пройдя подготовку на курсах радистов, отправился на фронт в качестве стрелка-радиста легендарного танка Т-34 в составе Уральского добровольческого танкового корпуса с того места у главпочтамта, где сейчас стоит памятник добровольцам-танкистам. Хочется отметить, что отбор в корпус был очень строгий: взяли всего 9 тыс. чел. из 115 тыс. подавших заявлений. И Иван Леонтьевич был в их числе!

Интересен тот факт, что корпус был создан на средства уральцев: все от брони до пуговиц. Каждый житель Урала старался внести свою лепту в общее дело: освободить поскорее свою Родину от врага. 12 марта 1943 г. в передовице газеты «Челябинский рабочий» сообщалось об инициативе уральцев создать сверх плана мощное танковое соединение Красной армии. В этом же номере газеты увидело свет и стихотворение поэта Михаила Львова «За Родину, за Сталина!», ушедшего на фронт вместе с танкистами этого корпуса, вначале в качестве рядового, затем офицера связи, позже военного журналиста газеты «Челябинский рабочий». Товарищи по оружию называли его стихи «танковыми стихами», а его самого «поэтом танкистов»:

Уральцы! Люди мужества! На танки!
Сквозь плотный слой немецкого огня
Пусть нас помчит стремительно в атаки
Уральский танк, уральская броня.

Первый бой приняли на Курской дуге. Дымовая завеса: горели фашистские «тигры», к сожалению, и наша техника тоже. Потери большие: подбито около 70 % наших танков. Это была настоящая мясорубка: грохот от взрыва снарядов, рев моторов, лязганье металла, земля была пропитана кровью. Уральские танкисты продолжали вести ожесточенный бой, уже врукопашную, будучи тяжелоранеными, выбравшись из подбитых машин. Наш корпус, именуемый впоследствии фашистами *«Schwarzmesser panzerdivision»* («Ди-

визия Черных ножей»), наводил на гитлеровцев панический ужас, т.к. каждый танкист имел и умело владел клинком из закаленной златоустовской стали в черных ножнах. Красная армия показала свою силу, непоколебимость и мощь! Именно это танковое сражение явилось самым масштабным в истории и переломным моментом в войне.

В 1943 г. в Брянских лесах была написана «Песня о черных ножах» (сл. Р. Нотик, муз. Н. Комма и И. Овчинина):

Шепчут в страхе друг другу фашисты,
Притаясь в темноте блиндажей:
Появились с Урала танкисты –
Дивизия черных ножей.
Беззаветных бойцов отряды,
Их отваги ничем не убьешь.
Ой, не любят фашистские гады
Наш уральский стальной черный нож!
Как с брони автоматчики спрыгнут,
Никаким их огнем не возьмешь.
Добровольцев не смять лавину,
Ведь у каждого черный нож.

Освободив Правобережную Украину, Львов, Польшу, танкисты корпуса гнали фашистскую нечисть до самого их логова. За взятие Берлина И.Л. Жарков был награжден медалью. Восстание в Праге… И танкисты уже спешат на помощь чешскому народу. После войны танкисты-добровольцы дважды были приглашены в столицу Чехословакии. Посещали с боевыми товарищами-однополчанами места боевых сражений. Печальные воспоминания: не раз горел в танке, тяжело ранен, контужен.

Иван Леонтьевич Жарков за боевые подвиги в борьбе с врагом был награжден: орденом Отечественной войны 2-й степени за особую храбрость, стойкость и мужество в боях за Советскую Родину (09.02.1945); орденом Отечественной войны 2-й степени (06.04.1945); орденом Красной Звезды (25.05.1945); орденом Красной Звезды (13.12.1956); медалью «За отвагу» (28.08.1943); медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945); медалью «За взятие Берлина» (09.06.1945); медалью «За освобождение Праги» (09.06.1945); медалью «За боевые заслуги» (20.04.1953).

Вернувшись с войны в боевых наградах, полученных за мужество, отвагу, героизм и воинское мастерство, И.Л. Жарков, боец Уральского добровольческого танкового корпуса, постоянно выступал перед школьниками, студентами, курсантами ЧВТКУ и на челябинском телевидении. Понимал, что подрастающее поколение должно знать о войне из уст ее непосредственных участников. Тогда он еще и не подозревал, что позже найдутся люди, которые захотят переписать историю.

Да разве есть в нашей стране семья, которую бы обошла стороной война? 9 мая – самый знаменательный день в году, праздник, который мы встречаем со слезами на глазах. Чувство гордости переполняет душу, когда видим героев-ветеранов с орденами и медалями на груди. Настоящие русские, крепкие и мужественные люди, сумевшие освободить нашу Родину (и не только!) от коричневой чумы, от ненавистного врага! Жаль, очень жаль, что немногие дожили до этой знаменательной даты – 80-летия Победы в Великой Отечественной войне!

Празднование 80-летия Победы напомнило о тех тяжелых годах, что пришлось пережить всем: русским, полякам, французам … и не только, немцам в том числе. Этот праздник показал мощь и непобедимость русского народа. По Красной площади проехали танки Т-34, которые собирали на знаменитом ЧТЗ в нашем городе, называемом в годы войны Танкоградом, ныне Челябинском, а со 2 июля 2020 г. по указу президента – «Городом трудовой доблести» за значительный вклад жителей города в достижение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., обеспечение бесперебойного производства военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, проявленные при этом массовый трудовой героизм и самоотверженность.

День Победы. Как он памятен для нас! По стечению обстоятельств именно 9 мая 1943 г. состоялся митинг и парад Уральского добровольческого танкового корпуса. Почта России по инициативе медиа-группы «Наш Челябинск» подготовила специальный почтовый штемпель в память об этом событии.

В заключение хотелось бы акцентировать внимание на том, что мы не случайно взяли в качестве одного из эпиграфов к нашей статье слова маршала, дважды Героя Советского Союза К.К. Рокос-

совского (1896–1968). Победа является и сейчас великим счастьем каждого человека нашей необъятной Родины. Мы храним память о прошлом. «Из памяти народной мы черпаем силы для новых свершений, она вдохновляет на труд и на подвиг. Пока народ жив, самая нетленная память – это память, которая, переходя от поколения к поколению, вечно будет гореть в сердце народном» [1].

Необходимо отметить, что современный, постоянно меняющийся мир, характеризующийся не только процессом глобализации, «процессом интеграции человечества в единое целое (М.М. Акулич)» [3, с. 10], но и нестабильностью современной геополитической ситуации, побуждает нас задуматься об укреплении мощи нашего государства, о воспитании патриотов своей страны. Здесь уместно вспомнить слова писателя и журналиста В.М. Пескова (1930–2013): «Любить Отечество невозможно заставить декретом. Любовь надо воспитать» [6]. Любовь к Родине, к своему Отечеству, региону прививаем на уроках и во внеурочное время, а также через публикации научных трудов [7]. Обучающиеся должны видеть и знать, что такое наши ценности, «совокупности идеалов, принципов, нравственных норм, прав, имеющих приоритетное значение в жизни людей» [4].

Источники и литература

1. *Гиляревский В.П.* Война: Морские летчики. О боевом пути 47-го штурмового авиаполка ВВС ВМФ: в 2-х кн. Книга 2. Балтика. – М., 1992.

2. *Жаркова Т.И., Скачкова Е.А.* Историческая память в глобальном образовательном пространстве // Актуальные проблемы исторической памяти в современном социуме: историзация, семиотика: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, студентов и практиков (г. Пенза, 10 нояб. 2021 г.). – Пенза, 2022. – С. 7–11.

3. *Жаркова Т.И.* Тематический словарь методических терминов по иностранному языку. – М., 2017.

4. *Лихвар В.Д.* Культурология. – М., 2008.

5. *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. – М., 1989.

6. *Песков В.М.* О родине. Рассказы. – М., 2023.

7. *Zharkova T.I..* The Role Of Native Culture For The Implementation Of Intercultural Communication // X International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. 27-29 April, 2020 European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Published by European Publisher. Article no: 186. Pages 1604-1611. Doi: 10.15405/epsbs.2020.08.186

T.I. Zharkova

HISTORICAL MEMORY OF THE TANKERS OF THE URAL VOLUNTEER TANK CORPS (ON THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR)

Annotation. The concepts of «historical memory» and «globalization» given in the «Thematic Dictionary of Methodological Terms in Foreign Languages» and in the scientific works of the historian G.B. Mogilnitsky are presented and considered. The attitude of the people to the events of 1941 and their readiness to defend their homeland from the enemy without delay are shown. The need to cultivate patriotic feelings and love for the homeland and their Fatherland in students is noted.

Keywords: Great Patriotic War, Year of Defender of the Fatherland, historical memory, city of labor valor, education of patriotism.

УДК 93/94

А.М. Иванов,
К.В. Силина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕТЕРАНОВ (ПЕНСИОНЕРОВ) ВОЙНЫ, ТРУДА, ПО УВЕКОВЕЧИВАНИЮ ПАМЯТИ ПОГИБШИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Аннотация. Рассматривается деятельности Смоленской областной общественной организации ветеранов войны и труда по увековечиванию памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. Авторы описывают методы деятельности организации ветеранов войны и труда по военно-патриотическому воспитанию молодого поколения в Смоленской области, на примере уходов за воинскими и братскими захоронениями. В ходе написания статьи использовались материалы Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО), многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: места захоронений, общественная организация, памятники, пьедесталы, совет ветеранов войны и труда.

T.I. Zharkova

HISTORICAL MEMORY OF THE TANKERS OF THE URAL VOLUNTEER TANK CORPS (ON THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR)

Annotation. The concepts of «historical memory» and «globalization» given in the «Thematic Dictionary of Methodological Terms in Foreign Languages» and in the scientific works of the historian G.B. Mogilnitsky are presented and considered. The attitude of the people to the events of 1941 and their readiness to defend their homeland from the enemy without delay are shown. The need to cultivate patriotic feelings and love for the homeland and their Fatherland in students is noted.

Keywords: Great Patriotic War, Year of Defender of the Fatherland, historical memory, city of labor valor, education of patriotism.

УДК 93/94

А.М. Иванов,
К.В. Силина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕТЕРАНОВ (ПЕНСИОНЕРОВ) ВОЙНЫ, ТРУДА, ПО УВЕКОВЕЧИВАНИЮ ПАМЯТИ ПОГИБШИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Аннотация. Рассматривается деятельности Смоленской областной общественной организации ветеранов войны и труда по увековечиванию памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. Авторы описывают методы деятельности организации ветеранов войны и труда по военно-патриотическому воспитанию молодого поколения в Смоленской области, на примере уходов за воинскими и братскими захоронениями. В ходе написания статьи использовались материалы Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО), многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: места захоронений, общественная организация, памятники, пьедесталы, совет ветеранов войны и труда.

12 ноября 1986 г. была создана Смоленская областная общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. Учредительная конференция состоялась 21 марта 1987 г. В 1987 г. на общественных началах в г. Смоленске был образован городской Совет ветеранов войны и труда, в который вошли 59 ветеранов. Одновременно был создан Президиум в количестве 17 чел. и 6 комиссий по различным направлениям деятельности [5, с. 230].

Одним из направлений деятельности советского комитета ветеранов войны являлось увековечивание памяти погибших. Смоленская область в полной мере прочувствовала, что такое война. Недаром Смоленску присвоено звание Города-Героя, Вязьма и Ельня – города Воинской славы. На Смоленщине установлено более 700 памятников и мемориальных знаков, посвященных Великой Отечественной войне: стелы, памятные знаки, мемориалы и мемориальные доски, братские захоронения, боевая техника на пьедесталах... Они сооружены в местах ведения боевых действий, деятельности партизанских отрядов, казни фашистами партизан и патриотов-подпольщиков и т.д. [1, с. 96].

Комиссию по увековечиванию памяти погибших при советском комитете ветеранов войны возглавлял ветеран войны генерал-лейтенант авиации в отставке Гончаренко И.И. Она постоянно оказывала помощь местным партийным органам и Советам народных депутатов в поддержании в порядке мест воинских захоронений, мемориалов на кладбищах, памятников и обелисков на могилах, мемориальных досок на памятных местах, связанных с событиями борьбы советских людей с фашистскими оккупантами.

В проведении митингов на местах захоронений погибших воинов в День Советской армии, 9 мая и 25 сентября всегда участвовали члены секции комитета ветеранов войны. От имени ветеранов на митингах выступали участники войны, возлагались на могилах цветы. Ежегодно 9 мая в рамках Вахты памяти секцией совместно с горкомом ВЛКСМ проводились торжественно-траурное шествие ветеранов войны и молодежи г. Смоленска по улицам города к вечному огню в Сквере памяти героев и возложение гирлянд. В день освобождения Смоленска от немецко-фашистских захватчиков организовывалось факельное шествие к Кургану бессмертия в парке Реадовка [2, л. 9].

В 1987 г. в ознаменовании 70-летия Октября был проведен смотр памятников истории и культуры, по итогам конкурса отмечалась положительная работа отделения общества охраны памятников Ленинского района г. Смоленска. В течение 1987 г. в городе были установлены надгробные плиты участнику трех революций М.А. Афанасьеву и участникам подавления Кронштадтского мятежа. Была благоустроена могила участников борьбы за установление советской власти в г. Смоленске на ул. Краснофлотской, было реконструировано воинское захоронение по ул. Ударников, работы на сумму 12 тыс. руб. провел завод им. Калинина, на Таборной горе был поставлен обелиск 300 замученным фашистами советским гражданам. Учащиеся Смоленского техникума электронных приборов при участии членов совета ветеранов партизанского соединения «Батя» установили имена и увековечили память шести погибших партизан. Ими была установлена мемориальная доска в память о погибших партизанах соединения в д. Аполье Смоленской области, мемориальный знак в пос. Пржевальское в честь боев партизанских отрядов с гитлеровскими захватчиками в сентябре 1942 г., а также мемориальный знак в честь погибших минеров-комсомольцев в пос. Слобода. Студентами ВУЗов и техникумов города в составе строительных отрядов летом 1987 г. было отремонтировано и благоустроено 207 памятников и мест захоронений погибших воинов. В управление культуры облисполкома был направлен материал о взятии на учет 86 могил погибших воинов-интернационалистов [2, л. 9–10].

Смоленская областная общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов в деле увековечивания памяти погибших советских воинов тесно взаимодействовала со Смоленским обкомом КПСС. В 1987 г. на территории Смоленской области имелось 219 воинских захоронений, в том числе 23 кладбища, 177 братских и 19 индивидуальных могил. В них покоилось 173 496 погибших воинов, известны имена 120 785 погибших. На местах захоронений было установлено 676 памятников и надгробий, 51 монумент, 73 групповых скульптуры, создано 37 мемориалов, в 5 местах зажжен вечный огонь. В городе Смоленске воздвигнут курган славы [3, л. 131].

Выявление незахороненных останков и установления имен погибших в Смоленской области велось постоянно. За 1985–1987 гг.

были выявлены шесть неучтенных захоронений. В апреле 1987 г. по решению Сычевского райисполкома в деревнях Бочарово и Дудкино, у истоков реки Днепр были установлены мемориальные плиты, увековечивающие память погибших воинов 17-й гвардейской (бывшей 119-й) стрелковой дивизии. В 1987 г. проводилась работа по определению захоронений в Гагаринском, Холм-Жирковском, Духовщинском районах, Заднепровском районе г. Смоленска. Но эта важная работа в известной мере осложнялась тем, что в лесах, особенно заболоченных местах, оставалось много взрывоопасных предметов. Только за 1985–1986 гг. было обнаружено и обезврежено около 8 тыс. авиабомб, мин и артиллерийских снарядов. Из-за неосторожного обращения с ними погибло и получило увечье 8 чел. Учитывая такие обстоятельства, с июля 1987 г. к обследованию местности, где в годы Великой Отечественной войны были ожесточенные бои, были привлечены саперные подразделения. Они проводили профилактические осмотры возможных мест останков погибших воинов [3, л. 132].

Горкомам и райкомам КПСС, городским и районным Советам народных депутатов, комсомольским комитетам было поручено усилить поиск неучтенных захоронений, провести реконструкцию и благоустройство имевшихся захоронений, обозначить на них все установленные имена погибших. Контроль за выполнением этих мероприятий осуществляли отдел административных органов обкома КПСС, облисполком, облвоенкомат и обком ВЛКСМ [3, л. 131–132].

Таким образом, Смоленская секция ветеранов войны и труда при Смоленской областной общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда занималась увековечиванием воинских захоронений погибших в годы Великой Отечественной войны на героической Смоленской земле. В 2025 г. празднуется 80-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне. С каждым годом война от нас все дальше и дальше, ветеранов, участников той Великой войны, остается все меньше и меньше. Мальчикам, которым в дни Победы 1945 г. было 18–20 лет, сейчас уже более 90 лет, многих из них нет в живых [4, с. 405]. Но возвышаются на пьедесталах молчаливые свидетели былых сражений: танки, «Катюши», артиллерийские орудия, в братских и военных захоронениях покоятся герои той далекой войны, напоминая потомкам о том, что исторической памятью надо дорожить!

Источники и литература

1. *Аксенова Е.К., Иванов А.М.* «Боевые орудия на мемориалах Смоленской области – памятник славе и подвигу советской армии» // «У нас на всех одна Победа…» 75-летию Великой Победы посвящается: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: М.Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. – Могилев, 2020. – С. 96–98.

2. ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Смоленской области). Ф. 2795. Оп. 1. Д. 20. Информационный доклад о работе секции Советского комитета ветеранов войны за 1987 г. Л. 1–24.

3. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 71. Д. 44. Материалы обкома партии 1987 г. Т. 1. Л. 131–132.

4. *Иванов Д.А.* Танки на пьедесталах – свидетели дней минувших // Война и мир: уроки истории, вызовы времени: Междунар. науч.-практ. конф., Смоленск, 29 сент. 2022 г. – Смоленск, 2022. – С. 399–406.

5. *Силина К.В.* Военно-патриотическая работа Советского комитета ветеранов войны и труда в середине 1980-х гг. по материалам Смоленской области // Историко-культурные связи славянских народов: от союза племен до союза государств: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / авт.-сост.: Е.А. Ульяненкова, А.М. Иванов. – Смоленск, 2024. – С. 229–240.

A.M. Ivanov,
K.V. Silina

ACTIVITIES OF THE SMOLENSK REGIONAL PUBLIC ORGANIZATION OF VETERANS (PENSIONERS) OF WAR, LABOR, TO PERPETUATE THE MEMORY OF THOSE WHO DIED DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945

Annotation. The article examines the activities of the Smolensk Regional Public Organization of War and Labor Veterans to perpetuate the memory of those who died during the Great Patriotic War. The authors describe the methods of the organization of war and labor veterans for the military-patriotic education of the younger generation in the Smolensk Region, on the example of caring for military and mass graves. GANISO), many of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: burial sites, public organization, monuments, pedestals, council of war and labor veterans.

УДК 373.167.1

М.С. Костюхина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В ДЕТСКОМ ПЕЧАТНОМ КАЛЕНДАРЕ

Аннотация. Детские печатные календари советского времени использовались не только для определения хронологии и времени, но преимущественно для культурно-исторического просвещения и идеологического воспитания детей и школьников. Календарь кодифицировал идеологические доктрины, политические лозунги и административные постановления, заполняя ими календарную сетку праздников и будней. Об этом свидетельствуют разделы календарей, посвященные русской военной истории, в том числе событиям и героям Великой Отечественной войны. Трактовка таких исторических фактов, как День Победы 9 мая или блокада Ленинграда, менялась на страницах календаря. Форматирование военной истории зависело не только от общеполитической установки, но и от специфики детского издания. Календарь делал акцент на подвигах детей и подростков, кодифицируя пантеон юных героев войны.

Ключевые слова: печатный календарь для детей и школьников, идеологическая трансформация военной истории, красные командиры и военачальники Великой Отечественной войны, пионеры-герои в календарном формате.

Отечественный печатный календарь на протяжении своей истории использовался не только для определения хронологии и времени, но и кодифицировал идеологические доктрины, политические лозунги и административные постановления, рассказывая о них на своих страницах. В этой связи календарные артефакты (отрывные, альбомные, настенные календари) являются важными историческими документами, к которым проявляют интерес специалисты из различных областей знаний и деятельности (историки, филологи, социологи, коллекционеры) [1; 2; 5]. Вне внимания исследователей остаются детские и школьные календари, вошедшие в учебные и бытовые практики детей и подростков со второй половины XIX в. Обращение к этим календарям дает материал по вопросам просвещения и идеологического воспитания, в том числе в области военной истории страны [9].

Хронологическая часть календаря для детей имеет много общего с календарями для всех, заимствуя из них церковные, государственные и общественные праздники, памятные даты и юбилеи известных людей, даты исторических и политических событий, факты военной истории и социального строительства. Доля «взрослого» времени в детском календаре всегда очень велика. Так, до 1917 г. в детских календарях в обязательном порядке перепечатывался весь многостраничный месяцеслов и тезоименитства царского дома, а в календарях советского Детгиза обязательными были политические даты, революционные годовщины и юбилеи из «взрослого» календаря. Календарь вводил ребенка в контекст социальной и политической жизни страны, и такая функция детского календаря ценилась как особенно важная.

Помимо «взрослого» времени в детском календаре есть место значимым для ребенка событиям. Понятия об особом детском времени как социальной категории появились в обществе с наступлением «века ребенка» (так принято называть изменения в отношении детства, характерные для XX в.). К собственно детскому времени (помимо общих праздников) в отечественном календаре относятся: наступление учебного года и сроки каникул, дни рождения детских писателей и знаменитых педагогов, даты из истории детских организаций и молодежных общественных движений, дни памяти детей-героев, юбилеи детских газет, журналов и популярных книг, детские праздники и мероприятия (например, Неделя детской книги, Неделя октябрятской звездочки). К детскому времени относится также День учителя, связанный со школой и обычаем поздравлять учителей. Некоторые даты детского времени пришли в отечественный календарь из международного календаря (День защиты ребенка 1 июня, Международный день детской книги 2 апреля и т.д.).

Календарь образно называют хранилищем времени, в действительности календарь не столько хранит время, сколько использует его. Идеологическая (религиозная или политическая) ангажированность календаря, несмотря на его демонстративную приверженность к объективной хронологии (числа, дни недели) и обилие исторических дат, не позволяет использовать календарь как пособие по истории. Это относится как к календарям советского периода с их громогласной идеологией, так и к дореволюционному кален-

дарю, подотчетному правительственному и церковному надзору. Историческое прошлое на страницах календарей выполняет роль злободневной «политинформации», даже если речь идет об эпохе античности или крестовых походах, а тем более о недавней истории. В этой связи понятна антитеза в поэме Анны Ахматовой «Без героя»: «Приближался не календарный – / Настоящий Двадцатый век». Противопоставление календарного и настоящего имеет как темпоральный характер (начало эпохи или исторического периода не совпадает со страницей календаря), так и оценочный (календарный в значении «ненастоящий»).

Целенаправленному просвещению в области военной истории был предназначен «Исторический календарь» – популярный тип печатного календаря, выходившего в России с середины XVIII в. до начала советской эпохи. Подбор военно-исторических фактов в изданиях этого календаря всегда соответствовал текущему моменту. Так, «Исторический календарь» 1916 г., печатавшийся в Петербурге в годы Первой мировой войны, специализировался на датах военных побед, поднимая патриотический пыл граждан (к концу Первой мировой войны он значительно снизился). Поэтому в «Историческом календаре» 1916 г. были не упомянуты события русско-японской войны 1904–1905 гг., трагические уроки которой напоминали о неудачах русской армии [6].

Военные действия 1914–1916 гг. заставили издателей вносить коррективы в содержание школьных календарей. Пропаганды милитаризма, которой переполнялись ежедневные страницы календарей для взрослых, в календарных издания для учащихся не было. Массовые побеги гимназистов на фронт были головной болью учителей и родителей, и школьный календарь, в отличие от массовой календарной продукции, проявлял необходимую сдержанность. Издательство Товарищества Вольфа опубликовало календарь для учащихся «Спутник школы» на 1915–1916 гг. с фотопортретом великого князя Николая Николаевича (имел должность верховного главнокомандующего), что было отступлением от официального канона: первую календарную страницу всегда занимал портрет государя императора, его семьи или наследника. Смелым было решение напечатать «Спутник школы» на 1916–1917 гг. вообще без портретов представителей царского дома [10]. Вместо семейства Романо-

Рис. 1. Школьный календарь периода Первой мировой войны. Спутник школы. Календарь для учащейся молодежи. Справочная и записная книжка. СПб.-М.: изд. Т-ва М.О. Вольфа на 1916–1917 гг.

вых были напечатаны фотографии генерала Брусилова, командира войсками юго-западного фронта, и генерала Алексеева, начальника штаба верховного главнокомандующего. И если один из них был штабным начальником, то другой – настоящим героем войны, кумиром гимназистов, вошедшим в военную историю знаменитым брусиловским прорывом.

Детские и школьные издания календарей советского времени игнорировали события «империалистических» войн, не упоминая о них на своих страницах, зато Гражданской войне, начавшейся после революционного переворота 1917 г., посвящались многие даты календарных изданий 1930-х гг. Но и в этот период рассчитывать на историческую объективность календаря не приходилось: имена красных командиров, ставших жертвами политических репрессий, вычеркивались, а вместо них рассказывалось о военной доблести тех, чьи портреты публиковались на первых страницах советских

Рис. 2. Василий Чапаев – герой советских календарей для школьников «Календарь школьника (отрывной) на 1957 г.».

газет. Календарь формировал свою историю Гражданской войны, которая среди дат, чисел и астрономических сведений выглядела вполне убедительно.

Любимым героем детских календарей, не входившим в официальный советский пантеон, был Василий Чапаев, в образе которого соединились черты красного командира и персонажа народных историй. В календарях печатались рассказы о нем, портреты, а позднее рисованные кадры из фильма «Чапаев», который советские дети смотрели по много раз. Календарный образ Чапаева пережил все смены политического курса и не зависел от трактовок военной истории.

К началу 1940-х гг. детские и школьные календари стали самым массовым видом изданий для детей (тиражи достигали 1 млн в год). В первые годы Великой Отечественной войны их выпуск был пре-

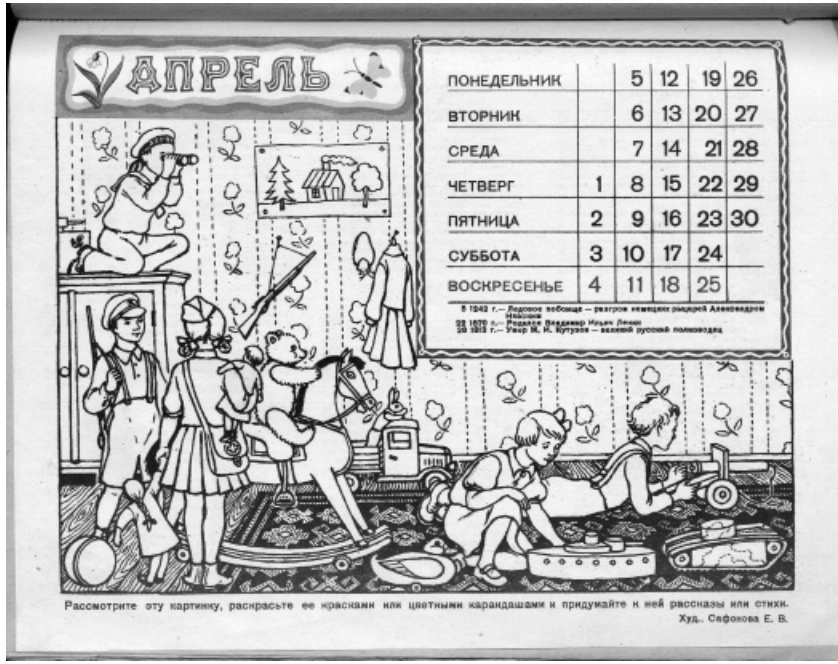

Рис. 3. Раскраска в «Детском календаре» на 1943 год. Под ред. Е.И. Гроздовой (М., 1942)

кращен. Восстановление выпуска «Детского календаря» (редактор Елизавета Гроздова), предназначенного для детей младшего возраста, произошло к 1943 г. в военной Москве. Не лучшее для печатной продукции время оказалось благоприятным для содержания календаря: необходимо было организовывать досуг детей младшего возраста в условиях войны. Календарь открывался словами «Дорогие ребята! Поздравляем вас с новым победным 1943 годом!» [3]. До победы было еще очень далеко, но свою задачу детского досугового издания календарь выполнил. Он включал в себя литературные тексты разных жанров, картинки и материал для самодельного творчества детей, причем картинок было значительно больше, чем текстов. Тематика некоторых из них была непосредственно связана с войной (например, панорама-самоделка «Партизаны взрывают фашистский штаб»), другие, напротив, уводили ребенка от войны в мир сказочных сюжетов и детских игр. Преобладание рисованных

картинок над идеологическим текстом сделало детские календари менее политизированными, чем издания для школьников.

Табельная часть повторяла отдельные даты общего календаря, но выборочно и с добавлением дат из истории военных побед русской армии. Так, на апрельской странице были отмечены не только дата рождения Ленина, но также Ледовое побоище (5 апреля 1242 г. – разгром немецких рыцарей Александром Невским) и смерть великого русского полководца Михаила Кутузова (28 апреля 1813 г.). В календаре 1943 г. были отражены и недавние военные события. На декабрьской странице с изображением подвига Зои Космодемьянской (ноябрь 1941 г.) было отмечено начало разгрома немецко-фашистских войск под Москвой (6 декабря 1941 г.). Кроме актуальной военной информации декабрьский хронотоп включал обязательные даты сталинского календаря: убийство врагами народа С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.), всенародный праздник День сталинской конституции (5 декабря) и день рождения Сталина (21 декабря 1879 г.).

Послевоенные издания «Детского календаря» Елизаветы Гроздовой печатались в значительно лучших типографских условиях, но идеологическая обстановка в стране стала намного хуже. Календарь 1946 г., как и все печатные издания, обозначил характерную для первых послевоенных лет тенденцию – усиление культа личности и стирание памяти о героизме народа в Великой Отечественной войне (обе идеологические линии были взаимосвязаны). Во вступлении к детскому календарю говорилось о двух великих праздниках (годовщине победы на Германией 9 мая и победы над Японией 3 сентября). Детям напоминалось, что эти победы советский народ одержал «под руководством своего вождя, друга и учителя – генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина. Вот почему на первой обложке своего календаря вы увидите этого дорогого и родного для всех великого человека, лучшего друга народа и детей» (между народом и детьми ставится знак равенства). На декабрьской странице календаря 1946 г. «забыто» про начало разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, но зато усилена ненависть к внутренним врагам («злодейски убит врагами народа С.М. Киров»). Героическая тема в календаре была представлена летчиком Чкаловым, погибшим в 1938 г., зато подвиги героев-летчиков только что закончившейся войны не упоминались вовсе. Неизменными на декабрьской стра-

нице остались два сталинских праздника (сталинская конституция и день рождения вождя). [4]

«Забывание» героев войны – характерная тенденция послевоенного идеологического курса, которая в равной степени коснулась и маршала Георгия Жукова, и пионеров-героев. На ноябрьском листе 1943 г. с изображением подвига гвардейцев-панфиловцев (ноябрь 1941 г.) были отмечены даты гибели от руки фашистов партизан Шуры Чекалина (6 ноября 1941 г.) и Лизы Чайкиной (23 ноября 1941 г.), получивших посмертно звание Героев Советского Союза. А в календаре 1946 г. ноябрь отмечен датой смерти композитора Петра Чайковского и баснописца Ивана Крылова и датой рождения Михаила Калинина, а про героев-партизан через год после окончания войны детям уже не рассказывали. Культ личности позволял возносить только одного «героя» и его ближайшее окружение (в 1946 г. чаще всего после Сталина упоминалось имя Молотова), а подвиг всего советского народа служил безымянным фоном для них. Великая Отечественная война в детском табель-календаре 1946 г. напоминала о себе датами освобождения европейских столиц Советской армией, но без упоминания имен героев и боевых заслуг. В этой связи не удивляет отмена в 1947 г. Дня Победы, объявленного за год до этого государственным праздником и выходным (он вернулся в календарь нерабочим днем только в 1965 г.).

В период общественно-политической «оттепели» появилась возможность восстановления памяти военных героев, ставших жертвами сталинских репрессий. Сделать это в детском календаре было очень непросто, ведь календарь призван утверждать догму и норму, а вовсе не историческую истину или человеческую справедливость. Поскольку репрессированные самим фактом произошедшего отрицали и то, и другое, то в календаре им не находилось места. В середине 1960-х гг. в «Календаре школьника» [8] впервые появились возвращенные имена крупных советских военачальников, репрессированных в годы террора. В трех годовых выпусках «Календаря школьника» печаталась информация об И. Уборевиче (впервые в связи с 70-летием в 1966 г.). Календарь сообщал, что этот советский военный деятель «погиб в 1937 году» (Уборевич был расстрелян по «делу Тухачевского»). На оборотной стороне календарного листа помещалась информация о заслугах героя с уточнением при-

Рис. 4. Возвращение имен советских военачальников, жертв политического террора. «Календарь школьника (отрывной)» на 1971 и 1973 гг.

чины его гибели. «Он прошел путь от командира небольшого красногвардейского отряда до командующего войсками военного округа. Родина наградила Уборевича тремя орденами Красного Знамени. В 1937 году в период культа личности Уборевич трагически погиб» (статья «Командарм И.П. Уборевич» на странице 13 января 1966 г.). В тот же ряд советских военачальников в связи с 70-летием был включен в календарь 1966 г. И. Якир, репрессированный в 1937 г. На обороте листка от 16 августа 1966 г. сообщалось: «Весь свой талант военачальника и политического деятеля, свои разносторонние знания Якир отдал созданию и укреплению Вооруженных Сил СССР. Его жизнь трагически оборвалась в период культа личности».

Процесс возвращения имен в изданиях «Календаря школьника» 1970-х гг. шел по убывающей, но там, где возвращенные имена все-таки появлялись, отсутствовало упоминание о культе личности и политических репрессиях. Так, в календаре 1973 г. на странице 16 февраля отмечалось 80-летие со дня рождения маршала Советского Союза Михаила Тухачевского (расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1957 г.). Это было первое упоминание в календаре имени

знаменитого военачальника, стоявшего у истоков создания Красной армии. На лицевой странице был помещен портрет маршала, а на оборотной стороне листа краткий рассказ о талантах и способностях Тухачевского. Календарная статья завершалась словами: «Он был человеком разносторонних знаний и высокой культуры, но прежде всего – военным. Он был человеком, не прожившим впустую ни одного дня. Короче говоря, он любил жизнь!». На такой оптимистической ноте заканчивалась календарная статья о деятеле, чья жизнь и военная карьера были жестоко прерваны на самом подъеме.

В «Календаре школьника на 1971 год» было отмечено 90-летие со дня рождения С. Каменева, «главнокомандующего Вооруженными Силами Советской республики в июле 1919 года» (4 апреля), осужденного уже после смерти и впоследствии реабилитированного (он же был удостоен столетнего юбилея в «Календаре школьника на 1981 год»). При этом сама формула «враг народа» оставалась очень живучей. Так, на страницах «Календарей школьника», посвященных датам жизни С. Кирова, продолжали печатать фразу «злодейски убит врагами народа».

Восстановление справедливости в календарях, в том числе и детских, касалось не только репрессированных военачальников, но и тех, кто оказался в немилости у власти. «Календарь школьника» 1971 г. на своих страницах отметил 75-летний юбилей маршала Георгия Жукова (до этого опальный полководец не упоминался в календарях ни разу!). О драматичной судьбе «солдатского» маршала Иосиф Бродский написал стихотворение «На смерть Жукова» (1974):

«К правому делу Жуков десницы
Больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались со страхом в свою».

По мере того, как складывался победный пантеон и шел процесс канонизации праздника Победы, в календаре росло количество имен крупных советских военачальников. Юбилейные страницы украшали портреты маршалов Советского Союза, благополучно миновавших «репрессивный отбор» (И.С. Конев, И.Х. Баграмян,

К.К. Рокоссовский, Л.А. Говоров, В.Д. Соколовский, А.А. Гречко, Р.Я. Малиновский и др.). Их личности служили примером выполненного долга, а высокие звания, государственные награды и всенародный почет свидетельствовали о справедливом политическом руководстве, оценившем военачальников по заслугам.

Специально для школьников в календарях 1960–1970-х гг. отмечались памятные даты, связанные с юными героями войны, образы которых стали обязательной частью школьно-пионерских нарративов (Лиза Чайкина, Зоя Космодемьянская, Володя Дубинин, Валя Котик и еще десятки имен из Книги почета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина). Календарь печатал заготовленные для пионеров информационные тексты, а на обратной стороне страницы помещал отрывки из повестей и рассказов (к началу 1980-х гг. были выпущены книги про каждого из пионеров-героев).

Военно-патриотическая тема в календарях для школьников была представлена датами и именами из русской истории. Как правило, упоминались Ледовое побоище (1242) с именем князя Александра Невского, Куликовская битва (1380) с упоминанием князя Дмитрия Донского и Бородинское сражение (1812) с отдельной страничкой, посвященной фельдмаршалу Кутузову. Исторические даты давали повод для интересного экскурса в русскую военную историю. Когда отмечался 160-летний юбилей Бородинской битвы, то весь годовой выпуск календаря школьника на 1972 г. был полон изображениями гусаров, гренадеров и представителей других видов войск из времен Отечественной войны. Но увлекаться историей, в том числе военной, календарь никогда не позволял: внимание школьников требовалось обращать на идеологическую проблематику, а не беллетристическую занимательность с тевтонскими рыцарями, древнерусскими богатырями и романтическими гусарами.

Выпуск печатных календарей для школьников прекратился в начале 1990-х гг. в связи с закрытием Политиздата, ведавшего публикацией календарной продукции. Но формат исторического календаря продолжает жить и сегодня, выполняя роль методического пособия к урокам истории и материала для патриотического чтения [7]. Количество дат, связанных с темой военных побед, в календарях последних лет значительно увеличилось, добавились также Дни памяти, в том числе День памяти жертв блокады Ленинграда (8 сентя-

Рис. 5. Трагическая тема блокады Ленинграда появилась в отрывных календарях только в 1960-е гг.

бря). Блокадная тема долго не находила отражения на страницах печатных календарей (воспевались герои войны, а не ее жертвы, в том время как мужество жителей осажденного города к подвигам не относилось). Впервые упоминание о блокаде появилось в «Календаре школьника» только два десятилетия спустя после окончания Великой Отечественной войны. Официальная история, растиражированная миллионными изданиями календарей, дополнялась живой человеческой памятью о блокаде, передаваемой ленинградским детям от родных и близких.

В календарях сегодняшнего дня русская военная история идет в тесной связке с православной тематикой, поэтому изображение триколора и военной атрибутики на обложках календарных изданий для школьников соседствует с видами соборов Московского Кремля.

Источники и литература

1. *Алексеев В.В.* Мир русских календарей. Памятная книга по истории Отечества. – М., 2002.
2. *Волков Л.А.* Страсти по февралю. Очерки о календарях. – М., 2016.
3. Детский календарь на 1943 год / под ред. Е.И. Гроздовой. – М., 1942.
4. Детский календарь на 1946 год / под ред. Е.И. Гроздовой. – М., 1945.
5. *Добренко Е.А.* «Красный день календаря: советский человек между временем и историей» // Советское богатство: Статьи о культуре, литературе и кино. – СПб., 2002. – С. 97–123.
6. Исторический календарь на 1916 г. – СПб., 1916.
7. Календарь исторических дат России: X век – наше время: 6–11 классы / сост. Д.И. Чернов. – М., 2021.
8. Календарь школьника (отрывной). – М., 1956–1991.
9. *Костюхина М.С.* Круглый год. Детская жизнь по календарю. – М., 2024.
10. Спутник школы. Календарь для учащейся молодежи. – СПб.-М.: изд. Т-ва М.О. Вольфа на 1915–1916 гг., на 1916–1917 гг.

M.S. Kostyukhina

TRANSFORMATION OF THE HISTORY WAR IN A CHILDREN'S PRINTED CALENDAR

Annotation. Children's printed calendars of the Soviet era were used not only to determine chronology and time, but mainly for cultural and historical education and ideological upbringing of children and schoolchildren. A calendar codified ideological doctrines, political slogans and administrative regulations, filling the calendar grid of holidays and weekdays with them. This is evidenced by the sections of the calendars dedicated to the events and heroes of the Great Patriotic War. The interpretation of such historical facts as Victory Day on May 9 or the siege of Leningrad changed many times on the pages of a calendar. The formatting of military history depended not only on the general political standpoint, but also on the specifics of a children's publication. The calendar emphasized the heroic deeds of children and adolescents, codifying the pantheon of young war heroes.

Keywords: printed calendar for children and schoolchildren, political transformation of the history of the Great Patriotic War, young war heroes in calendar format.

УДК 93

Ю.С. Лубошникова,
В.И. Первушкин

ОБОРОНА ОДЕССЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ОСНОВЕ МЕМУАРОВ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, МАРШАЛА КРЫЛОВА Н.И.

Аннотация. В статье рассматриваются воспоминания маршала Советского Союза Крылова Н.И. об обороне Одессы в годы Великой Отечественной войны, во время нахождения его в должности зам. начальника штаба оперативного отдела, затем начальника штаба Приморской армии.

Ключевые слова: оборона Одессы, Великая Отечественная война, воспоминания маршала Советского Союза Крылова Н.И.

Великая Отечественная война – одна из страшных и печальных страниц в истории нашей страны. Память о защитниках Советского Союза, об их подвиге важно сохранять и передавать из поколения в поколение. В послевоенное время было написано много работ участниками войны, в которых они вспоминали и анализировали самое важное, происходившее в страшные дни. В современном мире тема сохранения памяти о войне является такой же важной, как и 80 лет назад.

На основе анализа мемуаров и воспоминаний можно узнать многое о событиях Великой Отечественной войны, увидеть ее глазами участников, которые передают свои переживания, мысли и эмоции читателю. Такие исследования помогают учителям в школе и преподавателям в институте и колледже во время занятий при изучении темы Великой Отечественной войны. Это позволяет не только приводить исторические факты, но и цитировать воспоминания непосредственно участников событий, давать задания по работе с книгой, документами, вырезками из газет, видео с интервью ветеранов. Именно углубление в изучение темы войны на протяжении нескольких учебных часов помогает обучающимся в понимании и закреплении материала.

В особенности это важно как для сохранения памяти о войне и героях, так и для того, чтобы дети смогли отличать достоверные факты от фальсифицированных, часто встречающихся в Интернете.

В данной статье будет сделан анализ воспоминаний маршала Советского Союза Крылова Н.И. «Не померкнет никогда. На защите Одессы».

Николай Иванович первые дни войны встретил в г. Болграде Одесской области в должности начальника штаба Дунайского укрепрайона. Для полковника 22 июня пришло также неожиданно, как и для советских граждан. Ночью за ним приехал красноармеец, который оповестил, что его срочно вызывают в штаб, в этот момент Николай Иванович понял, что это не просто тревога, а самолеты, гул которых был слышен в небе, летают не по учебному заданию. Около двух часов ночи по тревоге были подняты пограничники. Примерно в час ночи по приказу из Севастополя в готовность номер один перешла Дунайская военная флотилия, которая уже до этого заняла позиции на предварительно опасных участках. На протяжении месяца Дунайский укрепрайон сражался отважно. 15 июля 1941 г. он был расформирован.

Николая Ивановича отправляют в Одессу. По дороге в город к нему приходят разные мысли о семье, о положении на Южном фронте, которое не было пока еще для него ясным: «Вспомнилось, как в такой же полуторке уезжала моя семья. Где-то они теперь, жена и ребята? Благополучно ли выбрались из прифронтовой зоны… Многое в обстановке оставалось неясным, в развитии военных событий было немало такого, что я еще не мог объяснить себе (разве на своей земле собирались мы воевать?). Но если бы кто спросил, что самое главное вынес я из первых грозных недель войны, перевернувших всю нашу жизнь, ответил бы, наверно, так: главное – это то, что наши люди не дрогнули» [6, с. 17–18].

Все эти мысли о семье и войне говорили о переживании и невозможности спрогнозировать дальнейшие события за неимением достаточных сведений о положении на фронте. Одна из самых важных мыслей – вера в солдат и народ, которые храбро и самоотверженно с первых дней войны защищают Родину.

Въехав в Одессу, первое, что увидел полковник, – наклеенный на стенке будки листок от 26 июня о введении военного положения, который гласил: «Запрещается пребывание граждан на улицах от 24 часов до 4 часов 30 минут утра… Торговые предприятия заканчивают работу не позже 22 часов, театры, кинотеатры и другие

культурные учреждения – не позже 23 часов» [6, с. 19]. Этот приказ уже говорил о том, что в Одессе готовятся к боевым действиям, они ощущаются не только по новостным сводкам, но и по обстановке в городе.

К этому времени в Одессе начиная 19 июля 1941 г. уже была сформирована Приморская армия, командующим которой был назначен вначале Н.Е. Чибисов, с 26 июля – Г.П. Сафронов, с 5 октября – И.Е. Петров. Николай Иванович вступил в должность заместителя начальника штаба оперативного отдела штаба армии. В его непосредственные обязанности входило собирание сведений о состоянии каждого соединения или части и донесение об их положении начальнику штаба, командующему армии.

Первым делом по приезде в Одессу Николай Иванович начал знакомство с армией. Уже вечером он выяснил, что армия комплектуется, линией фронта был Днестр, переправа войск на восточную сторону реки продолжалась. В основном на участке было спокойно, велись оборонительные работы и перегруппировка войск.

Спокойные дни были недолгими, уже 22 июля началась бомбардировка Одессы. На город в хаотичном порядке были сброшены бомбы из десятков немецких самолетов. Такие налеты продолжались каждый день. С этого момента было выявлено, что не хватает самолетов, танков и другого военного оснащения.

3 августа стало известно, что противник взял Первомайск, нужно было укреплять правый фланг кавалерийской дивизией И.Е. Петрова и одним полком Чапаевской дивизии, а дальше в район дубоссарского плацдарма направлять истребительные батальоны, пограничников. Позже возникли мысли о том, что нужно свертывать Тираспольский укрепрайон для усиления дивизий и пополнения армейского резерва. Такое решение оказалось удачным, в последующем именно это помогло в обороне Одессы [6, с. 39–40].

Ставка Верховного Главного Командования выпустила директиву от 5 августа, в которой сообщалось: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот» [2]. Именно с этого момента начинается оборона Одессы. 10 августа стало известно, что Одессу отрезали на суше от Южного фронта, к 13 августа окончательно закрепилось окружение с побережья в районе Аджалыкского лимана.

Николай Иванович об окружении Одессы сообщает командующему Приморской армией Георгию Павловичу Сафронову. В своих воспоминаниях полковник говорит о том, что на карте линия обороны была похожа на подкову, врезанную полукружием в берег, а концами упиравшуюся в море. Командующий армией отреагировал на случившееся спокойно: «Сафронов долго стоял над картой в раздумье. Потом, отложив ее, стал, как обычно, спокойно и негромко, отдавать текущие распоряжения». После Н.И. Крылов описывает свои мысли по этому поводу: «К этой подкове на карте, к тому, что окажемся на изолированном плацдарме, мы были готовы» [6, с. 53].

Город находится в осадном положении, конечно, мысли о том, что это может произойти, были у командующих, здесь оставалось только одно, собраться силами и защищать Одессу. Единственной связью с Большой землей было море, оно не настолько сильно было безопасным, но очень важным для города. Возникали проблемы с боеприпасами: их не хватало, очень быстро заканчивались, а новых поставок еще не было, так как путь через море не наладился, поэтому снаряжение нужно было беречь.

Еще до осадного положения в армии возникла проблема танкобоязни у солдат. Было принято решение научить воевать с танками на полигоне, где показывали, как взрывать танк при помощи бутылки с горючей смесью, а также как сидеть в траншеях, через которые грозные машины проезжали. Такая методика позволяла солдатам понять, что с танками можно и нужно воевать и поджигать их. На стекольном заводе начали выпускать бутылки с запалами для танков, на которых были написано обращение к солдату от одесситов: «Товарищ! Запал и бутылка изготовлены в Одессе. Не пускай врага в наш город, подожги танк!» [6, с. 61]. Все это способствовало укреплению боевого духа в рядах пехотинцев, который был так важен в то время. Как сообщает Николай Иванович в своих воспоминаниях, танков под Одессой изначально было немного, так как немцам было тяжело прорваться через укрепленные рубежи на линии фронта.

Помимо наличия проблем в армии, они возникали и в городе. Горожанам воду стали выдавать по карточкам. В соответствии с приказом начальника гарнизона г. Одессы Г.М. Коченова «О порядке пользования питьевой водой» во всех квартирах были перекрыты

и опечатаны все водопроводные краны, опечатаны бачки в уборных, контролировался расход воды во всех питьевых источниках [5, с. 82]. Пресной воды в Одессе оставалось все меньше. Основное решение проблемы – подключение к водопроводу артезианских колодцев, бурение новых скважин.

Тем временем красноармейцы защищали Одессу всеми силами. 18 августа произошло сражение, которое позволило отразить атаку противника. В районе станции Карпово, на участке 161-го стрелкового полка С.И. Сереброва рано утром румынские войска пошли в наступление. Началось с бомбардировки Западного сектора, а потом начали наступать танки и пехота, превосходящие по количеству наши войска. Одесским защитникам удалось выстоять и отбить атаку. Во второй половине дня стало известно, что румыны подались в бегство, оставив на поле боя много убитых, раненых и сгоревших танков. Об обстановке Г.П. Сафронову доложил генерал В.Ф. Воробьев, после разговора с которым командующий армией сказал: «Фролович говорит, что такого еще не видывал… Танки до сих пор горят, и все поле в дыму», а потом объявил, что нужно отличившихся к награде представить [6, с. 77]. Данное сражение показало успешное преодоление танкобоязни, удачную методику обучения боя с танками и возможность победить фашистов, как в отдельном бою, так и в целом на фронте. Это были первые нелегкие месяцы Великой Отечественной войны.

На следующий день из директивы ставки Главного командования стало известно о создании Одесского оборонительного района с подчинением Черноморскому Флоту, командующим был назначен контр-адмирал Жуков Г.В. [3]. 22 августа Николая Ивановича Крылова назначали начальником штаба Приморской армии. О том, что главным в обороне Одессы стал Черноморский флот, было ожидаемо, так как именно через море поступало все самое необходимое для фронта. Н.И. Крылов напишет в одной из статей, посвященной защитникам Одессы: «Это было правильное решение. Устойчивая и длительная оборона Одессы во всех отношениях зависела от флота. Связь с Большой землей, пополнение людьми, питание, эвакуация тяжелораненых – все это легло на плечи моряков» [7, с. 70].

С началом формирования в Одессе оборонительного района начались и тяжелые дни для ее защитников. День за днем не прекра-

щались атаки противника на всем участке обороны Одессы. В газете «Красная Звезда» от 26 августа 1941 г. написано, что 25 августа одесские защитники разгромили 3-ю пехотную дивизию, нанесли серьезное поражение 7-й и 5-й румынским дивизиям. В заметке говорится: «В течение августа 9-я танковая немецкая дивизия провела всего один крупный бой, после которого из ее личного состава выбыло 50 процентов убитыми и ранеными, уничтожено не менее половины танков, одна треть автомашин и транспортеров. 16-я танковая дивизия в одном из боев потеряла 400 автомашин и транспортеров. По словам пленного мотоциклиста ефрейтора штабной роты 11-го мотополка 9-й танковой дивизии Фридриха Эйгеля, в этом полку выбиты почти все офицеры». Потери противника увеличиваются с каждым днем [1, с. 2].

Тем временем в городе стало известно, что с 22 августа под Одессой в 4-й армии находится Антонеску, который приехал с целью быстрого захвата Одессы. Были известны даты планирования взятия города 23, 25, 27 августа, 3 сентября [6, с. 125–126]. Все попытки немцев взятия Одессы не увенчались успехом. Про 3 сентября (именно это дата командующему была известна заблаговременно) Николай Иванович пишет: «в день, на который Антонеску назначил (в пятый или шестой раз!) взятие Одессы, не произошло ничего из ряда вон выходящего. Трудное положение возникало то на одном, то на другом участке, но на помощь пехоте приходили где артиллеристы, где летчики. С моря вели огонь корабли. И все вражеские атаки были отбиты» [6, с. 134].

Из этого следует, что советским войскам удавалось сохранять свои позиции и удерживать город, несмотря на массированные удары и попытки захвата Одессы, трудности, связанные с нехваткой людей. Это обозначало только одно: защитники города имели непоколебимую силу духа и стойкость.

В газете «Красная Звезда» от 19 сентября были написаны цитаты из найденных дневников пленных и убитых румын: «румынский офицер Тодореску в неотправленном письме домой сообщает: “Двадцать четыре часа без перерыва нас уничтожали тяжелой артиллерией, минометами и пулеметами, а сверху била авиация. Только пять человек из всего моего несчастного взвода остались в живых” ... “Наши потери очень велики, – заявил пленный офицер

Гребинч. – Мое убеждение, что с Одессой у нас ничего не выйдет. Только напрасно потеряем еще несколько тысяч людей”» [8, с. 1].

Силы фашистов были истощены, их намеченные планы не могли реализоваться, хотя они продолжали принимать попытки взятия Одессы. Но это было безрезультатно. Возникали мысли о тщетности операции. Что касается советских войск, то они не только сдерживают немецкие и румынские войска на подступах к Одессе, но и активно наносят контратаки, а это значит, что и совершить контрудар вполне могут.

Появилась возможность увеличить линию фронта на правом фланге у Аджалыкского лимана, который противник захватил 13 августа. План с высадкой морского десанта и боями на Южном секторе был одобрен, 21 сентября приказ о наступлении был подписан, а 22 сентября началось наступление, уже к десяти часам утра стало известно о том, что войска начали атаковать. Контрудар прошел успешно, советским войскам удалось продлить линию фронта на несколько километров. Николай Иванович говорит о том, что в 23 часа войскам передали боевое распоряжение, в котором указывалась новая линия фронта, территория одесского плацдарма увеличилась примерно на 120 кв. км [6, с. 201]. Наступление выдалось тяжелым и произошло много всего, что могло сорвать план операции: потопление эсминца «Фрунзе» до начала контрудара и потеря из строя пяти кораблей, которые защищали Одессу от пикирующих бомбардировщиков, и небольшие заминки в бою, но, несмотря на это, неприятеля удалось оттеснить на несколько километров [6, с. 180–204].

В сводках Совинформбюро от 24 сентября сообщат следующее: «На подступах к Одессе наши войска разгромили части недавно вновь доукомплектованных 13-й и 15-й румынских пехотных дивизий. Нашими бойцами захвачены 2 батареи тяжелых орудий, 100 пулеметов, много минометов и боеприпасов. Сбор трофеев и их подсчет продолжается» [9].

Успешное контрнаступление показало, что, несмотря на сложности, успеха в боевых операциях достичь можно, но в то же время положение на Южном фронте и армии оставалось сложным, и вскоре одесским защитникам придет приказ об эвакуации из Одессы.

30 сентября фашисты прорвали оборону Крыма, нависла угроза захвата Черноморского флота, являющегося главной силой на

Южном фронте и единственной связью Одессы с Большой землей. В это время в Одессе готовили новое контрнаступление, для этого 29 сентября были доставлены в город необходимые снаряды, а 1 октября на быстроходном катере приехал заместитель наркома Военно-Морского флота вице-адмирал Левченко Г.И. с новостью об эвакуации Одесского оборонительного района [6, с. 213–214]. В директиве Ставки было приказано: «Храбро и честно выполнявшим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуировать войска Одесского района на Крымский полуостров» [4].

Нужно было срочно готовить план эвакуации таким образом, чтобы не произошло больших потерь как в Таллине в конце августа, поэтому нужно было все хорошо продумать, несмотря на тяжелое положение и короткие сроки.

Разработка и осуществление контрудара продолжалась, он начался 2 октября. В ходе наступления удалось взять Ленинталь, разгромить несколько батальонов противника, а также захватить трофеи [6, с. 220]. Данные боевые действия позволили замаскировать для немцев планы эвакуации, бои шли до последнего ее дня (немцы вошли в Одессу только через сутки после эвакуации советских войск). Это позволило выйти из Одессы с меньшими потерями и в короткие сроки. Для заблуждения противника приходилось также заниматься и подготовкой к зиме.

Эвакуация постепенно начиналась (уезжали ночью, незаметно), последний день назначили на 16 октября, если раньше отправляли по два эшелона, то в эту ночь приняли решение эвакуировать сразу всех (остались четыре дивизии) и не на промежуточных рубежах, а одним броском в пунктах посадки на суда. Эвакуация произошла успешно, не уцелел только один транспорт, но команду спасли. Николай Иванович Крылов отправлялся из Одессы последним [6, с. 230–236]. В городе остались только горожане, партизаны и расклеенные листовки, с посланиями красноармейцев: «Не навсегда и не надолго оставляем мы нашу родную Одессу… Мы скоро вернемся, товарищи!» [6, с. 234]. Обещание выполнили, Одессу освободили 10 апреля 1944 г.

Оборона Одессы стала одной из героических страниц в истории Великой Отечественной войны, храбрость ее защитников и горожан

навсегда увековечена в памяти, а успехи в боевых сражениях до сих пор вызывают чувство гордости и трепет в душе за подвиги наших предков.

Источники и литература

1. Большие потери фашистов на Одесском направлении // Красная Звезда. – 1941. – 26 авг.

2. Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 00729 от 5 августа 1941 г. главнокомандующему войсками Юго-Западного направления об отводе войск Южного фронта и обороне Одессы // URL: https://docs.historyrussia.org/nodes/250847#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 18.08.2025).

3. Директива Ставки ВГК № 001066 народному комиссару Военно-Морского Флота, главнокомандующему Юго-Западного направления, командующим войсками Южного фронта и Черноморским флотом об организации обороны Одессы, 19 августа 1941 г. // URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/198503-direktiva-stavki-vgk-001066-narodnomu-komissaru-voenno-morskogo-flota-glavnokomanduyuschemu-voyskami-yugo-zapadnogo-napravleniya-komanduyuschim-voyskami-yuzhnogo-fronta-i-chernomorskim-flotom-ob-organizatsii-oborony-odessy-19-avgusta-1941-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 25.08.2025).

4. Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующим Черноморским флотом, Одесским оборонительным районом, 51-й Отдельной армией, наркому Военно-Морского Флота. 30 сентября 1941 г. // URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/313693#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 26.08.2025).

5. *Касьянова И.В.* Одесский оборонительный район (ООР) как консолидированный институт вооруженных сил СССР: причины формирования / И. В. Касьянова // Архонт. – 2020. – № 3(18). – С. 77–83.

6. *Крылов Н.И.* Не померкнет никогда. На защите Одессы. – М., 1984.

7. *Крылов Н.* Слово о защитниках Одессы // Военно-исторический журнал. – 1966. – № 11. – С. 69–77.

8. На подступах к Одессе // Красная Звезда. – 1941. – 19 сент.

9. Совинформбюро. Утреннее сообщение от 24.09.1941 г. // URL: https://web.archive.org/web/20191110182239/http://pressa-voiny.ru/m/sib/x/35380/1941/9/24/ (дата обращения: 26.08.2025).

Y.S. Luboshnikova,
V.I. Pervushkin

THE DEFENSE OF ODESSA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR BASED ON THE MEMOIRS OF TWICE HERO OF THE SOVIET UNION, MARSHAL N.I. KRYLOV

Annotation. The article examines the memoirs of Marshal of the Soviet Union N.I. Krylov about the Defense of Odessa during the Great Patriotic War, when he was Deputy Chief of Staff of the Operational Department, then Chief of Staff of the Primorsky Army.

Keywords: the defense of Odessa, the Great Patriotic War, memoirs of Marshal Sovestky Suza N.I. Krylov.

УДК 9.908

Н.П. Назаренко,
Л.В. Гришакова

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ ОБ АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Статья знакомит с мемориалами городских поселений Оренбургской области, посвященным павшим воинам-интернационалистам – участникам Афганской войны 1979–1989 гг. Автор приводит краткое описание истории создания мемориалов, проводит обобщение текущего состояния мемориалов и делает вывод об их ценности в рамках формирования и сохранения исторической памяти.

Ключевые слова: Афганская война, Оренбургская область, мемориал, историческая память, краеведение.

36 лет назад последние подразделения Советской армии были выведены из Афганистана под объективом фотокамер. Историки и публицисты продолжают споры о том, чем было вызвано решение Политбюро ЦК КПСС о вводе советских войск в Афганистан и как можно интерпретировать итоги пребывания Ограниченного контингента: как победу или как поражение. Но тем не менее в афганском конфликте участвовало более 620 тыс. советских военнослужащих и представителей силовых структур, которые мужественно и отваж-

Y.S. Luboshnikova,
V.I. Pervushkin

THE DEFENSE OF ODESSA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR BASED ON THE MEMOIRS OF TWICE HERO OF THE SOVIET UNION, MARSHAL N.I. KRYLOV

Annotation. The article examines the memoirs of Marshal of the Soviet Union N.I. Krylov about the Defense of Odessa during the Great Patriotic War, when he was Deputy Chief of Staff of the Operational Department, then Chief of Staff of the Primorsky Army.

Keywords: the defense of Odessa, the Great Patriotic War, memoirs of Marshal Sovestky Suza N.I. Krylov.

УДК 9.908

Н.П. Назаренко,
Л.В. Гришакова

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ ОБ АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Статья знакомит с мемориалами городских поселений Оренбургской области, посвященным павшим воинам-интернационалистам – участникам Афганской войны 1979–1989 гг. Автор приводит краткое описание истории создания мемориалов, проводит обобщение текущего состояния мемориалов и делает вывод об их ценности в рамках формирования и сохранения исторической памяти.

Ключевые слова: Афганская война, Оренбургская область, мемориал, историческая память, краеведение.

36 лет назад последние подразделения Советской армии были выведены из Афганистана под объективом фотокамер. Историки и публицисты продолжают споры о том, чем было вызвано решение Политбюро ЦК КПСС о вводе советских войск в Афганистан и как можно интерпретировать итоги пребывания Ограниченного контингента: как победу или как поражение. Но тем не менее в афганском конфликте участвовало более 620 тыс. советских военнослужащих и представителей силовых структур, которые мужественно и отваж-

но исполняли свой «интернациональный» долг, несмотря на тяжелейшие условия жизни и службы, с которыми им пришлось столкнуться. Оренбургская область также не осталась в стороне от этого конфликта: около 5500 ее уроженцев стали участниками Афганской кампании, из которых 4 пропали без вести, а 182 погибли. Каким же образом в городах Оренбургской области сохраняется память о воинах-интернационалистах, отдавших свой долг Отечеству?

Предметом статьи является сохранение памяти об Афганской войне и павших в ней воинах-интернационалистах Оренбургской области. Предметом статьи являются крупнейшие мемориальные комплексы городов Оренбуржья, посвященные павшим в Афганском конфликте, и реализация их культурно-просветительской функции. Хронологические рамки исследования ограничиваются 1988–2025 гг.: нижняя хронологическая граница, 1988 г., связана с возведением первого мемориала памяти воинам-афганцам в г. Медногорске; верхняя, 2025 г., с временем написания данной работы. Территориальные рамки исследования охватывают населенные пункты Оренбургской области, имеющих статус городского поселения – Оренбург, Орск, Бузулук, Бугуруслан, Медногорск, Новотроицк, Абдулино, Гай, Кувандык, Соль-Илецк, Сорочинск и Ясный. Целью исследования является описание истории и текущего состояния крупных мемориальных комплексов, посвященных памяти павших в Афганистане оренбуржцев, и их культурно-просветительская роль в жизни общества. К задачам исследования стоит отнести: кратко описать историю создания мемориалов, их текущее состояние; охарактеризовать их культурно-просветительскую функцию в городских сообществах.

Источниковой базой для исследования послужили материалы краеведческих порталов «Краевед Оренбуржья» [9; 12; 14; 22; 23; 24; 25], «Наш Урал и весь мир» [8], ресурс «Мое Оренбуржье» [13], информационные порталы Центральной городской библиотеки Медногорска [11], МБУК «Центральная библиотека» Соль-Илецкого муниципального округа [18] и «Главный сайт Новотроицка Оренбургской области» [15], а также газеты «Орская хроника» [3], «Гайская Новь» [4], «Гай.ру» [19], портал «Краеведческая практика» [17]. Вышеперечисленные источники содержат историю возникновения памятников, их описание и текущее состояние. Материалы

порталов областных, муниципальных органов власти, таких как Законодательное собрание Оренбургской области [1], администрации Кувандыкского муниципального округа Оренбургской области [16], Управления МВД России по Оренбургской области [2], а также материалы медиапортала «Оренбург Медиа» [5], сайта организации ветеранов «Боевое братство» [10], демонстрируют нам мероприятия, проводимые органами власти для содержания мемориалов и сохранения исторической памяти о павших воинах. Портал «Afgan.ru», основанный на материалах Книги Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане, в двух томах [6; 7], представлен в качестве иллюстрации немногочисленности источников, повествующих нам о жизни погибших в Афганской кампании оренбуржцев [21]. Ценной работой по мемориалам г. Гай является книга «Памятные места Гайского городского округа: Свод памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества» [20]. Источниковая база недостаточно обширна и нуждается в дополнительных изысканиях.

Мемориал – это памятник (памятное место), посвященный какому-либо историческому факту, явлению или событию, призванный сохранить память о прошлом. Он играет важную роль в конструировании локальной, региональной и национальной идентичностей, формировании и сохранении исторической памяти. К 2025 г. в 11 из 12 городов Оренбуржья построены мемориалы, посвященные погибшим в Афганской войне:

1) Абдулино – первый мемориал был открыт 9 мая 1990 г. в честь 118 погибших абдулинцев [13; 14]; в 2018 г. была реконструирована и открыта Аллея памяти, посвященная не только воинам-«афганцам», но и другим уроженцам города и района, погибшим в других локальных войнах и конфликтах [1];

2) Бугуруслан – мемориал был создан в 1990 г. на аллее Славы, посвящен 242 бугурусланцам – участникам кампании и 17 погибшим из их числа [22];

3) Бузулук – закладной камень «Мемориала Памяти бузулукских воинов, погибших в локальных войнах и вооруженных конфликтах» был заложен в 1989 г., но памятник был возведен только к 17 мая 2002 г. на аллее Дружбы, посвящен 21 бузулучанину, погибшему в Афганистане, а также других локальных конфликтах на пост-

советском пространстве (10 чел. погибло в Афганистане); также в 2000-х гг. было создано военно-мемориальное захоронение «афганцев» на городском кладбище [13; 23];

4) Кувандык – памятник-стела был открыт 25 августа 1990 г. в честь 11 погибших в Афганистане кувандычан [16; 24];

5) Медногорск – был открыт самый первый из оренбургских памятников воинам-«афганцам» – обелиск (28 мая 1988 г.) на Аллее памяти напротив школы № 1 в честь шести погибших в Афганистане медногорцев [11; 25];

6) Новотроицк – решение об открытии мемориала «Памятник воинам-интернационалистам» было принято в 1988 г., архитектурная экспозиция и облик мемориала формировались вплоть до 2005–2007 гг.; посвящен 25 погибшим в Афганистане и локальных конфликтах жителям города [9; 15];

7) Оренбург – крупнейший в области памятник был возведен в июне–сентябре 1989 г. и был посвящен 184 погибшим и пропавшим без вести оренбуржцам; с 2007 г. был преобразован в «Мемориал памяти Оренбургских воинов, погибших в локальных войнах и вооруженных конфликтах», посвящен 426 погибшим и 6 пропавшим без вести оренбуржцам – участникам всех локальных войн и конфликтов второй половины XX–XXI вв. [13];

8) Орск – мемориал «Орчанам – воинам-интернационалистам и участникам локальных конфликтов» был открыт в ноябре 2011 г., посвящен 51 погибшему в конфликтах орчанину, 17 из которых отдали свои жизни в Афганистане [3, 17];

9) Соль-Илецк – памятник «Воинам интернационалистам» был открыт в 1989 г., посвящен пяти погибшим в Афганистане соль-илечанам; позже на памятнике разместили памятную табличку с именами 13 погибших в Чеченских войнах жителей города и района [18];

10) Сорочинск – мемориал «Черный тюльпан» был открыт 16 сентября 2008 г., посвящен девяти жителям города и района, которые погибли в Афганской и Чеченских войнах [13];

11) Ясный – в 2005–2008 гг. был сооружен крупный мемориал, посвященный памяти погибших в Великой Отечественной, Афганской и Чеченских войнах (в Афганистане погибло три человека) [8].

В г. Гай в 2002 г. был установлен обелиск «Памяти павших», который выполнял функцию мемориала, посвященного павшим

гайчанам – участникам всех конфликтов, начиная Великой Отечественной войной, включая и Афганскую кампанию [20, с. 11–12]; также существовала памятная доска воину-интернационалисту В.С. Суворову [12]. Других крупных памятников, посвященных Афганской войне, не существовало. Но в настоящий момент идет работа над строительством крупного мемориала, посвященного памяти воинов-интернационалистов и участников Специальной военной операции: в апреле 2025 г. жители Гая выбрали проект мемориала и к июлю 2025 г. собрали около 280 тыс. руб. на его возведение [4; 19].

Как мы можем видеть, подавляющая часть памятников была заложена и/или открыта в 1988–1990 гг. (8 из 12 памятников), что свидетельствует о том, что местным жителям было важно увековечить память о своих павших согражданах. Более позднее открытие остальных мемориалов, в 2000–2010-е гг., могло быть связано с нехваткой финансирования, недостаточным вниманием муниципалитетов к этому вопросу. На всех мемориалах, кроме гайского, есть памятные табличные доски с информацией разной степени полноты: упоминается количество погибших в Афганистане и иных конфликтах, их инициалы, а также изображения павших воинов.

На примере Оренбурга, Новотроицка и других городов мы можем проследить эволюцию памятников воинам-интернационалистам, изначально посвященных памяти только участников Афганской кампании, в 2000-е гг. превращались в мемориалы в честь памяти погибших и в других локальных конфликтах (преимущественно Чеченских войнах, а также в Абхазии, Таджикистане, Нагорном Карабахе, Грузии, Сирии). В Оренбургском мемориале также были размещены памятные доски в честь советских военных специалистов – участников конфликтов «холодной войны». Этот факт свидетельствует о том, что памятники участникам Афганской войны стали важными культурно-мемориальными центрами, которые объединили в себе память о поколениях воинов, стоявших на страже безопасности СССР и России и их государственных интересов.

Мемориалы в основном находятся в центральных или густонаселенных районах городских населенных пунктов, что способствует не только формированию историко-культурного ландшафта города, но и сохранению исторической памяти о героях конфликтов через проведение памятных мероприятий, площадкой для органи-

зации которых могут выступать находящиеся в доступе для многих горожан мемориалы.

Ежегодно 15 февраля, в день вывода советских войск из Афганистана, муниципалитетами проводятся акции памяти, в том числе с участием молодежных организаций «Юнармия» [10] и «Движение Первых» [5], сотрудников органов внутренних дел [2] и т.д., осуществляется уход за памятниками. Информация о проведенных мероприятиях регулярно появляется на сайтах муниципалитетов, общественных организаций [1; 10].

Как мы видим, мемориальные комплексы являются центром проведения мероприятий по сохранению памяти о погибших советских и российских воинах. К сожалению, культурно-просветительская функция этих памятников ограничивается только вышеописанными мероприятиями, информация об уроженцах Оренбургской области – участниках Афганской войны, погибших и выживших, достаточно скудна и представляет собой только памятные доски на мемориалах с инициалами и годами жизни и смерти солдат и отдельные сайты, созданные заинтересованными лицами и опирающиеся либо на воспоминания «афганцев», либо на краткие выдержки из общероссийской «Книги памяти» в двух томах [6; 7], или отдельные, несистематизированные публикации [21].

Если подходить с точки зрения информатизации и цифровизации исторической памяти, то необходимо создать портал, аналогичный «Подвигу народа» (посвященный участникам Великой Отечественной войны) или «Герои Спецоперации» (посвященный участникам Специальной военной операции), который бы содержал информацию либо только об участниках Афганской войны, либо о воинах, участвовавших во всех локальных войнах, начиная с Афганской и заканчивая другими локальными конфликтами как на территории постсоветского пространства, так и за его пределами.

В рамках мемориализации исторической памяти, увеличения его информативной и культурно-просветительской функции существует несколько вариантов решения этой задачи, к которым можно отнести установку информационных баннеров, барельефов или табличек с QR-кодами. Наиболее эффективным способом, по нашему мнению, является создание информационного портала, повествующего об Афганской войне и других локальных конфликтах и содер-

жащего информацию о погибших советских и российских бойцах, отдавших свой долг для обеспечения интересов страны. Информационные таблички должны будут содержать QR-коды, ведущие на этот портал, они могут быть установлены на входе в мемориал, чтобы не портить архитектурно-композиционный облик памятника.

Хранить память об участниках всех конфликтов и войн, в которых участвовала Российская Федерация и ее исторические предшественники, необходимо. Люди отдавали свои жизни за построение светлого будущего, отстаивание государственных интересов, укрепление позиций своего Отечества, поэтому забвение воинов, несмотря на любую политическую ситуацию, недопустимо, что и продемонстрировали власти большинства городов Оренбургской области, которые уже в конце 1980–1990-х гг. заложили и возвели мемориалы в честь погибших воинов-интернационалистов – своих земляков и родственников.

Источники и литература

1. В Абдулино после реконструкции открыли Аллею памяти / Законодательное Собрание Оренбургской области // URL: https://zaksob.ru/press-tsentr/novosti/v-abdulino-posle-rekonstrukcii-otkryli-alleyu-pamyati/ (дата обращения: 01.08.2025).

2. В Бузулуке почтили память погибших в локальных конфликтах / Управление МВД России по Оренбургской области // URL: https://56.мвд.рф/news/item/12305526 (дата обращения: 10.08.2025).

3. В честь солдат недавних войн. Ежедневная городская газета «Орская хроника» // URL: https://hron.ru/news/read/33016 (дата обращения: 04.08.2025).

4. Гайчане выбрали проект памятника воинам-защитникам Отечества – Гайская Новь // URL: https://gayskayanov.ru/2025/04/07/gajchane-vybrali-proekt-pamyatnika-voinam-zashhitnikam-otechestva/ (дата обращения: 06.08.2025).

5. Дорогами Афгана. В Оренбурге вспоминают воинов-интернационалистов / Оренбург Медиа // URL:https://orenburg.media/?p=236194 (дата обращения: 10.08.2025).

6. Книга Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане в двух томах. Т. 1. А–Л. – М., 1995.

7. Книга Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане в двух томах. Т. 2. М–Я. – М., 1999.

8. Мемориал «Сквер Славы» в Ясном – Наш Урал и весь мир // URL: https://nashural.ru/dostoprimechatelnosti-urala/orenburgskaya-oblast/memorial-skver-slavy-v-yasnom/ (дата обращения: 04.08.2025).

9. Монумент «Воинам-интернационалистам», г. Новотроицк – Краевед Оренбуржья // URL: http://orenkraeved.ru/pamyatniki-i-memorialy/gorod-novotroitsk/3604-monument-voinam-internatsionalistam.html (дата обращения: 09.08.2025).

10. Оренбургские ветераны и юнармейцы отдали дань памяти воинам-интернационалистам / Официальный сайт Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство» // URL: https://bbratstvo.com/2025/02/17/den-pamyati-v-orenburge (дата обращения: 10.08.2025).

11. Памятная стела «Воинам-интернационалистам посвящается» – портал Центральной городской библиотеки Медногорска // URL: https://bibka56.ru/pamyatniki-i-memorialy/pamyatnaya-stela-voinam-internatsionalistam-posvyashchaetsya (дата обращения: 02.08.2025).

12. Памятная доска воину-интернационалисту В.С. Суворову. г. Гай – Краевед Оренбуржья // URL: http://orenkraeved.ru/pamyatniki-i-memorialy/gorod-gaj/3440-pamyatnaya-doska-voinu-internatsionalistu-v-s-suvorovu-g-gaj.html (дата обращения: 04.08.2025).

13. Памятники воинам-интернационалистам / Портал «Мое Оренбуржье» // URL: https://oodb.ru/elec-res/orenburjie/pamyatniki/pam4.html (дата обращения: 01.08.2025).

14. Памятник погибшим воинам-интернационалистам г. Абдулино – Краевед Оренбуржья // URL: http://orenkraeved.ru/pamyatniki-i-memorialy/abdulinskij-rajon/6584-pamyatnik-pogibshim-voinam-internatsionalistam-g-abdulino.html (дата обращения: 01.08.2025).

15. Памятник воинам-интернационалистам в Новотроицке Оренбургской области / Главный сайт Новотроицка Оренбургской области // URL: https://ntr.city/about/sights/480/ (дата обращения: 09.08.2025).

16. Памятник воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане / Администрация Кувандыкского муниципального округа Оренбургской области // URL: https://regionkuv.orb.ru/district/places/87/ (дата обращения: 01.08.2025).

17. Памятник воинам-интернационалистам и участникам локальных конфликтов в Орске / Краеведческая практика // URL: https://toropceva.com/pamyatnik-voinam-internatsionalistam-i-uchastnikam-lokalnyih-konfliktov-v-orske.html (дата обращения: 04.08.2025).

18. Памятники Соль-Илецка / МБУК «Центральная библиотека» Соль-Илецкого муниципального округа // URL: http://мцбс.рф/index.php/pamyatniki-sol-iletska (дата обращения: 02.08.2025).

19. Памятник участникам СВО и воинам-интернационалистам. Сколько денег собрали для его строительства – Гай.ру // URL: https://vgae.ru/news/vlast/39442-pamjatnik-pogibshim.html (дата обращения: 06.08.2025).

20. Памятные места Гайского городского округа: Свод памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества / сост. Т.Л. Алексеева, ред. Т.Д. Землянская. – Гай, 2019.

21. Список павших в Афганской войне по Оренбургской области / Afgan.ru // URL: https://afgan.ru/memorial/afgan-orenburg-.html (дата обращения: 15.08.2025)

22. Список памятных мест и сооружений города Бугуруслана Оренбургской области, посвященных локальным конфликтам – Краевед Оренбуржья // URL: http://orenkraeved.ru/pamyatniki-i-memorialy/gorod-buguruslan/2466-spisok-pamyatnykh-mest-i-sooruzhenij-goroda-buguruslana-orenburgskoj-oblasti-posvyashchennykh-lokalnym-konfliktam.html (дата обращения: 08.08.2025).

23. Список памятных мест и сооружений города Бузулука Оренбургской области, посвященных локальным конфликтам – Краевед Оренбуржья //URL:http://orenkraeved.ru/pamyatniki-i-memorialy/gorod-buzuluk/2505-spisok-pamyatnykh-mest-i-sooruzhenij-goroda-buzuluka-orenburgskoj-oblasti-posvyashchennykh-lokalnym-konfliktam.html (дата обращения: 10.08.2025).

24. Список памятных мест и сооружений Кувандыкского района (включая город Кувандык) Оренбургской области, посвященных локальным конфликтам – Краевед Оренбуржья // URL: http://orenkraeved.ru/pamyatniki-i-memorialy/kuvandykskij-rajon/2526-spisok-pamyatnykh-mest-i-sooruzhenij-kuvandykskogo-rajona-vklyuchaya-gorod-kuvandyk-orenburgskoj-oblasti-posvyashchennykh-lokalnym-konfliktam.html (дата обращения: 01.08.2025).

25. Список памятных мест и сооружений города Медногорска Оренбургской области, посвященных локальным конфликтам – Краевед Оренбуржья // URL: http://orenkraeved.ru/pamyatniki-i-memorialy/gorod-mednogorsk/2533-spisok-pamyatnykh-mest-i-sooruzhenij-goroda-mednogorska-orenburgskoj-oblasti-posvyashchennykh-lokalnym-konfliktam.html (дата обращения: 02.08.2025).

N.P. Nazarenko,
L.V. Grishakova

IMMORTALIZATION OF THE MEMORY OF THE AFGHAN WAR (THE EXAMPLES OF CITIES IN THE ORENBURG REGION)

Annotation. The article is devoted to the memorials of urban settlements of the Orenburg region dedicated to the fallen internationalist soldiers-participants

of the Afghan war of 1979–1989. The author provides a brief description of the history of the creation of memorials, summarizes the current state of memorials and concludes about their value in the formation and preservation of historical memory.

Keywords: Afghan war, Orenburg region, memorial, historical memory, local history.

УДК 94(470.324)“1941/1945”

М.Е. Разиньков

ВЕТЕРАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БОРЬБЕ ЗА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ: СЛУЧАЙ ПРОФЕССОРА Ю.Н. СТРОКОВА

Аннотация. В статье анализируется деятельность участника ветеранского движения на рубеже 1990–2000-х гг., направленная на сохранение положительных образов событий Великой Отечественной войны. Исследуется структура публицистической работы воронежского профессора Ю.Н. Строкова (1925–2009), соотношение его выводов с выводами других представителей ветеранского и постветеранского движения, взаимосвязь с современной государственной политикой. Даются комментарии по поводу современного состояния исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, ветераны, Воронежская государственная лесотехническая академия.

В 2001 г. в вузовской газете «За лесные кадры» ветераном Великой Отечественной войны, подполковником запаса, профессором Воронежской государственной лесотехнической академии, доктором исторических наук Юрием Николаевичем Строковым была опубликована обширная статья с названием «В защиту Отчизны» [4, с. 2–3]. Статью следует считать знаковым событием, поскольку она отразила стремление активистов ветеранского движения оказать влияние на транслируемые образы Великой Отечественной войны. Помимо традиционного для таких статей смысла – актуализации памяти о героических событиях Великой Отечественной войны – она имела и второе значение – защиту истории Второй мировой войны от фальсификаций. Как показало исследование, смыслы, присут-

of the Afghan war of 1979–1989. The author provides a brief description of the history of the creation of memorials, summarizes the current state of memorials and concludes about their value in the formation and preservation of historical memory.

Keywords: Afghan war, Orenburg region, memorial, historical memory, local history.

УДК 94(470.324)“1941/1945”

М.Е. Разиньков

ВЕТЕРАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БОРЬБЕ ЗА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ: СЛУЧАЙ ПРОФЕССОРА Ю.Н. СТРОКОВА

Аннотация. В статье анализируется деятельность участника ветеранского движения на рубеже 1990–2000-х гг., направленная на сохранение положительных образов событий Великой Отечественной войны. Исследуется структура публицистической работы воронежского профессора Ю.Н. Строкова (1925–2009), соотношение его выводов с выводами других представителей ветеранского и постветеранского движения, взаимосвязь с современной государственной политикой. Даются комментарии по поводу современного состояния исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, ветераны, Воронежская государственная лесотехническая академия.

В 2001 г. в вузовской газете «За лесные кадры» ветераном Великой Отечественной войны, подполковником запаса, профессором Воронежской государственной лесотехнической академии, доктором исторических наук Юрием Николаевичем Строковым была опубликована обширная статья с названием «В защиту Отчизны» [4, с. 2–3]. Статью следует считать знаковым событием, поскольку она отразила стремление активистов ветеранского движения оказать влияние на транслируемые образы Великой Отечественной войны. Помимо традиционного для таких статей смысла – актуализации памяти о героических событиях Великой Отечественной войны – она имела и второе значение – защиту истории Второй мировой войны от фальсификаций. Как показало исследование, смыслы, присут-

ствующие в статье Ю.Н. Строкова, оказали влияние на современные акценты в исторической памяти о войне.

Родившийся 20 августа 1925 г. в Воронеже Ю.Н. Строков с сентября 1941 г. по ноябрь 1942 г. служил в 10-м отдельном кавалерийском полку (г. Лиски Воронежская области), с ноября 1942 г. по февраль 1943 г. – в 380-м запасном стрелковом полку (пос. Инза Ульяновской области), в феврале – ноябре 1943 г. – в 66-м учебно-снайперском полку (там же). С ноября 1943 г. по апрель 1944 г. он находился в 310-м гвардейском полку 110-й гвардейской стрелковой дивизии (Белорусский фронт), с апреля 1944 г. по август 1945 г. – в куйбышевском отделе контрразведки войск НКВД. После войны награжден орденом Отечественной войны 2-й степени (1985) и 11 медалями.

Появление статьи Ю.Н. Строкова следует изучать, учитывая популярность в 1990-е гг. альтернативных точек зрения на события войны, происхождение которых варьировалось от прямого коммерческого и политического заказов (например, книги Виктора Суворова) [6; 7] до «реабилитированных» работ советского времени (например, монография А.И. Некрича) [3], а также дебаты по поводу учебника А.А. Кредера [1]. К началу 2000-х гг., таким образом, в ветеранском сообществе наметилась потребность создания (в реальности сохранения) позитивных образов, связанных с победами советской армии и героизмом советского народа. Поэтому в первой части статьи Ю.Н. Строков подчеркнул, что Великая Отечественная война для фашистской Германии была войной на уничтожение населения Советского Союза, указал на общенародный характер борьбы против нацизма, единую работу фронта и тыла, решающий вклад СССР в победу над Германией и ее союзниками. Много внимания здесь уделяется описанию подвига народа и конкретных лиц, операциям Красной армии, особо оговорен факт признания огромного вклада Советского Союза в победу над Германией со стороны президента США Ф. Рузвельта и премьера Великобритании У. Черчилля.

Важным посылом статьи Ю.Н. Строкова была реабилитация И.В. Сталина как полководца, борьба с исключением позитивного образа Сталина из официальной памяти о Великой Отечественной войне. «Сталинградская битва являлась началом коренного перелома в войне, – писал Ю.Н. Строков, – а город Сталинград вошел не только в историю Великой Отечественной войны, но и во всемир-

ную историю. В Париже есть площадь Сталинграда, а в нашей стране этого всемирно известного города, в боях за который решалась судьба всего человечества, не осталось» [4, с. 2]. Приводится известное изречение, приписываемое У. Черчиллю, о том, что Сталин «принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием». Черчилль, заключал Ю.Н. Строков, «далеко не друг Сталина, сумел признать в великане великана… И действительно, разгром фашистской Германии превратил СССР в сверхдержаву, а Сталина в одного из лидеров послевоенного мира, без согласования с которым никто в мире не смел сделать решительного телодвижения».

Нужно сказать, что позиция Ю.Н. Строкова не была только его индивидуальным мнением. В среде ветеранов и современников Великой Отечественной войны фигура И.В. Сталина пользовалась немалым уважением. В беседе с автором настоящей главы, происходившей в середине 2000-х гг., председатель Совета ветеранов ВГЛТА Б.А. Мякинин рассказывал о том, как стоял в оцеплении на Ялтинской конференции 1945 г. и лично видел, что У. Черчилль оказывает знаки почтения Сталину, жмет ему руку. На Бориса Александровича тогда это произвело огромное впечатление.

Еще одним посылом статьи был антиамериканизм и, шире, критика западных союзников СССР. Тот же У. Черчилль уличается в двуличии, когда в декабре 1941 г. и октябре 1942 г. давал две секретные установки, в которых указывалось, что Великобритания и США не должны принимать никакого участия в войне СССР и Германии, а также то, что «именно Россия, а не Германия является истинным врагом Европы». Англия предстает страной, которая в 1941–1942 гг. «металась между коммунизмом и фашизмом». Американцы характеризуются пекущимися о выгоде дельцами: «Вот вроде бы частный, но показательный факт, зарегистрированный в официальных документах. После открытия союзниками второго фронта во время налета одного из подразделений американской авиации погибла четверть пилотов, вылетавших на бомбежку. Остальные пилоты категорически отказались воевать. Уже тогда американцы, как в беспрецедентных войнах, которые они вели в Ираке и Югославии, пользуясь своим огромным техническим превосходством, предпочитали воевать так, что нападающие не рисковали ничем, а только тратили на войну доллары» [4, с. 2–3].

В особом параграфе о фальсификации истории Ю.Н. Строков обвиняет западную историческую науку и масс-медиа в замалчивании, искажении хода и итогов Второй мировой войны. В частности, указывается на то преувеличенное значение, которое придается войне в Атлантике, сражениям на Тихом Океане и в Африке в ущерб действиям на советско-германском фронте. Ю.Н. Строков подчеркивал, что в июне 1994 г. Россия не была приглашена на празднование 50-летия открытия второго фронта в Европе «под тем предлогом, что она “не имеет отношения к сему событию”». Профессор полагал, что такая трактовка сознательно внедрялась в 1990-е гг. в историческую память россиян. Дилетанты транслировали эти «знания» «по всем каналам телевидения, называемого российским. Чтобы не любили свою Родину, а презирали ее!» – заключает и обвиняет Ю.Н. Строков. Образы Великой Отечественной войны, тиражировавшиеся в России в том числе с помощью американских грантов, он сравнивал с высказыванием А. Гитлера: «в большую ложь охотнее верят, чем в малую». Таким образом, американская и западноевропейская политика памяти ассоциировалась у профессора с нацизмом [4].

В дальнейшем, борясь за историческую память, Ю.Н. Строков обратил внимание на сериал «Штрафбат» (2004). Служивший в войсках НКВД, профессор в своих публикациях разбирал и собственный опыт войны, стараясь проанализировать состав, психологическую атмосферу, значение штрафных батальонов в военных действиях. Что же касается сериала, то Ю.Н. Строков полагал, что «сериал “Штрафбат” – злая, вредная и очень опасная сказка про Великую Отечественную войну, откровенное надругательство над правдой о ней, выражение неприкрытой ненависти ко всем ее участникам». При этом он вновь ассоциировал эту продукцию (а, значит, и ее создателей) с фашистами, на этот раз приводя высказывание Й. Геббельса [5].

Тезис «нам есть чем гордиться!», противопоставленный у Ю.Н. Строкова «варварскому обращению с нашей историей», является лейтмотивом его статьи. Одновременно эти мысли, во многом повторяющие идеи советской историографии и пропаганды 1950–1980-х гг., очень характерны и для современной ветеранской и постветеранской субкультур. В книге 2020 г., составленной еще

одной преподавательницей ВГЛТА, И.С. Гошук, в одной из вводных статей приводится мнение президента НКО «Академия проблем мира и противодействия войне», почетного сотрудника контрразведки ФСБ России В.А. Ставицкого: «Молодые люди будут понимать, что сегодня многие деятели Запада жаждут реванша, фактически развязав новую информационную войну против России. Средствами Интернета, телевидения, печатных СМИ и книг они пытаются вложить в головы, сердца и души молодежи свой тезис, что русские – "варвары", которые умеют только воевать, и что мы не освободили Европу от германского фашизма, а чуть ли ее не завоевали. И что нам, россиянам, надо покаяться за Победу над фашизмом и сдаться на милость США». Сетуя на минимальное количество публикаций воспоминаний о войне и отмечая скупость чиновников в финансировании таких издательств, В.А. Ставицкий указывает на любопытный факт: «В то же время на другие издания расходуются огромные средства (к примеру, только Президентский грант тратит более 4,3 млрд руб.). Какие же книги были изданы к 75-летию Победы? Судите сами: "Ведьмин зов", "Внутри убийцы", "Бешеный прапорщик", "Счастье по-драконьи" и т.д., и т.п.» [2, с. 17]. Эти слова практически абсолютно (иногда теми же фразами) повторяют мысли Ю.Н. Строкова, хотя их разделяют 20 лет. Здесь же опубликовано стихотворение Е. Долгушина «Последний русский», где, в частности, видим следующие строки: «И наконец-то англосаксы / устроят свой кровавый пир, / погибнет рубль, а евробаксы / все души скупят и весь мир» [2, с. 411].

Нужно сказать, что в 1990 – начале 2000-х гг. ситуацию с оценками обществом и профессиональными историками действий лидеров СССР, военного командования, реакции населения на войну можно охарактеризовать как хаотичную. Возможность критиковать режим, разнообразные свидетельства о теневых сторонах войны и действовавшего политического режима, реабилитация писателей и исследователей, пострадавших в советское время от репрессий за их интеллектуальные поиски в области осмысления военного прошлого, многое другое лишали оценки событий Великой Отечественной войны той однозначности, которая была понятна советским гражданам и считалась незыблемой. Очевидные трудности в переосмыслении дополнялись незначительным количеством новых до-

кументальных материалов. Оценочный хаос создавал предпосылки для отстаивания активистами ветеранского движения точки зрения советской историографии и пропаганды как наиболее правильной при возможности лишь незначительного ее пересмотра.

К стремлению сохранить положительный образ Победы, равно как и к факту личной, выстраданной борьбы за историческую память, необходимо относиться с уважением. В то же время нельзя согласиться, что Великая Отечественная война в нашей стране забыта, а память о ней извращена. Подвиг народа, военная, социальная история этого важнейшего события изучается большим количеством исследователей, в том числе воронежских. Подавляющее большинство из них никак не связаны с зарубежными грантами. Они также являются честными, знающими специалистами. Присутствует память о войне (причем очень уважительная) и на многочисленных Интернет-ресурсах, среди которых нужно особо выделить канал Tacticmedia [8], который транслирует результаты исследований многих отечественных авторов. В том, что интерес к событиям войны сохранился, есть и заслуга той «войны за память», которую вели Ю.Н. Строков и другие ветераны и близкие им люди. Помноженные на политическую волю высшего руководства страны, они оказывают большое влияние на современное состояние исторической памяти.

Нужно подчеркнуть и то, что нынешнее знание о войне – это результат «архивной революции» 2000–2020-х гг., когда исследователи получили доступ к ранее закрытым архивным документам Центрального архива Министерства обороны РФ, а также к некоторым иностранным архивам. Сведения из архивов позволяют избежать многих ошибок советской историографии, уточнить, опровергнуть или подтвердить выводы историков предыдущих поколений. История войны оказывается сложнее того знания, которое транслировалось историографией конца 1940–1990-х гг. Задача современной исторической науки – знать ее в максимальной полноте, задача воспитательного процесса в вузе – испытывая благодарность к нашим предкам за Победу, формировать уважение к ней, но трезво подходить к пониманию ее цены, исторической конкретике и тех противоречивых явлений, которые характеризовали советское общество 1940-х гг.

Источники и литература

1. *Кредер А.А.* Новейшая история зарубежных стран. 1914–1997: учебник для 9 класса основной школы. – М., 2005.

2. Луч Победы для каждого из нас / сост. И.С. Гошук. – М., 2020.

3. *Некрич А.М.* 1941. 22 июня. – М., 1965.

4. *Строков Ю.Н.* В защиту Отчизны // За лесные кадры. – 2001. – 19 июня. – С. 2–3.

5. *Строков Ю.Н.* Личные впечатления о службе в штрафном батальоне и роли заградительных отрядов в вооруженных силах СССР // Берегиня. 777. Сова. – 2001. – № 1. – С. 62–72.

6. *Суворов В.А.* День «М»: Когда началась Вторая мировая война? – М., 1999.

7. *Суворов В.А.* Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? – М., 1992.

8. TacticMedia // URL:https://tacticmedia.ru (дата обращения: 28.08.2025).

M.E. Razinkov

VETERANS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE STRUGGLE FOR HISTORICAL MEMORY: THE CASE OF PROFESSOR Y.N. STROKOV

Annotation. The article analyzes the activities of a veteran movement participant at the turn of the 1990s and 2000s, aimed at preserving positive images of the events of the Great Patriotic War. It examines the structure of the journalistic work of Voronezh professor Yu.N. Strokov (1925–2009), the relationship between his conclusions and the conclusions of other representatives of the veteran and post-veteran movement, and the relationship with modern state policy. Comments are given on the current state of historical memory of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, veterans, Voronezh State Forestry Academy.

УДК 93/94

В.П. Сапожникова

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»: РОЛЬ ГЕРОЕВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Аннотация. В данной статье рассматривается антифашистская комсомольская организация «Молодая гвардия». Приводятся примеры объектов культурного наследия на данную тему.

Ключевые слова. «Молодая гвардия», Родина, героизм, память народа.

История комсомольской организации в годы войны неразрывно связана с добровольческими формированиями советской молодежи, с партизанским и подпольным движением. Деятельностью ВЛКСМ под эгидой ВКП(б), совместно с инициативами отдельных комсомольцев, молодое поколение было вовлечено в круговорот тайной, подпольной войны с врагом.

Одним из самых известных подпольных антифашистских комсомольских организаций являлась «Молодая гвардия», созданная в сентябре 1942 г. и просуществовавшая до января 1943 г. Возникшая при слиянии нескольких подпольных организаций в г. Краснодоне, она появилась сразу же после захвата города немцами. В ее состав под командованием молодого лейтенанта Ивана Туркевича вошли русские, украинцы, белорусы, евреи, общей численностью в 71 чел. – 47 парней и 24 девушки. Самому младшему из них было лишь 14 лет, другим по возрасту было до 20 [2].

Большая часть молодогвардейцев организации до войны училась в одной городской общеобразовательной школе № 4 Краснодона. Имена Олега Кошевого, Георгия Артюнянца, Ульяны Громовой, Ивана Земнухова, Василия Левашова и многих других ребят-краснодонцев, пожертвовавших собой во имя спасения родного края, навсегда останутся в нашей памяти. За время существования этой антифашистской молодежной организации было выпущено более 5000 листовок о положении дел на фронте, призывавших отчаянно и бесстрашно бороться с врагом [1, с. 208].

Например, 7 ноября 1942 г. во время проведения первой диверсионной атаки молодогвардейцы развесили красные флаги, зало-

жили мины в здания; 6 декабря они напали на вражеские машины, подожгли биржу труда, в которой находились поименные списки людей, предписанных к перевозке в Германию для каторжных работ. Благодаря отваге комсомольцев были спасены несколько тысяч человек, в том числе десятки красноармейцев, которых везли в плен, от тяжелого принудительного труда [1, с. 208]. К началу декабря молодые люди собрали большое количество оружия для организации восстания на оккупированной немцами территории, однако они были преданы и многих из ребят задержали. Аресты начались одномоментно после нападения подпольщиков на грузовик с рождественскими игрушками, и уже 1 января 1943 г. Евгений Мошков и Виктор Третьякевич решили часть их продать.

Комсомольские билеты молодогвардейцев

Членов Молодой гвардии жестоко пытали. 15, 16 и 31 января 49 юношей и девушек расстреляли и сбросили в шахту № 5. Убийства продолжились и 9 февраля 1943 г. 13 ребятам удалось избежать казни [3, с. 23].

Впервые о «Молодой гвардии» поведали в газете «Сын Отечества» 18 апреля 1943 г. под заголовком «Никогда, никогда, никогда комсомольцы не будут рабами» уже после их гибели. В конце статьи поместили такие строчки: «Вечная слава героическим комсомолкам и комсомольцам, мужественным детям великой Родины…» [1, с. 208].

В сентябрьском постановлении ЦК ВЛКСМ 1943 г. «О борьбе подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» против немецко-фашистских захватчиков» был отражен небольшой фрагмент деятельности юных защитников Краснодона в тылу врага и подчеркивалось, что «Комсомольцы, юноши и девушки проявили образцы незабываемого героизма, мужества и самоотверженности в борьбе». Было решено присвоить организаторам и руководителям подпольной организации звание Героя Советского Союза, предложить ЦК ЛКСМ Украины воздвигнуть в их честь памятник, опубликовать сборник со специальным разделом о «Молодой гвардии», поручить газете «Комсомольская правда» широко осветить боевую деятельность подпольной комсомольской организации, а также создать художественный фильм о ней на основе появления сенсационных, документально аргументированных данных [5, с. 18–20].

Погибших молодогвардейцев впоследствии перезахоронили в братской могиле. Ульяне Громовой, Ивану Земнухову, Олегу Кошевому, Сергею Тюленину, Любови Шевцовой присвоили звание Героя Советского Союза посмертно. В 1990 г. в их ряды влился и Иван Туркенич, которого длительное время считали предателем, но после обнародования новых неопровержимых данных оказалось, что он невиновен. 22 сентября 2022 г. указом Президента РФ В.В. Путина звание Героя Российской Федерации заслужил и молодогвардеец Виктор Третьякевич.

Подвиг молодогварейцев был не забыт в культуре, искусстве и исторической памяти народа. После освобождения г. Краснодона в 1943 г. властью было принято решение увековечить подвиг комсомольцев. 4 июля 1943 г. на заседании бюро Краснодонского райкома

партии говорилось: «…поставить вопрос об ассигновании средств для сооружения в Краснодоне памятника «Молодая гвардия»…».

12 сентября 1954 г. луганские скульпторы В.И. Мухин, В.Х. Федченко, В.И. Агибалов и архитектор А.А. Сидоренко создали монумент «Клятва», где на пьедестале застыли в бронзе пять Героев Советского Союза: О. Кошевой, У. Громова, И. Земнухов, Л. Шевцова, С. Тюленин. В этом месте в период СССР торжественно вручались комсомольские билеты. Образ скульптуры также использован в гербе г. Краснодона. В г. Ленинграде был отлит двойник памятника «Клятва» по инициативе молодежи города-героя. Он установлен в парке Екатерингоф.

Монументальная скульптура г. Краснодона – это часть Мемориального комплекса «Клятва». По левую сторону от памятника располагается братская могила, где на плите из красного мрамора написано 58 имен героев.

В честь 20-летия Победы 9 мая 1965 г. была открыта стела «Скорбящая мать». Авторы воплотили образ матери всех героев Великой Отечественной войны. Было создано большое количество эскизов, но выбор пал на стелу с профилем скорбящей, но не сломленной матери, в глазах которой гордость за своих детей.

13 марта 2024 г. в Москве был установлен памятник Героям антифашистской организации «Молодая гвардия». Скульптор Михаил Баскович впервые изобразил шестерых Героев Советского Союза – У. Громова, Л. Шевцова, И. Земнухов, О. Кошевой, С. Тюленин, И. Туркенич и В. Третьякевич – Герой Российской Федерации. Долгое время Виктор Третьякевич считался предателем, но работники архива спустя долгое время смогли доказать, что он был героем, сражавшимся против фашизма. На открытии Председатель РВИО Владимир Мединский подчеркнул, что памятник находится на исторически значимом месте, символизируя подвиг героев «Молодой гвардии» и их вклад в защиту Родины. В основании памятника была заложена капсула с землей, привезенной с места казни молодогвардейцев.

О подвиге молодогвардейцев свидетельствует множество литературных произведений, посвященных им. В 1946 г. советский писатель Александр Фадеев опубликовал роман «Молодая гвардия». Работа над произведением началась еще в 1943 г., автор собирал материалы, исследовательские документы и проводил беседы

с очевидцами и родственниками героев. Вначале Александр Фадеев опубликовал статью «Бессертные» в газете «Правда», которая стала предшественником романа. Стоит отметить, что роман был написан быстро и содержал в себе неточности и ошибки, которые позднее сказались на судьбах реальных людей. После выхода первого издания автор столкнулся с критикой. Ему были выдвинуты идеологические обвинения: в романе мало уделялось времени роли коммунистической партии. В связи с этим в 1951 г. вышла вторая редакция романа «Молодая гвардия», где были введены новые персонажи.

Поэты и писатели разных поколений воспевают в своих произведениях героизм, самоотверженность и стремление к свободе молодогвардейцев. Они передают через строчки дух времени и значимость их подвига для истории. Елена Смолицкая написала блок стихотворений, посвященных подвигу молодогвардейцев. Она затрагивает судьбы О. Кошевого, С. Тюленина, Л. Шевцовой, подчеркивая их героизм и веру в справедливость. Например, так Елена Смолицкая писала об Олеге Кошевом:

…Твой юный подвиг помнит вся страна…
Всего шестнадцать, а виски – седые!
Скорбей и боли ты хлебнул сполна,
Пал страшной смертью в годы молодые.
Как много улиц, песен и стихов
С благоговеньем вторят твое имя…
А в нашем небе – светлом, без оков –
Твои глаза все смотрят часовыми… [4].

В 1948 г. режиссером Сергеем Герасимовым был снят двухсерийный документальный фильм «Молодая гвардия» по роману Александра Фадеева. Но в 1960-х гг. фильм был подвержен серьезной критики, это было связано с выявлением новых обстоятельств с деятельностью антифашистской комсомольской организации. В связи с этим эпизоды фильма были пересняты и переозвучены.

«Молодая гвардия», как символ мужества и патриотизма, сыграла важную роль в формировании исторической памяти народа о Великой Отечественной войне. Их героизм, стремление к свободе стали источником вдохновения для следующих поколений. Произведения культуры, искусства способствовали формированию глубокой связи между молодежью и историей прошлого.

Источники и литература

1. *Вилачева Ю.Ю.* Молодая гвардия. Подвиг юного поколения в годы Великой Отечественной войны // Война и мир в Отечественной и мировой истории: Материалы Междунар. науч. конф.: в 2 т. Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г. – СПб., 2020.

2. *Петрова Н.* Молодая гвардия. История подвига. – М., 2023.

3. *Соболев Д.Г.* «Молодая гвардия» в годы Великой Отечественной войны / Д. Г. Соболев, С. И. Рябов, Н. Е. Мухина // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2017. – № 4 (17). – С. 75–79.

4. *Смолицкая Е.* Молодая гвардия // URL: https://www.molodguard.ru/article 317.htm (дата обращения 08.08.2025).

5. Товарищ комсомол. 1941–1968: Док. съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ / сост.: В. Десятерик и др. Т. 2.– М., 1969.

V.P. Sapozhnikova

THE YOUNG GUARD: THE ROLE OF HEROES IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE

Annotation. This article examines the anti-fascist Komsomol organization «The Young Guard». Examples of cultural heritage sites on this topic are provided.

Keywords: The Young Guard, Motherland, heroism, people's memory.

УДК 373:930.2(470.344)

Н.Б. Смирнова

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АКЦИЯ «СОЛДАТСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК» В ЧУВАШИИ: ПАМЯТЬ И БЛАГОДАРНОСТЬ ПОКОЛЕНИЮ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье проанализирован опыт проведения республиканской научно-исследовательской акции «Солдатский треугольник», реализованной в Чувашии со 2 сентября 2024 г. по 20 марта 2025 г. и отмечается ее значительная роль в патриотическом воспитании молодого поколения. Подчеркивается важность подобных инициатив для формирования гражданской ответственности, сохранения исторической памяти и исторического наследия региона.

Источники и литература

1. *Вилачева Ю.Ю.* Молодая гвардия. Подвиг юного поколения в годы Великой Отечественной войны // Война и мир в Отечественной и мировой истории: Материалы Междунар. науч. конф.: в 2 т. Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г. – СПб., 2020.

2. *Петрова Н.* Молодая гвардия. История подвига. – М., 2023.

3. *Соболев Д.Г.* «Молодая гвардия» в годы Великой Отечественной войны / Д. Г. Соболев, С. И. Рябов, Н. Е. Мухина // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2017. – № 4 (17). – С. 75–79.

4. *Смолицкая Е.* Молодая гвардия // URL: https://www.molodguard.ru/article 317.htm (дата обращения 08.08.2025).

5. Товарищ комсомол. 1941–1968: Док. съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ / сост.: В. Десятерик и др. Т. 2.– М., 1969.

V.P. Sapozhnikova

THE YOUNG GUARD: THE ROLE OF HEROES IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE

Annotation. This article examines the anti-fascist Komsomol organization «The Young Guard». Examples of cultural heritage sites on this topic are provided.

Keywords: The Young Guard, Motherland, heroism, people's memory.

УДК 373:930.2(470.344)

Н.Б. Смирнова

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АКЦИЯ «СОЛДАТСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК» В ЧУВАШИИ: ПАМЯТЬ И БЛАГОДАРНОСТЬ ПОКОЛЕНИЮ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье проанализирован опыт проведения республиканской научно-исследовательской акции «Солдатский треугольник», реализованной в Чувашии со 2 сентября 2024 г. по 20 марта 2025 г. и отмечается ее значительная роль в патриотическом воспитании молодого поколения. Подчеркивается важность подобных инициатив для формирования гражданской ответственности, сохранения исторической памяти и исторического наследия региона.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фронтовые письма, научно-исследовательская акция, патриотическое воспитание, подрастающее поколение.

Сохранение памяти о Великой Отечественной войне является важной и актуальной задачей, которая позволяет увековечить героизм и самопожертвование наших предков, а также передать ценности мира, патриотизма и гражданской ответственности будущим поколениям. В современном обществе эта работа приобретает особую значимость, поскольку способствует сохранению исторической правды, укреплению национального единства и предотвращению забвения трагических страниц нашей истории. В последние годы Министерство образования Чувашской Республики реализует разнообразные проекты для школьников, направленные на развитие исследовательских навыков и формирование патриотического сознания. Среди них такие инициативы, как «Дети войны», «Правнуки Победы», «Правнуки о войне» и другие. Эти проекты дают молодому поколению возможность глубже понять события Великой Отечественной войны, познакомиться с личными историями ее участников и сохранить живую память о тех, кто подарил нам жизнь и свободу.

Одним из заметных проектов стала республиканская акция «Солдатский треугольник», реализуемая со 2 сентября 2024 г. по 20 марта 2025 г. Ее организаторами выступили Министерство образования Чувашской Республики, региональное отделение Российского военно-исторического общества и ГАНОУ «Центр одаренных детей и молодежи «Эткер» Минобразования Чувашии. Акция была приурочена к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. В центре внимания оказались фронтовые письма, которые, возможно, еще хранятся в семейных архивах. Перед юными следопытами ставилась важная задача – пообщаться с родными и знакомыми, чтобы узнать о них больше и отыскать заветные строчки. Основными целями акции были: содействие в формировании патриотического воспитания у подрастающего поколения; увековечение памяти предков, павших за свободу и независимость Родины; формирование навыков исследовательской работы; сохранение исторической памяти и распространение знаний о Великой Отечественной войне

1941–1945 гг.; привлечение внимания к истории Отечества в рамках празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, а также пропаганда семейных ценностей в молодежной среде на основе семейных традиций [2]. Как отметил министр образования Чувашской Республики Д.А. Захаров, «…патриотизм должен быть деятельным, а мы, как педагоги, должны вести за собой детей, показывать пример. Только тогда дети нам поверят. Всех призываю к этой большой, но крайне благодарной от наших потомков работе» [1].

В научно-исследовательской и творческой акции приняли участие молодые люди – учащиеся общеобразовательных школ и студенты профессиональных колледжей в возрасте от 7 до 18 лет из 21 муниципалитета региона. Допускались и авторские коллективы численностью до пяти человек. Молодые исследователи осуществили важную работу для страны и народа, активно занимаясь поиском и сохранением фронтовых писем для будущих поколений. Они также проводили оцифровку текстовых документов и фотографий, расшифровывали и анализировали рукописные материалы. Согласно Положению об акции, исследовательская работа должна была включать следующие сведения: фамилию, имя и отчество автора письма; уточнения, касающиеся отношений между автором и адресатом (мать, жена, вся семья); информацию о дате отправления письма (когда оно было написано); описание состояния сохранности (наличие пометок, утраты); историю его хранения (от кого было получено, фамилия, имя и отчество хранителя письма, у кого хранится в настоящее время, кому планируется его дальнейшая передача); место хранения письма (в конверте, в альбоме, на полке с книгами и т.д.). Также нужно было определить, к кому обращается автор – к индивидуальному или коллективному адресату; рассказать содержание письма (например, описание погоды и окружающей природы, приветы родным и знакомым, факты о фронтовой повседневности, размышления автора письма и т.д.). Кроме того, важно было раскрыть содержание эпистолярного источника с точки зрения отражения военных событий [2].

Во время работы с «солдатскими треугольниками» участники акции сталкивались с рядом трудностей. Так, детям, не обладающим навыками чтения рукописных текстов, не всегда удавалось разобрать почерк автора письма. В таких случаях приходилось

обращаться за помощью к взрослым. Кроме того, некоторые письма были написаны на различных языках – чувашском, татарском, марийском, мордовском, что создавало дополнительные сложности для юных исследователей [1]. Не все дети владели этими языками, поэтому требовалось привлечение переводчиков или специалистов по языкам для правильного понимания и сохранения подлинности материалов. Важно также учитывать эмоциональную нагрузку при работе с такими ценными историческими документами и подходить к этому процессу с уважением и аккуратностью.

В результате проведенной поисковой и исследовательской работы в экспертную комиссию, состоящую из ученых Чувашского государственного института гуманитарных наук, было представлено 163 работы: Чебоксарский муниципальный округ и город Чебоксары прислали 51 работу, Канашский муниципальный округ – 18, Моргаушский – 2, Красночетайский – 2, Алатырский – 1, Ядринский – 7, Батыревский – 6, Яльчикский 2, Порецкий – 1, Шумерлинский – 10, Янтиковский – 1, Ибресинский – 4, Комсомольский – 1, Мариинско-Посадский – 6, Цивильский – 1, Аликовский – 2, Козловский – 5, г. Новочебоксарск – 23, Вурнарский муниципальный округ – 4, Урмарский – 13, Шемуршинский – 2, Красноармейский – 1. Также было выявлено и спасено от утраты 555 фронтовых писем, написанных в период с 1941 по 1945 г.: за 1941 г. сохранилось 90 писем, за 1942 – 187, 1943 – 117, 1944 – 117, 1945 – 44. Эти ценные исторические документы были тщательно изучены, оцифрованы и подготовлены к дальнейшему хранению и использованию в образовательных и мемориальных целях.

Благодаря проведенной работе удалось проследить особенности жизни на фронте, понять боевую обстановку и настроения солдат. Так, несмотря на первоначальные поражения советских войск в начале войны, в письмах очевидны вера в победу, стойкий оптимизм и чувство единства с народом. Авторы писем выражают готовность идти на любые жертвы ради защиты Родины и поддерживают боевой дух своих товарищей. Среди собранных материалов есть также эпистолярное наследие известных деятелей науки и культуры республики – поэтов К.М. Кольцова и Я.Г. Ухсая, писателей Л.Я. Агакова и А.Ф. Медведева, а также первого ректора Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова С.Ф. Сайкина.

Некоторые фронтовые письма сохранились в отличном состоянии, тогда как другие оказались повреждены временем: они отсырели, покрылись плесенью и частично утратили читаемость. В отдельных случаях полностью восстановить содержание текста не представлялось возможным. Большинство писем написаны карандашом или чернилами, что при их сохранении и расшифровке требует особой аккуратности. Размер сообщений варьируется от коротких заметок до развернутых посланий, как в форме прозы, так и стихотворных строк.

Лучшие исследовательские работы, отобранные экспертной комиссией, вошли в итоговый сборник «Солдатский треугольник» [3]. Таким образом, личные истории и семейные реликвии стали частью общего исторического наследия как Чувашской Республики, так и всей страны. Все участники акции были награждены сертификатами. Авторы лучших работ получили возможность посетить Республику Беларусь в апреле и в июне 2025 г. Эти поездки стали возможными благодаря соглашению о сотрудничестве между Чувашией и Республикой Беларусь, а также при поддержке Главы Чувашии О.А. Николаева. Дети ознакомились с главными достопримечательностями городов Минск и Брест, включая знаменитую Брестскую крепость – мемориальный комплекс, посвященный героической обороне во время Великой Отечественной войны. Во время экскурсии они узнали об историческом значении памятных мест, что позволило лучше понять героическое прошлое региона и важность сохранения памяти о событиях войны.

Таким образом, реализация проекта по сбору и исследованию фронтовых писем позволила не только сохранить важные исторические документы, отражающие героизм и стойкость советских солдат, но и способствовала укреплению патриотического воспитания молодого поколения. Проведенная работа расширила знания о военной истории региона, подчеркнула ценность памяти о героическом прошлом и укрепила связь между поколениями. Этот проект стал одной из форм благодарности и признательности поколению победителей, а также способствовал формированию у молодежи чувства гордости за свою историю и уважения к подвигам предков. В дальнейшем такие инициативы могут стать основой для развития новых образовательных программ, направленных на сохранение исторической памяти и воспитание гражданской ответственности.

Источники и литература

1. *Казакова О.* Школьники будут исследовать свои семейные архивы // Советская Чувашия. – 2024. – 16 сент.

2. Положение о проведении республиканской научно-исследовательской акции «Солдатский треугольник», посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне.

3. Солдатский треугольник: сборник солдатских писем времен Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. – Чебоксары, 2025.

N.B. Smirnova

REPUBLICAN SCIENTIFIC RESEARCH CAMPAIGN «SOLDIER'S TRIANGLE» IN CHUVASHIA: MEMORY AND GRATITUDE TO THE GENERATION OF WINNERS

Annotation. The article analyzes the experience of the republican scientific research campaign "Soldier's Triangle", implemented in Chuvashia from September 2, 2024 to March 20, 2025, and notes its significant role in the patriotic education of the younger generation. The importance of such initiatives for the formation of civic responsibility, preservation of historical memory and historical heritage of the region is emphasized.

Keywords: The Great Patriotic War, front-line letters, scientific research campaign, patriotic education, the younger generation.

УДК 94(47).084.8+069.5

Е.Г. Шалахов

ПАМЯТЬ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ В МАТЕРИАЛАХ ВИРТУАЛЬНОЙ МУЗЕЙНОЙ ВЫСТАВКИ К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Аннотация. Многие региональные музейные проекты, посвященные истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., базируются на богатейших фондах учреждений культуры, сохранивших для нас – наследников Великой Победы – оригинальные коллекции, переданные в дар ветеранами или их семьями. В фондах муниципального Юринского историко-художественного музея им. Г.П. Лосева выявлены уникальные предметы,

Источники и литература

1. *Казакова О.* Школьники будут исследовать свои семейные архивы // Советская Чувашия. – 2024. – 16 сент.

2. Положение о проведении республиканской научно-исследовательской акции «Солдатский треугольник», посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне.

3. Солдатский треугольник: сборник солдатских писем времен Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. – Чебоксары, 2025.

N.B. Smirnova

REPUBLICAN SCIENTIFIC RESEARCH CAMPAIGN «SOLDIER'S TRIANGLE» IN CHUVASHIA: MEMORY AND GRATITUDE TO THE GENERATION OF WINNERS

Annotation. The article analyzes the experience of the republican scientific research campaign "Soldier's Triangle", implemented in Chuvashia from September 2, 2024 to March 20, 2025, and notes its significant role in the patriotic education of the younger generation. The importance of such initiatives for the formation of civic responsibility, preservation of historical memory and historical heritage of the region is emphasized.

Keywords: The Great Patriotic War, front-line letters, scientific research campaign, patriotic education, the younger generation.

УДК 94(47).084.8+069.5

Е.Г. Шалахов

ПАМЯТЬ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ В МАТЕРИАЛАХ ВИРТУАЛЬНОЙ МУЗЕЙНОЙ ВЫСТАВКИ К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Аннотация. Многие региональные музейные проекты, посвященные истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., базируются на богатейших фондах учреждений культуры, сохранивших для нас – наследников Великой Победы – оригинальные коллекции, переданные в дар ветеранами или их семьями. В фондах муниципального Юринского историко-художественного музея им. Г.П. Лосева выявлены уникальные предметы,

связанные с вкладом уроженцев и жителей Юринского района Марийской АССР в достижение Победы советского народа над германским фашизмом и японским милитаризмом. Музейные материалы были использованы сотрудниками ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева» в ходе реализации выставочного проекта «Память священной войны», изначально нацеленного на воспитание патриотических чувств у подрастающего поколения.

Ключевые слова: виртуальная выставка, Великая Отечественная война, коллекция, экспонат, трофей, кисет.

С каждым годом все тоньше становится нить, связывающая нас – наследников Великой Победы – с героическими годами Великой Отечественной войны. Быстро осыпаются брустверы окопов на бывшей передовой, уходят из жизни ветераны, сражавшиеся с ордами фашистских захватчиков. Память о славных подвигах дедов и прадедов продолжает жить «в кадрах фото- и кинохроники, в сотнях тысяч документов, хранящихся в фондах музеев и архивов всех уровней» [11, с. 6]. Очень важно закрепить этот огромный ресурс памяти для новых поколений россиян, которые будут учиться или работать в середине текущего столетия.

Идея создания виртуальной выставки «Память священной войны» из фондов Юринского историко-художественного музея им. Г.П. Лосева (ЮИХМ) принадлежит бывшей зав. музейной частью ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева» Н.Е. Лобановой. Формальным поводом к началу работы над виртуальной выставкой стал очередной круглый (70-й) юбилей Великой Победы советского народа над германским фашизмом и японским милитаризмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В начале апреля 2015 г. было решено, что часть предметов из собрания ЮИХМ им. Г.П. Лосева будет экспонироваться с помощью специализированного оборудования (были заказаны новые витрины), а часть – в электронном виде (показ цифровых фотографий через демонстрацию презентации в формате PowerPoint). По совету зав. музейной частью учреждения авторский коллектив будущей виртуальной выставки сразу же обратился за получением разрешительных документов к руководству ГБУК РМЭ «Замок Шереметева», на арендованных площадях которого размещались тогда фонды ЮИХМ, чтобы получить доступ к музейным источникам. В течение нескольких

дней изучались коллекции основного (КП) и научно-вспомогательного (НВФ) фондов ЮИХМ и производилась фотофиксация предметов, датированных военным временем, переданных для хранения ветеранами и вдовами участников Великой Отечественной войны.

В ходе работы над виртуальной выставкой назрела необходимость усилить источниковедческий компонент проекта за счет использования материалов из домашних архивов членов семей фронтовиков Великой Отечественной, что явилось научно обоснованным подходом, нашедшим, например, отражение в современной историографии войны [5, с. 125; 6, с. 120; 9, с. 55].

Основная цель виртуальной выставки «Память священной войны» была сформулирована следующим образом: вызвать у посетителей чувство гордости за страну, ее бойцов, командиров и тружеников тыла, сокрушивших врага в годы Великой Отечественной войны. Темой оформления виртуальной выставки в формате ppt была выбрана «Справедливость», что более всего соответствовала характеру юбилейной экспозиции и придавала некую торжественность в подаче визуальной музейной информации. Эта же тема сохранена и для новой редакции виртуальной выставки «Память священной войны», подготовленной в 2025 г.

Кроме собственно названия выставки, в структуру *титульного слайда* были помещены изображения георгиевской ленты и ордена Отечественной войны 1-й степени (верхний колонтитул). Иллюстративный корпус базовой части слайда первоначально состоял из трех фотоснимков музейных предметов из фондов ЮИХМ: солдатские письма-«треугольники», суконная шинель, благодарность воину-фронтовику от командира части – на художественно выполненном бланке. В новой редакции в базовую часть добавлен логотип нынешнего юбилейного года (80 лет), заменивший снимок шинели.

Слайд № 2 – с посвящением нашим героическим прадедам – участникам Великой Отечественной, которая для советских людей стала поистине священной, потому что велась все четыре года во имя жизни и свободы, – содержит цитату из мемориального издания. В 1941–1945 гг. «Юринский райвоенкомат… призвал и направил в Вооруженные Силы страны 6082 человека. Живыми вернулись только 1734» [2, с. 9].

С целью повышения аттрактивности демонстрируемого материала текстовая информация визуализирована с помощью снимка «Комбат» – одного из самых известных со времен Великой Отечественной войны. Его сделал фронтовой корреспондент М. Альперт [7, с. 9]. «Многие считали этот снимок постановочным: не мог же в самом деле фотокорреспондент быть впереди командира, поднимающего бойцов в атаку. Тем более репортеров берегли, ибо за них, посланцев из Москвы, командиры частей и соединений несли ответственность. Делалось все, чтобы никто из фотожурналистов не мог попасть в руки врага – для прикрытия им давалось специальное сопровождение… По словам самого Макса Альперта, он по приказу начальника политотдела дивизии находился в тылу наступающей пехоты. Но ее фашисты буквально скосили из пулеметов и автоматов. Погибло и охранение репортера. Он оказался меж двух огней. И когда в атаку поднялась вторая волна наших солдат, Альперт снял этот отчаянный бросок. Вот так и получилось, что фоторепортер оказался впереди наступающей цепи» [3, с. 307].

Слайд № 3 с довольно лаконичным текстом целевого назначения виртуальной музейной выставки в редакции 2025 г. иллюстрирован ярким детализированным логотипом, разработанным специально для 80-летнего юбилея Победы.

Советские люди узнали о начале войны с Германией по радио 22 июня 1941 г. Средствами оповещения были уличные радиорепродукторы. На фото в центре *слайда № 4* узнаваемый по кадрам кинохроники военных лет профиль самого простого и надежного уличного радиорепродуктора-громкоговорителя (фото 1), изго-

Фото. 1. Радиорепродуктор военных лет (1941–1945). Коллекция Юринского историко-художественного музея им. Г.П. Лосева. Фото Е.Г. Шалахова

товленного из слоеной фанеры в конце 30-х гг. XX в. (музейный шифр – ЮИХМ КП 198). Передающее устройство в виде рупора-воронки с широким прямоугольным устьем обычно крепилось к деревянному столбу при помощи специальной муфты, отлитой из цветного металла – бронзы или латуни. Опрошенные специалистами музейной части ГБУК РМЭ «Замок Шереметева» ветераны и старожилы поселка Юрино утверждали, что подобный хранящемуся в ЮИХМ радиорепродуктор накануне войны был установлен на главной (бывшей Базарной) площади районного центра.

В течение всех военных лет советские люди, напряженно трудившиеся в тылу, старались как можно больше узнать о ситуации на фронтах Великой Отечественной, слушая сводки Совинформбюро [4, с. 13–16; 8, с. 51]. Радиотранслятор бытовой в виде тарелки на округлой металлической подставке – на фото *слайда № 5*. Выпущенный в г. Горький (ныне – г. Нижний Новгород) радиотранслятор передан в дар Юринскому музею научным сотрудником Козьмодемьянского музейного комплекса С.Ю. Лобановой (музейный шифр предмета – ЮИХМ НВФ 1200).

Со *слайда № 6* открывается самый важный раздел виртуальной выставки, посвященный источникам по истории военного лихолетья. В первые дни Великой Отечественной советскими людьми были написаны десятки тысяч заявлений с единственной просьбой отправить их на фронт. Главный экспонат раздела – черновик заявления Е.С. Моргунова в Юринский райком ВКП(б) и Юринский райвоенкомат с просьбой зачислить автора в ряды Красной армии. Документ не датирован, но дочь ветерана Н.Е. Лобанова, передавшая черновик заявления для экспонирования, утверждает, что документ был написан сразу же после первого известия о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз.

Слайд № 7 частично дублирует визуализированную информацию предыдущего. Посетителям виртуальной музейной выставки «Память священной войны» представлен увеличенный фрагмент заявления Е.С. Моргунова. На этот раз изображение документа дополняет сканированная копия фотопортрета ветерана (фото 2), оригинал которого сделан не ранее 1943 г.

Боевые награды участника Великой Отечественной, гвардии капитана Е.С. Моргунова – три ордена и три медали – представ-

Фото 2. Евсей Сергеевич Моргунов в годы Великой Отечественной войны. Фоторепродукция с оригинального снимка, хранящегося в личном архиве Н.Е. Лобановой (пос. Юрино)

лены на фото, использованном для оформления *слайда № 8* (фото 3). Медали «За оборону Сталинграда» и «За взятие Берлина» явились своего рода вехами героического пути советского воина-освободителя.

Серия слайдов с изображениями трофеев советских воинов открывается информацией о том, что напавшая в июне 1941 г. на Советский Союз армия гитлеровской Германии была хорошо подготовлена к войне. Как отмечают современные историки, снабжением вермахта занимались лучшие военные заводы «третьего рейха» [1, с. 65; 10, с. 98].

На *слайде № 9* представлен снимок металлического контейнера в форме банки для хранения боеприпасов. Предмет произведен в Германии в 1937 г. Размеры кон-

Фото 3. Боевые награды ветерана Великой Отечественной войны, гвардии капитана Моргунова Е.С. Фото Е.Г. Шалахова

тейнера: высота – 7,5 см, диаметр – 11 см. Трофейная вещь, которую привез домой после демобилизации ветеран А.Н. Бородин (1921–1998), поступила в фонды Юринского музея в 2008 г. Музейный шифр предмета – ЮИХМ НВФ 1042.

Атрибуция экспоната осуществлена по заводской маркировке (в особой круглой рамке) и по характерной для гитлеровской Германии символике на дне контейнера. Указанные выше признаки подлинности предмета (с указанием даты изготовления) можно увидеть на фотоиллюстрации к *слайду № 10*. Подчеркнем, что трофейная вещь является немым свидетелем агрессивных замыслов нацистских вождей «третьего рейха».

Рвались снаряды, горели дома, заводы, шахты… Фашисты пришли на нашу землю, чтобы уничтожить и людей, и все, что они построили в предвоенный период. На *слайдах № 11–12* вниманию посетителей виртуальной выставки представлены фотографии еще одной трофейной вещи, переданной в дар Юринскому музею в 2008 г. Это бакелитовый контейнер для детонаторов (взрывателей) с пятью ячейками цилиндрической формы. Предмет (музейный шифр – ЮИХМ НВФ 922) без своего опасного содержимого внешне напоминает школьный пенал, но на поверхности корпуса хорошо видна военно-заводская маркировка – «Zdlg. 36/2000 KP 1941». После окончания Великой Отечественной войны контейнер был поднят на бывшем поле боя участником войны против милитаристской Японии А.Н. Бородиным и до 1998 г. использовался им для хранения хозяйственных мелочей.

Формат электронной выставки позволил корректно подготовить к показу музейные предметы, которые изначально требуют к себе очень бережного отношения. В данном случае, например, речь идет о суконной солдатской шинели защитного цвета времен Великой Отечественной (музейный шифр – ЮИХМ НВФ 787).

Как бы ни был силен враг, русский солдат всегда одерживал верх над ним. Защитницей и союзницей нашего воина была его шинель. Шинели ветерана В.Д. Чуева на *слайдах № 13* (вид предмета обмундирования спереди) и *№ 14* (вид предмета обмундирования сзади), благодаря профессионально выполненной фотосъемке удалось придать определенную объемность.

В целом визуализация предмета сыграла далеко не последнюю роль в формировании представления о жизни советских солдат на

передовой в 1941–1945 гг. у посетителей виртуальной выставки «Память священной войны».

В редкие минуты затишья между боями, как вспоминали бывшие фронтовики, воины Красной армии устраивали перекуры, воспетые советскими поэтами и прозаиками [13, с. 131]. Еще один любопытный экспонат виртуальной выставки представлен на фото *слайда № 15*. Табачный кисет участника Великой Отечественной войны, когда-то очень известного юринского музыканта Г.А. Кашинского [12, с. 272], сделан из ткани красного цвета, очевидно, женой солдата. Вещь именная, потому что на ней имеются вышитые инициалы хозяина – «К.Г.» (фото 4). Размеры кисета (музейный шифр – ЮИХМ НВФ 963) составляют 26×21 см.

Материалы виртуальной музейной выставки, подготовленной к 70-летию Великой Победы советского народа над германским фашизмом в Великой Отечественной войне, были размещены на официальном сайте ГБУК «Замок Шереметева». Электронный ресурс активно использовался в 2015–2020 гг. для проведения внеклассных мероприятий военно-патриотической направленности с учащимися Юринской средней общеобразовательной школы им. С.А. Лосева (фото 5). Судя по устным откликам педагогов и школьников, выставка стала для них откровением о годах великих битв за независимость нашей Родины, сражений за само существование нашего многонационального Отечества.

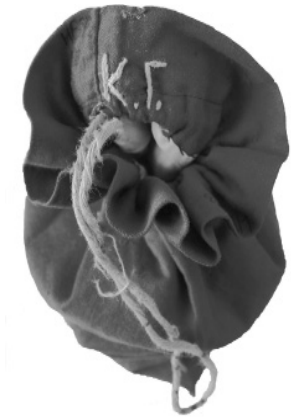

Фото 4. Табачный кисет участника Великой Отечественной войны Г.А. Кашинского. Научно-вспомогательный фонд Юринского историко-художественного музея им. Г.П. Лосева. Фото Е.Г. Шалахова

Фото 5. Демонстрация слайдов виртуальной музейной выставки «Память священной войны» учащимся начальных классов Юринской средней общеобразовательной школы им. С.А. Лосева. Апрель 2024 г. Фото Н.Н. Борисовой

Таким образом, виртуальная выставка «Память священной войны», подготовленная по различным документальным источникам из фондов Юринского историко-художественного музея им. Г.П. Лосева стала значительным вкладом в популяризацию героического прошлого нашей Родины, армия которой на полях сражений Великой Отечественной войны покрыла себя неувядающей славой в глазах и памяти нескольких поколений россиян. Кроме того, опыт реализации музейно-выставочного проекта ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева» позволил укрепить методическую основу научно-просветительской деятельности учреждения, которое в наши дни играет роль одного из крупных культурных центров в Марийском крае.

Источники и литература

1. *Арцыбашев В.А.* «Вооружения Германии не могут не повлиять… на ускорение новой мировой войны». Аналитическая записка советской военной разведки. 1934 г. // Исторический архив. – 2012. – № 6. – С. 65–89.

2. *Багаева Р.Л., Иванов В.И.* Это нужно не мертвым, это нужно живым // Книга памяти. Вспомним их поименно. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 8–16.

3. *Грабельников А.А., Грабельникова М.А.* Образы войны и победы в советском военном фоторепортаже // Культура в фокусе научных парадигм. – 2020. – № 10–11. – С. 303–310.

4. *Давыдов А.Ю., Баландина О.А.* Совинформбюро в СССР и за рубежом в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 2 (99). – С. 13–28.

5. *Исаев В.И.* Отцовский орден // Исторический курьер. – 2020. – № 3 (11). – С. 125–133.

6. *Кондрашихин А.Б.* Домашние архивы в источниковедении: военный фельдшер Ящук Степан Семенович // XV чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925–1995): сб. науч. ст. Всерос. науч. конф., Новокузнецк, 26 мая 2020 г. / редкол.: И.Н. Заводская (отв. ред.) [и др.]. – Новокузнецк, 2020. – С. 120–125.

7. *Коркин С.* История одной фотографии // Журналист. – 2005. – № 5. – С. 9.

8. *Кошкина О.А.* Организация агитации и пропаганды в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. – 2024. – № 3. – С. 45–53.

9. *Собакин В.В.* Воспоминания о войне из семейного архива // Великая Отечественная война в судьбах ее участников: Материалы круглого стола, посвящ. 75-летию Победы, Вологда, 20 окт. 2020 г. / под ред. А.Л. Кузьминых. – Вологда, 2022. – С. 55–59.

10. *Столбов В.П.* К вопросу об оценке военно-экономического потенциала Германии и СССР в Великой Отечественной войне // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2014. – № 4 (22). – С. 96–107.

11. *Шалахов Е.Г.* «Великая Отечественная: и гордость, и горечь народная» [Предисловие] // Живая память потомков Победы: К 95-летию образования Юринского района и 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник рассказов, интервью, очерков, воспоминаний. – Юрино, 2019. – С. 6–8.

12. *Шалахов Е.Г.* Фронтовые письма ветерана Великой Отечественной войны, музыканта Г.А. Кашинского к семье // Марийский архивный ежегодник – 2017. – № 1 (17). – С. 272–274.

13. *Шаравин А.В., Любарский Р.В., Старцева И.Л.* «Табачная» поэтика в произведениях о Великой Отечественной (А. Твардовский, В. Некрасов, В. Высоцкий) // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 2 (95). – С. 131–138.

E.G. Shalakhov

THE MEMORY OF THE HOLY WAR IN THE MATERIALS OF THE VIRTUAL MUSEUM EXHIBITION DEDICATED TO THE ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

Annotation. Many regional museum projects dedicated to the history of the Great Patriotic War of 1941–1945 are based on the richest funds of cultural institutions that have preserved for us, the heirs of the Great Victory, original collections donated by GPW veterans or their families. The funds of the municipal Yurinsky Historical and Art Museum named after G.P. Losev have revealed items unique to our days related to the contribution of natives and residents of the Yurinsky district of the Mari ASSR to achieving the Great Victory of the Soviet people over German fascism and Japanese militarism. The museum materials were used by the staff of the SBIC of the Republic of Mari El “Sheremetev Castle” during the implementation of the exhibition project “Memory of the Holy War”, initially aimed at fostering patriotic feelings among the younger generation.

Keywords: virtual exhibition, the Great Patriotic War, collection, exhibit, trophy, pouch.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 908

М.А. Бегоутова

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ КОЛОКОЛЬЦЕВ

Аннотация. Статья посвящена некогда забытому Герою Советского Союза Ф.Н. Колокольцеву. Приводится жизненный и воинский путь героя, а также рассматриваются ключевые битвы периода Великой Отечественной войны, в которых принимал участие политрук Ф.Н. Колокольцев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, политрук, советско-финляндская война, Починковский конный завод № 23, битва за Днепр.

Долгие годы в краеведческой литературе, посвященной Героям Советского Союза – горьковчанам, Федор Николаевич Колокольцев не значился. Даже в с. Починки считали, что в Нижегородской области в Великую Отечественную войну высокого звания Героя Советского Союза были удостоены десять их земляков. Известной в Починках фамилии Колокольцевых среди героев войны не было. Собирая материал для народного краеведческого музея Починковского округа, его работники установили еще одного героя земляка – Федора Николаевича Колокольцева.

Родился Федор Николаевич Колокольцев 31 мая 1909 г. в с. Починки ныне Нижегородской области в семье рабочего Починковского конного завода № 23. Судьба его не баловала. Рано умерла мать. Кроме Федора в семье было еще двое детей. Отец решил отдать его своей сестре, муж которой был известным в окрестности портным, жил неподалеку от коннозаводской слободы и обещал научить Федю своему ремеслу.

Но не лежала душа подростка к портняжному делу. При любой возможности Федор старался попасть в круг коннозаводских ребят.

Здесь он, слушая рассказы то шорника, то бывалого конюха или наездника, все больше и больше познавал историю конного завода. Узнал, что завод основан более 300 лет назад, что о нижегородских конях знали не только в России, но и за ее пределами, что на починковских лошадях русские гвардейцы совершали многие военные походы, побывали они на конях починковского завода и в Берлине [1, с. 14]. Слушая эти интересные рассказы, Федор гордился тем, что среди рабочих династий конного завода подобающее место занимала и фамилия Колокольцевых. Не стал Федор Колокольцев портным. Вступив в комсомол, он вскоре уехал из Починок. Стране требовались крепкие молодые руки для больших строек, новых заводов, шахт и других предприятий.

Пролетели несколько лет жизни Федора Колокольцева в новых местах. Незаметно подошел призыв на военную службу. В конце 1931 г. молодой Колокольцев стал воином Красной армии. И еще два года остались позади. За время срочной службы Федор получил хорошую общественно-политическую закалку. После увольнения в запас он своим местом жительства избрал Чкаловскую (ныне Оренбургская) область. Здесь Федор Николаевич до самого начала Великой Отечественной войны работал пропагандистом одного из райкомов ВКП(б).

Герой Советского Союза Ф.Н. Колокольцев

В те годы советское руководство принимало дополнительные меры к укреплению обороноспособности СССР. В числе их были и мероприятия по подготовке и воспитанию военных кадров, в том числе и кадров политработников армии и флота. В конце 1930-х и начале 1940-х гг. были приняты решения Политбюро ЦК ВКП(б) о направлении коммунистов на политическую работу в Красную армию. Для создания резерва политсостава Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1940 г. приня-

ло решение о военной переподготовке, переаттестации работников партийных комитетов и о порядке их мобилизации в Вооруженные Силы. Прошел тогда военную переподготовку и политработник, состоявший в запасе, – Федор Николаевич Колокольцев [2, с. 23].

Началась Великая Отечественная война. Заявление Ф.Н. Колокольцева в обком партии с просьбой откомандировать на фронт добровольцем датировано 26 июня 1941 г. Резолюция на документе говорит нам о том, что 27 июня 1941 г. Федор Николаевич убыл из Чкаловской области [5, л. 4]. Воинский эшелон с призванными из запаса командирами и политработниками шел на северо-запад, к фронту. В один из дней начала июля Колокольцев уже докладывал о своем прибытии к месту службы командованию 143-й стрелковой дивизии – полковнику Курносову и полковому комиссару Серикову. Не успело еще дивизионное начальство решить вопрос о назначении Колокольцева, как появился Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии». В тот же день Федор Николаевич был назначен политруком батареи гаубичного артполка дивизии. Вместе с этим стало известно и о том, что 143-я стрелковая дивизия включена в состав 13-й армии, войска которой вели тяжелые оборонительные бои на Могилевском направлении в междуречье Днепра и Сежа. Комиссары, политруки словом и делом воодушевляли красноармейцев на борьбу с фашистскими захватчиками. Делал это и политрук Колокольцев, когда требовала обстановка, он находился там, где было трудно. Не могли не остаться в его памяти бои под Чаусами, где артиллеристы дивизии своим огнем преграждали путь танковым и моторизованным корпусам немецкого генерала Гудериана. А бои на берегах Судости и Десны? О том, что бок о бок с ним на тех же рубежах мужественно сражались и многие его земляки – воины 137-й и 160-й стрелковых дивизий, история которых началась в Горьковской области. В ожесточенных и неравных боях артиллеристы, израсходовав боеприпасы и не имея возможности устранить ту или иную существенную неисправность орудий, вооружившись винтовками, превращались в пехоту. Так Федор Николаевич Колокольцев в конце августа 1941 г. стал политруком роты 800-го стрелкового полка [2, с. 26].

Недолго Федору Николаевичу довелось быть политруком стрелковой роты – около двух месяцев. Но какими были они! Дивизии и ее соседям по Брянскому фронту пришлось вести ожесточенные бои с основными силами 2-й танковой группы Гудериана в районе Новгорода-Северского, стойко удерживать восточный берег Десны. Малочисленная и измотанная в непрерывных боях рота оказывала упорное сопротивление врагу. Ее воины демонстрировали беспримерный героизм и стойкость в каждом бою. Равняясь на своего политрука, они дрались с врагом на пределе человеческих возможностей. Отдавал все свои силы и Федор Николаевич. Он заметно похудел. Его гимнастерка стала казаться как будто бы с чужого плеча.

Вскоре его назначили политруком разведроты дивизии. Новое назначение произошло в то время, когда утомленные оборонительными боями воины 13-й армии оказались в полном окружении, приступили к прорыву вражеского кольца. На разведчиков при этом возлагалась огромная задача. Двигаясь впереди, они находили слабые места в боевых порядках противника, предупреждали свои войска о внезапных ударах врага. Прибыв в роту в ходе прорыва, Колокольцев прежде всего постарался проверить расстановку закаленных в боях солдат. Он всеми мерами старался поддержать в личном составе уверенность в том, что армия обязательно пробьется из окружения. И армия пробилась! После исключительно трудных круглосуточных боев в условиях осени промокшие, истощенные воины армии с боем преодолели р. Свапу в Курской области и вышли из вражеского окружения. К ноябрю вышедшие из окружения войска армии сосредоточились на Елецком направлении. В связи с расформированием Брянского фронта армия была передана Юго-Западному фронту. Здесь, участвуя в оборонительных боях, Федор Николаевич понимал, что в тяжелой обстановке на фронте красноармейцы нуждались в теплом ободряющем слове, в товарищеском отношении к ним. Он, по-отечески беседуя с разведчиками, вселял в них веру, что близится тот час, когда противник будет повернут вспять. И этот час настал...

Еще в ходе оборонительных боев 143-я стрелковая дивизия и армия в целом готовились к наступлению. 6 декабря 1941 г. оно началось. Наступление правого крыла Юго-Западного фронта было составной частью общего контрнаступления под Москвой. После

столь горестных переживаний это была первая наступательная операция 13-й армии и в том числе 143-й стрелковой дивизии. Воины дивизии, в числе их и разведчики роты политрука Колокольцева, за эти бои были отмечены Военным советом армии. Сам Федор Николаевич за боевое отличие получил медаль «За отвагу».

Из материалов, собранных в народном краеведческом музее, узнаем, что новый 1942 год разведчики роты Колокольцева, как и все воины 143-й дивизии, встречали на освобожденной от немецких захватчиков советской земле западнее г. Ливны. Накануне Нового года их армия опять вошла в состав вновь образованного Брянского фронта. Зиму, весну и первый летний месяц года ее дивизии, совершенствуя оборону, находились на прежнем рубеже. Разведывательные подразделения, в том числе и рота Колокольцева, каждый день вели пристальное наблюдение за противником. Ночью же они охотились за языком. Устанавливали группировку и намерения противника. Каждую разведывательную группу лично готовили командир роты и политрук Колокольцев. Он не забывал напоминать разведчикам: «Риск – отец разведки, а осторожность – ее мать». Усилиями всех разведчиков к лету было установлено, что противник на стыке 13-й армии с соседом слева развернул крупные силы. Последние данные разведки показывали, что наступления противника можно ожидать со дня на день, и оно началось 28 июня. Первые пять дней на всем фронте армии, а особенно в полосе левофланговой дивизии, шли упорные бои. 3 июля их напряженность начала спадать. А еще через неделю они затихли совсем. Противнику так и не удалось прорваться на Ливны и Елец. Он достиг лишь тактического успеха на левом фланге армии. В те дни разведчики установили, что основная группировка немецко-фашистских войск стала перемещаться южнее.

Зиму 1942–1943 гг. Федор Николаевич провел в прежней должности. Ему довелось участвовать в Касторненской наступательной операции. Пройти па заснеженным фронтовым дорогам многие десятки километров. Его вклад в зимние бои был отмечен орденом Красной Звезды. А в начале весны в служебном положении политработника Колокольцева произошли изменения. Он был назначен заместителем по политической части командира первого батальона 151-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии. Еще до прибы-

тия к новому месту назначения Федор Николаевич ознакомился с историей дивизии, которая началась в конце 1941 г. в Казахстане. Весной 1942 г. дивизия оказалась под Ливнами в 13-й армии генерала Пухова. Более подробные сведения ему довелось узнать непосредственно в дивизии, в полку и батальоне. Многое рассказал ему командир полка подполковник Томиловский, который оказался моложе Колокольцева. Обстоятельную информацию он получил от заместителя командира полка по политической части майора Виноградова [3, с. 42]. Еще до прибытия в батальон Федор Николаевич знал, что первым батальоном командует капитан Николай Силин. Характеризуя комбата, замполит Виноградов так и называл его Николай. Объяснялось это, видимо, тем, что Силину в декабре 1942 г. исполнилось только 20 лет. И все же за год войны он успел вырасти от взводного до комбата.

Колокольцев получил необходимые данные и о личном составе батальона. Теперь он знал, что будет иметь дело как с юными воинами, так и с солдатами старших возрастов. Узнал он, что военная подготовка многих из них в пределах нескольких месяцев учебы в запасных полках. Неоднороден был состав батальона и по национальности. В нем были уроженцы Азербайджана, Средней Азии и других мест. Правда, за то время Федор Николаевич еще не успел узнать, что в 8-й стрелковой дивизии служат и его земляки: в 229-м стрелковом полку зам. командира одной из минометных рот был 20-летний старший лейтенант Александр Кузнецов, бывший ученик Чернораменской школы Горьковской области; в 3-м батальоне 310-го стрелкового полка служил минометчиком Николай Иванович Дружинин – уроженец Шатковского района Нижегородской области; однополчанином Дружинина был 19-летний младший сержант из г. Выксы Нижегородской области Алексей Щербаков.

Через несколько дней пребывания Федора Николаевича в новой должности 13-я армия перешла к обороне на северном фасе Курской дуги. На долю 8-й стрелковой дивизии выпало прикрывать Малоархангельское направление, обеспечивать стык своей армии с 48-й. Перейдя к обороне, личный состав начал готовиться к предстоящим боям. Воины строили оборонительные сооружения, рыли траншеи, ходы сообщения. Неспроста в пехоте была поговорка: земля – броня солдата. Одновременно бойцы отрабатывали приемы оборонитель-

ного и наступательного боя, постигали способы борьбы с новыми танками противника. За короткое время замполит изучил бойцов батальона, узнал их настроения, нужды, заботы. Они делились с ним радостями и горестями, давали читать ему письма, полученные от родных и близких. Федор Николаевич принимал все зависящие от него меры для улучшения окопной жизни фронтовиков.

Однажды, улучив момент, Ф.Н. Колокольцев решил поделиться своими мыслями с комбатом (в последующем такие беседы они вели регулярно).

– Знаете, Николай Николаевич, – начал Колокольцев. – В предстоящих боях в нашем батальоне в героях недостатка не будет. В этом я решительно убежден. Другое меня мучает. Ротных парикмахеров не хватает, поваров нет, портного завести бы...

– Правда на вашей стороне, – согласился Силин с замполитом, а затем продолжал: – Сегодня солдат не брит, завтра не вымыл котелок, послезавтра можно считать, что это не солдат.

Оставшись один, Силин в который уже раз мысленно спросил себя: «Откуда в нем столько энергии?» Колокольцев уже в хозвзводе. Здесь решается вопрос об улучшении питания. Заглянул он и в санвзвод. Здесь идет речь о бане. В любых условиях надо мыть воинов через каждые 10 дней со сменой белья! Для этого в обозе есть специально припасенные бочки.

Находил время Федор Николаевич и для того, чтобы проверить, в каких условиях содержатся лошади. Он уделял большое внимание надежному укрытию коней. Неспроста в одном наградном листе на капитана Колокольцева записано, что в батальоне не допустили потерь конского состава. Видно, здесь сказалась и та привязанность к лошадям, которой «болел» Федор Колокольцев еще в родном селе Починках.

Незадолго до начала Курской битвы ЦК ВКП(б) приняло постановление о реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной армии; об упразднении института заместителей командиров рот по политчасти. В батальоне были созданы первичные партийная и комсомольская организации. На них легла вся тяжесть партийно-политической работы в подразделениях. В те дни замполиту батальона пришлось много потрудиться над расстановкой коммунистов и комсомольцев, над подбором парторгов

рот, над проведением с ними инструктивных занятий. Хорошо, что к этому времени он уже знал людей батальона [3, с. 45].

Много дней и ночей готовились советские воины к Курской битве. Готовился к ней и противник. Короткая летняя ночь 5 июля была тревожной. По условному сигналу: «Солнце!.. Солнце!..» наша оборона на северном фасе Курской дуги пришла в движение. Все заняли свои места. Колокольцев, как обычно, с автоматом в руках по ходу сообщения тотчас направился в роту, которой командовал лейтенант, недавно назначенный на должность ротного. В другую он послал парторга батальона, в третью – комсорга. В 2 ч 20 мин. неожиданно для фашистов на их оборону обрушился огонь сотен наших орудий, минометов, реактивных установок. Началась артиллерийская контрподготовка, предусмотренная планом оборонительной операции советских войск. Удар наносился по позициям вражеской артиллерии, по войскам противника, изготовившимся к наступлению. 30 мин. длилась наша артиллерийская контрподготовка. Она нарушила план действий врага. Гитлеровское командование вынуждено было перенести время своей артподготовки, начав ее на два часа позже. Артподготовка немцев длилась около часа. Одновременно враг нанес массированный удар с воздуха. Сразу же после этого на оборону наших войск пошли танки и пехота противника. Завязался жаркий бой. Уже в первые часы боя перед обороной 151-го стрелкового полка застыли 10 машин противника. Были среди них «тигры» и «пантеры». Некоторые танки загорелись. Колокольцев, находившийся в стрелковой роте, наиболее выдвинутой вперед, не выдержал — прокомментировал это во весь голос: «Горит фашистское зверье!». Несмотря на грохот боя, его услышали. И понеслось по окопам: «Горит фашистское зверье!..».

Ни на минуту не прекращался бой в первый день. Не стихал он и ночью. 6 июля, последующие дни и ночи также прошли в сражении яростных атак противника, стремительных своих контратаках, каждая из которых завершалась успехом. На седьмой день сражения истощенный враг предпринял последнее усилие. Сосредоточив силы перед левым соседом, гитлеровцы нанесли удар. Им удалось потеснить 148-ю дивизию, один из полков которой стал отходить на боевые порядки полка подполковника Томиловского. 8-й стрелковой дивизии пришлось оказывать помощь соседу, участвовать в контратаке. Противник был отброшен. 12 июля гитлеровцы нача-

ли окапываться. Воины 8-й стрелковой дивизии не отступали ни на шаг, не пропустили гитлеровцев на Малоархангельск.

Федор Николаевич Колокольцев всегда находился там, где решался исход боя. Его личный пример играл большую мобилизующую роль. Вот как оценивал его поведение в боях на Курской дуге командовавший в то время 15-м стрелковым корпусом генерал Людников И.И.: «Заместители командиров стрелковых батальонов по политчасти Колокольцев и Румянцев все время находились среди солдат, помогали командирам рот, заботились о доставке боеприпасов, водили бойцов в контратаки» [3, с. 46]. За бои на Курской дуге замполит командира 1-го батальона 151-го стрелкового полка капитан Колокольцев был награжден орденом Красного Знамени. Командир батальона Силин Н.Н. получил орден Александра Невского. Удостоились наград и многие воины батальона.

С середины августа по октябрь воины 8-й стрелковой дивизии участвовали в Черниговско-Припятской наступательной операции. За это время им пришлось преодолеть три крупных водных рубежа. Первым из них была Десна. Полки дивизии вышли к реке северо-западнее г. Коропа к исходу 10 сентября. Ранним утром следующего дня командиры 151-го и 310-го стрелковых полков полковник Томиловский и майор Жданов с ходу повели свои части через Десну.

Ширина реки достигала 100 и более метров, на противоположном берегу перед нашими воинами появились немцы – и все же батальон капитана Силина успешно выполнял задачу. Как и всегда, Колокольцев находился на самых опасных участках, подбадривал бойцов. «Это пригодится на Днепре», – не раз повторял он. Совместными усилиями с другими подразделениями справа воины 8-й дивизии к исходу дня значительно расширили плацдарм у Коропа. Почувствовав опасность, враг бросил в бой свежие силы наземных войск, непрерывно бомбил наши боевые порядки. Но советские воины мужественно стояли на плацдарме.

Спустя несколько дней батальон капитана Силина, пополненный личным составом других подразделений полка, снова переправился через Десну южнее Чернигова и устремился к Днепру.

К днепровским кручам,
К волнам могучим, вперед,
На запад мы идем! –

рождались слова песни тех опаленных огнем дней.

На марше Колокольцев, невзирая на усталость, то тут, то там примыкал к строю бойцов, напоминал о форсировании Десны и одновременно разъяснял им директиву Ставки Верховного Главнокомандования о форсировании рек и награждениях за эти подвиги. Напомнил он об этом и комбату.

– Николай Николаевич, а ведь не исключено, что и для вас Золотая звездочка припасена. Днепр совсем близко...

– Может быть, – улыбнулся комбат. – А то, что Днепр близко, это бесспорно. Давайте, Федор Николаевич, лучше подумаем о переправочных средствах, которые потребуются нам на Днепре...

И они подумали. Договорились, пока батальон находится почти рядом с Десной, взять отсюда рыбачьи лодки. А чем ближе будут подходить к Днепру, подбирать бревна, доски, бочки. Непосредственно у Днепра искать также все, что может держаться на воде.

После 30-километрового марша батальон капитана Силина на исходе одной из ночей конца сентября вышел к Днепру в районе левобережного села Навозы. Батальону удалось еще в сумерки укрыться в роще, одетой в золотистый наряд. Воины не теряли времени зря. Они набивали сеном сшитые плащ-палатки, связывали бревна из досок в плоты, готовили припасенные лодки, весла к ним. В тот день они благополучно форсировали Днепр без потерь. Если с. Навозы, откуда отчаливали плоты, лодки и другие переправочные средства батальона, входило в Черниговскую область Украины, то д. Верхние Жары, недалеко от которой высаживались воины капитана Силина, входила в Комаринский район Полесской области Белоруссии (ныне Брагинский район Гомельской области). Не допуская какой-либо задержки, достигнув правого берега, батальон тотчас вступил в бой. Своими действиями он усиливал передовой отряд дивизии, который с рассвета сражался на рубеже северо-восточнее населенного пункта Гдень. Из сведений, полученных от командира передового отряда, капитан Силин узнал, что отважному минометчику 310-го стрелкового полка Николаю Дружинину (уроженцу Нижегородской области) удалось захватить штабной автобус немцев. Из документов стало известно, что противник направил в междуречье Днепра и Припяти танки. «Быстрее захватить плацдарм и закрепиться на нем!» – решил комбат. Противник предпринимал все меры, чтобы сбросить наших бойцов в реку. Батальон Силина нес

тяжелые потери, но стойко отражал напор врага, не уступив ни одного метра. Ощутимую помощь командиру оказывал замполит. Он каждый раз появлялся там, где напряжение боя достигало наивысшего предела. Словом и личным примером Федор Николаевич удваивал силы бойцов. Нередко он сам занимал место убитого автоматчика или заменял выбывшего из строя пулеметчика. Глядя на него, воины батальона дрались с еще большим упорством. Благодаря мужеству и героизму капитана Силина, постоянной и действенной помощи ему со стороны Колокольцева, батальон, примыкая флангами к соседям, к исходу первого же дня боя за Днепром продвинулся северо-западнее д. Верхние Жары на 10 км. На следующий день батальону, полку, 8-й стрелковой дивизии и в целом армии удалось расширить плацдарм по фронту до 40 км и в глубину до 20.

В последующие дни, когда дивизия уже готовилась к форсированию Припяти в районе Карпиловки, противник ударил с севера по 151-му стрелковому полку. Командование предприняло контрмеры. Совместно с партизанами дивизия атаковала гитлеровцев и разгромила их. Была захвачена переправа противника через Припять [3, с. 51]. Однако вражеские атаки не прекратились. На плацдарме за Припятью до конца сентября и всю первую половину октября шли жестокие бои. К 14 октября большинство личного состава 151-го и 229-го стрелковых полков, а также некоторых частей соседней дивизии оказались зажатыми в лесах южнее станции Янов. Герои Курской битвы, форсирования Десны, Днепра и Припяти не дрогнули. Забрав с собой всех раненых, возглавляемые командирами частей, они разорвали вражеское кольцо, пробились на северо-запад и в районе Милашевичей соединились с партизанами А.Н. Сабурова. Вскоре части, оказавшиеся в тылу врага, присоединились к войскам армии.

Успешное форсирование Днепра севернее Киева, прочное закрепление плацдарма на западном берегу реки и проявленные при этом отвагу и героизм по достоинству оценило Советское государство и Верховное Главнокомандование. 16 октября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР более 200 воинам 13-й армии было присвоено звание Героя Советского Союза. В 8-й стрелковой дивизии кавалерами Золотой Звезды стали 47 чел. Это высокое звание было присвоено командарму генералу Пухову Н.П., командиру 15-го корпуса генералу Людникову И.И., командиру 8-й стрелко-

вой дивизии полковнику Гудзю П.М., всем командирам стрелковых полков дивизии, командиру 1-го батальона 151-го полка капитану Силину Н.Н., его заместителю по политчасти капитану Колокольцеву Ф.Н. В числе Героев Советского Союза – воинов 8-й стрелковой дивизии – были имена и других горьковчан: Н.И. Дружинина, А.М. Кузнецова, А.В. Щербакова. За «отвагу и мужество, проявленные при форсировании Днепра» капитан Федор Колокольцев был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за № 2208 [6].

Через много лет после войны один из авторов очерка о воинском подвиге Ф.Н. Колокольцева получил письмо от Н.Н. Силина, который проживал в г. Семипалатинске. Николай Николаевич помнил своего замполита, высоко оценивает его действия в бою. Вот лишь некоторые строки из письма бывшего комбата: «За два с половиной года много было у меня замполитов, но двух из них мне не забыть до конца жизни. Это Сергей Колесников – старший лейтенант, который убит, и капитан Федор Николаевич Колокольцев. Девяти солдатам и офицерам батальона было присвоено звание Героя Советского Союза. И заслуга в этом больше, пожалуй, Федора Колокольцева, чем моя. Не замечал, чтобы он когда-то приказывал. Добреньким его назвать было нельзя, но, сочетая требовательность и непримиримость к нарушителям дисциплины, он обладал удивительными для фронта выдержкой и тактом. Он доверял солдату и верил в него. Долг перед Родиной он выполнил сполна как коммунист, как солдат. Молодежь должна знать о таких, как Ф.Н. Колокольцев. Расстались мы за Припятью...» [5].

Федору Николаевичу пришлось участвовать еще во многих ожесточенных боях. В заключительных операциях Великой Отечественной войны Колокольцев участвовал в должности заместителя по политчасти командира 120-го отдельного истребительно-противотанкового артдивизиона 212-й гвардейской стрелковой дивизии. В строю противотанкового взвода Федор Николаевич Колокольцев мужественно действовал на Сандомирском плацдарме в районе Собекурова. Здесь отдельные расчеты дивизиона своими пушками подбили по 4–5 вражеских танков. В июле 1945 г. газета 13-й армии «Сын Родины» под заголовком «Герои Вислы» поместила снимок Колокольцева с надписью: «Герой Советского Союза гвардии майор Федор Николаевич Колокольцев. Противотанковый дивизион, в ко-

тором служил в Отечественную войну этот отважный офицер, был грозой для немецких танков. Не один десяток их сожжен советскими пушками».

Долог еще был фронтовой путь Федора Николаевича. Ему довелось форсировать Одер, Нейсе, Шпрее и выйти на Эльбу. К его прежним наградам добавился орден Отечественной войны 1-й степени. Награжден был Колокольцев и рядом других государственных наград. Довелось ему в составе своей же армии участвовать в разгроме гитлеровцев на территории братской Чехословакии. Здесь в районе Карловых Вар наш земляк закончил боевой путь. В Карловых Варах он побывал на лечении.

До 1957 г. Ф.Н. Колокольцев продолжал службу в армии. После увольнения в запас подполковник Колокольцев поселился в столице Украины г. Киеве. До конца 1965 г. работал инспектором отдела горисполкома, затем возглавил Киевский обком профсоюзов работников госучреждений, после выхода на заслуженный отдых являлся пенсионером Министерства обороны [7, с. 224–225].

В 1979 г. в районной газете на его малой родине, в Починках, вышла статья об обретенном герое. Починковцы узнали о подвиге Федора Николаевича и увековечили его память на Аллее Славы в центре села. Федор Николаевич Колокольцев ушел из жизни 7 января 1994 г. Похоронен на Хованском кладбище в Москве.

Источники и литература

1. *Герасимов А.А.* Починок русское лицо: Проза. Избранные стихи. – Арзамас, 2001.

2. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 2. Любов – Ящук. – М., 1988.

3. *Илюшечкин В.П.* Починки и Починковский район Нижегородской области. – Н. Новгород, 1992.

4. Календарь Победы. https://pobeda.elar.ru/issues/forsirovanie-dnepra/dva-fedora/ (дата обращения 25.08.2025).

5. ПАОО (Партархив Оренбургского обкома КПСС). Ф. 371. Оп. 5. Д. 916.

6. Подвиг народа // URL: https://podvignaroda.ru/?#id=12057121&tab=navDetailManAward (дата обращения 25.08.2025).

7. *Россовский В.П.* Золотые Звезды Оренбуржья. Биографический справочник. – Челябинск, 1989.

M. A. Begoutova

HERO OF THE SOVIET UNION
FEDOR NIKOLAEVICH KOLOKOLTSEV

Annotation. The article is devoted to the once-forgotten Hero of the Soviet Union F.N. Kolokoltsov. It presents the life and military path of the Hero, as well as examines the key battles of the Great Patriotic War in which the political officer F.N. Kolokoltsov took part.

Keywords: The Great Patriotic War, the Soviet-Finnish War, the Pochinkovsky Stud Farm No. 23, and the Battle of the Dnieper.

УДК 908

А.А. Зайнышев,
Л.Я. Юсупова

СТАНОВЛЕНИЕ И РОЛЬ БАШКИРСКОГО НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕГО РЕГИОНА В 1941–1945 гг.: К ВОПРОСУ О ТЫЛОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ФРОНТА

Аннотация. В статье рассматривается роль башкирской нефтяной промышленности в процессе индустриализации СССР 1930-х гг. и ее значимость в обеспечении потребностей военной экономики в период Великой Отечественной войны. Автор акцентирует внимание на системной связи между развитием нефтедобычи и успешной мобилизацией ресурсов для нужд фронта. Подчеркивается значение нефти как ключевого энергетического ресурса для функционирования танков, автомобилей и авиации в условиях тотальной войны.

Ключевые слова: Башнефть, Башкирия, индустриализация, нефть, промышленность, военно-промышленный комплекс, Великая Отечественная война.

В тени героизма фронтовиков часто остается невидимая, но не менее значимая работа миллионов людей, обеспечивавших страну всем необходимым для борьбы с врагом. «Ни одна армия в мире не может победить без устойчивого тыла. Тыл для фронта – первое дело, ибо он и только он питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми – бойцами, идеями», – писал Сталин в мае

M. A. Begoutova

HERO OF THE SOVIET UNION
FEDOR NIKOLAEVICH KOLOKOLTSEV

Annotation. The article is devoted to the once-forgotten Hero of the Soviet Union F.N. Kolokoltsov. It presents the life and military path of the Hero, as well as examines the key battles of the Great Patriotic War in which the political officer F.N. Kolokoltsov took part.

Keywords: The Great Patriotic War, the Soviet-Finnish War, the Pochinkovsky Stud Farm No. 23, and the Battle of the Dnieper.

УДК 908

А.А. Зайнышев,
Л.Я. Юсупова

СТАНОВЛЕНИЕ И РОЛЬ БАШКИРСКОГО НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕГО РЕГИОНА В 1941–1945 гг.: К ВОПРОСУ О ТЫЛОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ФРОНТА

Аннотация. В статье рассматривается роль башкирской нефтяной промышленности в процессе индустриализации СССР 1930-х гг. и ее значимость в обеспечении потребностей военной экономики в период Великой Отечественной войны. Автор акцентирует внимание на системной связи между развитием нефтедобычи и успешной мобилизацией ресурсов для нужд фронта. Подчеркивается значение нефти как ключевого энергетического ресурса для функционирования танков, автомобилей и авиации в условиях тотальной войны.

Ключевые слова: Башнефть, Башкирия, индустриализация, нефть, промышленность, военно-промышленный комплекс, Великая Отечественная война.

В тени героизма фронтовиков часто остается невидимая, но не менее значимая работа миллионов людей, обеспечивавших страну всем необходимым для борьбы с врагом. «Ни одна армия в мире не может победить без устойчивого тыла. Тыл для фронта – первое дело, ибо он и только он питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми – бойцами, идеями», – писал Сталин в мае

1920 г. в статье «Новый поход Антанты на Россию» [6]. И в своих убеждениях он был прав – обеспечение войны целиком и полностью ложится на плечи промышленности.

Для многих современных критиков советской власти период 1930-х гг. запомнится лишь чередой репрессий, расстрелов, депортаций и угнетений. Однако следует объективно рассматривать данный период в истории нашей страны. Так, мы можем говорить о форсированном развитии промышленности, индустриализации, которая поставила СССР на лидирующие позиции в мировой экономике и подготовила страну к надвигающемуся мировому конфликту.

Но этот подъем индустриализации был бы невозможен без надежной ресурсной базы. В 1920-х гг. основная доля от всей добываемой нефти СССР приходилась на регионы Кавказа: Чечено-Ингушская АССР и Азербайджанская АССР.

С начала XX в. нефть стала важнейшим топливно-энергетическим ресурсом. Этому способствовали научные достижения человечества (изобретение двигателя внутреннего сгорания), транспортные инновации. Кроме того, нефть оказалась эффективнее угля в качестве топлива, имея более высокую энергетическую плотность и являясь более удобной для транспортировки. Именно поэтому среди стран к началу XX в. возрастает спрос на этот ресурс.

В мае 1932 г. у д. Ишимбаево в БАССР была обнаружена нефть. Это событие послужило началом долгому процессу развития башкирской нефтяной промышленности. И нас интересует следующий вопрос – как добыча нефти в Башкирии в этот период повлияла на будущие десятилетия, обремененные войной и послевоенным восстановлением пострадавшей экономики страны.

Первые сообщения о наличии на территории Башкирии нефти относятся ко второй половине XVIII в. и были составлены на основе Оренбургских экспедиций Российской академии наук. К середине XIX столетия посредством проведенных в период 1840–1841 гг. экспедиций известным английским геологом Р.И. Мурчисоном в районе Южного Урала было сделано заключение о наличии здесь залежей нефти.

Стоит рассмотреть ситуацию в советской нефтяной промышленности в целом на ранней стадии существования СССР. К началу 1920-х гг. нефтедобывающая промышленность испытывала явные

трудности: устаревшее оборудование и техника, нехватка кадров из-за проходившей Гражданской войны, неграмотность рабочих. Уже к середине 1920-х гг. началось техническое совершенствование нефтедобычи: ударный способ бурения был заменен на вращательный, произошел переход на механизированный способ добычи нефти при помощи замены желонки на глубинный насос. Такие преобразования позволили увеличить объем добычи нефти и производительность труда рабочих [3, с. 19–21].

Но при всех тех преобразованиях страна испытывала дефицит на фоне недостатка нефтепродуктов – «существенный объем нефти и нефтепродуктов по-прежнему шел на экспорт, обеспечивая валютой потребности советского государства» [4, с. 154]. Помимо этого, основные советские нефтяные скважины – бакинские и грозненские – стали иссякать. «…В завершающем пятилетку операционном 1932–1933 г. объединения «Азнефть» и «Грознефть» суммарно добыли всего 26,8 млн т. Директивный «партийный» показатель нефтедобычи в 40–41 млн т для Северного Кавказа и Закавказья так и остался на советском плановом горизонте своеобразным миражом» [4, с. 164].

Возникла необходимость в новой нефтяной базе, которая бы смогла обеспечить растущие потребности Госплана и советской индустриализации. Вместе с созданием в 1929 г. в Свердловске Государственного треста Уральской нефтяной промышленности (к 1931 г. будет называться «Востокнефть») начинаются разведывательные работы в районе Ишимбаево. С 16 мая 1932 г., после долгих поисковых работ, началась полноценная добыча нефти с Ишимбаевского месторождения. В 1935 г. был создан трест «Башнефть». В этом же году нефтяные залежи были обнаружены в Уфимском и Туймазинском районах.

Перед «Башнефтью» была поставлена задача по увеличению объемов добычи. И если по итогам 1932 г. в БАССР было добыто 5 тыс. т [3, с. 24], то через 5 лет, в 1937 г., было добыто уже 1.3 млн т [5]. Как отмечает историк Е.Н. Алдашова: «Во второй половине 1930-х гг. задача роста производственных показателей преобладала над теоретическими научными исследованиями» – Башкирская нефтяная промышленность в первую очередь использовалась для добычи ресурсов, тогда как теоретическое изучение новых место-

рождений и научные исследования с применением геофизической методики исследования были на втором плане [1, с. 52–62].

За весь период Первой мировой войны Россия не использовала боевые самолеты и танки в наступательных операциях. И если в это время другими странами уже использовалась военная техника, то к 1941 г. все первостепенные страны, участвующие во Второй мировой войне, активно эксплуатировали танки и самолеты, что, в свою очередь, вывело добычу и переработку нефти в ряд самых важных отраслей промышленности в мире.

Борьба против фашистской Германии была бы невозможна без использования танков. По сведениям книги Н. Симонова «Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50 годы», за весь период 1930-х гг. ВПК СССР выпустил более 20 тыс. танков. В годы Великой Отечественной войны в составе сухопутных войск Красной армии числилось 563 тяжелых, 1373 средних и 19 864 легких танков [2]. Кроме того, не стоит забывать и об активно протекающем процессе индустриализации – развиваются автомобилестроение и тракторостроение. Все вышеперечисленное требует от нефтяной промышленности стабильного поступления топлива и нефтепродуктов.

Удаленность территории Башкирской АССР от театра военных действий обеспечивала стабильное функционирование ее нефтяной промышленности, что позволяло бесперебойно снабжать топливом тысячи единиц советской военной техники. Данное обстоятельство приобрело ключевое значение в условиях приближения линии фронта к основным нефтедобывающим регионам страны, которые оказались под угрозой оккупации.

За весь период Великой Отечественной войны на территории Башкирии было добыто свыше 5 млн т нефти [5]. Во многом это стало возможным благодаря развитию Туймазинского нефтяного месторождения – в 1938 г. создается трест «Туймазынефть» – и усовершенствованию технологий добычи – для бурения с 1940 г. впервые начал применяться электробур, позволявший увеличить глубину бурения месторождений.

Таким образом, усиление Башкирской нефтяной промышленности в 1930-х гг. значительно повлияло на уровень технического обеспечения военной техники, что способствовало успехам советской армии на фронте и итоговой победе над фашистской Германией в 1945 г.

Источники и литература

1. *Алдашова Е.Н.* История становления нефтедобывающей отрасли на территории Башкирской АССР в 1930-х – первой половине 1940-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 9. – С. 52–62.

2. Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). – М., 1994.

3. *Динков В.А.* Нефть СССР. – М., 1987.

4. *Матвейчук А.А.* Триумф и трагедия первой нефтяной пятилетки в СССР // ЭКО. – 2023. – № 2. – С. 152–171.

5. Нестареющая инвестиция: в Башкирии отмечают юбилей «черного золота» // URL: https://ufa.plus.rbc.ru/news/6282403e7a8aa9a6912e4869 (дата обращения: 16.05.22)

6. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. IV. – М.; Тверь, 1946.

A.A. Zainyshev,
L.Y. Yusupova

FORMATION AND ROLE OF THE BASHKIR OIL-PRODUCING REGION IN 1941-1945: ON THE ISSUE OF LOGISTICAL SUPPORT OF THE FRONT

Annotation. The article examines the role of the Bashkir oil industry in the process of the USSR industrialization in the 1930s and its significance in meeting the needs of the military economy during the Great Patriotic War. The author focuses on the systemic connection between the development of oil production and the successful mobilization of resources for the needs of the front. The article emphasizes the importance of oil as a key energy resource for the operation of tanks, vehicles, and aircraft in the context of total war.

Keywords: Bashneft, Bashkiria, industrialization, oil, industry, military-industrial complex, Great Patriotic War.

УДК 94(47).084.6

Н.В. Митюков,
Ю.Л. Ким

РЕКОНСТРУКЦИЯ «БИОГРАФИЙ» КАТЕРОВ, ПЕРЕДАННЫХ ТРЕСТУ КАМЛЕСОСПЛАВ ИЗ СОСТАВА РАЗУКРУПНЕННОГО САРАПУЛЬСКОГО ЛЕСПРОМХОЗА

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны трест Камлесосплав выполнял стратегически важную задачу снабжения древесиной хозяйств нижнего течения Волги. А поскольку в 1942 г. на Волге велись боевые действия, его флот понес довольно чувствительные потери. Но до сих пор отсутствует литература об участии треста в войне. Цель данной работы состоит в реконструкции «биографий» трех катеров Камлесосплава, полученных им в 1939 г. из состава разукрупненного Сарапульского леспромхоза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, судоходство, Волга, трест Камлесосплав.

Катер № 1

В отчете Лесозаготовительного отдела Сарапульского исполкома в навигации 1926 г. у него из самоходных судов имелся баркас «Пионер» в 12 л.с. Это же судно числится у хозяйства в 1927 и 1928 гг. [1, л. 133]. Эта информация подтверждается «Отчетом о ходе сплава и водных перевозок древесины в навигацию 1927 г.», в котором Лесозаг указал у себя один «мотор в 12 л.с.» [20, л. 8]. В терминологии того времени «мотор» – это «мотокатер». Скорее всего, судно было приобретено в конце 1926 г. По крайней мере, в объяснении причин снижения себестоимости Лесозаг указывал: *«Снижение стоимости судового сплава обусловлено тем, что в 26/27 году судовой сплав проводился большей частью в судах Госпароходства, в 27/28 – собственным такелажем лесозага и собственным буксиром»* [20, л. 30 об]. В 1929 г. был образован Сарапульский леспромхоз в составе гособъединения «ВолгоКаспийЛес», которому решением от 19 сентября 1929 г. передали активы и пассивы Лесозага. Хотя акта на передачу «мотора» не имеется, но по логике примерно в это время он должен был оказаться на балансе леспромхоза.

Так, в *«Списке рабочих и служащих Лесозага и складов»* в 1928/29 операционном году (он заканчивался 1 октября 1929 г.) числятся машинист «Пионера» Н.Д. Березнюк, матрос С.М. Логинов и рулевой В.Д. Рожин [23, л. 6]. Но в зарплатных ведомостях леспромхоза с 25 августа по 7 сентября 1930 г. имеется *«Платежная ведомость на выдачу зарплаты служащим катера "Комсомолка" Воткинского учлеспромхоза»*, где числится всего один человек – капитан Милачев А.Ф. [24, л. 106]. Кроме этого судна в хозяйстве числятся также воткинские пароходы «Азин» и «Октябрь». После разукрупнения леспромхоза из него выделили Воткинский мехлесопункт и, например, на август 1931 г. единственным судном, команда которого получает зарплату, числится «Комсомолка» [25, л. 51]. Поскольку других судов хозяйство не имеет, можно предположить, что именно «Пионер» и стал «Комсомолкой». Хотя, далее в инвентаризационных ведомостях упоминается, что год постройки «Комсомолки» – 1929 г. Кроме того, двигатель в 12 л.с. у «Пионера» – это возможно нефтяной, а у «Комсомолки» стоит «Хольт» в 80 л.с. Исходя из этого можно предположить, что «Пионер» передали в другое хозяйство после получения в 1929 г. нового катера «Комсомолка».

В 1932 г. хозяйство преобразовали в Сарапульский сплавной участок треста Камлесосплав. На 1 декабря 1933 г. в Сарапульской сплавной конторе числятся катера № 1, № 27 и № 35 [2, л. 15]. На 1 марта 1934 г. – № 1, № 15, № 27, № 35 [3, л. 3]. Катер № 15 в 1933 г. находился в составе Осинской конторы, и, скорее всего, она в 1934 г. пошла в состав Сарапульской вместе со своим катером. Таким образом, весь период нахождения Сарапульского леспромхоза в Камлесосплаве флот его был неизменный: № 1, № 27 и № 35. В 1932 г. Сарапульский леспромхоз обратился в Сарапульскую контрольную комиссию по поводу неудовлетворительных темпов ремонта флота. В документе среди прочего упоминается катер № 1 («Комсомолка») и вновь строящийся № 27 [34, л. 100].

10 декабря 1934 г. Камлесосплав ликвидировали, а Сарапульская сплавная контора вновь была преобразована в леспромхоз. Таким образом, после вхождения леспромхоза в состав Камлесосплава, «Комсомолка» получила № 1. По инвентарной ведомости 1935 г. судно числится с длиной корпуса 15,45 м, шириной 2,4 м, высотой борта 1,09 м, осадкой 1,2 м порожним и 1,25 м в грузу. Материал корпуса –

железо, движитель винтовой, мощность двигателя 80 л.с., грузоподъемность 1850 кг, балансовая стоимость 15 810 руб. [28, л. 277].

После передачи всех судов Камлесосплава Уралзападлесу, там для оптимизации технического ухода за полученным флотом все катера передали (в том числе и № 1) на баланс Пермской Такелажно-технической конторы [11, л. 640]. Но на навигацию 1935 г. катер № 1 закреплялся за Сарапульским леспромхозом [11, л. 588 об.]. Приказом от 17 июня 1935 г. было произведено категорирование всех судов треста. В соответствии с категорией команде судна начислялась зарплата. Катер № 1 причислили ко 2-й категории [11, л. 386 об.]. 3 сентября 1935 г. приказ о сосредоточении всех судов в Такелажно-технической конторе отменили, как не оправдавший надежд. С этой даты катер № 1 снова официально числится у Сарапульского леспромхоза [11, л. 232]. Приказ № 432 от 14 октября 1935 г. закреплял флот для зимнего ремонта, по нему катер № 1 у Сарапульского леспромхоза [11, л. 152 об.].

По итогам навигации 1935 г. трест столкнулся с проблемой разнообразия конструкций имеющегося флота. Так, только двигателей имелось 18 разных систем. Таким образом, в начале 1936 г. был подготовлен проект упорядочивания имеющегося хозяйства. Относительно катера № 1 двигатель подлежал ликвидации и замене на нефтяной Болиндер [12, л. 93–94]. В ожидании нового двигателя судно предполагалось законсервировать до 1936/37 г. Однако планам не суждено было сбыться, поскольку в декабре 1936 г. лесосплавные тресты снова восстанавливались. Однако Сарапульский леспромхоз не возвращался Камлесосплаву, а переходил Удмуртлесу.

В 1936 г. в докладе о хозяйственной деятельности треста Удмуртлес, прозвучало: *«При передаче Сарапульского ЛПХ нам Уралзаплесом в числе ценностей был передан катер № 1, оборудованный двигателем “Хольт” 80 HP, настолько изношенный, что Уралзаплесом он был исключен из числа судов, пригодных к дальнейшей эксплуатации»* [29, л. 424]. Еще в 1935 г. Уралзападлес назначил катер на консервацию [31, л. 33].

В инвентарной ведомости на 1 октября 1936 г. в Сарапульском леспромхозе имеется катер № 1 балансовой стоимостью 15 810 руб., мощностью 80 л.с. (керосин) [31, л. 377]. Но в том же документе ранее катер № 1 упоминался с мощностью 60 л.с. [31, л. 32].

В инвентарной ведомости 1937 г. катер № 1 отсутствует, но в описи имущества имеется катер № 4, на борту которого присутствуют чайники, кастрюли, ведра и прочее имущество [32, л. 415]. Из этого можно сделать вывод, что судно вывели в отстой и присвоили ему № 4, скорее всего, в ожидании получения нового катера № 1. На нем указан двигатель «Хольт», что подтверждает эту догадку.

В 1938 г. произошло разукрупнение Сарапульского леспромхоза и весь флот перешел Дулесовскому мехлесопункту. В его инвентарной ведомости значится катер № 1 с длиной корпуса 15,45 м, шириной 2,4 м, высотой корпуса 1,09 м, год постройки – 1934, движитель винтовой, двигатель «Хольт» 80 л.с., топливо лигроин, степень износа 75 %, балансовая стоимость 15 810 руб. [33, л. 267–269]. По судну имеется примечание: *«При машине дежурный бакен-цистерна емкость[ю] 1200 кгр»* [33, л. 268–269]. Таким образом, можно предположить, что катер используется как склад горюче-смазочных материалов (ГСМ).

В 1939 г. катер № 1 передан Сарапульской сплавной конторе треста Камлесосплав. Его запланировали к работе в техпромфинплане на 1939 г. как катер № 1 (80 л.с.) [26, л. 6]. Приказом № 116 от 4 апреля 1939 г. о распределении флота на навигацию 1939 г. катер № 1 (80 л.с.) закреплялся за Сарапульским агентством с 1 мая и до конца навигации [4, л. 129]. Однако в графике зимнего ремонта, утвержденного приказом № 403 от 22 августа 1939 г., судно указано в Такелажно-транспортной конторе для прохождения капитального ремонта [27, л. 41]. Из этого можно сделать вывод, что № 1 навигацию не отработал и к августу уже находился в Перми, где его либо уже поставили, либо готовили к постановке в капитальный ремонт.

Приказом № 10 от 22 марта 1940 г. катер № 1 с двигателем «Интер» 30 л.с. передавался из Такелажно-транспортной конторы Сокольскому рейду [5, л. 54]. Таким образом, он прошел ремонт с заменой двигателя. В приказе № 42 от 5 апреля 1940 г. о проведении сплава катер № 1 (30 л.с.) закреплен за Сокольским агентством с 1 мая и до конца навигации [5, л. 64]. Можно предположить, что в эту навигацию по каким-то служебным делам он отправился в Куйбышев, где снова стал в ремонт. Приказом № 131 от 25 октября 1940 г. катер № 1 оставался на ремонте в Куйбышеве с передачей его с баланса Сокольского агентства Куйбышевскому [6, л. 126]. И далее до конца своей «карьеры» судно остается там.

Приказом № 51 от 8 марта 1941 г. о распределении флота на навигацию 1941 г. катер № 1 (30 л.с.) закреплялся за Куйбышевским агентством на всю навигацию [8, л. 85]. Приказом № 183 от 17 ноября 1941 г. судно упоминается у Куйбышевского агентства в связи с планируемым переводом на твердое топливо [9, л. 209]. На навигацию 1942 г. катер закреплялся за Куйбышевским агентством [10, л. 59]. Это же хозяйство к навигации 1943 г. было обязано оборудовать судно газогенераторной установкой СТЗ-3 [10, л. 310]. Из чего можно сделать вывод, что приказ предыдущего года остался нереализованным. Судно находилось в составе Куйбышевского агентства до 1947 г., при этом с 1946 г. оно числилось разъездным. В 1948 г. катера № 1 в списках не стало, очевидно, к этому времени его списали [14].

Катер № 2

Весной 1934 г. Сарапульский леспромхоз докладывал в контрольную комиссию, что *«Катер "Потемкин" 2½ года строится и до сих пор не выпущен. Стоит против конторы»* [35, л. 203]. Таким образом, можно заключить, что его заложили в конце 1931 г. Так что через 2,5 года, т.е. весной 1934 г. он все еще находился в недостроенном состоянии. После преобразования в 1932 г. Сарапульского леспромхоза в сплавной участок Камлесосплава, судно получило № 27 и все это время числилось в составе флота участка. В декабре 1934 г. после ликвидации Камлесосплава судно снова числится в составе леспромхоза, но уже у треста Уралзападлес.

После передачи всех бывших судов Камлесосплава на баланс Пермской Такелажно-технической конторы по факту в навигации 1935 г. катер № 27 по-прежнему находился в Сарапульском леспромхозе. По плану он там должен был работать с мая по октябрь [11, л. 588 об.]. Но к сентябрю 1935 г., когда вышел приказ об отмене зачисления всех судов в Такелажно-техническую контору, катер № 27 по факту уже находился в Перми [11, л. 232]. Чуть ранее приказом от 17 июня 1935 г. судно включили во вторую категорию, в соответствии с которой команде определялся размер зарплаты [11, л. 386 об.].

К октябрю 1935 г. катер № 27 снова числился в Такелажно-технической конторе в Перми как находящийся в ремонте [11, л. 152 об.]. Таким образом, можно заключить, что в 1935/36 г. в Перми про-

извели перестройку судна. В навигации 1935 г. судно числилось с двигателем Морзе 80 л.с. Его состояние признавалось плохим, и мотор предполагалось ликвидировать. Взамен судно получило керосиновый двигатель ЧТЗ 30 л.с. Сметная стоимость работ составила 18 тыс. руб. Что интересно, судно числится Сарапульской постройки 1900 г. Длина корпуса 19,5 м, ширина 3,0 м, высота борта 1,2 м [12, л. 93–94]. В связи с этим создается впечатление, что катер № 27 – это какой-то отремонтированный старый корпус из имевшихся в начале 1930-х гг. в Сарапуле.

В декабре 1936 г. восстанавливался трест Камлесосплав, но № 27 предавался тресту Удмуртлес, где он стал № 2. По инвентарной ведомости 1935 г. оно числится с длиной корпуса 12 м, шириной 1,9 м, высотой борта 1,4 м, осадкой 0,8 м порожним и 0,9 м в грузу. Материал корпуса – железо, движитель винтовой, мощность двигателя 44 л.с., грузоподъемность 1000 кг, балансовая стоимость 13 879,60 руб. [28, л. 277]. Впрочем, эти цифры явно не верные. На 13 января 1936 г. леспромхоз, отчитываясь о наличном флоте, указал мощность № 2 как 30 л.с. [21, л. 8 об.]. В инвентарной ведомости на 1 октября 1936 г. в Сарапульском леспромхозе имеется катер № 2 балансовой стоимостью 13 879 руб. 60 коп., мощностью 30 л.с. (керосин) [31, л. 377].

В инвентарной ведомости 1937 г. катер № 2 имеет длину корпуса 9,25 м, ширину 2,44 м, высоту борта 1,25 м. Год постройки не указан, материал корпуса – дерево, движитель винтовой, мощность 30 л.с., степень износа 87 %, балансовая стоимость 13 879 руб. 60 коп. [32, л. 520–521]. Как видно, характеристики по ведомостям не совпадают. Ошибочный явно 1936 г., т.к. у катера № 2 повторяются характеристики катера № 35. В 1938 г. произошло разукрупнение Сарапульского леспромхоза и весь флот перешел Дулесовскому мехлесопункту. В его инвентарной ведомости значится катер № 2 с длиной деревянного корпуса 9,25 м, шириной 2,44 м, высотой корпуса 1,25 м. Год постройки – 1934, движитель винтовой, двигатель СТЗ 30 л.с., топливо керосин, степень износа 80 %, балансовая стоимость 13 879 руб. 60 коп. [33, л. 267–269].

В 1939 г. катер № 2 передан Сарапульской сплавной конторе треста Камлесосплав. Его запланировали к работе в техпромфинплане на 1939 г. как катер № 2 (40 л.с.) [26, л. 6]. Приказом № 116 от 4 апре-

ля 1939 г. о распределении флота на навигацию 1939 г. катер № 2 (30 л.с.) закреплялся за Сарапульским агентством с 1 мая и до конца навигации [4, л. 129]. На следующий год приказом № 42 от 5 апреля 1940 г. о проведении сплава катер № 2 (30 л.с.) снова закреплялся за Сарапульским рейдом с 1 мая и до конца навигации [5, л. 64]. Но в отчете конторы за 1940 г. указано: *«В период навигации, после проведения основных формировательных работ, т.е. с 3 сентября, катер № 2 был отправлен Сокольскому агентству, где и закреплен на навигацию 1941 г.»* [36, л. 7–7 об.]. Приказом № 131 от 25 октября 1940 г. катер № 2 оставался на ремонте в Соколках с передачей его с баланса Сарапульского рейда Сокольскому агентству [6, л. 126]. Приказом № 51 от 8 марта 1941 г. о распределении флота на навигацию 1941 г. судно закреплено уже за Сокольским агентством на всю навигацию [8, л. 85].

Но на навигацию 1942 г. катер № 2 закреплялся за Камским лесоперевалочным комбинатом [10, л. 59]. Можно предположить, что Сокольское агентство, как и ранее Сарапульское, не смогло своими силами привести судно в эксплуатационный вид. А поскольку далее оно пропадает из списков, можно предположить, что его закрепили за комбинатом для разукомплектования и утилизации.

В том же 1942 г. в составе Сталинградского агентства Камлесосплава числится катер № 2. Но по факту это был пароход с мощностью машин в 116 л.с., для упорядочивания номеров в том же году получивший новый № 53 и погибший в ходе Сталинградской битвы [14].

Катер № 3

История катера Сарапульского горперевоза начинается в операционном 1927/28 г., когда было запланировано приобретение буксирного баркаса. Судно в этом году не приобрели, а вот в отчете за 1928/29 г. значится: *«В текущем году вошла в эксплуатацию [введены]: 1 моторка по обслуживанию пассажиров на остров…»* [16, л. 1]. Учитывая, что в этом году на увеличение баланса пошло в том числе 835 руб. 70 коп. на *«моторную лодку с мотором»* [16, л. 4], это, таким образом, получается стоимость покупки. Поскольку именно в это время в последний раз упоминается катер «Пионер», вполне вероятно, что это может быть он.

В следующем 1929/30 операционном году в статье капитального ремонта значились 100 руб. на ремонт катера «Моторка» [16,

л. 48 об.]. Из этого можно предположить, что под этим названием судно и проходило. Частично уточнить эту информацию можно в приказах по личному составу. 3 июня 1929 г. в приказе № 150 впервые была упомянута моторная лодка «Моторка». Мотористам всех трех судов вменялось в обязанность следить за исправностью примусов и вести их техническое обслуживание [15, л. 59 об.]. Таким образом, «Моторка», скорее всего, приобретена зимой 1928/29 г. Какие-то детали по судну не даются. Лишь в отчете за 1932 г. упоминается, что горперевоз имеет четыре самоходных судна с суммарной мощностью 73 л.с. [18, л. 127]. Учитывая, что катер «Волна» имел 24 л.с., «Привет» – 6 л.с., а «Икегай» 36 л.с., получается, что мощность «Моторки» составляла 7 л.с. В промфинплане на 1932 г. даются годовые суммы затрат на имеющиеся катера. Относительно катера № 4 «Моторка»: в команде значатся два помощника машиниста и два матроса (всего 4 чел.) [17, л. б/н]. Получается, что судно имело два человека команды при двухсменной работе. Что касается номеров катеров, они, по-видимому, не прижились, и далее все суда по-прежнему упоминаются под своими прежними наименованиями.

В отчете 1933 г. в хозяйстве снова указаны четыре самоходных судна с мощностью 73 л.с. [22, л. 37]. Однако, учитывая указанную мощность «Привета» в 8 л.с., на «Моторку» остается 5 л.с. Эта цифра подтверждается промфинпланом на 1934 г., где указывается мощность моторной лодки в 5 л.с. [19, л. 9]. В разделе планирования указана сумма в 4 тыс. руб. на приобретение и установку двигателя в 10 л.с. на моторную лодку (период с 1 января по 1 апреля 1934 г.) [19, л. 44 об.]. Однако эти работы не проводились.

Перспективный план развития коммунального хозяйства Сарапула на 1935 г. говорит о наличии у горперевоза одного катера в 36 л.с., одного в 24 л.с. и двух по 6 л.с. [37, л. 16]. Однако изменение мощности, скорее всего, было связано не с заменой двигателя, а с изменением норм учета.

В августе 1935 г. горперевоз передали Сарапульскому осводу, документация по которому в архивных фондах отсутствует. Хотя количество переданных судов неизвестно, имеется ответ ОСВОДа на запрос Госкомстата о наличии у него флота. Среди прочих судов там числится работающий на переправе катер «Возрождение», с железным корпусом, длиной 8,4 м, шириной 1,9 м. На судне стоит нефтя-

ной двигатель «Возрождение» мощностью 12 л.с. [21, л. 9]. Практика называть суда по марке стоявшего на них двигателя достаточно часта. Поскольку в учебнике Лобач-Жученко мощность двигателя «Возрождение» указана в 12 л.с. [13, с. 311], и это единственный тип в номенклатуре, производимый в Марксштадте республики немцев Поволжья, можно заключить, что на судне все-таки осуществили замену двигателя. Но если учесть, что «Моторка» – это возможно, бывший «Пионер», то регистрационные значения по мощности просто вернулись к первоначальным.

В отчете треста Удмуртлес за 1936 г. отмечалось, что в этом году он пополнился двумя катерами по 12 л.с., в том числе одним в составе Сарапульского леспромхоза балансовой стоимостью 13 тыс. руб. [30, л. 44]. Можно сделать вывод, что поскольку горперевоз планировал судно к продаже, ОСВОД просто реализовал эти планы, предварительно отремонтировав судно.

В инвентарной ведомости на 1 октября 1936 г. в Сарапульском леспромхозе имеется катер «Ким» балансовой стоимостью 13 000 руб., мощностью 12 л.с. (нефть) [31, л. 377]. В отчете леспромхоза за 1936 г. говорится: *«Трестом предоставлена с августа м[еся]ца мотолодка с нефтяным двигателем в 12 НР, для перевозки транзитного такелажа»* [31, л. 32].

В инвентарной ведомости 1937 г. катер № 3 имеет длину корпуса 8,0 м, ширину 2,2 м, высоту борта 1,2 м. Год постройки 1935, материал корпуса – дерево, движитель винтовой, мощность 12 л.с., степень износа 50 %, балансовая стоимость 13 000 руб. [32, л. 520–521]. Возможно, год постройки в данном случае – это год капитального ремонта.

В 1938 г. произошло разукрупнение Сарапульского леспромхоза и весь флот перешел Дулесовскому мехлесопункту. В его инвентарной ведомости значится катер № 3 с длиной деревянного корпуса 8,0 м, шириной 2,2 м, высотой корпуса 1,2 м. Год постройки – 1935, движитель винтовой, двигатель «Возрождение» 12 л.с., топливо нефть, степень износа 80 %, балансовая стоимость 13 000 руб. [33, л. 267–269].

В 1939 г. катер № 3 передан Сарапульской сплавной конторе треста Камлесосплав. По крайней мере, его эксплуатация запланирована в техпромфинплане хозяйства на 1939 г. как служебно-разъезд-

ной катер № 3 (12 л.с.) [26, л. 6]. Приказом № 116 от 4 апреля 1939 г. о распределении флота на навигацию 1939 г. катер № 3 (12 л.с.) закреплялся как служебный за Сарапульским агентством с 1 мая и до конца навигации [4, л. 129]. На следующий год в приказе № 42 от 5 апреля 1940 г. о проведении сплава катер № 3 (8 л.с.) снова закреплен за Сарапульским рейдом с 1 мая и до конца навигации [5, л. 64]. Но в отчете конторы за 1940 г. указано: *«С началом навигации катер № 3 как незаконченный ремонтом машины был сплавлен по распоряжению треста в Такелажно-Транспортную контору и в работе не был»* [36, л. 7–7 об.].

Приказом № 51 от 8 марта 1941 г. о распределении флота на навигацию 1941 г. катер № 3 (60 л.с.) закреплялся за Верхнекамской конторой на всю навигацию для проведения капитального ремонта [8, л. 84]. Очевидно, что тут речь идет о другом катере, на что указывает существенное изменение мощности. Это доказывает имеющийся акт о списании.

Акт без номера от марта 1943 г. (число пропущено) говорит о том, что специально созданная комиссия осмотрела корпус мотокатера № 3, ранее принадлежавший Сарапульскому рейду, поднятый на клети, в длительной консервации на Керчевском рейде. Регистрового номера и судового свидетельства у судна нет. Длина корпуса около 6 м, высота борта 1,6 м, осадка в грузу 0,6 м, высота надстройки 1 м. Пассажировместимость 3 чел. Машин нет, место постройки неизвестно, год последнего капитального ремонта тоже. Материал корпуса, борта, набор, палубы, надстройки – дерево. Хотя корпус находится на консервации, деревянные конструкции сильно обветшали. Катер поставлен на прикол по причине малой остойчивости, имеет ветхость в отдельных местах [7, л. 52]. Очевидно, что вскоре после этого судно списали.

Источники и литература

1. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 18.

2. ГАПК. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 1 а.

3. ГАПК. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 2 а.

4. ГАПК. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАПК. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10.
6. ГАПК. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 11.
7. ГАПК. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 13.
8. ГАПК. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 14.
9. ГАПК. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 16.
10. ГАПК. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 17.
11. ГАПК. Ф. Р-1074. Оп. 1. Д. 4.
12. ГАПК. Ф. Р-1074. Оп. 1. Д. 7.
13. *Лобач-Жученко Б.М.* Школа теплоходного механика и судового моториста. – М., Л., 1932.
14. *Митюков Н.В., Ким Ю.Л.* Флот треста «Камлесосплав» в 1939–1948 гг. // Судостроение. – 2023. – № 3. – С. 70–78.
15. СГА (Управление по делам архивов администрации города Сарапула). Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 1.
16. СГА. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 3а.
17. СГА. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 10.
18. СГА. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 11.
19. СГА. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 14.
20. СГА. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 10.
21. СГА. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 64.
22. СГА. Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 66.
23. СГА. Ф. Р-231. Оп. 3. Д. 16.
24. СГА. Ф. Р-231. Оп. 3. Д. 92.
25. СГА. Ф. Р-231. Оп. 3. Д. 197.
26. СГА. Ф. Р-409. Оп. 1. Д. 3.
27. СГА. Ф. Р-409. Оп. 1. Д. 10.
28. ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 459.
29. ЦГА УР. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 495.
30. ЦГА УР. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 497.
31. ЦГА УР. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 507.
32. ЦГА УР. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 544.
33. ЦГА УР. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 569.
34. ЦГА УР. Ф. Р-504. Оп. 1. Д. 84.
35. ЦГА УР. Ф. Р-504. Оп. 1. Д. 112.
36. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 106.
37. ЦГА УР. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 3.

N.V. Mitiukov,
Yu.L. Kim

RECONSTRUCTION OF "THE BIOGRAPHIES" OF BOATS TRANSFERRED TO THE KAMLESOSPLAV TRUST FROM THE DISAGGREGATED SARAPUL TIMBER INDUSTRY ENTERPRISE

Annotation. During the Great Patriotic War, the Kamlesosplav trust performed the strategically important task of supplying timber to farms in the lower reaches of the Volga. And since military operations were conducted on the Volga in 1942, its fleet suffered quite significant losses. But there is still no literature on the trust's participation in the war. The purpose of this work is to reconstruct "the biographies" of three Kamlesosplav boats received in 1939 from the disaggregated Sarapul timber industry enterprise.

Keywords: Great Patriotic War, shipping, Volga, Kamlesosplav trust.

УДК 94(470.343)

Э.В. Осипов

ИХ ИМЕНА ПЕРЕЖИВУТ ВЕКА: ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИЗ УДМУРТИИ

Аннотация. Статья посвящена участию Удмуртии в Великой Отечественной войне. В докладе делается акцент на героических подвигах, Героях республики, сражавшихся на разных фронтах, Героях Каракулинского района. А также говорится о вкладе республики в сохранение памяти о них.

Ключевые слова: героический подвиг, память народа, мужество солдата, освобождение территорий, Красное Знамя, памятная доска, Российское военно-историческое общество, герои своего района.

Проходят годы. Уже восемь десятилетий отделяют нас от того славного дня Победы, все меньше остается участников этой беспримерной битвы, многое стирается из памяти человеческой, многое подвергается теперь переоценке. Но никогда не померкнет в веках этот героический подвиг парода, никогда не забудутся имена тех, кто своей смертью смерть поправ, защитил наш нынешний день. Мы склоняем головы перед теми, кого уже нет среди нас, но кто вечно живет и будет жить в нашей благодарной памяти.

N.V. Mitiukov,
Yu.L. Kim

RECONSTRUCTION OF "THE BIOGRAPHIES" OF BOATS TRANSFERRED TO THE KAMLESOSPLAV TRUST FROM THE DISAGGREGATED SARAPUL TIMBER INDUSTRY ENTERPRISE

Annotation. During the Great Patriotic War, the Kamlesosplav trust performed the strategically important task of supplying timber to farms in the lower reaches of the Volga. And since military operations were conducted on the Volga in 1942, its fleet suffered quite significant losses. But there is still no literature on the trust's participation in the war. The purpose of this work is to reconstruct "the biographies" of three Kamlesosplav boats received in 1939 from the disaggregated Sarapul timber industry enterprise.

Keywords: Great Patriotic War, shipping, Volga, Kamlesosplav trust.

УДК 94(470.343)

Э.В. Осипов

ИХ ИМЕНА ПЕРЕЖИВУТ ВЕКА: ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИЗ УДМУРТИИ

Аннотация. Статья посвящена участию Удмуртии в Великой Отечественной войне. В докладе делается акцент на героических подвигах, Героях республики, сражавшихся на разных фронтах, Героях Каракулинского района. А также говорится о вкладе республики в сохранение памяти о них.

Ключевые слова: героический подвиг, память народа, мужество солдата, освобождение территорий, Красное Знамя, памятная доска, Российское военно-историческое общество, герои своего района.

Проходят годы. Уже восемь десятилетий отделяют нас от того славного дня Победы, все меньше остается участников этой беспримерной битвы, многое стирается из памяти человеческой, многое подвергается теперь переоценке. Но никогда не померкнет в веках этот героический подвиг парода, никогда не забудутся имена тех, кто своей смертью смерть поправ, защитил наш нынешний день. Мы склоняем головы перед теми, кого уже нет среди нас, но кто вечно живет и будет жить в нашей благодарной памяти.

Невелика Удмуртия, но неизмерим ее вклад в дело Победы, как неизмерим вклад любой другой области, края, республики нашей великой страны. Каждый шаг к Победе достигался усилием мысли и воли, неимоверным физическим и психологическим напряжением, мужеством духа каждого советского человека. Начиная от малых детей, собиравших колосья на жнивьях, подростков, работавших стоя на снарядных ящиках у станков, заканчивая седыми стариками, пришедшими в эти годы на заводы, фабрики, колхозные поля, строившими железную дорогу Ижевск – Балезино, и воинами, стоявшими насмерть на переднем крае фронта. Много можно говорить об участии Удмуртии в Великой Отечественной войне.

Золотыми буквами немеркнущей славы вписаны в летопись Великой Отечественной войны подвиги и имена наших земляков, сражавшихся на разных фронтах. Так воины Удмуртии вписали героические страницы в историю обороны и освобождение Северного Кавказа. В районе Анапы побережье Черного моря прикрывала 113-я отдельная стрелковая бригада, сформированная в Удмуртии. Затем она вступала в схватку с врагом в районе Армавира. В начале августа 1942 г. в районе Моздок и Малгобех дрались с врагом более полутора тысяч юношей Удмуртии, находящихся в составе 59-й отдельной стрелковой бригады. Наземные войска прикрывали летчики 9-й воздушной армии. В ее составе были прославленная летчица Герой Советского Союза Нина Захаровна Ульяненко, летчики подполковник Клюкин В.С., гвардии старший лейтенант Фонарев Л.П., гвардии младший лейтенант Яковлев В.П., капитаны Михайлов В.М., Зырянов А.Н., гвардии старшие лейтенанты Голдобин Н.И., Опалев В.Н. и др. Большую роль в боях на Кавказе сыграла Каспийская военная флотилия во главе с вице-адмиралом Федором Семеновичем Седельниковым – уроженцем г. Сарапула. Свой вклад в победу на Кавказе вписали снайперы, Герои Советского Союза, наши земляки А.Е. Ярославцев и Л.М. Павличенко. В освобождении Малой земли и Новороссийска приняло участие несколько десятков наших воинов десантников. В их числе были Н.В. Попов, Д.М. Шестаков, И.Т. Никешин, Н.Ф. Шитов, Ш.С. Садыков и др. С воздуха их поддерживали летчица Нина Ульяненко – Герой Советского Союза из г. Воткинска, летчик штурмовик В.Н. Опалев – Герой Советского Союза, ижевчанин. В центре Белграда у подножия памятника

советскому воину-освободителю покоится прах Героя Советского Союза летчика майора Михайлова В.М. – воспитанника Воткинского комсомола. Смертельно раненый в боях летчик Михайлов сумел посадить поврежденный самолет и попросил похоронить его на земле Югославии вместе с погибшими советскими воинами за освобождение братского сербского народа. Вечно будет в памяти народа имя Героя Советского Союза В.П. Зайцева из д. Лудзя Завьяловского района. Его рота первой вышла на государственную границу с фашистской Германией и водрузила там победоносное Красное знамя. Зайцев сообщил об этом радостном событии Верховному Главнокомандующему: «Я рапортую Вам по службе и по душе: 17 августа, в 6 часов 30 минут, на мою долю выпала честь первым водрузить наше победоносное Красное знамя на государственной границе социалистического Отечества...».

Удмуртская республика достойно гордится своими знатными земляками: маршалом авиации Фалалеевым Ф.Я., вице-адмиралом Седельниковым Ф.С., генерал-майором Героем Советского Союза Сабуровым А.Н., генерал-майором Героем Советского Союза Лупповым В.П., адмиралом, капитаном прославленной подводной лодки Стариковым В.Г., участвовавшей в глубоком рейде в экваториальные воды Германии и проникшей в бухту, где были сосредоточены вражеские корабли, и успешно сумевшей вырваться после выполнения своего задания, несмотря на то что бухта была перекрыта железной сеткой. Удмуртия гордится дважды Героем Советского Союза генералом авиации летчиком-штурмовиком Кунгурцевым Е.М. и другими военачальниками. Свыше 60 тыс. наших земляков награждены орденами и медалями, 105 воинам присвоено высшее звание Героев Советского Союза. Полными кавалерами орденов Славы стали 20 чел.

Великая Отечественная война нанесла большой ущерб и нашему Каракулинскому району: в бою погибло 1077 чел., 1706 пропали без вести, погибли в плену – 21, умерли от ран – 195. Память о павших должна быть священна. Отдавая почести живым, мы не должны забывать о тех, кто не вернулся с поля боя. Мы никогда не забудем своих героев, таких как Александр Андреевич Девятьяров, Павел Николаевич Кирьянов, Николай Аркадьевич Коровин, Алексей Павлович Котельников, Иван Васильевич Маслов, Вадим Алек-

сандрович Сивков – все они имеют звание Героев Советского Союза. Эти имена и имена многих героев увековечены в названиях улиц, на мемориальных досках. Бессмертным подвигом прославили наш район полные кавалеры ордена Славы Иван Степанович Глухов, Василий Ефимович Тепляков, Николай Спиридонович Третьяков.

Некоторые Герои Советского Союза из Каракулинского района:

Сивков Вадим Александрович (1925–1944). В ночь с 13 на 14 марта 1944 г. танк Сивкова ворвался в занятое немцами крупное село Явкино. Экипаж отбивался до последней возможности, после чего младший лейтенант Сивков В. и радист Крестьянинов П. погибли смертью героев, взорвав танк гранатами. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно.

Котельников Алексей Павлович (1924–1944). Родился в с. Галаново. Участвовал в крупных сражениях на Центральном, 1-м и 2-м Украинских фронтах, в битве на Курской дуге. Погиб 29 марта 1944 г. в бою за станцию Бельцы в Молдавской ССР.

Коровин Николай Аркадьевич (1920–1957). Родился в с. Галаново. Учился в Пермской военной авиационной школе летчиков, Сталинградской ВАШЛ. К 16 апреля 1944 г. на его счету было 20 боевых вылетов, за что получил орден Отечественной войны 1-й степени. После войны продолжил службу в ВВС. Погиб 8 августа 1957 г. при выполнении контрольно-сдаточного полета. 9 сентября 1957 г. за мужество и героизм при овладении новой военной техникой присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Девятьяров Александр Андреевич (1907–1985). Родился в д. Ильнеш. За годы войны совершил 91 боевой вылет. 10 апреля 1945 г. гвардии майору Девятьярову А.А. присвоено звание Героя Советского Союза.

Маслов Иван Васильевич (1912–1962). Родился в д. Пинязь. С августа 1941 г. в действующей армии. 20 мая 1945 г. в бою за расширение плацдарма на р. Одер получил тяжелое ранение, был эвакуирован в госпиталь. За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество и геройство присвоено звание Героя Советского Союза.

Кирьянов Павел Александрович (1918–1941). Родился в д. Ижболдино. С декабря 1939 по март 1940 г. участвовал в боях

с белофиннами на Карельском перешейке. За отвагу и мужество 21 марта 1940 г. присвоено звание Героя Советского Союза. С первых дней войны – командир взвода огнеметных танков 37-го отдельного разведывательного батальона огнеметов. Погиб 24 июля 1941 г.

В преддверии 80-летия Победы в Великой Отечественной войне в районах Удмуртии установили памятные доски Героям Советского Союза. Депутат Госдумы, Председатель реготделения Российского военно-исторического общества и координатор проекта «Единой России» «Историческая память» Лариса Буранова побывала на церемониях открытия их в Каракулинском и Граховском районах. На здании Быргындинского культурно-спортивного комплекса появилась памятная табличка, посвященная танкисту Павлу Николаевичу Кирьянову. На здании Ныргындинской школы установили стенд летчику-штурмовику Александру Андреевичу Девятьярову. Летчику-испытателю Николаю Аркадьевичу Коровину, уроженцу с. Галаново, доску установили на здании школы.

Церемония открытия памятной доски состоялась и в д. Мари-Возжай Граховского района. Будущий Герой Советского Союза Петр Иванович Колпаков окончил здесь 6-й класс. Воевал на Южном, Юго-Западном, Сталинградском, Донском, 1-м и 2-м Украинских фронтах. В феврале 1944 г. он одним из первых вплавь пересек р. Горный Тикич и уничтожил станковый пулемет вместе с расчетом, взял в плен 20 солдат и одного гитлеровского офицера. Участвовал в форсировании Днестра и лично уничтожил батарею 75 мм пушек.

«Мы собрались здесь, чтобы восстановить справедливость. Не у всех Героев Великой Отечественной войны – земляков нашей республики, установлены памятники или мемориалы. Надеюсь, что молодые ребята каждый день, приходя в школу, будут знать и помнить о мужестве наших предков. У каждого из них много медалей и орденов, а за ними – настоящие подвиги и желание быть нужным Родине. Задумайтесь, в Удмуртии 101 Герой Советского Союза: кто-то погиб на поле брани, кто-то вернулся с войны и продолжал строить мирную жизнь в стране. И сегодня мы живем на перекрестке времен: говоря о подвигах героев СССР, вспоминаем военнослужащих нашего времени – тех, кто «за ленточкой» снова защищает страну», – обратилась депутат Госдумы от Удмуртии (фракция «Единая Россия») Лариса Буранова к участникам митинга в д. Мари-Возжай.

Надо сказать, что при поддержке Российского военно-исторического общества и Комитета по делам архивов при Правительстве Удмуртии 22 мемориальные доски Героям Советского Союза установили в девяти муниципальных образованиях. Хочется добавить, что создание и реконструкция памятных мест, посвященных событиям и героям Великой Отечественной войны, а также проведение патриотических мероприятий соответствует целям Народной программы «Единой России» и нацпроекта «Культура», инициированного Президентом России Владимиром Путиным.

Источники и литература

1. Архивный отдел администрации МО «Каракулинский район». Ф. 138. Оп. 1. Д. 60. Л. 4; Д. 75. Л. 5.

2. *Куликов К.И.* Грани победы: очерки. – Ижевск, 2005.

3. Наши земляки. Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации, Полные кавалеры ордена Славы. – Ижевск, 1995.

4. Сайт Администрации Главы и Правительства Удмуртской Республики // URL: https://udmurt.ru/.

E.V. Osipov

THEIR NAMES WILL SURVIVE THE AGES: HEROES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR FROM UDMURTIA

Annotation. The article is devoted to the participation of Udmurtia in the Great Patriotic War. The report focuses on heroic deeds, Heroes of the republic who fought on different fronts, Heroes of the Karakulinsky district. It also talks about the republic's contribution to preserving the memory of them.

Keywords: heroic deed, people's memory, soldier's courage, liberation of territories, Red Banner, memorial plaque, Russian Military Historical Society, heroes of their district.

УДК 096.1

В.Л. Шерстнев

НАРОДНЫЙ МСТИТЕЛЬ: КОМАНДИР ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА СТЕПАН МИХАЙЛОВИЧ СЕРГЕЕВ

Аннотация. Статья рассказывает о жизни и подвиге Степана Михайловича Сергеева, командира партизанского отряда «Народный мститель» в годы Великой Отечественной войны. Материал основан на документах, хранящихся в Козьмодемьянском музейном комплексе, включая боевую характеристику и автобиографию партизана. В тексте показаны проявления мужества и отваги Сергеева в борьбе с немецкими оккупантами и важность сохранения памяти о героях войны. Особое внимание уделено сохранению и передаче исторического наследия через музейные экспонаты.

Ключевые слова: партизан, командир, отряд, полевая сумка, награды, характеристика, музей.

В г. Козьмодемьянске Республики Марий Эл работает МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс», сотрудники которого занимаются сохранением и популяризацией исторического и культурного наследия населения Марийского края.

Посещая экспозицию, посвященную защитникам страны, обратим внимание на полевую офицерскую сумку лейтенанта, участника СВО Александра Владимировича Буякова, который погиб 3 ноября 2023 г. на Украине от рук неофашистов. Можно провести параллели на примере музейного экспоната полевой сумки командира партизанского отряда «Народный мститель» Степана Михайловича Сергеева. Зав. отделом хранения музея О.В. Кораблева выдала бережно хранившуюся папку с документами партизана Великой Отечественной войны С.М. Сергеева.

Первые прочтенные документы всколыхнули в душе гордость за ветеранов, за молодое поколение защитников, воспитанных на подвигах прадедов и дедов. Полевую сумку участника СВО Александра Владимирович Буякова передала в музей его мама Галина Леонидовна Буякова вместе с военной формой и фотографией. Полевую сумку партизана Великой Отечественной войны передала музею в 1976 г. его супруга. Вот что она писала в письме:

«Уважаемая товарищ Виноградова Лия Михайловна!

Извините за столь долгие мои сборы, чтобы послать Вам то, что вы просили меня для музея с целью сохранения памяти о моем муже, участнике Великой Отечественной войны Сергееве Степане Михайловиче. Посылаю полевую сумку, он носил ее всю войну. Об этом он мне сказал, когда еще был живой.

Посылаю автобиографию, партизанскую копию боевой характеристики, фотокарточку. Если Вас это устроит, то, пожалуйста, пусть его память будет у земляков нашего района. Правда, сумка у нас хранилась с надрезом кожаной прокладки, может она устроит Вас, смотрите сами. Других вещей нет, слишком много прошло лет.

С уважением к Вам Сергеева.

11.12.1976 года» [1].

В музейной папке с документами партизана С.М. Сергеева хранится бесценный документ истории Великой Отечественной войны – боевая характеристика на комиссара партизанского отряда «Народный мститель» партизанской бригады им. Фрунзе, младшего политрука Сергеева Степана Михайловича:

«Товарищ Сергеев Степан Михайлович в партизанский отряд “Смерть немецким оккупантам” вступил 25 ноября 1941 года добровольно. В борьбе с немецкими оккупантами и изменниками Родины товарищ Сергеев С.М. проявил смелость, мужество и отвагу и неоднократно руководил самостоятельно боевыми операциями по разгрому и уничтожению немецких оккупантов.

Товарищ Сергеев С.М. проводит большую работу по росту партизанского отряда. В период с февраля по май месяц 1942 года лично товарищем Сергеевым С.М. уничтожено до 20 немецких солдат и офицеров, под его командованием пущено под откос 2 вражеских эшелона противника с живой силой и техникой. За период с мая месяца 1942 года под его руководством проведено 8 боевых операций по подрыву железнодорожного полотна в районе “Кривой” на железной дороге “Москва–Киев”. В результате проводимых операций порвано железнодорожного полотна до 1500 метров. Нарушена телефонно-телеграфная связь до 1800 метров, где товарищ Сергеев Степан Михайлович лично порвал железнодорожного полотна 800 метров и телефонно-телеграфной связи 450 метров.

В сентябре 1942 года противник силою до 3 дивизий при поддержке танков повел наступление на партизан Новлинского района Орловской области. 29 сентября в бою за Корсеевку отрядом, которым руководил товарищ Сергеев, отбито несколько атак противника, в результате чего убито до 35 солдат и офицеров противника, где лично товарищ Сергеев уничтожил до 10 немцев.

3 октября 1942 года товарищ Сергеев с взводом разгромил полицейский гарнизон в поселке Думча, где отбито 35 подвод противника, взято в плен 9 полицейских, кроме того, захвачены трофеи: три ручных пулемета и 5 винтовок, лично товарищ Сергеев уничтожил 6 полицейских солдат.

22 января 1943 года, будучи командиром 7-й роты товарищ Сергеев участвовал с ротой в обороне партизанского лагеря партизанской бригады «Смерть немецким оккупантам». В результате 3-дневных боев под руководством товарища Сергеева ротой уничтожено до 35 солдат и офицеров.

С 25 февраля 1943 года товарищ Сергеев назначен комиссаром партизанского отряда «Народный мститель», где товарищ Сергеев в повседневной работе с бойцами сумел поставить на должную высоту дисциплину и порядок в отряде.

В мае месяце 1943 года противник силой до 4 дивизий, при поддержке танкового батальона и авиации повел наступление на партизан. Товарищ Сергеев будучи комиссаром отряда всегда находился с бойцами и воодушевлял своими боевыми подвигами на смертельные схватки с противником. В самых трудных условиях боя, когда отряд находился в кольце противника, все же под руководством командира и комиссара отряда в результате майских боев отряд полностью смог сохранить вооружение и живую силу и уничтожил до 120 солдат и офицеров.

Товарищ Сергеев во всех лично руководимых операций показывает образцы мужества и отваги в борьбе с немецкими оккупантами и изменниками Родины. Товарищ Сергеев за проявленное мужество и отвагу в борьбе с немецкими оккупантами награжден орденом «Знак Почета» и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Товарищ Сергеев политически грамотный и выдержан, морально устойчив, партии Ленина–Сталина предан.

п/п : Командир партизанской бригады капитан Бляхман

Комиссар партизанской им. Фрунзе, старший лейтенант им. Фрунзе Черканов

Начальник штаба партизанской бригады им. Фрунзе лейтенант Гашков» [1].

Боевая характеристика партизана товарища Сергеева, сегодня является примером для молодого поколения, это и своеобразный показатель того, какой огромный вклад внесли народы Советского Союза в освобождение своей страны от фашизма, какой дорогой ценой досталась Великая Победа.

Музейные документы позволяют сегодня проследить и дальше судьбу товарища Сергеева. В папке хранится его автобиография за 1961 г.:

«Автобиография Сергеева Степана Михайловича

Сергеев Степан Михайлович родился 21 декабря 1916 года в семье крестьянина. Родители занимались хлебопашеством. В 1930 году окончил Еласовскую семилетнюю школу, а в 1932 году окончил 2-й курс Лесотехнического техникума в г. Козьмодемьянске. С 1932 года по 1936 год работал в колхозе им. Коминтерна Еласовского района. В июле 1936 года Еласовским РК ВЛКСМ был направлен в Тамбовскую объединенную кавалерийскую школу им. I Конной Армии, где прослужил до марта месяца 1937 года, а затем по болезни из этой школы был отчислен. С апреля 1937 года по май 1938 года работал секретарем Еласовского сельского совета, а с мая 1938 года по октябрь 1939 года работал налоговым агентом Еласовского райфинотдела. В октябре 1939 года Еласовским РВК был призван на действительную военную службу и был зачислен в 30-й стрелковый полк 64-й стрелковой дивизии города Смоленска, где прослужил до 22 июня 1941 года. Великую Отечественную войну встретил 22 июня 1941 года на западной границе в составе 30-го стрелкового полка 64-й стрелковой дивизии и в боях с немецкими оккупантами провоевал до октября 1941 года. В октябре 1941 года 30-й стрелковый полк, 64-я стрелковая дивизия в том числе и другие воинские части, были окружены и в ноябре 1941 года в тылу врага организовали партизанское движение. Первоначально был помощником командира партизанского отряда «Народные мстители» по разведке и диверсии, а затем команди-

ром партизанской роты и последние 8 месяцев комиссаром партизанского отряда им. «Народные мстители» Павлинского района Брянской области. После освобождения территории Брянской области частями Советской армии, нам как участникам партизанского движения в тылу врага командованием Объединенного штаба партизанского движения Орловской области был представлен краткосрочный отпуск с выездом на родину.

После окончания отпуска 3 декабря 1943 года Еласовским РК КПСС был направлен на работу в органы НКВД, где проработал до 29 марта 1961 года. За проявленное мужество и отвагу в борьбе с немецкими оккупантами Советским правительством награжден орденами: Красной Звезды, «Знак Почета» и медалями: «Партизану Отечественной войны I степени», «За победу над Германией». Репрессиям не подвергался, в плену у немцев не был. Родственники также репрессиям не подвергались.

Мать – Сергеева Мавра Васильевна, 76 лет, проживает в Еласах МАССР.

Жена – Сергеева Анна Петровна, 1923 г. рождения работает в промторге бухгалтером.

26 мая 1961 года» [1].

Пройдут годы, десятилетия, многое забудется в людской памяти, но музейные экспонаты, на первый взгляд ничем не приметные, вдруг так тебя зацепят, пробьют слезу, что память снова вернется к героям прошедшей войны.

Источники и литература

1. Научно-вспомогательный фонд, КХИМ (Козьмодемьянский художественно-исторический музей). Папка Сергеев Степан Михайлович.

V.L. Sherstnev

THE PEOPLE'S AVENGER: COMMANDER OF THE PARTISAN DETACHMENT STEPAN MIKHAILOVICH SERGEEV

Annotation. The article tells about the life and exploits of Stepan Mikhailovich Sergeev, commander of the partisan detachment "People's Avenger" during the Great Patriotic War. The material is based on documents stored in the Kozmodemyansk museum complex, including combat characteristics and autobiography of the partisan. The text shows the manifestations of Sergeyev's courage and bravery in the fight against the German invaders and the importance of preserving the memory of the war heroes. Special attention is paid to the preservation and transmission of historical heritage through museum exhibits.

Keywords: partisan, commander, squad, field bag, awards, characteristics, museum.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиева Вилоят Ренатовна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Правовые и гуманитарные науки», Ташкентский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Ташкент, Узбекистан).

Ануфриев Александр Валерьевич – старший преподаватель кафедры истории России, старший научный сотрудник научно-исследовательской части, Иркутский государственный университет (г. Иркутск).

Араловец Наталья Аркадьевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва).

Атеняева Юлия Владимировна – студент Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (г. Саранск).

Ащеулов Олег Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и экономической теории, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Москва).

Бахтин Александр Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин и методики их преподавания, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Бегоутова Мария Александровна – преподаватель истории, Починковский сельскохозяйственный техникум (с. Починки, Нижегородская область).

Белков Иван Дмитриевич – стажер-исследователь научно-исследовательской части, Иркутский государственный университет (г. Иркутск).

Белова Яна Сергеевна – магистрант Педагогического института им. В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет (г. Пенза).

Бимеева Альфия Равилевна – старший научный сотрудник Института истории и культуры региона, «Ленинский мемориал» (г. Ульяновск).

Бусыгин Петр Иванович – начальник Центра патриотического воспитания, Марийский государственный университет, руководитель Регионального отделения Поискового движения России в Республике Марий Эл (г. Йошкар-Ола).

Бутрин Егор Сергеевич – кандидат исторических наук, главный археограф, Государственный архив Ивановской области (г. Иваново).

Бухарин Андрей Сергеевич – студент инженерного факультета, Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева (г. Нижний Новгород).

Бушуев Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).

Герман Роман Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД РФ (г. Ставрополь).

Гижов Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки», Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии им. Н.И. Вавилова (г. Саратов).

Грачев Анатолий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет (г. Омск).

Гребенкин Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (г. Орел).

Грицай Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории педагогики, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (г. Ярославль).

Гришакова Лариса Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург).

Гусарова Анастасия Юрьевна – главный архивист Научного центра, Государственный исторический архив Чувашской Республики (г. Чебоксары).

Евтехов Роман Артурович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Еникеева Эльвира Рамилевна – магистрант юридического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Еремина Татьяна Юрьевна – старший методист кафедры предметных областей, Институт развития образования Кировской области (г. Киров).

Ермилова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, инженер сектора фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск).

Жаркова Татьяна Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки», Уральский государственный университет физической культуры (г. Челябинск).

Жигулин Илья Николаевич – аспирант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, учитель истории «Романовская школа» (г. Оренбург).

Зайнышев Азат Азаматович – студент исторического факультета, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологии (г. Стерлитамак).

Иванов Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарных наук, Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Смоленск).

Исхаков Рафаиль Лутфуллович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Ким Юрий Леонидович – соискатель кафедры экономической теории, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск).

Кирюхин Дмитрий Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки», Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева (г. Нижний Новгород).

Кирюхина Елена Михайловна – доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры «История, философия и социология», Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева (г. Нижний Новгород).

Кистанов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (г. Саранск).

Коблова Наталия Андреевна – ассистент кафедры «История России и методика преподавания истории», Пензенский государственный университет (г. Пенза).

Коршунова Кристина Николаевна – специалист по учебно-методической работе, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва).

Костюхина Марина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкового и литературного образования ребенка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Кошкина Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Кривошеенко Глеб Александрович – экскурсовод, сотрудник, Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» (г. Волгоград).

Кудрявцев Алексей Николаевич – научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Кузьменко Даниил Денисович – магистрант Педагогического института им. В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет (г. Пенза).

Кузьмин Владислав Андреевич – учитель истории и обществознания, Лицей № 21 (г. Химки).

Ладина Анастасия Сергеевна – директор филиала Департамента по работе с регионами Общероссийской общественно-государственной организации «Российское общество «Знание» (г. Йошкар-Ола).

Леханов Павел Олегович – младший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Лубошникова Юлия Сергеевна – магистрант Педагогического института им. В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет (г. Пенза).

Мамяченков Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург).

Махновская Маргарита Вадимовна – студент факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (г. Москва).

Митюков Николай Витальевич – доктор технических наук, ведущий научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Ижевск).

Назаренко Никита Павлович – студент исторического факультета, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург).

Назаров Равшан Ринатович – кандидат философских наук, доцент кафедры «Правовые и гуманитарные науки», Ташкентский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Ташкент, Узбекистан).

Некрасов Сергей Александрович – старший преподаватель кафедры финансов, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск).

Никитенко Сергей Дмитриевич – аспирант кафедры всеобщей истории, Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва).

Новожилов Степан Алексеевич – преподаватель кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Осипов Эдуард Витальевич – учитель немецкого языка, Быргындинская СОШ (д. Быргында, Удмуртская Республика).

Оськин Максим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин, Международная полицейская академия ВПА (г. Тула).

Паршина Вера Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История России и методика преподавания истории», Пензенский государственный университет (г. Пенза).

Пашина Екатерина Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).

Первушкин Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры «История России и методика преподавания истории», Пензенский государственный университет (г. Пенза).

Першина Юлия Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь научно-проектного отдела, Кировский областной краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Киров).

Петров Олег Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Полугодин Андрей Дмитриевич – кандидат исторических наук, учитель истории, СОШ № 50 (г. Калуга).

Попов Ярослав Денисович – аспирант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург).

Пуневский Ярослав Викторович – ассистент кафедры гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет (г. Москва).

Разиньков Михаил Егорович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова (г. Воронеж).

Сапожникова Виктория Павловна – аспирант кафедры истории России, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (г. Саранск).

Свечников Сергей Константинович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Сергеева Алевтина Николаевна – начальник отдела использования документов, Государственный архив Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола).

Силина Карина Владимировна – студент направления подготовки «Экономика», Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Смоленск).

Скворцова Лариса Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (г. Саранск).

Смирнова Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Стариков Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Суздальцев Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, преподаватель истории, школа № 1381 (г. Москва).

Тайгильдин Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Тишина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и политологии, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского (г. Брянск).

Толмачева Анна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (г. Красноярск).

Федотова Татьяна Юрьевна – студент историко-географического факультета, боец поискового отряда «Георгиевская лента», Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Федулин Никита Сергеевич – ассистент кафедры отечественной истории, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Харитонова Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Шалахов Евгений Геннадьевич – экскурсовод музейной части, «Замок Шереметева» (пгт Юрино, Республика Марий Эл).

Шерстнев Владимир Леонидович – ученый секретарь, Козьмодемьянский музейный комплекс (г. Козьмодемьянск).

Шубников Юрий Борисович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Шулдяков Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент 1-й кафедры (технического обеспечения и тактики), Омский автобронетанковый инженерный институт – филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева Министерства обороны Российской Федерации (г. Омск).

Шумилов Евгений Николаевич – кандидат исторических наук (г. Пермь).

Южаков Андрей Владимирович – председатель Иркутского регионального отделения Российского военно-исторического общества (г. Иркутск).

Юсупова Лейсэн Яркеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологии (г. Стерлитамак).

Якунина Яна Сергеевна – студент исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (г. Красноярск).

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Выпуск VII

Материалы VII Всероссийской
научно-практической конференции,
г. Йошкар-Ола, 12–13 ноября 2025 года

Авторы несут ответственность за достоверность предоставленной информации, содержание научных статей, цитирование и использование иллюстративного материала.

ISBN 978-5-94950-141-2

Редактор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Дизайн обложки *В.В. Безденежных*

16+ Знак информационной продукции
согласно ФЗ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Оригинал-макет подготовлен к печати в МарНИИЯЛИ.
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44.
Телефон: (8362) 64-19-28, 45-25-41
Т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 06.11.2025. Формат 60x84/$_{16}$.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 34,88. Печать офсетная.
Заказ № . Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «Стринг»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
корпус 101А, помещение 12-12А

